

Тени

Дж.Р.
Уорд

Серия
«Братство Черного
Кинжала»

Трэза «Латимера» на самом деле не существует. И не только потому, что личность была создана для ведения дел на криминальной стороне человеческого мира.

Проданный ребёнком своими родителями Королеве с'Хисбе, Трэз бежал с Территории Теней и годами скрывался Колдвелле, штат Нью-Йорк, пытаясь избежать судьбы покорного секс-раба... и зарабатывая на жизнь сутенерством и насилием. Ему не на кого положиться... кроме айЭма, его брата.

Главная задача айЭма – уберечь своего брата от саморазрушения, и он терпит крах в своей миссии. Ситуация начала улучшаться только с приходом Избранной Селены в жизнь Треза... но было поздно. Пришел срок исполнить долг – жениться на дочери Королевы, и от этого не скрыться, не поможет ни бегство, ни уговоры.

Зажатый между желаниями своего сердца и судьбой, которую он не выбирал, Трез встает перед выбором – подвергнуть опасности себя и других... или навсегда покинуть любимую женщину. Но все меняет страшная трагедия. Стоя перед эмоциональной бездной, Трезу предстоит найти причину, ради которой стоит рискнуть своей душой... или потерять её навсегда. И айЭм, во имя братской любви, сталкивается с необходимостью неизбежной жертвы...

-
- [Дж. Р. Уорд](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)

- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)
- [Глава 59](#)
- [Глава 60](#)
- [Глава 61](#)
- [Глава 62](#)
- [Глава 63](#)
- [Глава 64](#)
- [Глава 65](#)
- [Глава 66](#)
- [Глава 67](#)
- [Глава 68](#)
- [Глава 69](#)
- [Глава 70](#)
- [Глава 71](#)
- [Глава 72](#)

- [Глава 73](#)
- [Глава 74](#)
- [Глава 75](#)
- [Глава 76](#)
- [Глава 77](#)
- [Глава 78](#)
- [Глава 79](#)
- [Глава 80](#)
- [Глава 81](#)
- [Глава 82](#)
- [Глава 83](#)
- [Глава 84](#)
- [Глава 85](#)
- [Глава 86](#)
- [Глава 87](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)

- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)

- [79](#)
 - [80](#)
 - [81](#)
 - [82](#)
 - [83](#)
 - [84](#)
 - [85](#)
 - [86](#)
 - [87](#)
 - [88](#)
 - [89](#)
 - [90](#)
 - [91](#)
 - [92](#)
 - [93](#)
 - [94](#)
 - [95](#)
 - [96](#)
 - [97](#)
 - [98](#)
 - [99](#)
 - [100](#)
 - [101](#)
 - [102](#)
 - [103](#)
 - [104](#)
 - [105](#)
 - [106](#)
 - [107](#)
 - [108](#)
 - [109](#)
 - [110](#)
 - [111](#)
 - [112](#)
 - [113](#)
 - [114](#)
 - [115](#)
 - [116](#)
-

Дж. Р. Уорд
Братство Черного Кинжала,
книга 13 «Тени»

Перевод: РыжаяАня, Naota, Eva_name

Редактура: Tor_watt, Seyadina, Андрованда

Перевод осуществлен на сайте <https://vk.com/jrward>

Территория с'Хисбэ, Королевский Дворец

Он шел, оставляя за собой следы красного цвета. Красного, как бирманский [\[1\]](#) рубин. Красного, как очаг камина. Красного, как раскаленный гнев в глубине его души.

Это была его, Трэзлафа, кровь, но он не чувствовал боли.

Орудие убийства – нож для чистки овощей из стерлингового серебра длиной с его ладонь и шириной с палец – все еще лежало в его руке. С него капала кровь, но не эти следы Трэзлаф оставлял позади себя. Его ранили в сражении. Бедро. Нога. Может, и плечо, он не был уверен.

Коридор, высотой до небес, уходил на милью вперед, и Трэз не знал, что ждало его в конце. Он молился, чтобы это была дверь. Там должна быть какая-нибудь дверь... это путь из дворца, значит, должна быть... дверь. А когда он доберется до нее? У него не было идей, как взломать панель. Но он также не знал, как убить другое живое существо, но сделал это несколько минут назад.

Более того, он даже не представлял, что ждет его по ту сторону дворцовых земель и как ему перебраться через оградительные стены Территории. Без мыслей – куда податься, как быть. Он знал лишь одно – что больше не может находиться в этой клетке. Роскошной, с шелковыми простынями на пуховых перинах, ванной размером с бассейн, личным поваром. У него в распоряжении были книги выдающихся умов среди Теней и полная команда специалистов – целителей, купальщиков, тренеров. А его одежда? Сейчас порванные, его облачения были усеяны драгоценными камнями из сокровищницы, бриллианты, изумруды и сапфиры покрывали мантию до пят.

Но его тело считалось большей драгоценностью, чем эти камни.

Трэз был огромным жертвенным ягненком, призовым разводным скакуном, мужчиной, чья карта рождения указывала на то, что ему суждено стать отцом следующему поколению королев.

Его сексуальными услугами еще не воспользовались. Всему свое время, когда Принцесса достигнет своей астрологической зрелости.

Трэз оглянулся через плечо. Его никто не преследовал, но ситуация изменится, как только обнаружат скрюченное тело охранника, которого он одолел... весьма скоро. Наблюдение велось беспрестанно.

Если бы он только мог...

Прямо перед ним дверь, сливавшаяся со стеной, отъехала назад, и на его пути встала огромная фигура в черной мантии.

Лицо с'Экса, палача Королевы, было укрыто металлическим плетением капюшона. Но нет нужды видеть его лицо.

Его голос, низкий и злобный, источал неприкрытую угрозу:

– Ты убил одного из моих людей.

Трэз резко остановился, длинные одежды, тянувшиеся позади него, осели на пол. Он опустил взгляд на нож в своей руке, прекрасно понимая, что это хрупкое оружие нисколько не поможет ему против Тени, с которой он столкнулся лицом к лицу. Серебряное лезвие было предназначено для нарезания персиков и яблок, а не мяса.

А палач был из другого теста, нежели тот охранник.

– Ты пытаешься уйти. – с'Экс не сделал и шага вперед, но, казалось, приблизился. – С моей

точки зрения, это не просто неприемлемо, а противоречит закону.

– Тогда убей меня в наказание, – ответил Трэз усталым голосом. – Разорви на части и похорони куски за пределами Территории как предателя, коим я являюсь.

– Так бы я и поступил. За то, что ты отнял жизнь моего стража. – с'Экс скрестил массивные руки на груди. – Но твое бьющееся сердце и дыхание в легких – священны. Поэтому мне эта дорога закрыта... как и тебе.

Трэз резко закрыл глаза. Его родители были в восторге, узнав, что один из двух единоутробных братьев родился в идеальное время, предопределенное звездами мгновение, которое изменит жизнь всей семьи... благословение на их головы, несшее богатство и положение в обществе; проклятие для него, укравшее у него жизнь, которую он был вынужден прожить.

– Даже не думай об этом, – предупредил палач.

Подняв веки, Трэз обнаружил, что приставил нож к своему горлу. Его рука дрожала очень сильно, но он достаточно крепко прижал лезвие к своей коже, чтобы вскрыть артерию.

Его кровь, теплая и скользкая, ласково коснулась сжатого кулака.

Собственный смех показался Трэзу безумным.

– Мне нечего терять, не считая пожизненного приговора за то, что посмел появиться на свет.

– О, а я думаю, что есть. Нет, не отводи взгляд... ты будешь наблюдать за происходящим.

Палач кивнул в сторону открытой двери, и что-то вытолкнули...

– Нет! – закричал Трэз, его голос эхом разнесся по коридору. – Нет!

Зрение Трэза помутилось, когда он попытался поймать взгляд брата. айЭм был без сознания, его голова накренилась в бок, избитое лицо опухло так сильно, что черты были искажены. Его тело было замотано в потертую кожу, от колен до плеч, скрепленную медными хомутами. От пятен, новых и высохших старых, потемнели коричневые ремни, ушел блеск металла.

– Дайте его сюда, – приказал с'Экс.

Палач, схватив его брата, без усилий оторвал обмякшее тело айЭма от пола, словно бы поднимал бокал вина.

– Прошу... – взмолился Трэз. – Он здесь ни при чем... отпусти его...

С тошнотворной ясностью он обратил внимание на болтающиеся ноги своего брата. Остался лишь один ботинок, второй был утерян во время похищения и пыток. И обе ступни смотрели внутрь, большие пальцы соприкасались, один был направлен под неестественным углом от сломанной лодыжки.

– А сейчас, Трэз... – начал с'Экс, – неужели ты думал, что твое решение не повлияет на него? Приказываю тебе опустить нож. Если ты этого не сделаешь, я возьму это – он потряс обмякшим телом айЭма – и разбужу. И знаешь, как я это сделаю? Я возьму это, – в его руке мелькнул зазубренный нож, – и воткну в его плечо. И буду прокручивать, пока оно не начнет визжать.

Трэз попытался смахнуть слезы.

– Отпусти его. Он здесь ни при чем.

– Опустить нож.

– Отпусти...

– Мне устроить демонстрацию?

– Нет! Отпусти его...

с'Экс с такой силой ударил айЭма в плечо, что кинжал вспорол кожу и вошел в плоть.

– Провернуть? – спросил с'Экс, перекрикивая вопли. – Да? Или ты опустишь нож для

масла?

Лязг, с которым серебро приземлилось на пол, перекрывался рваным, хриплым дыханием айЭма.

– Так я и думал. – с'Экс выдернул нож, и айЭм застонал и закашлялся. Кровь каплями падала на пол. – Ты возвращаешься в свои покои.

– Сначала отпусти его.

– Ты не в том положении, чтобы требовать.

Стражи роем высыпали из потайной двери, все в черных мантиях и масках из кольчуги. Они не прикоснулись к нему. Им было запрещено. Они окружили его и двинулись вперед, подталкивая его своими телами. Насильно возвращая его в место, откуда он вырвался.

Трээ боролся с этой волной, поднимаясь на мыски, пытаясь увидеть брата.

– Не убивай его! – кричал он. – Я пойду! Я пойду... только не причиняй ему боли!

с'Экс не двигался, он держал на весу зазубренное, покрытое кровью лезвие, сверкавшее на свету. Словно думал, в какой из основных органов придется следующий удар.

– Все зависит от тебя, Трээ. Все зависит...

Что-то сломалось.

Позднее, когда белый свет, затмивший зрение Трэза, потух, и отступила волна, когда утих рев, и странная боль в руках заставила его подняться с предплечий, когда он встал на колени, то осознал, что первый страж, убитый им этой ночью, был далеко не последним.

Он осознал, что непонятным образом умудрился голыми руками убить всех, кто окружал его...

... а с'Экс по-прежнему стоял там с его братом.

Яснее, чем его убийства, четче ужаса из-за пленения айЭма, сильнее запаха крови с медным привкусом, ярко-красной, окрашивавшей не только его следы, он будет помнить тихий смех, пробивавшийся сквозь звенья кольчужного капюшона на лице палача.

Тихий смех.

Словно палач одобрял устроенную Трэзом резню.

Трээ не смеялся. Он начал рыдать, подняв окровавленные, израненные ладони к лицу.

– Астрологические карты не врут, – раздался голос с'Экса. – Ты – воплощение силы в этом мире, вполне подходящее для размножения.

Трээ рухнул на бок, приземляясь в лужу крови, камни на его одеждах впились к плоть.

– Умоляю... отпусти его...

– Вернись в свои покои. По собственной воле и не причинив боле никому вреда.

– И ты отпустишь его.

– Не один ты способен на убийства. И, в отличие от тебя, меня учили, как искусно причинять боль. Вернись в свои покои, и я не заставлю твоего брата пожалеть о том, что он появился на этот свет, как жалеешь об этом ты.

Трээ опустил взгляд на свои руки.

– Я не выбирал этого.

– Никто не выбирает свою жизнь. – Палач вздернул тело айЭма выше. – И порой люди не просят о смерти. Ты же, с другой стороны, обладаешь властью над смертью, когда дело касается этого мужчины. И как ты поступишь? Будешь бороться с судьбой, которую не в силах изменить и обречешь невинного к долгим, выворачивающим наизнанку страданиям? Или выполнишь священный долг, который многие до тебя считали великой честью и данью своему народу?

– Отпусти нас. Нас обоих.

– Это не мне решать. Все решила астрологическая карта. Твоя участь была определена

схватками у твоей матери. Ты не можешь противиться сейчас, как не мог противиться им при родах.

Трэз, наконец, попытался встать, но пол был скользким. Кровь. Кровь, которую он пролил. И когда он оказался на ногах, ему пришлось пробираться сквозь жуткие кучи тел, перешагивать через жизни, которые он не имел никакого права забирать.

Он шел, оставляя за собой следы красного цвета. Красного как бирманский рубин. Красного как раскаленный очаг камина.

И сейчас следы появлялись параллельно тем, что он оставлял на пути к выходу, который он искал так отчаянно.

Ему бы стало легче, знай он, что через какие-то двадцать лет, три месяца и одну неделю он вырвется на волю и даже задержится на свободе.

И это бы шокировало его до глубины онемевшей души, так, что он бы добровольно вернулся во дворец.

Палач был прав той ночью.

Судьба была равнодушна и влиятельна, как ветер по отношению к знамени, направляя ткань человеческого существования в нужное русло, в свою угодую и не спрашивая, чего бы хотел сам флаг.

Или о чем молил он.

Стука не было. Дверь в офис открылась так, будто кто-то влетел в нее на С4^[2]. Или Шеви^[3]. Или...

Трэз «Латимер» поднял голову, отрываясь от бумаг на столе.

– Большой Роб?

... или грушей для сноса зданий.

Когда его заместитель начальника СБ^[4] начал, заикаясь, размахивать руками, Трэз оглянулся через плечо на зеркало одностороннего видения, двадцать на десять футов, за его командной рубкой как у Капитана Кирка^[5]. Внизу располагался его новый клуб, народ бродил по реконструированному помещению бывшего товарного склада, и каждый из этих больных ублюдков приносил пару сотен долларов прибыли, в зависимости от своих пороков и того, сколько им требуется для их удовлетворения.

Была ночь открытия «тЕнЕй», и он ожидал неприятностей.

Но не таких, чтобы прожженный вышибала превратился в двенадцатилетнюю девчонку перед ним.

– Мать твою, да что происходит? – требовательно спросил он, вставая с кресла и подходя к парню.

– Я... ты... я... чувак... он...

Связал бы ты уже два слова, подумал Трэз. Иначе мне придется дать тебе пару затрецин, чтобы развязать язык.

– Ты сам должен увидеть это, – наконец выдавил вышибала.

Трэз вышел вслед за Большим Робом и бегом спустился по лестнице. Дверь в его офис закрывалась сама, хотя не то, чтобы он хранил там какие-то секреты. Однако там стояла парочка добротных кожаных диванов и система видеонаблюдения, которые уйдут на «иБэй» с молотка... к тому же, он в принципе не любил видеть кого-то на своей территории.

– Молчаливый Том сдерживает проблему, – Большой Роб перекрикивал шум, когда они оказались на первом этаже.

– Словно речь об утечке химикатов?

– Я не знаю, что это.

Песня Т.И. «Дело в деньгах» гремела настолько громко, что образовывала в воздухе барьер, через который Трэзу пришлось буквально продираться, проходя мимо охранника, сторожившего вход в коридор с приватными зонами.

Как и в его другом клубе, «Железной Маске», для его клиентов здесь тоже были уголки под названием «Никому не дозволено наблюдать». В Колдвелле, штат Нью-Йорк, весьма накладно заведовать притоном для шлюх, да так, чтобы голые задницы не мелькали на публике.

– В конце, – сказал Большой Роб.

Молчаливый Том представлял собой стену, закрывавшую вход в третью приватную комнату. Но Трэзу не требовались демонстрации, чтобы сложить два плюс два, с этим прекрасно справился его нос.

Тошнотворная сладкая вонь от лессера заполнила коридор, перекрывая сплошной запах пота и секса.

– Я посмотрю, – сказал он мрачно.

Молчаливый Том отошел в сторону.

– Все еще шевелится. Чем бы оно ни было.

Да, вполне вероятно, что шевелится. Тех ублюдков можно убить лишь определенным образом, иначе они будут жить вечно... даже нарезанные на кусочки.

– Нам нужно вызвать скорую, – сказал Большой Роб. – Это сделал я. Я не собирался, но...

Трэз поднял руку.

– С тобой все в порядке. Все нормально. И не торопись вызывать девять-один-один.

Открывая дверь, он поморщился от стоявшей вони, а потом зашел в комнату десять на десять футов. Стены и пол были выкрашены в черный, потолок – зеркальный, с одной утопленной лампой высоко наверху. Убийца свернулся в дальнем углу под встроенной скамьей для секса, он стонал, истекая масляной кровью, которая пахла как падала вперемешку со свежее испеченным овсяным печеньем и присыпкой от «Джонсон&Джонсон»^[6].

Тошниловка. И, опять же, он с отвращением вспомнил о Миссис Филдс^[7], чего совсем не оценил... и детях, на которых ему было плевать.

Он посмотрел на часы.

Полночь. Хекс, его глава службы безопасности, наслаждалась редким выходным со своим мужчиной, Джоном Мэтью... и Трэз вынудил женщину взять перерыв, потому что этот день был единственным на неделе, когда он не вышел на смену вместе с Братством Черного Кинжала.

Ему придется самому с этим разбираться.

Трэз вышел в коридор.

– Итак, что произошло?

Большой Роб осторожно показал ему пригоршню целлофановых пакетиков с порошком и пачку бумажных купюр.

– Мы обнаружили, как он толкает это. Он начал огрызаться. Я вlepил ему разок, он кинулся в ответ... он дрался, как разъяренный медведь, а когда достал нож, я понял, что попал. Я сделал то, что был должен.

Трэз выругался, узнав символ, напечатанный на пакетиках с героином. Знак не имел отношения к людям... и он видел его во второй раз.

Это вампирский Древний язык... и снова с этим появился лeссер. И в этот раз дилер?

Он взял наркотики и спрятал в карманах, оставляя вышибале наличку.

– Повезло, что тебя не прикончили.

– Я позвоню в полицию. Все есть на записи.

Трэз покачал головой.

– Мы не станем влещивать ОПК^[8].

– Мы не можем просто оставить его здесь. – Большой Роб оглянулся в сторону своего немого напарника. – Он умрет.

За долю секунды он подчинил себе мозги парней. Обоих. Будучи Тенью, Трэз, как и любой вампир, мог влeзть в мозжечок и перетасовать мысли и воспоминания, словно мебель в гостиной.

Или вообще выкинуть из дома старье.

Тело Большого Роба мгновенно расслабилось, и он кивнул:

– Да, конечно. Мы будем здесь. Без проблем, босс... и не волнуйтесь, я понял, что вы не хотите, чтобы сюда входили.

Трэз хлопнул парня по спине.

– Я всегда могу на тебя положиться.

На обратном пути к офису Трэз не переставал ругаться. Он был у Братьев несколько месяцев назад, когда впервые обнаружил убийцу с этим символом. И он собирался докопаться до сути. Но

на его пути встала жизнь, вещи вроде преследовавших его с'Хисбэ, Селена...

Одна мысль об Избранной заставила его закрыть глаза и споткнуться на ступенях.

Но потом он отмахнулся от острой боли. Либо так, либо потеряться в черной дыре. Были и хорошие новости: последние девять месяцев он пытался оторвать свои мозги, свои чувства и душу от всего, что было связано с Селеной.

Поэтому он давно привык к подобному пауэрлифтингу.

К несчастью, она постоянно занимала его мысли, он словно страдал от легкой лихорадки, которая отказывалась уходить, сколько бы он ни спал и не старался правильно питаться.

В некоторые ночи это переходило рамки простой озабоченности, поэтому он покинул особняк Братства, вернувшись в квартиру в Коммодоре.

В конце концов, связанный мужчина может быть опасен, и на это нисколько не влиял факт, что он не был со своей женщиной – и не мог быть с ней. Особенно когда она кормила воинов, которые по тем или иным причинам не имели возможности взять вену своих супругов.

Чистое безумие.

Она была целомудренной служительницей Девы-Летописицы, а он – исправившимся сексоголиком, приговоренным на жизнь в заключении... и все же, согласно мнению его члена и яиц, это было рецептом настоящей любви.

Ага. Справедливое сочетание.

Боже, он почти радовался тому, что в одной из его комнат для секса лессер истекал кровью. По крайней мере, сейчас у него была бомба, требующая разминирования... уж лучше созерцания анонимной толпы незнакомцев, которые утоляли свои собственные пагубные привычки, благодаря женщинам и алкоголю, которых он продавал.

Пока он сам ждал, когда с ним случится очередная неприятность.

Рейдж бросил взгляд поверх «Колдвелл Курьер Жорнал». Со своей наблюдательной точки – кожаного дивана Ви и Бутча – он созерцал зрелище похлеще голого и мастурбирующего Лэсситера.

Настольный футбол^[9].

Падший ангел играл на столе Ви как истинный профи, мечась от одной стороны к другой... и осыпая самого себя оскорблениями.

– Один вопрос, – пробормотал Рейдж, устраивая раненую ногу удобнее. – Хоть одна из твоих личностей в курсе, что ты шизо-хренов-френник?

– Твоя мама такая тупая... – Лэсситер дематериализовался, появляясь по другую сторону стола, вращая прутья. – ... она думает, что калифорнийская чика^[10] – блюдо из курицы.

Зашел Ви и уселся на диван.

– Голливуд, это синдром расщепления личности^[11]. Не шизофрения.

Брат положил на стопку «Спортс Иллюстрайтед» кожаный кисет с табаком и связку бумаги для самокруток... в этот момент Лэсситер издал победный вопль.

– Ты только глянь, – пробормотал Ви под нос, – Идиот, наконец, побеждает.

Рейдж с криком попытался устроить ногу удобнее. Они с Ви оба должны быть на поле боя... но в одного лессера с ржавым ножом вселился Гордон Рамзи^[12], а Ви прострелили левое плечо.

По крайней мере, они вернутся в строй через сутки, за что спасибо Селене. Не поделись она своей веной, им бы ни за что не исцелиться так скоро... особенно с учетом того, что их шеллан не могли утолить их потребности в питании.

Полный отстой – сидеть здесь подобно двум инвалидам.

А еще и Лэсситер.

Яма почти не изменилась: куча спортивных сумок, стерео, компьютеры, настольный футбол и ТВ размером с городской парк, на котором по «СпортсЦентр» вещали о футболе и НФЛ^[13], повсюду были разбросаны пустые бутылки от «Гуся»^[14], а шмотки из гардероба Бутча уже вываливались в коридор. О, и да, из колонок гремела «Адская ночь» Скулбоя Кью^[15].

Но Яма перестала быть холостяцкой берлогой. В воздухе чувствовался запах любимого парфюма Мариссы – что-то из Шанель? – а на кофейном столике поселилась медицинская сумка Джейн. Пустые бутылки? Появились днем и вечером, и Ви все приберет перед отбоем. А еще стопки «Журнала Американской Врачебной Ассоциации» и «Пипл».

На кухне, кстати, чистота и порядок, в чаше всегда лежали свежие фрукты, а холодильник был полон, причем не только остатками из «Арби»^[16] и упаковками с соевым соусом.

Рейдж засунул свой нос в «Фриджидайр» сразу, как зашел в Яму, и выудил полгаллона мятного мороженого с шоколадной крошкой. Это было полчаса назад, а живот опять урчал. Может, пора вернуться в особняк...

Когда включился «Святой призрак» Джиззи^[17], Лэсситер начал читать.

Читать рэп.

– На хрена ты его пригласил? – спросил Рейдж... Ви как раз вытянул язык, чтобы облизать бумагу для самокрутки. – *Господи*, когда ты успел проколоть язык?!

– Я не приглашал. Он плелся за нами через весь двор. Месяц назад.

– И зачем оно тебе?

Ви лукаво улыбнулся с другого края дивана и опустил веки на свои бриллиантовые глаза.

– Джейн так нравится.

Рейдж вернулся к чтению газеты.

– Ты переборщил, мой брат.

– Будто ты бы не сделал этого, если бы захотела Мэри.

– Тебя Док Джейн *попросила*? Будто козлиной бородки на твоей морде недостаточно? Да брось.

В ответ он получил от Ви очередную порцию фирменных улыбок.

– Что дальше... – Он сосредоточился на гороскопе. – Ладно, Лэсситер, кто ты по знаку?

– Я – звезда... – падший ангел метнулся на другую сторону, – с восходящим солнцем в квадранте Поцелуй-меня-в-зад. И опережая твои вопросы: я был создан, а не рожден, поэтому никакого дня рождения.

– Я обеспечу тебе дату смерти, – встрял Ви.

– Давай начнем с футболки. – Рейдж перелистнул страницу. – Всего лишь футболка. Ангел, ты скорее удавишься, чем прикроешься? *Это* никому не нужно видеть.

Лэсситер выдержал паузу... а потом начал строить из себя Ченнига Татума^[18] на столе, весь из себя «Супер Майк»^[19] над клиенткой, издавая оргазменные стоны.

– Вот уж не думал, что буду молить о слепоте. – Ви прикрыл глаза рукой.

Рейдж свернул газету и бросил ее в Лэсситера.

– Упырь! Чтоб тебя, я же планировал однажды поиграть на этом столе...

Внезапно с мобильником случился припадок, он вибрировал у задницы Рейджа, пока тот не накренился вбок и не вытащил его из кармана кожаных штанов.

– Да? – ответил он в трубку, не посмотрев номер.

– У меня проблема, – голос Трэза был тихим.

– Что происходит?

– Полудохлый лессер в моем клубе. Я зачистил мозги своим вышибалам... особенно тому, что сражался с гадом... но долго это продолжаться не может.

Рейдж поднялся.

– Будем через пять минут.

– Спасибо, дружище.

Отключаясь, он кивнул Ви:

– Я в курсе, что у нас на двоих красная карточка, но это не боевая ситуация.

– Меня не нужно просить дважды. Куда выдвигаемся?

Лэсситер перестал тереться о стол.

– Выездное задание?

– Нет...

– Нет...

– Знаете, я могу быть полезен благодаря своим декоративным качествам.

Ви начал вооружаться. Морщась, надел кобуру с кинжалами и вложил в ножны пару острых и блестящих лезвий рукоятками вниз.

– Едва ли нам понадобится стеновой таран.

– А вдруг повезет? – Рейдж направился к двери. – Но я бы не надеялся на это.

– Я не хочу оставаться здесь в одиночестве...

– И, ангел, не настолько уж ты и декоративный.

Ночь на улице была типично-осенней, и, пока Рейдж шел через дворик ко входу огромного

каменного особняка, от холодного, бодрящего сентябрьского воздуха защипало синусовые пазухи, а под кожей зашевелился зверь.

Блин, он с нетерпением ждал, когда Мэри вернется со своей работы в «Убежище».

От всех разговоров о женщинах и языках в определенных местах... окей, там было всего три предложения, но и этого достаточно... он сильно напрягся.

Спустя десять минут, два сороковых, два кинжала и цепь в три фута длиной, он дематериализовался с Ви в мясоразделочный квартал Колдвелла, появляясь на другой стороне улицы от нового заведения Трэза. Клуб «тЕнИ» располагался в отремонтированном товарном складе, и, как и со всеми клубами Теней, перед этим на целый квартал тянулась узкая очередь, люди, словно коровы, стояли перед загоном. Гремела музыка, вспышки света и лазерных лучей пронзали стеклянные полотна, отчего место являло собой чистый психодел высотой в три этажа и с жестяной крышей.

Пока они шли к задней части, в их сторону сворачивали головы, и плевать. Человеческие женщины всегда замечали вампиров... может, дело в гормонах, может, в черных кожаных шмотках.

Бородка сто процентов не причем. Да ну.

И да, в прошлом были времена, когда он бы воспользовался этими сомнительными удовольствиями, но не сейчас. У него была его Мэри, ее более чем достаточно. У Ви была Джейн.

То есть так, Джейн и «здоровая» доза плеток с цепями.

Развратник.

Черный вход клуба представлял собой двухдверное полотно «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА» с тремя замками, и, очевидно, где-то была скрытая камера, потому что как только они подошли, вышибала открыл двери.

– Вы...?

– Ага. – Ви зашел внутрь. – Где Трэз?

– За мной.

Темные коридоры. Тупые, пьяные люди. Проститутки с большими буферами. А вот и Трэз, стоит перед черной дверью под черным светом.

Тень производил впечатление даже с расстояния в тридцать футов темного коридора. Высокий, с торсом в форме перевернутого треугольника, с массивными плечами и накачанным прессом, внушительные мышцы и длинные ноги держали его на полу. Кожа была цвета коричневатого-красного дерева обеденного стола в особняке, глаза черные как полночь, стриженные под ноль волосы. Но все это – лишь внешний фасад.

Правда в том, что он был опаснее, чем все оружие на оружейной выставке вместе взятое.

Тени были смертоносны и способны на трюки, которые производили впечатление даже на Братство... к тому же, их раса всегда держалась особняком, не покидая пределов Территории, расположенной вне города. Трэз и его брат айЭм были исключением из правил.

Это как-то связано с Ривенджем. Рейдж не вдавался в подробности.

– Где оно? – спросил Ви, пожав Тени руку.

– Внутри.

Рейдж тоже поприветствовал Тень, стиснув в жестком объятии.

– Как жизнь?

– У нас появилось затруднение. – Трэз отошел в сторону и открыл дверь. – И не то, о чем вы подумали.

«Мертвый» убийца дергался на полу, его ноги и руки медленно извивались, переломанные в нескольких местах, одна ступня была направлена в неправильную сторону, локоть выгнут под

углом, и он капитально залил пол, образовав лужу маслянисто-черной крови.

– Хорошая работа, – пробормотал Рейдж, достав из куртки «Тутси-Поп» и развернув упаковку. – Вышибала постарался?

– Большой Роб. – Трэз протянул руку. – А вот само затруднение.

В его ладони лежала кипа обычных пакетиков с наркотой...

Секунду.

Ви взял их рукой в перчатке.

– Как и те, что ты передал Бутчу?

– Они самые.

– Да, это торговля.

– Вы узнали что-то об этом?

– Бутч разговаривал с Эссейлом, и гаденьш упорно отрицает, что ведет дела с лессерами. И все. Больше ничего не произошло, и у нас были другие приоритеты, понимаешь, о чем я?

Рейдж, вгрызаясь в шоколадный центр, наклонился и лично убедился в ситуации что-за-хрень-такая. На пакете с наркотиками был красный штамп... с символом смерти на Древнем Языке.

Крих^[20].

Эссейл окажется в полной заднице, если он распространяет свой товар с помощью лессеров.

Ви пропустил свободную руку через черные волосы.

– Сейчас я понимаю, почему ты просто одним ударом не послал ублюдка назад к Омеге.

– Мой вышибала сказал, что убийца зашел с толпой и ошивался в клубе, толкая свой товар. Его попросили покинуть помещение, он стал огрызаться, напал, а потом Большой Роб его вовремя вырубил. Конкретно этот лессер здесь впервые, но это не показатель, клуб только открылся. Ключевая мысль в том, что я не позволю торговать у себя в заведении, ни людям, ни кому бы то ни было. Не хочу светиться в ОПК больше положенного...

Они продолжили разговор, Рейдж облизал белую палочку под чистую и смерил Тень взглядом.

Вмешиваясь в разговор, он требовательно спросил:

– Почему ты больше не появляешься на Последних Трапезах?

Ви зыркнул в его сторону.

– Брат мой, сосредоточься на деле.

– Нет, я серьезно. – Он прислонился бедром к черной стене. – Трэз, в чем дело? В смысле, наша еда недостаточно хороша для тебя?

Тень прокашлялся.

– Нет, да, я просто... ну, ты понимаешь, занят. Открываю этот...

– А когда ты последний раз питался? Выглядишь дерьмово.

Вишес вскинул руки.

– Голливуд, давай делом займемся...

– Знаешь, я воспользовался сегодня Селеной, и ее кровь изумительна...

Все произошло так быстро. В одно мгновение Ви отчитывал Рейджа, пока тот пытался обосновать Тени, почему ему стоит взять вену.

В следующее – ракеткоподобная лапа Трэза вцепилась в его шею, перекрывая доступ воздуха.

Обнажив зубы и зарывав так, будто Рейдж враг.

В мгновение ока, и, несмотря на серьезную плечевую рану, Вишес контратаковал Тень, врезавшись в него всем телом, а Рейдж вцепился в широкое запястье, пытаясь оторвать хватку.

Невероятно, но они ничего не добились. Даже с трехсот фунтовым весом Ви, который пытался сдвинуть Трэза, и, добавив к его усилиям всю мощь Рейджа, Тень был словно кирпичной стеной, отказывавшейся сдвигаться с места.

А потом у всех троих появилась проблема посерьезней.

Рейдж моргнул, и, когда он открыл глаза, ослепительно-яркий свет наполнил тесное, темное пространство.

– Дерьмо, – Ви стиснул зубы. – Трэз, отпусти его нахрен! У нас проблемы!

Под кожей Рейджа ожил зверь, разбуженный смертельной опасностью.

– Трэз! Отпусти!

Что-то дошло до Тени. Либо свет, либо тот факт, что черты лица Рейджа начали трансформироваться... но он немного ослабил хватку.

Ви поймал момент, отбросив Тень к блестящей двери, напрыгнув на него и прижав к яремной вене черный кинжал.

Обмякнув, Рейдж закашлялся и сделал пару глубоких вдохов. Дерьмо. Его зверь был едва управляем и в хорошую ночь, после плотной трапезы, хорошего секса и выматывающей тренировки. Но когда кто-то пытается его убить?

Даже если по чертовски обоснованной причине?

Очевидно, Тень был связан с Избранной. Потому что за подобной реакцией стояли именно мужские гормоны.

– Простите, – пробормотал Тень. – Не знаю, что на меня нашло. Клянусь жизнью брата.

– Почему ты... – Рейдж запнулся, – ...не сказал, что связан с ней?

Повисла пауза. Потом Трэз пробормотал:

– Я... дерьмо.

Ви выругался витиевато.

– Тень, ни с места, иначе я вскоре тебе горло, понял?

– Я в норме. Клянусь.

Спустя мгновение Ви подошел к Рейджу.

– Рейдж..? Брат?

Рейдж накрыл лицо руками и, скользя по стене, приземлился на задницу. Сделал вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

У них уже есть лессер в клубе.

Зверь в качестве клиента – последнее, что им нужно.

Вдох.

Выдох...

– Что с ним происходит? – спросил Трэз.

– Никогда не беси этого ублюдка, – последнее, что услышал Рейдж, прежде чем весь мир рассеялся как дым на ветру.

В самом священном коридоре Королевского Дворца с'Хисбэ с'Экс стоял по другую сторону двери без ручки, не было видно даже швов, отделявших панель от стены, в которую она была вмонтирована.

За дверью он слышал плач младенца, и звук – жалобная мольба о помощи и спасении – проникал в его уши, достигая самой души. Он положил дрожащую руку на холодную панель. Его дочь. Его дитя. Вероятно, одно-единственное в жизни.

Младенец в церемониальной комнате был не один. Там находились верховный жрец, АнсЛи, Главный Астролог и Трэтари, должность, предназначенная для наблюдения и регистрации подобных событий.

Медсестра завернула малышку в кипенно-белую пеленку из чистой шерсти перед тем, как ее принесли сюда и оставили наедине с тремя мужчинами.

Оставили плакать, прося помощи у отца, который не спасет ее.

Сердце с'Экса билось так свирепо, что он глазами чувствовал ритмичное давление. Он не ожидал от себя такой реакции, но, скорее всего, именно из-за этого его не подпустили к ребенку... и не оставили с ней наедине. С того момента, как Королева родила малышку шесть часов назад, ему разрешили увидеть дочь дважды: после того как ее умыли, и сейчас, когда ее занесли в мраморную комнату без окон и всего с одной дверью... запиравшейся изнутри.

Мгновение, в которое она родилась, определило это, требовало этого. Так предписывала традиция. Звезды выстроились таким образом, что его дочери не суждено стать наследницей престола, и значит, она должна...

Войди туда! – кричало его сердце. Останови это, останови прежде, чем...

Тихо.

Внезапно стало тихо.

Рев раненного зверя поднялся по его горлу и вырвался изо рта, и с'Экс, сжав руку в кулак, ударил по двери с такой силой, что по панели пошли трещины в форме звезды, распространяясь от центра удара.

Обезумевший от горя и смертельно-опасный, он знал, что должен уйти прежде, чем сделает что-то настолько же немыслимое, как и только что произошедшее. Путаясь в собственной черной мантии, он развернулся и двинулся по коридору. Он смутно осознавал, как врезается в стены справа и слева от себя, плечами в гладкий белый мрамор.

По неясной причине он вспомнил событие, произошедшее много ночей назад, как минимум два десятилетия, когда он ждал у выхода, что ТрээЛаф, Нареченный, попытается сбежать. Сейчас он делает то же, что делал тогда мужчина.

Убегал.

Нисколько не обретая свободу.

В отличие от Трэза, которому не позволялось покидать Дворец, с'Экс, будучи палачом Королевы, имел на то разрешение. Он также был ответственен за контроль всех входов и выходов.

Его никто не задержит.

И это спасет многие жизни этой ночью.

Тишина, ужасная, резонирующая тишина поедала его разум, пока он брел по лабиринту коридоров, приближаясь к выходу, который так искал Трээ. Тот мужчина тоже был проклят, расположение звезд в момент его рождения имело большее значение, нежели характер и воспитание.

Те созвездия, столь далекие и неведомые в момент рождения и непостижимые в зрелости, определяли все. Статус. Работу. Ценность.

И его дочь, как и Трэз, родилась под знаменем, ставшим смертным приговором.

Девять месяцев они ждали ее рождения, общество замерло, когда Королева забеременела. Великое событие, потому что в правящей династии была всего одна беременность за последние двести лет... тогда родилась Принцесса. Разумеется, тот факт, что Королева забеременела от своего палача был не таким значимым и не объявлялся публично. Лучше, чтобы это был аристократ. Двоюродный брат с королевской кровью. Мужчина, чья ценность была отмечена звездами.

Или – что еще лучше – некое непорочное зачатие.

Увы, нет. Отцом стал тот, кто когда-то начинал как слуга, позднее заслужив доверие, доступ и, намного позже, священный акт секса. Но это было абсолютно несущественно в их матриархальном обществе; о мужчине всегда думали в последнюю очередь. Результат – ребенок и мать были важнее всего.

Была вероятность, что когда ребенок появится на свет, если это будет девочка, то она может превзойти нынешнюю наследницу трона, в зависимости от расположения звезд.

Хотя такой исход привел бы к другой смерти, ведь не может существовать две наследницы престола... нынешняя принцесса была бы ритуально умерщвлена.

Все ждали новостей. Время и дату зафиксировали с высочайшей точностью, и главный Астролог удалился в обсерваторию, чтобы завершить измерения ночного неба...

с'Экс узнал судьбу своего дитя раньше всего населения, но после придворных: о рождении не будет объявлено. Королева подтвердит статус своей взрослой дочери. Все будет так, как было.

Вот как вышло: его личная трагедия оказалась похоронена под правилами королевского двора, из уважения к монаршей власти и устоявшимся астрологическим традициям.

Он с самого начала знал о вероятности такого исхода. Но по своему высокомерию или невежеству недооценил жестокость реальности.

Эту жестокую реальность.

Выскочив, наконец, в ночь, он сделал несколько глубоких вдохов и резких выдохов. Он никогда не допускал, что его личная история может пересечься с системой звездоисчисления, которая правила всем.

Очень глупо с его стороны.

Упершись руками в колени, он согнулся пополам, и его вырвало на стриженную, окрашенную траву.

Казалось, очистка желудка немного прояснила его мозги, так, что ему захотелось сделать это снова. Ему нужно сделать что-то, что угодно... он не мог вернуться во дворец... он убьет первую попавшуюся на пути Тень, только бы стереть боль.

Но его спасение сопровождалось исполнением обязанностей. Учитывая произошедшее, нужно было заняться делом, и, будучи палачом, это был его долг.

Не скоро ему удалось успокоить свой разум и эмоции, чтобы суметь дематериализоваться, и когда он смог расщепиться на молекулы, то перенес себя за стены Территории, испытывая странное сочувствие.

Он был уверен, что Королева сейчас ничего не испытывала. Благодаря звездной карте невинная жизнь, только что оборванная, была обесценена, несмотря на то, что ребенок появился из королевского чрева.

Расположение звезд намного важнее цепочки ДНК.

Так было всегда. И будет.

Несмотря на сентябрь, он летел к Колдвеллу по самой холодной ночи из всех, что он видел.

Избранная Селена вошла в учебный центр через шкаф, и, оказавшись по другую сторону, подпрыгнула, увидев за столом огромную фигуру.

Тормент, сын Харма, отвел взгляд от компьютера.

– А, привет, Селена. Сюрприз.

Она положила руку на грудь, чувствуя, как сердце восстанавливает свой ритм.

– Я не ожидала здесь никого увидеть.

Брат снова обратился к голубому сиянию экрана.

– Да, я вернулся к работе. Мы снова собираемся открыться.

– Открыть что?

– Учебный центр. – Тор откинулся на спинку самого ужасного кожаного кресла зеленого цвета, какое она только видела в своей жизни. Продолжая говорить, он поглаживал подлокотник, словно кресло было произведением искусства. – Еще до набегов у нас здесь велась хорошая программа. Но потом во время нападений убили многих членов *Глимеры*, а выжившие покинули Колдвелл. Сейчас народ потихоньку возвращается, и, видит Бог, нам нужна помощь. Общество Лессенинг свирепствует, как крысы на продуктовом складе.

– А я гадала, для чего служат эти помещения.

– Ты все увидишь собственными глазами.

– Может быть, – ответила она. Только если они будут действовать быстро...

– Ты в порядке? – Брат вскочил с кресла.

Мир внезапно закрутился вокруг нее, проворачивая голову вокруг ее позвоночника... или крутилась сама комната? Так или иначе, но Тормент поймал ее прежде, чем она свалилась на пол, и сгреб на руки.

– Я в порядке, все нормально... я нормально, – ответила она.

Точнее, она думала, что произносила эти слова вслух, но не знала наверняка, потому что губы Тора шевелились, и его глаза не отрывались от нее, но она не слышала его голоса. Своего. Ничего не слышала.

Она очнулась уже в смотровой комнате. Шеллан Вишеса, Джейн, с короткими светлыми волосами взирала на нее сверху вниз своими темно-зелеными глазами и выглядела крайне обеспокоенной. Лампа над головой светила слишком ярко, и Селена подняла руку, накрывая лицо.

– Прощу... в этом нет нужды...

Она внезапно осознала, что может слышать себя, и что мир, недавно приглушенный и неясный, снова обрел свою резкость.

– Честно, со мной все нормально.

Док Джейн просто уперлась руками в бедра, не двигаясь с места, словно барометр, производящий какие-то вычисления.

На мгновение Селену охватил страх. Она не хотела, чтобы они узнали, что она...

– Ты только что кормила кого-то? – спросила врач Братства.

– Примерно час назад. И я не поела. Я забыла поесть.

И это не ложь.

– У тебя есть какие-либо медицинские показания, о которых мне неизвестно?

– Нет. – А вот это ложь. – Я в добром здравии.

– Держи, – сказал Тор, вкладывая ей в руку что-то холодное. – Выпей это.

Она подчинилась, обнаружив в руке красную банку «Колы» с надписью «Поделись с

приятелем» на боку.

И напиток на самом деле взбодрил ее.

– Как хорошо.

– У тебя улучшается цвет лица. – Док Джейн скрестила руки на груди, прислоняясь к одному из шкафчиков из нержавеющей стали. – Пей все. И, может, нам стоит позвать кого-нибудь, чтобы тебя...

– Нет, – ответила она резко. – Я выполню свой долг.

Необходимость и важность ее службы здесь – давать вену Братьям и остальным, кто не мог питаться от своих женщин – единственное, что поддерживало ее. Связь с жизнью, основа важной работы, метроном дней и ночей, без нее она бы изъела себя из-за несчастной судьбы, неподконтрольной ей.

Реальность была такова, что ее время утекало сквозь пальцы... и она не знала, когда настанет ее последнее мгновение, когда она перестанет делать хоть что-то. Отчего ее служба становилась жизненно-необходимой.

Пока она пила газированную воду, наговорили много всего – терапевт спрашивала, она отвечала. Список слов не имел значения... она скажет что угодно, любую ложь, полуправду, уйдет от любого ответа, чтобы вырваться из покрытой кафелем комнаты и нанести последний визит этой ночью.

– Я должна выполнить свой долг. – Она заставила себя улыбнуться. – А потом я отдохну. Обещаю.

Спустя мгновение Док Джейн кивнула... и схватка была, наконец, выиграна.

Война же была совсем иным монстром.

– Со мной все в порядке, – сказала Селена, спрыгивая со стола. – Полностью, абсолютно.

– Ты придешь ко мне, если это повторится, хорошо?

– Безусловно. – Селена улыбнулась им обоим. – Обещаю.

Покинув смотровую комнату, она подумала, что ложь должна была тревожить ее. Но у нее больше не было роскоши обладания совестью.

Они со смертью бежали короткую дистанцию, и ничто, даже люди, которых она ценила... или любимый мужчина... не встанут на ее пути.

Для нее выживание – сольное выступление.

* * *

В это время в «тЕнЯх» Трэзу потребовалось мгновение, чтобы, прокашлявшись, вернуть гортань на место и сесть. Что можно с уверенностью сказать о Вишесе? С доминированием он справляется на «ура».

Кто бы сомневался.

Но к черту это, творившееся в углу принимало серьезный оборот.

В противоположной части комнаты для секса, Рейдж свернулся в клубок, закрыв глаза, дыхание вырывалось из открытого рта настолько ритмично, что он либо пытался загипнотизировать себя, либо впал в долбаную кому.

– Что происходит? – спросил Трээ.

– Он пытается не обратиться в монстра.

Трээ вздернул брови.

– Буквально.

– Годзилла. Только фиолетовая.

– Господи... я думал, это слухи.

– Не-а.

Ви обхватил черный кинжал и занес над плечом. Зловещим ударом Брат уничтожил лессера, вонзив лезвие в центр вражеской груди, раздалась вторая за вечер вспышка бело-голубого цвета, а потом исчезла, забрав с собой большую часть останков. Вспышке было плевать на жирное пятно на полу, но Трэз оборудовал эти комнаты водостоком в центре и шлангом, спрятанным под скамейкой.

Люди тоже ведут себя неопратно.

– Значит, ты связан, да? – сказал Ви. Сев, он принялся наблюдать за Братом как стайный волк, охранявший раненого товарища.

– Прости, что?

– Селена. Ты связан с ней.

Трэз, выругавшись под нос, потер лицо.

– А, нет. Нет, на самом деле.

– Один очень мудрый человек сказал мне... что можно лгать кому-угодно, только не себе.

– Слушай, я не знаю...

– Поэтому ты скоропалительно исчез из дома?

Трэз подумывал придерживаться тактики запудривания мозгов, но какой в этом смысл? Он только что напал на уважаемого мужчину, мужчину, который, кстати, был безнадежно влюблен в свою женщину, просто потому, что парень взял вену – и ничего больше – Избранной, обученной для оказания подобных услуг.

Если это не ставит на его лоб штамп «связанный мужчина», то он не знал, что может.

– Я просто... – Трэз покачал головой. – Да чтоб меня. Ладно, я связан... и я не могу быть рядом, пока она кормит вас всех. В смысле, я знаю, это необходимо для дела, и речь только о вене, бла-бла. Но это слишком опасно. Я способен сделать это... – он кивнул на Рейджа – ...в любую секунду.

– Она тебя не хочет? Я знаю, что Фьюри тут не причем. Он уважает тебя.

Да, у них с Праймейлом, ответственным за всех Избранных, не было проблем. Очень жаль, что дело не в этом.

– У нас ничего не получится.

– Почему?

– Мы можем вернуться к вопросу, почему у лэссера нашли наркотики Эссеяла?

– Без обид, но я только что сделал тебе большое одолжение, не превратив твою вену в фонтан. Считаешь, я не заслуживаю знать правду?

Трэз опустил взгляд на свои ладони и разжал кулак, растопыривая пальцы.

– Даже если бы я не переспал с тысячей женщин, я не совсем свободный.

– Рив сказал, что вы сполна выплатили свой долг.

– Он не имеет отношения к моему хомуту.

– И кто же держит поводок?

– Моя Королева.

Послышался долгий, низкий свист.

– В каком смысле?

Забавно, он провел столько времени с Братством, но ни разу не рассказал им о наковальне, нависшей над его головой. С другой стороны, он очень долго пытался делать вид, что ее там нет.

– Я должен обслуживать наследницу престола.

– Когда это произошло?

– С рождения. Моего.

Ви нахмурился.

– Королева в курсе, где ты?

– Да.

– Ты должен был открыться нам прежде, чем переехать в особняк. Мы в любом случае приютили бы тебя, но твой народ бывает очень разборчив относительно того, с кем контактировать. У нас достаточно проблем и без дипломатических склок с с'Хисбэ.

– Ситуация может оправдать мой поступок. – Когда телефон завибрировал в нагрудном кармане, он протянул руку и выключил его не смотря на экран. – Я застрял на нейтрале. С возможностью либо лобового столкновения с полуприцепом, либо отклониться и спасти себе жизнь.

– Селена знает об этом?

– Кое-что ей известно.

Брат склонил голову.

– Что ж, рассказывать тебе... по крайней мере, с уважением к Избранной. Но раз это касается Рофа и нашего престола? И говорить не о чем.

– Со дня на день. Я узнаю, со дня на день... Королева может родить в любую секунду.

– Я ничего не скрываю от своего Короля.

Трэз снова почувствовал звонок телефона в своем кармане, и во второй раз отключил его.

– Просто скажи ему, что моя судьба еще решается. Пока ничего не известно. Может, звездная карта ребенка не совпадет с моей... тогда я буду свободен.

– Обсудим позже.

Ненадолго повисло молчание, а потом Трэз поморщился.

– Почему ты на меня так смотришь?

Не получив ответа, он поднялся на ноги и отряхнул задницу. А те бриллиантовые глаза все смотрели на него.

– Прием? Ви... что за хрень?!

– Твое время на исходе, – сказал Брат низким голосом. – По двум фронтам.

Телефон Трэза зазвонил снова, но он бы не ответил на гребаное устройство даже при всем желании.

– О чем ты?

– Две женщины. И в обоих случаях твое время на исходе.

– Я не знаю, что ты несешь...

– Нет, знаешь. Ты точно знаешь, о чем я говорю.

Нет, потому что в его жизни сейчас всего одна тикающая бомба, слава Богу.

– Рейдж очнется сам, или ему нужна тележка для реанимации?

– Речь не о нем.

– Что ж, и не обо мне. Серьезно, ему нужна медицинская помощь?

– Нет. И мы сейчас не о нем говорим.

– Ошибся с местоимением дружище. Я не имею отношения к этому разговору.

К тому же, кто знает, если с с'Хисбэ все пойдет именно так, то, может, он подумает об их отношениях с Селеной. В конце концов, если бы он не был Нареченным, то был бы волен...

Дерьмо, он все еще будет сутенером, если только не бросит эту работу. Сутенером, завязавшим с беспорядочными сексуальными контактами. Которому потребуется терапия, чтобы пережить скверные последствия пост-травматического синдрома.

М-да. Вау. Да у нас тут Холостяк Года.

И, черт, Селена не особо скучала по нему... не ему винить ее. Его прошлое с женщинами, пусть он и перестал шляться, как только поцеловал ее, не вдохновляло на романтику. Было

откровенно отвратительным.

Месяцы воздержания едва ли исправят его старания загрязнить свою физическую оболочку...

– Мое видение о тебе, – Ви потер глаза.

– Слушай, если я тебе понадобится, я буду...

– Статуя будет танцевать для тебя.

Когда телефон Трэза зазвонил снова, он почувствовал, как все его тело покрылось мурашками.

– Со всем уважением, но я совсем не понимаю, о чем ты. Позаботься об этом Брате, сколько потребуется, здесь вас никто не побеспокоит.

– Будь. Даже когда покажется, что это убьет тебя.

– Ви, без обид, но я тебя не слушаю. Увидимся позже.

В палате учебного центра Лукас, сын Лостронга, лежал на спине на больничной койке, с подушками, подложенными под торс и голову... Его сломанное тело простиралось перед ним, словно ландшафт, изрытый бомбами, шрамы и отсутствующие части тела, которые раньше прекрасно функционировали, сейчас превратились в рагу из сплошных болезненных, немощных дисфункций.

Левая нога была серьезнейшей из проблем.

С самого момента его спасения из масляного чана, в который его заточили лессеры, он проходил «реабилитацию».

Странное слово для того, что он в действительности терпел. Официальное определение, которое он посмотрел на планшете, это восстановление кого-либо или чего-либо до прежнего состояния нормального функционирования.

После стольких месяцев физио- и трудотерапии, он с уверенностью мог сказать, что еженощные умственные и физические нагрузки, легкие и тяжелые, настолько же приближали его к прежнему Я, насколько могли быть успешны попытки повернуть время вспять. Одно он знал точно: его мучили боли, он не мог ходить, и четыре стены больничной палаты – единственное, что он видел со времени пленения – сводили его с ума.

Не впервые он размышлял, как докатился до такой жизни.

И это было глупо. Ему прекрасно известны все подробности. В ночь набегов убийцы проникли в их семейный особняк, как и во многие другие. Они убили его *отца* и *мамэн*, то же самое сделали с его сестрой. Когда настал его черед, они решили сохранить ему жизнь, чтобы использовать в качестве подопытного кролика, хотели узнать, можно ли обратить вампира в лессера. Изуродовав, они запихнули его тело в масляный чан где-то в неизвестном месте и залили кровью Омеги.

До экспериментов дело не дошло. Он перестал представлять для них интерес, они или забыли о нем, либо случилось что-то еще.

Неспособный освободиться, он страдал, казалось, целую вечность в ужасной черной массе, живой, но едва ли живущий, ожидая, когда придет его смертный час.

Гадая, а не превратили ли его в лессера.

Его разум, когда-то главный предмет его гордости за учебные достижения и способности, сейчас пришел в негодность, как и его тело, мысли переплетались, когда-то ясное мышление спуталось в ночной кошмар из паранойи и смертельного ужаса.

А потом его брат, тот, на которого у него никогда не было времени, на которого он взирал свысока, над которым всегда чувствовал свое превосходство... появился, чтобы стать его спасителем. Куин, девиант с одним голубым и одним зеленым глазом, позор семьи с непростительным дефектом, тот, кого выгнали из дома, и поэтому его не было в особняке в момент нападения, стал единственной причиной его спасения.

Этот мужчина также оказался самым сильным представителем кровной линии, он жил и работал с Братством Черного Кинжала, достойно сражаясь и защищая расу от врагов в войне за выживание.

Пока сам Лукас, бывший золотой мальчик, наследник рода, которого больше не существовало... стал тем самым носителем дефектов.

Карма?

Он поднял обезображенную руку, смотря на обрубки там, где раньше было четыре пальца из пяти.

Наверное.

Раздался тихий стук в дверь, и, сделав вдох, Лукас уловил запахи по другую сторону панели. Собравшись с духом, он натянул покрывала выше на тощую грудь.

Избранная Селена пришла не одна, как это было в прошлый вечер.

И он знал, к чему все это.

– Войдите, – сказал он голосом, который до сих пор не признал. После суровых испытаний тот стал более низким и хриплым.

Куин вошел первым, и Лукас отпрянул. Раньше, когда он видел брата, тот всегда был одет по-граждански. Но не этой ночью. Очевидно, он только что вернулся с поля брани, черная кожа укрывала его мощное тело, оружие было закреплено на бедрах, ногах... груди.

Лукас нахмурился, заметив два определенных боевых инструмента: на груди его брата была пара черных кинжалов, закрепленных рукоятками вниз.

Странно, подумал он. Он считал, что такие имели право носить только члены Братства Черного Кинжала.

Может, сейчас они разрешают своим солдатам пользоваться ими?

– Привет, – сказал Куин.

Избранная Селена, стоявшая позади него, напоминала призрака, ее белые одежды парили вокруг стройного тела, а темные волосы были собраны высоко на макушке в традиционном стиле ее священного ордена.

– Приветствую вас, господин, – сказала она, изящно поклонившись.

Лукас опустил взгляд на ногу, отчаянно желая встать с кровати, чтобы оказать ей должное уважение. Без вариантов. Конечность, как и всегда, была замотана в белую марлю с пальцев и до колена, а под стерильной тканью? Плоть, которая не заживет, очаг инфекции кипел, словно котелок с водой, грозившей вылиться через край.

– Мне сказали, что ты отказываешься от вены, – сказал Куин.

Лукас отвел взгляд, жалея, что здесь не было окна, в которое можно уставиться с притворным интересом.

– Так что? – добавил Куин. – Это правда?

– Избранная, – пробормотал Лукас. – Окажите любезность, оставьте нас наедине ненадолго?

– Разумеется. Я буду ждать вашего зова.

Дверь бесшумно захлопнулась. И Лукас обнаружил, что вслед за женщиной комнату покинул весь кислород.

Куин подтащил стул к койке и сел, упершись локтями в колени. Его плечи были настолько широкими, что кожаная куртка протестующе скрипнула.

– Лукас, что происходит? – спросил он.

– Это могло подождать. Тебе не следовало приходить с поля боя.

– Следовало, судя по твоим жизненным показателям.

– Значит, тебя позвала доктор, да?

– Да, она говорила со мной.

Лукас закрыл глаза.

– У меня было... – Он прокашлялся. – До всего этого, у меня было представление о том, чем я буду заниматься, о своем будущем. Я был...

– Ты собирался пойти по стопам отца.

– Да. Я хотел... все, чему меня учили, определяло жизнь как нечто ценное. – Он открыл глаза и окинул свое тело взглядом. – Этого там не было. Это... я словно дитя. Окружающие заботятся о моих нуждах, приносят мне пищу, моют меня. Я – мозг в сломанном сосуде. Я

ничего не делаю сам...

– Лукас...

– Нет! – Он резко провел по воздуху искалеченной рукой. – Не успокаивай меня обещаниями и будущим здоровьем. Брат мой, прошло девять месяцев. После плена в Аду, который длился, казалось, столетие. Я сыт по горло этим заточением. *Хватит с меня.*

– Ты не можешь убить себя.

– Знаю. Тогда я не попаду в Забвение. Но если я не буду есть, не буду питаться, тогда... – Он ткнул пальцем в свою ногу... – завладеет мною и сведет в могилу. Смерть от гнойной инфекции... об этом беспокоится Док Джейн, разве нет?

Куин резким движением скинул с себя куртку, позволив ей приземлиться на пол.

– Я не хочу потерять тебя.

Лукас накрыл лицо руками.

– Как ты можешь так говорить... после той жестокости, творившейся в семье...

– Ты не причем. Это родители.

– Я участвовал.

– Ты извинился.

По крайней мере, что-то он сделал правильно.

– Куин, отпусти меня. Прошу. Просто дай мне... уйти.

Молчание длилось так долго, что Лукасу стало легче дышать – он решил, что его доводы приняли.

– Я знаю, каково это – лишиться надежды, – ответил Куин хрипло. – Но судьба умеет удивлять.

Лукас опустил руки и резко рассмеялся. – Боюсь, не всегда приятно. Не всегда...

– Ты ошибаешься...

– Прекрати...

– Лукас. Говорю тебе...

– Я гребаный калека!

– Я тоже им был. – Куин указал на свой глаз. – Всю свою жизнь.

Лукас отвернулся, уставившись на стену кремового цвета.

– Ты ничего не можешь сказать, Куин. Это конец. Я устал сражаться за жизнь, которую не хочу проживать.

Повисло еще одно молчание. Потом Куин выругался под нос.

– Тебе просто нужно питаться и набираться сил...

– Я отказываюсь брать ее вену. Тебе лучше принять мое решение и не тратить время на аргументы, которые я нахожу неубедительными. С меня хватит.

* * *

Селена ждала в коридоре, истощение обволакивало ее плотным слоем, не менее реальным из-за своей невидимости.

И все же, она чувствовала нервозность. Беспокойно теребила свою мантию, волосы, руки.

Она не любила время, не занятое выполнением своих обязанностей. Когда себя нечем занять, ее мысли и страхи становились слишком громкими для головы.

Тем не менее, она думала, что в этом одиночестве была польза. Если ей хватит терпения, чтобы воспользоваться его выгодами.

Что ей нужно делать сейчас, стоя в коридоре – репетировать свое прощание. Ей следует

попытаться подобрать слова, которые она хотела произнести до того, как истечет ее время. Ей нужно набраться смелости, необходимой для того, чтобы высказать то, что было у нее на сердце.

Она поддается порыву и попросается с Трэзом.

Из всех тех, кого она оставит позади, Праймейла и своих сестер-Избранных, Братьев и их шеллан, сейчас она уже горевала из-за Трэза. Хотя и не видела его... много, очень много ночей.

Даже если не была с ним наедине... много, очень много ночей.

На самом деле, после того как они закончили свои... отношения, или что это было... он покинул особняк. Вне зависимости от того, в какое время Селена приходила и уходила, она не встречала его лично и лишь раз краем взгляда заметила его широкие плечи, когда он шел в противоположном от нее направлении.

То, что он избегал ее, поначалу было предательским облегчением. Сложнее всего будет покинуть его, еще хуже – если бы они продолжили тайные встречи. Но в последнее время, которого становилось все меньше, она пришла к решению, что должна сказать ему...

Милостивая Дева-Летописица, что она ему скажет?

Селена подняла взгляд на протяженный коридор, будто ее маленький милый монолог мог услужливо и лениво пройти мимо нее, чтобы она успела запомнить.

Насколько она могла судить, Трэз забыл проведенное с ней время. По его собственному признанию, он без труда мог найти себе человеческую женщину для утех.

Нет сомнений, он начал с чистого листа.

А еще он предназначен другой.

Селена уронила голову на руки. Всю свою жизнь она находила покой и цель в своей священной обязанности... и, приближаясь ко времени своей кончины, она с большим удивлением осознала, что ее тянуло к мужчине, который ей не принадлежал. С которым ее объединял лишь очень короткий роман.

Столько ночей она провела в своей спальне на вилле, пытаясь убедить себя, что произошедшее с Трэзом было чистым безумием, но сейчас, на закате жизни? Странная ясность дарила ей сосредоточенность. «Почему» ничего не значили. Она просто должна сказать ему, что чувствует, перед своей смертью.

Но она не хотела обращаться к нему слишком рано... такой стыд – излить душу в потенциально безразличный сосуд, а потом маяться ночами, неделями, месяцами.

Если бы ее смерть пришла в определенный день, как срок годности на коробке молока...

Куин вышел из больничной палаты, и напряженное выражение на его мужественном лице прочистило ее спутанный разум.

– Мне так жаль, – прошептала она. – Он снова отказывается?

– Я не могу достучаться до него.

– Воля к жизни – вещь сложная. – Она положила руку ему на плечо. – Я всегда рядом, если понадобится вам обоим. Если он изменит свое мнение, я приду.

– Ты очень достойная женщина, Селена. На самом деле.

Он быстро сжал ее в объятиях, а потом пошел вдоль по коридору, будто собирался покинуть помещения. Но потом он помедлил у закрытой двери в главную смотровую Дока Джейн, а, спустя мгновение, вошел в нее.

Она молилась, чтобы нашлось решение для двух братьев. Когда очередная волна истощения, больше той, что свалила ее с ног на глазах Торmenta, прошла по ее телу, ей пришлось выбросить руку и опереться о стену.

Паника охватила ее, сердце неистово забилося в груди, голову наполнили мысли «сделай это», «сделай то», «беги». Что, если это приступ? Что, если это ее последний...

– Эй, ты в порядке?

Обратив свой дикий взгляд на источник звука, Селена обнаружила Торmenta, который выходил из смотровой.

– Я...

Внезапно водоворот отступил, будто к ней подкрался грабитель, который, при виде Брата, передумал нападать.

– Селена? – позвал он ее, направившись к ней.

Прислонившись к стене, она подняла руку, чтобы поправить шиньон, и обнаружила, что ее лоб стал влажным от выступившего пота.

– Кажется, я должна посетить Святилище. – Она шумно выдохнула. – Мне нужно освежиться. Необходимо.

– Хорошая мысль. Но ты уверена, что в состоянии...

Закрыв глаза, Селена сконцентрировалась и...

... мир вокруг завертелся, ее молекулы закружились по велению скорее ее мозгов, нежели чего-то иного в ее теле, и она переместилась в священные мирные уголья Девы-Летописицы.

Мгновенно, будто она взяла вину, ее тело расслабилось, наполнилось силой, но разуму не стало легче. Несмотря на приятную зелень листвы и травы, пастельные цвета тюльпанов, пребывавших в постоянном цвету, сверкающий белый мрамор спального корпуса, Сокровищницу, Храм Изолированных, Избранных, Зеркальные Воды, Селена чувствовала себя так, будто ее преследовали, несмотря на относительную безопасность.

С другой стороны, имея смертельную болезнь неопределенной продолжительности, сложно отличить «нормальные» симптомы от более серьезных предвестников.

Она оставалась на месте какое-то время, боясь, что своими движениями может спровоцировать болезнь. Но, в конечном итоге, она решила прогуляться. Температура воздуха была идеальной, не горячая, не холодная, небо над головой – цвета василькового сапфира, а купальни сияли под странным светом... но она чувствовала себя так, будто оказалась в темном переулке Колдвелла.

Сколько времени? – гадала она. Сколько еще прогулок у нее осталось?

Дрожа, она плотнее закуталась в мантию, когда знакомый запах печали и бессилия накрыл ее, сминая грудь, не давая дышать. Но она не уступила слезам. Очень давно она выплакала их все, «почему я?», «что если?» и «мне нужно больше времени» сейчас закончились... доказательство, что можно привыкнуть к кипящей воде, если постоять в ней достаточно долго.

Она смирилась с реальностью, что ее не просто обделили полноценной жизнью, ей вообще не дали пожить... и, таким образом, она должна попрощаться с Трезом. Он был для нее ближе всех, чем-то личным, а не предписанным, достигнутым, пусть и на короткий миг, а не предназначенным.

Сказав ему «прощай», она признавала, что часть ее жизни принадлежала ей.

Завтра она встретится с ним.

К черту гордость...

Спустя какое-то время она обнаружила, что ноги привели ее к кладбищу, и, учитывая направление ее мыслей, Селена не сильно этому удивилась.

Избранные в сущности были бессмертными, созданные века тому назад как часть программы размножения Девы-Летописицы, согласно которой сильнейшие мужчины спаривались с самыми умными женщинами, обеспечивая тем самым выживание расы. Изначально Избранные, чьей задачей было размножение, были изолированы здесь, Праймейл единственный отвечал за осеменение. Прошло тысячелетие, роль избранных расширялась, они духовно служили Деве-Летописице, записывали историю Расы, разворачивавшуюся на Земле, почитали Матерь Расы, предоставляли кровь неженатым членам Братства... ради которых

некоторые из Избранных покидали ряды, принимая смертность в обмен на любовь, свободу, возможность выносить ребенка, которого не загонят в строгие рамки.

А потом пришел нынешний Праймейл и еще сильнее ослабил роли.

Селена посмотрела сквозь арку – вход на кладбище: мраморные статуи ее сестер нависали над ней, даже находясь на расстоянии и по другую сторону зеленеющей ограды.

Несмотря на все добро, что принесла с собой программа размножения, она привела к одному вероломному результату, тюрьме, из которой Праймейл-новатор не мог вытащить Селену и ее сестер.

Глубоко в клетках Избранных дремал смертоносный недостаток, дефект, возникший как раз из узких рамок генофонда, которые должны были сделать вампиров неуязвимыми.

Жертва ради стремления к силе. Доказательство того, что Мать-Природа может и превосходит Прародительницу Расы.

Стоявшие впереди статуи вселяли в нее ужас. Изящные фигуры за оградой были сделаны не из чистого камня... в том плане, что их не вырезали из каменных глыб. Они – застывшие тела тех, кто страдал от той же болезни, что и она.

Это мертвые тела ее сестер, что прошли той же тропой, по которой сейчас ступала она, они застыли в выбранных ими позах и были покрыты тончайшим слоем гипса, который в купе со странными свойствами атмосферы Святилища консервировал их на вечность.

Дрожание снова волной накрыло ее...

... и снова ощущения длились недолго.

Но в этот раз, с отступлением, она не вернулась к нормальному состоянию.

И словно вид замерших навечно в последней позе послужил неким вдохновением для тревожившего ее недуга, застыли крупные суставы нижней части ее тела, потом спина, локти, шея и запястья. Она была зафиксирована в одном положении, обездвиженная, но в полном сознании, сердце продолжало биться, зрение не пропало, запаниковавший разум осознавал все с невероятной четкостью.

Она с криком попыталась встряхнуть себя от этого состояния, поднять ноги, заставить двигаться ступни, руки, что угодно.

Левая сторона слегка поддалась, отчего она потеряла равновесие. Накренившись и перевернувшись, Селена лицом рухнула наземь, тонкая трава забила в ее нос, рот, глаза.

Понимая, что ей грозит удушье, она собрала остатки сил, чтобы повернуть голову на бок, прочищая дыхательные пути.

И это стало последним движением, которое она сделала.

В своем положении она напоминала опрокинутую камеру, вид Святилища под странным углом словно отображался на экране: огромные, как деревья, стебли травы в непосредственной близости, храм Зеркальных Вод виднелся вдалеке, только его крыша.

– На помощь... – кричала она. – Помогите...

Напрягая свои мышцы, она пыталась вспомнить, когда в последний раз видела здесь своих сестер. Это было...

Слишком много ночей назад. И даже тогда никто не заходил вглубь территории, периферийную часть кладбища редко посещали, только для священных поминальных ритуалов... время которым придет лишь через несколько месяцев.

– Помогите!

С колоссальным усилием она сражалась со своим телом. Но добила лишь содроганий руки да волочения пальцев по газону.

И все.

Глаза наполнились слезами, сердце гулко забило в груди, и в голове мелькнуло глупое

сожаление о том, что она вообще хотела знать дату смерти...

Из глубины эмоций, выходя на передовую мыслей, всплыло лицо Трэза – его черные миндалевидные глаза, коротко-стриженные черные волосы, темная кожа.

Ей следовало раньше попрощаться с ним.

– Трэз... – простонала она в траву.

Сознание покинуло ее, как закрывается дверь – тихо, но плотно, обрубая весь окружающий мир...

... и она не узнала, что маленькая безмолвная фигура приблизилась к ней со спины, паря над травой в черной мантии, из-под которой лился ослепительно-яркий свет.

Выругавшись, айЭм положил трубку, обрывая звонок, и оперся руками на столешницу перед собой. Когда прошла секундная аритмия, он натянул черное шерстяное пальто с сороковым в левом потайном кармане и восьмидюймовым охотничьим ножом, вшитым в подкладку справа.

Ему может понадобится оружие.

– Шеф? Вы в порядке?

Он посмотрел в другой конец промышленной кухни, на Антонио диСенза, его главного шеф-повара.

– Прости. Да. Мне нужно идти... и я уже начал *mise en place*^[21]. – Он взял телефон. – Можешь закончить завтра.

Антонио снял колпак и прислонился бедром к огромной плите на двенадцать конфорок. Все оборудование, которое использовали для приготовления ужина, уже почистили, пар, оставшийся от посудомоечных машин, превращал кухню сорок на двадцать футов в джунгли Амазонии.

Слишком тихо, подумал айЭм. И ярко освещенное место пахло отбеливателем вместо базилика.

– Спасибо, шеф. Хочешь, чтобы я потушил томаты перед уходом?

– Уже поздно. Езжай домой. Ты хорошо потрудишься сегодня.

Антонио вытер лицо бело-синим кухонным полотенцем.

– Спасибо, шеф.

– Закроешь все за меня?

– Как будет угодно.

С кивком, айЭм вышел из кухни и пересек укрытый плиткой коридор для поставок до черного выхода. Снаружи, слоняясь вокруг своих машин, курили официанты, они уже сняли свои смокинги, ослабили красные бабочки, которые сейчас повисли вокруг расстегнутых воротников.

– Шеф, – сказал один из них, выпрямляясь.

Другой тут же встряхнулся.

– Шеф.

Технически, в «Сале»^[22] он был скорее боссом, чем шеф-поваром, но он много готовил и придумал большую часть рецептов, и персонал уважал его за это. Но так было не всегда. Когда он впервые взял на себя руководство заведением, его приняли далеко не с распростертыми объятиями. Все, от официантов, поваров и до посыльных решили, что он был афро-американцем, а сильная гордость и глубокие традиции итальянских управляющих, кухни и культуры в целом работали против тех, в ком не текла сицилийская кровь.

Будучи Тенью, он понимал дело лучше, чем они думали. Его люди не хотели иметь ничего общего с вампирами или симпатами... и, определенно, ни за что на свете – с бесхвостыми крысами – людишками. А «Сал» был одним из самых известных в Колдвелле ресторанов, а не просто возвращением к эпохе «Крысиной стаи»^[23] пятидесятых, но здесь на самом деле принимали председателя правления и его скользких парней. С тканевыми обоями, стойкой администратора и официальным стилем, «Сал» воплощал в себе север Сардинии... и рестораном всегда владели и заправляли итальянцы.

Однако спустя год, после того как заведение оказалось в его владении, все шло спокойно. Он доказал всем – начиная с клиентов и заканчивая поставщиками и персоналом – что не

просто встал на место Сальваторе Гвидетте-Третьего, но удобно устроился в нем. Сейчас? К нему относились с уважением на грани почитания.

Интересно, что они подумают, если узнают, что он не совсем из Африки, что его нельзя определить как американца... более того, он и человеком-то не был.

Тень просочилась в их ряды.

– До завтра, – сказал он двум мужчинам.

– Да, шеф.

– Доброй ночи, шеф.

айЭм кивнул им и зашел за дальний угол. Оказавшись за пределами видимости, он закрыл глаза, сконцентрировался и дематериализовался.

Он принял форму на восемнадцатом этаже Коммодора, на террасе квартиры, которой он владел вместе с братом. Раздвижная стеклянная дверь была открыта, длинные белые шторы метались внутрь и наружу из неосвещенной комнаты, словно призраки, которые пытались сбежать и терпели фиаско. У него было два варианта – это место и «тЕНИ», и он выбрал их холостяцкую берлогу из-за того, что ждало его внутри.

Были новости от с'Хисбэ, и, учитывая все обстоятельства? Уж лучше айЭм станет посланником для Трэза, нежели мужчина, которого они отправили.

Запустив руку в пальто, он нащупал пистолет и затем вошел внутрь.

– Где ты?

– Здесь, – донесся низкий, тихий ответ.

айЭм развернулся влево, в сторону белого кожаного дивана, стоявшего у дальней стены. Его острый взгляд мгновенно привык к темноте, и он увидел огромную черную фигуру палача Королевы.

айЭм нахмурился.

– Что случилось?

В тишине раздался звон кубиков льда о низкий стакан.

– Где твой брат?

– Ночь открытия клуба. Он занят.

– Он должен отвечать на звонки, – сказал с'Экс хрипло.

– Королева родила?

– Да. Родила.

Долгое молчание. Которое перебивал только звон кубиков льда.

айЭм сделал вдох и ощутил запах бурбона... как и едкий запах печали, настолько сильный, что он выпустил пистолет из рук.

– с'Экс?

Палач вскочил с дивана и прошел к бару, полы его мантии летели позади него, словно тени, на сильном ветре.

– Составишь компанию? – спросил мужчина, плеснув еще себе в стакан.

– В зависимости от твоих новостей и того, как они повлияют на моего брата.

– Тебе захочется выпить.

Отлично. Блеск. Без дальнейших комментариев, айЭм присоединился к с'Эксу за баром. Неважно, что попало в его стакан, был ли там лед, плеснули ли тоник. Он выпил, как оказалось в итоге, водку, и налил еще.

– Значит, она не станет следующей Королевой, – сказал он. – Рожденная малышка.

– Нет, – с'Экс вернулся к дивану. – Они убили ее.

– Что?!

– Так было... предопределено... – он обвел стаканом вокруг своей головы. – ...звездами.

Поэтому они убили ребенка. Мою... дочь.

айЭм моргнул. Выпил еще. А потом подумал: «Господи, если Королева способна сотворить такое со своей плотью и кровью, то глава с'Хисбэ способна решительно на все».

– Итак, – сказал с'Экс более ровно. – Твой брат снова стал главной заботой Ее Величества. Начинается обязательный период скорби, и я должен присоединиться. Но после Церемонии Отгораживания и сопровождающих ритуалов, меня пошлют за Нареченным.

Церемония Отгораживания – официальное погребение священного тела, право, доступное только королевской семье. Траур продлится несколько дней. После чего... очевидно, что их отсрочки подошли к концу.

– Дерьмо, – выдохнул айЭм.

– Я бы с радостью известил твоего брата, но...

– Нет, я это сделаю.

– Я так и подумал.

айЭм сел на кресло рядом с палачом. И посмотрел на мужчину, изучая черты его лица. с'Экс был выходцем не просто из низшего класса, хуже; мужчина родился в семье слуг, но, благодаря своим мускулам и уму он поднялся достаточно высоко, чтобы соблазнить Королеву. Беспрецедентное возвышение по социальной лестнице.

– Я сожалею, – прошептал айЭм.

– О чем.

– О твоей потере.

– Так было предопределено. Звездами.

Мужчина буднично пожал плечами, но его выдал сорвавшийся голос.

Прежде чем айЭм успел сказать что-то еще, с'Экс подался вперед:

– Давай проясним: я без колебаний сделаю то, что нужно, чтобы вернуть твоего брата домой и передать его тело для цели, ради которой он был рожден.

– Ты это уже говорил. – айЭм тоже наклонился вперед, не отводя глаз. – И давай начистоту, ты же не веришь в эту астрологическую туфту, так ведь?

– Таков наш путь.

– И это значит, что он верный?

– Ты – еретик. Ты и твой брат.

– Позволь спросить кое-что. Ты слышал крик малышки? Когда они убивали твоего ребенка, ты...

Нападение было внезапным, палач бросился на него с такой силой, что его кресло отлетело назад, и они оказались на полу, с'Экс, сотрясаемый яростью, оседлал айЭма.

– Мне следует убить тебя, – прорычал мужчина.

– Вымести на мне свою злость, если хочешь, – айЭм крикнул в ответ. – Но будь честен, по крайней мере, с собой. Ты уже не так гордишься своей должностью. Ведь так?

с'Экс оттолкнулся от него, приземляясь на задницу. Уткнувшись лицом в ладони, он тяжело задышал, будто пытался взять себя в руки... безуспешно.

– Я больше не стану вам помогать, – хрипло сказал палач. – Долг должен быть исполнен.

айЭм сел с мыслью, что созвездие, под которым был рожден его брат, было подобно болезни, этого не просили, его врезали в жизнь, и тикающая бомба только ждала момента, чтобы взорваться.

Детонация Трэза была установлена очень давно. И она не будет отложена ни на мгновение.

Не в первый раз айЭм пожалел, что не родился раньше Трэза. Уж лучше ему быть проклятым, обреченным нести эту ношу. Не то, чтобы он хотел быть заточенным в тюрьму на всю свою жизнь, с единственным способом времяпровождения – периодическими попытками

сделать ребенка наследнице престола – но он отличался от Трэза.

Или, может, он обманывал себя.

Что он знал наверняка? Он пойдет на что угодно, чтобы спасти своего брата.

И он был готов на всяческие изощрения.

* * *

Когда Трэз вернулся в приватную комнату, Рейдж уже очнулся от комы, транса, сна или что там было. И хотя вербальная диарея Ви капитально защемила Трэзу яйца, он, будучи владельцем клуба и главным зачинщиком, чувствовал себя обязанным убедиться в том, что с Братом все в порядке.

– Как у нас дела? – спросил он, вновь заходя в помещение.

Голливуд медленно сел, и было очевидно, что он пытался состыковаться с реальностью и вернуться из глубин своего сознания, далеких от клуба.

– Хэй, Спящая красавица, – пробормотал Ви, достав самокрутку с зажигалкой. – Вернулся?

– Здесь нельзя курить, – сказал Трэз.

Вишес приподнял бровь.

– И что ты сделаешь? Выгонишь меня?

– Не хочу, чтобы клуб прикрыли в первую же ночь.

– У тебя есть проблемы поважнее Колдвелловского Общественного Здравоохранения.

Шел бы ты, Ви, подумал Трэз.

– Тебе что-нибудь нужно? – спросил он у Рейджа. – У меня в наличие много всего, не содержащего алкоголя.

– Да нет, я в норме. – Брат потер лицо и потом оглянулся. – Значит, ты связан с Избранной, да...

– У меня даже еда есть, если хочешь...

– Да ладно тебе, приятель. – Рейдж покачал головой. – Ты только что пытался увести из-под носа мой завтрак.

Трэз посмотрел на часы.

– На самом деле, это было час назад.

– Да плевать... в чем проблема? Почему вы не вместе?

– Ты все еще бледноват.

– Ладно, как скажешь. Играешь в молчанку, твое дело.

Неловкое. Молчание.

О-М-Б^[24], лучшая, мать его, ночка, подумал Трэз. Что дальше, на Колдвелл свалится метеорит?

Нет, скорее всего, только на его клуб.

– Итааак... Я забираю наркотики, – сказал Ви, прикармливая целлофановые мешочки. – Появятся еще...

Третья за ночь вспышка в комнате была достаточно яркой, чтобы ослепить, и Трэз накрыл лицо рукой, принимая оборонительную стойку.

– Мать его! – ругнулся один из Братьев.

Бомба? Возмездие за убийцу?

Новая проводка накрылась капитальным медным тазом?

Или, может, не стоило давать вселенной идею про метеорит?

Когда Трэзу удалось восстановить зрение, выяснилось, что все догадки были неверны.

Там, где вспыхнула световая бомба, стояла фигура... фигура такая же впечатляющая, как и садовый гном, ударившийся в готику: что бы то ни было, оно было четыре фута ростом, укрыто с головы до пят в черную мантию.... И, очевидно, оно испускало свет — из-под капюшона струилось ослепительно-яркое сияние. Словно «Ла Перла» начала делать костюмы для стриптизерш Лас-Вегаса.

Трэз разом перестал дышать, сложив два плюс два, он пришел к невозможному ответу. Срань Господня, это была...

— Привет, Мам, — сухо произнес Вишес.

... Дева-Летописеца.

— Я пришла сюда с определенной целью. — Женский голос был тверже алмаза, и такой же чистый. — Ее нужно исполнить.

— Да ладно. — Ви сделал затяжку от самокрутки. — Собираешься отнять у ребенка конфетку? Или этой ночью просто пнешь щенка?

Фигура повернулась к Брату спиной.

— Ты.

Трэз отшатнулся, ударившись головой о стену.

— Простите?

— Ты не имеешь права задавать ей вопросы, — выплюнул Ви. — Так, для справки.

— Я? — повторил Трэз. — Что вы хотите от меня?

— К тебе вызывает одна из моих.

— Забираешь его в Диснейленд? — пробормотал Ви. — Трэз, да ты счастливчик... хотя, наверное, она общается только с Малифисентой, Круэллой, Человеком-Тенью...

— Откуда ты знаешь столько диснеевского дерьма? — встрял Рейдж.

— Идем со мной, — сказала Дева-Летописеца, протягивая руку, завернутую в мантию.

— Я? — выпалил Трэз в третий раз.

— К тебе зывали.

— Селена..? — выдохнул он.

Рейдж покачал головой.

— Кажется, мне достанется маршмэллоу? Потому что, приятель, за вопросы тебя сейчас поджарят.

Это стало последним, что услышал Трэз перед тем, как водоворот энергии захватил его, унося одному Богу известно...

... куда.

Когда чувство, что его перемещали, исчезло, он с криком приземлился на ноги, выбросив руки в стороны, голова кружилась так сильно, что казалось, он крутился на земле как волчок.

Внезапное осознание окружающего его мира унесло все это.

Парковая зона. Его перенесли в какую-то парковую зону с картинки. Раскатистые зеленые луга усеяны раскидистыми деревьями, цветочными клумбами, а вдалеке виднелись здания в Греко-Римском стиле. Но горизонт был совсем неестественным.

Лесная граница, зеленая протяженность... была ненатуральной, казалось, одинаковые деревья усеивали ландшафт, словно природа включила режим копирования. И небо над головой было таким же сомнительным: молочная яркость, казалось, не имела видимого источника света, словно наверху находилась флуоресцентная лампа нереальных размеров.

— Где я?

Не получив ответа, он развернулся. Изящная фигура исчезла.

Великолепно. И что ему делать дальше?

Позднее он будет гадать, что именно заставило его повернуться и пойти ... потом побежать.

Шум? Его имя? Какой-то инстинкт..?

На дальнем краю волнообразного холма он обнаружил тело. Лежавшее лицом вниз, в традиционном наряде Избранных, подошвы сандалий...

– Селена! – закричал он. – Селена..?

Резко затормозив, он рухнул на колени.

– Селена?

Черные волосы были в беспорядке, традиционный узел растрепался, падая на ее лицо. Он приподнял копну волос и увидел мертвенно-белую кожу.

– Селена... – Он не знал, была ли она ранена или испытала приступ, но, не имея медицинской подготовки, он понятия не имел, что делать.

– Дышишь, ты же дышишь? – Он приложил ухо к ее спине. Потом потянулся и взял ее руку, чтобы проверить...

– О... Боже.

Рука окаменела, словно уже наступило окоченение. Но... приложив два пальца к ее запястью, он нащупал пульс.

Селена застонала, и ее ступня дернулась. Потом на траве дернулась ее голова.

– Селена? – Его сердце стучало так гулко, что он почти ничего не слышал. – Что случилось?

Незачем спрашивать, в порядке ли она. Ответом станет, охренеть, какое большое «нет».

– Тебе больно?

Она снова застонала, казалось, женщина с чем-то боролась.

– Я переверну тебя.

Собравшись с духом, он взял ее за руку и попытался сдвинуть ее... но ему пришлось остановиться. Ее положение не изменилось, ее конечности и одеревеневший торс были такими жесткими, словно он прикасался к вырезанной из камня статуе....

– Черт подери!

Услышав голос Рейджа, Трэз резко вскинул голову. Ви и Рейдж материализовались из ниоткуда. Они всегда ему нравились, но в это мгновение он был готов расцеловать двух воинов.

– Вы должны помочь мне, – рявкнул он. – Я не знаю, что с ней стряслось.

Братья сели на колени, и Вишес потянулся к запястью, чтобы проверить пульс.

– Кажется, она не может пошевелиться, но я не понимаю, почему.

– Пульс есть, – пробормотал Ви. – Она дышит. Дерьмо, мне нужны мои инструменты.

– Мы можем доставить ее... где мы, черт возьми? – требовательно спросил Трэз.

– Да, я могу перенести ее...

– Никто кроме меня ее не тронет, – услышал он свое рычание.

Сейчас едва ли было время для меморандума. Но связанному мужчине в нем было плевать.

Братья о чем-то говорили, но, чтоб ему провалиться, если он слышал хоть слово. Его мысли путались друг в друге, фрагменты последних месяцев мелькали в голове, пока он пытался найти признаки того, что с Селеной происходило что-то неладное.

Он ничего не видел и не слышал других. Если она просто потеряла сознание, то это могло быть вызвано большой отдачей крови, но это не объясняло подобного приступа, охватившего ее тело... казалось, она буквально превратилась в камень.

Кто-то хлопнул его по плечу.

– Дай мне свою руку.

Протянув руку, Трэз почувствовал, как его поднимают с земли. Прежде, чем они успели обратиться к нему, он сказал: – Я понесу ее. Она моя....

– Мы знаем. – Рейдж кивнул. – Никто не прикоснется к ней без твоего разрешения. Нам нужно, чтобы ты поднял ее... потом Ви поможет вам вернуться, хорошо? Давай, возьми свою

женщину.

Руки Трэза тряслись так сильно, что он начал сомневаться, что сможет удержать ее. Но, как только он наклонился, железная целеустремленность стерла подчистую нервозность и дрожь: цель – доставить ее в клинику учебного центра – дала ему небывалую физическую силу и ясность мыслей.

Он умрет, но сделает это.

Господи, она весила как пушинка. Еще меньше, чем он помнил.

И он чувствовал кости под ее мантией, будто она иссыхала.

Прямо перед тем, как его снова затянуло в водоворот, Трез перевел взгляд на густой ряд приземистых деревьев, прерывавшихся аркой. По другую ее сторону располагался какой-то дворик с мраморными статуями женщин в разных позах, стоявших на постаментах.

Она шла сюда?

По неясной причине, вид этих статуй ужаснул его до глубины души.

Стоя перед большим зеркалом в своей спальне, Лейла пыталась натянуть на себя по идее свободное пальто, но пытаться свести широкие складки на ее животе – то же самое, что расправлять маленькое одеяло по кровати королевских размеров.

Опустив взгляд, она не смогла увидеть своих ступней, а ее груди впервые в жизни были достаточно большими, чтобы под мантией выделилась ложбинка.

Судя по ее ширине, сложно было поверить, что впереди еще несколько месяцев беременности.

Почему вампиры не могли быть больше похожими на людей? Те бесхвостые крысы вынашивали детей всего девять месяцев. Ее раса? Все восемнадцать.

Оглянувшись через плечо, Лейла посмотрела на себя в зеркало шкафа в другом конце комнаты. Судя по разнообразным человеческим ТВ-шоу, ей полагалось пребывать в состоянии постоянного восторга. Наслаждаться изменениями в своем теле. С радостью принять чудо зачатия, вынашивания и предстоящих родов.

Похоже, люди действительно были иной расой.

Единственная положительная сторона, которую она могла найти в этом – и возможно, это единственное, что имело значение – что ее малыш был активным и, казалось, здоровым. Регулярные осмотры у Дока Джейн показывали, что беременность развивалась по идеальному плану, веха за вехой, стадии сменялись как по маслу.

На этом позитивные моменты кончались. Что до остального? Нет, спасибо великодушное. Она ненавидела то, с каким трудом поднималась на ноги. Большие дыни на месте груди затрудняли дыхание. Опухшие лодыжки. Руки из изящных конечностей превратились в пеньки. А гормональные всплески...

Из-за них она хотела того, что беременные женщины хотеть не должны.

Особенно с учетом того, с кем она хотела это сделать...

– Прекрати. Просто прекрати.

Уронив голову на руки, Лейла ощутила пронзительную вину, тенью следовавшую за ней последние месяцы, дышащую в затылок, тяжелую, как кольчуга.

В отличие от беременности, которая в срок закончится вместе с беспокойствами и неудобствами, для другой ситуации не было облегчения. Конечной даты... по крайней мере той, что несла радость.

Но она сама расправила свою кровать. И должна в нее лечь.

Подойдя к двери, Лейла приоткрыла панель и прислушалась к шагам. Голосам. Шуму пылесосов. Ничего не услышав, она вышла в коридор со статуями и оглянулась по сторонам. Быстро глянув на часы, она сказала себе, что у нее было полтора часа, пока рассвет не вынудит ее вернуться в особняк Братства.

Выходя наружу, она хотела перейти на бег, но едва ли смогла быстро идти, направляясь в сторону помещений для персонала.

Ее путь к выходу был заранее спланирован и много раз опробован, и она рассчитала время с научной точностью. Шесть минут, чтобы спуститься по черной лестнице и выйти в гараж. Две минуты добраться до машины, которую ей предоставили в пользование, и которую, как она говорила домочадцам, она регулярно брала, чтобы «прочистить голову».

Шестнадцатиминутная дорога среди заросшего пригорода на востоке города.

Две минуты ходьбы по полю к клену.

Где она найдет...

– Лейла?

Запнувшись, она резко развернулась. В начале коридора со статуями стоял Блэй в одежде для сражений, кожаные штаны были запачканы, а лицо – смертельно уставшим.

– А... привет, – отозвалась она. – Ты только вернулся с боя?

– Ты собираешься на улицу? – Блэй нахмурился. – Уже очень поздно.

– Просто прокачусь не долго, – спокойно ответила она. – Ну. Знаешь, прочистить голову.

Дражайшая Дева-Летописица, она ненавидела лгать.

– Что ж, я рад, что поймал тебя. У Куина сейчас не все ладно.

Нахмурившись, Лейла подошла к воину. Отец ее ребенка был одним из самых важных людей в ее жизни, как и Блэй. Эта пара была ее семьей.

– Почему?

– Из-за Лукаса. – Блэй снял с груди ножны для кинжалов. – Он отказывается питаться, и Куин зашел в тупик.

– Прошел почти месяц.

– Больше.

Как правило, если здоровый вампир брал вену Избранной, он мог с легкостью обходиться месяцы без кормления, в зависимости от его активности, уровня стресса и общего состояния здоровья. Однако, для кого-то с таким же бедным здоровьем, как у Лукаса? Неделя-две без питания быстро станут смертным приговором.

– Где сейчас Куин?

– Внизу, в бильярдной. Они отозвали меня с улиц потому что... – Блэй покачал головой. – Да, с ним не все ладно.

Лейла, закрыв глаза, положила руку на живот. Она должна идти. Она должна остаться...

– Я должен принять душ. – Блэй оглянулся в сторону их с Куином комнаты. – Ты можешь посидеть с ним, пока я не спущусь?

– О, да. Разумеется.

Блэй сжал ее плечо.

– Нужно, чтобы ты помогла мне с ним. Это становится...

– Я знаю. – Она сняла пальто и не стала уносить его в комнату. Просто кинула на пол перед своей дверью. – Я спущусь прямо сейчас.

– Спасибо. Боже, спасибо.

Они быстро обнялись, и потом она поплелась в сторону большой лестницы и мужчины, который сделал ей самый ценный подарок, дав ей дитя, которое она носила в своем чреве.

Она сделает все ради Куина и его хеллрена.

Однако она прекрасно понимала, что другой мужчина ждал ее в этот самый момент под кленовым деревом, на поле.

Ее мучила совесть, особенно когда она прошла мимо двойных дверей в кабинет Короля. Сквозь величественный проем Лейла увидела трон, стоявший за резным столом.... Это напомнило ей, почему она заключила ту сделку.

Она продала свое тело главарю Шайки Ублюдков, чтобы сохранить особняк в безопасности. Но сделка не была консумирована по причине беременности... и поначалу это ее сильно удивило. Кор был жестоким воином, известным не только своей репутацией, но и характером, за причинение боли другим... он получал наслаждение от этого. Но с ней, казалось, он согласился дождаться времени, когда сможет потребовать исполнения обязательств.

Они регулярно встречались под тем деревом и разговаривали. Иногда просто сидели в молчании, его глаза изучали ее, словно...

Ну, порой ей казалось, что он черпал силу, просто смотря на нее, будто визуальная связь

была веной, которую он должен был брать регулярно.

В другие дни она знала, что он представлял ее обнаженной... и она говорила себе, что должна чувствовать себя оскорбленной. Напуганной. Обеспокоенной.

Но позднее, однако, странное любопытство поселилось в ее душе, любопытство, связанное с его мощным телом, прищуренным взглядом... его губами, хотя одна была обезображена...

Лейла винила свои гормоны... и пыталась не задерживаться на желаниях. Единственное, что она должна держать в памяти – пока она продолжала видеться с ним, это то, что он не будет нападать на особняк, в чем поклялся своей какой-никакой честью.

В конце концов, она повинна в том, что он узнал расположение Братства. Возможно, косвенно, но казалось, что она виновата в утечке в системе безопасности.

Их уговор – сделка с дьяволом, заключенная ради сохранности жизней любимых. Она ненавидела ложь, вину... и страх, что рано или поздно ей придется выполнить свою часть уговора.

Но она ничего не могла поделать.

И сегодня ночью ее семья вставала впереди ее обмана.

* * *

Внизу, в смотровой комнате учебного центра, Трэз снова чувствовал себя не в своем теле, когда транспортировка в водовороте прекратилась, и ему снова пришлось устанавливать свое местоположение. Слава Богу, они переместились в целости и невредимости. Только бы им помогли здесь.

Укачивая в руках одеревеневшее, искривленное тело Селены, он посмотрел через плечо. Док Джейн, шеллан Ви, стояла сбоку с полным медицинским набором: в синей форме, в плотных перчатках, на ногах аккуратные тапочки.

Но она не подошла к Селене. Просто стоя там и смотря на них, казалось, целую вечность.

Дерьмо. У Трэза не было медицинского образования, но, как правило, когда кто-то с приставкой «Доктор» перед именем и фамилией, при виде пациента решил молча отстояться в сторонке? Плохой знак.

Рейдж и Ви были напротив, и они тоже пялились на него с Селеной, будто понятия не имели, чем помочь.

Док Джейн прокашлялась.

– Трэз..?

– Прости. Что?

– Ты позволишь мне взглянуть на нее?

Трэз нахмурился.

– Да... конечно. – Док Джейн не шелохнулась, и он начал терять терпение. – Да в чем, черт возьми, проблема...

– Ты обнажил клыки и рычишь. Вот в чем.

Он внимательно прислушался к себе и обнаружил... вот ведь да, он точно рычал на них как Куджо^[25], переместив вес на бедра, сверкая клыками, издавая горлом рев промышленной косилки.

– А, простите. – И тут он заметил, что также отступил в угол и прижал Селену к себе так, будто кто-то мог попытаться отнять ее. – Значит, мне нужно положить ее на стол.

– Было бы неплохо для начала, – заметил Ви.

Его тело не спешило, когда он дал команду идти вперед, и в итоге только тот факт, что

Селене нужна помощь кого-то с мозгом и стетоскопом, позволил ему выйти в центр комнаты. Наклонившись, он положил ее на стол из нержавеющей стали... и содрогнулся, потому что с таким же успехом он мог нести деревянный стул: ее тело оставалось в той же позе, в какой он нашел ее, ноги вытянуты, торс изогнулся, руки сжались у груди. И самое худшее? Ее рука была повернута под неестественным углом, в сторону от плеч, будто ее охватила сильная боль.

Дрожащей рукой он смахнул волосы с лица Селены. Ее глаза были открыты, но он не знал, была ли Селена в сознании. Казалось, она ничего не улавливала, редкое моргание указывало на то, что она могла быть в сознании.

Могла быть жива.

Трэз наклонил лицо к ее лицу.

– Ты в учебном центре. Они...

Запнувшись, он приказал себе отойти к чертям собачьим и дать Доку Джейн выполнить ее работу.

Скрестив руки на груди, он отступал назад, пока не ощутил руку на своем плече. Это был Рейдж. И Трэз прекрасно понимал, что жест отчасти излучал сострадание, отчасти служил подстраховкой на случай, если связанный мужчина в нем снова захочет сесть за руль.

– Позволь им заняться делом, – сказал Голливуд, когда Элена – шеллан Рива и медсестра – влетела в помещение. – Давай разберемся, в каком она состоянии.

Трэз кивнул.

– Да. Хорошо.

Добрый доктор склонилась над Селеной и заглянула в ее бессознательные глаза. Она что-то тихо сказала ей, и Селена иначе заморгала глазами... но сложно сказать, хорошо это или плохо.

Кровяное давление. Пульс. Зрачки. Проверили первые три показателя, но Джейн не стала тратить время на оглашение результатов. Они с медсестрой продолжили суетиться вокруг Селены, измеряя температуру, вставив катетер в тыльную часть ее руки, потому что локти были зафиксированы.

– Я хочу сделать ЭКГ, но не могу получить доступ к груди, – сказала Док Джейн. Потом она посмотрела через плечо на своего супруга. – Ты знаешь, какой синдром мог вызвать такое? Словно приступ у всего тела, но зрачки реагируют.

– Не знаю. Хочешь, чтобы я проконсультировался у Хэйверса?

– Да, пожалуйста. – Когда Ви вышел из комнаты, Джейн покачала головой. – Мне нужно знать, что творится с ее мозгом, но у нас здесь нет МРТ^[26] или КТ-скана^[27].

– Значит, повезем ее к Хэйверсу, – сказал Трэз.

– У него тоже нет таких технологий.

– Дерьмо. – Когда Рейдж усилил хватку, Трэз сосредоточился на лице Селены. – Ей больно? Я не хочу, чтобы она испытывала боль.

– Честно? – сказала доктор. – Я не знаю. И пока я не разберусь в состоянии ее нервной системы, я не хочу давать ей обезболивающие, которые ослабят деятельность организма. Но я буду действовать как можно быстрее.

Казалось, прошла вечность, время плелось с черепашной скоростью, ему оставалось лишь наблюдать за сложным медицинским танцем вокруг стола. И Рейдж оставался рядом с ним, играя в няньку-надзирателя, пока Трэз метался между двумя крайностями – «наделать себе в штаны» и «вынести себе мозг».

А потом Избранная Кормия влетела в комнату через дверь.

Как только женщина увидела Селену, она охнула и закрыла рот руками.

– Дражайшая Дева-Летописца...

Док Джейн оторвалась от взятия крови из вены на другой руке Селены.

– Кормия, ты знаешь, что с ней...

– У нее болезнь.

Все замерли. Кроме Кормии. Избранная, кинувшись к своей сестре, пригладила ее темные волосы и зашептала что-то на Древнем Языке.

– Какая болезнь? – спросила Док Джейн.

– С Древнего Языка она грубо переводится как «Окостенение». – Избранная вытерла глаза. – У нее Окостенение.

Трэз услышал свой голос: – Что это?

– И заразно ли это? – вмешалась Джейн.

Солнце уже мелькало на востоке, когда Кор, главарь Шайки Ублюдков, появился перед скромным зданием в колониальном стиле. Дом, который он и его солдаты использовали в качестве ночлежки уже год, располагался в самом конце глухого переулочка в районе, переполненном людишками из среднего класса, одной ногой стоявших в могиле. Тро руководствовался теорией «спрятаться на виду», и дом удовлетворял запросам.

Внутри горел свет, он сочился сквозь щели в плотно задернутых шторах, и Кор представил, что его воины делали внутри. Только вернувшиеся с боев в переулках центральной части Колдвелла, они должны избавляться от запачканной черной кровью одежды и пить, но не кровь, что сделала бы их сильнее, и не воду для восстановления водного баланса, скорее алкоголь, как бальзам, принимаемый внутрь для лечения ушибов, порезов, ссадин...

Кожу на затылке резко защипало, предупреждая, сообщая ему – словно это уже не сказала неприкрытая кожа рук – что у него осталось мало времени, чтобы добраться в безопасные чертоги дома.

Тем не менее, он совсем не желал туда заходить. Видеть своих солдат. Потреблять пищу, чтобы потом удалиться наверх, в спальню тошнотворного малинового цвета.

Ему отказали в том, чего он часами ждал с нетерпением, и разочарование было подобно отклику тела на поднимавшееся солнце: кожа горела. Мускулы подрагивали. Глаза были напряжены.

Его пристрастие не было утолено.

Лейла не явилась этой ночью.

С проклятьем Кор достал сотовое устройство и набрал номер в том порядке, в котором он его запомнил. Приложив телефон к уху, он слушал, как сердце бьется громче гудков в трубке.

Его не поприветствовала автоматически включившаяся служба голосовой почты, и сразу после шести гудков включилось объявление, что вызываемый номер находится вне зоны доступа. Он не стал оставлять сообщение.

Подойдя к двери, он морально настроился на шум и хаос. В его ублюдках, несомненно, сейчас бушевал адреналин, догорание их высокооктанового способа жизни еще не скоро рассеется.

Открывая...

Кор застыл в дверном проеме.

Пять его солдат не подначивали друг друга, передавая бутылки с алкоголем и бинты с марлями для ранений. Вместо этого они все сидели на свободной мебели, которую арендовали наряду со всем домом. В их руках не было выпивки, не слышался звон металла во время чистки и заточки оружия.

Они все собрались здесь: Зайфер, Сайфон, Бальтазар, Син... и Тро, единственный, кому не было места среди них, но ставший в последствии незаменимым.

Все избегали смотреть ему в глаза.

Ну, не совсем.

Тро, его заместитель, единственный смотрел на него. И он один из всей группы стоял.

А, значит, он устроил все это... чем бы оно ни было.

Кор закрыл дверь позади себя. И не стал разоружаться.

– Тебе есть, что сказать? – спросил Кор, стоя у двери, и смело встречая взгляд Тро.

Его заместитель прокашлялся, а потом заговорил с акцентом, принадлежавшим не просто более высокому классу, но самому высшему слою вампирского общества: акцентом *Глимеры*.

– Мы обеспокоены направлением твоей политики. – Мужчина оглянулся. – В последнее время.

– Воистину.

Тро, казалось, ждал продолжения. Не получив ответа, он раздосадовано выругался.

– Кор, куда делись твои амбиции? У Короля всего один-единственный наследник-полукровка, и ты внезапно забываешь о наших коллективных усилиях захватить трон? Ты отставил наши цели в сторону, как пустую чашу.

– Сражение с Обществом Лессенинг занимает все время.

– Возможно, если ты на самом деле сражаешься.

– Хочешь сказать, что я уничтожаю воображаемых убийц.

– Ты не этим занимаешься всю ночь напролет.

Кор обнажил клыки.

– Осторожней выбирай свой путь.

Тро вызывающе приподнял бровь.

– Я не должен озвучивать это при всех?

Ощувив, как его люди резко повернулись к нему, Кору захотелось ударить что-нибудь. Он полагал, что его встречи с Лейлой остаются тайными. Очевидно, он просчитался.

А если он прикажет Тро держать язык за зубами? То обречет себя на нечто намного хуже, чем то, что он делал.

– Мне нечего скрывать, – прорычал он.

– Осмелюсь поспорить с этим. Ты слишком много времени проводишь под тем кленом, словно какой-то по уши влюбленный...

Кор материализовался перед мужчиной, их лица оказались на расстоянии дюйма. Он не прикоснулся к Тро, но мужчина все равно отступил назад.

Всего на шаг.

– Не желаешь сказать им, кто она? Или это сделать мне?

– Она не имеет отношения к делу. Никто не властен над моими амбициями.

– Докажи это.

– Кому? – Кор вздернул голову, выпячивая подборок. – Им? Или это у тебя проблемы?

– Докажи, что ты не размяк.

В мгновение ока Кор вытащил стальной кинжал и прижал его к яремной вене мужчины.

– Здесь? Сейчас?

Когда Тро втянул воздух ртом, острое задело его кожу, и струйка ярко-красной крови изящно спустилась по сияющему бледному лезвию.

– Должен ли я доказать свою твердость на тебе? – мрачно спросил Кор. – Этого будет достаточно?

– Ты сбит с толку, – упирался Тро. – Женщиной. Она сделала тебя слабым!

– А ты лишился рассудка! Я решил не убивать Короля, избранного Расой на законном основании... и это преступление, из-за которого ты поднимаешь моих воинов на мятеж?

– Ты был так близко! Мы почти заполучили трон! Кости домино уже выстроились в ряд, Глимера собиралась подчиниться твоим приказам...

Кор снова прижал лезвие, обрывая тираду.

– Тема столь вероломного сбора – мои амбиции... или твои? Позволь спросить, чье именно поражение тебя печалит?

– Ты не возглавляешь нас больше.

– Давай спросим у них. – Кор отступил и обошел комнату по периметру, смотря на склоненные головы своих солдат. – Что вы скажете? Вы пойдете за ним или останетесь со

мной? – Когда сдавленный воздух наполнился проклятиями, он повернулся к Тро. – Ведь этого ты и добиваешься, разве нет? Предлагаешь им выбор... либо ты, либо я. Поэтому, давай же поскорее решим сей вопрос. На чьей вы стороне, мои ублюдки?

Повисла длинная пауза.

А потом Зайфер поднял взгляд:

– Кто она?

– Я задал вам другой вопрос.

– На этот вопрос мы хотим услышать ответ.

Кор начал закипать.

– Она вас не касается.

Ни за что на свете он не станет объяснять свою связь с Избранной.

Зайфер сделал глубокий вдох, его ноздри расширились.

– Господи... да ты связан с ней.

– Нет.

– Я тоже это чувствую, – сказал кто-то. – Кто она?

– Она не имеет к этому отношения.

Заговорил Тро, громко и четко.

– Она Избранная. Живет с Братством.

Иииии разразился хаос, который он ожидал: комната взорвалась мужскими голосами, они накладывались друг на друга, обрывки Древнего Языка смешивались с английскими и немецкими ругательствами.

Тро, тем временем, достал чистый носовой платок и прижал белую ткань к ране на шее.

– Я не могу понять, почему она с тобой встречается... что у тебя есть на нее? Должна быть какая-то приманка... деньги? Или угроза?

Кор оставил оскорбление без ответа, будто Тро был далек от правды; на самом деле он попал в яблочко. Единственная причина, по которой Избранная Лейла встречалась с ним – потому что он знал местоположение особняка Братства Черного Кинжала, и она до смерти боялась, что он устроит набег: однажды ночью, год назад, он последовал по зову крови и открыл огромную тайну. И Тро был прав... он использовал находку в свою пользу.

Лейла пообещала ему свое тело в обмен на неприкосновенность территории Братства.

И, хотя он еще не утолил с ней своих плотских желаний, из уважения к ее беременности, ее благодетели, ее положению... он возьмет ее.

В конце концов, он возьмет то, что принадлежало ему, и отметит ее как свою...

Дерьмо, он действительно был связан с ней?

Кор сосредоточился на Тро и своих Ублюдках.

– Наша забота – этот мятеж, а не чье-то воображение. Так, каков будет ваш ответ? Всех вас. – Повисла длинная пауза. – Любого из вас.

Дожидаюсь ответа, он решил, что раз Тро до сих пор стоял живой и невредимый, то он действительно размяк. Вымуштрованный Бладлеттером, он не забыл, чему его учили в военном лагере, но позднее осознал, что грубая сила и кровопролитие лишь один из способов достижения целей.... Но были и другие, более эффективные.

Например, Роф доказал это своей реакцией на недавние притязания на его трон. Король и его королева отразили самую верную атаку на его правление... и они сделали это, не просто не потеряв ни единой жизни, но и бескомпромиссно лишив противников их оружия – отобрав у Глимеры всю власть.

И Роф, будучи лидером, выбранным своим народом, представлял неопровержимую власть.

Тро нарушил молчание, обратившись к воинам:

– Уверен, что выразился ясно. Я верю, что мы должны продолжить гонку за престолом. Однажды мы ранили Рофа... сможем добраться до него снова. Его могли избрать путем всеобщего голосования, но мертвый он править не сможет. Затем мы поддержим лишенную своих прав Глимеру. Выработав конституционную стратегию с бывшими членами Совета, мы убедим всех, что Роф обманом завладел властью и...

– Ты глупец, – тихо ответил Кор.

Тро резко обернулся и пригвоздил его враждебным взглядом.

– А ты неудачник!

Кор покачал головой.

– Так решил народ. Они посадили Рофа на трон, который ранее перешел ему по наследству, и невозможно победить, когда перед тобой не одна битва, а тысяча. Традиции и законы, культурные устои – хрупкое воплощение власти и влияния. Однако демократия, настоящая демократия – это каменная крепость, которую невозможно взять, взорвать, сделать под нее подкоп. Чего ты не понимаешь, заместитель, так это того, что больше не с чем сражаться... допуская, что ты устроил это нападение с надеждой на победу.

Тро сузил глаза.

– Ответь, твоя Избранная занимается твоим обучением? Сомневаюсь, что когда-либо раньше слышал от тебя такие слова.

Кор заставил себя промолчать.

Он объединился со своими бойцами задолго до появления Тро. Если его мужчины не смогут увидеть хлипкость амбициозного плана Тро? Тогда пусть Тро ими подавится.

Он не прогнется ни перед кем.

В последовавшем молчании, Тро окинул взглядом бойцов, которые когда-то презирали его за аристократическую изнеженность, но за последние два столетия боев он заслужил их уважение.

– Самые успешные манипуляции рождаются у женщин. Разве не пропаганду он сейчас ведет? Скормленную ему той, что способна соблазнить его разум, тело, чувства? Вы сами учуяли связующий запах. Так знайте, что душа последует за сердцем, он перестал быть с нами, нашими целями, которых мы можем достигнуть. К вам обращаются не с силой, а со слабостью, которую он когда-то порицал в других. Видите? Даже сейчас, он продолжает молчать!

Кор пожал плечами:

– Не желаю разглагольствовать.

– Было ли тебе известно значение этого слова полгода назад? – парировал Тро.

– Каков будет ваш жребий? – Кор окинул их скучающим взглядом. – Решать вам, но знайте: сделанный выбор, словно татуировка на коже, будет необратим.

Зайфер первый встал на ноги.

– Я верен лишь одному.

С этими словами он потянулся к ножнам и вынул кинжал из нержавеющей стали. Полоснув лезвие по ладони, он подошел к Кору и протянул руку.

Кор встряхнул предложенную ладонь и с удивлением обнаружил необходимость прокашляться. Потом Бальтазар взял тот же кинжал, нанес порез и протянул окровавленную ладонь... и Сайфон двигался с той же продуктивностью, давая присягу.

Син наблюдал за всем из-под приспущенных век, не двигаясь с места. Солдат всегда был темной лошадкой... но даже он в итоге поднялся и подошел к Кору. Достав кинжал, он проткнул свою плоть и прокрутил лезвие, верхняя губа приподнялась, будто ему нравилась боль.

Кор принял клятву последнего из своих солдат, а потом перевел взгляд на Тро. Поднеся руку, с которой капала влага, к губам, он обнажил зубы и с шипением прокусил кожу, а затем слизал

смешавшуюся кровь.

– Будто могло быть иначе. – Он жестоко улыбнулся. – Ты всегда был чужим среди нас.

Красивое лицо Тро исказила мерзкая гримаса.

– Ты заставил меня присоединиться к вам. Ты сделал это со мной.

– Но сейчас ты собираешься исправить все, не так ли? Хорошо, еще год назад я дал тебе свободу. Пусть твои амбиции далее ведут тебя по жизни, сколь тебе угодно, но когда ты выйдешь за эту дверь, она закроется для тебя навсегда. Ты умрешь для нас, твои деяния будут касаться только тебя и никого более.

Тро кивнул.

– Да будет так.

Мужчина пересек комнату и взял свои ножны и пальто; потом направился к двери. Обернувшись, он обратился к группе.

– Он ошибается во многом, но сильнее всего – касательно трона. Война на тысячу фронтов? Я так не думаю. Нужно лишь устранить Рофа. И сильнейший займет его место... но такого мужчины больше нет в этой группе.

Боец захлопнул за собой дверь.

Кор стиснул челюсти, прекрасно понимая, что Тро предусмотрел все на непредвиденный случай, когда делал им предложение... иначе он не покинул бы дом так беспечно, за считанные минуты до рассвета.

Тро сделал ставку и проиграл... только когда это касалось всех их. Куда занесет его жизнь? Кор даже представить себе не мог.

Но Рофу следует держать ухо востро.

Раздался шорох. Покашливание. А потом – комментарий:

– Итак, – выпалил Зайфер. – Ты скажешь, какого цвета ее глаза?

– Самое малое, что ты можешь сделать, – вмешался Бальтазар. – Опиши нам ее.

– Избранную?

– Как, черт подери, тебе удалось...

Весь дом внезапно вернулся к привычному состоянию, воздух наполнился мужскими возгласами, появилась выпивка, которую начали разливать, достали бинты для израненных рук.

Кор выдохнул с облегчением, которое ввело его в шок... но он не обманывал себя. Хотя его бойцы были с ним, сейчас он обрел нового врага... и Тро, благодаря тренировкам под его началом, был очень опасен.

Достав телефон, он посмотрел на него... и обнаружил, что на его звонок не ответили.

Судя по дезертирству Тро? Было жизненно необходимо связаться с Избранной... и сейчас он опасался, что Тро мог добраться до нее первым, и в этом причина, почему она не появилась.

– Итак? – сказал Зайфер. – Какая она?

Внезапное молчание, казалось, охватило весь дом.

И он шокировано осознал, что хочет поделиться с ними. Как долго он держал все в себе?

Запинаясь, он ответил:

– Она... луна посреди моего ночного неба. Это начало, середина и конец. Больше сказать нечего, и я никогда не заговорю о ней снова.

Он развернулся, направляясь к лестнице, чувствуя прикованные к его спине взгляды... и в них не было презрения. Нет, как бы они не старались это скрыть, в них была жалость... признание уродства его лица, неравенства между ним и любой женщиной, не говоря уж об Избранной.

Он помедлил, рука замерла на перилах:

– К завтрашнему заходу солнца упакуйте провизию и все имущество. Нам нужно оставить

это место и найти другое. Здесь более не безопасно.

Поднимаясь по лестнице, он слышал согласие своих воинов. И почувствовал жгучую признательность за то, что они выбрали его в качестве своего вожака.

Несмотря на очевидный ум, родословную, происхождение Тро... и его внешность.

Поаплодируем безобразному, подумал он, закрываясь в своей спальне. Хотя он многое упустил за эти столетия, благодаря заячьей губе и невежеству, солдаты на первом этаже этого дома ценили его.

И он ценил их в ответ.

айЭм вернулся к огромному каменному особняку Братства прямо перед рассветом, избежал по ступенькам к кафедральному входу и толкнул дверь в вестибюль. Следуя установленному порядку, он подставил лицо под зрачок видеокамеры и принялся ждать.

Внутренняя дверь открылась мгновение спустя, и его поприветствовала жизнерадостная физиономия старика... наряду с роскошными запахами хорошо приготовленной Последней Трапезы.

– Добрый вечер, господин, – кланяясь, сказал Фритц, дворецкий. – Как вы поживаете?

– Эм, слушай, ты не видел моего брата? Я пытаюсь найти...

– Да, он вернулся.

айЭм чуть не выругался от облегчения.

– Отлично. Просто великолепно.

По крайней мере, жалкий ублюдок вернулся домой в целости и находился в безопасной среде. Но, Господи, неужели сложно было послать смс-ку, написать, что жив. Сколько раз айЭм впустую набирал его номер...

С левого фланга резвая тень отскочила от мозаичного пола, ракетой нацелившись на него.

айЭм подхватил Гребаного Кота, так же известного как Бу, на руки. Он каждой своей клеточкой презирал зверюгу... особенно в последнее время, когда комок шерсти взял моду спать с ним в течение дня. Свернувшись калачиком. С мурлыканьем.

Что еще хуже? Он начал привыкать к этой пытке.

– ...клинике.

– Что, прости? – айЭм почесал кошачье горло, отчего глаза Бу закатились. – Я не расслышал, что ты сказал.

– Мои извинения. – Дворецкий снова поклонился, хотя ни в чем не был виноват. – Избранная Селена заболела, ее доставили в клинику. Трэз заботится о ней, пока ей оказывают помощь... уверен, что Праймейл и Кормия тоже внизу. Вынужден сказать, что ее состояние кажется весьма серьезным.

– Черт подери... – айЭм закрыл глаза, запрокидывая голову назад. – Когда он ждал новых бед, им полагалось быть связанными с с'Хисбэ. Не с Избранной, к которой так влекло его брата. – Что с ней случилось?

– Кажется, диагноз еще не поставили.

Дерьмо.

– Хорошо, спасибо, дружище. Я схожу...

В арочном проеме бильярдной появилась Избранная Лейла, а за ней Куин с Блэем.

– Прошу прощения, я услышала, что вы обсуждали Селену?

Предоставив дворецкому отвечать на вопросы, айЭм двинулся в сторону потайной двери под парадной лестницей... и совсем не удивился, когда остальные последовали за ним.

Он как раз вбил код, чтобы отпереть панели, как зазвонил телефон.

– Это снова твой? – спросил Куин.

Лейла выключила звук.

– Просто человек ошибся номером.

– Хочешь, Ви заблокирует номер?

– О, нет причин беспокоить его.

– Дай его мне, я посмотрю...

Лейла спрятала трубку в складках мантии.

– Они больше не позвонят. Пойдемте.

Когда раздался тихий «бииип», айЭм открыл дверь, и они спустились по низким ступенькам ко второй запертой двери. По другую сторону находился подземный туннель, проходивший под особняком к учебному центру, и дальше – до Ямы, где жили Ви и Бутч со своими шеллан.

С каждым шагом на потяжении «от сюда до туда» с бетонными стенами и низким потолком, напряжение в плечах айЭма нарастало, мускулы спины сжимались с силой, отдаваясь болью в висках.

Когда они вышли в офис, Тор оторвался от компьютера.

– Сегодня ночью здесь прямо съезд.

– Селена больна, – пробормотал Куин.

Брат вскочил на ноги.

– Что? Я видел ее час назад, она собиралась покормить Лукаса и...

Так пять пар туфель и военных ботинок направились вдоль коридора.

Учебный центр представлял из себя огромное подземное сооружение, включавшее все, от бассейна олимпийского стандарта, тира, качалки, палаты физической терапии, полномасштабного тренажерного зала до комнат с оборудованием и учебных классов, в которых еще до набегов тренировали солдат. Также были протяженные медицинские помещения, с хирургическими палатами и комнатами для реабилитации... туда они и спешили.

Тот факт, что вокруг запертой двери в смотровую комнату столпился народ, был плохим знаком: Фьюри, Кормия, Рейдж и Вишес пребывали в состоянии беспокойного ожидания, прохаживаясь, уставившись на пол, дергаясь.

– О, слава Богу, – выдохнул Фьюри при виде айЭма. – Трэз будет рад видеть тебя. Мы пытались с тобой связаться.

Наверное, поэтому его телефон разрывался от звонков... но, покинув квартиру и отправившись в «тЕНИ» на поиски Трэза, он игнорировал устройство связи.

– Они делают ей рентген, – сказал Ви. – Поэтому мы все здесь. Трэз не захотел оставить ее.

Лейла нахмурилась.

– Зачем они делают все это? У нее перелом...

Кормия подошла к Избранной и взяла руки Лейлы. Она сказала ей что-то неслышно, и Лейла, охнув, пошатнулась. Когда Куин поддержал ее, айЭм понял, что ему нужно попасть туда, что бы там ни было.

– Я не буду ждать, – сказал он, опуская кота на пол и широко раскрывая дверь.

Он не сразу понял, на что смотрит. Когда тяжелая панель бесшумно захлопнулась позади него, он сосредоточился на том, что напоминало ножки стола – на столе для осмотров. Но... это была Селена. Ее изящные лодыжки и бедра были согнуты и разведены в неестественной позе, под неправильными углами, будто ее охватила сильная боль... и проблема была не только в нижней части тела. Ее голова тоже была повернута под нехорошим углом, ее руки сжались у груди, и даже пальцы скрючились.

Казалось, будто ею завладел какой-то приступ.

Док Джейн расположила большую насадку над плечом Селены, а медсестра, Элена, следила за тем, чтобы не путались многочисленные провода. Трэз стоял у головы Селены, его трясущиеся руки поглаживали ее черные волосы.

Он даже не поднял взгляд. Казалось, он не понял, что кто-то вошел в комнату. Даже не дышал.

– Так, хорошо. Элена, пластину? – Доктор взяла что-то размеров бумаги восемь с половиной на одиннадцать дюймов, но толщиной с палец. К пластинке были прикреплены провода, которые

вели к ноутбуку на роликовом столе. – Я попытаюсь уложить сюда локоть.

Пластину подсунули под сустав, и потом Док Джейн посмотрела на Трэза.

– Хочешь подержать и эту?

Он кивнул и протянул руку, выполняя приказ.

– В этот раз я не дернусь.

– Это цифровой рентген, поэтому мы можем просто сделать новые снимки. – Доктор сжала плечо Трэза. – Мы зайдем за перегородку.

Док Джейн подняла голову и слегка дернулась, будто тоже настолько сосредоточилась на пациенте, что не заметила, как он вошел.

– О, айЭм, хорошо... но слушай, тебе лучше выйти. Пока мы...

– Я никуда не уйду.

– Я не могу... – Трэз выругался. – Я не могу твердо держать пластину.

айЭм без слов пересек укрытый плиткой пол и накрыл рукой ладонь брата, унимая тремор. – Давай помогу.

Трэз не подпрыгнул. Не дернулся. Но он перевел на него взгляд, и, Боже, эти глаза... две черные дыры, наполненные до краев печалью.

И тогда айЭм понял, что все не просто плохо, а ПЛОХО.

Мужчина был не в ужасе.

Он уже оплакивал потерю.

* * *

Трэз не сразу понял, кто его спас. Не узнал руку, которая накрыла его собственную, хотя они и были похожи как две капли. Не уловил новый запах в комнате. Только когда он поднял голову и увидел...

айЭм, ну конечно.

Кто еще это мог быть.

Образ брата стал мутным.

– айЭм, она...

Он не смог вымолвить ни слова дальше. Его мыслительные процессы в буквальном смысле отключились, будто у него случился приступ.

– Будем держать пластину, – сказал айЭм. – Вместе.

– Ты должен находиться за перегородкой.

– Нет.

Трэз не удивился тому, что айЭм остался, и он прошептал губами «спасибо», потому что сомневался в том, что его голос работал лучше его мозгов или руки.

– Старайтесь шевелиться как можно меньше, – сказала Док Джейн. Раздалось недолгое жужжанье машины, и Док Джейн с Эленой снова вернулись к столу.

Это айЭм протянул пластину... и хорошо, потому что Трэз бы уронил ее. К черту руки, он трясся всем телом.

– Спасибо, – ответила Док Джейн. – Думаю, пока достаточно. Хочешь позвать остальных?

Трэз покачал головой.

– Могу я побыть с ней наедине?

– Нам нужно остаться, чтобы изучить снимки.

– А, да, конечно, я просто... – Он оглянулся на дверь, понимая, что у остальных было столько же прав находиться здесь, как и у него. Больше, на самом деле.

– Трэз, – мягко позвала его Док Джейн. – Как захочешь, так и будет.

Но чего хотела Селена? – не в первый раз подумал он.

– Слушай, – прошептала Док Джейн. – Сейчас у нас нет никакой срочности. Остальные могут войти позднее... и если ее состояние изменится? Будем думать дальше, в зависимости от текущего положения дел.

– Хорошо. – Он кивнул своему брату. – Кроме айЭма. Я хочу, чтобы он остался.

Его брат кивнул и подошел к стулу... но не для себя, как выяснилось. Он пихнул его под колени Трэзу, суставы которого среагировали как надо, верхняя часть тела мгновенно рухнула. Когда его задница опустилась на сиденье, он ощутил легкое головокружение. Наверное, хорошая идея усадить его.

Не сказав ни слова, айЭм сел на пол рядом с ним, и было удивительно, насколько присутствие брата успокоило его.

Трэз сосредоточился на Селене. Она все еще не двигалась с того положения, в котором он нашел ее, ее тело по-прежнему было изогнуто под кошмарными углами.

На самом деле, все это казалось таким... опустошительным.

Судя по словам Кормии, Окостенение – это болезнь, поражающая очень небольшое число Избранных. За всю историю была лишь дюжина, может меньше, страдавших от этого недуга... значит, статистически шансы заболеть невелики. К несчастью, болезнь неизбежно ведет к летальному исходу.

Черт подери, он не желал болезней ни одной из этих женщин, но почему именно Селена?

Из всех них, за всю историю Расы, почему именно жизнь Селены должна оборваться так скоропостижно?

И это ужасный способ смерти. В плену своего тела, без возможности общаться с миром, в темнице, пока свет не потухнет, и ты...

Он зажмурил глаза.

Дерьмо, а если Селена не хотела его здесь видеть? Да, он был связан с ней... и все остальные относились к нему с тем же уважением, какое бы заслуживал в данной ситуации связанный мужчина, даже если мысленно гадали, почему не узнали об этом раньше.

Проблема в том, что он и Селена не состояли в браке. Отношениях. Даже не встречались.

Черт, они и минуты не провели вместе за последние месяцы...

– Трэз?

Он резко открыл глаза. Док Джейн стояла перед ним, ее зеленые глаза были полны тревоги и печали.

– Я посмотрела рентгеновские снимки.

Он прокашлялся.

– Наверное, ты хочешь, чтобы остальные присутствовали?

Черт, может, ему стоит отойти в сторону, чтобы Кормия или кто-нибудь другой держал ее руку? Будет ли так лучше? Его тело воспротивится такому решению, как и его душа. Но речь не о нем.

Много народу вошло, их стало больше, и он кивнул Тору, Куину и Блэю, и был рад видеть Лейлу, вместе с Фьюри и Кормией. Заставив себя подняться на ноги, он собрался отступить, но Праймейл подошел к нему и вынудил вернуться на стул.

– Оставайся на месте, – сказал Фьюри, сжимая его плечо.

Трэз что-то прохрипел в ответ. На большее он был не способен.

Док Джейн прокашлялась.

– Я с таким еще не встречалась. – Она вывела на большой компьютерный экран изображение. Сами суставы превратились в твердую кость.

На черно-белом снимке было колено Селены, и Док Джейн обвела разные зоны серебряной ручкой.

– Рентген показывает кости в белом и бледно-сером цвете, а соединительная ткань, например, связки с сухожилиями, не настолько яркие. Вот здесь, – она очертила ручкой вокруг сустава, – должны быть темные пятна между чашечкой и суставной впадиной. Но вместо этого... чистая кость. То же самое с суставами на ногах, локтях...

На экране замелькали снимки, один за другим, ему оставалось лишь качать головой. Словно кто-то залил цемент в местах соединения костей.

– Что именно вызывает беспокойство во всем этом... – Появилось новое изображение. – Это ее рука. В отличие от других суставов, кажется, будто кость разрастается и вторгается в мускулатуру. Если так продолжится и дальше, то все ее тело...

– Камень, – прошептал Трэз.

О, Боже, те мраморные статуи в месте, где он нашел ее.

Это был не дворик... а кладбище. Полное женщин, страдавших и умерших от этого.

– Что-то даже отдаленно похожее на это – человеческая болезнь, которая называется фибродисплазия оссифицирующая прогрессирующая^[28]. Это очень редкое генетическое заболевание, которое вызывает формирование кости там, где расположены мускулы, сухожилия и связки. Результатом с течением времени становится полная потеря подвижности... такая, что пациенты даже могут выбрать положение, в котором они хотят застрять навечно. Рост костей происходит спорадически и может быть спровоцирован травмой или вирусами, а может возникнуть спонтанно. Эта болезнь не поддается лечению, и хирургическое удаление выросшей кости только провоцирует дальнейшее развитие. Похоже на то, что мы наблюдаем у Селены... только в нашем случае болезнь настигает все тело сразу.

Трэз повернулся к двум здоровым Избранным, находившимся в комнате.

– Это пробовали лечить? Кто-нибудь когда-нибудь в прошлом пробовал найти способ остановить это?

Лейла посмотрела на Кормию, и девушка заговорила:

– Мы молились... это все, что нам оставалось. Но приступы все равно приходили.

– Значит это... происходит эпизодически? – спросила Док Джейн. – Не конечная стадия?

– Я не знаю, сколько приступов у нее уже было. – Кормия смахнула слезу со щеки. – Обычно случается несколько приступов перед тем, как ударяет один последний, после которого невозможно оправиться.

Док Джейн нахмурилась.

– Значит, суставы разблокируются?

– Я не знаю.

– Кто-нибудь из вас догадывался, что она больна? – Трэз обратился к Избранным.

– Никто. – Кормия прижалась к своему хеллрену, словно needing в поддержке. – Но судя по ее состоянию... думаю, что она подошла к финальной стадии заболевания. Насколько я понимаю, на ранних стадиях поражению подвергаются отдельные части тела. Сейчас же приступ охватил всю ее.

Все силы покинули Трэза на выдохе, вместе с воздухом. Единственное, что не дало ему сломаться – вероятность, что Селена могла осознавать происходящее... и он хотел быть сильным перед ней.

Док Джейн, прислонившись бедром к столу, скрестила руки на груди.

– Не представляю, как суставы могут восстановиться после подобного.

Кормия покачала головой.

– Приступы, те немногие, что я видела, приходят быстро и потом... не знаю, что

происходит. Несколько часов или ночей спустя, они снова обретали способность двигаться. Спустя какое-то время к ним возвращалась подвижность... но это всегда повторялось. Всегда.

– Они также сами выбирали положение, – тихо сказала Лейла, тоже смахивая слезы. – Как и люди, о которых ты рассказывала, наши сестры всегда выбирали... они говорили нам, в каком положении хотят остаться, и мы следили, чтобы...

Было сказано еще много всего. Задавали вопросы. Давали объяснения по мере возможностей. Но он не слушал.

Подобно разгонявшемуся поезду, его мысли, эмоции, чувство абсолютного бессилия и все сожаления понеслись по четкой дорожке, набирая скорость и мощь.

Он ненавидел ее спутанные волосы и невозможность поправить их.

Ненавидел пятна от травы на ее мантии, ярко-зеленые в том месте, где ее колени рухнули наземь.

Ненавидел ее туфли, которые свалились в процессе.

Ненавидел тот факт, что не мог ни хрена сделать, чтобы спасти ее.

Он ненавидел ту ночь, что возложили на него с'Хисбэ и все, что вынудило его так обращаться со своим телом... потому что – возможно – если бы его родители не продали его Королеве, он бы не перетрахал всех тех человеческих женщин и, может, хотя бы немного был достоин ее. И тогда бы он не просрал столько месяцев. Может, он бы что-то заметил или сделал что-нибудь или...

Как и разговоры вокруг, мысли продолжали обрушиваться на его мозг, но он не мог следить за ними также, как не мог следить за происходящим в комнате. Неистовый рев охватил его, накрывая как цунами, стирая все, кроме ярости, которую было невозможно сдержать.

Трэз не осознавал, что двигается. В одно мгновение он бережно держал руку Селены; в следующее – он уже был у двери смотровой комнаты... потом прошел сквозь нее, его тело рвалось вперед, скорее по инерции, чем с координацией.

Бежать, бежать... ориентируясь по мельтешению в глазах и пролетавшим мимо бетонным стенам коридора, он бежал...

Послышался шум. Пустой коридор наполнился каким-то невероятно громким шумом, словно заклинило шестеренки огромного механизма или измельчали...

Что-то схватило его сзади прежде, чем он добрался до выхода в гараж, железная хватка сомкнулась вокруг него.

айЭм.

Ну конечно.

– Опusti его, – кричал он в его ухо. – Опusti его... давай же, быстро. Опusti...

Трэз покачал головой.

– Что..?

– Трэз, опusti пистолет. – Голос айЭма сорвался. – Мне нужно, чтобы ты опusti пистолет.

Трэз застыл, задыхаясь, пытаясь понять, о чем говорил его брат.

– Да, Господи, Трэз, прошу...

Качая головой, Трэз... постепенно начал осознавать, что он на самом деле держал в руке чей-то сороковой. Может, свой собственный. В клубе он всегда носил при себе оружие.

И, вот так неожиданность, он прижимал дуло к собственному виску... и в отличие от тех пластин для рентгена, сейчас его рука совсем не дрожала.

– Трэз, опusti пистолет, ради меня. – Палец лежал на курке, поэтому его брат очевидно не пытался завладеть оружием, боясь выстрела. – Ты должен опустить оружие.

И в этот момент все стало очень ясным: как он подскочил, бросился из палаты в коридор. Бежал по коридору в сторону гаража, держа пистолет в руке.

Собираясь вышибить себе мозги сразу, как только выберется из учебного центра.

Он подумал, что если Забвение и существовало, то он и Селена могли встретиться на том свете и быть вместе, так, как этого не могло быть на Земле.

– Трэз, она еще жива. Не делай этого. Хочешь убить себя? Дождись, когда ее сердце перестанет биться, но не раньше. Ни секундой раньше.

Трэз вспомнил Селену на том столе и подумал... Дерьмо...

айЭм был прав, как всегда прав.

Тремор вернулся, когда он начал опускать руку, и он двигался медленно, боясь, что случайный рывок спровоцирует выстрел. Но ему незачем беспокоиться об этом. Как только его серое вещество оказалось вне зоны доступа пистолета, его брат быстро разоружил его и поставил на предохранитель.

Трэз стоял на месте, онемело, пока айЭм обшаривал его и забирал остальные пушки, а потом он позволил отвести себя назад в смотровую комнату к толпе, которая стояла шокировано и все также у двери.

Не раньше, чем она уйдет, сказал он себе. Нет, пока она все еще здесь.

К несчастью, он боялся, что, вероятней всего, это произойдет очень скоро.

Пэрадайз, урожденная дочь Абалона, Первого Советника Короля, нахмурилась, посмотрев на экран своего бука от «Эппл». Она облюбовала отцовскую библиотеку с тех пор, как он начал ночную службу у Рофа, сына Рофа, потому что в старом, беспорядочно спланированном тюдоровском особняке вай-фай лучше всего ловил за этим столом. Хотя сильный сигнал едва ли помогал ей в эту минуту. Ее почтовый ящик на «Хотмэйл» был забит непрочитанными сообщениями, потому что с «айМесседж» на телефоне, Твиттером, Инстаграммом и аккаунтом на «Фэйсбук» не было причин часто проверять почту.

– Повиси на телефоне. Как там оно называется? – сказала она в трубку.

– Новый учебный класс, – ответил Пэйтон, урожденный сын Пейтона. – Я направил его тебе, кажется, час назад.

Она подалась вперед на отцовском кресле.

– Здесь столько спама.

– Давай перешлю...

– Подожди, нашла. – Она кликнула на письмо, а потом еще раз – на приложение. – Ух ты. Письмо на официальном бланке.

– А я о чем говорил.

Пэрадайз просмотрела дату, личное приветствие, обращенное к Пэйтону, два параграфа о программе и заключительное слово. – Мать... оно подписано Братом.

– Торментом, сыном Харма.

– Ну, если это подделка, то кого-то ждут серьезные...

– Обратила внимание на второй параграф?

Она снова сосредоточилась на словах.

– Женщины?! Вау... они принимают женщин?!

– Да знаю я, знаю. – Раздалось бульканье и выдох, когда Пэйтон сделал очередную затяжку. – Это беспрецедентно.

Пэрадайз перечитала письмо, в этот раз более внимательно. Главные слова бросались в глаза: *Открытый набор в учебную программу. Женщины и мужчины могут сдать вступительный тест по физической подготовке. Обучение будет проводиться самими Братьями.*

Плата за обучение?

Nada^[29].

– О чем они думают? – пробормотал Пэйтон. – В смысле, это же только для сыновей Глимеры.

– Очевидно, больше нет.

Пэйтон не стал развивать тему о слабом поле и традиционных ролях в доме и на поле боя. Пэрадайз откинулась на спинку кожаного кресла. Рядом с ней с оранжевым пламенем горели дрова в облицованном мрамором камине, разожженном додженом, тепло согревало одну сторону ее лица и тела. Отцовская библиотека вокруг нее сияла желтым светом, полированным красно-коричневым деревом и отблесками золота на корешках его коллекции первых изданий.

Они жили в одном из крупнейших особняков Колдвелла, было еще сорок комнат, уставленных такой же шикарной мебелью, как и здесь, если не лучше: красивые шелковые шторы висели на освинцованных окнах. Полированные полы, укрытые добротными восточными дорожками. Масляные картины предков развешены на лестнице и на виду – над каминами и буфетами. На главном столе расставлялся тонкий фарфор на каждую трапезу, еда готовилась и

подавалась широким составом персонала.

Она жила здесь с отцом годами, обучаемая другими леди из Глимеры тому, что делало аристократическую женщину желанной парой. Одежда. Развлечения. Этикет. Как управлять имением.

И к чему все шло? К вечеринке по поводу ее первого выхода в свет, которая была отложена, как и обучающая программа Братства, из-за набегов два года назад.

Но планы на ее счет подлежали восстановлению. Выжившие аристократы возвращались в Колдвелл из своих убежищ, и по возрасту она почти как четыре года назад прошла через превращение, пришло время подыскать ей супруга.

Боже, она страшилась всего это...

– Алло? – позвал ее Пэйтон. – Ты там?

– Да, прости. – Она резко отдернула руку от телефона, когда в трубке раздался громкий треск. – Что ты делаешь?

– Открываю пачку картофельных чипсов «Кейп Код». – Хруст. Чавканье. – Черт, какая же вкуснятина...

– И что ты собираешься делать?

– У меня осталось еще пол унции. Разберусь с ними и прикончу чипсы. Потом посплю, наверное...

– Нет, я про учебную программу.

– Отец уже сказал мне, что я пойду. Ладно, плевать. Я уже как три года ничем не занимался... и я бы поступил к ним в первый раз, но... ты помнишь, что произошло.

– Да, и тебе лучше бросить курить. Им это не понравится.

– Чем меньше они знают, тем лучше спят. Кроме того, у меня есть право Первой Поправки.

Она закатила глаза.

– Ладно, во-первых, ты не человек, поэтому их Конституция не применима к тебе. И, во-вторых, речь о свободе слова, а не свободе курения.

– Да все равно.

Когда Пэйтон сделал очередную затяжку, она представила его красивое лицо, широкие плечи и яркие синие глаза. Они знали друг друга с рождения, их семьи в течении поколений связывали брачные узы, как это было принято среди аристократов.

Это был известный всей Глимере секрет, что его родители и ее отец недавно начали обсуждать их свадьбу...

Гулкий стук дверного молотка заставил ее повернуть голову.

– Кто это? – спросила она, поднявшись и наклонившись в бок, чтобы посмотреть в фойе.

Дворецкий, Федрика, пересек помещение, и хотя ее отец лично никогда не подходил к дверям, он тоже вышел из своего личного кабинета.

– Хозяин? – спросил дворецкий. – Вы ждете кого-нибудь?

Абалон надел свой пиджак.

– Дальнего родственника. Мои извинения, стоило предупредить тебя заранее.

– Мне пора, – сказала Пэрадайз в трубку. – Приятных снов.

Повисла пауза.

– И тебе, Пэрри. И ты знаешь, можешь звонить мне, если приснится кошмар.

– Конечно. Ты тоже. Хорошего дня.

– И тебе.

Она повесила трубку, радуясь, что ее друг рядом. Со времен набегов и убийства стольких из их класса, они часто проводили бесконечные дневные часы на телефонной трубке. Связь была жизненно необходима ей, когда они с отцом укрылись в Кэтскилле, она слонялась по большому

викторианскому сараю на протяжении месяцев.

Пэйтон был хорошим другом. Что до брака?

Она не знала, что чувствовать по этому поводу.

Обойдя стол, Пэрадайз бросилась к фойе, но отец заметил ее и покачал головой.

– Пэрадайз, спрячься. Прошу.

Она вздернула брови. Это было кодовое слово, велевшее ей укрыться в потайном туннеле под домом.

– Что происходит?

– Ступай, умоляю.

– Ты же сказал, что это родственник?

– *Пэрадайз.*

Пэрадайз скрылась в библиотеке, но осталась у арочного проема, прислушиваясь.

Тихий скрип, с которым открылась огромная парадная дверь, был невероятно громким.

– Это ты, – сказал ее отец странным тоном. – Федрика, прошу, оставь нас.

– Слушаюсь, хозяин.

Дворецкий ушел, быстро пересек ту часть фойе, которую она могла видеть. Спустя мгновение хлопнула дверь в заднюю часть дома.

– Итак? – сказал мужчина. – Ты пригласишь меня войти?

– Не знаю.

– Я умру на твоём пороге. Через считанные минуты.

Пэрадайз боролась с желанием высунуть голову из-за арки и посмотреть, кто там пришел. Она не узнала голос, но четкое произношение и надменный тон сообщил, что это был аристократ. Логично, ведь он же «родственник».

– Ты облачен для войны, – парировал ее отец. – Я не потерплю оружие в своем доме.

– Что так пугает тебя – мое оружие или мои знакомые?

– Я не боюсь ни того, ни другого. Вы были повержены, если помните.

– Но не сломлены, вынужден добавить. – По звону стало ясно, что кто-то держал металлические предметы. Потом раздался лязг, словно что-то бросили на крыльцо. – Вот, я гол перед тобой. Я полностью разоружился, и мое оружие на твоём пороге, а не в стенах твоего дома.

– Я тебе не кузен.

– Ты – моя кровь. Нас связывают многочисленные предки...

– Избавь меня от этого. И какое бы сообщение твой лидер не желал послать Королю, пусть сам...

– Я больше не имею к ним никакого отношения. Никакого.

– Прошу прощения?

– Все связи порваны. – Послышался усталый вздох. – Все эти месяцы с момента избрания Рофа на трон, я пытался убедить Кора и Шайку Ублюдков отказаться от государственной измены. Даже после просьб и попыток облагородить, мольбы пойти более умной дорогой, с грустью вынужден признать, что мне не удалось отговорить их от этого безумия. В конечном итоге, я просто покинул их. Я ускользнул из места их ночлежки, и сейчас боюсь за свою жизнь. Мне некуда пойти, я говорил с Сэллией из Старого Света, и она посоветовала мне отправиться к тебе.

Их дальняя кузина, подумала Пэрадайз. Она вспомнила имя.

– Прошу, – сказал мужчина. – Запри меня в комнате, если придется...

– Я – верный слуга своего Короля.

– Тогда не отворачивайся от тактического преимущества.

– Что ты предлагаешь?

– Если ты дашь мне кров над головой, я готов рассказать тебе все что мне известно о Шайке Ублюдков. Где они проводят дневные часы. Их привычки. Где они встречаются ночью. Как они думают, ведут бой. Уверен, эта информация стоит ночлега.

Пэрадайз не могла больше терпеть. Она должна была увидеть лицо.

Крадучись, она выгнулась всем телом, выглядывая из арки и из-за напряженных плеч отца. Кожаная одежда и рваная рубаша не подходили к этому акценту – вот, что было ее первой мыслью. Второй – что глаза мужчины были с кровоподтеками, настолько они были уставшими.

Воистину было видно, что он пришел с передовой военных действий, что-то тошнотворно сладкое приправляло воздух, который, минуя его тело, проникал в дом.

Мужчина мгновенно заметил ее, и на его лице отразилось что-то, что он мгновенно скрыл.

Ее отец оглянулся через плечо и выразительно на нее посмотрел.

– Пэрадайз, – прошипел он.

– Я понимаю, почему ты колеблешься, – сказал мужчина, не сводя с нее взгляда. – Воистину, она – драгоценность.

Ее отец повернулся к мужчине.

– Ты должен уйти.

Мужчина опустился на одно колено и, склонив голову, положил одну руку на сердце, а вторую открытой ладонью поднял к небесам.

И сказал на Древнем Языке тихо: – *Настоящим я клянусь своими предками, что не причиню вреда тебе, твоей урожденной дочери или любому другому живому существу в пределах сих стен... иначе пусть Дева-Летописеца заберет у меня жизнь на ваших глазах.*

Ее отец повернулся к ней и ладонью полоснул по воздуху, приказывая ей скрыться и больше не появляться.

Она подняла руки, кивая, как бы говоря «ну хорошо, твоя взяла».

Двигаясь быстро, она вернулась в библиотеку и пересекла помещение, направляясь к панелям возле очага. Потянувшись к пусковому механизму на третьей снизу полке, она нажала рычаг и смогла выдвинуть целую кипу книг и сместить вбок на хорошо смазанных рельсах. Она выскользнула по ту сторону, в отремонтированный коридор, который располагался под первым этажом, образуя форму квадрата, предоставляя доступ, визуальный и фактический, к каждой комнате через потайные двери и точки для наблюдения.

Как в фильмах Альфреда Хичкока^[30].

Закрывшись, Пэрадайз направилась к невысокой лестнице в самом конце, и поднявшись по ступенькам, она пожалела о том, что не могла подслушать их разговор. По своему обыкновению, она была в тени; отец никогда и ничего ей не рассказывал.

Это – часть его старомодного менталитета: благородных женщин не стоит беспокоить вещами вроде загадочных, давно потерянных родственников, которые без предупреждения объявляются на пороге, вооруженные до зубов. Или, скажем, где работает глава дома, сколько он зарабатывает, каково его состояние. Например, когда ее отца назначили Первым Советником Короля, большего ей не сообщили. Она понятия не имела, из чего состоит его работа, что он делал для Короля и Братства... черт, да она даже не знала, куда он отправляется каждую ночь.

Она понимала, что он свято верит, что ограждает ее. Но она так сильно ненавидела дремучее неведение.

Оказавшись на вершине потайной лестницы, она прошла примерно пятнадцать футов вперед и остановилась у встроенной в стену панели. Защелка располагалась слева, и она ударила по ней.

Ее спальня представляла собой девчачье царство: от рюшей на кровати и кружев на окнах,

до плетеных ковров, которые заменяли тапочки.

Заходя внутрь, она повернула замок на двери, зная, что это будет первым, что проверит ее отец, когда бы он ни поднялся наверх... А если он не доберется до второго этажа, потому что решит составить компанию их «гостю»? Тогда он пошлет Федрика, чтобы тот на проверку дернул ручку.

Она села на кровать и, сбросив лоферы, откинулась на покрывала. Уставившись на балдахин, она покачала головой.

После всех набегов, она хотела одного: оказаться здесь, почувствовать себя в безопасности.

Но те ночи ужаса перетекли в месяцы беспокойств... которые трансформировались в тревожную нормальность... которая развилась и стала просто ее жизнью.

И сейчас она чувствовала себя заключенной. В этой комнате. В этом доме. В этой жизни.

Пэрадайз посмотрела на свою закрытую, запертую дверь.

«Кто этот мужчина?» – гадала она.

Селена смутно начинала осознавать, что находится не в Святилище. Но она не узнала это помещение: ее мозг очень медленно обрабатывал сигналы, которые посылало тело, и догадки об окружающей среде, словно приступ заморозил не только ее плоть, но и разум.

Но постепенно до нее дошло, что трава больше не лезла в ее лицо. Вдалеке не виднелись деревья и храмы. Не было слышно шума воды из купален.

Она попыталась повернуть голову и застонала.

– Селена?

От лица, появившегося в поле зрения, слезы набежали на глаза. Это был Трэз...это был Трэз...

Словно магическим образом извлеченный из сна, он стоял прямо перед ней, и Селена впитывала его образ: его гладкую темную кожу, черные миндалевидные глаза, коротко-стриженные волосы, его массивную высокую фигуру, нависшую над ней.

Первым инстинктом было прикоснуться к нему, но вспышка боли остановила ее, вырывая стон.

– Док Джейн, – рявкнул он. – Она очнулась!

Трэз? – позвала она. – Трэз, подожди. Я должна сказать тебе кое-что...

– Док Джейн!

Нет, не беспокойся об этом. Мне нужно...

– Она не может дышать!

Все произошло так быстро. На нее мгновенно натянули маску, и что-то заставило ее легкие сделать вдох. Голоса раздавались вокруг нее. Послышалось резкое пиканье – казалось, включилась сигнализация...

Кто-то пытался распрямить ее, и суставы протестующе закричали. О, нет, это же она пыталась шевельнуться... она попыталась сесть, чтобы увидеть, что происходит.

– Она двигается! – Это был Трэз.... Селена знала наверняка. – Ее рука пошевелилась!

– У нее остановка сердца! Ты можешь распрямить ее грудь?

После чего пришла настолько сильная боль, что она закричала.

– Прости, – прошептал Трэз ей на ухо, его голос срывался. – Малышка, прости меня, мне так жаль, но я должен выпрямить тебя...

Селена снова закричала, но едва ли это было похоже на звук. А потом ее зрение начало мутнеть, сначала периферийное, потом центральное, будто туман подступал к ней с боков.

Мгновение – и она уже смотрела на медицинскую лампу... а, значит, им как-то удалось перевернуть ее на спину. Потом надавили на ее плечи, спину, руки. Зрение то включалось, то выключалось, мутность отступала и возвращалась вместе с огромными волнами боли.

– Я боюсь что-нибудь сломать, – выдавил Трэз.

Значит, это его руки на ее запястьях пытались распрямить ее.

– Мне нужно добраться до груди. Немедленно.

Док Джейн появилась по другую сторону стола, в ее руках были подушки размером с ладонь, с краев которых свисали извивавшиеся провода.

– Сними с нее одежду. – Док Джейн отвернулась. – Парни, вы должны выйти, иначе он не даст нам добраться до ее грудины.

Сигнал тревоги стал очень громким, непрерывным, больше не было никаких интервалов.

– Разряд! – приказала Док Джейн.

Молния ударила в грудь Селены, поднимая ее торс со стола, все до единого позвонки

хрустнули, вырывая позвоночник из тисков.

Когда она рухнула на тонкий матрас, последовала короткая, резонирующая пауза, в течение которой трое людей вокруг нее – Док Джейн, медсестра Елена и Трэз – смотрели на нее. Она сосредоточилась на Трэзе... и тогда она увидела четвертого, стоявшего прямо возле него, огромное тело отвернулось, темная голова склонилась в бок.

айЭм.

О, хорошо. Она была рада, что айЭм был рядом с Трэзом.

Селена открыла рот под маской, смотря прямо в черные глаза Тени. Если бы только она могла сказать ему...

Хаос повторно разразился вокруг нее, ее легкие бились о ребра, вокруг звучали голоса, люди меняли свои положения.

– Прекратить вентиляцию легких! – закричала Док Джейн. – Разряд!

Второй мощный заряд тока вошел в нее, выгибая торс. В этот раз не было передышки. Мгновенно в ее легкие послали поток воздуха, повторяя снова и снова.

– Что дальше? – спросил Трэз сдавленно.

О, Дражайшая Дева-Летописец, он плакал.

Трэз, она мысленно обратилась к нему. *Я люблю тебя...*

* * *

Взгляд Трэза был прикован к жизненным показателям на машине, стоявшей примерно в футе от стола для осмотра больных. Моток проводов подключал Селену к встроенному компьютеру, и экран высвечивал разнообразную информацию, в которой он совсем не разбирался. Он понимал лишь одно и понимал чертовски ясно: желтая линия внизу должна волнообразно подниматься и проваливаться через регулярные интервалы, иллюстрируя ее сердцебиение.

Линия не поднималась и не опускалась в хорошем, ровном ритме... даже после того, как Док Джейн приложила подушки к груди Селены и послала сквозь нее электрические разряды.

Ровная линия. Снова ровная.

Элена продолжала вентиляцию легких, ее пальцы впивались в бледно-голубой мешок, который накачивал воздухом легкие Селены. А тем временем, Трэз смотрел на желтую линию, мысленно пытаясь заставить ее подскочить, отреагировать на сердцебиение.

– Бейся, черт подери...

Что-то коснулось его лица, и он дернулся... но потом обнаружил, что это Селена протянула к нему свою бледную, изящную ручку, рывками, словно сустав совсем заржавел.

– Селена, – сказал он, наклоняясь, чтобы она не тратила силы. – Селена...

Он поцеловал ее ладонь, ее пальчики, а потом позволил погладить себя по щеке. Ее глаза были невероятно голубого цвета, лучистые, светящиеся. И на мгновение остались только они – стены смотровой, оборудование и персонал, даже его любимый брат – все исчезло.

Ее губы начали шевелиться под пластиковой маской.

– Все хорошо, хорошо. – Он понятия не имел, что она говорила. – Ты можешь остаться со мной? Прощу, оставайся со мной... не уходи.

Она шевелилась, и это хорошо, ведь так?

– Селена! – Дерьмо, она закатила глаза. – Селена..!

– Мы теряем ее!

У него не было ни одной сознательной мысли. Как только Док Джейн прокричала те три

ужасных слова, он расщепился на молекулы и накрыл Селену собой, своей энергией, душой, окружая ее сверху, снизу, всюду. Он накрыл ее, прорываясь сквозь кожу, уходя вглубь, надеясь поделиться всем, что имел, только бы сделать то, что не удалось реанимационной тележке.

Каким-нибудь образом вернуть ее...

И потом это произошло.

Словно Селена протянула руки и ухватилась за то, что он давал ей, железной хваткой цепляясь за его сущность, притягивая его, беря от него.

Вот так, думал он. Используй меня...

– Есть пульс! – закричал кто-то.

– Она дышит!

Он слышал слова не как звуки, а как мысли других... но он не остановился. Еще рано. Он мало отдал ей.

Но очень скоро его сила начала иссякать, энергия выплескивалась из него потоком, а не постепенно. Как бы он не хотел продолжить помогать ей, он понимал, что должен вернуться в физическую форму или навсегда застрянет в парообразном состоянии, а это – смертный приговор.

Только когда она уйдет, не раньше, сказал он себе.

И тогда он снова сможет помочь ей, после...

Трэз приземлился на напольную плитку, ударившись и шлепнувшись так, словно его с силой толкнули вниз. С этой позиции он в упор видел красные кроксы ^[31] Дока Джейн, голубые – Элены, колени своего брата, тут же севшего подле него.

айЭм действовал мгновенно, без промедления: подхватил Трэза подмышки и рывком подтащил его к голове Селены, поднимая его, когда он оказался не в силах стоять на ногах или коленях, даже просто сохранять вертикальное положение.

Он не понимал, что делали Док Джейн и Елена, они вертелись вокруг распростертого тела Селены со всевозможным медицинским оборудованием...

Дверь в коридор резко запахнулась. Мэнни Манелло – человеческий доктор, напарник Джейн – был в гражданской одежде и в дикой спешке, будто со всех ног несли в учебный центр.

Он был не того пола. Учитывая наготу Селены.

Трэз обнажил внезапно удлинившиеся клыки, из его груди вырвалось рычание.

– Мерзкие пробки! – воскликнул Мэнни. – Мне так жаль...

– Ты должен выйти! – закричала Док Джейн, оторвавшись от Селены – в этот момент она проверяла чувствительность ее зрачков на свет. – Если не хочешь, чтобы тебя покусали.

Когда Мэнни бросил на него крайне удивленный взгляд, Трэз почувствовал, что к нему возвращаются силы. И не он один это заметил. айЭм обвинил его грудь тяжелыми руками.

– Я выйду через секунду, проконсультироваться? – сказала Док Джейн своему напарнику.

– Так точно. – Мэнни поднял руку по направлению к Трэзу. – прости, дружище.

Его уступка достойна уважения, подумал Трэз, когда парень испарился.

– Весьма ограниченная подвижность рук, пальцев и плеч, – объявила Елена, подойдя к основанию стола и взяв ногу Селены. – Бедро. Колено. Лодыжка. Аналогично.

– Жизненные показатели стабильны, – доложила Джейн. – Я хочу сделать еще несколько снимков, как только удостоверюсь в том, что она остается с нами.

Джейн посмотрела на Трэза.

– Ты вернул ее. Ты спас ей жизнь.

Будто бы услышав слова и осознав их смысл, Селена посмотрела на него. Трэз открыл рот, чтобы ответить, но не смог. Словно его выключили из розетки, подключавшей к этому миру, вокруг все почернело, и он потерял сознание.

Единственное, что он осознавал? Даже после того, как вырубился к чертям собачьим?
Уверенное бип-бип-бип аппаратов, отмечавших сердцебиение Селены.

Дэнзел в «Гангстере»^[32] дело говорил.

Лучшие наркоторговцы были хорошими бизнесменами. И гарвардский диплом совсем не обязателен.

Мистер К, Старший лессер Общества Лессенинг, не имел никакого отношения к вонючей бумаге, висевшей в рамке на его стене. Но он родился и был воспитан на улицах и чертовски преуспел в продаже товара.

Когда солнце зашло за окнами его кабинета, он продолжил пересчет налички, перевязывая стопки мятых двадцатидолларовых купюр резинками, которые украл у копировальных автоматов в офисе «ФедЭкса»^[33]. Они ему не особо нравились, но ведь в фильмах так и делают.

Мистер К наклонился и схватил очередную кучку мятых, грязных Эндрю Джексон^[34] из мешка «Хефти» на полу. Его парни были обязаны каждое утро вытряхивать карманы в кабинете директора, и даже если на это уходил весь день, никто не помогал ему в подсчете.

Сейчас, спустя почти год в деле, у него в распоряжении было около сотни курьеров. Их количество взлетало и падало в зависимости от того, насколько темп вербовки превышал коэффициент убийств Братства Черного Кинжала. Его идея сосредоточить Общество Лессенинг в одном месте, в заброшенной подготовительной школе, была умной. Он руководил убийцами как армейской единицей, они жили все вместе, дежурили по расписанию, он следил за всеми и контролировал каждую продажу лично.

Впереди его ждет херова куча преобразований.

Вскоре после того, как Омега пришел к нему и вознес до Старшего лессера, он осознал, какую свинью ему подложили. Общество было на мели. Без адекватных пушек и припасов. Крыши над головой. Без организации и четкого плана. Сейчас же совсем другая песня: необычный, тревожный союз решил первую проблему, одновременно позаботившись о второй и третьей. Четвертой занялся он сам.

В настоящий момент все, что ему оставалось делать – поддерживать темпы роста. Удостовериться, что его парни на участках. Следить за поступлением и отбытием налички. Начать закупку военных игрушек. Как только они затоварятся оружием?

Он вырежет Братство Черного Кинжала и войдет в историю как первый, кому удалось довести это долбаное дело до конца.

Мистер К закончил подсчет, когда последние лучи солнца покинули ночное небо. Поднимаясь, он надел пару сороковых и скидал свертки бабла в вещевой мешок. Общая выручка – четыреста тысяч долларов.

Не так плохо для двух дней работы.

Он вышел, и не было причин запирать что-либо, потому что в кабинет директора и так «заходи-не-хочу»: окна напоминали решето, двери еле висели на петлях, а убогие земли гниющей школы были окружены железной оградой, в которой дыр было больше, чем целых участков.

Что же держало людей в стороне?

Убийцы, постоянно бродившие по территории, часовые, чья единственная работа – отпугивать всех, кто подберется слишком близко.

Хорошие новости? Ходили слухи, что здесь обитали призраки, поэтому когда

пятнадцатилетняя шпана пыталась заявиться сюда, парочка омеговских трюков решала возникшую проблемку. И как бонус? Его парни обожали пугать их до усрачки, а это лучше, чем убивать придурков. Трупы – та еще заноза в заднице, и он не хотел связываться с человеческой полицией.

В конце концов, в войне против вампиров соблюдалось одно-единственное правило: людям на вечеринку вход воспрещен.

Снаружи Мистер К сел в свой наглухо тонированный черный «Линкольн Навигатор»^[35] и развернулся по нестриженной мертвой траве. В сумерках, его парни перемещались по территории, и хотя он не мог видеть их, эхо омеговской крови служило лучшим JPS^[36] в заднице.

Так что, да, он знал, что прошлой ночью они потеряли одного из команды. Он почувствовал смерть, которая шоком прокатилась под его бледной кожей. Проклятое Братство. На убитом придурке была куча налички и наркоты, поэтому он потерял чистыми не меньше пяти тысяч.

В любую другую ночь у него было от двадцати до двадцати пяти дилеров на улице за смену, каждый работал по четыре часа. Смены были жизненно необходимы. Как только они выходили за пределы двести сорока минут, на дилерах скапливалось слишком много добра, которое можно потерять, если их заметут копы, опрокинут, или Братство убьет их. На такое не закроешь глаза.

Он давно узнал, как вести дело, когда еще был человеком и мелким уличным игроком, желавшим стать крупной рыбой.

И на чистоту, без брехни? Омега нуждался в нем, черт подери. А не наоборот.

Дорога до поставщика менялась каждый раз, и он внимательно смотрел, чтобы за ним не следили – ни копы, ни госнаркоконтроль. Более того, с оптовиком невозможно связаться по телефону... технологические преимущества в распоряжении местных и федеральных агентов придавали подобному виду связи слишком большой риск. Все оговаривалось при встрече, и на случай, если одна из сторон не явится, они заключили договоренность, условившись, где и когда выйти на связь.

Никому из его людей не была известна личность его поставщика, и он должен сохранять тайну. Он в таком положении уже оказывался... последнее, что ему нужно, чтобы кто-то попытался его подсадить.

А тот факт, что оптовик был вампиром?

Забавная штука.

Сделка этой недели была запланирована на полтора часа после захода солнца, вблизи – но не слишком близко – к карьере. Ушло добрых сорок пять минут по шоссе на то, чтобы добраться до района, и сейчас настало время для «тише едешь – дальше будешь». Дорога по участку в тысячу акров была однополосной, такой же объезженной, как и заброшенная козья тропа, ухоженной как наркопритон. Деревья и кусты ломились с обочин, превращая проезжую часть в туннель, а впереди, в свете фар сияли знаки, предупреждавшие о заболоченности территории.

Спустя двадцать ярдов он потушил фары. Как и у его поставщиков, внедорожник был оснащен для движения в темноте, а глазам понадобилось лишь мгновение, чтобы привыкнуть.

Скажем спасибо Омеге.

Искомый поворот показался через четверть мили по левой стороне, и по грунтовой дороге он поехал еще медленней. В его человеческом прошлом, когда он проворачивал подобные обмены, его сердце всегда билось как сумасшедшее перед встречей. Сейчас же у него просто ничего не осталось в груди, он был спокоен как удав. Благодаря модифицированному шасси и мозговой деятельности, он мог управляться с происходящим что с помощью, что без помощи оружия и прикрытия.

Так что, нет, он несколько не беспокоился. Даже перед обменом на миллион долларов между двумя криминальными элементами.

Когда он, наконец, добрался до места встречи, «Ренж Ровер» его «партнера» уже стоял на пустоши, смяв молодые деревца и кусты при развороте в три приема, чтобы машина смотрела капотом к выезду. Когда он подъехал водительской дверью к двери Ровера, они оба опустили стекла.

Вампир, заправлявший импортом, был вылитым Дракулой: черные, зачесанные назад волосы, глаза – словно два лазерных прицела Глока, полный рот клыков, аура, будто он ловил кайф, причиняя боль.

Но его мозги функционировали также, как и у Мистера К.

– Четыре сотни, – сказал Мистер К, протягивая вещевой мешок.

Когда он высунул его из окна, вампир взял сумку и передал ему точно такую же.

– Четыре сотни.

– Сорок восемь? – спросил Мистер К.

– Сорок восемь. Один, сорок девять и сорок?

– После захода. Девяносто.

– После захода. Девяносто.

Они подняли стекла одновременно, и вампир ударил по газам, уезжая с выключенными фарами.

Мистер К также развернулся капотом к выезду и последовал за ним; как только они вышли на асфальт, поставщик свернул налево, а он – направо.

Без свидетелей. Без осложнений. Все четко синхронизировано.

Для двух убежденных врагов, находившихся по разные стороны баррикад, они чертовски хорошо ладили.

* * *

Абалон, сын Абалона появился перед историческим домом в одном из богатейших кварталов Колдвелла.

В двести семьдесят первую ночь он приходит в этот прекрасный особняк.

Разумеется, только сумасшедший станет считать дни, но он не мог сдержаться. Его шеллан давно в Забвении, его дочь вот-вот будет представлена обществу Глимеры для поисков супруга, и назначение Первым Советником Рофа, сына Рофа, было единственной памятной датой, которую он мог отмечать.

Не было и ночи, когда он не гордился тем, что пошел по стопам своего отца в служении престолу.

Или, по крайней мере, как правило, не было. Но впервые он чувствовал, будто подводит своего отца и Короля.

Подойдя к парадной двери, он сглотнул ком и закопошился с медным ключом, который ему вручило Братство почти год назад. Войдя в особняк, он сделал глубокий вдох, чувствуя запах мыла «Мерфи Ойл», пчелиного воска и лимона.

Запах богатства и знатности.

Король еще не прибыл, и Абалон достал телефон, чтобы убедиться, что он не пропустил ни одного вызова. Ничего. Он трижды набирал Рофа, но на его голосовую почту не ответили.

Не в силах стоять на месте, он вошел в гостиную слева, в мягко-желтых тонах, с картиной французского монарха в полный рост и недавно передвинутыми стульями с мягкими сиденьями, выстроенными у стены словно в приемной элитного врача. Он включил свой компьютер на столе возле арки, но не смог сесть за него.

Роф воскресил почтенную традицию аудиенций с гражданскими, и то, что раньше было жизненно-важной связью между правителями Расы и их поданными, эволюционировало в смесь старого с новым. Сейчас встречи назначались текстовыми сообщениями или по электронной почте. Подтверждения направлялись тем же способом. Запросы каталогизировались на листах в «Excel» с возможностью сортировки по дате, проблеме, семейству или решению. Акты Древнего Права просматривались также не в виде древних талмудов, но в поисковой базе, созданной Сэкстоном.

Но общение лицом-к-лицу осталось неизменным, как и в древности, проситель и Король, личный контакт, подтверждавший важную связь и укреплявший устройство Расы.

Абалон создал и управлял новыми, современными процессами регистрации, и эта система подтвердила свою бесценность. Но объем запросов постоянно возрастал... только за последние четыре месяца их число выросло в четыре раза... и он начал тонуть в бумажной работе и составлении расписаний.

Однако промедление было неприемлемо и означало бы неуважение по отношению к Рофу и просителям.

Следовательно, стала очевидна необходимость в помощи. Но он не знал, где найти ее.

Вопрос в доверии. Ему нужен кто-то, кому он мог безоговорочно доверять.

Проблема в том, что он не знал, где начать поиски... особенно в виду того, что он был знаком лишь с аристократами и представителями Глимеры, не только ставшими источником изменнических планов, которые чуть не свергли Рофа с престола, они также были лишены своих привилегий в части политического влияния.

Было бы глупо считать, что диссиденты растворились магическим образом.

Поэтому незваное появление Тро на его пороге перед самым рассветом было таким тревожным.

Заставляя себя сосредоточиться, Абалон напечатал реестры этой ночи, а потом направился в импровизированный тронный зал, дабы проверить, что все в порядке. Раньше помещение использовали в качестве столовой, сейчас здесь проводили аудиенции с Рофом... но, в духе Короля, все было весьма сдержанно. Никаких золотых стульев и накидок из горноста, бархатных занавесей, величественных ковров. Просто несколько кресел стоявших друг напротив друга возле камина, который отбрасывал жизнерадостные блики пламени осенью и зимой, а весной и летом декорировался свежими садовыми цветами.

Дрова уложили до него, и Абалон подошел и зажег очаг.

Настоящий трон, на котором когда-то восседал отец Рофа, и все его предки до этого, стоял в особняке Братства. По крайней мере, по слухам. Абалон никогда не был в тайном строении, и не желал знать, где оно располагается, побывать там.

Некоторые вещи знать весьма опасно.

И в итоге, это единственная причина, почему он не вышвырнул своего кузена посреди дня, когда для него стало очевидно, что связаться с Королем не представляется возможным.

Даже если бы Тро одолел Абалона? Мужчина не узнал бы ничего существенного, ничего, чтобы нанесло вред Рофу или Братству. Это место охранялось Братями во время визитов Рофа, и Брат Вишес настоял на установке пуленепробиваемого стекла, огнеупорного сайдинга, стальной сетки по периметру столовой и кухни и других мер безопасности, о которых Абалон даже не догадывался.

Эта резиденция была сейчас такой же укрепленной, как и Форт-Нокс^[37].

Он не боялся, что здесь появится Шайка Ублюдков. Или Общество Лессенинг.

К тому же, Тро просто удалился в гостевую комнату и проспал весь день, словно восстанавливая силы после ранения. Агрессия ушла, и он причинял не больше хлопот, чем

любой другой гость.

Это пока.

Минуты шли, и Абалон прохаживался по комнате для аудиенций...

– С тобой все нормально?

Абалон развернулся так резко, его лоферы от «Бэлли» скрипнули на полированном полу.

– Мой господин..!

Роф сумел не просто войти в дом, но и в саму комнату, не издав ни единого звука... не в первый раз Абалон испытывал благоговейный страх перед мужчиной. Король был почти семь футов ростом и настолько мускулистым, что от его физического присутствия хотелось поднять руки над головой и сдаться, только бы убраться с дороги. Черные волосы падали с вдовьего пика до самых бедер, черные солнечные очки скрывали его слепые глаза от взгляда всех, кроме его любимой Королевы, в нем сочетались аристократическая красота и животная мощь. И он носил физическое воплощение своего высокопоставленного положения: кольцо с черным бриллиантом на среднем пальце его боевой руки и темные татуировки на предплечьях, отражавших его родословную.

Мужчина всегда шокировал, и неважно, сколько часов Абалон провел в его компании. Но это казалось особенно верным в ночь, подобную этой.

Король наклонился, выпустил своего пса-поводыря из поводка и посмотрел через плечо.

– Бутч? Оставь нас на минутку, хорошо?

– Понял.

Брат с бостонским акцентом закрыл раздвижные двери, и, когда панели сошлись вплотную, Абалон мог, положив руку на сердце, признаться, что и представить не мог, что сам будет искать аудиенции у Короля.

Ноздри Рофа расширились.

– Тебя что-то тревожит.

По неясной причине Абалон ощутил необходимость опуститься на колени.

– Мой господин, я пытался связаться с вами.

– Да, я знаю. Я был на Манхэттене со своей шеллан. Все сообщения получил всего пять минут назад. И подумал, что о чем бы ни шла речь, мы можем обсудить это при встрече.

– Да. Воистину.

– Так, в чем дело?

Дражайшая Дева-Летописецца, наверное, вот что чувствует изменщик, думал Абалон.

– Я...

– Что бы там ни было, ты можешь сказать мне. И мы разберемся с этим.

– Я... эм, этим утром, перед самым рассветом мне нанесли визит. Мой кузен.

– И это плохие новости?

– Это... Тро.

Вместо ответного проклятья, Роф тихо рассмеялся... так урчит большая кошка при виде трапезы.

– Какие хитросплетения. Ты не говорил, что он приходится тебе кузеном.

– Я и не знал. Мне позвонила троюродная кузина. Думаю, связь не кровная, а посредством брака. Если бы я знал...

– Не волнуйся об этом. Тебе не подвластна твоя родословная. – И снова его ноздри расширились. – Похоже, его приняли далеко не радушно в твоём доме, да?

– Да, мой господин. Я впустил его лишь потому, что он предложил информацию о Шайке Ублюдков. Он утверждает, что он покинул их и готов выдать местоположение, стратегию, позиции нашего врага.

Король улыбнулся, обнажая клыки, длинные как кинжалы.

– Что ж, тогда я хочу с ним встретиться.

Абалон последовал первому инстинкту, подошел к Рофу и опустился на голый деревянный пол.

– Мой господин, вы должны знать...

Король положил руку на плечо Абалона, и его ладонь была такой огромной, что казалось, она обхватила весь его торс.

– Ты предан мне одному. Я чувствую это. Забудь про вину. Сейчас он в твоём доме?

– Да.

– Тогда я поеду к нему.

– Не будет ли лучше послать эмиссара?

– Мне нечего скрывать, и я не стану бегать от него или девчачьего хора под руководством Кора. Они пытались убить меня однажды, помнишь? Не сработало. Пытались свергнуть меня? Я все ещё на троне. Им, черт подери, меня не достать.

Роф, словно мог читать мысли, протянул чёрный бриллиант, и Абалон обхватил руку, прижимаясь губами к священному камню, согретому плотью мужчины.

– Бутч, – позвал Роф. – Созови Братство. Нам нужно нанести светский визит.

Раздался крик Брата по ту сторону двери, когда Король опустил лицо так, будто мог посмотреть Абалону в глаза.

– А сейчас, Первый Советник, я хочу, чтобы ты внес изменения в расписание на первые два часа.

– Да, мой господин. Сию секунду.

– А потом мы отправимся к тебе домой.

– Как прикажете, мой господин. Как прикажете.

Оказалось, что избавителем Трэза от его плена стало не живое существо. Даже не предмет.

Он добился своей свободы благодаря скромному вентиляционному отверстию, расположенному в верхнем правом углу его обширных покоев, служивших клеткой.

За три ночи до окончательного побега он лежал на спине, с полностью пустой головой, когда поток свежего воздуха задел украшения на его одежде, холодя кожу. Нахмурившись, он поднял взгляд и увидел решетку в белой стене из гладкого мрамора.

Камеры первого поколения следили за каждым его движением, поэтому он понимал, что нельзя проявлять открытый интерес. Но это навело его на мысли. Тени были способны как дематериализоваться, так и превращаться в дым... что также позволяло путешествовать на дальние расстояния и сохранять при это невидимость.

Он много раз пытался сделать и то, и другое, но терпел неудачи... сначала именно по причине многочисленных провалов он записал в разряд неудачных все мысли о том, чтобы спастись по вентиляции.

Но следующей ночью, без серьезных на то причин, он посмотрел на то, чем они украсили его тело. Камни... сверкающие, драгоценные камни, в, наверное, золотой оправе. Металл был серебряного цвета. Белое золото, да?

Только если... это была нержавеющая сталь. Единственное, через что не могли дематериализоваться вампиры – даже из вида Теней.

Он посмотрел через мраморную комнату в сторону ванной. Даже когда он находился в ванной, когда его тело подвергалось ритуальным омоновениям... они не снимали с него сапфиров и бриллиантов, на него надевались воротники с камнями – на его шею, плечи и запястья, лодыжки, – перед тем, как он заходил в воду. А после? Его тело сразу же заключали в кольчугу из камней.

Он закрыл глаза. Почему до него раньше не доходило это?

Прошло еще две ночи, два цикла рассветов и закатов, прежде чем он разработал план. Расписание трапез, купаний, упражнений и обучения всегда менялись, словно они целенаправленно создавали отсутствие шаблона, и приходы айЭма также были случайными, ведь он не был Нареченным и обладал относительной свободой передвижения, доступом во дворец для питания и обучения... но эти привилегии были шаткими.

После мысленных дискуссий, Трэз ни коим образом не менял своего поведения, отношения, привычек, но внутренне его мозг творил, ухищрялся, проверяя теории на предмет осложнений и потенциальных провалов.

Он думал, что выждет больше, но нужный момент настал неожиданно, благодаря опрокинутому подносу с трапезой. Слуга поскользнулся на полированном мраморе, и еда, тарелки, столовое серебро разлетелись в разные стороны. айЭм, вечно помогавший всем, вызвался помочь с беспорядком, и они со слугой ушли в поисках чистящих средств к шкафу в коридоре.

Камерная дверь закрылась со щелчком.

И тогда это произошло.

Двигаясь быстро, Трэз разделся, срывая тонкую кольчугу и украшения с себя, ломая всевозможные застёжки, ремни, молнии. Потом, обнаженный и в крови после всех усилий, он закрыл глаза и сконцентрировался.

Его нервозность была столь велика, что он чуть не потерпел крах, особенно когда услышал

крики по ту сторону двери, камеры доложили о его действиях с четкостью и быстротой.

Убеденность, что это его единственный шанс, овладела им и придала дополнительных сил.

Как раз перед тем, как он бросился в воздух, с'Экс вылетел из двери, и они сцепились взглядами на короткое мгновение.

А потом он сиганул в систему вентиляции.

Пуф!

Он следовал по трубам за воздушным потоком, решив, что тот покажет ему выход к главным дверям. Он был прав. Несколько мгновений спустя он выпорхнул в ночь, взмывая высоко над своей бывшей тюрьмой, настолько шокированный тем, что ему удалось вырваться, что чуть не обрел форму и не рухнул на крышу дворца.

Быстро собрав мозги в кучу, он отчалил в путь без направления, без цели, припасов, денег.

Но свобода была бесценна... и в конечном итоге она приведет его к вампиру, который изменит направление его жизни...

– Трэз? Дружище?

Трэз вырвался из сна также как выпорхнул из вентиляционной системы, и по началу он не мог сообразить, где, черт подери, находится.

Но мгновение спустя пара фиолетовых глаз прямо напротив его лица вернула его к реальности: учебный центр, настоящее, не прошлое.

– Селена...

Ривендж вскинул руку.

– Хэй. Полегче. Они почти закончили купать ее.

– Купать... – Трэз потер лицо и оглянулся по сторонам, на сплошные бетонные стены.

Господи, он так вымотался, что вырубился на полу снаружи смотровой комнаты через четыре с половиной секунды, которые ушли на то, чтобы устроить пятую точку на полу и сделать глубокий вдох.

Ривендж, скрипя зубами, при помощи трости опустился на жесткий бетонный пол. Вытянув ноги, он обернул вокруг них длинную норковую шубу, хотя в помещении было не меньше шестидесяти восьми градусов^[38].

– Моя Элена позвонила мне. – Рив скользнул по нему взглядом и, судя по напряженному лицу, ему не понравилось увиденное. – Я приехал бы раньше, но задержали дела на севере.

– Как жители твоей колонии? Все еще психопаты?

– Как ты?

– Отлично, Ваше Величество.

– Не пудри мне мозги, ладно?

– Прости. – Трэз откинул голову к холодной стене. – Дела у меня не важно.

Рив посмотрел на закрытую дверь смотровой.

– Где айЭм?

– В раздевалке. Кажется, пошел принять душ.

– Ага.

Повисло молчание. И потом Рив сказал:

– Как давно мы знаем друг друга?

– Тысячу лет.

Пожиратель грехов рассмеялся отрывисто.

– По ощущениям да.

– Ага.

– Так почему ты не рассказал мне?

– О чем..? – Когда Рив вопросительно поднял бровь, Трэз выдохнул, сотрясаясь всем телом. Конечно парень хотел слышать о Селене и связывании. – Слушай, я даже не хотел понимать, что чувствую к ней. Я просто... дерьмо, ты знаешь, что я делал со шлюхами. Как, черт подери, я могу приходить с подобным опытом к кому-то вроде Избранной? А сейчас это. Ради всего святого, столько времени потеряно. Мы не обязательно были бы вместе, но... может, я бы помог. Или...

Хотя, из сказанного другими Избранными, казалось болезнь или расстройство... или чем оно было... протекала своим чередом вне зависимости от усилий окружающих.

– У меня есть кое-какой опыт, – пробормотал Рив. – Когда я встретил Элену? Она не знала, что я был пожирателем грехов, тем более наследником престола симпатов. Я тоже не спешил поведать ей об этом, но едва ли мог скрыть следы на своих руках, природные побуждения, то, кем я был. И не забывай, я зарабатывал на жизнь тем же, чем и ты. Едва ли хорошие новости, которые можно рассказать дома своей женщине. Я сопротивлялся так долго, как это было возможно, но когда правда всплыла наружу? Я знал, что она бросит меня. Был уверен в этом. Она ушла ненадолго, мне оставалось лишь продолжать любить ее. Но в итоге? Все уладилось.

Жаль, что Трэз не мог почерпнуть в его истории вдохновение.

– Селена умрет.

– Может. А, может, и нет. Слушай, я не фанат подвигов, но у нас на севере есть своиноу-хау. Посмотрим, что я смогу привезти оттуда.

Трэз повернул голову к нему и уставился на парня.

– Ты не обязан...

– Прекрати.

Трэз не мог не отвести взгляд.

– Не вынуждай меня плакать. Ненавижу чувствовать себя размазней.

– Для меня ты бы сделал то же самое.

– Однажды ты уже спас мне жизнь.

– Предпочитаю думать, что мы спасли жизнь друг другу.

Трэз вспомнил ночь, когда они впервые встретились. Обстоятельства и место, в той хижине на горе – первое строение, которое попало Трэзу на пути после того, как он вырвался на свободу... там же Рив выполнял свой долг перед той мерзкой Принцессой симпатов, которая шантажировала его.

Трэз укрылся в хижине. Когда появился Рив и трахнул ту суку стоя пару раз. После она бросила его валяться на полу в жутком виде, яд, который она наносила на свою кожу, подкосил Ривенджа.

Желание позаботиться о парне казалось вполне естественным

В ответ? Он и этот фиолетовоглазый ублюдок стали своего рода братьями. Настолько, что когда айЭм оказался вне Территории, они сдружились, преданность и признательность Трэза породнили его и брата с пожирателем грехов.

Спустя столько лет одно он мог сказать о Ривендже – он был достойным мужчиной. Пусть он и был сутенером, владельцем клуба, дегенератом и распутником, злобным ублюдком-садистом... он был – и всегда будет – одним из лучших мужчин, с которыми Трэз встречался на своем веку.

– Тогда я пойду, – сказал Рив.

С очередной серией кряхтения мужчина поднялся на ноги, и, приняв вертикальное положение, собрав норковой шубой пыль с голого пола учебного центра, он прокашлялся, не смотря на Трэза. Не удивительно, и он был признателен. Трэз не знал, как вести себя с сильными чувствами.

– Спасибо, – сказал он хрипло.

– Прибереги благодарность на случай, если я вернусь с чем-то ценным.

– Я не об этом.

Рив наклонился, протягивая боевую руку.

– Все мое – твое.

Трэз заморгал. Потом провел рукой по глазам.

– Старина, мне нужна только твоя дружба. Потому что она бесценна.

* * *

Когда айЭм вышел из мужской раздевалки, он проверил, чтобы все пуговицы на рубашке были застегнуты. Он принимал душ минут пять, не больше, но вода была холодной как лед, и его чувства немного взбодрились.

Сложно сказать, судя по тому, как кипели мозги от происходящего.

Он остановился, увидев стиснутые руки Трэза и Рива. По неясной причине этот тихий момент между парнями напомнил айЭму ночь побега Трэза.

Так странно пересекаются судьбы, когда ожидаешь этого меньше всего.

Рив посмотрел на него, когда они разомкнули хватки.

– айЭм. Привет.

– Привет, дружище.

Словно на своеобразных похоронах, они встретились посередине и обняли друг друга, похлопав по спине, как делают порой мужики, когда в воздухе накопилось слишком много эмоций. Мгновение спустя Рив ушел, не оглядываясь, направляясь к своему офису, его норковая шуба длиной до пола развивалась позади, красная трость впивалась в пол для поддержания равновесия.

– Хорошо, что он показался, – сказал айЭм, посмотрев на него и закрыв дверь в смотровую. Похоже, они все еще мыли Селену.

Что за гребаная ночь. День. Или что там на дворе.

– Да.

айЭм посмотрел на часы. Ну, вот так дела: восемь вечера. Солнце село. Они пробыли здесь целых двенадцать часов.

– Так, ты расскажешь мне, что задумал?

айЭм опустил руку и посмотрел на Брата.

– Ты о чем?

– Да брось. – Трэз вымученно выругался. – У тебя на лице все написано. Думаешь, я не вижу?

айЭм прошел пару ярдов. Вернулся. Снова прошелся.

– Очередная порция хороших новостей, видимо, – пробормотал Трэз.

– Да.

– Выговорись. Хотя бы одному из нас станет легче.

– Вот уж вряд ли.

– Будто что-то может быть хуже?

– Королева родила.

– И.

– Не оно.

Трэз закрыл глаза и, казалось, обмяк в своей собственной коже.

– Немыслимо как некстати.

– Поэтому с'Экс звонил тебе. Он проследил за мной, когда ты не ответил, и да, такие дела. Трэз выдохнул.

– Знаешь, что в моих фантазиях? Не порнушка. Хорошие новости. Впервые за всю свою убогую жизнь я хочу услышать хорошие новости.

– Сейчас у них траур. – Когда Трэз просто покачал головой, айЭм снова почувствовал себя ужасно. – У нас неделя, а потом...

– Потом они захотят вернуть свой ходячий член на место, да.

Трэз не сводил взгляда с двери в смотровую комнату, и казалось, он старел на глазах айЭма, кожа словно сползала с его лица, уголки глаз опускались под тяжестью, рот приоткрылся.

– Трэз...

– Скажи с'Эксу, что я хочу встретиться с ним. Я не могу пойти сейчас из-за...

– Ты же не думаешь о том, чтобы вернуться, правда?

Трэз не отвел взгляда от закрытой двери.

– Трэз. Ответь мне. Ты же не думаешь о том, чтобы вернуться?

айЭм выругался в повисшем молчании:

– Трэз? Прием?

– Я должен встретиться с с'Эксом. Но только после... – Трэз прокашлялся. – Да. После.

айЭм кивнул, но что еще ему оставалось? Невозможно ставить Трэзу в вину подобное расставление приоритетов.

К несчастью, с'Хисбэ не проявят столько же понимания. Именно из этого исходил айЭм. Никто не полезет к его брату, пока с Селеной творится такое дерьмо.

Не важно, на что ему придется пойти: у Трэза будет свобода, чтобы позаботиться о своей женщине.

К дьяволу Королеву.

Лейла держала ногу на педали газа, а руки – на рулевом колесе своего бледно-голубого Мерседеса, и ее не покидало чувство, будто ее преследуют. Куин купил ей E350 4matic^[39], что бы это ни значило, примерно три месяца назад. Он хотел что-то более приметное, крупное и быстрое, но в итоге комфортней всего ей было в маленьком седане. И она выбрала этот цвет, потому что он напоминал ей о купальнях в Святилище.

Фермерские угодья стелились по горам и долам, и ей нравились эти волнообразные поля, на которых в июле и августе колосились стебли кукурузы, а в месяцы вспахивания ее ровняли как мужскую бороду. Сейчас она знала всю местность наизусть, часто проезжая этой дорогой к одному конкретному холму, особенному лугу, одному специфическому дереву.

Добравшись до низкого холма, она приглушила фары и позволила машине самой замедлиться и остановиться. Она всегда чувствовала себя скверно, приезжая сюда, но видя состояние Селены и понимая, что это значило, на сердце было тяжелее обычного.

Вылезая из-за руля, она положила руки на поясицу и выгнула грудь, пытаясь расслабить мышцы, которые, казалось, навечно одеревенели...

– Ты рано.

Охнув, она обернулась. Кор стоял всего в футах от заднего бампера, и Лейла сразу почувствовала, что с ним что-то не так. Дело не в том, что его жесткое лицо выглядело как-то иначе; начиная с заячьей губы, из-за которой казалось, что он постоянно скалился, до его пронизательных глаз и тяжелого подбородка, все оставалось прежним. Также неизменна была его короткая стрижка, длинный черный кожаный плащ, даже его кожаные штаны и военные ботинки, все то оружие, которое, как она знала, он носил на себе, но старательно прятал от нее.

Она не могла точно определить, в чем дело. Но инстинкты не лгали, и они никогда не ошибались.

– Ты не здоров? – спросила Лейла.

– А ты?

Она положила руки на живот.

– Нет.

– Что случилось прошлой ночью? Почему ты не пришла?

В памяти всплыл образ Куина, вышагивавшего по бильярдной, пока они с Блэем сидели на диване. А потом как они втроем стояли в смотровой комнате учебного центра, в стороне, пока осматривали Селену и сообщали еще больше плохих новостей.

– Беда в семье, – сказала она. – Точнее, даже две.

– Какого сорта?

– Ты не причем.

– Очень немного, что касается тебя, не заботит меня.

Посмотрев на дерево, под которым они всегда сидели, она задрожала.

– Я...

– Ты замерзла. Мы сядем в твою машину.

В своей привычной манере Кор взял все в свои руки – открыл для нее дверь и отошел в сторону с молчаливым приказом. Мгновение она колебалась. Несмотря на благородный мотив спасти Короля и Братьев, в душе она знала, что никто не одобрит этих встреч, эти слова, время, которое она провела с заклятым врагом Братства.

Врага, который пытался свергнуть Рофа не единожды.

Сидеть с Кором в той самой машине, что Куин купил для нее по доброте душевной, казалось

осквернением самых ценных для нее отношений.

Но она защищала своих любимых, напомнила себе Лейла.

– Садись, – сказал ей Кор.

И она села.

Закрыв ее дверь, Кор обошел машину к пассажирскому сиденью и постучал по стеклу. Открыв ему дверь, Лейла вспомнила ошибочную мифологию людей о вампирах: считалось, что нежить нужно пригласить в дом, иначе она войти не сможет.

Так далеко от реальности.

Тело воина заняло все переднее место седана, которое было огромным для нее, даже глубоко беременной. И, сделав вдох, чтобы успокоиться, Лейла возненавидела себя за то, что ей понравился его запах... но так и было. Он всегда старательно отмывался перед их встречей, его кожа пахла пряным одеколоном, к которому она отчаянно хотела испытывать отвращение.

Намного приятней, если она будет постоянно думать о том, что ее принудили к этому общению, близости.

Потому чтобы быть с ним по собственной воле...

Господи, почему она так много думает этой ночью...

– Поезжай, – сказал он. – Пожалуйста.

– Что? – Ее сердце гулко забилося. – Зачем?

– Здесь больше небезопасно. Нам придется встречаться в другом месте.

– Почему? – Осознание того, сколь мало ей было известно, и сколь мало она ему верила, заставило ее понять, насколько они изолированы. – Что изменилось?

Он посмотрел на нее.

– Прощу. Для твоей безопасности. Я никогда не причиню тебе вред... ты должна знать... повторяю, это место больше не безопасно для нас.

Мгновение она изучала его взгляд.

– Куда мы едем?

– У меня есть другое надежное укрытие. Езжай на запад. Пожалуйста.

Она не шелохнулась, и Кор накрыл ее ладонь своей и сжал.

– Здесь не безопасно.

Отпустив ее руку, он не сводил с нее глаз. Спустя мгновение она словно издалека наблюдала, как протянула руки и нажала кнопку зажигания, заводя двигатель.

– Хорошо.

Машина поехала, раздалось тихое пиканье.

– Твой ремень, – сказала она. – Ты должен пристегнуть его.

Он без слов подчинился, натянув ремень на свою массивную, очень широкую грудь и со щелчком вставив его в гнездо.

– Как далеко? – спросила Лейла, когда новый укол страха снова заставил ее сердце биться быстрее.

– Десять миль. – Кор чуть приоткрыл окно и сделал вдох, будто пытался уловить запахи в воздухе. – Это безопасное место.

– Ты похищаешь меня?

Он отшатнулся.

– Нет. Ты всегда вольна уйти, когда пожелаешь.

– Хорошо.

Она надеялась, что он говорил правду. Молилась. И разве это не проливало яркий свет на смертельную игру, которую она затеяла?

Это нужно прекратить, подумала она. Идет война с лессерами. Он предал ее Короля.

Она глубоко беременна.

Проблема в том, что она не знала, как распутать нити, связывавшие их вместе.

* * *

Рейдж был последним из Братьев, материализовавшихся на лужайке перед особняком с обложки журнала для богачей. Посмотрев на огромный возвышающийся дом, он услышал диктора из старого сериала про Бэтмена «А в это время в фамильном имении Уэйнов...».

Особняк в тюдоровском стиле был окружен ухоженным газоном, будто был слишком хорош, чтобы браться с чем-то кроме Белого Дома; внутри горели огни, мягкий желтый свет был настолько роскошным, словно на тех лампах были абажуры из чистого золота. Дворецкий быстро миновал серию окон с бриллиантовыми стеклами, его официальная униформа пришлась бы Фритцу по вкусу.

Наверное, у них один портной.

– Вы готовы к появлению Его Королевского Высочества? – сухо спросил Ви.

Пятеро согласно заворчали, и потом Вишес исчез. План был таков: он присоединится к Бутчу в новом «Ренж Ровере» копа, который был припаркован в четырех милях к востоку, с Королем, сидевшем на пассажирском сидении и бесившемся из-за мер безопасности. Эти двое привезут сюда Рофа... давая всей группе возможность эвакуировать его несколькими разными способами, если запахнет жареным.

Рейджу жутко не понравилась идея привезти сюда Рофа на встречу с Тро, но Король отказался посылать представителя, и что им еще оставалось? Привязать его к долбаному креслу, чтобы он не пошел в одиночку?

– Для вашего сведения... – Рейдж достал один из черных кинжалов. – Я не могу обещать, что не приготовлю из ублюдка суши.

– Я подержу его для тебя, – кто-то бросил в ответ.

Холодный ветер подул с севера, сметая упавшие листья на его ботинки, и Рейдж посмотрел через плечо. Слева ничего не двигалось. В кустах никого. Ничего подозрительно в воздухе.

Но он почему-то дергался как черт.

Ну, да. Все, что имеет отношение к Шайке Ублюдков, едва ли похоже на ночь, проведенную на диване в попытках убедить себя, что на самом деле он не смотрит «Скандал»^[40].

Или «НДИНД»^[41], если Лэсситер доберется до гребаного пульта.

Десять минут спустя «Ренж Ровер» вывернул на подъездную дорожку и начал подъем на возвышенность, фары освещали фасад дома и всех собравшихся.

Бутч развернулся перед особняком так, чтобы внедорожник смотрел капотом в сторону выезда, и Роф, открыв дверь, выскочил с пассажирского сидения. В своих ботинках, мужчина возвышался над крышей автомобиля, и в отличие от всех них на нем не было плаща или куртки.

Простая черная рубашка. Под которой был принудительно надетый кевларовый жилет.

Хотя бы это.

Спасибо тебе, Бэт.

Рейдж построился вместе с остальными, и они своими телами защищали Рофа, шагая вперед. Как только они подошли к парадной двери, Абалон открыл ее, будто выглядывал из окон на газон, ожидая, когда они подойдут.

– Мой господин. Братство. Добро пожаловать в мой дом.

Когда Первый Советник низко поклонился, Рейдж одобрительно посмотрел на парня. Апплботтом, как они его дружно звали, был одним из немногих аристократов, которых встречал

Рейдж за свою жизнь, у кого под всеми аристократическими ужимками скрывался не только ум, но и доброе сердце.

– Прощу вас, проходите, – сказал парень, указывая рукой путь.

Они изначально договорились, что встреча пройдет в библиотеке, и одно из окон будет приоткрыто, на случай, если Рофу придется дематериализоваться. Тро, который будет ждать в отдельной гостиной, приведет Брат и выведет тоже Брат.

Было несколько иных оговорок.

Оказавшись в комнате, заставленной книгами, Рейдж быстро, но основательно осмотрел помещение, а потом сказал:

– Дайте мне привести ублюдка.

– Уверен? – уточнил Ви.

– Успокойся, я его не съем. Пока что.

Он оборвал дальнейшие разговоры, уходя в фойе, где в нерешительности толкался Абалон, с таким видом, будто застрял во внутреннем споре о том, успеет ли он добежать до уборной или его стошнит прямо на туфли.

– Так, где твой кузен? – спросил Рейдж, ободрительно улыбаясь парню. Будто просто собирался пригласить того и ничего больше. – Там?

Абалон кивнул на закрытую дверь напротив.

– Да. Он в мужской гостиной.

Рейдж положил руку на плечо Первого Советника.

– Не волнуйся ты так, Апплботтом. Все на мази.

Невозможно не посочувствовать парню, когда он облегченно выдохнул.

– Да, мой господин. Спасибо.

Еще раз заверив парня, Рейдж скользнул через дверь в гостиную и прикрыл ее за собой.

Тро стоял посреди комнаты, выглядел он так же безукоризненно, как это было в Старом Свете... хотя одежда была простой.

– Рейдж? – спросил мужчина, делая шаг вперед.

– Да.

Тро дали шанс протянуть ладонь для рукопожатия... и все. Рейдж схватил его запястье, развернул как балерину и швырнул лицом к ближайшей стене.

– Что ты...

– Обыскиваю тебя, говнюк. – Хотя, скорее он его «избивал». – Раздвинь их.

– Ты причиняешь...

– Если я найду оружие, то тут же использую его на тебе. Усек?

– Обязательно быть таким...

– Спереди. – Рейдж дернул парня за ремень, перевернул, словно крышку и прижал к стене уже спиной. – Неа, голову выше.

Он схватил парня за подбородок, высоко задирая ему морду. Сделав маммограмму на удивление накачанной груди, Рейдж обхлопал его ниже торса, так саданув по причиндалам, что парень пропел «С» на высоких нотах.

– Я бы попросил!

– В штанах пусто. Не удивительно.

Вниз по ногам. Икрам. Назад на уровень глаз.

– Итак, вот тебе правила: одно движение в сторону моего Короля, которое мне не понравится? Сдохнешь раньше, чем твое тело коснется пола. Мы друг друга поняли?

– Я пришел сюда с миром. Я по горло сыт войной...

– Мы друг друга поняли? Только чихни в его сторону, попытайся пожать руку, даже если ты

дважды посмотришь на его долбаные ботинки? Я лично повешу бирку на твой палец.

– Ты всегда такой резкий?

– Чтоб ты знал, упырь, я спокоен, собран и хладнокровен. Ты не захочешь видеть меня взбешенным.

Рейдж толкнул парня в сторону двери, открыл ее и потом схватил парня за шею.

– Я в состоянии идти сам, – протянул мужчина.

– Да ладно? Уверен в этом?

Рейдж так повернул хватку, что теперь его ладонь лежала на лице парня, сейчас он вел Тро за коллекцию из глаз, носа и рта.

– Так лучше? Нет? Ну, видимо, тебе стоило держать варежку закрытой.

Намеренно лишая Тро равновесия, он наслаждался, как парень, словно Фред Астер^[42], вытапывал чечетку мимо Абалона и сквозь дверь в библиотеку.

– Все идет просто прекрасно, – пробормотал Ви, зажигая самокрутку.

– По крайней мере, обошлось без соуса для барбекю, – парировал коп.

– Это пока. – Ви выпустил струю дыма. – Впереди вся ночь.

Рейдж прокашлялся.

– Мой господин и правитель, Роф, сын Рофа, кровный отец Рофа, представляю вам Тро, Кусок Дерьма.

На этой ноте он толкнул парня в сторону восточного ковра, и, вот неожиданность, сделав кувырок, ублюдок оказался на своем месте.

У ног одного-единственного, настоящего Короля.

– Нет, я позабочусь о ней. Спасибо.

Сказав это, Трэз улыбнулся Элене, не желая обижать женщину своим «кыш». Но по правде, он вполне приготовился стать тем, кто вынесет Селену из смотровой комнаты. Учебного центра. В... куда-нибудь, куда угодно.

Но этому не бывать. Не больше двух часов назад у нее была остановка сердца, ее ударили двумя миллионами джоулей электричества в грудную клетку, а потом как-то умудрились вернуть ее к жизни благодаря его фокусу с превращением в живое, дышащее одеяло в виде души.

О, да ерунда, просто еще один день из жизни.

Или ночь?

Да кто, блин, знал.

– Ты готова? – спросил он у Селены.

Когда она на самом деле посмотрела ему в глаза и кивнула, казалось, это происходило во сне. Он никогда бы не подумал, что связь между ними восстановится... и что ее тело снова будет сгибаться, как и положено, когда он подхватил ее под колени и плечи.

– Я буду... нежен. – Когда его голос сорвался, ему захотело отвесить себе затрещину. – Медленно и аккуратно.

Она снова кивнула, а потом охнула, когда он поднял ее со стола и вытащил из-под медицинской лампы со множеством огней, которую опустили низко к ее телу.

– Куда? – спросил он, хотя ему уже дважды сказали.

Элена, которая несла мешочек для капельницы, повела их к двери. – За мной.

По другую сторону двери располагалась реабилитационная палата, и он не хотел видеть в ней свою женщину. Больничная койка с высокими поручнями вдоль матраса, тонкие покрывала, простыни, простые и белые. Рядом стоял штатив для капельницы и разнообразное оборудование для наблюдения. Дубовые с виду подушки.

С другой стороны, он мог положить ее на пуховую перину, и даже этого будет недостаточно.

Селена дрожала, когда он аккуратно устроил ее на матрасе. А потом, когда он попытался вытащить покрывала из-под нее, она закрыла глаза и качнула головой.

– Дашь минутку? – простонала она, будто болело все тело.

– Да. Конечно. Разумеется.

Иииииииии, сейчас ему нечем было заняться. Оглянувшись, Трэз заметил стул и решил, что приземлив туда свою задницу, он, по крайней мере, не будет притеснять ее.

Элена ушла, предоставляя им возможность побыть в том небольшом покое, который они могли найти, и он подумал... дерьмо, Селена лежала так неподвижно. Но, по крайней мере, ее суставы хотя бы отчасти приняли нормальное положение, и она дышала самостоятельно. И была в сознании.

Но она все еще была очень бледной. Почти сливалась с простынями. И хотя ее волосы поправили, виднелись спутанные комки на темной длине.

– Мне... жаль...

– Что? – он дернулся вперед. – Что ты сказала?

– Жаль...

– За что? Господи, ты же не напрашивалась на это.

Когда она заплакала, Трэз вскочил со стула и подошел к кровати, опускаясь рядом с ней на колени. Он опустил бортик и взял руку Селены, лежавшую ближе к нему.

– Селена, не плачь. – На прикроватной тумбочке лежала коробка «Клинексов», и он

поменял руки местами, чтобы вытащить салфетку и промокнуть ее щеки. – Нет, не жаль. Нельзя жалеть о чем-то вроде этого.

Она прерывисто вздохнула.

– Я не хотела, чтобы ты знал. Я не хотела... беспокоить.

– Если бы ты сказала мне.

– Ничего нельзя сделать.

Так, а это уже нож прямо между его ребраных ребер.

– Мы этого не знаем. Мэнни поговорит с кем-то из своих человеческих коллег. Может...

– Я люблю тебя.

Слова ударили по нему словно пощечина, и Трэз закашлялся, охнул, залепетал что-то, сбиваясь с дыхания – все одновременно. Шикарная реакция. Очень, блин, мужественная... и – вот абсурд – ему вспомнился тот синтезатор^[43] в фильме «Феррис Бьюллер берет выходной»^[44], в сцене, когда мелкий говнюк висел на трубке со своими одноклассниками.

В чем, черт возьми, его проблема? Женщина, которую он любил, единственная, кого он хотел во всем мире, выдала ему Три Главных Слова... а он расплылся словно кусок дерьма.

Как романтично.

С другой стороны, по крайней мере, он не нагадил в свои Ливайсы.

– Я... – Трэз запнулся.

Прежде чем он успел ответить, Селена сжала его руку и покачала головой на подушке.

– Не обязан отвечать мне. Я хотела, чтобы ты знал. Очень важно... чтобы ты знал. Времени не осталось...

– Не говори так. – Голос стал скрипучим. – Мне нужно, чтобы ты никогда так не говорила. Время есть. Всегда есть...

– *Нет.*

Боже, ее бледно-голубые глаза казались древними, когда она посмотрела на него. Даже с ее идеальным лицом с мягкими чертами, с красотой, сиявшей вопреки ее состоянию, она казалась старухой из-за вымученного взгляда.

Это так несправедливо. Она в этой койке, он устроился на коленях перед ней... без реальной возможности поделитьсЯ здоровьем, которым он обладал в избытке. Да, бесспорно, когда у нее случился сердечный приступ, ему удалось вернуть ее, но он не хотел просто оттаскивать ее от пропасти. Он хотел исцелить ее.

Он хотел... провести с ней годы.

Но когда к нему пришла эта мысль, Трэз осознал, что этому никогда не бывать. Даже если изменится ее судьба, его останется неизменной.

– Я люблю тебя... – выдохнула она.

На мгновение он ощутил, как сам оказался у пропасти, его сердце и душа почти купились на эти слова, ее глаза, все, что делало ее женщиной, загадочной, удивительной, но... но, потом он напомнил себе, что она чуть не умерла, пребывала в полусознательном состоянии и, возможно, не ведала, что говорит.

К тому же Док Джейн всем объявила, что он спас ее жизнь. Что могло быть правдой, а могло и не быть... но, учитывая драматические события, благодарность могла внушить человеку чувства, которых в обычных условиях не существовало.

Или временно раздуть языки привязанности в чувство более сильное.

– Ты не обязан отвечать мне тем же, – бормотала Селена. – Но мне нужно, чтобы ты знал.

– Селена, я...

Она подняла другую руку, ладонью вперед.

– Не нужно продолжать.

Повисла резонирующая тишина, но только в палате. Под его лысиной? Мозг охватили спазмы, всевозможные мысли и образы били по его сознанию так, будто серое вещество превратилось во взбесившуюся в клетке мартышку.

Сосредотачиваясь на Селене, он приказал себе собраться и попытаться помочь ей.

– Ты не откажешься от питания? – Он поднял свободную руку, показывая запястье. – Пожалуйста?

Селена кивнула, и с его души словно камень свалился. Трэз прокусил клыками кожу и протянул руку, поднося вену к ее губам. Сперва она едва прикоснулась, только глотая кровь. Но потом она набралась решительности, впиваясь в него, засасывая глубоко в рот то, что он мог дать ей.

Он возбудился.

Ничего не мог поделать. И в нем совсем не было сексуального запала. Он был слишком охвачен беспокойством за нее, боясь, что ее тело в любую секунду снова могло сдать.

Стабильна, сказала им Док Джейн. Она была настолько стабильна, насколько это возможно после полного молекулярного коллапса, который произошел сто двадцать минут назад. Но хотя бы повторный рентген показал всем чудо: на первых снимках были сплошные кости там, где положено находиться подвижным суставам. Сейчас, по словам Дока Джейн и Мэнни, снимки больше «соответствовали анатомии».

Никто не знал, куда все ушло. И почему ушло. И когда оно вернется. Одно они знали наверняка: до этого неподвижное снова начало двигаться.

Спустя какое-то время губы Селены расслабились, а веки медленно опустились. Убирая руку, онлизал ранки, а потом устроил предплечье на матрасе и положил на него подбородок.

– Как ты нашел меня? – спросила она сонно. – Я упала, когда была в Святилище...

– Кое-кто привел меня.

– Кто..?

Дева-Летописца, подумал он, когда Селена тихо засопела.

– Селена?

– Да? – Она попыталась сосредоточиться, поднимая голову и открывая глаза. – Да..?

– Я хочу, чтобы ты кое-что знала.

– Да?

– Чтобы ни случилось, я тебя не оставлю. Если ты хочешь, чтобы я был рядом, не важно... что произойдет, я буду рядом с тобой. Если ты этого захочешь, конечно.

Она изучала его лицо.

– Ты не знаешь, о чем говоришь...

– Черта с два.

– Я умру.

– Как и я. Но я не знаю когда, равно как и ты.

В ее светлых глазах блеснули запутанные эмоции.

– Трэз, я наблюдала, как мои сестры проходили через это. Я знаю что...

– Ни черта ты не знаешь. Со всем уважением.

Он встал и подошел к изножью кровати. Выдернув простынь и покрывала из-под матраса, он посмотрел на ее ногу под ними.

– Что ты делаешь?

Он нежно поднял ее лодыжку и посмотрел на ступню.

– Пусто.

– Что, прости?

– Нет срока годности. – Он сделал то же самое с другой ступней. – Тут тоже.

Он опустил покрывала. Подоткнул их. Посмотрел на ее тело... и попытался избавиться от мысли, что сама плоть, которую он так жаждал, могла разлучить их навеки.

Но потом вспомнил новости, которые ему рассказал айЭм в коридоре.

– Я тебя не брошу, – поклялся он.

– Я не хотела рассказывать тебе обо всем этом. – Ее глаза наполнились слезами, превращая голубые радужки в драгоценные камни. – Я не хотела, чтобы ты знал и жалел меня.

– Я тебя не жалею.

– Трэз, не делай этого с собой. Просто... знай, что я люблю тебя и позволь мне уйти.

Он вернулся к ней.

– Я могу взять тебя за руку?

Когда она напряженно повернулась на кровати и вытянула руку, он взял ее ладонь и положил себе на пах, на каменно-жесткую эрекцию, бившуюся о ширинку. От прикосновения он зашипел, его клыки мгновенно выступили, он повел бедрами.

– Это похоже на жалость? – выдавил он.

Дерьмо, он должен сдать назад. Он сделал этот необдуманный шаг, только чтобы доказать ей, но вместо этого обнаружил, что готов кончить, его тело за наносекунду разогналось от нуля до шестидесяти.

– Трэз...

– Я не говорю, что мы обязаны заниматься сексом. Вовсе нет. Но я здесь не из-за жалости к тебе, ясно?

– Я не могу просить тебя остаться.

– Ты не просишь. Я выбираю это. Я выбираю... тебя.

Сказав это, он осознал, черт, это была правда. Впервые в жизни ему казалось, будто он что-то выбирает сам... и это было по-странным приятно. Хотя все было так печально, он чувствовал себя освобожденным, заявляя «это мой выбор».

Эта... ситуация... сколько бы она ни продолжалась, к чему бы их не привела, он возьмет ее на себя.

Если, конечно, Селена хотела его видеть.

В последовавшей тишине он окинул взглядом голые стены, зная, что должен вытащить ее из больничной палаты. Да, это место располагалось поблизости к медперсоналу, если ей внезапно станет плохо, но это было большое, портящее настроение, депрессивное «ТЫ БОЛЬНА».

Трэз снова сосредоточился на Селене.

– Если что-то понадобится, то я рядом, хорошо? Если ты, конечно, хочешь видеть меня.

Спустя мгновение она выдавила:

– Хочу.

– Тогда ладно. – Он резко выдохнул, а потом поднял палец. – Одно условие: никакой даты смерти, ясно? Ведем себя так, будто ты будешь жить вечно.

На ее лице отразилось скептическое неверие, но он просто качнул головой.

– Нет. Таково мое правило.

Он не был глуп. Он слышал, что говорили другие Избранные, видел рентгеновские снимки, стоял над ее скрюченным телом. Внутри он был убежден, что потеряет ее, и скорее раньше, чем позже. Но подарок, который он мог сделать для нее? Самое важное – черт, то единственное – что он мог дать ей?

Надежда.

И ему не обязательно верить, что ее вылечат, чтобы иметь надежду, делиться ею, жить ею.

Быть рядом. Любить ее до конца. До самого последнего ее вдоха не покидать ее.

Так он будет почитать ее своим сердцем и душой, хоть сам он был недостойным.

– Никакой даты смерти, – сказал он. – Мы проживем каждую ночь так, будто их еще тысячи впереди.

* * *

Селена сморгнула очередную порцию слез. На стольких уровнях она не могла поверить, что Трэз стоял рядом с ее койкой, с такой целеустремленностью заглядывая ей в душу, словно одной своей волей он мог сохранять ей жизнь и здоровье столько, сколько ему будет угодно.

– Трэз, я не думаю, что у нас есть тысячи ночей, – сказала она.

– Ты знаешь это? Наверняка?

– Нет, но...

– Тогда зачем тратить наше время на такие мысли? Что это даст нам? Seriously, чем это поможет...

– Ты можешь лечь рядом со мной?

Он прокашлялся.

– Ты уверена?

– Да. Пожалуйста.

Она восхищалась плавностью его движений, когда он залез на матрас, передвинулся, помогая ей освободить для него место. И, будто прочитав ее мысли, он устроил ее в своих руках так, что она, лежа на боку, положила голову ему на грудь.

Рваный. Вздых.

От них обоих.

– Я чувствую облегчение, – услышала она себя. – Я хотела сказать тебе, но...

– Ш-ш. Тебе нужно поспать.

– Да.

Закрывая глаза, она воспринимала его на другом измерении и, его кровь курсировала по ее организму, укрепляя ее после приступа. Мысленно она подсчитывала, когда произошел последний удар? Тринадцать ночей назад. Тот, что до него? Шестнадцать.

Но, может, если она не будет никому давать свою вену, у нее будет отсрочка подольше? И, может, данная Трэзом сила поможет ей противиться приступам.

– Я держалась в стороне, – начала она, – из-за этого. Не из-за тебя. Меня не волнует твое прошлое. Я просто хочу, чтобы ты знал.

Трэз начал выписывать круги ладонью по ее спине.

– Ш-ш. Просто попытайся отдохнуть.

Селена подняла голову.

– Нужно, чтобы ты дал мне высказаться. Ты должен услышать это и поверить в это. Я знаю, ты отступил, потому что думал, что я... осужу тебя. Но я отстранилась из-за всего этого, а не потому, что ты был с множеством человеческих женщин. И не из-за твоей помолвки.

Он закрыл глаза, морщась. Потом покачал головой.

– Я должен быть честен с тобой. Последнее, о чем я сейчас хочу думать – это...

– Я не считаю, что ты осквернен, Трэз.

– Прошу. *Перестань*.

Селена сжала его руку, пытаясь достучаться до него, чувствуя необходимость высказать все и сразу, выложить карты на стол. Его теория тысячи ночей была благотворна для целей сохранения ментального здоровья... и он пришел к тому же заключению, что и она: на ней нет бирки со временем и датой. Но она жила в такой реальности с момента первого приступа, произошедшего

десятилетия назад, и траектория ее выживания – траектория машины, слетевшей с дороги в канаву.

Этого не пережить.

– Трэз, я должна высказаться. Я очень долго ждала, чтобы поговорить с тобой. Я не упущу свой шанс.

Она смутно понимала, что стала делать больше акцентов, все больше чувствуя себя собой, оправляясь после приступа благодаря дару его вены.

– Ты достойный мужчина, и я думаю, что сразу полюбила тебя...

Трэз соскочил с кровати, и на мгновение ей померещилось, что он продолжит путь, вылетит в коридор, подальше от нее и ее долбанной болезни. И он застыл на секунду возле двери.

Но потом начал выписывать круги по комнате.

– Почему тебе так сложно принять это? – рассуждала она вслух. – Что ты хороший мужчина. Что ты достойный...

– Селена, ты не знаешь, о чем говоришь.

– Ты мечешься по комнате так, словно тебя преследуют. Поэтому я уверена, что попала в точку.

Застыв, он покачал головой.

– Слушай, это все ради тебя. Это... – Он рукой описал пространство между ними. – ... это все ради тебя. Я здесь ради тебя и твоих нужд, какими бы они ни были. Мы не станем обсуждать меня, хорошо?

Селена поднялась выше на подушке. От напряжения в локтях и плечах она стиснула зубы, и была вынуждена переждать, пока боль неспешно отступала.

Но лучше так, чем быть окаменевшей статуей.

Когда он беспокойно сузил глаза, она сказала:

– Нет, не надо звать Дока Джейн. Правда.

Когда Трэз потерял лицо, она впервые тщательно рассмотрела его. В последнее время он похудел, щеки осунулись, а подбородок, казалось, выступал еще сильнее, глаза впали, губы казались полнее. Но даже так он по-прежнему был невероятно огромным представителем расы, его плечи шире ее в три раза, грудь и пресс излучали мощь, вдоль рук и ног вились мускулы.

Он был красив. Своей темной кожей и черными глазами, от макушки своей коротко стриженной головы и до подошв своих ботинок.

– Ты очень достойный мужчина, – пробормотала она. – Тебе придется принять это.

– Да ладно, – протянул он кисло. – Я в этом так не уверен...

– Прекрати.

Трэз посмотрел на нее с другого конца комнаты и потом нахмурился.

– Знаешь, я не понимаю, почему ты так упираешься. Без обид, но ты чуть не умерла там. Сколько часов назад? Кажется, что минут десять. Мое дерьмо здесь и сейчас абсолютно не существенно.

Селена прошла взглядом по своему телу. На ней была бледно-голубая больничная сорочка с узором в виде спиралей на тон темнее. Она завязывалась на спине, и Селена чувствовала, как узлы впивались там, где должны быть лямки от бюстгалтера, если бы она его носила, и ниже, на пояснице.

Казалось странным думать, что ее тело функционировало сейчас относительно нормально. И реальность, что это продлится недолго, принесла с собой шокирующую ясность.

– Знаешь, – прошептала она. – Никогда бы не подумала, что в смертельной болезни есть свои плюсы.

– И что же это? – осведомился он напряженно.

Она снова встретила его взгляд.

– Благодаря ей ты не боишься говорить то, что на самом деле думаешь. Правда порой пугает, но не тогда, когда есть нечто более страшное по сравнению с честностью... например, перспектива умереть. Поэтому я скажу, почему именно твое «дерьмо», как ты выражаешься, очень важно. Что бы тобой ни двигало, что бы ни вызывало... – она описала круг, охватывая свое тело. – ... эту дыру внутри тебя? Мне кажется, что с помощью тех женщин ты пытался убежать от этого. Я думаю, что ты спал с теми женщинами на протяжении многих лет для отвлечения... и тот факт, что ты не хочешь признавать это? Меня тревожит, что ты просто используешь меня как еще один способ убежать от себя самого, лучший способ. Что может быть более соблазнительным или эффективным, когда не хочешь решать свои собственные проблемы, чем одна конкретная смертельно больная женщина?

– Господи, Селена. Я так совсем не думаю. Совсем...

– Ну, может, тебе бы следовало. – Она наклонила голову, и на нее свалилось очередной осознание, словно тонна кирпичей. – И я скажу тебе кое-что еще. Осталось ли у меня тысяча ночей или всего две? Я хочу провести их с тобой... но только честно. Трез, я не хочу быть твоим новым оправданием. Я хочу видеть тебя здесь, рядом с собой, но между нами все должно быть по-настоящему. У меня нет ни сил, ни времени на что-то иное.

В повисшем молчании она ждала его ответа. Но как бы неловко ни было, она не откажется ни от единого слова.

Она сказала все, что было у нее на уме.

И словно освободилась.

Абалон был не привычен к насилию. Ни во внешнем мире, ни – тем более – в доме, где его дочь спала, брала уроки пения и трапезничала с ним.

Когда Рейдж буквально воздушной почтой послал Тро к ногам Рофа, Абалон заглушил свой вздох ладонью. Было абсолютно не мужественно показывать свой шок перед Братьями, и он молился, чтобы никто не заметил.

Казалось, так и было. Они сконцентрировали свое внимание на светловолосом, одетом попростому мужчине, который, фактически, представлял собой половой коврик перед ботинками Короля.

Роф улыбнулся, обнажая клыки, которые казались длиннее пальцев Абалона.

– Не жди, что я помогу тебе встать. – Когда Тро начал подниматься сам, Король скрестил руки на груди. – И не проси кольцо. Рискуешь получить им по морде.

Оказавшись на ногах, Тро отряхнулся и расправил плечи. Он был далек от размеров Рофа, но его также нельзя было назвать легковесом, его тело было солдатского, а не худощавого сложения, свойственного представителям их класса.

– Я ничем не заслужил подношение вашего кольца, – сказал он низким, мрачным голосом.

– Вот так сюрприз, в чем-то мы согласны. – Солнечные очки Рофа повернулись на голос Тро. – Так, мой парень Абалон говорит, что у тебя что-то на уме.

– Я ушел от Кора и Шайки Ублюдков.

– Хочешь клеймо на память сей важной даты? – пробормотал Бутч.

– Могу оформить такое своим капотом? – бросил Рейдж.

Брови Рофа напряглись на границе с черными очками, будто он не одобрил вступление в разговор его воинов.

– Смена курса, не так ли?

– Мы с Кором разошлись в целях.

– Вот уж точно.

– Разногласия зрели давно. – Тро посмотрел через плечо, и Абалону бы хотелось избежать его внимания. – Как помнит мой далекий кузен, я не солдат от рождения. По причинам, от меня независящим, я был вынужден воспользоваться сомнительным великодушием Кора. И последний затребовал оплату в виде продолжительной службы. Обнаружив меня много месяцев назад в том переулке истекающим кровью, вы могли убедиться, что его способы подтверждения лояльности далеки от переговоров.

О, да, это верно, Абалон помнил. Какое-то время тому назад Братство нашло Тро, брошенного умирать с ножевым ранением в живот, нанесенным не рукой лессера. На самом деле, как слышал Абалон, мужчину ранил главарь Шайки Ублюдков. Братство, рассчитывая получить информацию о нем, забрало Тро, а потом выпустило в мир с сообщением для Кора.

Ходили слухи, что Лейла кормила бойца, когда он оказался на пороге смерти. Избранная предложила ему свою вену, думая, что он благородный солдат, а не враг Короля.

Запутанное дело.

Ноздри Рофа расширились, будто он изучал запах мужчины.

– И как, по-твоему, я должен отреагировать на твои новости? Без обид, но твое положение и твои связи не влияют на мой мир ни в коей степени.

– Но повлияет знание об убежище Шайки Ублюдков.

– И ты собираешься сказать мне, – отозвался Король скучающим тоном.

– Думаешь, я лгу?

– Когда-нибудь слышал о Троянском Ублюдке? – выплюнул Ви. – Я как раз смотрю на такого.

Подбородок Рофа напрягся.

– Называй нам адрес, если хочешь. Но, как и твои политические связи, берлога Шайки Ублюдков находится за пределами моих интересов.

– Тогда ты глупец...

Все Братья разом бросились вперед, и, очевидно, только мощный крик Рофа сохранил Тро голову на плечах.

Король подался вперед, понижая голос до псевдо-шепота.

– Дебил, сделай себе одолжение, прояви больше адекватности. У этой толпы безумных ублюдков серьезные проблемы со слухом, когда речь касается моих приказов, и ты им нравишься не больше, чем мне. Хочешь дожить до следующей ночи? Придержи коней в этом отношении.

– Кор должен беспокоить тебя, – продолжал твердить Тро. – Он способен на все, и солдаты на его стороне страдают той же прямодушной преданностью, что и твои люди.

Роф слегка рассмеялся, и этот смех казался более злобным и смертельно-опасным, чем неприкрытая агрессия со стороны Братьев.

– Спасибо за совет. Постараюсь его не забыть. Абалон?

Абалон, неясно пискнув, кинулся вперед.

– Да, мой господин.

– Ты собираешься позволить ему остаться? Как родственнику?

– Нет, я сказал ему, что он должен уйти этой ночью.

– Не вышвыривай его в угоду мне. Меня не волнует, где он живет и что делает.

Абалон нахмурился... и задумался, а не понизили ли его в звании.

– Я верен вам одному. В моих глазах он запятнан, чтобы ни говорил о своих соратниках.

Из горла Рофа вырвался неясный звук, и он повернул лицо к Тро.

– Ты говоришь, что не поддерживаешь цели Кора.

– Да.

– И не собираешься их преследовать.

– Да. Определенно точно.

Повисла пауза, и ноздри Рофа расширились, будто он проверял правдивость по запаху.

– Ну что ж, хорошо. – Роф кивнул своей личной охране. – Уходим. У меня полно настоящих дел.

Никто не сдвинулся. Ни Братья. Ни Тро. И уж точно ни Абалон, которому казалось, что его лоферы гвоздями прибили к полу.

– Ви, – надавил Король. – Мы уходим отсюда.

Повисла неловкая пауза, а потом Брат Вишес и Брат Бутч встали позади Короля. Держась близко к его спине, они вышли за Рофом, Зейдист замыкал группу.

Другие остались, очевидно, сторожа Тро, пока Король в безопасности не покинет территорию.

– Абалон, – позвал Роф, остановившись у парадной двери.

Услышав свое имя, Абалон выскочил из библиотеки и пересек фойе, его сердце гулко билось. Он давно понял, насколько любит Короля, но от мысли, что он также лишится своей должности? Возможности помогать гражданским встречаться с Королем и находить помощь...

– Нет, ты не уволен, – прошептал Роф. – Ради всего святого. Что я без тебя буду делать?

– О, мой господин, я...

– Слушай, Абалон. Я хочу, чтобы ты позволил ему остаться настолько, насколько он захочет. Я не купился ни на йоту на его слова. Он мог оставить Кора и Ублюдков, но я ему не доверяю, и

я уверен, что своих врагов надо держать при себе.

– Хорошо, мой господин. Да, да, конечно. – Абалон поклонился, хотя внезапная тревога пронеслась по его нервной системе. – Я сделаю все, что вы прикажете.

И словно Король снова прочитал его мысли, Роф сказал:

– Я знаю, что ты беспокоишься за свою дочь. Пока все не утрясется, почему бы тебе не позволить ей пожить в моем доме для аудиенций? Она может взять компаньонку, а за безопасностью там следят круглые сутки.

Ви подошел ближе.

– Из подвальных помещений ведут два разных подземных туннеля, и мы направим наших додженов позаботиться о ней. Она будет в полной безопасности.

О, Дражайшая Дева-Летописеца, подумал Абалон.

А потом он вспомнил нервозность Пэрадайз, и не потому, что она была влюблена или ей не терпелось замуж. Она была молодой, жизнелюбивой женщиной, вокруг столько всего происходило, а она оказалась зажатой тесными рамками аристократов.

Наверное, будет полезно для нее покинуть дом ненадолго.

И, разумеется, он не хотел видеть ее рядом с Тро.

Разрываясь между родительским беспокойством, долгом своему Королю и печалью, что его единственный ребенок на самом деле вырос, он обнаружил, что кивает несмотря на тошноту.

– Да, пожалуйста. Уверен, она будет в восторге.

– Я лично позабочусь о ее безопасности, – сказал Зэйдист, кивая, будто приносил клятву. – У меня тоже есть дочь. Я хорошо понимаю твои чувства.

Да, подумал Абалон. Он слышал, что Брат Зэйдист вопреки грозному виду был семейным мужчиной, воспитывавшем любимую дочь.

Абалону внезапно стало легче, и он низко поклонился воину со шрамами.

– Спасибо, господин. Драгоценней ее у меня ничего нет.

– Хорошо. Тогда решено. – Потом Роф изменил положение головы, будто смотрел через плечо Абалона на библиотеку. – Кор предсказуем в своей звериной жестокости, воин старой закалки, выходец из лагеря Бладлеттера. Но финальный залп против моего трона был тактическим, спланированным с учетом закона и моей королевы-полукровки. Так бьются аристократы. Кор не сам вытащил этот план из задницы... его приготовил кто-то вроде Тро. Это единственное возможное объяснение. Поэтому он мог на самом деле порвать все связи с Кором, и даже если он не сказал ни слова лжи? Мы не скоро узнаем, кому он на самом деле предан.

Абалон не собирался, но внезапно для себя его руки потянулись вперед и обхватили ладонь Рофа. Поднеся черный бриллиант к губам, он поцеловал кольцо.

И снова поблагодарил Деву-Летописецу за то, что на троне сидел правильный мужчина.

– Мой господин, я предан вам одному, – выдохнул он. – Только вам.

* * *

Как только Роф не просто покинул территорию, но и пределы почтового индекса, пришло время показать Тро средний палец и, превратившись в Братьев Харди^[45], выдвинуться по адресу, который он дал им.

Рейдж покидал библиотеку последним, и – чисто поржать – проходя мимо Тро, прыгнул в его сторону с «Бууу!», как в фильмах ужасов, заставив убудюдка отскочить назад, вскидывая руки и закрывая лицо.

Размазня.

На передней лужайке Рейдж достал телефон и быстро написал: *Все в норме. С Рофом все ок. Едем осмотреть вторую точку.* Он замер. Потом напечатал: *Что на тебе надето?*

Он убирал трубку, когда внезапно нахмурился и послал второе сообщение на другой номер: *Как ты? Что-нибудь нужно?*

– Итак, готовы? – спросил Ви.

Фьюри и Зи кивнули, а Рейдж спрятал телефон в карман и размял костяшки.

– Как я хочу найти там Ублюдков. Мне просто необходима хорошая рукопашка. Ой, как нужна.

– Как я тебя понимаю, – пробормотал кто-то.

Один за другим они растворились, потоком молекул направившись в совершенно иной район. Они снова приняли форму, в самом начале тупика в строящемся квартале, полном домов стоимостью в две-три тысячи долларов, в которых, наверняка, жили семьи, растившие детей, и белые воротнички на самой нижней ступени карьерной лестницы, отчаянно желавшие сменить свои БМВ третьей серии на пятаю.

Процветающие яппи^[46].

Господи избави.

Они беззвучно перешли с режима «пассивно вооруженные» в «полные руки пушек». Подступив к нужному зданию со всех сторон, они вчетвером разделились и подошли к темному дому в колониальном стиле с четырех направлений компаса.

Натянув черный капюшон, чтобы сильно не сверкать белобрисой макушкой, Рейдж взял на себя задний левый угол, материализуясь через деревья, приближаясь, но оставаясь в укрытии леса. Выпуская инстинкты на волю, он прощупал то, что могло оказаться под крышей, за крепкими стенами, остаться за пределами черных окон.

Ничто не свидетельствовало о чьем-либо присутствии. Ни единой вспышки света. Внутри не двигались тени. Ни звука – ни в доме, ни на периферии.

Сверясь с Зи, который мог видеть то, что было за пределами его левого глаза, и с Фьюри, который следил за правым флангом, он показал рукой вперед... и материализовался на крыше.

Черепица давала хорошее сцепление, и он оставался в приседе, прекрасно понимая, насколько хорошую мишень сейчас представлял, выделяясь на фоне ночного неба. Луна не показывалась – это плюс, но на крыше он был легкой добычей. Направляясь к трубе, он прижался к кирпичной стене и прислушался.

И снова ни звука.

Когда раздался свист снизу, он закрыл глаза и призраком спустился вниз.

Зи, Вишес и Фьюри – вместе стояли в задней части.

– Наверху ничего, – прошептал Рейдж.

– Я ничего не вижу внутри, – согласился Фьюри.

Ви уставился на дом.

– Значит, можно предположить, что здесь полно мин.

Ага. Об это он и думал.

– У тебя есть что-то для разминирования? – спросил Рейдж.

Ви закатил свои бриллиантовые глаза.

– Я похож на долбаного бой-скаута? Сам как думаешь?

– Как заходим?

Они решили войти через одно из окон в кухне. Двери – слишком очевидное решение, как и дымоход с гаражом.

Обойдя с заднего крыльца, Ви снял освинцованную перчатку, достал черный кинжал и потянулся к окну над раковиной. Прижав острие к стеклу, он провел лезвием по кругу, потом

положил сияющую руку внутрь окружности и убрал секцию, чтобы та не упала.

Три. Два.

Один...

Тишина.

Рейдж оглянулся, прислушиваясь к звукам: шаги под землей, щелчок снимаемого предохранителя, шорох одежды.

Ничего.

Ви просунул нормальную руку сквозь отверстие и щелкнул фонариком. Тонкий луч осветил ничем не примечательную кухню: холодильник, плита, шкафчики. Более того, не было ничего подозрительного, коробок или пакетов с проводами, стоявших посреди комнаты, мигающих лампочек, панелей сигнализации на виду.

– Готовы? – спросил Ви.

Рейдж сделал вдох, изучая воздух из дома. Мужской пот, выпивка, табак, чистящее средство для оружия... пицца... жареное мясо.

И все запахи – свежие.

– Я пойду первый, – сказал Рейдж. Со зверем у него больше шансов пережить взрыв бомбы: любые перепады температуры, боль, агрессия – и его вторая сторона за секунду вылезет наружу, обеспечивая его чешуей крепче любого кевлара.

– Будь осторожен, брат мой, – сказал Фьюри.

– Всегда. Впереди меня ждут шикарные трапезы.

Испарившись, Рейдж появился на линолеуме. И принялся ждать. Снова.

Но воплей тревоги не последовало. Засады не было. Ничто не кричало и даже не шептало о нападении.

Он сделал шаг вперед. Второй. Третий, в ожидании, когда сработает спрятанная мина.

Под его ботинками скрипели и стонали полы.

И все.

– Достаточно, Голливуд, – приказал Ви через дыру в стекле. – Пусти меня внутрь.

Вишес присоединился к нему, а близнецы остались наблюдать за территорией. Быстрыми, отточенными движениями Ви надел гарнитуру и оглянулся. Достал аэрозоль и нажал на распылитель, описывая круг.

– Чисто, насколько мне видно.

Рейдж оглянулся на черный вход.

– Вот где сигнализация.

Панель сигнализации была без маячков, отсутствие зеленого означало «иди», отсутствие красного – «включено».

– Нужно пройти через весь дом, – сказал Ви мрачно.

Рейдж кивнул.

– Беру на себя первый этаж.

– Сделаем это вместе.

Шагая осторожно, они направились в переднюю часть дома, Ви – со своими очками, а у Рейджа кожу покалывало на спине – его зверь подключился к инстинктам.

Очевидно, Шайка Ублюдков больше всего времени проводила в передней комнате. Здесь было несколько диванов, расставленных по кругу, и запахи сильнее всего... настолько, что Рейджу показалось, будто бойцы закрывали шторы и спали здесь в течение дня.

Пол загажен мусором: пустые пачки от патронов, сообщавшие, что у них были и дробовики, и сороковые. Пустые бутылки от «Джека» и «Джима»^[47]. Полиэтиленовые пакеты из «Ханнафорда» со смятыми фантиками от протеиновых батончиков, тубики «Мотрина»^[48] с

открытыми крышками и мотки хирургических бинтов с высохшей кровью. Открытая коробка из «Папы Джонса»^[49] с одним оставшимся куском... холодным, но без плесени.

– Они здесь больше не живут, – сказал Ви.

– И съехали они поспешно, – пробормотал Рейдж, пнув очередной пакет из «Ханнафорда» стальным носком своего ботинка.

Не было ни одного рюкзака. Вещевой сумки. Багажа. И хотя он не рассчитывал на то, что Шайка Ублюдков вывезла свои пожитки на «Таун&Кантри»^[50], в комнате даже не завалялся носок или запасная пара ботинок. Они не оставили даже гребаной расчески.

Обойдя основание лестницы, Рейдж почувствовал вибрацию телефона во внутреннем кармане кожаной куртки. Но он его не проверит. Он не позволит загнать себя в ловушку в этом доме, и чем дальше они с братом углублялись, тем выше становились шансы, что они наткнутся на что-то, что будет стоять им руки. Ноги.

Жизней.

Таковы реалии их работы, которые он принял, потому что, во-первых, не позволит никому прессовать его народ или его Короля, будь то группка вонючих убийц или тесный кружок придурков Кора. И, во-вторых, едва ли он мог заняться чем-то другим.

Ну, кроме еды и секса, и, видит Бог, дела по этим двум фронтам шли очень, очень хорошо в дневное время.

Черт, даже в текущем состоянии боевой готовности на задворках разума он уже подсчитывал часы до того момента, когда сможет основательно раздеть свою Мэри.

В подобные ночи он острее всего хотел зарыться головой между ее ног и не вставать часов семь.

Встряхнувшись, он подошел к основанию лестницы.

– Я поднимаюсь, – сказал он своему брату.

– Меня подожди.

Разумеется, он не стал ждать. Он просто пошел вверх, ступенька за ступенькой. Это был, вероятно, глупый поступок, но он ненавидел ждать.

Это просто было не в его натуре.

Стоя в углу больничной палаты Селены, Трэз чувствовал себя... загнанным в угол. Он не хотел злиться на нее. Ради всего святого, она чуть не умерла на его глазах.

– Что? – спросила Селена. – О чем ты думаешь?

Были хорошие новости: последние минут двадцать или около того он наблюдал, как исчезает ее бледность, каким острым, как лезвие, был сейчас ее взгляд, как ее тело, пусть и все еще немного напряженное, почти вернулось к норме.

Были и плохие новости: ее маленькая диссертация на тему природы его сексозависимости и причин его желания правильно поступать по отношению к ней – не то, что он хотел слышать. И он молил Бога о том, чтобы она не упорствовала.

– Селена, я думаю, что тебе нужно отдохнуть.

– Трэз, не закрывайся от меня.

Он обхватил голову руками. Пожалел, что нет таких же длинных волос, как у Рофа, чтобы было за что дернуть себя.

– Слушай, я не хочу спорить с тобой.

– Тогда скажи, что я не права. Пусть я и не поверю в это. Но скажи что-нибудь. Что угодно.

Поморщившись, Трэз покачал головой.

– Я пойду и...

– Трэз...

– Нет, мы этого делать не будем.

– Почему? Если у нас впереди тысяча ночей, то это всего один неловкий разговор.

– Детка, это нечто намного большее, чем просто неловкость. – Боже, он слышал резкие нотки в своем голосе, чувствовал, как начинает закипать. – Да, думаю, я вернусь...

– Когда ты вернешься, ничего не изменится. – Она указала рукой на расстояние между ними, и на мгновение он испытал благодарность за это движение: он и забыл, о чем они говорили. – Расстояние не поможет нам.

Его сердце гулко забилося. Будто он боялся или что-то вроде того.

Но дело ведь не в страхе.

Серьезно. Вовсе нет.

– Что ты хочешь от меня услышать? – пробормотал он. – Дай мне текст и интонацию, и я сделаю это.

– Что ты от меня скрываешь?

– Ничего.

Длинная пауза.

– Ладно, – выдохнула она, признавая поражение.

О, чудесно. От этого ему стало лучше, как же.

Как вышло, что они так быстро перешли с чувства облегчения от того, что она выкарабкалась, на подобную напряженность?

Он не поделится новостями от с'Хисбэ. У нее достаточно своих проблем, и он не хотел грузить Селену тем, что палач Королевы собирался заковать его в цепи и в любой момент утащить на Территорию.

– Селена, послушай... – Он покачал головой. – Стыжусь ли я того, что делал с теми женщинами? Безусловно. Сожалею ли я? Все время. Верю ли в то, что я запятнан? Согласно культуре моего вида, я загрязнен целиком и полностью. Но ты должна понять, что порой шлюха – это просто шлюха. Не больше. У меня есть зависимость, и я не знаю, что с этим делать.

Он отвел глаза, скользя взглядом по половицам.

Тишина звучала громче крика.

– Думаю, ты прав, – сказала она.

Трэз облегченно выдохнул. Слава Богу, она купилась на это...

– Ты должен уйти.

– Что?

– Пока ты не сможешь быть честным? Я думаю, что тебе нужно держаться подальше.

Потому что ты лжешь либо себе, либо мне. Так или иначе, тебе нужно... как выразились бы братья... разобраться в собственном дерьме.

Он покачал головой.

– М-да. Вау. Такого я предвидеть не мог.

– Как и я.

– Хорошо. Ну... ладно.

Она просто смотрела на него, и в комнате исчезал весь воздух. По крайней мере, так ему показалось.

Трэз прокашлялся.

– Дерьмо... тогда я пойду.

Он вышел через дверь, ведущую в коридор, не желая рисковать наткнуться на Дока Джейн и Элену в смотровой.

Да, потому что сейчас ему компания совсем ни к чему.

Слава яйцам, айЭм уехал проверить «тЕНИ», «Железную маску» и «Сала». В настоящее время меньше всего он хотел видеть своего брата.

Он быстро пересек коридор и замер перед стеклянной дверью в кабинет. Не услышав голосов, он заглянул внутрь. Пусто.

Подфартило.

Он без проблем вышел в туннель через дверь в шкафу и даже добежал до лестницы. Ввел цифровой код. Поднялся по ступенькам. Тихо открыл дверь под лестницей.

Он не удивился шуму пылесоса в библиотеке. Но его удивило отсутствие Братьев. Обычно в это время ночи пропускавшие смену тусовались в бильярдной, смотрели ящик, играли в бильярд, пили.

Воспользовавшись вымершей обстановкой, Трэз устремился к бару. Добравшись до витрины с элитным пойлом, он мгновение оценивал свои перспективы и выбрал «Вудфорд резерв». И «Грей Гуз». И теплую бутылку шардоне, стоявшую не в баре, а на гранитной столешнице.

Будто ему не все равно, чем залить горе.

Главную лестницу он преодолел за мгновение, и не удивился, обнаружив кабинет Короля пустым, ведь Роф большую часть ночей проводил на аудиенциях с гражданами. Повернув в сторону коридора со статуями, он свернул перед мраморной выставкой и открыл дверь на лестницу, ведущую на третий этаж.

Покои Первой Семьи располагались за дверью банковского хранилища, но его спальня и спальня его брата были на площадке, две обычные двери рядом друг с другом.

Несмотря на ссору с Селеной, он не рванет в Коммодор. Он хотел быть поблизости на случай, если она...

М-да.

Закрывшись в комнате, он поставил троицу своих новых лучших друзей на прикроватный столик и включил лампу. Бархатные шторы были опущены, и он не стал их открывать, и просто направился в ванную, на ходу избавляясь от одежды. Повернув душевой кран, он включил воду и намеренно не стал зажигать свет.

Незачем встречать собственный взгляд в зеркале.

Трэз дождался, пока поднимется пар, а потом вошел в мраморную кабину. У него достаточно тем для беспокойств, спасибо великодушное.

Намылиться... везде. Ополоснуться... везде. Шампунь – на голову, потом кондиционер. Побриться... подбородок и щеки.

Потом он вытерся и голышом забрался в кровать.

На автомате залез под одеяла. Его мозг старательно блокировал каждую мысль, только привычка довела его до места, где он мог надраться в горизонтальном положении.

Открыв крышку «Грей Гуза», он, сделав глоток, стиснул зубы, когда пошло огнем спустилось по горлу и ударило по желудку, как это бывало на «Фенуэй парк»^[51].

Как бы выразился Ви.

Черт подери, как ночь могла закончиться таким образом?

* * *

айЭм не собирался тратить время в «тЕнЯх», «Железной Маске» или «Сале». Нахрен. Во всех трех заведениях было достаточно квалифицированного персонала, чтобы позаботиться о деле. Он просто солгал брату, потому что не хотел, чтобы Трэз дергался еще больше.

Материализуясь на террасе их общей квартиры, он посмотрел на часы и потом вошел внутрь. Прошелся по комнате. Он включил несколько ламп, заглянул в холодильник, хотя и знал, что там мышь повесилась, и пробежался по шкафчикам.

Он не ел с... ну, последний раз прошлой ночью в «Сале». И не питался... дерьмо, он не помнил, как давно.

Наверное, нужно разобраться с этим, но, как и всегда, его мало интересовала вена. Не то, чтобы он не ценил и не уважал Избранных, обслуживавших его и его брата. Ему просто не нравилось присасываться к запястью абсолютно незнакомой женщины. Да, да, необходимость и все такое.

Похоже, в нем больше от Теней, чем в его брате.

В их культуре подобные физические контакты были священны. Отстой, потому что биологическая потребность заставляла его кормиться примерно шесть раз в год, и каждый раз это было испытанием его самодисциплины.... И не потому, что он хотел трахнуть женщину.

В свои взрослые годы он был девственником.

Он оправдывал целибат дерьмом, творившимся вокруг Трэза, уроками и устоями своего вида, которые, казалось, порой принимал слииишком близко к сердцу...

Вау. Он настолько завелся, что начал разговаривать сам с собой.

О дерьме, которое он и так знал.

И не интересном ни капли.

Он прошелся. Снова посмотрел на часы и затем выглянул на террасу. Где, черт подери...

– Это ты?

айЭм обернулся на мужской голос, донесшийся из спален. Пройдя напрямик к холлу, он обхватил сороковой, но судя по интонации? Особых проблем не предвидится.

И точно, завернув за угол в свою старую спальню, он обнаружил с'Экса, растянувшегося на кровати. Простыни обвивали его голое тело, а большая бутылка «Сирок»^[52] покоилась в его руках, словно ребенок.

– Я думал, у тебя траур, – сказал айЭм, убирая оружие.

– Так и есть. – с'Экс поднял полупустую бутылку. – Вот мой «Клинекс».

– Разве Королева не хочет видеть тебя на Территории?

– Не особо. – Мужчина разрезал рукой воздух. – Слишком постыдно. Со мной можно трахаться за закрытыми дверями, но показаться при всех? Не подхожу я. Конечно, ей бы все простили, будь правильной карта. Но нет.

айЭм прислонился к дверному косяку, скрестив руки.

– Как давно ты тут?

– После твоего ухода... это было прошлой ночью? Тебе нужно держать здесь больше выпивки. Когда ты сможешь притаранить еще? И мне нужны женщины.

Первым инстинктом айЭма было послать парня. Увы. Ему кое-что нужно от ублюдка.

– Я могу это устроить, – сказал он.

с'Экс закрыл глаза и заерзал бедрами под простынями.

– Когда?

– Сначала ты должен сделать кое-что для меня.

Его веки медленно поднялись, и черные глаза блеснули.

– Так не пойдет.

– На самом деле, пойдет.

– Пошел ты.

– Сам пошел. – айЭм не сводил своего взгляда. – Мне нужно попасть во дворец.

с'Экс захлопнул варежку. Потом рывком поднялся, простыни спали с его огромной груди, собираясь на талии. В свете из ванной татуировки, покрывавшие каждый дюйм его тела, сияли на его темной коже, словно флуоресцентные.

– Не этого я ожидал услышать, – пробормотал он. – Не приставив пушку к твоей голове.

– Что мне нужно от тебя – это гарантированный выход.

– Собираешься что-то украсть?

– Мне просто нужен доступ в библиотеку.

– В человеческом мире достаточно развлекательного чтения.

– И мне нужно отправиться туда сейчас.

с'Экс смотрел на него какое-то время. А потом зевнул как лев, сверкая огромными клыками, когда подбородок щелкнул от напряжения.

– *Сейчас*, – настаивал айЭм.

– Дворец закрыт на время траура.

– Ты же вышел.

с'Экс издал непонятный звук.

– Какую именно информацию ты ищешь?

– К тебе это не имеет никакого отношения.

– Черта с два.

– Слушай, мне нужно отправиться сейчас и вернуться до рассвета. Это экстренно. Я прошу тебя не для того, чтобы потешить твое эго.

с'Экс нахмурился.

– Я уже сказал, дворец закрыт на траур.

– Значит, тебе придется тайком провести меня.

– С какого хрена, по-твоему, мне тебе помогать?

айЭм холодно улыбнулся.

– Проведи меня внутрь и наружу, и ты подложишь свинью своей Королеве.

– Нашей. И если я захочу поймать ее, мне всего-то нужно забраться в ее койку.

– Хочешь сказать, что сможешь сейчас сделать это?

– Не романтизируй меня, – мрачно отозвался с'Экс.

айЭм пожал плечами.

– Плевать. Смысл в том, что так тебе не добраться до Трэза. Я должен попытаться помочь ему.

Если Селена умрет? Все потеряют Трэза. Дерьмо, айЭм мог думать лишь о том, как его брат выскочил из смотровой комнаты и пронесся по коридору, приставив дуло к виску, готовый спустить курок.

с'Экс смотрел на него очень долго.

– Что, черт подери, происходит?

– Говорю напрямую: наши интересы сходятся. Я не хочу видеть своего брата мертвым, как и ты. В конце всего мы поборемся за то, что его ждет, но прямо сейчас? Ты должен посодействовать мне, чтобы я помог ему пережить определенный кризис.

– Дай определение слову «кризис».

айЭм отвел взгляд.

– Близкий ему человек болен.

– Не он?

– Нет.

– Ты?

– Я похож на больного? – айЭм встретил взгляд палача. – Слушай, у нас обоих серьезные проблемы по части влияния на Трэза. Думаешь, мне нравится доверять тебе? Будь другие варианты, я бы ими воспользовался. Но, как ты понял из личного опыта, приходится работать с тем, что дает тебе жизнь. И мне нужно в проклятую библиотеку.

с'Хисбэ издревле славились своими целителями. Тени, как и симпаты, ответвились от вампиров, и было логично предположить, что это Окостенение мелькало где-то в истории расы... и если так, то информация была в той библиотеке.

Если будет на то удача, целители могли найти некий способ лечения... и второй остановкой будет огромный фармацевтический склад. Тени веками синтезировали лекарства из растений и животного материала, подбирая всевозможные компоненты для лечения болезней и расстройств... и, как и с регистрацией истории, целители скрупулезно относились к своим исследованиям и опытам.

Его народ привнес рационализм в медицину задолго до того, как люди избавились от мистицизма и приняли научное мышление.

Может, была надежда. Он должен выяснить.

– Я не хочу на тебя надеяться, – хрипло сказал айЭм. – Но придется. Так же как и тебе придется сделать это для меня, если хочешь получить возможность вернуть Трэза в строй. Он умрет сразу же, если умрет та женщина.

– Женщина? – айЭм ничего не добавил, и с'Экс выругался. – Знаешь что, вы двое – большая заноза в заднице.

– Я того же мнения о тебе и твоей Королеве.

– Нашей. Ты – член с'Хисбе. Независимо от твоего места жительства.

Конечно, это полная чушь о том, чтобы вернуть Трэза на Территорию, дабы он подчинился велению его астрологической карты. Этому никогда не бывать. Но айЭм должен был использовать все имеющиеся уловки, и с'Экс, возможно, был достаточно пьян, чтобы не сильно вдаваться в используемые мотиваторы.

И – вот неожиданность – все сработало. Выругавшись, здоровяк сбросил покрывала и поднялся на ноги... и айЭму на мгновение выдалась возможность рассмотреть татуировки. Господи. Плоть палача была исписана белыми узорами с шеи до пят, от плеч до запястий, избегая только лица и члена с яйцами. Даже айЭм был впечатлен от увиденного. «Чернилами»,

на самом деле, служил яд, обесцвечивавший кожную пигментацию. Большинство мужчин гордились тем, что вынесли боль и болезненные последствия небольшого семейного символа на плече или имени своей супруги над сердцем.

Сам факт, что с'Экс пережил все это, служил наглядным подтверждением того, что он был страшным засранцем. Или мазохистом-психопатом.

Давая парню возможность одеться, айЭм вышел в гостиную. Подойдя к раздвижным дверям, он посмотрел на ночной Колдвелл: небоскребы, покрытые крапинкой от беспорядочно горевших окон, двойные полосы из красных задних фонарей и белых фар, тянувшихся через реку Гудзон, несколько самолетов, мелькавших над линией горизонта.

Внутри и наружу, сказал он себе. Так все и будет.

И, если есть на свете Бог, то айЭм найдет что-нибудь, что поможет Селене.

– Здесь повернуть? – спросила Лейла, подавшись к рулевому колесу.

– Да. Здесь.

Она включила сигнал поворота, и когда Мерседес издал тихие щелчки, она вспомнила, как Куин учил ее премудростям вождения. Он никогда бы не подумал, что она использует эти навыки, чтобы возить Кора.

– Куда мы направляемся? – спросила она. Фары освещали немногим дальше узкой грунтовой «дороги», с плотно подступающими осенними деревьями по бокам. Низкая каменная стена, казалось, сдерживала древесную агрессию, хотя крайне узкий бордюр порос ежевикой и высокой травой.

– Уже недалеко. Отсюда пару километров.

Это все ради нее? – гадала Лейла. Была ли эта ночь, когда ее разыгравшаяся паранойя имела все основания, и Кор решил взять контроль над ситуацией таким образом, что причинит вред не только ей, но и малышу и Куину... которые невиновны во всем этом?

Дражайшая Дева-Летописец, ей нужно выбрать...

Фары осветили окрестности, и от увиденного сердце Лейлы замерло, а нога покинула педаль газа.

Это был небольшой коттедж, приятный на вид вопреки заросшей территории. Передняя дверь, выкрашенная в красный, два эркера и несколько мансардных окон на втором этаже... место казалось, улыбалось, широко распахнув глаза. Слева также стояло большое пушистое дерево с золотыми листьями цвета восходящего солнца, которое она встречала только на экране, в книгах или журналах. А также синевато-серая дорожка, ведущая к радушному зданию.

– Тебе нравится? – спросил он напряженно. Будто боялся возможного ответа.

– Может, это прозвучит наивно, – прошептала она. – Но такое ощущение, что здесь не может произойти ничего плохого.

– Это коттедж смотрящего за главным домом. Особняк был заброшен, но старый доджен жил здесь до прошлого месяца. – Он посмотрел на нее. – Давай зайдём внутрь.

Она вышла, не глуша двигатель, но Кор позаботился об этом, заглушив урчание Мерседеса, когда она встала в свете фар. Освещение в доме было выключено, но она видела, что внутри горели свечи... точнее, она так решила, судя по мелькавшему золотому свету.

Подойдя к двери, Лейла прикоснулась к краске. Она обветрилась и потрескалась, но сколов не было. Цвета яблока в карамели, подумала она. И, без сомнений, она сильно блестела, когда ее впервые нанесли.

– Открой, – он сказал ей. – Прошу.

Замок был из меди, старый, износившийся, но отполированный в тех местах, где к ним прикасались руки. Она открыла на удивление тяжелые дверные панели с тихим скрипом, но звук был скорее радостным приветствием, а не зловещим предзнаменованием.

Это были не свечи. Камин.

Жилое пространство было открытым, выложенным красноватым деревом, камин выполнен из речного камня разных размеров, форм и цветов. Половицы голые, широкие, скрипевшие при ходьбе, они словно разговорились, соскучившись по обществу. Сделав вдох, она почувствовала приятный дым из камина и лежащий в его основе чистый древесный запах.

В стороне от камина, лицом к эркеру стоял неуклюжий диван. Он был усеян коллекцией стеганых одеял, покрывала лежали одно на другом, из разных тканей и цветов, скопление образовывало свой собственный, уникальный узор. Также в комнате можно было найти большое

набитое кресло, старинные книги на коротких полках и круглый плетеный коврик, который связывал все между собой.

– Кухня вон там, – сказал Кор, закрывая переднюю дверь.

Она прошла мимо него. Его огромное тело было таким неподвижным, а глаза отказались встречать ее взгляд. Ванна была скромной, с душевой, туалетом и раковиной. На второй этаж вела крутая лестница с узкими ступеньками, укрытыми потрепанной дорожкой. И кухня в дальней части дома была заставлена древними приборами, перемежавшимися участками столешниц.

– Как давно у тебя этот дом? – Лейла повернулась.

– Как я сказал, смотрительница умерла месяц назад. Она была додженом, которая заботилась о нас, без наследников. – Он отвернулся и начал снимать тяжелый плащ. – Семья, которой она служила, жила в большом доме, но погибла во время набегов. Она оставалась на территории, потому что ей некуда было податься. Лессеры больше не появлялись, и она просто жила.

Кор отвернулся и начал разоружаться, мускулы на широких плечах заметно напрягались, когда он снимал ножны, крепившие его кинжалы на груди. Следующим он расстегнул кобуру на бедрах, заведя руки за спину, освободил кожаную лямку.

По неясной причине она обратила внимание на его тело под одеждой, на то, как его мускулы бугрились и расслаблялись под тонкой футболкой из черного хлопка, как штаны натягивались на бедрах, икрах, заднице.

Он говорил с ней, медленно, тщательно выговаривая слова, но она не слышала ничего.

Кор повернулся. Посмотрел на нее. Замолк.

– Ты не желаешь здесь находиться? – спросил он низким голосом.

– Зачем ты привел меня сюда?

Он прокашлялся.

– Я не могу позволить беременной женщине находиться на холоде ночи во время наших встреч. Ты уже на большом сроке.

Она внезапно ощутила прилив тепла. И навряд ли дело в камине.

– Проходи. – Он отступил к двери, выпрямляясь. – Здесь теплее.

Она подошла к нему. Прошла дальше.

Сев в кресло, она расправила мантию, прикрываясь. Закуталась в пальто. Посмотрела на языки пламени.

Кор прошел по всей комнате, задвигая шторы, прежде чем сесть на диван.

– Спасибо, – услышала она себя. – Здесь намного комфортнее.

– Да.

Молчание повисло между ними. Это было странно: на поле с бескрайним небом над головой и раскатыстым лугом вокруг она не ощущала его так остро. Но в четырех стенах его присутствие ощущалось сильнее, каждое его движение, будь то вздох или моргание, казалось, усиливалось стократ.

Между ними установилась любопытная неловкость, радостное перешептывание огня в камине не могло скрыть гнетущей тишины.

– Ты желаешь скрепить нашу сделку? – выпалила она. – Время... пришло?

* * *

– Это город-призрак?

Когда с чердака колониального дома донесся крик Ви, Рейдж заглянул в ванную главной спальни.

– Здесь тоже пусто. Розового только дохрена.

Выходя в спальню, он еще раз окинул взглядом розовую комнату. Розовый был повсюду, начиная от ковра и штор, заканчивая обоями и простынями, и повсюду чувствовался запах Кора. Очевидно, это была его личная комната... и было очень приятно осознавать, что ублюдку приходилось спать среди тонны эстрогена.

Словно в утробе.

Рейдж, содрогнувшись, вышел в коридор.

– Интересно, не страдал ли он от навязчивого желания натянуть шпильки?

– Та еще картина. – Ви показался в дыре на потолке и спустился по стремянке. – Заброшено.

Они испарились, покинули место.

Ничего. Здесь не было абсолютно ничего подозрительного или угрожающего, никаких мин, бомб с заведенным детонатором, визга сигнализаций.

И наверху не оставили ничего из личных вещей... как и в гостиной, тут и там валялся мусор, но не было ни одежды, ни оружия, ни компьютеров или сотовых телефонов.

Двигаясь быстро, они спустились по лестнице и тем же путем прошли через пустой дом. Дематериализовавшись сквозь открытое окно, они присоединились к Фьюри и Зи.

– Ничего, – сказал Ви.

Рейдж проверил телефон, и, не увидев ответа ни на одно из своих сообщений, хмурясь, спрятал его в кармане. На нервах он потянулся к другой стороне куртки и достал «Тутси Поп»... увидев апельсиновый, он поменял леденец на виноградный. Фиолетовая обертка была снята без проблем, словно леденцу не терпелось броситься в дело, и Рейдж устроил сахарный шарик во рту.

– Там все зачищено? – спросил Фьюри. – Так быть не может.

Рейдж вытащил конфету изо рта.

– Не поймите меня неправильно... по мне так разминировать бомбы и мины – скука смертная, но я был готов к этому. Я не понимаю. Они покинули место, потому что Тро отщепился и, скорее всего, начнет гадить? Они должны были знать, что мы появимся, как только получим адресок от того засранца.

Белые глаза Ви переместились на пустой дом.

– Они упустили очевидную возможность.

– Не думал, что Кор настолько тупой... или ленивый. – Рейдж пожал плечами. – Может, у них беда с деньгами.

– Вряд ли проблемы с финансированием, – пробормотал Фьюри. – Они хорошо вооружены, судя по их жертвам в центре.

Последовал быстрый разговор, и они решили вернуться и доложить Рофу, что Тро не солгал. Прямо перед тем, как все дематериализовались, Рейдж сказал с леденцом во рту:

– Парни, не против, если я сделаю небольшой крюк?

– Не вопрос, начнем доклад без тебя, – ответил Ви.

– Спасибо, братья мои. Мне нужно-то минут десять.

Он пожал руки своим братьям, и потом, один за другим, они дематериализовались...

... но вместо того, чтобы появиться на заднем дворе дома Дариуса, где Роф проводил аудиенции с подданными, Рейдж материализовался перед огромным, но менее роскошным домом в пригороде. На подъездной дорожке был припаркован синий фургон Вольво XC70, и хотя шторы были задернуты, свет горел в каждом огне трехэтажного дома.

Рейдж достал телефон, зашел в «Избранное» и нажал зеленую кнопку вызова. Пока шел

дозвон, он переминался с ноги на ногу.

– Привет, – сказал он, когда на звонок ответили. – Ты в порядке?

– Привет. – Голос его Мэри, его красивой и удивительной женщины, звучал совсем не нормально. – Как ты узнал?

Его зверь сразу встрепенулся под кожей, готовый порвать всех и вся, кто угрожал его супруге.

– Что происходит?

– У нас проблемы у одной из матерей.

Взгляд Рейджа блуждал по окнам.

– Я могу помочь?

– Где ты?

– На вашем газоне.

– Уже спускаюсь.

Рейдж повесил трубку и быстро привел себя в порядок, пригладив волосы, поправив куртку, подтянув кожаные штаны.

Марисса организовала «Убежище» для нужд жертв домашнего насилия среди представительниц расы. Хотя у людей полно программ и средств для своих женщин и детей, вампиршам и их отпрыскам некуда было обратиться, пока Марисса не основала эту организацию. Персонал состоял из социальных работников, обученных в человеческом мире – в вечерних школах или он-лайн – а медсестрами руководили Док Джейн или Элена. Резидентам разрешалось оставаться здесь без платы, столько времени, сколько им понадобится, чтобы снова встать на ноги и найти дом.

Мужчин внутрь не пускали.

Насколько он знал, сейчас в доме жили, по меньшей мере, двенадцать женщин, хотя число постоянно менялось... и благодаря Крылу Веллесандры, построенном как дар Тора в память о его первой любимой шеллан, здесь было полно комнат.

Парадная дверь открылась, и Мэри выскользнула наружу, закрывая дверь за собой. Обняв себя руками, она, дрожа, побежала по газону... и он собрал все унции самоконтроля, чтобы устоять и не сократить дистанцию между ними. Но он должен уважать границы частной собственности.

Широко распахивая руки, он опустился на колени, и когда она оказалась в пределах досягаемости, прижал ее к себе и оторвал от земли. Для него она была легкой как пушинка, но, Боже, она была живой, ее теплое тело прижималось к нему, ее руки обвивали его шею, сжимая, ее запах ударил нос, влияя на него как «Ксанакс»^[53] и эспрессо одновременно.

– Моя Мэри, – вздохнул он. Глубоко внутри него зверь удовлетворенно зафыркал. – Моя девочка Мэри.

Он зовет ее так уже давно. Не зная, почему. Наверное, потому что каждый раз, слыша такое обращение, она улыбалась.

Рейдж опустил ее, но не разжимал объятий. Он смахнул ее волосы цвета какао назад, и ему не понравилась ее бледность.

– Что, черт возьми, стряслось?

Она издала звук гнева. Истощения. Печали.

– Ты помнишь маму с ребенком, которых вы с Бутчем спасли пару лет назад? Может, два с половиной? Мама годами была жертвой насилия, как и ее ребенок.

– Да, они были первыми в вашей программе.

– Ну, у мамы все плохо. Она никому не сказала, что была беременна, когда пришла к нам. Она все скрывала, никто понятия не имел, что происходило. Обычно плод созревает

восемнадцать месяцев, но, по словам Хэйверса, иногда ребенок может умереть в утробе и остаться там... у людей такое невозможно. Однако Хэйверс сказал, что встречал такие редкие случаи.

– Погоди. Что? Ты говоришь, что она...

– Да. Это так ужасно.

Рейдж попытался представить, как у женщины в чреве остается мертвый ребенок.

– Господи...

– Ей становилось все хуже, она слабела... а потом потеряла сознание, и мы вызвали Дока Джейн с Эленой. Джейн вытащила ребенка, но мама... – Мэри покачала головой. – Она не идет на поправку. У нее слабая инфекция, которая не хочет уходить, и выглядит она плохо. И, что хуже, она отказывается от дальнейшего лечения, и никто не может достучаться до нее.

И, значит, Мэри была на передовой.

Рейдж прижал ее к своей груди, чувствуя себя придурком за свои подкаты в смс, в то время как она занималась вопросами жизни и смерти.

– Я могу чем-нибудь помочь?

Она отстранилась, поднимая на него взгляд.

– На самом деле, после этой передышки у меня откроется «второе дыхание». Твой приход как нельзя вовремя.

Он подумал о том, что происходило в клинике с Селеной. Ситуация странным образом тяготила его, хотя он не сильно тесно дружил с Трэзом.

Но он хороший мужчина. Крепкий орешек с добрым сердцем.

– Что ж, дай мне знать. – Он снова смахнул ее волосы. – Все что понадобится, в любое время.

Она приподнялась на носки, и он встретил ее на полпути, целуя раз, второй и снова. Она была самым важным – важнее его сердца и Братьев – в его жизни. С того момента, как она заговорила с ним, и он закрыл глаза, покачнувшись от звука ее голоса... он потерялся в ней.

Без нее, без своего магнитного севера? Он больше, чем проклят.

– Я люблю тебя, – прошептал она. – Сейчас и навечно.

– Я попытаюсь вернуться домой на рассвете, но не знаю, как все пойдет дальше.

– Делай то, что должна. Я выйду на связь, и ты напишешь, когда сможешь.

– Ты всегда такой понимающий.

Будто она знала, что быть вдали от нее в течение дня – ад для него.

– Мэри, девочка, ты делаешь то же для меня. И твоя работа очень важна.

Она склонила голову, ее широкие глаза были мрачными.

– Спасибо. Знаешь, это... очень мило с твоей стороны.

– Это правда. – Он снова поцеловал ее. – А сейчас иди. Возвращайся к своей пациентке.

Его Мэри взяла его руку и сжала.

– Я тоже тебя люблю.

Рейдж не двигался с места, наблюдая, как она бежит к парадной двери, достает ключ и входит в дом. Она помахала ему прежде, чем исчезнуть.

Когда дверь захлопнулась, он представил, как она запирает засовы, удостоверившись, что все в безопасности. Она работала, чтобы жизнь женщин и детей в этом доме стала лучше.

Спустя мгновение он снова достал мобильный. Пусто. Трэз все еще не ответил.

Второе его отправленное сообщение.

Выругавшись, он молекулами перенесся к старому дому Дариуса... и по пути образ Трэза, выскочившего из смотровой комнаты преследовал его. Съедал живьем.

Дерьмо, он надеялся, что Селена в порядке.

По неясной причине, это было жизненно важно для него.

Кор сидел на диване напротив Лейлы, и его сердце билось неровно. Она выбрала кресло в углу, и поэтому свет камина падал только на ее ноги. Но он мог представить ее всю: каждую черточку лица, ее горло, ее тело, известное ему как свое собственное.

Заданный ею вопрос словно повис между ними.

– Так что? – спросила она. – Время... пришло?

В ее голосе звучала очевидная дрожь, и он потер лицо рукой. В отличие от нее, он был полностью освещен, и не хотел, чтобы она видела его. Она и так беспокоилась, его вид сделает только хуже.

– Кор.

– Я не животное.

– Что, прости?

– Я бы никогда... не взял тебя в твоём положении. Это было бы зверски.

Она сделала глубокий вдох, который не заглушило даже потрескивание камина. И не в первый раз Кор возненавидел себя за положение, в которое ее поставил. Он активно пользовался тем, что узнал благодаря ей, заставляя ее быть с ним, поддерживать опасную для нее связь, чего бы Избранная не сделала по собственной воле.

Братство Черного Кинжала не прощало своих врагов, как и он. Связь с изменником была высшим преступлением согласно Древнему Праву.

Учитывая тот факт, что он и его Ублюдки прошлой осенью всадили пулю в горло Рофа? За такие заслуги их точно не запишут... как там говорят? В Бой Скотчи [\[54\]](#)?

– Девять месяцев, – прошептала она.

– Что?

– Столько мы уже встречаемся.

Он вспомнил самое начало, когда она дала ему вену под тем деревом. И позднее, когда он разоружился и сел в ее машину. Потом он целовал ее...

– Ты возбужден? – выпалила она.

Он отшатнулся, и его тело двинулось само по себе, бедра подались вверх прежде, чем он успел остановиться.

– Да? – прошептала она.

– Ты серьезно хочешь, чтобы я ответил на это?

– Я же спросила, разве нет?

– Да.

Повисла длинная пауза.

– Ты соглашаешься с тем, что я задала вопрос?

Опустив руку, он уставился в тускло освещенный угол, давая ей возможность вспомнить, с кем она сейчас разговаривает.

– Думаю, нам лучше сменить тему.

– Ответь мне.

– Я ответил.

Судя по вырвавшемуся из ее горла звуку, он точно понял, что сейчас она сглотнула ком, и он совсем не жалел, что заставил ее чувствовать себя неловко. После стольких встреч... обычно дважды в неделю... он не предпринял ничего, чтобы перейти на следующий уровень.

По крайней мере, в ее присутствии. Не было никаких ограничений.

Однако, сейчас ему казалось, что к границам, которые однажды он собирался пересечь,

вообще не стоит приближаться. И он сказал себе, что все из-за ее беременности.

Конечно, так и было...

– Я хочу увидеть.

Кор застыл на месте, его дыхание замерзло в его груди вместе с сердцем.

– Зачем? Могу тебя заверить, мое анатомическое сложение ничем не отличается от остальных мужчин... и я не могу понять, какой интерес для тебя представляет наглядное зрелище до того момента, как придет время, как ты выразилась.

– Покажи мне.

Нахмурившись, он перевел взгляд на окна. Он задвинул шторы. Его ублюдки сражались в городе, и они не вернутся на территорию главного дома до рассвета. Но порой они могли получить ранения на поле боя, иногда требовалось лечение вне переулков города...

Секунду. Он *не* станет спускать штаны. Поэтому весь анализ ни к чему.

Кор встал, отказываясь думать дальше того факта, что он просто не хотел обнажаться перед ней. – Сейчас нам лучше окончить встречу.

– Почему? Мне бы хотелось видеть тебя. В этом нет ничего сложного.

Если бы, думал он.

– И почему ты этого хочешь?

– Я полагала, что ты желал заняться со мной сексом. Ради этого все и затевалось, разве нет?

Кор лениво подошел к ней, в нем кипело раздражение... и кровь в венах. Упершись руками в подлокотники кресла он подался вперед, заставляя ее вжаться в подушки.

– Я намереваюсь, – отрезал он, – когда придет время, избавить тебя от наглядности. Поэтому я не могу понять, как презентация поможет тебе пройти через то, что ждет тебя впереди.

Его поразила поднявшаяся в ней волна гнева. Она испытывала по отношению к нему страх. Любезность. Грациозное самообладание, благодаря чему он уважал ее также сильно, как и желал ее.

Но гнев был в новинку.

– Что тревожит тебя? – спросил Кор. – Что подвигло тебя на это?

Без предупреждения и с удивительной силой она отпихнула его в сторону и вскочила с кресла.

Лейла прошла по комнате, описав узкий круг перед камином, и от эмоций воздух завибрировал вокруг нее.

В конце концов, она остановилась перед пламенем, положила руки на бедра, будто вела внутренний спор.

– Моя сестра умирает, – выпалила она.

Кор выдохнул проклятье.

– Мне жаль.

– Ее жизнь подходит к концу. – Лейла положила руки на круглый живот. – У меня никогда не было настоящего любовника. Несмотря на эту беременность, я чувствую себя девственницей.

Кор сел на мягкий подлокотник кресла. Точнее, рухнул на него. Во-первых, он ненавидел мысли о том, какой именно процесс сделал ее беременной. Во-вторых...

Он покачал головой, отбрасывая мысль.

– Мужчина ведь не обошелся с тобой дурно?

– О, нет. И я люблю Куина. Он – моя семья. Но, как я уже говорила, секс произошел во время моей жажды и нес одну цель – зачатие ребенка. Я почти не помню произошедшего. – Она посмотрела на него, от мерцающего света она казалась невыносимо прекрасной. – Моя сестра умирает. Я живая, но я толком не жила. Вот почему я прошу... покажи мне.

Такого не должно быть между ними.

Лейла не собиралась открывать душу перед Кором. Или просить его о том, о чем она попросила.

Но с того момента, как она зашла в этот домик, ее мозг разрывался в двух направлениях: одно – здесь с ним, второе – в той смотровой комнате учебного центра.

Где она стояла над скрюченным телом своей сестры, с ужасом осознавая, что еще одну из них поразило Окостенение.

Паранойя заставила ее гадать, не больна ли она? Могла ли она передать болезнь ребенку. У нее не было приступов, но когда они начались у Селены? Лейла была моложе Избранной... это всего лишь вопрос времени?

Конечно, была вероятность, что эта ментальная пробуксовка была связана с гормонами. Лейла заметила, что с беременностью ее мысли стали чаще путаться.

Но это не меняло реальности, что, будучи беременной девственницей, она боялась так и не познать секса. Злилась, что судьба обделила ее. Была благодарна за малыша, но задыхалась из-за нужд своего тела.

И Кор был единственным, к кому она могла обратиться. Все Братья женаты, и к тому же, она не думала о них в сексуальном плане. Более того, едва ли она в ближайшее время вступит в контакт с кем-то из представителей мужского пола.

Кор был единственным шансом выразить ядовитую смесь страха и желания.

Он прокашлялся.

– Тебе нужно хорошенько подумать об этом.

Опустив глаза, она сосредоточилась на его бедрах, на выпиравшей длине в районе ширинки военных штанов.

– Уже.

От резкого вдоха его мощная грудь расширилась, и Кор опустил руки, прикрываясь. На его пальцах виднелись вены – еще один признак мощи его тела, и внезапно Лейла задумалась, как эти руки будут выглядеть на его члене.

– Уходи, сейчас же, – сказал он. – И подумай...

– Нет.

– Лейла, я не игрушка. Меня нельзя достать из ящика, поиграть... а потом отбросить в дальний угол. Открыв определенные двери, потом уже не получится закрыть их до конца. Ты понимаешь? Я всем своим существом хочу тебя, но я уважаю тебя и твое положение. Это против моей природы, и под давлением я могу сойти с пути. Особенно когда дело касается секса.

Когда его слова проплыли по напряженному воздуху, его взгляд прошелся по ее телу, от чего она почувствовала себя обнаженной, будучи полностью одетой. И с округлившимся от беременности животом.

– Я просто хочу смотреть на тебя, – услышала она себя. – Я хочу знать, как ты выглядишь, когда ублажаешь себя. Я хочу начать с этого.

Закрыв глаза, Кор покачнулся.

– Лейла.

– Мое имя звучит в твоих устах как слово «нет»?

– Я не стану отказывать тебе, – простонал он, поднимая веки. – Но ты должна быть уверена, что хочешь этого. Подумай об этом днем.

На этом он обхватил себя, сжимая кулак вокруг тяжелой эрекции.

– Тогда завтра ночью, – услышала она себя.

Но она уже знала, что отсрочка ничего не изменит... хотя она и понимала на каком-то уровне, что он был прав. Она словно отклонилась от курса, рикошетом отскочила от страданий Селены к какому-то дикому выражению собственной душевной проблемы.

– Завтра, – подтвердил он. – А сейчас тебе нужно уйти.

Подойдя к двери, она оглянулась на него. Он был рисован жесткими линиями, плечи напряжены, высоко подняты, бедра подрагивали, будто он собирался в любой момент броситься вперед.

– Кор...

– Иди, – рявкнул он. – Уходи отсюда. *Убирайся!*

Затеребив замок, она открыла-таки дверь и выскочила в морозную ночь. По сравнению с теплом коттеджа, воздух был бодрящим и леденил нос, а ее пальто давало мало защиты. Но она не замечала дискомфорта...

Кор закрыл за ней дверь, и когда та со стуком захлопнулась, она услышала щелчки запирающего механизма.

Ей нужно идти.

Она должна уйти.

Но она осталась на месте, дыхание вырывалось из открытого рта клубами, поднимаясь и исчезая на холоде. Оглянувшись, она убедилась, что на территории никого не было, ни звука ходьбы или разговоров, мелькавшего сквозь деревья света.

Она не могла уехать.

Ступая осторожно, избегая хрустящих веток, которые могли выдать ее, Лейла прокралась к эркеру. Прорезь в задернутых шторах позволила ей увидеть камин и уютную комнату.

Где он?

Внезапно Кор появился в поле зрения, он метался по комнате как зверь в клетке, туда-сюда, взад-вперед. Его лицо исказилось в гримасе, клыки удлинились, мускулы вокруг колонны его шеи напряжены. Наконец он повернулся к очагу и ударил по камину, врезав кулаком по узору из тесаного камня.

Она поморщилась, но он, казалось, не заметил боли.

Выставив руки вперед, он уперся в каминную доску, согнулся всем телом, отворачивая от нее лицо. Кровь текла с его рук и запястья, из разбитых костяшек, парные темные ручейки сливались воедино и стекали вниз по его руке под манжету черной кофты.

Мгновение спустя, его кровоточившая рука опустилась. Поначалу ей показалось, что он тряс ее от боли. Но потом на нем зашевелились штаны, натягиваясь сначала с левой стороны, потом с правой.

Его плечи бугрились, а спина выгибалась.

Он сжимал себя.

Лейла прикусила нижнюю губу и подалась вперед, пока не уткнулась носом в стекло. Тело Кора было темным силуэтом в оранжевом свете пламени, он стоял, широко расставив ноги, опустив голову.

Его локоть двигался туда-сюда.

Быстро закрыв глаза, она припала к эркеру. Когда она снова открыла глаза, он ускорил темп. Еще быстрее.

Кор повернул голову и обнажил клыки. Впиваясь в бугрившиеся мускулы плеча сквозь рубашку, его лицо морщилось, словно в эротических муках.

А потом его бедра задвигались вперед, к камину, снова и снова, пока он кончал.

Отступив назад, она...

...запнулась за корень и полетела вниз. Со своим большим животом и рассеянностью, она пыталась извернуться и поймать себя, выбросив руку вперед, чтобы не удариться о землю. Объятая смертельным страхом за безопасность ребенка, она неуклюже приземлилась на руки и ноги, бедро приняло главный удар на себя, руку придавило.

Ее мгновенно охватила агония, она задохнулась от внезапной волны тошноты.

Она не двигалась и только стонала:

– Хорошо, хорошо... с тобой все хорошо...

Ей на самом деле нужно выбраться отсюда, сейчас.

С усилием поднявшись на ноги, она, покачиваясь, добралась до машины, прижимая руку к телу. Когда было нужно открыть дверь, она прислонила раненую руку к заднему стеклу, чтобы освободить другую, и села за руль. Ей пришлось перевести дыхание.

Она чуть не потеряла сознание, просто заведя автомобиль и развернувшись, но в конечном итоге ей удалось вырулить на дорожку и выбраться на главную дорогу.

Именно тогда она осознала, что без указаний Кора не знала, как вернуться домой.

Слезы раздражения наполнили ее глаза, и она позавидовала возможности Кора ударить по чему-нибудь. Если бы она могла, то так бы и сделала.

Но она уже сломала руку.

Разбитые костяшки ей ни к чему.

айЭм четко следовал указаниям с'Экса, выждав добрых полтора часа, прежде чем дематериализоваться из квартиры в Коммодоре на окраину Территории с'Хисбэ. Приняв форму в лесу, он прошел примерно триста ярдов к реке, которая огибала гранитную скалу, по форме напоминавшую голову человеческого президента – Линкольна.

Он нашел одежду там, где указал ему палач, засунутой под подбородок импровизированного лица. Сбросив свои шмотки и облачившись в традиционные одежды неженатого слуги из низших сословий, он с удивлением ощутил абсолютную уязвимость под свободным серым балахоном.

Конечно, он сохранил свой кинжал и пистолет: он был вынужден положиться на с'Экса в этой ситуации, но не станет доверять ублюдку больше положенного.

Территория располагалась севернее Колдвелла, на промежуточных землях между вершинами парка «Адирондак» и равнинами вокруг Платтсбурга. Замаскированная под поселение artists, территория в две тысячи квадратных акров была огорожена внушительной бетонной стеной, высокой и крепкой, как дуб. Небольшие поселения людей вокруг земель давно привыкли к присутствию «творческих личностей», казалось, они находили ненормальное удовольствие в том, чтобы защищать святость места и «творчества», рождавшегося в его чертогах.

На руку с'Хисбе.

И, конечно же, ирония заключалась в том, что в каких-то двадцати футах на север, на другой стороне горы? Обосновались симпатии.

Их соседство имело смысл. Ни один из видов не спешил брататься с другими... пожиратели грехов уважали людей или вампиров не больше Теней, поэтому, чем основательней изоляция, тем лучше. Следовательно, между двумя нациями никогда не было дипломатических связей и посольств. Они жили обособленно, как два пассажира, сидевших на автобусной остановке, желая одного – чтобы их не трогали.

В голове не укладывалось, что он возвращается.

Оставив свою одежду в тайнике, он двинулся вперед. Кожаные ремни на ногах скорее напоминали перчатки, чем обувь, и, идя по голой земле, он чувствовал каждую упавшую ветку, каждый камень, неровность почвы. Тишина была преимуществом: не считая периодического треска веток, он был тих, как лунный свет, падавший с небес.

Вскоре он подошел к оградительной стене. Уходя ввысь, высокая конструкция местами была покрыта плющом и пятнами грязи, покосившиеся ветки под странными углами сгибались к флангам.

Его не обманешь видимостью разрухи, и дематериализовываясь над оградой, айЭм вспомнил, насколько широкой она была.

Принимая форму по другую сторону, он мгновение пытался сориентироваться. Много лет прошло с тех пор, как он ступал на родную землю, но ему не стоило беспокоиться о случившихся переменах: в отличие от оболочки, которую являли внешнему миру, изнанка сияла от чистоты, бетон был бледным, выцветшим на солнце и подвергался постоянной мойке, у основания стены не выбивалось ни единой травинки.

Не было и речи о разросшемся лесе. Абсолютно нет. Деревья, которым разрешили произрастать, расположились как шахматные фигуры на черно-белой доске, каждое в пределах очерченного участка, даже веткам было запрещено выходить за границы. Ухоженный газон также напоминал ковер. Несмотря на осень, заставлявшую менять цвет и сбрасывать листья, ничто не портило ландшафта.

айЭм всегда думал, что Территория напоминала ему снежный сугроб, словно сконструированная версия реальности под искусственным куполом.

Впечатление осталось неизменным.

Набирая скорость, он побежал по коричневой траве. Вскоре появились первые здания, небольшие строения, немногим больше двухместной палатки, они были сделаны из дерева, выкрашенного в черный в цвет, крыша выложена жестяными панелями, серебро красить не стали. Как и деревья, дома были выстроены рядами, свет внутри не горел, не доносился запах готовки, звуки разговоров. Здесь проживала дворцовая прислуга, и эти хрупкие строения использовали только для сна и совокупления. Они питались, одевались и мылись в крыле для персонала в анклав Королевы.

Затем через какое-то расстояние показались стены Дворца, и они были еще выше первой преграды. Выложенные белым мрамором и отполированные до блеска. За ними с двух сторон скрупулезно ухаживали, смотрители, взбираясь на тридцати-футовые лестницы, начищали их в течение дня.

Если, конечно, так еще делали. Но, да ладно, здесь ничего не менялось.

Он шел параллельно стене, пока не достиг утопленного дверного прохода, отмеченного символами.

С первой попытки.

Посмотрев на часы, он ждал. Прошелся вдоль. Гадая, где же с'Экс.

Вокруг никого не было. Это – задняя сторона дворца, вдалеке от аристократов и среднего класса, жившего перед Территорией... с другой стороны, на время траура все подданные должны оставаться в своих домах, сидя на коленях отдавать почтение ночному небу за потерю Королевы.

Поэтому он мог войти и через парадные двери.

По плану палач должен был запустить его и провести по лабиринту коридоров до библиотеки. айЭм был одет как слуга, поэтому вопросов не возникнет. с'Экс всегда управлял дворцом и персоналом, будучи «Правой рукой» Королевы...

Удар пришелся со спины прямо по черепу айЭма. Ему так сильно треснули в бубен, что он мгновенно лишился сознания. Он даже не понял, как рухнул лицом наземь. И у него не было времени, чтобы отругать себя за то, что доверился этому мужчине, или попытаться схватить один из своих пистолетов.

Слишком поздно.

* * *

В это время в особняке Братства Селена вышла из подземного туннеля и вынужденно взяла передышку, чтобы сориентироваться в фойе. Казалось, лет сто прошло с тех пор, как она была в огромном помещении.

Почему так вышло? – размышляла она, обходя основание богато украшенной лестницы.

С одной стороны она не ожидала, что выживет, более того – что к ней вернется подвижность... даже частичная. С другой? От стремления рассказать о своих чувствах Трэзу она перешла к выносу его мозга, как выразились бы Братья.

– ...сейчас на Первую Трапезу. И следуя приготовлениям, мы должны...

Услышав голос Фритца, дворецкого, она начала подъем. Ноги были слабыми, мускулы напрягались, приводя в движения суставы, все еще твердые и болевшие. Чтобы сохранить равновесие, ей пришлось ухватиться за перила, покрытые сусальным золотом, сначала одной рукой, и – ближе к вершине лестницы – двумя. Ее мантия, которую кто-то выстирал, казалась,

веса центнер.

Селена испытала облегчение, когда незаметно для всех добралась до второго этажа. Дело не в том, что ей не нравились Фритц, персонал или кто-то из Братства, она просто чувствовала себя выставленной напоказ. Держа болезнь в тайне, ей было легче справляться с нею. Потом, когда ее окружали остальные, она притворялась, что ничем не отличалась от них, ни продолжительностью жизни, ни жизненными приоритетами – работа, сон и еда.

Но сейчас? Узнают все.

В особняке не было такого понятия как «частная жизнь»... и это неплохо. Жильцы были милыми и поддерживали друг друга. Просто... у нее ушли годы на то, чтобы примириться со своей болезнью.

Другим придется быстро свыкаться с ее реальностью, и она не хотела чужой жалости.

Подойдя к коридору со статуями, Селена помедлила у неброской двери слева. Открыв ее дрожащей рукой, она столкнулась с еще одной лестницей и мгновение собиралась с силами.

В итоге она поднималась по ним дольше, чем по парадной лестнице. С другой стороны, здесь не было такой необходимости бежать и прятаться. Сюда заходила только Первая Семья, которая жила за тремя замками в изолированных покоях, куда имел доступ только Фритц... также здесь бывали Трэз с айЭмом.

Дверь в спальню айЭма была широко распахнута, в дальнем углу опрятной, пустой комнаты, заполненной антиквариатом и добротными тканями, горела лампа.

Комната Трэза была заперта.

Селена постучала, а потом приложила ухо к панелям. Не получив ответа, она постучала снова.

Может, он не поднимался сюда?

Она знала, что у него были дела в человеческом мире, но он покидал клинику в измотанном состоянии, как ей показалось. Логично было предположить...

– Да?

Сглотнув ком, она ответила:

– Это я.

Долгое молчание. Настолько долгое, что она подумала, что он открыл окно и дематериализовался из комнаты, лишь бы не встречаться с ней.

Но в итоге снова раздался его голос:

– Ты в порядке?

– Я могу..?

– Секунду.

Мгновение спустя открылась дверь, и ей пришлось отступить назад. Он был таким огромным... и таким обнаженным... хотя ничем не сверкал. Он накинул халат, и в V-образном разрезе между лацканами виднелась его голая темная кожа.

Невозможно не представить, как выглядит все его тело под этой тканью.

– Ты в порядке? – повторил он.

По неясной причине его беспокойство начало ее раздражать. Сумасшествие какое-то. Он был вежливым и внимательным... отчего Селена чувствовала себя так, будто она – это только ее болезнь и ничего кроме.

– Эм, я... – Она оглянулась по сторонам. – Мы можем поговорить наедине?

Вместо ответа Трэз отошел в сторону, рукой приглашая ее внутрь. Преодолев дверной проем, она услышала, как дверь со щелчком захлопнулась.

– Я хотела извиниться. – Остановившись у окон, она повернулась. – Прости. Я сейчас весьма несдержанна в своих эмоциях, и я утратила объективность.

Трэз, скрестив руки на груди, прислонился спиной к двери. Его лицо было непроницаемым, темные глаза – мрачными, а брови низко опущенными.

Повисло молчание, и она прокашлялась. Переминалась с ноги на ногу. Коротала время, изучая смятую постель. Черную одежду, раскиданную на кушетке. Обувь, сброшенную у шкафа. Висевшее на двери мраморной ванной комнаты полотенце.

– Так... – Она прокашлялась. – Это я пришла сказать.

Дражайшая Дева-Летописец, что между ними встало?

– Сколько? – спросил он хрипло.

– Что, прости?

– Сколько осталось? До следующего... что это было. Когда был последний раз?

Две недели... точнее, тринадцать дней.

– Месяц назад. Может больше.

Его плечи расслабились.

– Я хотел спросить раньше.

И он снова умолк.

– Трэз, мне, правда, очень жаль...

– Тебе не за что извиняться. Ты там, где ты есть сейчас. Ты не оскорбила меня, и я не стану пытаться изменить то, что ты чувствуешь.

– Ты кажешься оскорбленным.

– Нет.

– Трэз...

– Как ты себя чувствуешь?

– Чудесно, – отрезала она. А потом уняла гнев. – Прости. Я просто... мне кажется, что ты отгораживаешься от меня.

– Это не так.

– Ты со мной не разговариваешь.

– Тогда почему мои губы шевелятся.

– Почему это происходит снова? – пробормотала она, копируя его позу, скрестив руки на своей груди. – Я просто хочу... чтобы между нами было все нормально.

– Между нами все нормально.

– Чепуха! Ты стоишь там как статуя... это моя работа, ясно? Это я должна стоять, застыв как камень. Почему ты не можешь сказать начистоту, чтобы я отвалила, или что я стерва, или что...

– Хочешь, чтобы я был честным?

– Да! Черт подери!

Боже, она все меньше и меньше походила на Избранную в своих словах. Ругалась, использовала местный диалект. С другой стороны, она все меньше и меньше чувствовала себя Избранной.

– Алло? Скажешь хоть что-нибудь?

– Ты в этом уверена?

– Ради всего святого...слушай, если хочешь, чтобы я просто ушла...

– Нет. Я хочу уложить тебя на лопатки на свою кровать, раздвинуть ноги и накрыть своим ртом.

Селена перестала говорить. Дышать. Думать.

Он приподнял бровь.

– Достаточно честно по твоим меркам? Или ты хочешь, чтобы я продолжил притворяться, что не думаю сейчас о сексе. О сексе с тобой.

Так, ладно, сейчас молчала именно она. И он резко рассмеялся.

– Видимо, ты думала не об этом. Я тебя не виню. – Он повернул ручку и открыл дверь, повторяя свой жест «после тебя». – Если ты все еще хочешь поговорить, то давай я оденусь, и мы встретимся на нейтральной территории.

Селена опустила взгляд на его бедра. Она познала его лишь раз, когда он забрал ее девственность, и она прекрасно знала, что он был *внушительным*.

Он был тверд?

– Селена? – На его лице мелькнуло раздражение. – Давай встретимся внизу. В кухне.

Без единой сознательной мысли она поднесла свои болевшие руки к поясу мантии.

Его глаза тут же проследили за движением.

– Что ты делаешь? – требовательно спросил он.

Она развязала узел, позволяя шелковой длине скользнуть на пол. С каждым ее вздохом полы мантии понемногу расходились, пока его взгляду не предстала дорожка ее плоти от горла и до лона. Взгляд Трэза, этот темный взгляд скользнул вниз, и внезапно комнату заполнил его возбуждающе-пряный аромат.

Селена скинула мантию с плеч, позволяя мягкой ткани скользнуть на пол.

– Будь добр, закрой дверь. Я бы хотела сохранить интимность момента.

У члена Трэза было отдельное сердцебиение. Еще до того, как Селена предстала перед ним во всей красе. А после этого? Чертова хрень, казалось, обзавелась собственным сознанием.

Моя.

Услышав хлопок двери, он не понял, рукой ли закрыл ее или же сделал это усилием воли.

– Ты уверена в этом? – прорычал он, уже сделав шаг в ее сторону. – Потому что я не смогу остановиться.

– Да. – Селена не посмотрела ему в глаза. Не сводила глаз с его бедер. – О, да. Позволь увидеть тебя.

Встав перед ней, он сказал:

– А как же все те женщины, с которыми я спал?

– Ты собираешься обсуждать их сейчас? – Она потянула пояс его халата. – Seriously?

Трэз остановил ее, не давая себя раздеть.

– Я совсем не изменился.

– Это твои заскоки, не мои.

– Согласно моим традициям...

– Твоим, но не моим.

– ...я осквернен.

– Почему ты все еще разговариваешь?

С этими словами она смахнула с себя его руку и, развязав пояс, стянула складки черной ткани с его тела. Его член был полностью возбужден, возвышаясь между ними.

На него она и положила руки в следующее мгновение.

Трэз застонал, запрокидывая голову.

– Ты горячий, – выдохнула она, наклоняясь и целуя кожу над его сердцем. – И твердый.

– Селена, я говорю серьезно. – Он попытался остановить ее прежде, чем она начала его ласкать. – Я хочу проявить уважение к тебе...

– Ты тратишь время.

На этом она опустилась на колени и взяла все в свои руки. Селена была высокой женщиной, и ее рот оказался на идеальной высоте, и – Боже помоги им обоим – она воспользовалась им, вытянув свой розовый язык и облизав головку. Трэз затрясся всем телом от прикосновения бархатного языка, и, прежде чем успел повторить судьбу халата и лужицей растечься по полу, он наклонился вперед, упершись руками в ближайший предмет, до которого смог дотянуться.

Бюро. С таким же успехом, это мог быть капот автомобиля. Сани Санты. Холодильник.

Теплая и влажная, Селена обхватила его своим ртом, сметая весь мир, мгновенно подводя его к грани.

Он простонал сквозь зубы:

– Я сейчас кончу... о, черт, я сейчас...

В голове мелькнула мысль, что он не хотел отнестись к ней без уважения и кончить в ее...

Селена подалась назад, открывая рот, и вытянула свой волшебный язык. Посмотрев на него, она начала ритмично вбирать его в себя, не переставая лениво облизывать головку.

Трэз протянул, ну, наверное, секунд пять. Когда разрядка выстрелила из него, Селена приняла все, глотая, посасывая, отклоняясь назад, чтобы он покрыл семенем ее губы и лицо. Боже помоги ей, он все кончал, бесконечная сексуальная нужда вцепилась в его тело, пока он отмечал ее как свою, и его запах покрывал ее, как в первобытные времена.

Защищать. Оберегать. Любить.

Все было собрано в этом священном месте.

Моя.

Когда он, наконец, замер, Селена села на пятки и потом несколькими сражающими наповал движениями облизала губы. Подняв руку, пальцами прошлась по влажному следу на подбородке, вытирая себя. Опустила взгляд на свою идеальную грудь.

Обхватив тяжелые груди, она улыбнулась, смотря на влагу, от которой блестели напряженные соски и упругая плоть.

– Ты меня всю испачкал.

– Где ты научилась этому? – выдавил он.

По крайней мере, хотел это сказать. Из рта вырвался поток бессвязных звуков.

– Что такое? – прошептала она перед тем, как приподнять одну грудь и наклониться к ней с вытянутым языком.

Она облизывала себя.

Из рта Трэза вырвалось рычание, которое бы напугало его, будь он на месте Селены.

Но Селена не испугалась. Она гортанно засмеялась.

– Желаешь пометить что-нибудь еще?

* * *

Свобода.

Сидя на коленях перед Трэзом, чувствуя его вкус в своем рту и запах на своей коже, Селена упивалась сексуальной свободой, охватившей ее. Освобождение, казалось, совсем не соответствовало смертному приговору, с которым она жила, и все же нехватка времени избавила ее от неловкости и мук совести. Она летела над узами, которые давно приковывали ее к земле, знания эроса позволили ей парить на волнах секса, которые плотными, осязаемыми веревками соединяли их тела.

Не имея понятия, сколько ей осталось, и ведомая злостью на то, сколько времени она потратила впустую, Селена стремилась выразить себя, принять желания своего тела и осуществить их.

Все они были связаны с Трэзом.

И будто он чувствовал то же самое, он подался вперед и поднял ее с пола. Суставы воспротивились смене положения, но протесты казались лишь шепотом по сравнению с ревущей похотью, с которой она хотела Трэза.

Он должен был войти в нее. Своим телом.

Трэз понес ее к кровати и уложил на живот, его большие, теплые ладони прошли по ней от лопаток до бедер, а потом он устроил ее на четвереньках, раздвигая колени. Опустив голову. Она хотела увидеть его... смотря мимо набухших, подрагивающих грудей, она наблюдала, как он зашел сзади, его член покачивался, пока он устраивался...

О ее лоно потерял не член.

Он обхватил руками ее бедра, впиваясь пальцами в ягодицы и раздвигая их, ее складки для себя. А потом он накрыл ее своим ртом, влажные губы скользили по влажным губам, посасывая, поглощая. Полностью доминируя, его язык скользил вверх-вниз, проникая, порхая по ее лону, пока она не содрогнулась от оргазма, с каждым рывком вжимаясь в его лицо.

Когда он, наконец, закончил, то поднялся, упираясь кулаками по обе стороны от нее.

– А сейчас я тебя трахну, – прохрипел он ей на ухо.

– О, Боже, да...

Селена громко вскрикнула, когда он погрузился в нее, растягивая до предела. Удар отдался приятной болью... и потом он начал вбиваться. Не было и речи о медленном и уверенном темпе, от жестких движений она увидела звезды, и в итоге оказалась не в силах держать тело над кроватью. Рухнув лицом на простыни, пахнувшие им, она сражалась за дыхание, упиваясь удушьем, когда каждый толчок вжимал ее лицом в подушки.

Бамс! Бамс! Бамс!

Изголовье кровати билось также сильно, как вбивались в нее, дерево ударялось о стену, звук сливался со звериным рыком Трэза.

Изогнув голову, Селена попыталась увидеть его.

Трэз был великолепен, его грудные мышцы и плечи напрягались, огромные руки испещрены мускулами, на животе обозначились резные мышцы, в то время, как его бедра бились о нее. Кончив, он запрокинул голову назад, как и в первый раз, когда она взяла его, и взревел, сверкая длинными и смертоносными белыми клыками. Вены выделялись по обе стороны его шеи, бедра вбивались в нее, вбивались, вбивались...

Он заполнил ее.

И ее лоно выманивало из него семя, пока она не почувствовала влагу на своих бедрах.

Он не столько вышел из нее, сколько рухнул сверху, словно каждая унция силы покинула его тело. Изголовье ударилось о стену с финальным «бамсом», когда он обрушился вниз, и его ладони, руки, торс и ноги обмякли после всех усилий.

Его губы шевелились, темный взгляд нашел ее и не отрывался.

Она не понимала, что он говорил ей. Ей было все равно. Ее задница все еще была поднята, лоно гудело после жесткого секса, тело было таким же насытившимся, каким выглядел Трэз. Потоки воздуха, спускавшиеся с потолка, ласкали ее обнаженную кожу, покалывая, охлаждая.

Это был самый фееричный секс в ее жизни. Жесткий, животный, такой, как ей рассказывали и как ее учили.

Прежде чем Селена позволила себе устроиться на боку и провалиться в сон, она улыбнулась так широко, что заболели щеки.

Впервые в жизни ее не просто основательно и качественно трахнули, ее отметил мужчина, которого она любила.

Даже с тем будущем, что ждало ее впереди, невозможно было не чувствовать себя благословленной.

айЭм пришел в сознание, но глаз не открыл. Его привела в чувство стреляющая боль в затылке... это и ледяной пол, на котором лежало его голое тело. Мгновение он подумывал притвориться мертвым и попытаться выяснить, где он находится, с помощью слуха, обоняния и инстинктов, но для этого не было необходимости.

Он точно знал, куда его закинули.

Двуличная тварь.

Открыв глаза, он особо ничего не увидел. С другой стороны, он лежал на животе, придавив руку своим торсом так, будто его закинули...

Открылась дверь в углу позади него. И он узнал это не по скрипу петель, а по голосам и топоту в камере.

– Зачем мне проверять его метку? – спросил мужчина. Не с'Экс.

– Таков протокол.

Ага. Ничего не изменилось.

айЭм закрыл глаза и сохранял неподвижность, когда шаги стали звучать ближе, осталось лишь неглубокое дыхание.

Кто-то охнул. А потом пальцы прощупали его поясницу, будто растягивали участок кожи, где ему, как и всем мужчинам, поставили метку в шестилетнем возрасте.

– Это, должно быть, ошибка.

Шаги в спешке удалялись, и айЭм предположил, что дверь снова закрыли.

Он поднял голову, и его размытое зрение обрело фокус. В хорошо освещенной камере двадцать на двадцать футов никого больше не было, белые стены были столь гладкими, что он видел на мраморе собственное отражение.

Голова трещала так жутко, что он был вынужден положить ее на пол, щека нашла то самое место на камне, которое успело нагреться до температуры его тела, пока он пребывал в отключке. Рука убивала его, она болела и онемела одновременно, но у него не было сил высвободить конечность из-под своего тела. Лежа здесь, дыша, существуя, он не знал, сколько провалялся без сознания, что они собирались с ним сделать, и выберется ли он живым из реализации своей блестящей идеи.

Выдернув образ из ниоткуда, мозг послал ему мысленное изображение того, как он уезжал из «Сала» прошлой ночью, как он вышел из любимого им ресторана, поговорил с официантами.

Он обнаружил, что хочет отмотать время назад и вернуться в ту инкарнацию себя, в воспоминания холода ночи на своем лице, того, как дымок вился у кончиков сигарет, что курили официанты... Все было настолько четким, что, казалось, было возможно повернуть время вспять... и снова ступить в те туфли... вернуться в свою кожу так, как он обретал форму после дематериализации.

Но время, конечно, так не работало. И воспоминания представляли собой ТВ-шоу на собственную жизнь, где ты являлся зрителем, а не участником, способным менять историю.

Отчаяние из-за Трэза, самого сильного мотиватора в его жизни, привело его во чрево к их общему врагу.

И велики шансы, что это будет стоить ему жизни.

Он со стоном перекатился на бок, моргая. Его оружие исчезло вместе с его одеждой. И больше в камере ничего не было...

Дверь открылась, панель беззвучно отделилась от стены. И вошедший был закутан с головы до пят в черную мантию, лицо скрыто, ноги тоже, даже на руках перчатки.

Это Мрачный Жнец? – задумался он. Он снова вырубился и сейчас видел сон...

Он уловил слабый запах.

Но не носом. А почувствовал всем телом.

Словно заряд электричества.

Дверь закрылась за высокой фигурой в мантии. И потом, когда мужчина подошел, айЭм изо всех сил попытался принять оборонительную позу.

Но не сильно преуспел в этом.

К нему потянулась рука в перчатке, его снова перевернули на живот, и потом он почувствовал прикосновение к пояснице.

– Я... убью тебя... – пробормотал айЭм. – Заставлю страдать...

Как – без понятия. Но он будет биться в агонии, будьте уверены.

Фигура отступила назад. Склонила голову, словно обдумывая способ смерти, который можно будет использовать.

В с'Хисбе большую часть пленников сначала пытали. Мариновали, так это называл айЭм.

Потом их убивали и закапывали, либо их съедал с'Экс со своими стражами, в зависимости от степени оскорбления.

Последнее считалось достойной гордости традицией. И также решало проблему «куда-девать-тело».

айЭм сжал кулаки, приготовившись к тому, что ждало его.

Но фигура просто долго изучала его. А потом вернулась к двери и скрылась за нею.

Оу. Ладно. Они подтвердили его личность, и не было причин убивать его до того, как они вернут сюда Трэза. Пустая трата средства для достижения цели.

Дерьмо.

Расслабляя мускулы, он попытался отпустить себя, уповая на то, что естественные способности тела к исцелению быстро разобрались с его сотрясением.

Он должен вернуть способность управлять чем-то большим, чем вялой тушей и свинцовыми конечностями.

Черт подери, ему не стоило полагаться на с'Экса.

* * *

В это время в Колдвелле, Пэрадайз сидела на своей кровати, поджав под себя ноги, и не сводила глаз с ночного неба по ту сторону закрытых, запертых окон.

– Значит, ты собираешься сделать это? – сказала она в свой телефон.

Пейтон рассмеялся.

– Черт, да, ты что, шутишь? Я до смерти хочу выбраться отсюда. С самых набегов я сижу в четырех стенах, это чудо, что родители отпускают меня в тренировочную программу.

Она перевела взгляд на замки на двери в ее спальню, которые были, что примечательно, заперты.

– Интересно, отпустит ли меня отец... – пробормотала она.

Повисла пауза. Потом раздался смех:

– Пэрадайз, Боже. Ну, нет. Ха-ха. Да ни за что.

– Да, наверное, ты прав. Он слишком оберегает меня...

– В этой программе *нет места* женщинам.

Она нахмурилась.

– Прощу прощения? В письме от Братства было сказано, что мы можем попробовать.

– Ладно, во-первых, «попробовать» не значит «будете приняты». Ты пробовала отжаться хоть раз?

– Ну, я уверена, что смогу, если...

– И, во-вторых, ты не среднестатистическая женщина. В смысле, алло, ты из Семьи Основателей. Твой отец – Первый Советник Короля. Тебя будут охранять для выведения потомства.

У Пэрадайз отвисла челюсть.

– Не верю, что ты сказал это.

– Что? Это чистая правда. Не притворяйся, что для женщин вроде тебя действуют те же правила. Ну, если кто-то из челяди в юбке захочет попытаться, то ладно. Такая потеря ничего не значит для расы. Но, Пэрри, таких как ты осталось мало. Для мужчин вроде меня? Мы берем в жены только женщин вроде тебя, а сколько вас осталось, четыре, пять?

– Самое примитивное объяснение, которое я когда-либо слышала. Мне пора.

– Ой, да брось. Не будь такой.

– Катись к черту. Я нечто большее, чем два яичника, которые ты можешь окольцевать.

Она повесила трубку и подумывала о том, чтобы бросить ее через всю комнату. То, что она не смогла последовать импульсу, наплевав на унаследованные от рождения и вбитые в ее голову манеры, означало, что Пейтон был прав.

Она была тепличным цветком, предназначенным только для чайных посиделок, детей и...

Когда снова зазвонил ее телефон, она бросила его на покрывало, спустилась на пол и уперлась руками в ковер. Выбросив ноги, она встала на мыски.

– Вот так, – сказала она, стиснув зубы. – Вверх и вниз. Хоть сто раз.

Она с первой попытки опустилась вниз, ее руки справились с задачей. Когда ее нос уперся в изображение вазы с цветами, она была в боевом настрое, готовая показать всем, где раки зимуют.

Вверх... тоже без проблем.

Вниз к коврику. Иииии вверх.

Кое-как. Мускулы в предплечьях начали подрагивать, локти зашатались, плечи заныли.

Она отжалась три раза. Точнее, два с половиной. Прежде чем рухнуть на...

– Что ты делаешь?

Вскрикнув, она перевернулась. В дверном проеме спальни стоял ее отец, вытаскивая из замка ключ... и его брови взмыли высоко на лоб, почти до линии роста волос.

– Отжимаюсь, – сказала она, задыхаясь.

– Но зачем?

Спроси у него, подумала Пэрадайз. Просто скажи напрямую: «Я хочу присоединиться к учебной программе Братства...».

Ее телефон снова зазвонил.

– Ты должна поднять его? – спросил отец.

– Нет, Отец, я...

– Золотце мое, кое-что произошло. – Он закрыл за собой дверь на замок. – И я должен быть честен с тобой.

Пэрадайз подтянула ноги к груди и обхватила их руками.

– Я сделала что-то не так?

– О, разумеется, нет. – Он посмотрел на нее, покачивая головой. – Ты лучшая дочь, о которой может просить отец.

Когда замолк ее сотовый, она задумалась, с какими взглядами Пейтона согласится ее отец. И сколько еще Пейтон будет названивать.

– Мне нужно, чтобы ты собрала кое-что из своих вещей, – сказал он.

Пэрадайз отшатнулась.

– Зачем?

– Я хочу попросить тебя покинуть дом на пару недель.

Ее накрыла холодная волна.

– Что я сделала?

– О, милая. – Он подошел к ней и опустился на колени. – Ничего. Я просто подумал, что тебе захочется немного поработать.

Сейчас уже она вскинула брови до небес.

– Серьезно?

Она поднимала эту тему пару месяцев назад, когда очередная ночь с занятиями на фортепьяно и сложной вышивкой во много стежков довела ее до сумасшествия. Но отец деликатно отказал ей, руководствуясь вопросом ее безопасности... она уважала его аргументы и одновременно бесилась.

Было сложно спорить с тем, что мир был небезопасен для вампиров.

– Что изменилось? – А потом она вспомнила про их дальнего родственника. – Секунду, этот мужчина останется здесь?

– Это не связано с ним. Дело в том, что моя работа в качестве Первого Советника становится все сложнее и тяжелее, и мне нужен помощник, которому я бы мог доверять. Мне на ум пришел только один такой.

– Серьезно? – усомнилась она, прищурившись. – И здесь нет других причин?

– Правда. Клянусь. – Он улыбнулся. – Так, что скажешь? Хочешь поработать со мной?

Ведомая внезапным приливом счастья, она сжала отца в объятиях.

– О, спасибо! Да! Я в восторге!

Он рассмеялся.

– Ладно, но тебе придется переехать в особняк для аудиенций, принадлежащий Королю. Не беспокойся, ты будешь не одна. Ты можешь взять свою служанку, а Братство заполнило здание персоналом...

Пэрадайз вскочила на ноги и бросилась к своему гардеробу. Распахнув двери, она начала вытаскивать монограммные чемоданы Луи Виттон из набора.

– Я буду готова через полчаса! Пятнадцать минут! – Она выдернула встроенные ящики, хватая нижнее белье, бюстгальтера и топы. – О, ты возьмешь Вучи? Она будет счастлива!

Краем уха она услышала смех своего отца.

– Как пожелаете, моя леди. Как пожелаете.

Рейдж появился на газоне перед бывшем особняком Дариуса и направился напрямик к парадным дверям. Когда он вошел в дом, его встретила серия охов и ахов, и он посмотрел налево. Гражданские в гостиной скучковались в неуклюжую, стоящую группу, словно они чувствовали дискомфорт, сидя на модных шелковых диванах... и увидев его, все выпучили глаза.

Да, похоже, репутация все еще идет впереди него.

Блин, побудь шлюхой пару веков, и народ не отстанет, даже когда женишься по любви.

Та еще заноза в известном месте, и в обычную ночь он бы подошел и представился, просто чтобы козырнуть именем Мэри в разговоре.

Но сегодня он направился напрямик к закрытым дверям, ведущим в бывшую столовую. Постучал дважды со словами «Это я».

Тор открыл двери с «Как дела?», и Рейдж зашел в похожую на пещеру, полупустую комнату: здесь стояло всего несколько кресел, стол с офисным стулом, несколько дополнительных стульев на случай аудиенции с группой гостей.

– Взрывчатки не было, – сказал Роф, сидя в одном из кресел. – Западни тоже.

Ви как раз прикуривал самокрутку, и когда Рейдж сделал вдох, до него донесся запах турецкого табака.

– Мы с Голливудом прошерстили весь дом расческой с мелкими зубьями. Очевидно, что они там жили. И совсем недавно съехали. Но они даже не потрудились подгадить нам.

Роф погладил боевой рукой квадратную светловолосую голову золотого ретривера, который помогал ему передвигаться. Джордж – без ума влюбленный в своего хозяина – повернул морду к Королю, показывая горло.

– Значит, Тро не солгал.

– По крайней мере, относительно этого, – пробормотал Ви.

– Занятно.

Рейдж прошелся взглядом по лицам братьев. Зи и Фьюри стояли рядом, как всегда. Куин возле Зи, потом Блэй и Джон Мэтью, они были рядом, хоть и не являлись членами Братства. Бутч расположился напротив Короля, упершись локтями и всем весом в спинку кресла, Ви был за ним. Тор стоял у двери.

– Так, что дальше? – спросил Рейдж.

– Выждем. – Роф подался вперед и почесал хребет пса. – Если он задумал что-то, то сам подставится. Нужно следить за аристократами... нам нужен внутренний источник. Ваши предложения?

В этот момент раздался стук в дверь. Тор приставил ухо к панелям, а потом приоткрыл дверь.

– Проси и получишь.

Абалон заглянул внутрь:

– Мой Господин? Простите, что мешаю вам, но могу ли я представить вам свою родную дочь до того, как мы начнем аудиенции этой ночи?

Роф рукой пригласил мужчину войти.

– Да. Веди ее.

Абалон выскользнул из комнаты, и из коридора донесся приглушенный разговор. Потом он вернулся и привел за собой молодую женщину. Хрупкая, со светлыми волосами и длинными ногами, она была воплощением арктической принцессы.

Миловидная. Весьма. Может, даже красивая... но она нервно курит в сторонке по

сравнению с его Мэри.

Абалон провел девушку вперед, поддерживая за локоть, его грудь вздымалась от отцовской гордости.

– Мой уважаемый правитель, великий Король всея...

– Да, да, хватит уже, – прервал его Роф. – Пэрадайз, я так понимаю, ты переезжаешь в дом моей шеллан и ее брата. Добро пожаловать.

Когда ей протянули черный бриллиант, Пэрадайз согнулась в талии, ее руки дрожали так сильно, что казались мерцающе-прозрачными в свете люстры.

– Мой господин, – прошептала она перед тем, как поцеловать камень.

Отпустив руку, она выпрямилась, уставившись в пол, сутулила плечи, ноги плотно свела.

– Познакомишься с моим псом? – предложил Король.

Джордж, который всегда не против почесываний за ушком, начал мести хвостом по полу, казалось, словно кто-то бил веревкой по дереву.

– Погладь его, – сказал Роф. – Тебе можно.

Девушка окинула взглядом Братство, не поднимая глаз выше их ботинок. И тогда Рейджу стало ее жалко. Многие аристократы слишком наседали на своих женщин, они нечасто бывали среди мужчин, не связанных с ними родственными узами... очевидно, она впервые оказалась в комнате, переполненной тестостероном.

– Джордж, иди. Поздоровайся.

Подгоняемый Рофом, пес затопал вперед и усадил свой пушистый зад прямо перед девушкой, наострив уши и размахивая хвостом туда-сюда по полу.

– Это... мальчик? – тихо спросила она, опускаясь на пол и потянувшись к меховой подушке.

– Ага. – Роф поднял голову. – Так, придурки, быстро представились? И чтоб прилично.

Народ закашлялся. По крайней мере, Фьюри сделал шаг вперед и представился. Наверное, к лучшему... он самый джентльмен из всех них.

– Рад тебя видеть, – сказал Праймейл. – Я – Фьюри... кстати, мы обожаем твоего отца. Хороший парень.

Иииии, Абалон чуть не выпрыгнул из своих лоферов от «Бэлли».

Она подняла взгляд на желтые глаза и неловко улыбнулась Фьюри.

– Привет.

– Это мой близнец. – Он указал на Зи... и Зэйдист, прекрасно понимая, как выглядит со своим шрамом на лице, остался на месте, просто подняв руку, когда Пэрадайз отшатнулась. – Зэйдист женат, у них есть дочь, Налла. Она шикарна... вот, посмотри.

Фьюри показал фотографию на телефоне, и девушка посмотрела на изображение. Перевела взгляд на Зи. Опять на снимок.

– Моя малышка, – сказал Зи низким голосом. – Ей два года, и она вся в свою мамэн.

Девушка мгновенно расслабилась. Потом Фьюри представил Вишеса, который просто кивнул, и Бутча – парень отозвался зычным бостонским «приветкакжизнь». Следующими были Джон Мэтью, Блэй и Куин, а потом Фьюри указал на Рейджа.

– А Брэд Питт вон там – это Голливуд.

Он улыбнулся.

– Рад знакомству.

Пэрадайз не сводила с него глаз, округлившихся, но не от страха. Далеко не от страха.

– Да, есть на что посмотреть, – сказал кто-то. – Пока не узнаешь его получше.

– Эй, хорош завидовать, – парировал Рейдж.

Завязался разговор, Роф задал Пэрадайз несколько вопросов о ней самой. Когда девчонка сосредоточилась на Короле, Рейдж вспомнил свою жизнь до встречи с его Мэри. Без сомнений,

он бы подкатил к этой невинной девчужке... и успешно. Он не давал промахов, держа своего зверя под контролем, трахая все движимое и недвижимое. И он не возражал. Возражали женщины, желавшие сохранить свою благодетель.

А Пэрадайз, без сомнений, была именно такой женщиной.

Так что, да, он был рад тому, что встретил ее сейчас, когда не было ни одного шанса подкатить к ней. Он женат на своей Девственнице, как и предсказывал Вишес, и его жизнь была спасена.

Внезапно его накрыла тошнота.

Запустив руку в карман, он достал свой мобильный. Проверил сообщения.

Трэз, бедный ублюдок, все еще не отписался ему. Казалось по-тупому снова тревожить парня, учитывая все, что выпало на его долю, но было сложно отговорить себя от еще одной попытки связаться с ним.

Жаль, что нельзя было помочь парню и Избранной чем-то большим.

На самом деле.

* * *

И речи не было о сигнале поворотника.

Двигаясь на Мерседесе к особняку Братства, Лейла устроила раненую руку на консоли между сиденьями. Свернув запасную куртку, она добавила поверхности высоты и дополнительной мягкости.

Боль была ошеломительной, настолько сильной, что она чувствовала тошноту.

Так что нет, никаких сигналов при повороте налево или направо.

По крайней мере, так поздно ночью на загородной дороге никого не было.

Прошло несколько часов, а может и лет, прежде чем она свернула на гору, где располагался лагерь, и мис оказался настоящим кошмаром. Искажение территории, созданное Ви, охранная мера ради их безопасности, обеспечивала размытость ландшафта, словно туман, опустившийся на лес. Истощение от борьбы с рвотными позывами вкупе с проблемами зрения означало, что она чувствовала себя абсолютно потерянной, она инстинктивно поддавалась вперед, к лобовому стеклу... но это не помогало.

Это только взбесило перелом пуще прежнего.

Когда на горизонте показали сияющие огни особняка, Лейла взмолилась, чтобы все Братья были на поле боя, и ей удалось добраться до своей комнаты без свидетелей. Обогнув фонтан, отправленный на зиму совсем недавно, она припарковалась рядом с фиолетовым ГТО Рейджа и новой игрушкой Бутча, черным Мерседесом, похожим на буханку хлеба.

Ей пришлось другой рукой тянуться через руль, чтобы поставить рычаг в положение «парковка»... и обнаружить, что придется извернуться еще сильнее, чтобы заглушить седан с помощью кнопки запуска. А потом, оправляясь от усилий, она какое-то время делала неглубокие вдохи. Посмотрев в зеркало заднего вида, она заметила вход в особняк... и осознала, что не представляет, как туда доберется. Не говоря уже о том, чтобы дотащить себя до спальни.

Выбора не было. Она либо сделает это сама, либо придется просить кого-то солгать ради нее: такое ранение скрыть невозможно, настолько оно свежее. А она не могла допустить, чтобы Куин узнал о произошедшем.

Или, того хуже, чем она конкретно занималась, когда упала.

Черт подери, эта ситуация в наказание за ее двойную жизнь... две противоборствующие реальности столкнулись лбами, лишая ее чувств, раскрывая ее.

В теории.

Время заходить в дом.

Лейла получила свежий урок боли, когда открыла дверь и попыталась встать с кожаного сиденья, ее рука закричала, когда осколки кости задели друг друга.

Вдох, чтобы восстановиться. Несколько вдохов.

И потом она умудрилась как-то выбраться из машины.

Особняк всегда стоял так далеко от парковки?

Обойти фонтан значило не просто переставлять одну ногу за другой: она, шаркая, шла по камням, пытаясь не потерять сознание. Когда она добралась до каменной лестницы, ведущей к дверям, словно в кафедральном соборе, ей хотелось плакать. Вместо этого, она одну за другой преодолевала ступеньки.

Открыв дверь вестибюля, она поняла, что совершила две ошибки: оставила дверь машины не закрытой... и ей придется, на самом деле, столкнуться кое с кем: невозможно попасть в дом, не подставив лицо в монитор и не дождавшись ответа.

Она оглянулась на Мерседес, понимая, что у нее нет сил, чтобы вернуться и закрыть дверь.

А попытаться зайти через вход для персонала, что был возле гаража...

На этом все и кончилось.

Пока ее разум перебирал ограниченные варианты, ее тело само выдернуло штепсель из розетки: обморок и гравитация сделали свое дело, крыльцо поприветствовало ее в жестком, очень жестком объятии.

Которое она уже не почувствовала.

В четыре утра Эссейл вел свой пуленепробиваемый «Ренж Ровер» к берегу реки Гудзон. Дорога была такой же широкой, как и карандаш, и ровной – как полоса препятствий. Рядом с ним, молча сидел Эрик, сороковой покоился на мужском бедре, подрагивающий палец лежал на курке, готовый опустошить обойму в любую секунду.

Быстрый взгляд в зеркало заднего вида подтвердил, что Эвейл, близнец Эрика, был также в боевом режиме, готовый ко всему.

Сколько они уже работали с импортерами? Девять месяцев? Больше? Он не помнил. Но только дурак станет распускать охрану.

Примерно через двадцать метров этой «дороги», он подъедет к пологому участку на берегу. Порядок не менялся: он припаркует внедорожник среди деревьев, развернув капотом к выезду, и в случае непредвиденной ситуации сможет скрыться либо со своими деньгами, либо с наркотиками. Потом он будет ждать вместе со своими парнями, минут десять примерно, когда судно тралового лова с пыхтеньем покажется на горизонте.

Его кузены надели бронежилеты. Он не стал.

Они были трезвы. Он – нет.

Ничего удивительного. Он никогда не защищал свою грудь, а что до трезвости? Ему придется воздерживаться от химикатов несколько дней, чтобы кокаин полностью вышел из его организма.

И пока он ехал, его мысли унеслись далеко, образ другого берега, другой воды появился перед мысленным взором, отказываясь уходить.

Он видел пляж. Океан. Пальмы. Все сияло в лунном свете.

Он видел одинокую женщину, гулявшую вдоль теплых волн, ее руки были скрещены на груди, вокруг витала аура уцелевшей в беде, сожалеющей о...

– Берегись! – рявкнул Эрик.

Эссейл встряхнулся как раз перед тем, как «Ренж Ровер» успел слопать дуб на Последнюю Трапезу... хотя, скорее, вышло бы наоборот.

К счастью, поездка подошла к концу минутой позже, и он умудрился сделать разворот в три приема без проблем, сминая под шинами сухие ветки, пока непомерно огромная радиаторная решетка «Ровера» не оказалась направлена к выезду. Не было необходимости тушить фары: полное отсутствие внешнего и внутреннего освещения – еще одна модификация наряду с анти-свинцовым покрытием.

Он заглушил двигатель, и двое пассажиров вышли. Прежде чем присоединиться к ним, он достал склянку из внутреннего кармана шерстяного пальто. Быстро скрутил крышку. Наполнил ложечку.

Вдох ноздрями. И еще раз.

И еще два раза другой.

Быстро затянувшись, чтобы убедиться, что все останется на месте, Эссейл вышел из теплого салона. Вернув нычку в укромное место, он закутался в пальто. Ночь выдалась очень холодной, и он присоединился к своим кузенам, с хрустом сминая под ногами опавшие листья.

Никаких разговоров.

И, тем не менее, их неодобрение темпами его потребления было очевидно по стиснутым челюстям.

Но ему было глубоко наплевать. Тратят ли они время на слова, или же просто кидают в его сторону недовольные взгляды, у него не было никакого желания менять расход.

Звук одномоторной лодки, подъезжавшей на медленной скорости, доносился поначалу так тихо, что его сложно было отличить от окружающего шума реки и леса. Но вскоре лодка завернула за берег, низкий, у самой воды. В ней сидели двое людей, оба одеты под рыбаков в камуфляжной форме и с кепками, только черные маски намекали на их гнусные намерения. По бокам были установлены сети, создавая впечатление безобидной деятельности, невидимые нити тащились по воде, позади кормы.

Капитан направил скромное судно носом вперед, выключая двигатель, и они причалили к берегу с мягким поцелуем, а не с треском.

Кузены приблизились, а Эссейл держался поодаль, с сороковым наготове. Запахи от людей были отличными от тех, что появлялись в последний раз, но они имели к ним отношение. И к тем, что были раньше. И всем последующим.

– Куда делись другие? – спросил Эссейл.

Мужчины застыли в процессе доставания трех из пяти черных мешков, спрятанных под камуфляжным брезентом.

Эссейл слабо улыбнулся от их удивления.

– Думали, я не узнаю?

– Я – брат, – с сильным английским акцентом сказал тот, что слева. – Он – кузен.

Эссейл склонил голову, принимая объяснение. На самом деле, ему было глубоко наплевать на то, кто доставлял его товар, пока они соблюдали график, согласованную цену и качество, а также избегали внимания человеческой полиции.

Пусть будут эти, какая разница.

Мгновенье спустя Эрик и его брат ушли с мешками, один шел вперед, второй пятился – так они прикрывали друг друга.

– Задержитесь на минутку, – протянул Эссейл. – Будьте так любезны.

Человеческие мужчины снова застыли, и он чувствовал их нервозность так же, как чувствуют вибрацию на поверхности стола, энергия легко передавалась по воздуху между их телами.

– Что там осталось? – сказал Эссейл, указывая на брезент. – Там еще два мешка, ведь так?

Тот, что поменьше, задернул покрывало и подошел к панели управления лодкой.

– По расписанию – в следующем месяце, – сказал другой. – Все так же?

– Я свяжусь с вашей вершушкой.

– Отлично.

И на этом парочка погребла по мутной холодной воде... с чьим-то чужим товаром.

Нахмурившись, Эссейл наблюдал, как они продираются сквозь поток, параллельно противоположному берегу.

Мгновенье спустя он вернулся к «Ренж Роверу» и, когда постучал по стеклу с пассажирской стороны, Эрик опустил его.

– Да? – сказал мужчина.

– Я прослежу за ними. – Эссейл кивнул в сторону лодки. – Они торгуют с кем-то еще. Я хочу выяснить, с кем.

С отрывистым кивком, Эрик материализовался на водительском сиденье и завел внедорожник.

– Я тоже видел. Звони, если понадобится.

Когда «Ренж Ровер» отъехал, Эссейл отвернулся и снова подошел к воде. Закрыв глаза, он был вынужден обратиться к влиянию кокаина, чтобы успокоить себя, и через какое-то время он смог дематериализоваться на холодном ветру. Когда Эссейл появился в нескольких километрах вдоль реки, пришлось выждать, когда лодка снова покажется на горизонте. Мужчины не ведали о

его наблюдающем присутствии среди разноцветных листьев и контрастных коричневых стволов.

Та же скорость. Тот же порядок доставки товара, что и для него. Вопрос в другом: кто был их следующим клиентом? И какие наркотики они продавали?

С их руководством было оговорено, что на этой части штата Нью-Йорк они торгуют только с ним. И хотя конкуренция благотворно сказывалась на капитализме, она не приветствовалась на его территории... и также была нежелательна для отчета о финансовых результатах. Его условия были крупными и достаточно авторитетными, чтобы он мог предоставить послужной список, достойный уважения.

Ублюдки.

Воистину, среди беззаконников было важно соблюдать закон чести. Для всеобщего блага. И он сдержал свою часть сделки, периодически появляясь с наличностью. Из месяца в месяц.

Но он исправит эту проблему.

Охотно.

До смерти.

* * *

Рейдж, Тор и Ви вернулись в особняк почти сразу после знакомства со светом очей и главной гордостью Абалона, а Бутч был на подходе к «Ренж Роверу». Когда они появились во дворе, их внимание привлек свет от припаркованных автомобилей.

Рейдж подошел к открытой двери бледного-голубого Мерседеса.

– Лейла..?

Но внутри не было женщины, копавшейся в своей сумочке, или собиравшей вещи перед тем, как пересечь дворик и войти в дом.

Он закрыл дверь.

– Здесь ее...

– Лейла! – кричал Тор. – Дерьмо!

Рейдж посмотрел на дверь в особняк. Тяжелая панель, ведущая в вестибюль, была открыта, а выглядывающая изнутри нога подпирала дверь, не давая ей закрыться.

Они рванули к лестнице. Пока Рейдж держал громадную дверь, Ви, с его медицинским образованием, бросился к Избранной и сразу проверил пульс.

– Тор, – сказал Рейдж. – Звони...

Но его брат уже приставил телефон к уху.

– Да, Джейн? Ты нужна нам в вестибюле. У Лейлы обморок... Ви, как она?

Брат подставил телефон к уху Ви, и Вишес обратился к своей супруге:

– Пульс уверенный, но медленный. Как и дыхание. Травм не вижу.

– Ты слышала? – сказал Тор в трубку. – Хорошо. Спасибо. – Завершив разговор, он тут же набрал другой номер. – Она приведет Мэнни и Элену.

Снова к уху. Ожидание. И еще.

Очевидно, он звонил Куину...

По неясной причине, мир закрутился вокруг него: в одну секунду Рейдж смотрел на Лейлу, думая, что нет ничего более ужасного, чем беременная женщина, лежащая ничком на полу. В следующую, вестибюль завертелся вокруг него как шарик на резинке, его голова была центром вращения, его равновесие по-странному не поддавалось...

– Он сейчас упадет!

Ха. Похоже, он не так твердо стоял на ногах, как ему казалось.

Рука вспыхнула болью – это Тор вцепился в его бицепс, поддерживая.

Вау. Как мужественно, подумал Рейдж.

Самое время для нюхательной соли и веера просто потому, что женщина...

– Лейла!

Появился Куин, охваченный паникой, что дало нужный толчок его мозгам, его разум прояснился, когда мужчина оттолкнул его с пути, чтобы добраться до женщины, носившей его ребенка. Блэй, как всегда, был рядом с ним, всегда готовый поддержать любимого.

– Что произошло, черт подери? – требовательно спросил Куин.

Ви начал говорить. Появилась Док Джейн с командой. Из черной старомодной докторской сумки достали медицинские принадлежности.

Повернувшись к Тору, который все еще держал его, Рейдж услышал свой по-странному искаженный голос:

– Брат, мне трудно дышать.

Тор резко повернул голову.

– Что случилось?

– Я не знаю. Я не могу... дышать. – Он потер грудь свободной рукой. – Словно шар внутри. Занял все место.

Когда медики перевернули Лейлу на спину, раздались проклятья со стороны галерки. Ее рука была изогнута под неправильным углом, часть ниже локтя показывала сложный перелом, который, должно быть, стал следствием ее падения.

– Рейдж? – позвал его кто-то. – Прием?

Он посмотрел на Торmenta.

– Что?

Тор подался вперед.

– Нужен свежий воздух?

– А мы разве не на улице? – отвечая на собственный вопрос, он поднял взгляд на небо. – Да, мы на...

– Давай пройдемся.

– Я хочу помочь.

– Да, я понимаю. Но лучше нам прогуляться. Ты белый как простыня, но если ты отключишься, то я не могу гарантировать, что ты никого не придавишь, и в настоящий момент нам ни к чему новые пациенты.

– А?

– Пошли.

Когда брат потянул его за руку, Рейдж продолжал растирать грудь напротив сердца.

– Не понимаю, почему не могу дышать...

Последним он увидел лицо Лейлы, повернутое на бок, ее глаза были открытыми, но невидящими.

– Она мертва? – прошептал он. – Она умерла...

– Брат, пошли...

– Да?

– Нет. Она жива.

Каждый раз закрывая глаза при моргании, он видел ее светлые волосы на мраморе, словно пролитую жидкость, ее бледные губы и щеки, зеленые глаза, непроницаемые и не моргавшие.

– Мэри? Да, Мэри, у меня тут проблема с твоим парнем. Ты можешь вернуться домой?

Кто говорил? А, да, Тор. На телефоне. Брат достал свой мобильный.

Рейдж замотал головой.

– Нет, она не может приехать. Мама в Убежище. Она должна остаться...

– Хорошо, спасибо. – Тор закончил разговор. – Она сейчас приедет.

– Нет, она нужна там...

– Брат? – Лицо Тора оказалось напротив лица Рейджа. – Не уверен, что ты сейчас понимаешь, как выглядишь. Сделай мне одолжение и посиди здесь... да, вот так, на камнях. Хороший мальчик, все правильно.

Колени Рейджа подчинились инструкциям, его мозг был слишком занят мыслями о шеллан, которая не должна тратить драгоценное время на него. Но, похоже, автобус уже отъехал от остановки.

Подперев голову руками, Рейдж наклонился вперед, гадая, что не так с его легкими. Быстро развивающийся вампирский грипп. Инфекция. Яд.

Огромная рука брата выводила круги по его спине, и зверь под широкой ладонью, в своем виде, в виде татуировки, зашевелился, словно проблемка Рейджа заставляла его понервничать.

– Так странно, – сказал Рейдж. – Я не могу... дышать...

Первые пару миль Эссейл охотно следовал за лодкой. Но когда пришлось материализоваться в четвертый раз, ему уже не терпелось прибыть на место назначения, на сделку, чтобы выяснить личность третьей стороны, посягнувшей на его права.

И была иная причина для тревог. Преодолевая все большее расстояние, двое мужчин приближались к границам Колдвелла... а это чистой воды идиотизм.

Хотя уже стояла глубокая ночь, центр города – далеко не пригород, и всюду сновали людишки... едва ли законопослушные, но любопытный нос – он и в Африке любопытный, а в наши дни каждая бесхвостая крыса носила при себе телефон.

Он, конечно, может испариться в воздухе, но парочка в лодке – едва ли, и именно он хотел преподать им урок, а не предоставлять это дело копам.

Снова дематериализуясь, он появился уже среди деревьев одного из городских парков на прибрежной окраине Колдвелла. А лодка все плыла и плыла.

Уму непостижимо.

Пока он ждал, проплывут ли они мимо его новой точки – а шансы были велики, ведь на берегу не было ровным счетом никакого укрытия – знакомый зуд защекотал его затылок, побуждая к новой дозе.

В последнее время желание приходило все чаще. Так часто, что он даже заметил, насколько ему повезло, что он исцелялся весьма быстро. Если бы он был простым человеком? Давно бы истер свою носовую перегородку.

Запустив руку в карман, Эссейл нащупал склянку и расслабился от первого прикосновения к гладкому стеклянному контейнеру. Он хотел достать его и заправиться, но не мог рисковать способностью к дематериализации. Проблема с его зависимостью заключалась в том, что необходимость новой дозы приходила раньше, чем рассеивался кайф, червь в его брюхе непрестанно извивался, требуя большего, пока его тело и мозги пытались разобраться с кучей наркоты.

К тому же, последнее, что ему было нужно – попасть в передрыгу лишь потому, что ему не терпелось ширнуться.

Господи, походить в этом на людей, с которыми он торговал, было чересчур унижительно...

– О, вы, должно быть, шутите, – пробормотал Эссейл, когда лодка вышла на финишную прямую, в некотором роде.

Но финиш был далеко не безопасным. На такой он бы никогда не подписался.

Те двое нацелили свое судно на старый лодочный сарай в викторианском стиле. В окнах, конечно, было темно, но на обшивке сияли охранные лампы, а копы, без сомнений, периодически прочесывали парк за сооружением.

Но ему придется войти внутрь, если туда зайдут они.

И они зашли.

Не зная внутренней планировки, он выбрал для материализации затененный участок между двумя лампами, и, благодаря темной одежде, слился с боковой стеной сарая. Когда судно вошло в один из слипов, шум убогого двигателя прокатился эхом, напоминая старика в приступе чахоточного кашля.

Повернувшись к одному из окон, он направил свой зоркий взгляд на пузырчатое стекло. Помещение было достаточно обширным, и, выбрав место, он сразу материализовался внутрь через тот же вход, через который вошла служба доставки. Он осторожно принял форму в тесном углу, между рядом лодок, лежавших каждая на своем брюхе, и кучей плавательных

приспособлений на крючках.

Двигатель заглушили, и пара обменялась тихими фразами на иностранном языке. Когда они замолкли, раздавался лишь плеск и хлюпанье воды под лодкой и доками.

Эссейла тошнило от въевшегося запаха мертвой рыбы, гниющих растений, мокрой парусины.

Мерзость.

Спустя какое-то время кто-то приблизился снаружи, и это привлекло его внимание... а потом желтый луч проник внутрь. Приблизившись к пыльному окну, он, выглянув, обнаружил подъехавший грузовик городского ведомства по делам благоустройства парков.

Что ж, сейчас начнется забава.

Либо перевозчиков слили, и кто-то вызвал полицию... либо какой-то смотритель парков искал дополнительные источники дохода к своему месячному заработку.

Как выяснилось, он ошибся в обоих случаях.

Главная дверь открылась со скрипом, и как только фигура появилась в дверном проеме, холодный ветер внес в лодочный сарай запах *лессера*.

Это был Старший лессер, с которым работал Эссейл, он вошел вместе с вещевым мешком.

Сукин сын.

Как он смел вести дела за его спиной, думал Эссейл, и клыки удлиннились сами по себе. И как, черт подери, убийце удалось выйти на импортеров?

Разрабатывая план нападения из засады, Эссейл достал оба сороковых... жалея, что не обзавелся глушителями. В его планы не входило использовать их в центре гребаного Колдвелла, черт подери.

– Я хочу увидеть их, – заявил Старший лессер. – Расстегните сумки и покажите мне.

Эссейл сделал шаг вперед, думая, что он мог бы...

Перевозчик расстегнул сумку и наклонил, показывая содержимое.

Не. Наркотики.

Совсем нет.

Вместо больших блоков в целлофановой упаковке, уложенных слоями, там были...

Пушки. Пушки с большими стволами, которые со скрежетом металла по металлу, терлись друг о друга в сумке.

Во мраке было сложно определить вид оружия, но, казалось, это были либо дробовики, либо обрезы.

Эссейл опустил оскалившуюся губу.

Он был готов вмешаться при обмене наркотики-на-деньги, но сейчас все желание отпало.

Если Старший лессер хотел потратить свою прибыль на покупку амуниции, то это его дело.

Покидая лодочный сарай тем же путем, Эссейл пронесся вдоль реки к своему стеклянному дому на полуострове.

Его волновало одно: чтобы лессер продолжал поставлять его товар на улицы и в клубы города, своевременно, надежно и качественно.

На этом начиналась и заканчивалась его ответственность.

* * *

– Нет, я в порядке. Правда, – сказал Рейдж, садясь за кухонный стол из необработанной древесины. Оставшаяся часть домочадцев собиралась за ранней Последней Трапезой, доджены сновали туда-сюда через откидные дверцы, унося подносы размером со столешницу, полные

разнообразным свежеприготовленным мясом, картофелем и овощами.

Напротив него Мэри прислонилась к кухонному острову с гранитной столешницей, скрестив руки на груди, направив на него такой взгляд, будто она оценивала состояния одного из своих пациентов.

Он поморщился, испытывая желание присоединиться к братьям и их шеллан, но, судя по лицу Мэри, в ближайшее время ему не светит такая радость.

– Фритц? – сказала она. – Я приготовлю ему что-нибудь, не против?

Дворецкий замер на полпути со столовыми приборами в руках.

– Я собирался наполнить блюдо в другой комнате и принести...

– Я позабочусь о своем муже, – сказала она нежно, но непреклонно. – Но, если хочешь – пусть это и противоречит моей самодостаточной сущности – я оставлю тебе сковородку и тарелки.

На старом морщинистом лице Фритца появилось выражение бассетхаунда, которому только что отказали в курочке, пообещав дать позднее бифштекс: взволнованное и восторженное от предвкушения.

– Я могу в чем-нибудь оказать вам помощь?

Трое членов обслуживающего персонала вернулись из столовой с пустыми подносами за последней партией, которой предстояло оказаться на разных буфетах в том огромном помещении с кучей люстр.

– На самом деле, – пробормотала его Мэри, – как думаешь, мы сможем побыть здесь наедине?

– О, да, моя госпожа, – Фритц неожиданно просиял. – Как только мы вынесем все блюда, я отправлю персонал в фойе. Они с удовольствием подождут там.

– Спасибо. – Она сжала его тощую ручку, отчего дворецкий покраснел. – Нам хватит времени до подачи десерта. Я знаю, что ты захочешь лично руководить процессом.

– Да, моя госпожа. Спасибо, госпожа. И я лично приберу за вами грязную посуду.

Дворецкий низко поклонился, схватил серебряный поднос и выпроводил всех из кухни. Когда откидные дверцы застыли на месте, любимая шеллан Рейджа выразительно посмотрела на него.

– Яйца? – спросила она.

От одного слова его желудок заурчал.

– О, Боже, звучит изумительно.

Кивнув, Мэри подошла к «Саб-Зиро». Достав новую коробку, она схватила полный пакет молока и пачку масла, потом заглянула в шкафчики, вытащив сковородку, большую миску и разнообразные кухонные приборы.

– Итак, – начала она, разбив первое из двенадцати яиц. – Я бы хотела узнать, что там произошло.

Вплоть до сего момента Рейдж с успехом увиливал от этого вопроса. Очевидно, отсрочка подошла к концу.

– Я в норме, честно.

– Ладно. – Она замерла посреди процесса и улыбнулась ему. – Но будучи твоей женой, для меня важно то, как ты себя чувствуешь. Поэтому если тебя что-то тревожит, то я буду чувствовать себя непричастной, если ты не поделишься этим со мной.

Кхе... просто кхе.

Когда она начала взбивать зарождающийся омлет, плеск яиц сильно напоминал ему происходящее в его голове.

Опустив взгляд на покрытую рябью столешницу, он выбрал одну из вен на старой дубовой

доске.

– По правде говоря, я не знаю, что произошло. Я просто почувствовал себя очень странно, был вынужден присесть. Но сейчас я в норме. Наверное, такое бывает время от времени.

– М-м, расскажи, как прошла твоя ночь.

– Да ничего особенного. Я побывал в убежище Шайки Ублюдков, мы прочесали место...

– Разве ты не начал в клинике, с Трэза и Селены?

– А, да. Но это же было вчера, когда она... ну, знаешь, ее привезли сюда. – Он покачал головой. – Я не хочу сейчас об этом думать, если ты не против.

– Хорошо. Значит, ночью ты побывал в доме Ублюдков?

– Ну, сначала мы поехали к Абалону. Его кузен вышел из рядов Кора и поведал нам об их тайном убежище. В общем, мы с Ви прочесали место.

– Что вы искали?

Он пожал плечами.

– Бомбы. Мины-ловушки. Подобное дерьмо. Ничего нового.

Она издала еще один ммммм-звук, вылив содержимое чашки на сковороду размером с ковшеобразное сиденье в Хаммере Куина.

– Ты боялся, что тебя могут ранить там?

– Нет. Ну... я беспокоился о своих братьях, это да. Но такова наша работа.

– Хорошо. А куда ты отправился после?

– К тебе. Потом в старый дом Ди. Мы отчитались перед Рофом, потом вернулись сюда. Я должен был показаться Мэнни, убедиться, что ранение хорошо заживает. Ви тоже.

– Ладно. – Она переключилась на тостер с шестью ячейками, наполнив их его любимым, из белой муки, полностью обработанным, супер-пупер офигенным белым хлебом. – Так, что ты обнаружил, когда приехал домой?

Моргнув, он увидел перед мысленным взором ногу Лейлы, торчавшую из вестибюля. Потом представил лицо Куина, когда парень согнулся над бессознательным телом женщины, носившей его дитя.

– Ну, ты в курсе.

– Ммм? – Запах жареных яиц еще сильнее раздражил его волчий аппетит. – Чего?

– Ну, о том, что случилось.

Когда приехала Мэри, из клиники уже принесли носилки, и Лейлу устроили на них, Куин аккуратно придерживал ее за голову, а Блэй – стоял у ног.

Рейдж замолк, растирая грудь.

Хлеб выпрыгнул из тостера с хлопком, и через мгновение перед Рейджем оказалась тарелка с едой, приготовленной в самый раз, как он любил.

А также чашка горячего шоколада, салфетка, столовое серебро... но, что важнее всего, его прелестная Мэри.

– Лучшая в мире трапеза, – сказал он, просто смотря на еду.

– Ты всегда так говоришь.

– Только когда ты для меня готовишь.

Забавно. Будучи человеком, Мэри не могла понять, что испытывает мужчина-вампир, когда женщина, с которой он связан, дает ему пищу собственного приготовления. Подобный акт вроде как священен, потому что он идет в разрез с основным мужским инстинктом сначала удовлетворять все потребности своей пары, ставя их превыше всех и вся, включая его самого, его братьев, Короля и всех их потенциальных детей.

Рейдж был запрограммирован на то, чтобы сначала накормить ее, а потом съесть все оставшееся. Но перед тем как выпроводить Фритца и додженов, она сказала дворецкому, что

успела перекусить в Убежище час назад и была сыта.

– Холодает, – сказала она, потирая его предплечье.

Зрение по неясной причине стало размытым, и ему пришлось проморгаться.

– Рейдж? – прошептала она. – Что бы там ни было, выговорись.

Дернувшись, он покачал головой.

– Я в порядке. Просто хочу насладиться трапезой.

Он подхватил вилку и принялся чередовать порция омлета, кусок тоста, омлет, тост, три глотка горячего шоколада. И несколько повторений, пока он не подчистил тарелку.

– Как у нее дела? – спросил он, вытирая рот и откидываясь на спинку деревянного стула.

– Я не знаю. – Мэри покачала головой. – Я просто не знаю, чем все закончится.

– Все так плохо? – Когда она пожала плечами, он сказал: – Если я чем-то могу помочь...

– Ну, на самом деле...

– Назови.

Она взяла его руку и перевернула ее ладонью вверх. Мэри заговорила не скоро, но когда он уже начал беспокоиться, она сказала:

– Я хочу чтобы ты допустил, просто на мгновение, что ты мог сильно расстроиться, наблюдая, как Селена чуть не умерла, и видя страдания Трэза. Я хочу, чтобы ты подумал, что это не привычное дело – ни для одного из вас – прочесывать дом, в котором ты ни разу не был, понимая, что ты или твои близкие могут погибнуть при взрыве или засаде. Я хочу, чтобы ты подумал, о том, что вернувшись к Рофу без новостей о местонахождении Ублюдков, разминировании бомбы или какой-то новой информации, это можно было приравнять к неудаче. И, наконец, я хочу, чтобы ты понял, что для тебя вернуться домой и увидеть Лейлу без сознания, зная, что она беременна, переживая за нее и Куина – это еще одна травма. Мне кажется, эти сутки выдались для тебя очень тяжелыми, и твои эмоции достигли критической точки.

– Я не расстраивался из-за этого. Моя Мэри, нисколько, я был в полном...

– Пока у тебя не случился приступ паники перед домом.

– У меня не было приступа паники.

– Ты сказал, что не мог дышать. Что руки и ноги покалывало. Что ты с трудом воспринимал реальность. Звучит как классический приступ паники.

Он покачал головой.

– Не думаю, что дело в этом.

– Ну ладно.

Рейдж сделал глубокий вдох, фокусируясь на лице своей любимой.

– Ты самая красивая женщина, которую я когда-либо видел.

– Уверена, это не...

Он обхватил ее лицо руками, бережно баюкая. Он поедал взглядом знакомые черты и не мог пресытиться. Боже, ему всегда будет мало. Не хватит ночи, месяца, года, десятилетия... даже вечности, которую чудом даровала им Дева-Летописецца, будет недостаточно для него.

– Ты самая красивая женщина, которую я когда-либо видел. – Он потерся губами о ее губы. – Не знаю, чем я заслужил тебя в своей судьбе, но я всегда буду ценить это.

В ответ он получил улыбку, что сверкала сильнее восхода солнца, который он никогда не увидит, она затмевала сияющий огненный шар, который поддерживал жизнь на Земле, даже тех, кто не выносил его лучей.

Они так и сидели, не двигаясь, смотря друг на друга, когда доджены пришли за десертом.

– Не хочешь подняться наверх? – сказал Рейдж темным, низким голосом, его зверь зашевелился под кожей. – Я готов для десерта.

– Да? – в воздухе вспыхнул запах ее возбуждения.

- Ммм.
- Хочешь, чтобы я принесла тебе мороженое?

Он, щурясь, не сводил взгляда с ее губ.

- Едва ли. Я хочу облизать кое-что другое.

- Ну, что ж, – прошептала она, прижимаясь к его губам. – Пошли, накормим тебя.

В холодном поту.

Трэз проснулся в ледяном поту, каждый дюйм его кожи был мокрым, температура тела опустилась до средней по Арктике, а сердце билось так быстро, словно кто-то заменил орган на миксер. Он с криком вскочил с подушки...

Спальня. А не кое-что поистине ужасающее и шокирующее... он видел всего лишь свою спальню, и все было предельно нормальным: включенная лампа рядом с ним, одежда, раскиданная по кушетке, обувь, валявшаяся там, где он ее скинул.

На мгновение он был сбит с толку. Дева-Летописецца. Какое-то странное, мистическое место. Селена на траве, в клинике, неподвижная, застывшая...

Тихий стон разбил стенку между ночным кошмаром и реальностью.

Обернувшись, он увидел Селену на своей постели, обнаженные плечи не были укрыты простынями, темные волосы разметались по подушке, лицо и тело были повернуты к нему.

Закрывая глаза, он обмяк, желая, чтобы это был всего лишь кошмар.

Но потом он собрался с мыслями и сосредоточился на своей женщине. Он подтянул покрывала повыше, осторожно наклонившись вперед и убедившись, что Селена все еще дышала, и, гадая, не стоит ли ему принести для нее еды.

Будто почувствовав его присутствие, она перевернулась, ее лицо напряглось во сне, как будто ей было больно двигаться.

Дерьмо. Секс был крышесносным, жестким, бесконтрольным. И это после всего, что пережило ее тело.

Чтоб ему провалиться, думал Трэз, проведя по лицу ладонью. Как он мог сотворить с ней такое? Ему стоило дробить до тех пор, пока член совсем не онемееет.

И что еще хуже? Он сомневался, что между ними все устаканилось. Ежу понятно, что он все еще чувствовал себя мудаком.

Потянувшись к прикроватному столику, он проверил время на телефоне. Пять сорок четыре утра.

Больше ему не заснуть. Выскользнув из-под простыней, он потопал в ванную, закрыл дверь и, справив нужду, принял быстрый душ. Потом он снова вышел в спальню, и, взяв с прикроватного столика гарнитуру, воткнул в уши и снова забрался в кровать.

Двигаясь медленно, он также аккуратно вернулся на место, как и вставал с него, маневрируя своим почти трехсотфунтовым весом на высоком матрасе, чтобы не потревожить Селену, словно она лежала на батуте.

Устроившись, Трэз быстро проверил состояние своей женщины и с облегчением обнаружил, что она все еще спала. Что, в какой-то степени, ужаснуло его. А если она впала в кому или...

И Селена, словно ища его, похлопала рукой по покрывалам.

– Я рядом, – прошептал он.

Селена мгновенно успокоилась, и он взял ее руку, ладонь была теплой, живой. Как и всегда.

Он мгновение изучал ее пальцы, сгибая один за другим, оценивая движение, проверяя на сопротивление. И это не нормально, подумал он.

Было нечестно пытаться выяснить информацию о ее теле без ее ведома и понимания.... И, по-своему извиняясь, Трэз остановился и погладил розовые ногтевые пластины и короткие белые ногти, которые она регулярно подстригала.

Когда сон снова завладел ею, его накрыло... парализующее одиночество. Хотя они и лежали бок о бок, он – прислонившись к изголовью, она – прижавшись к его телу, казалось, они были

далеко. Он сказал себе, что это всего лишь вопрос сна и пробуждения. Что эта пропасть... ничего страшного, томография просто покажет разные показатели мозговой активности.

Конечно, это была чушь полная. И чем больше он заставлял себя верить в ложь, тем больше ощущал себя в ловушке... поэтому, чтобы уйти от внутреннего сражения, он включил радиоволну «СириусИксМ» на телефоне, воткнул провод наушников в гнездо и попытался устроиться поудобнее. Хоть как-нибудь.

Или... ну, лишь бы не сдаться на волю нужды выпрыгнуть из собственной кожи.

Разумеется, ему всегда везло как утопленнику, и, включив радио, он услышал очередную порцию плохих новостей.

– Вы, блин, издеваетесь? – выпалил он вслух, когда голос Говарда Стерна прозвучал в его ушах. – Актер Эрик ум...

Селена нахмурила брови, словно в раздумьях, а не проснуться ли, и Трэз поспешно захлопнул варежку. Но ему не верилось, что они потеряли еще одного крутого чувака. Это казалось жестоким в свете всего, через что он прошел.

Дерьмо, плохие новости словно объединились, чтобы скопом выпрыгнуть на него из-за угла.

* * *

Селена медленно просыпалась, и первым, что заметило ее сознание, стал запах Трэза. Потом его голос. И ощущение его руки на своей.

Открыв глаза, она обнаружила его сидящим рядом на кровати, его черные глаза уставились в телефон, брови были низко опущены, будто он огорчился, получив плохие новости в сообщении или...

– Все в порядке? – спросила она.

Когда Трэз не ответил, она заметила два провода, идущих от его телефона к его ушам, словно он что-то слушал.

Когда она сжала его руку, он подпрыгнул так высоко, что выдернул провода из ушей.

– Господи Боже! Ты проснулась!

– Прости. Я не хотела тебя...

– Черт, не извиняйся... ты как? Позвать Дока Джейн...

– Нет, нет... – Она попыталась включить мозги. – Я в порядке. Я просто... ты кажешься расстроенным чем-то?

Когда он посмотрел на нее, единственным раздававшимся звуком в комнате стало шипение из того, что было в его ушах.

Она натянула одеяла повыше.

– Со мной что-то не так?

– Боже, нет. Я... нет, ничего. – Он перевел взгляд на телефон. – Просто один из гостей «Шоу Стерна» у...

Когда он замолк, его глаза внезапно расширились, словно он сказал что-то непростительное.

– Умер? – закончила она за него.

– Я, эм...

– Ты можешь произносить это слово. – Она снова сжала его руку. – Правда.

Прокашлявшись, Трэз отложил телефон.

– Ты голодна?

- Не особо.
- Хочешь пить?
- Нет.

Он затеребил покрывала.

- Достаточно тепло?

Нахмурившись, она приподнялась, устраиваясь выше на подушках. С улыбкой посмотрела на него:

- Я рада, что пришла сюда. Поговорила с тобой и... занялась чем-то еще.

– Правда? – Его глаза, его красивые миндалевидные глаза метнулись к ее. – Честно? Мне кажется, я был слишком груб с тобой, когда ты...

Она улыбнулась еще шире.

- Сейчас я окончательно лишилась девственности.

Он покраснел. На самом деле покраснел, красные пятна выступили на его высоких скулах.

- Я боялся, что причинил тебе боль.

- Вовсе нет. Когда мы сможем повторить...

Трэз внезапно и громко закашлялся, и ей пришлось похлопать его по спине, прежде чем он снова смог дышать.

- Ты в порядке? – спросила она, все еще улыбаясь.

- Эм, да. Просто ты знаешь, как меня удивить.

На мгновение она вспомнила, как пришла в Святилище. Хотя в тот раз у нее было Окоstenение, она поняла, в какой момент появился Трэз. Это было чудо. Но откуда он узнал?

- Как ты нашел меня в Святилище?

Он медленно покачал головой.

- Ты не согласишься, если я скажу.

- А ты попробуй.

– Дева-Летописец. Я был в своем клубе, разбирался с проблемами... с Рейджем и Ви. И внезапно из ниоткуда... появилась фигура... черная мантия, свет из-под краев одежд, голос, который я слышал внутри, – он постучал по голове, – а не ушами. Следующее, что я понял? Я... в общем, я был с тобой.

Сейчас она теребила покрывала.

- Мне очень жаль.

- О чем?

- Что ты видел меня такой. Обо всем этом.

- Гребаный ад... я уже говорил, ты же не напрашивалась на это!

– Знаю, но все же. Хотела бы я... – Она попыталась запрокинуть голову, чтобы посмотреть на потолок, но шея сильно болела.

- Тебе больно.

- Ничего нового. После... я всегда чувствую себя так.

Похоже, увиливать могут двое.

- Это так неестественно, – выпалила она.

- Что?

Ей пришлось повернуть торс, чтобы хорошенько взглянуть на него. Рассеянно она заметила, как хорошо его темная кожа смотрелась на белых простынях, от контраста, казалось, сияло и то, и другое.

Селена попыталась подобрать слова.

– Мне кажется, будто между нами есть эта огромная... не знаю, пропасть или что. Это не логично. То есть, ты рядом со мной... мы запинаемся за определенные слова, темы, которые не

хотим обсуждать. Это просто... ну, отстой. Потому что конкретно сейчас? Это – хорошая часть. То есть, ну, посмотри на меня.

Она подняла свободную руку и, широко растопылив пальцы, начала их сгибать.

– Способная двигаться и в сознании – так намного лучше, чем то состояние, в котором я была, правда? – Он просто продолжал смотреть на нее, и она почувствовала себя дурой. – Прости, видимо, это звучит странно...

Трэз наклонился и прижался к ее губам в поцелуе.

– Нет. – Он отстранился. – Это... Я знаю, что ты имеешь в виду. Это не безумие, и ты права. Сейчас – хорошая часть...

– Ты такой горячий.

Трэз в очередной раз закашлялся.

– Черт побери, женщина. Чего ты добиваешься?

– Я уже сказала прошлой ночью... ой, а который сейчас час? Так или иначе, я уже говорила, сейчас я буду предельно откровенна.

Он опустил веки.

– Я совсем не против честности. Поэтому позволь поинтересоваться: если возьму тебя на руки и отнесу в душ, ты...

– Встану ли я на колени под горячей струей, чтобы выяснить, так ли ты хорош на вкус, как я запомнила?

В этот раз раздался не кашель. Не что-то сознательное. Частично рык, частично – стон, с хорошей толикой мольбы, словно он был готов просить о...

Самый сексуальный звук, который она когда-либо слышала.

– Это «да»? – протянула она.

Он снова поцеловал ее, в этот раз крепче. И дольше. Потом пригвоздил ее горящим взглядом.

– Черт, до смерти хочу попасть туда...

Когда Трэз снова заставил себя замолчать, Селена сама ощутила, как ее поразило это слово. Когда речь шла о них двоих, один и правда умирал. Она, не он.

– Прости, – прошептал он. – Я никогда больше не произнесу этого слова.

– Все нормально. – Она заставила себя улыбнуться. – Давай смоем наши заботы...

– Я найду лекарство от этого, – сказал он мрачно. – Селена, я не позволю тебе проиграть битву. Я в прямом смысле вылезу из кожи вон, чтобы ты осталась рядом... и никакой пропасти, между нами будет только наша кожа... наши души.

Слезы прилили к ее глазам, и она усилием воли сдержала их. Протянув руку к его лицу, она пробежалась пальчиками по красивым чертам.

– Трэз, я люблю тебя.

– Боже, я тоже тебя люблю.

Когда Лейла очнулась, она лежала на боку, на чем-то намного мягче пола в вестибюле. Охваченная паникой, она положила руку на живот.

Все так же, плотная округлость, того же размера... но, дражайшая Дева-Летописица, не навредила ли она ребенку? Она помнила, как вышла из машины, попыталась дойти до главного входа, потеряла сознание....

– Мальш, – прошептала она. – Он в порядке? Мальш?

Сине-зеленый взгляд Куина мгновенно оказался напротив нее.

– С тобой все норм...

Будто ее волновало собственное благополучие.

– Мальш..!

Проклиная себя, она думала, как вообще посмела жаловаться на беременность? Может, это ей в наказание за...

– Все хорошо. – Взгляд Куина бродил по комнате, фокусируясь на ком-то вне ее зрения. – Отлично, просто... хорошо, да, все хорошо.

Облегчение было настолько сильным, что слезы подступили к глазам. Если бы она потеряла ребенка из-за встречи с Кором? Потому что наблюдала, как он... делал это со своим членом?

Она бы себя никогда не простила.

Ругая себя, она гадала, зачем вообще просила об этом мужчину. Это неправильно во стольких смыслах, и добавляло вины, от которой она и так задыхалась.

В конечном итоге, намного легче играть роль жертвы, когда не просишь своего шантажиста заняться мастурбацией.

– О, Боже, – выдохнула Лейла.

– Тебе больно? Дерьмо, Джейн...

– Я здесь. – Добрый доктор села на колени рядом с Куином, она выглядела уставшей, но настороженной. – Привет. Мы рады, что ты снова с нами. Кстати, Мэнни вправил твою руку. У тебя был открытый перелом. Мы наложили гипс и...

Последовал какой-то разговор о сроках ее выздоровления и снятия гипса, но она слушала вполуха. Док Джен и Куин скрывали что-то от нее: их ободряющие улыбки были словно фотографиями настоящих – идеально точные, но плоские.

– Что вы скрываете? – перебила она.

Молчание.

Когда она попыталась сесть, Блэй помог ей, аккуратно подхватив под здоровую руку, придерживая.

– Что? – требовательно спросила она.

Док Джейн перевела взгляд на Куина. Куин посмотрел на Блэя. А Блэй... именно он, в конечном итоге, встретил ее взгляд.

– Ультразвук показал кое-что неожиданное, – сказал боец.

– Если вы заставите меня снова произнести слово «что», – процедила она. – Я начну бросаться вещами, и плевать на сломанную руку.

– Двойня.

Словно время и реальность стало машиной, на тормоз которой надавили внезапно, и в голове раздался метафорический визг шин.

Лейла моргнула.

– Простите... что?

– Двойня, – повторил Куин. – Ультразвук показал, что ты носишь двойню.

– И они идеально здоровы, – добавила Док Джейн. – Один намного меньше второго, и есть небольшая задержка в развитии, но он жизнеспособен. Я не заметила второй плод во время последнего ультразвука, потому что как я понимаю – исходя из консультаций у Хэйверса – у вампиров беременность протекает иначе, чем у людей. Очевидно, была вторая оплодотворенная яйцеклетка, она была имплантирована, но только недавно вошла в важный эмбриогенезисный [\[55\]](#) этап развития... последнее УЗИ делали два месяца назад, к слову, и тогда я ничего не видела.

– Двойня? – выдавила Лейла.

– Двойня, – повторили все трое.

По неясной причине она вспомнила мгновение, когда узнала, что она забеременела. Хотя зачатие было самоцелью, и они с Куином сделали все, чтобы добиться этого, новости об успешном окончании жаждающего периода стали сильным потрясением. Это казалось чудом, поразительным... счастливым испытанием, и она не знала наверняка, переживет ли это.

Сейчас то же самое.

Но без радости.

Она знала двух сестер, которые вынашивали близнецов, и одна беременность закончилась выкидышем. Во втором случае в живых остался лишь один малыш.

Слезы покатались из глаз.

Это – не хорошие новости.

– Эй, – Блэй наклонился с платком в руках. – Все не так плохо. Вовсе нет.

Куин кивнул, хотя лицо оставалось застывшей маской.

– Это... неожиданно. Но совсем не плохо.

Лейла положила руки на живот. Двойня. Теперь она должна двоих перевести через черту.

Двое.

Дражайшая Дева-Летописец, как такое произошло? Как ей сейчас быть?

Когда вопросы заполнили голову, она осознала... ну, черт. Как и с большей частью своей жизни, это ей неподвластно. Невозможность стала ее девизом... сейчас ее задача – сделать все возможное, чтобы она и малыши хорошо отдыхали, питались и получали необходимый медицинский уход.

Единственное, на что она могла оказать непосредственное влияние. Все остальное?

В руках судьбы.

– Могут быть и другие? – спросила Лейла.

Док Джейн пожала плечами.

– Верю, что это маловероятно, но я бы хотела послать образец твоей крови Хэйверсу. У него в этом намного больше опыта, и посмотрев на особенный гормон беременности, присущий вампирам, он, по его словам, может описать твое состояние. Но он сказал, что тройняшки – беспрецедентный случай, а твоя беременность развивается по привычной схеме для женщин, беременных несколькими плодами. Если у тебя будут близнецы, хотя в редком случае близнецы могут быть идентичными, как Зи и Фьюри, второй эмбрион будет задерживать свое развитие на протяжении всей беременности. Будто бы выжидая, чтобы появиться на вечеринке в правильное время.

Лейла опустила взгляд на округлившийся живот... и поклялась, что больше никогда, ни за что не пожалуется на беременность. Ни на опухшие лодыжки, ни на супер-чувствительные, похожие на дыни груди, ни на посещение уборной каждые десять минут.

Ни. Единой. Жалобы.

Никогда. Больше.

Тот факт, что она умудрилась потерять сознание, упасть лицом на мраморный пол и, тем не

менее, сохранить малыша....

Малышей, – поправила она себя шокированная.

... в себе, в целостности и безопасности, напомнил ей, что боли и неудобства были несущественны по сравнению с общей картиной, главной целью, основной заботой.

Родить их в нужное время, сделать так, чтобы они выжили.

– Так, ты согласна? – спросила Док Джейн.

– Прости, что?

– Не возражаешь, если я отправлю образец твоей крови Хэйверсу на анализ?

– А, да. – Она протянула целую руку. – Возьмите сейчас...

– Нет, мы уже взяли пробу.

А. Это объясняло ватку на сгибе руки.

Ее мозг работал неправильно.

– Поэтому она потеряла сознание? – Спросил Куин. – Из-за второго ребенка?

Док Джейн снова пожала плечами.

– Ее показатели в норме... и по ним давно наблюдается стабильность. Лейла, когда ты в последний раз кормилась?

Проблема не в том, что она давно не брала вену.

– Я...

– Мы разберемся с этим прямо сейчас, – заявил Куин. – Мы с Блэем оба дадим тебе вену.

Док Джейн кивнула.

– Это было бы логично, учитывая, что второй ребенок начинает требовать больше питания, твоя потребность в калориях и крови должна быть больше, чем ты осознаешь. Ты, скорее всего, загнала сама себя, вот в чем причина.

Лейла чувствовала онемение и через силу улыбнулась.

– Я буду осторожней. И спасибо. Я очень ценю вашу заботу.

– Всегда пожалуйста. – Док Джейн сжала ногу Лейлы поверх одеяла. – Отдыхай. Ты скоро поправишься.

Когда целительница ушла, Лейла подумала о внезапных всплесках сексуального желания, одолевавших ее в последнее время, а также относительно возросших физических проявлениях. Был ли это второй ребенок или...

– Хочешь что-нибудь удобней этого? – спросил Куин.

Она встряхнулась.

– Прости, удобней, чем что?

– Чем больничная сорочка.

Опустив взгляд на себя, она обнаружила, что была не в своих одеждах.

– Ой. М-да. На самом деле, здесь прохладно. Одна из моих мантий пришлась бы к месту, но я не хочу тревожить вас.

– Никаких тревог. Я унесу твои вещи к тебе в спальню и захвачу сорочку и мантию... а Блэй пока может дать тебе вену?

В качестве ответа перед ее лицом показалось запястье солдата.

– Возьми столько, сколько нужно.

И в это мгновение она испытала непреодолимую потребность рассказать им. Очиститься. Стереть стресс прошлого года, независимо от последствий.

Она просто хотела освободиться от ужасной ноши, тяготившей ее. Пугавшей ее.

Дразнившей ее.

Без сомнений, это повысит шансы для нее выносить малышей... чем меньше стресса, тем лучше для беременных женщин, да? А сейчас на кону стояло уже две жизни, а также ее

собственная.

– Лейла?

Она проглотила ком. Посмотрела на мужчин, стоявших перед ее койкой, обеспокоенных. Она не хотела предавать свою единственную семью. К тому же, может, если она расскажет им о Коре, они смогут... сделать территорию безопасней. Или перевезти всех. Или...

Лейла прокашлялась, стискивая простыни руками, словно они были рулем, и она собиралась сделать крутой поворот.

– Послушайте, мне нужно...

Она не закончила, и Куин заполнил тишину:

– Тебе нужно кормление. Вот, что тебе нужно.

Ее клыки будто прислушались к его словам, выступая из челюсти, и ей пришлось смириться с фактом, что да, ей нужно было взять вену.

И нет, она не могла рассказать им. Она просто... это было не хорошо. Нехорошее решение для нее. Они возненавидят ее за то, что она подвергла риску себя и беременность... а, тем временем, Кор все равно будет знать, где они живут, потому что Братство никогда не покинет этот лагерь. Это – их дом, и они будут защищать его, когда Кор нападет сразу после того, как она прекратит их встречи.

Погибнут люди. Ее любимые.

Черт.

– Спасибо, – сказала она хрипло, обращаясь к Блэю.

– Все для тебя, – ответил он, смахивая ее волосы назад.

Она попыталась сделать укус максимально нежным, но Блэй даже не дернулся. С другой стороны, он, без сомнений, привык к более жестким укусам, когда занимался любовью с Куином.

Когда она припала к знакомому источнику, вбирая пищу, необходимую ее телу, которую ей мог подарить лишь мужчина ее расы, Куин подошел к стулу в углу комнаты, на котором сложили ее вещи. Когда он взял их в руки, то нахмурился и опустил взгляд. Потом порылся среди складок, будто искал что-то.

Мгновение спустя его разноцветный взгляд переместился на нее, и он застыл на месте.

Отведя глаза, она притворно сконцентрировалась на том, что делала. Она не знала, что он обнаружил и почему так смотрел на нее.

Но, учитывая, какую жизнь она вела, она вынуждена многое скрывать.

* * *

– Когда ты должна прийти?

Услышав вопрос Трэза, Селена сконцентрировалась на горячей чашке овсянки, которую Трэз только что сделал для нее. Солнце давно встало, проживавшие в доме доджены отдыхали в своих комнатах, поэтому они с Трэзом были одни в огромной кухне, сидя рядом за дубовым столом.

– Селена. Во сколько твой осмотр?

Ей следовало следить за языком. Две секунды назад она наслаждалась вареной «Quaker Oats», с дополнительными плюшками в виде сливок и горки коричневого сахара. Они все еще пылали от того, что произошло в душе, расслабленные и умиротворенные.

А сейчас?

Ничего подобного, как порой выражаются.

– Первым делом этим утром.

Трэз посмотрел на телефон.

– Хорошо, тогда хорошо. Сейчас почти восемь. Поэтому, даже закончив завтрак, мы успеем вовремя.

– Я не хочу идти. – Она чувствовала на себе его взгляд. – Не хочу. Я не особо стремлюсь снова оказаться там.

– Док Джейн сказала, что нам нужно сделать рентген твоих суставов, чтобы отследить...

– Я не хочу. – Селена засунула полную ложку каши в рот, не чувствуя вкуса. Просто вещество. – Прости, но сейчас я себя хорошо чувствую. Я не хочу спускаться туда, не хочу, чтобы в меня снова тыкали и кололи.

В своей скрытности она исходила из того, что сейчас была хорошая часть, и она не хотела знать, сколько она продлится. Учитывая, что болезнь ничто не остановит, то зачем им беспокоить себя...

– Это будет очень важно для меня – если ты сходишь к Джейн.

Она подняла глаза. Трэз уперся взглядом в окна за ее спиной, хотя ставни были опущены и он ничего не мог увидеть.

Его взгляд казался обреченным. Будто он знал, что она не спустится в клинику... и он ничего не мог с этим сделать.

– Знаешь, чего я боюсь сильнее всего? – услышала она себя.

Трэз повернул лицо к ней.

– Чего?

Она помешала овсянку. Попробовала еще раз: все еще теплая.

– Я боюсь оказаться в ловушке.

– В смысле?

– Я не хочу застрять здесь, – сказала она с придыханием. Потом похлопала по груди, рукам, бедрам под столом. – В моем теле. Я боюсь приступов. Я ведь жива под оболочкой, заперта внутри... когда это случается, мне сложно видеть и слышать, но я это чувствую. Я знала, что ты пришел за мной. Это все меняет. Когда ты был со мной, я не чувствовала себя... такой плененной.

Он ничего не ответил, и Селена посмотрела на него. Он снова вернулся к созерцанию окон, которые не показывали ему дня по другую сторону стекол, будь он солнечным или облачным, дождливым, или с ветром, гонявшим осеннюю листву поверх пожухлой травы.

– Трэз? – позвала она его.

– Прости. – Он встряхнулся. – Прости, я задумался.

Он развернулся на своем стуле, поставив ноги на перекладины под ее стулом. Потом он взял ее руку, ту, что была без ложки, и распрямил ее на своей ладони.

– У тебя самые красивые руки, которые я когда-либо видел, – пробормотал он.

Она рассмеялась.

– Думаю, твое суждение не объективно, но я принимаю твой комплимент.

Он нахмурился, его брови сошлись на переносице.

– Могу представить, каково... – Он сделал долгий, медленный вдох, потом выдох. – Для меня нет ничего страшнее в этом мире, чем оказаться запертым там, откуда нет выхода... а оказаться в плену своего тела? Невообразимо. Ужасающий вынос мозга.

– Да.

Повисла длинная пауза, в течение которой он сидел перед остывающей чашкой, так и не прикоснувшись к еде, и она – ковыряясь в овсянке, выписывая небольшую S кончиком ложечки.

В воздухе между ними развернулся спор, пожалуйста-ради-своего-блага с его стороны, и

только-когда-совсем-прижмет – с ее. Не было причин произносить слова. Она не сдвинется ни на дюйм. И значит, единственный вариант для него – закинуть ее на спину, и как пещерному человеку унести в учебный центр.

Наконец, терпение Селены иссякло, и она была вынуждена сменить тему.

– Порой я думаю... – Она пожала плечами. – А что, если все лгут о смерти? Что, если нет никакого Забвения, и вместо этого ты остаешься в своем теле навсегда, в сознании, но в полной неподвижности.

Чудесно. Она хотела разрядить обстановку.

Блестящая. Попытка.

– Ну, тела же... – Он прокашлялся. – Знаешь, они гниют.

– Хм, аргумент.

– Хотя, каким, по-моему, кошмаром, может обернуться загробная жизнь? Я боюсь зомби-апокалипсиса. – Он взялся за ложку и начал есть, не отпуская ее свободную руку. – Тогда будет паршиво. Ты отбросишь копыта, а потом будешь бродить по земле, пожизненно застряв на диете Аткинса^[56].

Она подняла ложку, останавливая его.

– Так, подожди... смотри, ты просто будешь голодным, да? И если найдешь людей для еды, то, знаешь, зомби живется не так и плохо.

– А если нижняя половина лица отвалится? Как будешь питаться без челюсти? Тогда ты будешь испытывать постоянный голод, который не сможешь утолить. Полный отстой.

– Трубочки.

– Что?

– Просто нужны трубочки.

– Бедро через трубочку не употребишь.

– И блендер. Трубочки и блендер. Тогда все шикарно.

Трэз взорвался от громкого хохота, удивительно, как он не разбудил половину особняка.

– О, Боже, это ненормально. – Он наклонился, целуя ее. – Полный бред.

Внезапно, Селена тоже расплылась в улыбке... такой, что заныли щеки.

– Абсолютный. Это называется «театр абсурда»?

– Ага. Особенно если мы продолжим прикалываться. – Трэз помрачнел. – И хорошо, если ты не хочешь идти.

– Куда? В театр? Слава Богу.

– Вниз, к Джейн. Если не хочешь идти, то я не стану тебя заставлять.

Селена шумно выдохнула.

– Спасибо. Правда, я очень ценю это.

– Не благодари меня. Это не мне решать. Тебе. – Он прошелся ложкой по стенкам чашки. – Думаю, это важно, что у тебя есть свое мнение на все, что касается твоей жизни, особенно болезни и методов лечения. Кажется, у тебя нет особого выбора по части своей... грядущей... судьбы, и поэтому возможности для принятия решений кажутся особенно важными. – Он посмотрел на нее. – У меня может быть свое мнение и, можешь не сомневаться, я всегда его выскажу, но последнее, чего я хочу – чтобы ты чувствовала давление с моей стороны. На тебя и так многое давит. Я не стану добавлять.

– Как ты узнал... Боже, будто ты точно знаешь, что я чувствую.

Он пожал плечами, а его взгляд стал таким далеким. Потом он постучал по голове.

– Удачное предположение. Соображалка работает. – Потом он снова сосредоточился на ней. – Так, вопрос в том, куда ты хочешь отправиться?

– Что, прости?

– Куда ты хочешь пойти? Клиника – не вариант... что тогда?

Селена откинулась на спинку стула. Сейчас она уперлась взглядом в окна.

– Мне нравится Вилла Ривенджа, если ты об этом?

– Будь смелее. Думай шире. Давай, должно быть что-то увлекательное. Тадж Махал, Париж...

– Мы не можем отправиться в Париж.

– Кто так сказал?

– Эмм...

– Никогда не встречал этого Эмм, не знаю такого, плевать, что там за громила... если он встанет у нас на пути? Я убью гаденыша.

– Ты невероятный. – Наклонившись, Селена поцеловала его в губы. Потом попыталась родить что-нибудь в своем мозгу. – Вот она, удача, разве нет? Наконец получить пропуск во все двери... и оказаться не в состоянии приду... ой, знаю!

– Назови, и я все исполню.

– Я хочу побывать в «Вокруг Света».

Трэз тоже откинулся на спинку.

– Ресторан?

– Ага. – Она вытерла губы салфеткой. – Я бы хотела поужинать в «Вокруг Света».

– В том, что опоясывает крышу...

– Самого высокого здания в Колдвелле! Однажды я видела его по ТВ, когда сидела с Лейлой в ее комнате. Там можно сесть рядом с окном и смотреть на город во время трапезы. – Она нахмурилась, когда Трэз, казалось, проглотил ком... и не потому, что набрал слишком много овсянки на ложку. – Ты в порядке?

– Да, конечно. – Трэз кивнул и расправил грудь, весь из себя мужчина рядом с ней. – Я думаю, это чудесная мысль. Мы попросим Фритца забронировать столик на эту ночь... у меня есть кое-какие связи в городе, так что проблем не возникнет. И они подадут ужин до девяти или даже до десяти.

Селена расплылась в улыбке, представляя себя в одной из мантий Избранных, с хорошей прической, нормальным телом... и Трэза, сидевшего напротив за черным блестящим столом, с кипенно-белыми салфетками, идеально квадратными тарелками, серебро мерцает в свете свечей.

Идеально.

Романтично.

И ничего связанного с болезнью.

– Я в жутком восторге, – заявила она.

Следующая ложка овсянки, попавшая в ее рот, была сладкой и кремовой, почти такой же идеальной как... как люди это называют? Пере-вкус?

Это было нелогично. Но кому какое дело.

– Это свидание, да? – осознала она. Хвала Деве-Летописице, я иду на свидание!

Трэз рассмеялся, звук прокатился по его широкой груди.

– Будь уверена. И я буду относиться к тебе, как к королеве. *Моей* королеве.

Пока они ели, Селена думала... вау, она переживала такой странный ландшафт эмоций: глубокие впадины отчаяния, за которыми следовали обширные поля чистых и прекрасных эмоций, было честью испытывать это. Будто ее жизнь, урезанная во времени, была сжата, словно ткань в кулаке, которая раньше была гладкой и без морщин, а сейчас шла большими волнами.

Она бы предпочла роскошь обладания веками. Но здесь и сейчас она чувствовала себя невероятно живой. Настолько, что сомневалась, что жила раньше.

– Спасибо, – сказала она внезапно.

– За что?

Она уставилась на свою овсянку, чувствуя, как горят щеки.

– За эту ночь. Она лучшая в моей жизни.

– Мы там еще не были, моя королева.

– И все равно эта ночь – лучшая... – она посмотрела в его темные глаза – ... за всю мою жизнь.

айЭм очнулся от запаха супа, и когда мозг снова включился, в этот раз не было пурги в духе «Это ему снится?». Хотя он провалился без сознания из-за сотрясения, он не пропустил ни одной секунды из того, что произошло с ним в камере дворца Королевы: ни переодевания перед Копией-Авраама-Линкольна, ни подступления к Территории с черного входа, ни удара по голове, за которым последовало его предыдущее недолгое пробуждение.

Но суп его удивил. Прямо как в детстве, тыквенное пюре и сливки, специи и рис.

И в камере был еще один запах. Такой же заполнил его нос, когда приходил жрец, чтобы проверить его метки.

Открывая глаза, он...

Отшатнулся.

майкен, или служанка, сидела перед ним на коленях, ее тело и голова были укрыты под бледно-голубой формой, на лице – маска из металлической сетки, которая не показывала ему ни ее глаз, ни черт. В ее руках был красивый деревянный поднос с чашей, ложкой, графином и стаканом, а также большой ломоть хлеба.

Жреца не было. Больше с ними никого не было.

Он снова сделал вдох... а потом осознал, что, наверное, женщина приходила раньше, вместе с придворными, но он ее не увидел.

Он оттолкнулся от пола. И тогда понял, что был голым.

Плевать. Он не хотел смущать *майкен*, но она могла уйти, если ее не устроит его вид.

Хотя она на него не смотрела. Ее голова была опущена в покорной позе, как ее и учили.

с'Экс, очевидно, собирался присматривать за ним, пока он был в тюрьме... или, по крайней мере, поддерживать его в живых какое-то время. И на мгновение ему стало жаль женщину, которая имела настолько низкий социальный ранг, что ее одну отправляли к потенциально опасным мужчинам, без оглядки на ее безопасность и принадлежность к слабому полу.

С другой стороны, в иерархии всего, в сущности, она была бесценна.

Печально. Но у него достаточно своих проблем.

Не обращая внимание на *майкен* или свою наготу, айЭм поднялся на ноги и подошел к ширме в дальнем углу. Уборная располагалась за перегородкой, и он воспользовался ею... еще одно напоминание, что его унесло из Канзаса^[57].

Собираясь умыться лицо, он склонился над раковиной для простолюдинов, там был всего один кран, а не два – для холодной и горячей воды.

Это не потому, что он был заключенным: он привык к проблеме «дождись-горячей-воды» еще за пределами Территории. Люди всегда смешивали противоположности для достижения идеальной температуры. Здесь, в с'Хисбэ? Вся вода была девяносто восемью градусами^[58]. Для питья, мытья, чистки зубов – все одно, не горячая и не холодная.

Сполоснув лицо, он взял черное полотенце с крючка на стене и вытерся. Мягкое. Такое мягкое. Не сравнится с человеческими, а ведь он был простым заключенным.

айЭм из привычки обернул влажное полотенце вокруг бедер и вышел из-за ширмы.

– Скажи с'Эксу, что я хочу его видеть.

Заключенным, как правило, запрещалось что-либо просить, но плевать он хотел. Он также отказывался говорить на Древнем Языке или Диалекте Теней. В связи с преобладанием человеческой культуры в школах Теней преподавали английский, и даже персоналу полагалось иметь начальные знания языка.

– И я не буду это есть. – Он кивнул на поднос. – Можешь унести.

Одному Богу известно, что туда подсыпали – яд или наркотик; он был уверен, что это милое отношение к нему – ненадолго. Вероятней всего, в какой-то момент они выбьют его руки и ноги из суставов... но не раньше, чем уведомят Трэза о его пленении.

Дерьмо. Ему не стоило доверять...

майкен поставила поднос на пол. Потом протянула руку, взяла ложку и, запустив ее в суп, подняла. Свободной рукой она подняла сетку, открывая рот и пробуя суп. Потом сделала то же самое с хлебом и забродившим яблочным сидром в графине.

Отпустив сетку, чтобы та снова накрыла ее лицо, она села на пятки своих кожаных тапочек.

К несчастью, этот жест несколько не унял его подозрительность, *майкен* находились в самом низу пищевой цепи, даже само слово считалось унижительным. Если ее отравят или подвергнут опасности? Никому нет до этого дела.

Но его желудок серьезно приободрился тем, что она продолжала дышать.

Прежде, чем успел остановить себя, он подошел к ней и подносу. *майкен* не подняла взгляда, но, с другой стороны, она боялась его... не без причины.

Запах страха прекрасно сочетался с пряным супом.

Как и аромат ее кожи.

Делая глубокий вдох через нос, он почувствовал, как очередной шок прошел по его организму, мускулы подрагивали... как и член.

Чушь полная. Вот он, по уши в дерьме, а его член вдруг вздумал напомнить о себе? Да ладно?

Теперь понятно, почему его называют тупой палкой.

Стоя над женщиной, айЭм положил руки на бедра, ожидая предвестников ее скорого обморока. Она продолжила сидеть, и он подождал еще. Она дрожала – еще с тех пор, как он поднялся на ноги.

айЭм сел на каменный пол, копируя ее позу. Его колени заболели почти мгновенно... напоминая ему, как долго он не был среди своих. Такая манера сидения считалась удобной на Территории.

В том числе, когда сверкаешь голым задом. Чтобы не выставять себя на полное обозрение.

Он ел быстро, но аккуратно, и это хороший знак. Его мозгу нужна энергия... телу тоже, если он собирался вырваться отсюда.

Таков был план.

– с'Экс, – требовательно сказал он, закончив. – Приведи его.

С этими словами он подтолкнул поднос к женщине. По традиции, она покорно согнулась, ее спрятанный лоб чуть не оказался в белой чашке.

Она взяла поднос, выпрямила торс и грациозно поднялась на ноги, не шатаясь и не роняя посуду. Пятясь спиной из камеры, она открыла дверь, приложив подошву к определенной ячейке в стене. Мгновенье спустя, потому что за дверью, очевидно, наблюдали, кто-то удаленно открыл ее... либо так, либо панель открывалась отпечатком ног.

И она ушла.

Когда панель закрылась со звуковым сопровождением из «Звездного пути»^[59], айЭм знал, что попытка одолеть ее и воспользоваться как разменной монетой ни к чему не приведет. с'Экс и его стражи скорее будут торговаться за жизнь собаки.

Прохаживаясь по камере, он представил своего брата рядом с Селеной на том смотровом столе, под светом яркой лампы, ее тело скрючено, на лице застыла маска.

Боже, зря он на это пошел. Вот вам и безвыигрышная ситуация: Трэз захочет вызволить его, но оставит ту женщину, пока она больна... это убьет его.

Конечно, давайте забросим бензина в костер. И сотню фунтов тротила.

Трэз верил во все, что говорил Селене о ее свободе выбора.

Он шел по подземному туннелю, направляясь в клинику учебного центра, и одно знал наверняка... ну, то есть два факта: он любил ее, без памяти. Так же он знал, что Селена и только Селена будет решать, что делать с ее состоянием, и если кто-то попытается заставить ее? Он быстро заткнет им всем рты.

Но это не мешало ему сходить к Доку Джейн.

Насчет своей королевы.

Боже, это ласковое прозвище, которое он дал Селене, было забавным. Оно прилипло сразу же, как только вылетело из его рта. Словно его словарный запас связался с этим словом как его тело – с ней.

И она будет его единственной королевой. Неважно, что ждет их в будущем, где он окажется в итоге, никто ее не заменит, она одна будет повелевать его сердцем, никто больше не удостоится его восхищения и этого слова.

Потерев лицо рукой, Трэз заставил ноги продолжить движение, хотя большая его часть хотела бегом сигануть к клинике. Но спешки не было, по крайней мере, так говорила его женщина. Селена была наверху, в его спальне, обнаженная в его ванной, купала свое прекрасное тело в теплой ароматной воде.

Однако она не была полностью избавлена от боли. Она хорошо скрывала оставшуюся жесткость и дискомфорт, но выдавала себя, когда еле заметно морщилась или отрывисто двигала руками и кистями. Ванна и аспирин-без-рецепта помогут. И когда она хорошенько отмокнет, то проведет оставшуюся часть их «свидания» в его постели.

Ее радость от предстоящего свидания была заразительна. Он буквально чувствовал тепло внутри, словно ее счастье обладало кинетической магией, посредством его привязанности, возрастая в его плоти. Черт, ему нужно было лишь вспомнить ее за завтраком, как она улыбалась над чашками с овсянкой, или ее голос, восторженный перед поездкой... и его охватывало умиротворение.

Никто никогда не был настолько близким для него. Даже любовь и привязанность к брату не могла сравниться с этим чувством.

Это ненормально, но ему казалось, что болезнь хорошо повлияла на них с Селеной. Он даже представить не мог, как бы они еще отмахнулись от того дерьма, что встало между ними, так эффективно и абсолютно без...

Адский обмен.

Он подошел ко входу в учебный центр, ввел пароль и прошел через шкаф, выходя в кабинет Тора. За столом никого не было, это хорошо и не удивительно. Было пять вечера, и Тор, без сомнений, сейчас просыпался в их супружеской постели вместе с Осень, настраиваясь на грядущую ночь.

Удивило другое – что Док Джейн согласилась принять его в это странное время дня. Учитывая, сколько она часов провела, занимаясь болезнью, ранениями и братом Куина, казалось, что смена Джейн, Мэнни и Элены никогда не кончалась.

Он ее сильно уважал.

Через стеклянную дверь. Вниз по бетонному коридору. Куча дверей слева.

Толкая дверь в смотровую комнату, он...

– Твою дивизию!

Выпрыгнув в коридор, он всей рукой накрыл глаза, молясь, чтобы сетчатка забыла об

увиденном.

Вот так живешь с людьми, любишь их, но столько всего о них не знаешь.

Мгновение спустя Ви открыл дверь и шумно застегнул ширинку кожаных штанов.

– Она сейчас тебя примет, – сказал он будничным тоном.

Словно пару секунд назад не затрахал свою шеллан до смерти на ее рабочем столе.

– Я могу уйти? – предложил Трэз.

– Нет, она готова. Селена как, нормально?

– Эм... да. Она двигается и... ну, ночью мы идем на свидание.

Ви достал самокрутку.

– Да ладно? Куда?

В своих мыслях Трэз старательно избегал пункта назначения. Идея со свиданием была шикарна, еда будет отличной... была только одна проблема, с которой ему придется иметь дело.

– Тот ресторан. – Он указал на потолок. – Ну, в центре города, вокруг здания?

– А, да. На самом верху. – Брат выдохнул. – Захватывающий вид.

Ага. Пятьдесят этажей и выше. Он был на их сайте, выяснил, насколько все плохо. – Ага. Дух захватывает.

– Дай знать, если я чем-нибудь смогу помочь. Вам обоим.

Ви хлопнул его по плечу и развернулся к выходу.

– Вишес.

Брат замер, но не обернулся. А потом в свете ламп над головой, поднялся завиток дыма от самокрутки, элегантно извиваясь в воздухе.

– Сколько времени у меня осталось с ней?

Брат повернул голову, его мощный профиль с бородкой выделялся на фоне освещения, татуировки вокруг виска казались еще более зловещими.

– Сколько? – повторил Трэз. – Я знаю, ты это видел.

Раздалось еле слышное шипение, когда Брат затянулся, и кончик сигареты вспыхнул оранжевым светом.

– Мои видения не настолько подробны. Прости.

– Ты лжешь.

Темная бровь поползла наверх.

– Прощу тебе это хамство. На первый раз.

На этих словах мужчина устремился к выходу, массивные плечи двигались в такт бедрам, никто, даже будучи Тенью, размеров Трэза и с его умениями, по собственному желанию не кинется на воина.

Особенно с его сияющей рукой.

Но стычки между ними не будет. Не из-за этого, по крайней мере.

Они оба знали, что Ви солгал.

Вишес – Брат с умом и мистическими видениями, обе черты он унаследовал от Девы-Летописицы. Он также был не способен обмануть кого-то. Просто его мозги устроены иначе, эта невероятная голова была слишком занята, чтобы париться о том, не обидел ли он вопрошателя, все ли представил в приятном для него свете.

Поэтому когда он отказался повернуться? Когда только сверкнул профилем?

Он достаточно красноречиво ответил на поставленный вопрос.

Вишес никогда по собственной воле не причинит никому зла, не ранит мужчину, которого уважает. И это отравляло сильнее чем «я-не-лгу». И да, Трэз слышал, что обычно видения Ви о смерти не дают временных рамок... но, очевидно, в этом случае все было иначе.

Может, потому что увиденное больше касалось Трэза после смерти Избранной, а не самой

ее смерти.

Две женщины. И в обоих случаях твое время на исходе.

– ...Трэз? – позвала его Док Джейн, будто пыталась привлечь его внимание. – Ты готов поговорить со мной?

Нет, подумал он, когда Ви скрылся за стеклянными дверями кабинета. Не готов.

– Думала, никто не узнает?

майкен застыла на выходе из камеры. Голос, раздавшийся позади нее, был таким низким и глубоким, что казалось, слова не произнесли вслух, а прорычали... и этого она совсем не ожидала.

Шаги мужчины, выше ее в два раза и в три раза тяжелее, кружили вокруг ее тела, и ей пришлось задрать лицо, спрятанное под сеткой, высоко вверх.

Лицо с'Экса также было спрятано, укрытые за тонкими звеньями серебра черты лица, но не личность палача под кольчугой.

Страх зазвенел в ее груди, от испуга высыпал пот подмышками и между тщательно спрятанной грудью.

– Ты кормила его?

Когда она не стала ни соглашаться, ни отрицать утверждение, палач раздраженно вскинул руки...но он был осторожен, не дотрагиваясь до нее и всего, что косвенно касалось ее тела – то есть подноса, всего, что было на нем, а также ее одеяний и даже большого мраморного квадрата, на котором по чистой случайности оказались ее ноги.

Всем мужчинам было запрещено контактировать с ней под страхом смертной казни от руки с'Экса, и значит, ему бы пришлось совершить самоубийство.

– Ответь, – потребовал он. – Ты отравила его?

– Нет! Он был без еды двенадцать часов...

– Тебя заботит состояние всех моих пленников?

– Он не обычный пленник. – Она вздернула подбородок. – И ты не позаботился о нем подобающим образом.

– За подобными вещами смотрят тысячи других.

– И я не из тех тысяч, кто живет здесь?

Он подался вперед. – *Больше* туда не входи.

майкен скинула сетку с лица так быстро, у него не было шанса увернуться. И когда с'Экс, охнув, отвернулся, пряча лицо в складках рукава, ее голос был под стать его властности.

– Ты не будешь говорить мне, куда ходить, а куда – нет.

– Надень маску! – рявкнул мужчина.

– Нет. Я не принимаю твоих приказов. – Она дернула его за рукав, чтобы ничего не укрывало его глаз. – Ты меня понял?

Палач так сильно зажмурился, что черты его лица исказились.

– Ты загонишь нас обоих в могилу...

– Здесь никого нет. И я приказываю: смотри мне в глаза.

Такой поворот – сейчас именно он был запуган, и ушло время на то, чтобы открыть глаза, словно лицо мужчины отказывалось подчиняться повелениям разума.

Когда он, наконец, посмотрел на нее подобающим образом, это был первый раз за всю ее жизнь, когда мужчина видел ее лицо... и какое-то мгновение ее сердце билось так быстро, что закружилась голова. Но мысли о пленнике пересилили недоумение.

– Ему... – Она ткнула пальцем в сторону двери в камеру, – не причинят никакого вреда. Ты меня понял?

– Здесь вы не диктуете...

– Он невиновен. Это брат Нареченного, не ему служить трону. Я узнала это по татуировке....

– Ты смотрела на его тело! – Из рта с'Экса вырвался поток слов, не знакомых ей, но

звучащих как «Срань Господня!»).

Что бы это ни значило. Она знала только официальный английский.

с'Экс наклонился к ней и сказал тише:

– Слушай сюда, ты будешь держаться от этого подальше. Ты понятия не имеешь, что здесь происходит.

– Я знаю, что это несправедливо – держать в заключении невинного за что-то, что его не касается.

– Я не лишусь своей жизни из-за тебя. Мы поняли друг друга? И я не стану отклоняться с курса, только чтобы угодить мимолетные позывы твоей совести.

– О, ты станешь. – Сейчас она подалась вперед... и, несмотря на ее размеры, с'Экс дернулся назад. – Ты прекрасно понимаешь, какая власть сосредоточена в моих руках. Ты не станешь перечить ни этому, ни любому другому из моих желаний.... И когда я принесу ему следующую трапезу, ты со своими мужчинами беспрекословно пропустишь меня. Я не доверяю тебе его питание... полноценное... и безопасное для здоровья. И не смей говорить ему, кто я.

На этих словах она опустила сетку и пошла прочь.

– В чем твой эндшпиль^[60]? – требовательно спросил он.

Она помедлила. Посмотрела через плечо.

– Что означает эта фраза?

– Что ты задумала? Держать его здесь как песчанку до конца его жизни?

Что такое «песчанка»?

майкен сузила глаза под сеткой.

– Не твоя забота. Твоей она станет, если с ним что-нибудь произойдет. И принеси ему нормальную кровать.

По крайней мере, он будет содержаться в удобстве, пока она не придумает, как безопасно вызволить беднягу на свободу.

майкен завернула за угол, скрываясь с его глаз, прежде чем его затрясло... прежде, чем ей пришлось ухватиться за стену, чтобы остаться на ногах.

Закрывая глаза, она видела лишь того пленного, как он выходил из-за ширмы после водных процедур.

Его тело было... завораживающим, его нагота приковывала ее взгляд, мысли, дыхание. Широкий в плечах, с мускулистой грудью, длинным торсом, казалось, он был вылеплен художником, а не рожден телом смертной.

А другие части его тела. Созерцая которые она краснела так сильно, что казалось, сетка расплавится на ее лице.

Она сказала себе, что просто поможет ему, и это была правда. Да.

Но глупо недооценивать это жгучее любопытство. Наверное, даже опасно.

Милостивые Звезды, что она творила?

* * *

Трэз запрыгнул на смотровой стол, едва не стукнувшись головой о лампу, пришлось нагнуться, и в этот момент к нему подошла Джейн.

– Давай я отодвину лампу.

Когда небольшую проблему решили, он вцепился в тонкий матрас под задницей так, будто готовился к взлету.

А он ненавидел вертолеты.

Док Джейн подкатила стул и села, сводя полы белого халата вместе и сцепив руки в замок поверх коленей. Посмотрев на него, она, казалось, приготовилась ждать сколько угодно, пока он не соберется с мыслями.

Прокашлявшись, он объявил:

– Селена сюда не придет. Она не хочет, чтобы вокруг нее носились. Пока она чувствует себя хорошо.

– Я понимаю это.

Он подождал немного, напоминая себе о приличном поведении, ведь она была шеллан Ви.

Когда добрый доктор ничего не добавила, он нахмурился:

– И это все?

– Что ты хочешь от меня услышать? Что мы с Мэнни заставим ее прийти сюда? Я этого сделать не могу... и не стану.

Не почувствовав облегчения от ее слов, Трэз осознал, что надеялся на то, что Док Джейн заставит Селену спуститься сюда.

Клятва Гиппократата? Едва ли сторонница свободной воли.

– Как мне узнать, что она переживет ночь? – сказал он напряженно.

– Без очередного Окостенения?

– Да.

– Ты не узнаешь. – Док Джейн смахнула короткие волосы назад. – Даже если я осмотрю ее сейчас, то не смогу сказать, когда будет следующий приступ. Мне мало известно о болезни, но исходя из того, что я выяснила, в этом-то и проблема. Нет продромальной стадии.

– Это что такое?

– Ты же страдаешь мигренями, да? – Когда он кивнул, она показала на свои глаза. – И ты чувствуешь ауру^[61] минут за двадцать-тридцать до того, как начнутся боли, так? Те, кто страдает мигренями, порой испытывают онемение, покалывание в руках и ногах, у других появляются сенсорные аномалии, например, они чувствуют запахи, которых нет на самом деле, слышат разное. В случае болезни Селены, нет никаких признаков, что скоро начнется активная фаза. Кажется, онемение возникает на ровном месте.

– Ты уже говорила с тем придурком, Хэйверсом?

– Как выяснилось, он никогда не слышал об этой болезни. Самое близкое, с чем он имел дело, – симптомы артрита. – Она покачала головой. – Что наводит меня на мысль взять генетические образцы Избранных на предмет какого-нибудь рецессивного гена. Учитывая, что они выводились в ограниченном генофонде, следует ожидать именно такой групповой болезни. – Она пожала плечами. – Возвращаясь к Селене, хотела бы я сказать тебе, что случится дальше, или – хотя бы – чего ждать. Но я не могу. Я сделала комплексный анализ крови, количество белых кровяных телец слегка выше обычного, как и воспалительные маркеры... но кроме этого? Все нормально. Все, что я могу сказать – что она на ногах, ее суставы функционируют хорошо, и они сами скажут нам, когда это изменится.

Трэз поочередно щелкнул костяшками.

– Мы ничего не можем для нее сделать?

– В настоящий момент, мы ничего не придумали. Одна из проблем в том, что мы не понимаем механизм протекания болезни. Я подозреваю, после того, как кость разрастается – причина известна одному Господу – ее иммунная система каким-то образом реагирует и нападает на несанкционированный материал, разрушая его как вирус или инфекцию. И защитные механизмы ее тела знают, когда остановиться, потому что сам ее скелет остается нетронутым. Наверное, есть что-то врожденно неправильное в росте «костей», но без биопсии я это не выясню.

– Тогда почему ей приходится... – Черт, каждый раз моргая, он видел Селену на том столе, ее тело, скрюченное в ужасной позе. – Почему она не может просто продолжать отбиваться от нападков, исцеляясь?

– Предполагаю, что иммунитет проигрывает. Если подумать, это серия беспрецедентных событий на клеточном уровне. Когда я увидела первые рентгеновские снимки, я бы ни за что не поверила, что ее тело будет хоть как-то функционировать.

Он замолк, уставившись в пол.

– Я хочу увезти ее этой ночью. Ну, на свидание. – Когда доктор промолчала, он поднял взгляд. – Не такая уж хорошая идея, да?

Джейн скрестила руки на груди, катаясь на кресле туда-сюда – эквивалент нервного вышагивания.

Дерьмо. Ему следовало поговорить с Джейн до того, как он предложил экскурсию...

– Насколько честной я могу быть с тобой? – спросила Док Джейн.

Трэз вспомнил бородатый профиль Вишеса в свете коридорной лампы.

– Мне нужно знать, как все обстоит на самом деле.

Даже если это убьет его.

Джейн ответила спустя минуту, и он решил, что она прокручивала в голове сценарии.

– Самый консервативный путь для нее – не покидать территорию, а для меня – проверить ее по полной, с множественной биопсией, томографией, МРТ в человеческом мире, проконсультироваться с человеческими докторами через связи Мэнни. А потом, наверное, стоило бы начать агрессивный курс стероидов... основываясь на чистой интуиции, а не на твердых знаниях. Уверена, что здесь замешана противовоспалительная система. Наверное, есть и другие лекарства, может, процедуры, но сложно гадать, учитывая, сколь мало мне известно сейчас. – Он взбила короткие светлые волосы так, что они встали торчком. – Мы должны действовать быстро, потому что нам неизвестно, сколько у нас времени, это будет метод проб и ошибок, вероятней всего с целью продления жизни, а не исцеления. Но, повторюсь, это скорее интуиция.

Он закрыл глаза, пытаясь мысленно прикинуть, как он сообщит своей королеве, что вместо ресторана, в котором ей так не терпелось поужинать, они отправятся...

– Но на ее месте я бы этого делать не стала.

Трэз раскрыл глаза, посмотрев на терапевта.

– Значит, есть иной путь.

Док Джейн пожала плечами.

– Знаешь, в конечном итоге, мне кажется, нужно думать о качестве жизни. Я не знаю, как далеко мы зайдем в лечении и понимании болезни, даже если всем скопом насядем на Селену. Я основываюсь на том, что она, выражаясь терминологией инфекционных болезней, для нас «нулевой пациент». Такого никто не встречал, даже если небольшая часть ее сестер поколениями страдала от этого. Происходящее слишком сложно, и я просто... Есть много теорий, за которые можно ухватиться. И ради чего? Ты серьезно хочешь испортить ее последние ночи...

– Ночи? – выпалил он. – Господи Иисусе, это все, что у нас есть?

– Я не знаю. – Она вскинула руки. – Никто не знает, вот, к чему я клоню. Ты бы... она бы... провела оставшееся время, пытаясь жить полной жизнью или в ожидании смерти? И я говорю, будь это мой выбор, я бы предпочла первое. Вот почему я не стану заставлять ее спускаться сюда, не попытаюсь пристыдить ее за то, что она не торопится запрыгнуть на мой стол.

Трэз выдохнул воздух, который задержал неосознанно.

– Ривендж отправился на Север. В Колонии. Узнать, не могут ли помочь знания,

накопленные симпатии.

– Я в курсе, Элена рассказала. Мы надеемся, что он скоро выйдет на связь.

По ее профессиональному тону он понял, что женщина не сильно на это надеется.

– Что случится, если у Селены... случится приступ... а мы будем в ресторане?

– Тогда ты звонишь нам. Я уже показывала новую игрушку Мэнни?

– О чем ты?

Поднявшись, она похлопала его по колену.

– Пошли.

Док Джейн вывела его из смотровой комнаты в коридор и дальше, мимо неиспользуемых учебных аудиторий до тяжелой стальной двери гаража. Открывая ее широко, она ткнула рукой.

– Та-да.

Трэз вышел на более холодный, влажный воздух. Огромная скорая помощь, блестящая, как новый пенни, квадратная – как ЛЕГО, больше Хаммера Куина. На самом деле больше человеческих, которые он видел в городе.

Это была гребаная скорая помощь.

– Серьезная заявка, – сказал он.

– Ага. Мы с Мэнни больше всего болели этим...

Задние двери распахнулись, и человеческий напарник Дока Джейн выпрыгнул в гараж.

– Думал, мне померещились голоса. – Мужчина помрачнел, увидев Трэза. – Хэй, дружище, ты как, держишься?

Они обменялись рукопожатием, и Трэз кивнул на транспортное средство.

– Значит, это, наконец, случилось.

– Загляни внутрь.

Запихнув руки в карманы джинсов, Трэз обошел машину. Сквозь открытые двери он увидел... огромный центральный пролет с двумя каталками, одна за другой, окруженные всевозможным медицинским оборудованием в запертых шкафчиках со стеклянными дверцами, вдоль боковых стен как книжные полки на стероидах.

– Это словно миниатюра операционной, – пробормотал Трэз.

Кивнув, Мэнни запрыгнул в машину.

– Таков был план. Мы хотели получить возможность заниматься серьезными, потенциально смертельными ранениями на поле боя. Порой слишком рискованно перевозить пациентов сюда или к Хэйверсу.

Врач начал открывать шкафчики и ящики, показывая ряды: стерильный перевязочный материал, стерильные инструменты, даже микроскоп на вытянутой ручке, который можно установить над любой из коек.

Он похлопал его, словно домашнего питомца.

– Эта детка по совместительству портативный рентген, и у нас есть ультразвук. О, и пуленепробиваемый корпус в качестве бонуса.

– Это вклад моего мужа, – добавила Джейн.

– Ви также установил сюда компьютерную систему.

– Воистину, выражаясь его словами. – Джейн перевела взгляд на своего напарника. – Так вот, Трэз, увози Селену этой ночью на свидание.

– Отличная идея. Куда собираетесь?

Трэз пальцем описал круг.

– Та штука в небе. Вокруг здания.

– А, знакомое место, – сказал парень. – В больнице мы называли его Центром Обручения – доктора водили туда своих подружек, когда были готовы сделать предложение. Очень

романтично.

– Ага.

Трэз окинул взглядом просторную передвижную операционную, пытаясь определить, что он чувствует при виде этого – огромное облегчение или глубокую депрессию. Хорошие новости в том, что с мигалкой на кабине фургона и страстью Мэнни к высоким скоростям, они смогут добраться до центра за десять минут. Особенно когда улицы не сильно загружены.

А что, если этого времени будет недостаточно? Что, если Селене будет нужно...

– Трэз? – позвал мужчину.

Он встряхнул с себя затягивающую как трясина панику.

– Да?

– Как насчет того, чтобы мне поехать с тобой... нет, не в качестве шофера, – добавил он, когда Трэз отшатнулся. – Я припаркуюсь с черного входа и просто буду рядом на всякий пожарный. На машине по всему периметру поддельные знаки, у меня на руках полный комплект фальшивых документов. Никто нас не потревожит, и я возьму с собой Брата на случай, если потребуется подчистить мозги кому-нибудь.

Трэз моргнул.

– Боже, я не могу просить тебя об этом...

– Ты и не просишь. Я сам вызвался.

Трэз посмотрел на скорую – истинное произведение искусства. В голове не укладывалось. Что парень был готов...

– Трэз? – позвал его Мэнни. – Хэй, посмотри на меня.

Трэз перевел взгляд на человека. Для не-вампира Мэнни был хорошо сложен, спортивное тело выглядело все лучше после того, как он женился на сестре Ви, Пэйн. Но что было в нем самым сильным? Его уверенность. Закаленный в человеческом мире, бывший Глава Хирургического отделения в Больнице Святого Франциска излучал флюиды «марш за мной или иди на хрен», поэтому хорошо вписался в компанию Братьев.

– Я рядом, – сказал он мрачно. – С тобой и с ней.

Мэнни протянул ладонь, и какое-то мгновение Трэз мог лишь моргать. Но потом он сжал предложенную руку.

– Не знаю, чем отплатить тебе, – его голос сорвался.

– Просто езжай и наслаждайся своей женщиной. Для меня важно лишь это.

Док Джейн положила руку ему на плечо, и Трэз почувствовал умиротворение от ее поддержки. И надежду, наверное, на то, что Ривендж вернется от симпатов не с пустыми руками.

Снова поблагодарив их обоих, он вернулся в учебный центр, Док Джейн осталась в гараже со своим напарником, будто знала, что ему нужна минутка, чтобы совсем не расклеиться.

Боже, голова кружилась.

И забавно, не было желания напиться, чтобы унять тревоги. Ни капли. Он также не чувствовал необходимости выйти на улицу, чтобы поиметь сотню случайных цыпочек. Он совсем не хотел звонить Большому Робу и Молчаливому Тому, чтобы справиться о клубе и ночи открытия, или узнать, что стало с наркотиками, найденными у лессера. Он даже не хотел вернуться в особняк, на третий этаж, чтобы разбудить брата и доложить новости.

Он был удивительно пустым. И это пугало его.

Эта ночь должна быть особенной для его королевы.

Просто обязана.

Было в районе шести вечера, когда Селена вышла из душевой кабинки в ванной Трэза. Она проспала как младенец весь день до самой ночи, осознавая только, как Трэз изредка заходил, проверяя ее. Как результат, так превосходно она себя не чувствовала уже...

Славная Дева-Летописеца, она не могла вспомнить.

Высушив себя полотенцем, она обмотала его вокруг головы и накинула черный халат Трэза. Она утонула в метрах тяжелой ткани, падавшей до самого пола, а пояс был настолько длинным, что его концы едва ли не путались между ног. Но было так приятно чувствовать его халат на себе, запах Трэза окутывал ее подобно объятию, складки ткани согревали.

У двойной раковины она взяла полотенце для рук и стерла пар с зеркала. В свете ламп ее кожа сияла, губы и щеки покраснелись... все было следствием секса, которым они занимались.

И этой ночью их ждет еще больше. Она знала это, потому что каждый раз, когда Трэз входил в комнату, пряный запах, исходивший от него, служил обещанием того, что ждало их.

Размотав полотенце на голове, она расправила темные волосы, влажные пряди рассыпались по спине. Она сделала все возможное, чтобы предварительно просушить длину, потеряв махровой тканью все, до чего смогла дотянуться без больших усилий. Сейчас настал черед фена... но....

Здесь не было фена.

Оглянувшись по сторонам, она залезла в шкафчики над раковиной, но нашла только целую кучу туалетной бумаги, запасное мыло, шампунь и кондиционер. Бритвы. Полотенца для рук и ванн. Полотенца. Подойдя к кладовой зоне у стен, она нашла... опять полотенца. Пахли они роскошью и были мягкими, как свежее испеченный хлеб, но они не решают ее проблему.

«Сухо как в пустыне» – ее первоначальная цель. «Слегка влажные» были вторым вариантом.

Так, ладно, похоже у нее проблемы. Им уезжать в семь тридцать, а ее волосы без посторонней помощи будут сохнуть восемь тысяч лет...

Она вскинула голову, услышав стук в наружную дверь.

– Кто там?

Это значит «входите»? – донесся женский голос из коридора.

– Да, конечно.

Сведя полы халата сильнее, она вышла в спальню... потом остановилась, когда открылась тяжелая панель.

– О, привет... эм...

Бэт, Королева, вошла в спальню Трэза. Потом Марисса... Осень, Мэри... Элена и Кормия. Белла. Пэйн. И Хекс, которая, с ее короткими волосами и кожаной одеждой, выделялась на их фоне.

А может, дело в неловкой позе, будто она не знала, что забыла среди них.

– Вам что-нибудь нужно? – спросила она у Королевы. И остальных.

Хотя она знала, что ее навещали только Кормия с Лейлой, можно было догадаться, что все домочадцы узнают о ее проблемах... она на самом деле надеялась, что женщины не устроят процессию, чтобы предложить свои соболезнования до ее смерти.

К счастью, Бэт улыбнулась... вместо того, чтобы хвататься за носовые платки.

– Нам нужно, чтобы ты позволила нам собрать тебя.

Селена вскинула брови, осмотрев себя с головы до пят.

– Простите? Я разобрана и не поняла этого?

– Ну, нам донесли...

Марисса перебила ее:

– На самом деле, все рассказал мой хэллен. А он услышал от Вишеса.

– Что ты собираешься на свидание, – закончила Бэт. – И мы подумали. Что ты захочешь навести марафет.

Кормия вскинула руки.

– Разумеется, ты красива и без этого.

Затем последовали многочисленные «о, нет», «ты прекрасна, спору нет» и «только если тебе захочется»... Селене оставалось лишь прижать ладони к щекам.

– Я просто собиралась уложить волосы и надеть мантию, как нам положено.

– Скука смертная, – заявила Хекс. Девчонки стаяй выразительно посмотрели на нее, и женщина вскинула руки.

– Я же говорила, что профан в этом! Господи, зачем я вообще пришла?

Бэт снова повернулась к ней.

– Селена, ты всегда выглядишь отлично, но мы можем предложить тебе кое-что из современной одежды, которая, наверное, немного...

– Благодаря которой, ты перестанешь напоминать штору. – Хекс закатила глаза. – Знаю, знаю, все, затыкаюсь. Но это правда.

– Я похожа на штору? – спросила Селена, перевод взгляд на занавеси на окнах, которые только что разошлись в стороны. – Это плохо?

Бэт подошла к ней и взяла ее руки в свои. Сжимая.

– Ты доверяешь нам?

– О, ну конечно, мой королева, я просто... не знаю... я не могу найти фен и...

Марисса вышла вперед с парусиновой сумкой, полной... всеми мыслимыми и немыслимыми средствами для макияжа и укладки волос.

– Не волнуйся, я тебя всем обеспечу!

Так Селену усадили на стул посреди ванной Трэза, группа женщин окружила ее, вооруженная фенами, расческами, каким-то муссом и щипцами для завивки.

И посреди марафета ее глаза наполнились слезами.

– Ой, я подошла слишком близко? – спросила Осень, перекрикивая шум фена.

Селена подняла руку, надеясь спрятать слезы. Она не ожидала такой поддержки... и буквально чувствовала, что весь дом стоял за ней и Трэзом.

Именно Хекс, суровая женщина, принесла ей коробку с Клинексами. А когда Селена уронила взятый платок, потому что рука дрожала слишком сильно, именно Хекс помогла ей, достав еще один белый квадратик и промокнула глаза, которые дали течь.

Селена посмотрела в ее свинцовые глаза и прошептала одними губами «спасибо».

Хекс просто кивнула, продолжая аккуратно вытирать ее глаза, нежные прикосновения шли в разрез с ее жестким лицом и мужской одеждой... и пистолету, который она носила в кобуре на поясе даже в безопасном особняке.

Все мысли улетучились из ее головы, остались только эмоции, слишком сильные, чтобы удержать их в сердце.

Когда фены, наконец, затихли, она поняла, что пора взять себя в руки. Она укрылась за шумом и суетой вокруг ее волос, пусть все и видели ее слезы.

– У тебя такие красивые волосы, – сказала Кормия, запустив пальцы в волны. – Думаю, стоит оставить их распущенными...

– Спасибо вам всем, – выпалила Селена. – Спасибо за это.

Бэт села на колени перед ней.

– Нам это в радость.

Рука опустилась на плечо Селены. Другая – на предплечье. На спину. А Хекс была прямо перед ней с коробкой Клинексов.

Смотря в зеркало, она видела себя в окружении женщин, проживавших в доме, и никто из них не жалел ее... за это она была благодарна. Нет, вместо этого они стояли рядом с ней, делая все, что было в их силах, чтобы показать ей, насколько она важна.

По неясной причине это имело неопишное значение.

Наверное, потому что впервые к ней пришла мысль, что после ее смерти все в этом доме будут помнить ее... и когда тебя оплакивают хорошие люди – это лучшее наследие, которое можно оставить после себя.

– Распущенными? – услышала она себя. – Правда? Вы думаете, что мне стоит оставить их распущенными?

– Позволь представить тебя моему доброму другу, – сказала Марисса, поднимая серебряную палку, которая соединялась со стеной черным шнуром. – И да начнется бой!

Селена рассмеялась. Подняв взгляд на Хекс, она спросила:

– Ты когда-нибудь...

– Пользовалась ли я чем-то из этого? – Женщина потянула себя за короткие волосы. – Если бы. Но мне кажется, тебе стоит их послушаться. Ты смотришь на команду специалистов вампирской расы, если дело касается сексуальности.

– Тогда я подчинюсь. – Селена смягчилась относительно идеи преобразования. – Делайте со мной, что пожелаете.

Бэт ухмыльнулась.

– Думаешь, выйдет неплохо? Подожди, ты еще платья не видела.

* * *

– Прости. Я пытался.

Ривендж извинялся за то, в чем виноват в сущности не был... и Трэз не сильно удивился этому, качая головой. Они стояли в огромном фойе особняка, ногами на мозаичной яблоне в полном цвету.

Он положил руку на плечо мужчины, одетого в шубу.

– Серьезно, Рив. Спасибо, что попытался.

Опершись на красную трость, Рив прошелся туда-сюда.

– Я изучил все записи. Пспрашивал народ...

– Рив, слушай, я очень ценю, что ты поехал в колонию. Но, правда, я не ожидал получить волшебный ответ. – Видит бог, он уже привык к плохим новостям. – Не истязай себя из-за этого.

Норка длиною в пол развивалась позади громады, который не прекращал ходьбу. В конечном итоге он остановился.

– Ты помнишь ночь, когда мы встретились?

– Как я могу забыть.

– Мне всегда казалось, что этому суждено случиться. – Он уставился на туфли из кожи страуса. – Я не желаю для тебя ... такого. Особенно зная, что ждет тебя впереди.

Рив один из немногих знал, что он был Нареченным с'Хисбэ.

Боже, подумал Трэз. Бардак на Территории совсем вылетел из его мыслей. Селена была великолепным дезинфицирующим средством для всех его проблем, она не просто стирала грязь, а выводила подчистую.

– Я буду рядом с Селеной до конца, – услышал он себя. – Я никуда не сдвинусь, пока она...

ты в курсе.

– Дай знать, если что-то понадобится. – Рив подошел к нему. – Я просто...

Грустно было видеть этого величественного мужчину, известного своими наглостью и высокомерием, таким удрученным.

Трэз был вынужден отмахнуться от сострадания. Иначе оно подкосит его.

– Слушай, тебе не нужно больше ничего говорить. Я бы предпочел, чтобы так и было, честно говоря. Неспроста я должен сосредоточиться на том, что имею в настоящий момент... Селена скоро спустится по этой лестнице, и я не могу позволить себе грузиться этой ночью.

– Понял. Но я хочу обнять тебя.

– Прощу, давай без этого... о, да брось, чувак...

Утонув в мехах, он застыл... чувствуя себя придурком. Ради всего святого, парень просто был искренен, но, черт возьми, Трэз хотел одного – убежать в бильярдную. Может, треснуть себя кием по голове.

Много раз, пока не сломается.

Голова, не кий.

– Вау, она такая мягкая, – сказал он, поглаживая шубу.

Рив сделал шаг назад.

– Я посплю в комнате для гостей. Я с ног валюсь, а Элена весь день провела с Лукасом. Думаю, мы проспим всю ночь.

– Звучит шикарно.

Неловкое. Молчание.

– Ты должен прекратить так на меня смотреть. – Трэз потер лицо. – Она еще не умерла.

– Знаю. Знаю. Прости. Оставлю тебя одного.

Рив хлопнул его по спине, а потом ступил на большую лестницу, поднимаясь с помощью трости. Оставшись на месте, Трэз осознал, что не нашел своего брата, чтобы рассказать обо всем. В обычное время они бы с айЭмом уже десять раз все перетерли... и было всего семь часов вечера.

Но если его напрягло поведение Рива в стиле хорошего мальчика, то Трэз точно не вынесет этого дерьма от родного брата. Он едва держал себя в руках... один взгляд на черные глаза айЭма?

Он боялся, что не сможет собрать все воедино после полного разгрома.

Порой честность была невыносима...

О, да к черту его. Он что, серьезно цитировал Мьюза из семидесятых?

Ходьба, ходьба. Он договорился с Селеной выехать в семь тридцать и планировал проводить ее до машины. Но ему дали от ворот поворот: час назад он поднялся на третий этаж, узнать, как она, но Хекс, перегородив ему проход, заявила, что ему запрещено входить в его же спальню. Потом боец швырнула ему один из его черных костюмов вместе с черной рубашкой, черными лоферами и шелковыми носками, а также черные-пречерные часы «Одемарс Пиге»^[62].

И захлопнула дверь перед его носом.

Женщины. Невыносимы.

Но он переоделся. Как пай-мальчик. И спустился сюда, чтобы ждать.

Когда огромная фигура Рива исчезла на лестничной площадке, Трэз достал телефон, проверяя смс. Он ожидал найти сообщения от айЭма. Но парень был верен себе, зная, когда нужно дать ему пространство. Он набрал брату быстрое сообщение с новостями о том, что собирается на свидание с Селеной, и что свяжется с ним, когда они вернутся. Потом он написал Большому Робу и Молчаливому тому, давая указания решать все вопросы по клубам через Хекс... если, конечно, ей удастся вырваться из экстремального марафета, развернувшегося в его

комнате. Он уже собирался убрать телефон, когда обнаружил пропущенное сообщение.

От Рейджа.

– Хэй, мы готовы ехать? Где твоя дама?

Голливуд легок на помине. Брат сбежал по главной лестнице, оружие в разнообразной кобуре позвякивало на нем как рождественские колокольчики.

– Только получил твое сообщение, – сказал Трэз. – Прости, что не ответил раньше.

– Все нормально, у тебя голова другим забита.

Они пожали друг другу руки. Обнялись. Хлопнули друг друга по спинам. Отступили на шаг.

– Вы только гляньте на него. – Рейдж обошел его. – Принарядился.

Трэз щелкнул двумя французскими запонками.

– Не могу же я позорить женщину.

– Кажется мне, что она будет рада стоять рядом с тобой. – Рейдж остановился перед ним. –

И знаешь, я постоянно говорю это своей Мэри. Она хочет, чтобы я разбавил гардероб цветами... это продолжается уже года два.

Когда парень вздрогнул так, будто шеллан предложила ему надеть женские трусики под кожаные штаны, Трэз рассмеялся.

– Любишь черный, Голливуд? – поинтересовался он.

– Она хочет, чтобы я подбирал одежду под цвет глаз. – Он указал на свои глаза невероятного, зелено-голубого цвета. – Я серьезно. На мне и так полно голубого цвета. К чему излишек.

– Так, в твоём шкафу много цветных вещей?

– Не хочу это обсуждать. Вгоняет в тоску...

Лэсситер высунул голову из бильярдной комнаты.

– Хэй! Дракоша... если хочешь посмотреть «Project Runaway», то он уже начался. Может, подберешь пару ориентиров для своего гардероба.

Рейдж сузил глаза, но демонстративно не смотрел на ангела.

– Тебе разве не надо смотреть марафон «Спасенных звонком»^[63]?

– Не срывайся на Зака. Он считай что твой младший братишка, Королева красоты. Лэсситер подошел к ним, золотые украшения создавали вокруг его бело-черной макушки и длинного тела свечение... а, может, он на самом деле светился.

– Так, куда мы едем? В Твой клуб, Тень?

– Нет.

– Значит, балл для мумий. Во всем черном тебе впору заняться похоронными...

Рейдж двигался так быстро, что было невозможно уследить за ним. В одно мгновение он стоял, стиснув зубы, рядом с Трэзом, а в следующее оказался нос-к-носу с ангелом, сомкнув руку на его шее.

Слова были сказаны настолько тихо, Трэз ничего не расслышал, но спустя мгновение лицо и поведение Лэсситера перестали быть заносчивым.

Рейдж разжал клешню и отступил назад.

– Это все-таки случилось, – пробормотал он, вернувшись на место, и начал застегиваться. – Тебе бы тоже не помешало оружие. Сегодня я еду с Манелло.

– А, да. – Трэз сделал глубокий вдох. – Ну, спасибо за...

– Только потому, что он обещал мне стейк.

Трэз выгнул бровь.

– Что?

– Стейк? Ну, говядина там. Мясо? Рай на тарелке? Уверен, ты такое пробовал.

– Я знаком с этим блюдом, да. Но ты же едешь, чтобы помочь...

– С поеданием стейков. Вот почему я еду.

Повисло неловкое молчание. В течение которого Рейдж просто смотрел на него, всем своим видом заявляя, что он не собирается вступать в кружок драмы.

И, Господи, наверное, лучшего Брат и сделать не мог. Словно спасительная веревка из трясины, и Трэз ухватился за нее.

– Стейк, говоришь? Собираешься заказать на вынос в «Вокруг света»?

Рейдж отшатнулся, словно от пощечины.

– Так, очевидно ты не в курсе – непростительный пробел в твоём образовании – что лучший стейк-хаус в Колди прямо через дорогу от небоскреба с твоим рестораном. Каков мой план? Пока ты со своей девочкой наслаждаешься на своей высоте, я буду на земле уплетать, хм, филе миньён, ростбиф, бифбургер Кобэ^[64] и Нью-Йорк стрип стэйк^[65].

– Звучит неплохо. Уже выбрал, что закажешь из этого?

Рейдж нахмурился.

– Все. С тремя порциями картофельного пюре. Понимаешь, самое главное правильно соблюсти пропорции с картошкой и мясом. А какие там булочки. Я закажу три корзины на вынос.

Трэз поднял палец вверх.

– Знаешь, что тебе нужно? Отужинать в «Сале». Ты должен побывать у моего брата.

– Ресторан итальянский?

– Ага. Лучший в городе...

– Черт. Почему я еще не был...

– Срань... господня...

Когда Лэсситер зычно выругался, Трэз с Рейджем обернулись в сторону ангела. Мистер Геморрой их не заметил, его необычного цвета глаза уставились вперед, словно на вершине лестнице он наблюдал Второе Пришествие.

Но потом характерный запах достиг носа Трэза, попадая прямо в кровь, от удара он повернул голову и все тело...

Он лишился всех мыслей. Дыхания. Своей души.

Наверху, у накрытых кроваво-красным ковром ступенек стояла Селена, ее рука покоилась на позолоченной балюстраде, она держалась напряженно, словно неуверенно чувствовала себя в туфлях или в своем платье, а может, даже с такой прической.

Беспокоиться было не о чем.

Только если Селене была не по нраву роль атомной бомбы.

Ее длинные волосы спускались на плечи, падая до поясницы. Закрученные от корней до кончиков, они были воплощением женственности, настолько сногшибательные в своей густоте и блеске, что Трэзу пришлось сжать руки в кулаки – так сильно он хотел прикоснуться к ним, погладить, понюхать. Но это было далеко не все. Ее лицо, наверное, единственное, с чем не могли сравниться волосы, ее кожа светилась, глаза сияли, полные губы были красны, как кровь.

А еще гребаное платье.

Черное. Простого кроя. Корсаж с глубоким декольте, юбка, заканчивающаяся выше середины бедра.

Намного выше. Середины бедра.

Селена выставила ступню в изящной туфельке, на высоком каблуке, которая переходила в тонкую щиколотку и идеальную икру, при виде которых ему каждый раз сводило челюсть.

Он сглотнул ком, когда она начала медленно спускаться, каждый шаг приближал тот миг, когда он сможет прикоснуться к ней, поцеловать ее... взять ее.

Блин, это платье сводило с ума, всего лишь оболочка, облегающая контуры ее бедер, талии, груди, присборенное с одной стороны у талии и с другой – на плече. На ней не было украшений,

но к чему они? Ни один бриллиант, рубин, изумруд или сапфир не сравнится с ее опустошительным совершенством.

Спустившись вниз, она помедлила, посмотрев направо и налево – скорее всего на Рэйджа с Лэсситером – они все еще в фойе вместе с ним? Кто знает. Кого, черт подери, это волнует?

Селена пригладила... Это шелк? Шерсть? Тафта?

Фольга? Бумажный пакет?

Она прикоснулась к волосам. Потом поморщилась.

– Тебе не нравится, да? Я могу переодеться. Я собиралась надеть...

Кто-то пихнул его в бок.

... традиционное платье. Но девочки подумали... – она посмотрела через плечо на женщин, собравшихся на вершине лестницы. – Я могу переодеться...

Лэсситер выругался.

– Черт, да ни за что, даже не думай. Ты выглядишь...

Трэз оскалился. Показывая клыки. Потом, повернувшись к ангелу, щелкнул челюстью, как Герман Шепард. Или акула, которая, решила попробовать кусочек перед тем, как разъяренно накинуться на жертву.

Лэсситер вскинул руки.

– Да брось, чувак, я хотел сказать, что она выглядит как бездомная. Футбольный судья. Пародист Марты Стюарт. Мне продолжать? Могу перечислить диснеевских персонажей. Их полно.

Его снова пихнули под ребра. Потом Рейдж наклонился к нему:

– Трэз, – прошипел Брат. – Черт возьми, ты должен что-то сказать.

Трэз прокашлялся.

– Я... я... я...

Он смутно понял, что женщины на втором этаже хлопали друг друга по ладоням, поздравляя друг друга с тем, что попали «в яблочко». Но его королева нервничала.

Так, он должен взять себя в руки... прежде, чем Рейдж снова врежет ему по печени, а Селена убежит в спальню.

– Ты... я...

Он потянул воротник шелковой рубашки, хотя тот был не застегнут.

– Тебе нравится? – спросила она.

Он мог лишь кивнуть. Сейчас он представлял из себя кучу гормонов в черном костюме. Настолько она была прекрасна для него.

– Правда?

Опять кивки.

– Ага. Правда.

Селена расплылась в улыбке. Потом посмотрела на женщин, которые радостно подпрыгивали, поднимая вверх большие пальцы.

Его королева повернулась к нему. Подошла ближе. Взяла его за руки и подалась вперед, чтобы прошептать на ухо:

– Они не дали мне только нижнее белье.

Голая. Она была г-г-голой под платьем.

Сна ни в одном глазу.

В этом прекрасном доме Пэрадайз никак не могла уснуть. Сначала потому, что ей не терпелось осмотреть место, и она аж дважды заглянула в каждую гостиную, спальню и ванную комнату, восторгаясь предметами искусства, мебелью и декором. Потом она долго мучилась с выбором подземной спальни (она остановилась на той, что слева) и распаковкой вещей.

Ее любимый доджен, Вучи, начала обустриваться в узком коридоре между двумя подземными спальнями, но Пэрадайз настояла, чтобы ее служанка заняла целую спальню напротив. После чего последовала серия возражений, от которых у ее доджена, разрывавшейся между прямым приказом и собственным дискомфортом, испытываемым среди предметов роскоши, чуть не случился нервный срыв.

В итоге – как и всегда – Пэрадайз настояла на своем.

После чего она удалилась в «свою» спальню, переоделась в пижаму и обнаружила очередные хорошие новости – вай-фай не требовал пароля. Вытянувшись на бархатном покрывале, она проверила аккаунты в твиттере и фейсбуке, пару блогов, новости «Нью-Йорк Пост» и «Дэйли Ньюз»... продолжая игнорировать сообщения от Пэйтона. Когда веки начали слипаться, Пэрадайз отложила телефон и натянула на себя половину покрывала, она уже столько раз засыпала в своей толстовке с эмблемой сиракьюзской баскетбольной команды и штанах для йоги.

Иииии именно в этот момент ее захватила бессонница.

Даже с закрытыми глазами в ее голове крутились слова отца о том, чем она будет помогать Королю.

А еще ее не отпускал тот факт, что отец остался один-на-один в их доме с давно потерянным кузеном. Что, если родственник причинит ему вред?

Так что, да, думала она, вставая перед зеркалом в ванной. Глаз не сомкнуть... даже если она фактически их закроет.

Хорошие новости заключались в том, что ожидание подошло к концу. И отец написал ей, что будет здесь через пятнадцать минут... значит, день прошел нормально.

Забавно, но она с шоком осознала, как сильно хотела увидеть его. Столько лет вымаливая хоть какую-то свободу, Пэрадайз обнаружила, что получив ее, чувствовала лишь тоску по дому.

– Но сейчас у меня есть работа.

Повернувшись боком, она расправила темно-синий блейзер. Потянула белую блузку. Затеребила нитку жемчуга.

Отступая назад, она решила, что напоминает стюардессу «ПанЭма»^[66] шестидесятих годов. Из фильма «Поймай меня, если сможешь»^[67].

– О, да ладно. – Она сдернула ленту, взбивая волосы. – Ну, да. Это все меняет.

Как же.

Распущенные волосы нисколько не исправили дело. Но у нее не было времени и, что более важно, на кого она собралась производить впечатление?

Так, вопрос совсем не к месту, особенно когда выходишь в первый день на работу под руководством не просто своего отца, но и Короля всей расы, личная охрана которого – профессиональные убийцы.

Этого достаточно, чтобы без остановки молиться Деве-Летописице.

Выходя из....

– Пожалуйста, хозяйка. Позвольте приготовить вам завтрак.

Посреди ее комнаты стояла Вучи, одетая в свою неизменную серо-белую униформу, она переминалась с ноги на ногу в своих ботинках на резиновой подошве. У доджена были каштановые волосы, карие глаза и кожа цвета белого хлеба, но она была по-своему милой... наверное, лет на пятьдесят старше Пэрадайз. Пэрри знала ее всю свою жизнь... как бывало со всеми дочерьми аристократии, их подбирали с надеждой на пожизненные отношения хозяйка/служанка. В большинстве случаев, служанка – самое важное, что ты приводишь в новый дом после бракосочетания с мужчиной, близкого тебе по происхождению и статусу.

Это – твоя связь с прошлым. Твое здравомыслие. И в большинстве случаев – единственный человек, которому ты можешь довериться.

Блин, этот переезд ей нравился больше... из-за работы, а не какого-то там высокородного хэллрена.

– Вучи, я не хочу. – Она попыталась изобразить улыбку. – Ты сама не голодна?

– Госпожа, вы тоже пропустили последнюю трапезу.

Пэрри совсем не хотела вдаваться в подробности... а именно: если она съест хоть кусочек, то ее стошнит на свою стюардессность. Подобная откровенность приведет только к попыткам уложить ее в кровать, и, скорее всего, Вучи призовет на подмогу отца.

– Знаешь, отчего бы я не отказалась? – Пэрри выдавила улыбку. – Ты могла бы подать мне завтрак за рабочий стол? – Она подошла к ней и подхватила под руку Вучи. – Пошли, сделаем это.

– Но... о... но...

– Я так рада, что ты согласна. *Обожаю*, когда наши мнения совпадают.

Наверху извилистой лестницы из грубого камня они прошли через портрет французского короля напрямик в гостиную, в которой располагалась зона для приема посетителей.

– Как здесь тихо, – сказала Пэрадайз, замирая.

Комната, как и все в доме, была также красиво отделана и заставлена антиквариатом: стены и полы устланы шелками и атласом, даже стулья для посетителей обиты дорогими тканями. Что напоминало ей о статьях в «Вог» и «Вэнити Фэр» о Бэйб Палей и Стройняшке Кит^[68]. Набор мебели потрясал воображение, произведения искусства были изумрудного, золотого и медного цветов, сдержанные, а не блеклые.

– Похоже, отец еще не приехал.

Как по заказу, автоматические ставни на окнах начали подниматься, и она подпрыгнула от тихого жужжания.

– Я на кухню, – сказала Вучи. – Приготовлю вам Первую трапезу.

Пока служанка удалялась, Пэрадайз чуть не окликнула ее. Но, ради всего святого, доджен ведь не любимый предмет из детства, придающий чувство безопасности.

Она собиралась приготовиться, даже не зная, чем фактически будет заниматься, села за стол и... подвигала мышкой, в результате чего загорелся экран с окном для ввода пароля, который она даже не попыталась взломать.

Подземный вай-фай – это одно. Но этот компьютер? Заперт на семь печатей.

Она открыла ящики один за другим, не находя ничего кроме обычных принадлежностей, еще и... да, одно и то же...

Послышались голоса. Низкие. Глубокие. Такие мужские.

Открылась парадная дверь. А потом раздался хоровой топот множества тяжелых ног в ботинках, пересекавших порог...

Пэрадайз тут же захотелось спрятаться под столом.

В дом заходили члены Братства Черного кинжала, все до одного вооруженные до зубов.

Они были крупнее, чем она запомнила во время знакомства прошлой ночью. И это не

значит, что она закинула воспоминания о них в папку с несущественной информацией.

– ... выпустил им в бошки пару обойм, – сказал один из них.

Раздался смех, а потом другой добавил:

– Или в задницы. Гордиться нечем.

Вот вам метафорический визг шин, когда они застыли на месте, смотря на нее. Слава Богу, она сидела. А стол служил своеобразным барьером между ней и воинами.

– Привет, – сказал один из них, с акцентом Бена Аффлекса. – Твоя первая ночь, да?

Когда она закивала, сквозь дверь влетел ее отец.

– Я здесь, здесь я! – Отец продрался сквозь группу. – Пэрадайз, как ты?

Когда он подошел к ней, она встала и крепко его обняла. Она справится. Она сто процентов справится с этим.

Конечно.

Правда-правда.

Боже, в этом доме столько мужчин.

* * *

Двойня. У нее будет двойня.

Лежа на больничной койке, Лейла потирала живот свободной рукой, той, что не торчала из гипса над ее правым локтем. Боли после двух падений утихли, а перелом, о котором позаботился Мэнни, уже срастался. Гипс, нейлон или что там еще скоро срежут.

Двойня.

Хотя у нее в распоряжении был целый день, чтобы свыкнуться с новостями, она все еще пребывала в шоке... и от чего становилось хуже – они с Куином толком не поговорили об этом.

Или о том, что его так заинтересовало, когда он взял ее одежду.

Когда он вернулся с фланелевой сорочкой и ее любимым розовым халатом, она уже спала. Он любезно накрыл ее халатом и оставил одну.

Злился ли он на нее? Догадался, что она лгала о местоназначении ее автомобильных поездок?

Черт возьми, как бы выразились Братья...

Она вскинула голову, услышав стук в дверь.

– Да?

Словно прочитав ее мысли, Куин заглянув в ее комнату.

– Привет. Я просто хотел проверить тебя перед уходом. Как ты себя чувствуешь?

Лейла глубоко вздохнула, пытаясь сделать так, чтобы лицо не выдало ее.

– Хорошо. А ты как?

– Хорошо.

Длинная пауза. От которой сердце гулко забилося в груди.

– Спасибо за халат. – Она погладила ворсистую ткань. – Я очень ценю это. Я только проснулась, но сейчас надену его.

Спустя мгновение Куин полностью зашел в комнату, закрывая дверь. Его разноцветный взгляд прошелся по ее телу, и впервые он был отдаленным.

– Так, что ты думаешь? – спросил он. – Ну, о двойне.

– Отлично. То есть, я в шоке... – Она пожала плечами. – Но уже привыкаю. Я счастлива. Двойня, какое благословение. Так что да.

– Хорошо. Ага.

Молчание. В течение которого Куин заталкивал руки в карманы кожаных штанов, а она теребила полы проклятого халата.

А на коже под больничными простынями высыпал холодный пот.

– Есть что-нибудь, что ты должна мне рассказать? – спросил Куин.

В ушах так стучало, что она была уверена, что выкрикнула в ответ:

– О чем?

– Чем ты занималась прошлой ночью?

Лейла с усилием не отвела взгляд.

– Каталась.

– Почему на твоих одеждах была листва?

– Что, прости?

– Твоя одежда. Прошлая ночь. Когда я относил ее наверх, то они были в грязи и листве. Если ты прошла по внутреннему дворику и упала в вестибюле, то почему одежда в таком виде?

Она опустила глаза, даже понимая, что так выглядит виновной. С другой стороны, она *была* виновна.

– Лейла? – Он тихо выругался. – Слушай, ты взрослая женщина. Хотя ты носишь моих детей, я не имею никакого права знать, что происходит в твоей жизни помимо того, что связано с беременностью. Я просто хочу убедиться, что ты в безопасности. Ради твоего же блага. Ради малышей.

Черт.

Сейчас самое время, думала она. Время... пришло.

– Я чувствую себя в клетке, – услышала она себя.

Между Кором и Братством. Опасностью и безопасностью. Желанием и осуждением.

– Я так и подумал. – Куин кивнул. – Поездки. Ты часто уезжаешь.

– Я гуляю.

– Где?

– Снаружи. – Мысленно она рассматривала разные варианты исповеди, меняя существительные и глаголы, пытаясь найти способ описать свои действия так, чтобы он не сорвался на нее. – В... пригороде.

Пройдясь по комнате, Куин поправил и без того ровно висевшую рамку с изображением плакучей ивы.

– Так поступают, когда что-то тревожит. В мыслях.

Ты все верно уловил, подумала она.

Дражайшая Дева-Летописица, она хотела признаться ему. Сильно.... Но откровение встало поперек горла.

Она впервые начала злиться. На себя. На Кора. На эту проклятую ситуацию.

– Ты споткнулась и упала на прогулке? – спросил он.

– Да. – Лейла сделала глубокий вдох. – Я такая глупая. Запнулась о корень.

Очень близко к правде. Просто умолчала о самых примечательных подробностях.

Блин, это убивало ее.

– У большей части женщин... – Куин подошел к изголовью койки, уперся руками в бедра и опустил взгляд на ее ноги. – У большей части женщин есть партнеры, с которыми они могут пройти через это. Я хочу быть для тебя таким партнером. Блэй тоже. Мы не хотим тебя подвести.

Замечательно, сейчас она разревется из-за того, что он осмелился усомниться в том, что оказывает достаточную поддержку.

– Ты невероятный. Вы оба. Вы потрясающие. Просто... столько всего происходит.

По крайней мере, здесь она не лгала.

– А сейчас еще и двойня. – Куин покачал головой. – Двойня... ты можешь поверить в это?

– Нет. – Она потерла живот. – Не знаю, как они там поместятся. Я уже чувствую себя громадной, и как много месяцев еще осталось?

– Слушай, просто знай, что я рядом. Я всегда рядом, если что-то понадобится...

Когда в соседней комнате раздался визг сирены, они оба нахмурились и посмотрели в сторону звука.

– Это из палаты Лукаса? – спросила Лейла. – О, Боже, это..?

Крики в коридоре. Топот ног. Голос Джейн, раздающий приказы.

– Черт, я должен посмотреть, – сказал Куин, бросаясь к двери. – Я должен помочь...

Когда он кинулся к палате своего брата, Лейла села на койке. Встала на ноги. Восстановила равновесие.

Что бы ни происходило в соседней палате, это были плохие новости. И чтоб ей провалиться, если Куин столкнется с ними в одиночку.

Сидя на заднем сидении огромного Мерседеса, которым всегда управлял Фритц – равно как и сейчас – Селена улыбалась так широко, что онемели щеки и заняли челюсти.

Далеко впереди седана небоскребы Колдвелла сияли, словно мифические постовые какой-то выдуманной реальности, и она подалась вперед к лобовому стеклу, пытаясь разглядеть тот, в который они направлялись, самый высокий из гигантов, шпиль среди них.

– Мне не терпится увидеть город с высоты небоскреба. – Она повернулась к Трэзу. – Я в жутком восторге.

Когда он не ответил, а просто посмотрел на нее, она улыбнулась еще шире. Мужчина не сводил с нее взгляда с того момента, как она спустилась по лестнице. Его глаза блуждали по ее губам, груди, бедрам и икрам, потом поднимаясь вверх к волосам, лицу и горлу.

Его эрекция выпирала из черных брюк. И хотя Трэз пытался незаметно прикрываться пиджаком или рукой, она чувствовала его возбуждение так четко, будто он был голым.

Она наклонилась к нему ближе.

– Поцелуй меня?

– Я себе не доверяю.

– Звучит жутко. – Потянувшись, Селена прикусила мочку его уха. – Опасно...

Стон, прокатившийся по его груди, был самым эротичным звуком, который она когда-либо слышала.

– Может, нам стоит разобраться с этим? – Когда она положила руку на его член, Трэз подпрыгнул с проклятьем. – Понимать как «да»?

Он откинулся на спинку сидения, потираясь бедрами о ее руку, и Селена посмотрела в передний отсек автомобиля, который, учитывая размеры транспортного средства, располагался в другом квартале. Фритц не сводил взгляда с дороги, его старое, испещренное лицо было сосредоточено. Может, им удастся...

Не сводя с нее своих темных глаз, Трэз выбросил руку к двери. Мгновение спустя раздалось жужжание, и поднялась непроницаемая перегородка, отделяя их от доброго шофера.

– У нас мало времени, – сказала она, убирая его руку с дороги.

– Много и не понадобится.

Из нагрудного кармана он вытянул белый свернутый платок и быстро встряхнул, лишая преданной утюгом формы.

Она, тем временем, освободила его эрекцию.

Селена собиралась накрыть его ротом, но он сжал ее лицо между своими ладонями – голой и той, той была с тканью, и поцеловал ее, глубокого погружаясь в рот языком.

Он был жестким и горячим, бархатным, плотным, и Селена обхватила его рукой, сжимая. Чем больше она ласкала его, тем безумней становился поцелуй, пока в итоге его бедра не начали вздыматься навстречу ее руке, грудь не прижалась к ее, и она задышала также тяжело, как и он.

Кончив, он выкрикнул ее имя, накрывая себя платком... Селена так завелась, голова кружилась от ощущения его губ на своих, от движений собственной руки на его члене... что почувствовала влагу между бедер в ответ на свои действия... малую часть того, чего они хотели на самом деле.

Ее собственная разрядка стала сюрпризом, но она была рада ей, отдаваясь на волю волнам наслаждения, из-за которых бедра сжались сильнее, потираясь друг о друга. И она продолжала поглаживать его, то сжимая у головки, то опускаясь по всей длине.

Когда оргазм, наконец, утих, Трэз откинулся на сиденье. Его веки были сильно сжаты, рот

приоткрыт, а голова завалилась на бок, будто он совсем остался без сил.

– Это называется «быстрячком»? – прошептала она, прижимаясь своей грудью к его и целуя.

Не дав ему ответить, Селена скользнула язычком по его нижней губе, втягивая плоть.

Отстранившись, она спросила:

– М-м? Так что?

– Женщина, поосторожней. Я запросто могу вытрахать тебя из этого платья.

– Это будет плохо?

– Если другие мужчины увидят тебя обнаженной, то да. – Улыбнувшись, Трэз прошелся клыком по ее нижней губе. – Я жуткий собственник.

– Ты также все еще тверд, не так ли?

Резко схватив ее затылок, он притянул Селену для захватывающего поцелуя. Хотя первую часть контролировала она, сейчас он взял все в свои руки, доминируя над ее телом, скользнув рукой между ее колен и выше, выше, выше к ее...

Она кончила от его пальцев, когда они погрузились глубоко в ее лоно, которое содрогнулось серией оргазмов.

– Вот так, моя королева, – услышала она его слова словно издалека. – Кончи для меня...

Сложно было сказать, сколько раз он довел ее до пика своими талантливymi пальцами, но в конце она заметила, как машина сделала широкий поворот, который сдвинул ее с места. Фокусируя глаза на затемненном окне, она увидела, что они съезжали с шоссе, собираясь войти в сеть запутанных асфальтированных артерий, ведущих к бесчисленному скоплению небоскребов.

– Я размазал твою помаду, – сказал Трэз довольно, вытирая себя. – У тебя есть с собой тубик?

Сейчас она судорожно соображала, о чем шла речь.

– погоди, сейчас посмотрю. – Селена запустила руку в тонкую черную сумочку, которую ей дала Марисса. – да, они все положили.

Словно женщины знали, какие именно проблемы у нее возникнут, и положили в сумочку пачку бумажных платочков, карандаш для губ, которой они научили ее пользоваться, и сногсшибательную красную помаду, которой ее накрасили.

– Здесь есть зеркало. – Протянув длинную руку, Трэз выдернул что-то из потолка. – С подсветкой.

Посмотрев в зеркало, Селена рассмеялась.

– Да, ты съел ее подчистую.

Платок разобрался с пятнами, а потом перед ней встала задача аккуратно подвести губы... пока машина ехала по преимущественно – но не абсолютно – ровной дороге.

– Блин, – воскликнула она, потянувшись за платочком, когда нарисовала себе красную полосу от губы до носа.

– Давай я попробую...

Трэз взял ее руку и опустил. Когда она посмотрела на него, его глаза, эти разбивающие сердце, черные глаза, казалось, впитывали каждую ее черточку.

– Тебе это ни к чему, – сказал он. – Без помады лучше.

Селена робко улыбнулась.

– Правда?

– Да. – Он прошелся взглядом по ее телу. Потом вернулся к лицу. – Так – чудесно. Ты выглядишь потрясающе. Этой ночью ты самая красивая женщина во всем Колдвелле, и когда мы приедем в ресторан, официанты пороняют свои подносы. Но, знаешь, в каком наряде ты мне нравишься больше всего?

Когда он помедлил, Селена сглотнула слюну.

– В каком? – прошептала она.

– Твой самый лучший наряд, моя королева, – в чем мать родила. И, по-моему мнению, совершенство не сделает лучше ни человек, ни бог. – Наклоняясь, Трэз поцеловал ее нежно. – Подумал, что ты захочешь знать, о чем думает твой мужчина, смотря на тебя.

Селена расплылась в улыбке, особенно когда осознала, что порой «Я тебя люблю» можно сказать совсем другими словами.

– Видишь? – тихо сказала она. – Я же говорила, что это будет лучшая ночь в моей жизни.

* * *

Сидя на пассажирском сидении автомобиля скорой помощи Мэнни, Рейдж уплетал доритос из пачки... будучи категорически несогласным с врачом:

– Нет, я «Кул Ранч» не жалую. Признаю только «Ориджиналс»^[69].

– Ты многое упускаешь. – Мэнни включил поворотник при съезде с шоссе. – Не верю, что из всех именно ты настолько консервативен, когда дело касается закусок.

– Я о том и говорю. Зачем улучшать дар Божий?

Наклонив пакет, он заглянул внутрь и тут же захотел выругаться. Он уже заканчивал большую пачку, остались только сломанные чипсы и мелкая оранжевая пыль. Безусловно, он съест все до крошки и вытряхнет остатки в открытую пасть. Но это – уже не самая веселая часть с выживанием остатков пальцами.

Чавкая, он сосредоточился на заднице машины Фритца, которой впору принадлежать диктатору страны третьего мира. Этот Мерседес был таким большим, таким черным и настолько глухо затонированным, что во время езды привлекал внимание, а не наоборот. И чтобы поржать, Рейдж представил, чтобы подумали люди, узнай они, что на заднем сидении едут вампиры.

И что за рулем Мерседеса многовековой дворецкий, любитель погонять так, что даже Джеф Гордон^[70] помрет от зависти.

– Мы свернем здесь? – спросил Рейдж, когда они подъехали к перекрестку.

– Это односторонняя.

– Так я и говорю, свернем?

Мэнни перевел на него взгляд.

– Нет, если не хотим, чтобы нас арестовали.

– Мы же в скорой помощи.

– Да, а они – нет.

А, ну да. Вот скука.

– Знаешь, у меня руки чешутся, как хочется включить мигалки.

Но как только он сказал это, его грудная клетка сжалась вокруг легких, и пришлось опустить окно, чтобы вдохнуть немного воздуха.

– Ты что, только что уделал мою дверь в начос?

– Не-а. – Рейдж локтем стер оранжевое пятно.

Они держались вплотную к бамперу Фритца, как марка – к конверту, поворачивая налево, уезжая от реки прямо в сердце финансового квартала. Никаких вам грязных переулков. Дампстеров. Слякоти, даже в мокрые месяцы. И вони от гниющих отходов дешевых забегаловок.

Это был модный район города, где люди носили костюмы, суетились, бежали как скот по закону к своей Срочной, Важной Работе.

Небоскреб, в котором располагался ресторан, был сдан всего пару лет назад, застройщики

разрекламировали огромный столб как самое высокое здание в Колдвелле. Забитое головными офисами крупных контор, Рейджу оно напоминало каталожный шкаф для людей, в котором у каждого было свое место.

Скука смертная.

– Ты в порядке?

Рейдж перевел взгляд на дока.

– А?

– Что не так?

– Ничего.

– Тогда почему перестал есть? Пакет же не пустой.

Рейдж опустил взгляд. Да, остатки лежали на месте... и у него не было желания доедать. – Эммм...

– Следишь за весом?

– Ага. Так и есть.

Он смял пачку, оставляя оранжевые отпечатки на этикетке и рекламе, пятна, казалось, выступили в виде синяков от грубого обращения.

А он оказался с оранжевыми руками.

– Блин. Мне нечем вытереть это.

– Шутишь? – Мэнни бросил в него бинт. – Мы можем до блеска отчистить полгорода теми припасами, что есть в машине.

Рейдж раскрутил бинт и вытерся, потом бросил все в мусорную корзину, прикрученную к полу между сидениями.

Мэнни замедлился, когда они подъехали к стеклянному зданию, а потом припарковался на противоположной стороне улицы, тогда как Фритц встал у блестящего входа, задние фары Мерседеса вспыхнули красным цветом.

Мгновение спустя Трэз выбрался на тротуар и обошел седан. Холодный ветер налетел на его пиджак, показывая парные сороковые в кобуре подмышками, прежде, чем он успел застегнуть пуговицы.

Он галантно открыл дверь для своей женщины, и показалась Селена, ее невероятные волосы развивались на ветру, словно темное знамя.

– Они хорошо смотрятся, – тихо сказал Манелло.

– Она даже не кажется больной.

– Я знаю.

Трэз положил ее руку под свою и повел вверх по гранитным ступенькам, и, когда другая пара вышла из вращавшихся дверей, оба человека застыли как вкопанные.

– Мэнни.

– Что?

– Чувак, ты должен что-то сделать. Ты должен как-то вытащить их обоих.

Мэнни надавил на газ, форсированный движок скорой взревел, уводя их вперед, дабы подъехать к зданию с черного входа.

– Ты меня слышишь? – настаивал Рейдж.

– Да, слышу. – Мэнни сделал глубокий вдох. – Знаешь, что в медицине самое сложное?

– Биохимия.

– Нет.

– Человеческая анатомия. Потому что гадость полная.

Поворотник издавал тикающий звук, когда Мэнни заявил миру, ну или, по крайней мере, этой улице, что они собираются сделать очередной левый поворот вокруг основания небоскреба.

– Что бывают ситуации, когда ты бессилен.

Рейдж потер глаза. Кое-что всплыло из подсознания, что-то, чего он видеть не хотел.

– Рейдж?

– А?

– Кряхтишь забавно.

Подъехав к дверям для служебного транспорта, Мэнни сделал разворот в три приема в стиле водителя-перфекциониста, чтобы в случае необходимости подкатить к зданию задом. Заглушив двигатель, он повернулся на сидении.

– Уверен, что все нормально?

– А? Ага. Да.

– Выглядишь ненормально. И посмотри на мою одежду. Медицинская форма. Ты знаешь, что это значит.

– Что тебе нравится носить пижаму круглые сутки?

– Что я врач, и что я знаю, о чем говорю.

– Громила, не будь таким параноиком.

Повисло молчание, короткое или не очень. Потом Мэнни сказал:

– Я сделаю все, что в моих силах, чтобы она осталась с ним. Все.

Сейчас именно Рейдж повернулся на сидении.

– Док, именно это мне и нужно было услышать.

– Просто, Голливуд, не верь в чудеса. Это очень опасная ставка.

– Для меня и Мэри случилось чудо. Чудеса случаются, когда в них нуждаются.

Мэнни уставился в лобовое стекло... и, казалось, не видел темной улицы впереди.

– Я не Бог. Док Джейн тоже.

Рейдж устроился на своем месте.

– Тебе просто нужна надежда. Им нужна надежда.

Когда дверь камеры выдвинулась из стены, айЭм обернулся. Но это был не с'Экс. И не очередная койка. Или книги, которые он не прочитает, одеяла и подушки, которыми не воспользуется.

Та служанка с очередной трапезой.

– О, да хватит уже! – выплюнул он, вскидывая руки. – Где, черт подери, с'Экс!

Женщина ничего не сказала; просто шагнула вперед со своим подносом, когда дверь вернулась на место, запирая их внутри.

Когда она опустилась на колени, ему хотелось закричать. Он не стал сдерживаться.

– Я не стану это жрать! Господи Иисусе, да что с вами не так!

Единственное, что мешало ему подойти к ней, схватить поднос с гребаной едой и швырнуть его в другой конец комнаты – тот факт, что *майкен* тут не причем. с'Экс надул его, и в этом нет ее вины, терроризируя бедную служанку, он нисколько не приблизится к свободе и Трэзу.

Она была невинной прохожей, которую, как и его самого, затянуло в это дерьмо.

Шумно выдохнув, айЭм опустил голову. Ушло несколько секунд, чтобы вернуть себе подобие самоконтроля.

– Прости.

От его слов она вскинула голову, и на мгновение, особенно почувствовав ее запах, айЭм пожалел, что не может видеть ее глаз.

Какой они формы? Какие у нее ресницы? Радужные оболочки такие же темные, как у него...?

О чем, черт возьми, он думает?

Отрываясь от нее взгляд, он начал расхаживать по камере.

– Я должен выбраться отсюда. Время на исходе.

Когда она вопросительно склонила голову набок, он подумал... нет. Он не станет вдаваться в подробности.

Он кивнул на поднос.

– Если хочешь, оставь еду. Я спущу ее в унитаз, тогда тебя не накажут за то, что не накормила меня.

И тогда она заговорила:

– Она не отравлена.

По неясной причине эти три обычных слова заставили его замереть на месте. Ее голос был ниже, чем он ожидал; рабскому положению больше шли высокие, очень женственные тона. И была в ее голосе хрипая нотка... которая наводила на мысли о сексе.

Животном сексе. После которого женщина хрипнет, выкрикивая имя любовника.

айЭм моргнул.

Внезапно он ощутил потребность прикрыть свое голое тело. Глупости, не так ли?

Он изначально знал, что она женщина, и он и раньше был перед ней без одежды.

Подаваясь импульсу, айЭм зашел за ширму к стопке полотенец, сложенных у встроенной раковины. Обернув одно вокруг бедер, он захотел извиниться за выставленный напоказ член.

Когда он вернулся, она снова пробовала суп и хлеб.

– Можешь прекратить, – сказал он. – Я не буду есть.

– Почему?

Опять этот голос. Всего с одним словом.

– Мне нужно выбраться отсюда, – пробормотал он. По стольким причинам. – Я должен

отсюда выбраться.

– Вас кто-то ждет?

Он подумал о Трезе и Селене.

– Только смерть. Знаешь, ничего особенного, ничего нового.

– Прошу прощения?

– Слушай, я должен поговорить с с'Эксом. Вот, что мне нужно. Ты передала ему?

Хотя, у нее нет никакого влияния.

– Кто умирает?

– Ничто. Никто...

– Кто умирает? Не твой брат?

– Слушай, мне нужно, чтобы ты ушла. И возвращайся только с с'Эксом.

– Кто?

Иииии он снова застыл. Служанкам противоестественна властность, но *майкен* звучала именно властно. С другой стороны, его эмоции скакали как на батуте, он мог ошибаться относительно всего... и прийти к неверному заключению.

– Я вернулся сюда за помощью, ясно? – Он вскинул руки. – с'Экс сказал мне, что проведет во дворец, чтобы я смог просмотреть записи врачей.

– Для кого?

– Для женщины моего брата.

Служанка резко вскинула голову.

– Но разве он не обручен с нашей Принцессой? Я слышала, что он – Нареченный.

– Он влюбился. – айЭм пожал плечами. – Такое случается. Как я слышал.

– И это она умирает?

– Ей сейчас плохо.

Он снова принялся расхаживать, чувствуя, как глаза под сеткой следят за ним.

– Поэтому мне нужно выбраться. Моему брату нужна помощь.

– У него траур. У палача.

айЭм перевел взгляд, а потом снова закружил по камере.

– Да. Я знаю, но у него было достаточно свободы передвижения, чтобы встретить меня снаружи. А сейчас путь сократился, раз я уже во дворце.

– Но в этом и проблема. Он ушел и никто не знает, где он. Дворец желал, чтобы он учувствовал. Дворец... настаивал, чтобы он сопровождал Королеву. Сейчас он с ней.

Везет как уопленнику.

– Но во время ритуалов бывают перерывы? Ты можешь поймать его в это время?

– Ну... может, я могу отвести тебя к записям?

айЭм медленно повернул голову.

– Что ты сказала?

* * *

Самый. Долгий. Подъем. На. Лифте. В. Жизни.

Стоя рядом с Селеной в стеклянной камере пыток, он уперся взглядом в закрытые двери... молясь, чтобы искажатель времени Доктора Кто^[71] позволил ему выйти из чертовой будки сию же секунду.

Взгляд не отрывался от горящего ряда цифр над хромированными дверями, и его тошнило.

0... 44,45,46,47,48,49,50.

«44» уже загорался, потому что они вступили в высокоскоростную, печень-в-носах фазу веселой поездки.

– Ой, ты должен посмотреть сюда, – сказала Селена, оборачиваясь к полному обзору водоворота. – Эта так классно!

Быстрый взгляд через плечо, и его чуть не вырвало. Его прекрасная королева не просто подошла к стеклу, она прислонилась к нему ладонями, всем телом подаваясь навстречу обзору, набиравшему высоту.

Трэз отвернулся.

– Почти приехали. Мы почти наверху.

– Мы можем спуститься и снова подняться? Интересно, на что похож спуск!

Наверное, им стоило вернуться в вестибюль. Он был уверен, что оставил там свое мужество и мужское достоинство, когда начал этот полет на ракете.

– Трэз! – Его дергали за предплечье. – Посмотри на это!

– О, жутко красиво. Ага. Абсолютно.

Они никогда не доберутся до четыреста сорок четвертого этажа. Не говоря уже о стопятистотом, на котором располагался проклятый ресторан.

Макдональдс, подумал он. И чего они не поехали к Майки-Ди. Или в «Пицца Хат». «Тако хэлл»....

Бииип!

Услышав звук, он приготовился к сцене из «Крепкого орешка»^[72], где какой-нибудь великий злодей в пресловутом английском костюме взрывает крышу.

Не-а. Бип! Сорок-пятый. Бип! Сорок-шестой.

И очередные хорошие новости – полет в небеса замедлялся.

– Трэз?

– М-м?

– Что-то не так?

– Просто перенервничал из-за ужина. О, Боже, мне не терпится уже добраться туда.

Она взяла его под руку и устроила свою голову на его трицепсе.

– Ты знаешь, как обращаться с женщиной.

Вот уж точно. Например, он точно знал, что его сочтут весьма неромантичным, если он свернется калачиком и засунет палец в рот, лишь потому, что теряет яйца, когда дело касается высоты.

Бип! И двери открылись.

Слава тебе, милостивый Боже, выражаясь словами Бутча.

А сейчас, сказал он себе, собери мозги в кучу, тряпка, и сосредоточься на своей женщине.

Сверкнув своей женщине улыбкой «Кэри Грант + клыки», он вывел Селену из ловушки в черный мраморный вестибюль, который на мгновение вернул его в его кошмар о с'Хисбэ: столько блестящего черного мрамора на стенах, полах и потолке, лампы располагались слишком высоко... и больше ничего.

– Трэз?

Встряхнувшись, он улыбнулся ей.

– Готова?

– О, да.

Скромная вывеска черным-по-черному со стрелкой указывала направление к ресторану, но его острые чувства слуха и обоняния уже сообщили информацию, спасибо-да-не-за-что. И когда они двинулись вперед, к ним устремились двое людей, высокие каблуки женщины с каждым цокотом словно выплевывали слово на букву «Б».

– ...нет брони? – шипела она. – Как ты мог не забронировать нам столик?!

Мужчина, шедший рядом с ней, смотрел прямо перед собой. Так смотришь, когда застреваешь в автобусе с трехлетним ребенком под носом.

– В уме не укладывается, что ты не зарезервировал стол. И мы вынуждены уйти ни с чем, на глазах у всех...

Пока она продолжала маршировать в такт своей пластинке, мужчина не сводил взгляда с Селены... и бедный ублюдок отшатнулся так, словно перед ним возник ангел во плоти.

Когда Трэз указал связанному мужчине внутри себя, что грамотный антре^[73] не включает Филе Ублюдка, то осознал, что сам забыл позвонить заранее и забронировать стол на двоих. *Дерьмо*. Он напрочь забыл попросить Фритца сделать долбаный звонок. Мысленный контроль работал на людях, в том числе заносчивом мэтр-д-отеле, но не решал проблемы пустых мест.

Ээх...

– Знаешь, я слышал, что еда здесь не так хороша, – сказал он ошеломленно.

– Ничего страшного. Я здесь на самом деле из-за вида.

Вход в «Вокруг Света» не был отмечен вывесками, но если тебе нужны оные, то тебе здесь не место. Там было всего две затемненных стеклянных двери, шириной и высотой с одноэтажный дом.

Подпрыгнув к черным ручкам, он открыл одну створку для Селены.

Полный мрак.

Первое впечатлений о месте: все блестящее и черное, от столиков до геометрических стульев и квадратных подпор, державших потолок над головами. Ни вам цветов. Ни свечей. Ничего аляповатого. А темная ночь за массивом окон? Тоже черная, словно не было никакой границы между небом и интерьером ресторана.

Единственный отпечаток вычурности? Изогнутые светодиодные лампы, висевшие на далеком потолке на черные проводах, их подмигивающая иллюминация отражалась от блестящих поверхностей.

О, и еще в углу пела сопрано, ее сладкий голосок звенел в помещении.

– Я никогда не видела ничего подобного, – прошептала Селена. – Здесь словно звезды повсюду.

Он оглянулся по сторонам.

– Действительно.

Ладно, где парень в костюме пингвина, который посылал лесом толстосумов? Здесь не было стойки мэтр-д-отеля. Просто тридцатифутовая дорожка, ведущая к первому ряду столов в минималистическом стиле.

– Они смотрят на нас.

Услышав шепот, он нахмурился, сосредотачиваясь на посетителях. Ну, вау. Все люди до одного, сидевшие за столами, казалось, перестали есть и смотрели в их направлении...

Из ниоткуда к ним подбежала женщина. Как и весь декор, она была в черном, и даже ее волосы – копна прямых как палка, черных и блестящих волос.

– Как вы? – спросила она, широко улыбаясь. – Добро пожаловать в «Вокруг света».

Самоуничтожение начнется через три... два...

– Да, я забыл позвонить заранее...

– О, Мистер Латимер, но вы позвонили. Ваш представитель, Мистер Перлмуттер сообщил нам, что вы почтите нас своим присутствием. Мы так рады предоставить вам столик у окна.

Балиииин.

Спасибо тебе, Фритц, дворецкий-спасательный-круг... до которого, очевидно, дошли слухи.

Когда его королева просияла, женщина указала им рукой вглубь открытого пространства...

и пока они следовали за ней, Трэз осознал, что они ступили на огромное, медленно вращавшееся пространство: целый ресторан оборачивался вокруг оси, которой являлась шахта лифта, также там, наверное, располагалась кухня.

Они прошли к самому краю. К столику для двоих, который располагался прямо у стекла.

Под которым растянулся весь Колдвелл, в четырех тысячах футов над землей.

Пора бы сесть, подумал он, молясь, чтобы его внезапный приступ нервозности не свалил его с ног прежде, чем он обеспечит свою королеву ужином.

Помогая Селене сесть, он опустил глаза и не поднимал их, пока шел к своему месту и усаживался на каменный стул.

Мэтр-д-отель направила бледную ручку в сторону проклятых окон.

– Это послужит приправой к вашим блюдам.

Нет, это будет тошнيلовкой, милочка.

Она повернулась к остальной зоне ресторана.

– Внутреннее убранство – ночь по замыслу, идеальный фон для угощений, которые для вас приготовит наш шеф-повар.

Когда их оставили наедине, Селена пересела ближе к окнам.

– Это... невероятно. Огни домов. Словно падающие звезды.

Трэз вытер вспотевшие руки салфеткой. Собравшись с духом, он перевел взгляд и... ну, да, все так плохо, как он и думал. При взгляде в кристально-чистое окно казалось, что ничто не отделяло их от смертельного падения, а отсутствие ограждений превращало даже мимолетный взгляд в ужасающий толчок в бездну.

Время вытереть пот со лба.

– Трэз? – Селена посмотрела на него. – Ты в порядке?

Собравшись с духом, он потянулся и взял ее руку.

– Я уже говорил, насколько они прекрасны? – прошептал он.

Ее улыбка была ослепительной.

– Да, но я никогда не устану это слышать.

– Такие красивые. – Он расправил ее ладонь на своей. Потом наклонился и поцеловал ее кожу. – Длинные, прекрасные. И сильные.

Когда он, наконец, поднял взгляд, посмотрев в ее глаза, стало легче. Спустя один удар сердца, он уже не волновался из-за высоты, не думал об окружающих и плевать хотел на мерцающие огни, еле заметно двигавшиеся вокруг них.

С ее рукой в своей и прекрасным лицом перед ним, он унесся далеко от всего этого.

– Я люблю тебя, – сказал он, потирая подушечкой пальца внутреннюю сторону ее запястья. – Никто не мог сделать со мной такого.

– Сделать чего?

– Заставить позабыть все страхи.

Она вспыхнула.

– Я не хотела говорить об этом, но почему ты не сказал, что не любишь высоту? Я думала, в лифте ты выпрыгнешь из кожи. Мы могли поехать куда-нибудь еще.

– Ты хотела побывать здесь. И словно бы я не вытерпел все ради тебя.

– Я хочу, чтобы мы оба насладились этой ночью.

Он опустил веки.

– Мне было клево в машине. И я уже предвкушаю дорогу домой.

Когда вспыхнул аромат ее возбуждения, она издала звук, похожий на мурлыканье.

Позднее, на много позднее, он будет вспоминать это мгновение между ними... Казалось, оно будет длиться вечно, растягиваясь в божественную бесконечность. Он будет помнить в

подробностях все, от сияния ее глаз до блеска ее волос, от того, как она улыбалась ему, до румянца на ее щечках.

Воспоминания особенно дороги, когда они – единственное, что остается вам от любимых.

– Что происходит?! Что это... что означает эта тревога?

Лейла следовала за Куином, когда он влетел в палату своего брата и начал задавать вопросы. Выглянув из-за его плеча, она увидела Дока Джейн возле койки. Лукас лежал на спине в больничной сорочке, сорванной с груди до талии. Покрывала были стянуты с его распластавшегося тела, подушки раскиданы по полу.

К койке подкатили какое-то медицинское оборудование, Елена что-то включала на компьютере, в то время как Док Джейн схватила две ручки, соединенные вьющимся проводом.

– Разряд! – крикнула она, а потом приложила металлические пластины прямо к груди Лукаса.

Раздалось шипение электричества, а потом тело на кровати подпрыгнуло от миниатюрного взрыва.

Сирена все еще визжала равномерным механическим криком.

– Лукас! – закричал Куин. – Лукас!

Что-то подсказало Лейле оттащить его, и она обернула руки вокруг его широкого торса, прижимаясь к нему животом.

– Стой здесь, – сказала она сорвавшимся голосом. – Позволь им сделать...

– Разряд! – рявкнула Док Джейн.

Кровать затряслась, когда торс Лукаса снова подскочил под напряжением и рухнул на матрас. Сердце Лейлы гулко забилося. Она не могла поверить, что снова это видит. Вчера была Селена, сейчас...

Бип. Бип. Бип...

– Есть пульс. – Док Джейн освободила руки от пластин, кинув их на устройство. – Нужно, чтобы ты...

Элена отвечала на приказы так же быстро, как терапевт раздавала их, предоставляя наполненные лекарством шприцы один за другим, потом надела кислородную маску на лицо Лукаса и принесла другое оборудование.

Через десять минут – или прошло десять часов? – к ним подошла Док Джейн. – Мне нужно поговорить с тобой, – сказала она, кивая в сторону коридора. – Снаружи, пожалуйста.

Когда они вышли в коридор, Док Джейн поспешила захлопнуть дверь, которая и так уже пыталась закрыться без чужой помощи.

– Куин, у меня нет времени на сладкие речи. Я едва успела стабилизировать его давление и сердечный ритм, и это не надолго. Если он выживет, я должна ампутировать нижнюю часть ноги, причем сейчас. Инфекция убивает его, она – источник проблем. Черт, ампутация может и не спасти ситуацию. Но если ты хочешь дать ему шанс, то иного я предложить не могу.

Куин не моргал. Не ругался. Не спорил.

– Хорошо. Отрежь ее.

Лейла закрыла глаза, положив руку на горло.

– Хорошо. Я хочу, чтобы вы остались здесь. Вам незачем это видеть. – Когда Куин открыл рот, доктор прервала его. – Нет. Без вариантов. Если дойдет до этого, то я дам вам попрощаться. Оставайтесь здесь.

В этот раз дверь закрылась без чужой помощи.

Резко закрыв глаза, Лейла не могла представить, что они делали по другую сторону панели. Но у них было полно хирургических инструментов... будто Док Джейн была готова к этому.

И, судя по быстрому ответу Куина, он тоже.

– Он меня убьет, – сказал Куин хрипло. – Если выживет.

– У тебя не было выбора.

– Я мог дать ему умереть.

– Твоя совесть позволила бы это?

– Нет.

– Значит, не было выбора. – Она накрыла лицо руками, пытаясь выкинуть образ Лукаса на кровати из своей головы. – Боже, как дошло до этого?

– Наверное, мне стоило сказать ей, чтобы она прекратила это.

– И что тогда?

– Не знаю. Не знаю, черт подери.

Они простояли в коридоре целую вечность, и Лейла пыталась не прислушиваться к звукам, доносившимся с другой стороны двери, особенно когда раздалось еле слышное жужжание, напоминавшее шум миниатюрной пилы. В то время как она оставалась неподвижной, Куин ходил туда-сюда с опущенной головой, не отрывая глаз от своих ботинок, упершись руками в бедра. Спустя какое-то время он остановился и посмотрел на нее.

– Спасибо. Ну, за то, что не оставила меня одного.

Подойдя к нему, она широко раскрыла руки, и он вошел в ее объятия, прижимаясь к ней, положил голову ей на плечи. И они ждали вместе, потому что обнимать его – единственное, что она могла сделать.

Но этого казалось недостаточно.

* * *

Примерно в десяти кварталах и пятидесяти этажах от «Вокруг света», Кор прилип к мокрой кирпичной стене.

Лессер, за которым они с Бальтазаром следили, был позади и слева от них, ветер доносил вонь его тела вместе с душком строительного песка и сажки.

Тело чесалось кинуться в бой, все, что произошло с Лейлой прошлой ночью, подстегивало его внутренних демонов, и он вел себя настолько мерзко, что все его солдаты оставили его одного в подземелье в дневные часы.

Лучше рискнуть с солнцем, чем иметь дело с его настроением.

По крайней мере, впереди его ждет убийство.

По его сигналу Бальтазар перенесся над влажным асфальтом, присоединяясь к теням у здания напротив. Ночь над головой была чистой, но лунный свет был сомнительным осложнением. В центре Колдвелла было недостаточно освещения, чтобы он мог почитать романы в узком переулке.

Если предположить, что он магическим образом стал грамотным.

Оставаться в тени – не часть вампирского мира, но весьма предусмотрительная реальность для них.

Отточенным движением он вытащил косу из ножен, освобождая оружие из ремней на спине. Бальтазар, с другой стороны, предпочитал более удобный набор из двух кинжалов, бледные лезвия которых блеснули, когда он присел.

К ним приближались шаги. Быстрые, множественные, но не бегущие.

Двое человеческих мужчин, руки в карманах, быстро шли по переулку. Проходя мимо, они не обратили на них внимания, тем самым, возможно, сохранив свои жизни.

А потом настало время ожидания. Раздался звук шагов, в этот раз намного более

медленных. Под аккомпанемент вони немертвого.

Когда лессер показался на виду, завернув за угол и выходя прямо к ним, он тоже не обратил на них внимания. У него были полные руки бабла, которым он был поглощен, подсчитывая и пересчитывая его на ходу.

Кор вышел позади него.

– Ну, много насосал сегодня?

Лессер развернулся, запихивая деньги в карманы мешковатой куртки. Прежде чем существо успело ответить, Бальтазар выпрыгнул из своей засады высоко в воздух, приземляясь с вскинутыми кинжалами. Убийца закричал, когда клинки вошли в его плечо и горло, доказывая, что бездушные и бессердечные ублюдки все же имели нервную систему, которая прекрасно регистрировала боль.

И тогда полетели пули.

Кор обернулся, готовый размахивать любимой косой сразу, как Бальтазар откатиться прочь, и тогда вышеуказанный шум выстрела устремился в его сторону. За ним следующий.

А потом целый шквал.

Пули вылетали слишком быстро даже для пистолетов.

Первая попала в плечо. Вторая – в бедро. Третья зацепила ухо, оставляя жжение, которое он чувствовал так, словно на его ухе был красный мигающий автомобильный сигнал.

В Бальтазара тоже попали.

Выбора не было, только бежать и молиться. Это были люди? Маловероятно, но все же вероятно. Это не могли быть убийцы; они всегда были скудно вооружены, самое тяжелое, что они приносили с собой в переулки, девятимиллиметровые, и то в редких случаях.

Быстрый рывок вправо, и они с Бальтазаром оказались в узком проулке, временно скрывшись из виду. Это скоро изменится, когда стрелок или стрелки завернут за угол.

– Слева! – рявкнул Бальтазар.

И да, была еще одна возможность скрыться в лабиринте улиц, и они бросились к следующему переулку, по иронии пробежав мимо людей, которые ранее прошли мимо них. Парочка тоже шла максимально быстро, очевидно, услышав перестрелку. Но их скорость была намного медленней.

Поэтому когда стрелки завернули за угол, у них появился живой щит.

Крики, низкие и наполненные ужасом, взорвались, когда следующая очередь пуль настигла их, и люди приняли на себя удар.

– Слева! – крикнул Кор, поворачивая.

Его бедро немело, но он не тратил время на оценку нанесенного ущерба. Позже, если они выживут.

Еще одна пуля просвистела прямо у его уха, достаточно громко, перекрывая его шумное дыхание и грохот ботинок по асфальту.

Бальтазар был рядом с ним, огромное тело неслось на бешеной скорости.

Следующие пули отскочили от Дампстера, мимо которого они пробежали. От кирпичной стены. Асфальта. Время от времени наступали паузы, словно оружие или оружия перезаряжали... а может, там работали в паре, один подавал заряды, а второй стрелял.

Вперед. Все, что им оставалось.

Ни один из переулков, по которым они двигались, не предлагал мест для укрытия, на самом деле, здесь совсем не было дверей.

Задача простая – убежать от пуль, которые в них выпустят стрелки. Если, конечно, его и его бойца не нагонят раньше.

Когда раздалась следующая очередь, он, не оглядываясь через плечо, осознал, что это враг, а

не человеческая погоня.

Только убийцы могли бежать так быстро... и, очевидно, у них было достаточно энергии для этого.

Вполне вероятно, отметил он про себя, что они с солдатом могли оказаться в беде.

– О чеке уже позаботились.

Трэз застыл, доставая кошелек.

– Прощу прощения?

– О чеке позаботились. – Официант улыбнулся, клянясь. – Было приятно обслуживать вас.

Иисусе, если бы он не знал, что парень – человек, то решил бы, что кто-то из персонала Фритца приехал сюда вслед за ними. Обслуживание было просто феноменальным на протяжении всей ночи.

– Когда будет время, насладитесь вашим капучино.

Трэз перевел взгляд на Селену. Она снова не отрывала глаз от вида, но без улыбки на лице. Ее идеальный профиль был высечен мрачными линиями.

Он положил ее руку в свою, страх кольнул его в грудь.

– Ты в порядке?

Он незаметно скользнул рукой в пальто, обхватывая мобильный телефон.

– О, да. – Но она не посмотрела на него.

Тихие разговоры вокруг них приглушились, вышагивания официантов исчезли из периферийного зрения.

– Селена, что происходит?

– Я не хочу, чтобы это заканчивалось.

– Мы можем вернуться сюда.

– Да. – Она сжала его руку. – Конечно.

Когда ресторан продолжил крутиться-вертеться, фланг Коммодора снова показался на виду, высокое здание было испещрено крапинками зажженных огней тут и там... в том числе, в пентхаусе.

Рив, похоже, сегодня отдыхал.

Трэз опустил взгляд на чашку кофе, к которому так и не притронулся. От него поднимался пар с ароматом корицы, которую он никогда особо не любил. Он заказал его лишь потому, что его королева, казалось, не хотела уходить.

– Это так мило с их стороны, – пробормотала она. – Заплатить за ужин.

– Я разберусь с этим, когда вернемся домой.

– Ты должен позволить им эту щедрость.

Трэз окинул взглядом ее тело, то, что было видно ему, выискивая симптомы того, что у нее могли быть проблемы, которые потребуют молниеносного звонка вниз Мэнни и Рейджу.

– Селена?

Встряхнувшись, она посмотрела на него.

– Что?

– Хочешь заказать еще порцию десерта?

– Нет. – Она еще раз сжала его руку, прежде чем высвободить ее и свернуть свою салфетку. – Пойдем?

Он вскочил со своего стула, чтобы быстро помочь ей встать, четыре ножки скрипнули по блестящему полу.

– Вот, позволь мне...

Но его королева сама элегантно встала, ее тело пребывало в идеальном равновесии, двигалось с легкостью. По крайней мере, физически. Он чувствовал тяжесть ее настроения.

Выводя ее из ресторана, он ощущал, что они снова приковали взгляды посетителей, слышал

шепот комментариев, приглушенный бокалами вина и квадратными салфетками – народ пытался определить их место среди знаменитостей. Он с удовлетворением подумал, что зевакам это не удастся.

У больших стеклянных дверей он открыл одну из створок для нее, но, перешагивая порог, Селена помедлила, оглянувшись через его плечо, словно боясь, что забудет какие-то детали того, как место выглядело, чем пахло, какие раздавались звуки.

– Мы всегда сможем вернуться, – повторил он.

– О, да.

Она улыбнулась ему и прошла через минималистическое пространство до лифтов. Обогнав ее, он вызвал лифт, а потом встал рядом с Селеной, положив руку на ее поясницу.

– Куда хочешь отправиться сейчас? – спросил он.

– Сегодня ночью? Я устала...

– Нет. Завтра ночью.

Она перевела на него взгляд. – Я...

– Ну, давай. Дай мне следующие координаты, чтобы я смог все устроить для завтрашнего заката.

Двери лифта открылись, и, направив Селену внутрь, ... Трэз был так поглощен ею, что едва ли заметил ужасную стеклянную стену. Нажав кнопку «0», он погладил плечо Селены.

– Итак..? – Когда она не ответила, он наклонился и поцеловал ее в горло. – Это не последняя наша ночь.

– Откуда ты знаешь? – Она посмотрела ему в глаза. – Я не хочу портить вечер, но откуда тебе это известно?

– Потому что я не приму ничего другого.

Повернув к себе ее лицо, он намеренно прижался к ней бедрами и накрыл ее губы своими. – Если только я не достал тебя. Или не опустил в твоих глазах из-за боязни высоты.

Ее глаза казались невероятно голубыми и очень напуганными, когда она встретила его взгляд.

– Лодка.

Он ожидал чего-то другого.

– Что?

– Я, эм, я хочу прокатиться по реке на лодке.

– Быстро или медленно?

– И так, и так?

– Будет исполнено.

– Вот так просто? – прошептала она. – Ты сможешь все устроить?

Он прижался губами к ее уху и прошептал:

– Вернемся в мою комнату, и я покажу тебе все свои таланты?

Ее аромат изменился, и он потерся носом о ее кожу, целуя шею, прикусывая вену. Конечно, он играл нечестно. Он знал, что сбил ее с толку, этого и добивался. На самом деле, он не мог обещать ей следующую ночь или даже наступающий рассвет, но, как и вечные воспоминания, иллюзия о том, что у них в распоряжении все время мира, должна оставаться, какая бы судьба не ждала их впереди.

Целуя ее, обнимая ее, чувствуя ее тело напротив своего собственного, он незаметно достал телефон и спрятал за ее спиной. Быстро набрал сообщение Мэнни и Рейджу: Ед. дом, Спс.

Едем домой. Спасибо.

Лифт быстро достиг вестибюля, а поцелуи помогли и ему отвлечься от происходящего. А потом они вышли из здания в холодную, ветреную ночь. Фритц ждал их на другой стороне улицы

в Мерседесе, и, заметив их, dodжен сразу подогнал машину.

Он не ждал, пока дворецкий выйдет и откроет им двери.

Трэз хотел быть тем, кто откроет дверь для Селены.

Когда она скользнула в теплый салон, последнее, что, по его мнению, Селена услышит в его присутствии, привлекло его внимание:

Хлоп-хлоп-хлоп.

Выстрелы.

Дерьмо.

Трэз запрыгнул в седан вслед за ней, группируясь между сидениями.

– Вывози нас отсюда! Разворот, быстро!

Фритц отреагировал мгновенно. Рывком включив заднюю, он так сильно вдавил педаль газа, что Трэз чуть не прилип к заднему стеклу словно освежитель воздуха. Быстро сориентировавшись, он накрыл Селену своим телом... чтобы дотянуться до ремня безопасности. Перетянув через нее ленту, он успел попасть в гнездо, когда центробежная сила отбросила его в противоположный край заднего сидения, вышибая весь дух... на что он не обратил внимания. Упершись ногами в выступы над колесами и руками – в крышу и дверную раму, он удержался, чтобы не рухнуть на Селену, когда они закончили разворот, который увезет их в нужном направлении.

Против шерсти по односторонней, по которой они приехали.

– Что ж, погнали, – Фритц перекрикивал визг шин.

Рев двигателя Мерседеса, когда тот рванул вперед, напомнил Трэзу о взлете самолета. И когда его тело вжало в сиденье, он перевел взгляд на Селену.

Ее глаза были широко распахнуты.

– Что такое? Что стряслось?

Здания по обе стороны трехполосной дороги были из стали, стекла и бледного бетона, и они проносились все быстрее и быстрее. Посмотрев сквозь лобовое стекло, Трэз оценил дорогу впереди, радиаторные решетки припаркованных автомобилей смотрели на них как родители, с неодобрением.

– Ничего такого! – он перекричал шум. – Мне просто не терпится раздеть тебя...

Брови Селены взмыли еще выше.

– Трэз, я что-то слышала...

– ... настолько сильно я тебя хочу!

– ... похожее на выстрелы!

Они оба пытались перекричать рев двигателя, перекидываясь репликами, пока Фритц гнал, что было мочи, удирая от пуль.

А потом началось настоящее веселье.

Они проехали два квартала, когда начали показываться человеческие патрульные машины. И в отличие от Мерседеса? Сине-белые ехали по улице в верном направлении.

– Мне придется поехать по тротуару, – прокричал Фритц. – Немного потрясет...

Чокнутый на всю голову дворецкий вывернул руль влево, запрыгивая на бордюр, сбивая пожарный гидрант, который мгновенно взорвался струей воды позади них. А потом – хвала Господу! – Мерседес приземлился по-джентельменски, его превосходные амортизаторы определенно смягчили удар.

Вывернувшись, Трэз посмотрел в заднее стекло. Машины копов разворачивались, ломая строй, чтобы пуститься в погоню за ними, когда Фритц въехал в газетный стенд, посылая в полет красные, желтые и зеленые пластиковые коробки, хрупкие ящики разбивались о тротуар, листы бумаги вылетали на свободу, словно голуби из своих клеток.

Повернувшись к Селене, он собрался с мыслями, пытаясь найти слова и заверить ее...

С точностью наоборот.

Селена оживилась, охваченная восторгом, она широко улыбалась, сверкая клыками.

Хихикая, она цеплялась за дверную ручку.

– Быстрее! – кричала она Фритцу. – Гони еще!

– Как пожелаете, моя госпожа!

Новый рев огромного шедевра немецкой инженерной мысли под капотом послал их не просто вперед по тротуару, но к самому краю законов физики.

Селена перевела на него взгляд.

– Это лучшая ночь в моей жизни!

* * *

– Хорошо, нам пора.

Рейдж кивнул Мэнни.

– Интересно, что они ели на ужин. – Он снова посмотрел на телефон, жалея, что на самом деле не сходил в стейк-хаус. Он сморозил эту чушь, чтобы успокоить Трэза. – Он ничего не написал о закуске или десерте. Да ладно, он мог бы дать нам пару деталей. Настроил всего десять букв.

– На самом деле их было восемь.

– Я так и сказал.

Доритос закончились еще час назад. С другой стороны, он мог сказать то же самое о трапезе из трех блюд.

Мэнни включил передачу и привел скорую в движение, фургон покатился по выбоинам, потом начал набирать скорость.

– Мне лучше поторопиться. Фритц у нас любит погонять.

– Наверное они взяли ростбиф? Я в журнале видел, как его тут готовят...

Бамс!

Они только выехали на четырехполосное пересечение проулков, когда что-то огромное пролетело мимо них, отскакивая от капота. Когда Мэнни ударил по тормозам, огромный вес скатился с автомобиля.

– Господи Иисусе, это что, олень? – закричал доктор.

– Скорее лось.

Рейдж выхватил оба пистолета и уже собрался выскочить из фургона, когда посыпались пули. Свинец с высокочастотным визгом рикошетом отскакивал от корпуса и попадал в стекла, которые покрывались мелкой паутиной.

– О, да что ж такое, – выплюнул Мэнни. Потом закричал сквозь стекло стрелявшим: – Я только обзавелся этой крошкой!

Рейдж потянулся к ручке, но открыть дверь не смог.

– Выпусти меня!

Бамс-бамс-бамс.

– Ни за что, тебя сразу убьют!

– Мы – легкая мишень!

– Черта с два.

Фургон внезапно просел на четыре дюйма, а на стекла опустились металлические пластины. Внезапно шум выстрелов приглушился до тихого стука.

Рейдж оглянулся на него в относительной тишине.

– Ты гений!

– Скорее Харольд Рамис^[74].

– Чего?

– Смотрел хоть раз «Добровольцев поневоле»^[75]? Мой самый любимый фильм. В основу этой крошки я положил тачку Билла Мюррея^[76].

– Всегда знал, что ты мне понравишься. – Рейдж быстро глянул на телефон. Братьев по близости не было, и это хорошо, судя по шквальному огню. – Одна проблема. Мы не можем просто отсидеться здесь. Человеческая полиция скоро заполонит...

Светодиодный экран поднялся из приборной панели, закрывая почти все перекрытое металлом лобовое стекло. И на плоской поверхности располагался зеленый обзор улицы впереди в высоком качестве... поэтому они хорошенько рассмотрели стрелков, когда парочка с пусковыми курками пробежала в свете их фар. У обоих были пушки с длинными стволами, калаши^[77], по его мнению, с каждым выстрелом у дула раздавалась яркая вспышка.

Они не остановились, минуя машину Мэнни.

– Это лессеры, – пробормотал Рейдж. – Слишком шустрые для людей. К тому же, только убийцам хватит ума устроить такую перестрелку. Выпусти меня отсюда.

– Ты за ними не пой...

Протянув руку, Рейдж схватил мужчину за перед рубашки, подтаскивая его к пролету между сидениями.

– Выпусти. Меня. Отсюда.

Мэнни встретил его взгляд. Выругался.

– Ты загонишь себя в могилу.

– Нет. Не загоню.

– Откуда столько уверенности?

– У меня есть одна забавная игрушка, с которой никому не справиться. – Он кивнул на окно. – Приоткрой его, и я проскочу сквозь щели между армированными пластинами. Если только здесь нет стальной решетки.

Мэнни трехэтажно выругался, потянувшись к нужной кнопке и открывая Рейджу лазейку примерно в два дюйма.

– Дави на газ, как только я исчезну, – приказал Рейдж. – Ты должен следовать за Трэзом. Без шуток.

Закрывая глаза, он сконцентрировался и...

... дематериализовался из салона, появляясь за фургоном, а потом постучал по двери. Стрелявшие пробежали мимо них, преследую свою жертву, что обеспечило ему идеальное положение. Когда взревел двигатель за металлической пластиной, и небольшая портативная клиника Мэнни отъехала, он побежал. Запахи в воздухе подсказали ему, что он прав, это действительно была пара убийц с весьма дорогими игрушками... сколько они не видели ничего подобного?

С тех самых пор как Старшим лессером был Лэш, тот ублюдок.

Ноги несли его, оружие было наготове, и он сокращал дистанцию, когда позади раздалась сирены. Внезапно сзади на него направили свет... в плохом смысле. С двумя пистолетами в руках, они могли решить, что он был источником проблем, вместо того, чтобы попытаться догнать его врага.

И да, мужской голос донесся из рупора:

– Полиция! Стоять! Стоять или мы будем стрелять!

Черт бы их побрал.

Людишки. Возмездие за хорошо проведенное время.

В это время в дворцовой темнице, айЭм был очень занят, вытаптывая тропинку на полированном мраморном полу между своей новой койкой и книжной полкой.

Чем дольше он оставался в одиночестве, тем сильнее убеждался, что *майкен* предложила провести его к текстам целителей только от переизбытка бессильного сострадания. Но, черт, если она говорила серьезно и вернется сюда с каким-нибудь планом, он откажется от ее помощи. В этом дерьме уже столько людей замешано, и айЭм сомневался, что женщина понимала, на что подписывалась: он был пленником палача, это значило, что его могли навестить многие, но только у одного сукина сына были ключи к его свободе.

Не у этой женщины из низкого сословия.

Но если она проведет его? Даже не к парадным дверям, но в библиотеку? Системы слежения сразу доложат о них... и тогда мгновенная смерть – лучшее, на что она может надеяться.

Скорее всего, ее ждут долгие пытки, во время которых она будет молить о...

Когда панель открылась снова, айЭм проверил, что член прикрыт, и повернулся.

Это была служанка, и в руках она держала стопку одежды. Когда дверь снова закрылась, она подоткнула что-то, мешая панели затвориться целиком, и подбежала к нему.

– Надень это. У нас нет времени...

– Стой, что...

– Надевай! Караул меняет смену, и они обязаны помолиться в горе и в память младенца. Нам сейчас же нужно провести тебя по коридору...

– Я не могу позволить тебе ...

– Ты же хотел помощи, так? Ради любимой брата, ведь так?

айЭм стиснул зубы.

Между молотом и наковальней.

– Твою дивизию!

– Я не знаю значения этих слов.

Он схватил то, что было у нее в руках, но накидывая на себя ткань, продолжал спорить:

– Что с дорогой назад?

– Я создам диверсию. Тебе нужно будет время в библиотеке... если только ты не знаешь, что конкретно искать?

Тяжелая мантия накрыла его до пят.

– Что там?

Без предупреждения погас свет.

– Я активировала циркадную систему^[78].

А, да, поочередная смена света и тьмы, без которой невозможно заснуть.

Клик!

Крошечный луч фонаря осветил ей дорогу к койке, и служанка быстро взбила подушки и одеяла так, словно там кто-то лежал. Потом она подбежала к нему и направила что-то на его лицо.

Пиик!

Он закашлялся, когда тяжелый запах лаванды и чего-то цитрусового заполнил его нос.

– Что за хрень...

Еще больше пшиков.

– Это форма прислуги. Никто не спросит, если нас увидят вдвоем, но твой запах слишком

мужской. Это позволит нам проскользнуть мимо. А сейчас присядь... ты слишком высокий для мантии. Мы не можем показывать твои ноги, иначе они поймут. Давай же.

Он последовал за ней к панели, но прежде чем она успела открыть ее, он схватил женщину за руку и развернул к себе.

– Тебе не следует делать этого.

– У нас нет времени...

– Ты убьешь себя.

– Твоему брату нужна помощь. Его женщине. У тебя есть другое решение, которое выведет тебя из камеры к записям?

Когда она собралась отвернуться, он снова притянул ее.

– Как твое имя?

– *майкен*.

– Нет, это твой статус. Как твое имя?

– Это и есть имя. А сейчас пошли... хватит разговоров, – сказала она, поторапливая. – И не забудь присесть.

И так он выбрался из камеры в коридор. Когда он посмотрел влево-право, она локтем ткнула его в бок.

– Присядь, – прошипела она. – Сюда.

Сгибая колени, айЭм сгорбил плечи и последовал за ней, пытаясь копировать ее скудные движения. Она быстро и целенаправленно шла по коридорам, последовательно поворачивая налево и направо, он даже уверился, что заблудился в лабиринте. Удивительно, что они никого не встретили, но такова природа скорби для с'Хисбэ. Полная изоляция, для всех.

Может, после этого *майкен* могла бы просто отвести его к черному входу?

Да, но что тогда ждет ее?

– Камеры записывают.

– Молчи.

– Когда мы вернемся, ты должна будешь разобраться с камерами слежения, иначе они узнают, что ты сделала, если просмотрят записи.

Она не ответила, просто продолжая вести его по различным коридорам.

В соответствии с устоями с'Хисбэ, гласившими, что простота возвышает душу, во дворце было мало указателей, только мелкие таблички высоко над дверными косяками, указывавшие на скрытые двери в различные комнаты, склады и выходы. Постепенно в памяти всплыли годы проживания во дворце, и он с удивлением подумал, что знает, где они находятся: женщина вела его обходной дорогой к библиотеке, и это было предусмотрительно. Это – задняя часть дворца, если они и встретят кого-то, то, скорее всего, прислугу.

Что шло им только на руку, учитывая весь маскарад.

– Вон там, – сказала *майкен*, в последний раз поворачивая направо и останавливаясь на черном мраморном квадрате плитки, прожилки на которой были направлены в противоположную сторону всем остальным на полу. Положив руку на стену, она запустила механизм, и дверь быстро открылась.

Когда они вошли в темноту, зажглись лампы, среагировав на движение, освещая полки за полками, уставленные кожаными томами. Воздух был сухой и немного пыльный, но в библиотеке царила кристальная чистота, полы отполированы до зеркального блеска, полки сверкают. Здесь не было ни стульев, ни столов на случай, если захочется что-нибудь почитать... предполагалось, что для чтения книги забирались в покои.

Черт, как они здесь что-нибудь найдут?

– Медицинские журналы переставили, – прошептала она, устремившись вперед.

Он снова последовал за ней, больше не съезжаясь всем телом: рядом никого не было, а в этой части дворца не было камер.

Каталожная система – какая-никакая – была представлена черными цифрами на черных флангах полок. Но, опять же, она была мутной и предполагала, что тебе уже известно, где искать.

– Здесь, – сказала служанка. – Нам сюда.

В конечном итоге она остановилась и указала на ряд полок.

– Вот куда их переставили.

Нахмурившись, айЭм подошел ближе. Нумерация на корешках ни хрена не помогала, поэтому он вытащил один из томов и перевернул обложку. Когда он, наконец, добрался до слов Древнего Языка на диалекте Теней, то обнаружил, что собирался читать трактат о вправке сломанных костей.

Он взял следующую книгу на полке. Что-то про зрение.

Дальше – про беременность и роды.

– Болезни, – пробормотал он. – Я ищу болезни. Врожденные дефекты. Или... рецессивные гены...

– Я могу помочь. – *майкен* начала вытягивать тома. – Что ты можешь рассказать об этой болезни?

– Она называется *Окоченение*. Они застывают... они... кости как будто спонтанно сращиваются... вроде как это смертельно...

Боже, он мало соображал в том, что говорил.

Пока они штудировали полки, категории и расстановка томов становились более четкими. Как и все вампиры, Тени не болели человеческими вирусами или раком, но было полно других недугов... не так много, по сравнению с хомо сапиенсами. С каждой книгой, которую он брал с полки, айЭм осознавал, что время уходит, и он больше боялся, что поймают *майкен*, чем за себя.

Быстрее, читая все быстрее, возвращая, хватая еще одну с полки.

Здесь должно быть что-то, подумал он. Просто обязано.

* * *

Все тело Трэза задеревенело на заднем сидении Бенца. Фритц все еще гнал по тротуару... ничего страшного, будь он пешеходом. Втиснув седан размером с яхту для плавания по океану на бетонную дорожку, предназначенную для четырех-пяти людей?

Не так клево...

Селена издала что-то вроде «я-хуу!», когда они подъехали к очередному углу и снесли второй набор стендов для «Колдвелл Курьер Журнал».

Он был искренне рад, что Селена наслаждалась происходящим.

Он просто сильно жалел, что они не смотрят все это по телевизору, а принимают непосредственное участие.

– Фритц! – крикнул Трэз поверх рева двигателя. – Двигай к реке.

– Как скажете, господин!

Без предупреждения Фритц вывернул руль влево, заезжая на пешеходную дорожку вдоль очередного небоскреба. Бенц вскочил на лестницу как мужчина в коленных протезах, подскок, толчок и несвязный подъем заставили его стиснуть зубы, а почки молить о пощаде. Но потом они снова оказались на ровной поверхности и могли ехать на все четыре стороны.

Фритц, разумеется, выбрал самый прямой путь. Через гребаное фойе.

Стеклянные витрины рассыпались в крошку, когда S600 нырнул в прозрачную стену, осколки разлетелись во все стороны, приземляясь на гладкий пол, словно снежные хлопья на замерзшую поверхность озера.

Посмотрев в боковое окно, Трэз увидел, как ночной охранник выскочил из-за груды столов в вестибюле. Казалось невежливым не поприветствовать бедного парня в униформе, поэтому Трэз, как Королева Елизавета^[79], помахал ему, пока они пролетали через помещение, а потом выскочили с другой стороны здания.

Бамс!

Второй раунд со стеклом был таким же легким, радиаторная решетка Бенца разбила стену, и они вылетели в ночь.

– Кажется, сейчас взлетим, – крикнул Фритц. – Держитесь.

Так точно, здоровяк.

Трэз застыл, когда они достигли края ступеней, а потом...

Нулевая гравитация или что-то максимально похожее, чего можно добиться, не сделав разворот на сто-восемьдесят на высоте в тридцать тысяч фунтов – вот что случилось, когда они спланировали. Дорога стала мега-ровной и относительно тихой, не было слышно ничего кроме гортанного рыка движка.

Все изменилось, когда они перелетели тротуар и приземлились на асфальтированную дорожку. Подвеска по максимуму своих возможностей впитала удар, но когда ходовая часть шаркнулась об асфальт, полетели искры.

– Прощу прощения, – сказал Фритц, смотря в зеркало заднего вида.

– Нельзя ставить в вину особенности местности, – крикнул Трэз в ответ. – А вот со стеклом другой вопрос.

Он оглянулся, чтобы убедиться, что Селена все еще визжит от восторга на соседнем сидении. Да, она улыбалась и смеялась, ее глаза сияли, как огни на рождественской елке.

Когда Трэз снова посмотрел вперед, то дворецкий все еще не сводил глаз с зеркала заднего вида, обращаясь к нему:

– Господин, мне жутко неудобно, но мы должны вернуться домой...

– Фритц! Сосредоточься на дороге, дружище!

– О, конечно, мой господин...

Раздался скрежет, когда дворецкий скорректировал курс, едва не скосив ряд автомобилей, припаркованных параллельно дороге.

– Как я говорил, мы должны вернуться домой, – продолжил дворецкий, не теряясь. – Нужно организовать Последнюю Трапезу.

Говорит так, словно это – видеоигра, которую можно поставить на паузу?

– Эм, Фритц...

Внезапно в Мерседесе стало темно, все огни погасли. И в это самое мгновение высоко в небе ослепительная вспышка осветила дорогу, на мгновение, скользнув по ним.

– Вертолет, – пробормотал Трэз. – Просто фантастика.

Извернувшись, он посмотрел в заднее стекло. Бело-голубые огни мелькали позади, но копы скорее продирались по дороге, нежели гнались за ними... что даст им форы в пару кварталов, прежде чем ОПК перегруппируются.

Дерьмо, как они из этого выберутся?

Прежде чем он понял, Фритц довез их до реки, но не по дороге. Вместо того чтобы выбрать один из законных маршрутов, он снова вскочил на бордюр и вылетел прямо под шоссе. Столбы размером с секвойю проносились мимо окон, Фритц вилял из полосы в полосу как при беге с препятствиями.

На хвосте никого не было, но едва ли они могли продолжать так до бесконечности. Северное шоссе впереди вернет их с небес на землю...

И да, начался спуск, и на такой скорости Трэз решил, что они превратятся в картофельное пюре, влетев в асфальт.

Но нет. Фритц вывернулся, выскочив на край асфальта, проходившего вдоль дороги параллельно Гудзону. Каким-то образом он умудрился влезть между перилами и, вот так просто, они оказались на наклонном съезде на шоссе, двигаясь в нужном направлении.

Прочь из города.

Трэз ждал, что цепочка патрульных машин, как в фильме «Четвертое июля»^[80], появится у них на хвосте.

Вместо этого он увидел флотилию парней в синей форме, несущуюся в другую сторону от Северного шоссе – о к месту главных утех.

Фритц замедлился и снова включил фары. Влился в поток. Поехал на скромных семидесяти километрах в час.

– Как, черт подери, ты это сделал? – спросил Трэз с уважением в голосе.

– Людей легко сбить с толку. Они следят за огнями, как коты за лазерной указкой. Без освещения? У нас появляется серьезное преимущество... ну и еще мощность двигателя в два раза больше.

Трэз повернулся к своей королеве.

– Ты в поря...

Селена притянула его для поцелуя. И еще одного.

– Вот это ночь! Самое захватывающее, что когда-либо случилось со мной!

Адреналин быстро трансформировался в похоть, когда он поцеловал ее в ответ, вжимая в сиденье. Скользнув языком в ее рот, он накрыл рукой грудь Селены.

– Сказать, чтобы он прибавил газу? – прорычал Трэз в ее губы. – Не думаю, что дотерплю...

– Скоро мы будем дома, – прошептала она, улыбаясь. – И я люблю предвкушение. Я до смерти хочу тебя с самого начала поездки.

Трэз простонал, потянувшись к кнопке, поднимавшей перегородку.

– Фритц?

– Да, хозяин?

– Чуть побыстрее, если не возражаешь.

– С удовольствием, господин!

Вскоре после того, как они с Бальтазаром завернули за очередной поворот в лабиринте переулков, в Кора влетело что-то огромное и жесткое, его буквально оглушило, послав в полет, и мир закрутился вокруг оси – вокруг него – хотя, скорее всего, вращался все-таки он сам.

Пребывая в полете, он приготовился к жесткому приземлению... но по какой-то тупой логике приземлился на собственные ботинки. Это был первоклассный трюк... но не продолжительное благословение, учитывая его скорость. Чтобы не упасть ничком, он выпрыгнул вперед, пытаясь продолжить бег.

Что-то было совсем не так. Ноги отказывались нормально функционировать.

Пытаясь удержаться на своих двоих, он смутно осознавал, что Бальтазар кричал его имя, а потом солдат внезапно оказался подле него, схватил за руку и потащил вперед.

На задворках разума он чувствовал, как некая сущность покинула транспортное средство, как вампир. А потом шум выстрелов изменился. Высоко-частотный свист заменил глухие удары, с которыми свинец влетал в кирпич, асфальт и камень.

Лессеры наткнулись на тот фургон.

И, значит, у него с Бальтазаром было укрытие на несколько секунд, и его солдат воспользовался форой. С резким рывком Кор ощутил, как все его тело выдернули с дороги.

А потом, мгновение спустя, он оказался за огромным строением.

Нет, второй автомобиль... какой-то транспорт. Воистину, это была огромная квадратная коробка с какой-то надписью на боку.

П... О... Д... С... [\[81\]](#)

Его перевозбужденный мозг проследил изгибы красных букв, но смысла он не понял. Что он вообще понимал сейчас?

Выстрел в яблочко.

Он поднял пистолет одновременно с Бальтазаром.

Заставляя легкие успокоить жадное дыхание, он ждал... ждал... все еще ждал...

Поток пуль становился все громче и громче, стрелки приближались к ним. И шумные убийцы настолько увлеклись своей погоней, что никто из них не потрудился сбавить скорость на подходе к столь хорошему укрытию... они перли вперед.

Действуя согласно не озвученному плану, Кор взял на себя левого, а Бальтазар прицелился в правого.

Две пули. Не две тысячи.

Две прицельных сорокамиллиметровых пули, заквадраченные с концов, свалили обоих убийц мордой наземь.

– Я займусь ими, – крикнул Бальтазар, меняя пистолет на кинжалы.

Бали выпрыгнул, сверкая клинками. Ближайшего он заколол первым, огромная вспышка света озарила переулок как в полдень. Без промедления он перекатился и вонзил кинжал во второго стрелка. Отступая во время второй вспышки, солдат умудрился зачехлить кинжалы и схватив оба калаша прежде...

... чем тот огромный фургон, который сбил Кора, показался в переулке.

Бальтазар забежал за укрытие, приложившись плечами к металлическому кубу, и они смотрели вперед, застыв на месте, пока транспортное средство не покинуло переулок.

Но веселуха еще не закончилась.

Успокоиться.

Им нужно...

... успокоиться...

Дематериализоваться из центра – единственный способ убраться отсюда: сирены человеческой полиции становились все громче, свет фар появился в конце переуллка, яркое освещение рождало множество теней.

– Иди, – приказал Кор, зная, что его солдат находится в намного лучшей форме.

– Я тебя умирать не брошу.

– Останешься со мной – сам погибнешь.

– Тогда мы умрем вместе.

Делая резкие вдохи-выдохи, Кор пытался замедлить сердцебиение и кровяное давление, запах разогретого металла и пороха смешался в его носу с выхлопным газом того фургона, оставшейся вонью от пота и прахом ублюдков.

Ноги убивали его, обе. Боль становилась такой, что пришлось сесть, дабы не лишиться сознания.

Дерьмо.

Полицейские автомобили пронесли мимо на бешеной скорости, один... второй... все три, шум и свет фар начал стихать.

Но приедут и другие. И следующая волна будет медленней, разведка, а не погоня.

– Насколько сильно ты ранен? – спросил Бальтазар.

Он хотел солгать.

– Проблема с ногами. Одна подстрелена, вторая – сломана, скорее всего.

– Когда ты кормился в последний раз? От вампирши?

Многие месяцы назад. С первой встречи с Лейлой. Ее мега-чистая кровь поддерживала его рекордное количество времени, и когда сила, наконец, начала улетучиваться, он брал кровь оленей в лесу, не сообщив своим воинам, как низко опустился.

Но Бали знал. Наверное, все они знали.

– Очень долго, воистину, – ворчал его солдат.

Кор оглянулся, не желая продолжать разговор. Напротив был пожарный выход, но у него не хватит сил дотащить себя достаточно быстро, и он не сможет дематериализоваться.

– Иди, – сказал он Бальтазару.

– Ты сможешь сделать это.

– У меня нет сил...

Бальтазар показал вверх.

– Туда. На крышу. Большого не нужно.

Лай собак. Двух, не меньше. В начале переуллка.

А, да, люди привели за собой поисковые носы. В противовес беспомощным на своих жалких лицах.

– Ты должен, – сказал Бальтазар. – Только туда. Не надо дальше.

Кор поднял взгляд вверх, по пожарному выходу, серии окон, на пятнадцать этажей вверх. Могло быть и хуже, подумал он.

– Сейчас.

Закрывая глаза, он знал, что это не сработает.

– Я хочу, чтобы ты ушел. Это приказ.

– Я не...

Кор поднял обессиленную руку и ударил солдата по лицу. Изнуренным голосом сказал:

– Другим нужна твердая рука. Это ты. Иди... и прихвати с собой пушки. Они ценные. Иди! Кто-то должен вести их!

Исчезая, Бальтазар все еще сыпал проклятиями... а псы все ближе подбирались к

местоположению Кора. Со свежим запахом пролитой и вытекавшей из него крови, они найдут его в считанные секунды.

В этот раз он закрыл веки от полного истощения, а не в надежде дематериализоваться.

Но прямо перед тем, как его поймали, он поднял пистолет, зная, что лишиться жизни в ужасной перестрелке...

Перед взором возник образ Лейлы, настолько яркий, словно она стояла перед ним.

Если он не уберется отсюда, то умрет и никогда больше не увидит ее.

Когда невероятное чувство утраты ударило в центр груди, Кор понял то, что так долго отрицал.

Представ перед реальностью, в которой ему не дадут в последний раз встретиться с этой женщиной, услышать ее голос, почувствовать ее аромат в ночном воздухе, стоять рядом с ее физическим воплощением... связанный мужчина в нем взревел от подобного преступления.

В тот самый момент, когда за угол металлического контейнера завернула немецкая овчарка, за которой на коротком поводке следовал полицейский, в тот самый момент, когда человек закричал какую-нибудь чушь в духе «не двигаться!»...

Кор испарился.

Только нужда снова увидеть свою женщину придала ему сил пронестись по ночному воздуху, собирая свое избитое, ослабленное тело на указанную Бальтазаром крышу.

– Хвала тебе, Дева-Летописец, – услышал он чей-то шепот.

Кор со стоном перевернулся на бок. Зайфер стоял рядом с ним. И Бальтазар.

– Он сильно ранен.

Это стало последним, что он слышал, прежде чем кровопотеря и ранения лишили его сознания.

* * *

В квартале от них у Рейджа было полно собственных проблем, благодаря людишкам, заплонившим переулок. Стоя с руками над головой и спиной к подходившему копу, он был раздражен. И ему было скучно.

Настоящая тусовка с теми убийцами ушла далеко вперед вместе с тачкой Билла Мюррея... точнее Мэнни Манелло... бронированным медэвак^[82]. Тем временем, он застрял здесь с шестью доблестными офицерами Колдвелла.

– Не двигаться.

Прямо как в кино, подумал он, закатывая глаза.

– Как скажете, Офицер.

Острый слух позволил четко определить их местоположение. А дальше по переулку никого не было. Ни машин, ни припозднившихся пешеходов, ни других копов.

Одному Богу известно, где Манелло окажется. И что происходило с Трэзом и Селеной.

У него на это нет времени.

– Офицер?

– Не двигаться.

– Без обид, но я полетел.

И вот так просто, потому что ОПК нисколько не мешало ему, он дематериализовался прочь.

В своем молекулярном виде он улыбался, представляя их охреневшие рожи.

Но он же типа нарушил единственное правило в войне с Обществом Лессенинг: не связывайся с толпой идиотов. То есть это в интересах всех, чтобы люди не знали о

существовании вампиров, продолжая считать их хэллоуинским мифом, а Ходячих Мертвецов – всего лишь ТВ-шоу.

Но порой другого выбора нет. И хотя сейчас он нереально ступил и отколол Братству Наручников и всем остальным то еще шоу, лучше не тратить время на стирание воспоминаний, когда Мэнни нуждался в реальной помощи, как и Трэз с Селеной.

Устремляясь вперед, он появился в трех кварталах от реки на крыше черного входа автостоянки. В этот момент Мэнни пронесся по переулку в своем бронебойном танке, ведя за собой цепочку патрульных машин. Рейдж материализовался перед светом ксеноновых фар... и махнул доброму доктору, чтобы тот продолжал движение вперед.

А потом спокойно и вполне целенаправленно встал за удалявшейся скорой и открыл огонь по маркированным автомобилям, преследовавшим фургон. Но он же не говнюк. Его Мэри когда-то была человеком... в какой-то степени до сих пор была, не считая ее бессмертия. Поэтому он целился в передние шины и движки по методу «первый пришел, первым обслужен». Водитель сразу потерял контроль, его занесло, и значит, во второго безопасно уже не выстрелишь. Но он разбил ряды, делая их беспомощными.

П-пока.

Он догнал Мэнни, дематериализовавшись через два квартала, а потом прямо на пассажирское сиденье через то же отверстие, через которое покинул фургон.

Мэнни вскрикнул, но не потерял фокус. Он продолжил везти их по середине переулка.

– Нам нужно убираться отсюда, – сказал добрый доктор.

– К реке. Я знаю, что делать.

– Здесь повсюду копы.

– Я скажу, когда повернуть. – Рейдж достал телефон и начал набирать текст. Квартал спустя, он рявкнул. – Право! Сейчас!

Рейдж крепко ухватился, когда Мэнни сделал поворот на девяносто градусов и снова дал по газам.

– Они пустили за нами вертолет, – объявил Мэнни.

И да, широкий экран показывал приятную картинку яркого круга света, накрывшего их сверху, широкий луч метался туда-сюда, пока вертолет пытался удержать их в поле зрения.

– Через два квартала налево.

– Они подберутся к нам с...

– Сделай это!

Иииии вот так они оказались под шоссе, где свет исчез.

– Еще один квартал, – пробормотал Рейдж, наклоняясь вперед, молясь, чтобы... – Здесь!

Справа медленно открывался технический бокс, поднимавшиеся панели являли взору темный гараж размером с небольшой дом.

– Это мы!

– Срань Господня, как ты это сделал?

– Все аплодисменты Ви.

И вот так фургон Мэнни вместе с кучей бинтов, шприцов, скальпелей и двумя жалкими ублюдками на переднем сидении оказался укрыт и капитально спрятан в гараже.

Мэнни выключил двигатель, но не отпустил рулевое колесо. Словно ожидал, что придется снова ехать.

– Что дальше?

Рейдж опустил стекло еще ниже и прислушался к сиренам патрульных автомобилей, проносившихся снаружи.

– Остынем...

Зазвонил его телефон, и он ответил:

– Отличная работа, брат мой.

Голос Вишеса звучал очень четко.

– А ты говорил, что он нам ни к чему.

– Слава Богу за удаленное управление.

– По моему телефону. Та-дам! Все целы?

– Да, но, думаю, мы поторчим здесь, если только нас кто-нибудь не заберет.

– Что, черт подери, там происходит?

– Подбери нас, и я все расскажу по дороге домой.

– Буду через двадцать минут. Об ОПК стоит беспокоиться?

– О, нет. – Рейдж махнул рукой. – Доберешься нормально. В округе копов нет.

Когда он повесил трубку, Мэнни выразительно посмотрел на него.

– Из ума выжил? Весь район кишит полицией.

– Пускай поупражняется.

Выругавшись, Мэнни пару раз стукнулся головой о спинку кресла.

– Черт подери! Я еще толком не опробовал этого плохиша, а он уже раздолбан в хлам!

– Ну, ты поиграл с разными кнопками. И хорошо протестировал пуленепробиваемость. –

Раздался звуковой сигнал, когда на телефон Рейджа пришло еще одно сообщение. – О, хорошие новости... Трэз и Селена в безопасности и добрались до дома. Похоже, они выбрались из города перед тем, как заварилась каша.

– Какое облегчение. – Мэнни сделал глубокий вдох, потом выругался. – Как мы вывезем ее отсюда? В каждом полицейском участке города будут ее данные.

Рейдж окинул взглядом салон и пожал плечами.

– По частям, если потребуется.

– Знаешь, не сильно вдохновляет.

– Ты просто не видел своего шурина в деле. Ублюдок разберет все что захочешь.

– А со сборкой у него как?

– Прекрасно.

– Лжешь, лишь бы я не разрыдался как девчонка?

– Нет. Вовсе нет.

Рейдж извернулся на сидении и включил фонарик на телефоне.

– Высматриваешь случайных попутчиков?

– Есть что пожевать здесь?

– Нет, если, конечно, не любишь вкус дезинфицирующих средств.

Рейдж откинулся на спинку и опустил ее.

– Беда не приходит одна...

– Нет, свой фургон жевать запрещаю.

– Ты тоже под запретом?

– Еще как!

Закрывая глаза, он показал врачу средний палец.

– Кайфолом.

В библиотеке дворца айЭм достал последний том с последней полки в ряду текстов целителей. Когда он перевернул кожаную обложку, крик в голове был таким громким, что он не мог сосредоточиться на оглавлении.

– Стой, – сказала *майкен*. – Позволь мне.

Рискуя показаться тряпкой, айЭм плюхнулся на пятую точку, жесткий пол впился в задницу сквозь тонкое бледно-голубое одеяние прислуги.

Он уже знал, что *майкен* обнаружит там. А что – нет.

Прореха в его логике, которой он руководствовался, пустившись в эту авантюру: он никогда не слышал об этой болезни. Едва ли он принадлежал к целителям с'Хисбэ с их накопленными знаниями о бедах народа и методах их лечения, но что-то вроде болезни Селены? Тени бы приняли ее за дефект вроде чумы, от которого следовало держаться подальше... до всего этого можно было додуматься.

Ему следовало знать. Но когда дело касалось его брата, он был готов сделать что угодно, чтобы спасти сукина сына.

– У него подобная болезнь? – спросила *майкен*.

– Что?

– Ты только что сказал, что сделаешь все, чтобы спасти брата?

Чудесно, он говорил вслух.

– Нам лучше вернуться.

Она закрыла том.

– Мне жаль, что мы ничего не нашли...

– Давай, пошли.

айЭм встал и предложил ей свою руку. В процессе просмотра последней книги, полной бесполезных слов, она тоже устроилась на полу.

Она подняла лицо в маске, словно уставившись на ладонь.

– Нам нужно идти, – пробормотал он, желая, чтобы она просто вернула чертову книгу на место и вышла вместе с ним.

Когда она, наконец, протянула свою руку, тяжелый рукав скользнул вниз, обнажая тонкое запястье и длинную, тонкую ручку.

Которая дрожала.

Ему понравился цвет ее кожи. Темнее его.

– Я не причиню тебе вреда, – сказал он хрипло, прежде чем прикоснуться к ней.

– Я знаю, – прошептала она.

Он прикоснулся к ней, и его тело дернулось, разряд электричества лизнул кожу, пробежал до самого сердца, отчего жизненно-важное биение в каждой клетке стало еще быстрее. И ему показалось, что она тоже ощутила шок, укрывавшая ее мантия резко дернулась, словно женщина подпрыгнула.

Но не было времени думать обо всем этом.

Взяв книгу из другой ее руки, он вернул ее на пустующее место и повел *майкен* длинной дорогой к выходу. Он прошел пятнадцать футов, когда осознал, что так и не отпустил ее руки.

Он заставил себя разжать хватку.

Когда они приблизились к потайной двери, айЭм отошел в сторону, позволяя женщине открыть все самой, на случай следящих устройств и проверки личности.

Выйдя в коридор, она сказала:

– Помнишь, что нужно присесть? Ты очень высокий и слишком большой.

айЭм подчинился.

– Спасибо.

Позволяя ей вести себя, айЭм осознал, что наблюдает за ее движениями под мантией, которая скрывала *майкен* целиком. Какой она была под тканью? Какое у нее лицо?

Как только мысли пришли в его голову, он отмахнулся от них. Сейчас едва ли подходящее время тратить хоть секунду на подобные рассуждения.

Что до него, так они прошли миль двадцать пять, когда несколько стражей подошли к ним. Из-под укрывавшей его лицо сетки, айЭм следил за их приближением, приготовившись к схватке. В характерной для охраны с'Экса манере, они были одеты в черные мантии, сложены как вышибалы, оружие, очевидно, висело на поясах, кинжалы с длинными лезвиями в районе бедер – в пределах досягаемости. Их лица были на виду, и он не мог вспомнить... разве это не значило, что они готовились к бою?

Черт, их раскрыли?

майкен впереди него даже не моргнула. Она остановилась, вытянула обе руки перед грудью и сложила «шпилом», а потом низко и покорно поклонилась. Стоя позади нее, айЭм скопировал позу, бедра напряглись, оставаясь в полуприсяде.

Стражи окинули их взглядом, и айЭм взмолился, чтобы трюк с лавандовым ароматом сработал. Если они уловят запах чего-то близкого к агрессии, ревевшей в его венах...

Но нет, они просто кивнули и прошли мимо.

Слава яйцам.

Через сто ярдов она резко остановилась... и он чуть не врезался в нее.

– Пришли, – сказала она, окидывая взглядом коридор в обоих направлениях.

Он ждал, когда она откроет дверь. Когда *майкен* этого не сделала, он наклонился к ней и сказал мягко.

– Это не твоя вина. И спасибо тебе.

Ее голова был опущена, а из-под маски донесся, казалось, сдавленный голос: – Мне так жаль. Из-за всего этого.

– Не волнуйся об этом. И я не хочу, чтобы ты приходила сюда. Скинь с себя обязанности, не связывайся в это. В этот кошмар и так уже втянуто достаточно народу.

Сетка дернулась, когда *майкен* посмотрела на него.

– Я хочу сделать больше. Позволь помочь тебе выбраться...

– Нет.

– Я не хочу, чтобы тебя держали здесь, как песчанку^[84].

– Что?

– Я не хочу, чтобы ты застрял здесь навечно.

– Я здесь не задержусь надолго, обещаю. – Хотя ему нужно выбираться как можно скорее. – А сейчас, *прошу*, ты можешь уйти?

Она все еще медлила, именно он открыл дверь в камеру, взяв ее руку и приложив к стене...

Свет внутри был включен, а не выключен. И с'Экс сидел на койке, спиной прислонившись к изголовью, ноги вытянуты и скрещены в лодыжках.

В одной руке он держал точильный камень. В другой – кинжал.

Медленными уверенными движениями он точил лезвие.

Он не потрудился поднять голову.

– Представьте мое удивление. Когда я лично пришел проверить тебя.

айЭм полностью закрыл *майкен* своим телом.

– Это не ее вина. Я заставил ее.

– Ложь. – Палач поднял взгляд, его черные глаза блестели. – Но сделал ты это или же нет – это меньшая из твоих проблем.

* * *

Когда Фритц замедлился перед входом в особняк, Селена выпрыгнула с заднего сиденья раньше, чем Мерседес полностью остановился. Своим внезапным прыжком она выражала свой восторг, удерживаемый внутри, и было так приятно...

Но она была на высоких каблуках и неудачно приземлилась: когда тонкие шпильки запнулись о булыжник, гравитация схватила ее, и Селена выбросила руки, потеряв равновесие...

Мощным броском Трэз поймал ее на руки прежде, чем она упала, и прижал к широкой груди.

Он держал ее так, будто она ничего не весит.

Обвив руки вокруг его шеи, Селена подалась назад и улыбнулась так широко что, наверное, выглядела безумной. Плевать.

– Это было невероятно!

Трэз ухмыльнулся, поднимаясь по ступенькам к двери в вестибюль.

– Ну да, было круто, вот уж точно.

Выглянув из-за бицепса Трэза, она крикнула дворецкому:

– Фритц, следующей ночью можем повторить?

Дворецкий поклонился им вслед.

– Ну, разумеется, моя госпожа. Буду рад оказаться полезным в любом деле. Но должен отметить, что автомобиль требует предварительного внимания для дальнейших путешествий.

Наверное, он прав, и, может, доджен припарковал Мерседес параллельно передней двери, а не среди других автомобилей по другую сторону фонтана. Бенц вообще способен ехать задним ходом?

Последовала короткая пауза, после того как они зашли в вестибюль, а потом один из подчиненных Фритца впустил их в теплый, сочный интерьер.

– Прошу меня извинить, – сказал дворецкий. – Я должен заняться приготовлениями к Последней трапезе, как я уже говорил.

– Спасибо, что вернул нас целыми и невредимыми, – пробормотал Трэз.

– Я получил удовольствие.

Когда доджен скрылся в столовой, Трэз двинулся к лестнице, широкими шагами преодолевая мозаику на полу... и Селена начала улыбаться по другой причине, нежели из-за выброса адреналина.

Но он не понес ее в свою спальню. Ее мужчина завернул за основание лестницы слева, уводя их к богато украшенной двери в уборную.

– Открой для меня дверь, – прорычал он.

Подняв взгляд и увидев его лицо, она пропала. Чистая сексуальная нужда заставила его стиснуть подбородок и сузить глаза, превращая в животную версию самого себя.

Его реакция на гонку, подумала Селена.

Протянув ладонь, она обхватила круглую ручку и открыла замок, впуская их внутрь.

Такая красивая комната, с отдельной кабинкой для туалета, приятным запахом в воздухе, и, особенно, мрамором с персиковыми, красными и розовыми прожилками на стенах и полах. Красный и персиковый шелк спадал по бокам зеркала над раковиной, словно оно было окном, а бархатная юбка под раковиной была кроваво-красной с каймой из золотых кисточек.

Старомодные газовые лампы постоянно горели по периметру комнаты, и мягкий свет шел словно от свечей.

– Ты захочешь запереть эту дверь на замок, – сказал Трэз, наклоняясь, чтобы она смогла дотянуться до нее. Запереть. Обеспечивая им уединение.

Вдоль дальней стены стояла длинная скамья с юбкой, и он поместил Селену над ней, придерживая одной рукой, а второй смахнул шелка и вышитые подушки на пол. Уложив ее, он заурчал, поглаживая ее плечи, талию, ноги.

– Я думал об этом весь вечер, – сказал он.

Выгибаясь, она чувствовала, как ткань платья поднимается вверх по бедрам – он скользил ладонями все выше и выше.

– О, Боже, – выдохнул Трэз, увидев ее лоно.

– Уже забыл? – Она улыбнулась ему, опуская веки. – Они дали мне все кроме трусиков.

– М-м, нет. Я помню.

Повернув ее, он притянул Селену к себе, раздвигая ее ноги и устраивая на своих бедрах. Склоняясь над ней, он прижался губами к ее шее, а потом вытянул язык и прошелся вверх, покусывая мочку.

– Знаешь, что самое сложное?

Он акцентировал каждое слово толчком бедер, его эрекция вжималась в ее лоно сквозь тонкую ткань его брюк. Когда она охнула, его пальцы скользнули по лифу ее платья.

– М-м? – пробормотал он, снова покусывая ее, словно наказывая. – Так знаешь?

– Нет ни одной мысли, – простонала Селена.

– Не это. – Он снова вжался в ее лоно, поглаживая своим членом. – Хочешь верь, хочешь нет.

– Ч-что..?

Он прижался губами к ее уху.

– Не сорвать с тебя платье зубами. Я хочу отвести тебя на Последнюю Трапезу, и как бы я не уважал Братьев... – Трэз сцеловал дорожку по ее плечу. – Я бы убил их всех, если бы они увидели тебя голой. Убираться потом придется долго.

– Тогда что ты сделаешь?

– Сядь для меня.

Ее голова кружилась, когда Селена выполнила его просьбу, но это было от страсти, жара... нужды. – Что... дальше?

– Мы аккуратно избавимся от него. – Ухватившись за подол, он задрал черный материал выше талии... грудей. – Твою же мааааать.

Отбросив ткань, он просто уставился на то, что только что открыл своему взгляду.

– О да, вот чего я хочу.

Скользя ладонями вверх-вниз по ее бедрам, он опустил голову к ее соску, втягивая его, посасывая. Его темная голова контрастно выделялась на ее более бледной коже. Запрокидывая голову, она предоставила ему полный доступ, раздвигая ноги еще шире.

Она издавала звериные звуки, и он впивался руками в ее бедра, дергая на себя.

– Впусти меня, – требовал он. Раздался треск молнии, когда он высвободил себя, а потом снова раздался рык. – Весь вечер. Я думал об этом весь вечер.

Он вошел в нее рывком бедер, и Селена вцепилась в его запястья, снова выгибаясь. Трэз отпустил себя, отдавшись резким движениям, и она принимала все, что он давал ей, мощная разрядка уже набирала обороты. Так жарко, так дико... кульминация потрясающего ужина, сумасшедшей поездки домой, постоянного предвкушения, которое она испытывала в его присутствии.

Снова притягивая его к своему рту, Селена льнула к его силе, находя его губы и втягивая

язык в свой рот, пока ритм его движений ни сделал это невозможным. Быстрее, жестче. А потом ее настиг оргазм.

Также, как они проносились сквозь массивы стекла, набирая скорость, а потом разбиваясь.

Но разбивалось ее тело.

Чудеснейшим образом.

Только она поплыла, как ощутила его запястье напротив своих губ.

– Возьми у меня, – прохрипел он. – Я хочу чувствовать твои зубы в своей плоти.

Мгновенно в ней снова поднялся жар, и она оттолкнула его руку в сторону. Когда резко выступили клыки, Селена, зашипев, укусила его в горло, впиваясь прямо в толстую вену, шедшую из сердца.

Трэз выкрикнул ее имя, снова цепляясь за нее руками, наклоняя голову и побуждая ее взять больше, взять все, что ей нужно... бедрами он вжался в нее, член вздрагивал глубоко в ней.

Его разрядка спровоцировала следующий ее оргазм, снова перебрасывая ее через край.

И она никогда не чувствовала себя в большей безопасности. Более любимой.

Когда дверь камеры закрылась за ним и *майкен*, айЭм сдернул головной убор и отшвырнул в сторону.

– Отпусти ее.

Скинув мощные ноги с койки, с'Экс поднялся.

– Знаешь, с чем у меня капитальные проблемы? Я плохо понимаю приказы.

– Она здесь не при чем. Это наше с тобой дело.

– Да, ты все еще не понимаешь. Мы с тобой – всего лишь пешки в настоящей драме, но это не относится к теме.

Палач шагнул вперед, и айЭм вскинул руки, закрывая собой *майкен*.

– Стой.

– Или что.

– Я убью тебя.

с'Экс замер прямо перед ним, смотря в упор.

– Да ладно.

– Да. – айЭм сжал кулаки и ощутил, как удлиняются клыки. – Если вопрос встанет ребром – либо ты, либо она – я удостоверюсь, что когда двери откроются, именно она будет стоять на ногах. И плевать, если я умру в процессе.

с'Экс нахмурился, посмотрев на служанку.

– Не тот брат. Ты же знаешь это, да?

айЭм отклонился вбок, прерывая зрительный контакт.

– Так что мы будем делать?

– Будет глупо с твоей стороны биться со мной. Учитывая, что я пришел, чтобы вытащить тебя.

айЭм не стал отвлекаться на уловку.

– Ты бьешь первый или я.

– Ты слышал, что я сказал? Я пришел, чтобы отвести тебя в гребаную библиотеку... но, полагаю, вы прямиком оттуда? Или завернем туда по пути к выходу?

В последовавшем молчании, айЭм прокручивал в голове слова палача, проверяя их смысл. Потом нахмурился.

– Я не понимаю.

– Если не возражаешь, нам нужно пошевеливаться, потому что я должен быть при дворе через двадцать минут.

Что это за херня такая, – гадал айЭм.

с'Экс закатил глаза.

– Я же говорил, что проведу тебя внутрь и выведу наружу, разве нет?

– Ты засадил меня сюда! Треснул по голове...

– Нет же, придурок. Это был один из моих стражей. Я пытался за кулисами вытащить тебя... ты не должен был попасть в эту долбанную камеру. Мы так не договаривались.

айЭм моргнул.

– Мы были в библиотеке, – вмешалась *майкен*. – Безуспешно. И я тоже пойду. Я хочу убедиться, что он выберется отсюда живым.

с'Экс с айЭмом посмотрели на нее и синхронно рявкнули:

– Нет!

– Видишь? – сказал палач, уводя их к двери. – В чем-то наши мнения сходятся. А сейчас

вперед.

И ублюдок говорил не о сражении.

Срань. Господня. Похоже, он не так уж ошибся, доверившись ему.

айЭм посмотрел на *майкен*. Тихо прошептал:

– Не следуй за нами.

– Ты не можешь говорить ей, что делать, – сказал с'Экс, открывая дверь. – А сейчас пошли... или хочешь сгнить в этой камере?

айЭм покачал головой, глядя на служанку. – Не...

– Я жду, – сказал с'Экс.

– *майкен*...

– Я последую за вами, если не возражаешь, – больше она ничего не добавила, проплыв мимо него и присоединившись к с'Эксу в коридоре.

айЭм, все еще в униформе прислуги, в которой он крался по дворцу, устремился вслед за ними.

– Мне не нужна твоя необоснованная смерть на моей совести.

Когда они двинулись по коридору, она не обратила внимания на его ворчанье. М-да. Едва ли в этой головке были мозги.

А может, дело в нем... потому как он понял, что не хочет оставлять ее.

Бред какой-то.

с'Экс вел их по коридорам другим путем, нежели их вела *майкен*. И на всем пути айЭм был готов к засаде, нападению, ножу в спину, исходу, который выйдет ему боком.

Но пятнадцать или двадцать минут спустя, он выбрался из дворца, минул пустые покои для слуг... и стоял у стены, отделявшей Территорию от человеческого мира.

айЭм оглянулся на палача.

– Ты вот так просто отпустишь меня? – прошептал он в темноту.

– Повторяю, разве мы не на этом условились? – Когда айЭм не ответил, с'Экс покачал головой. – На этом мы втроем прощаемся. По крайней мере, до окончания траура, когда я должен буду вернуться за твоим братом.

– Они не заметят мою пропажу?

– Кому какое дело? Я регулярно устраняю преступников... и я уже стер все воспоминания у тех, кто видел тебя. – с'Экс посмотрел на *майкен*. – Хотя было бы легче, не настаивай ты на превращении камеры в мебелированный шоурум.

айЭм протянул ладонь.

– Я не ожидал от тебя честности.

– Сам катись к дьяволу. – с'Экс пожал протянутую руку. – А сейчас иди.

И на этом ему открыли выход. Не было надобности дематериализовываться через барьер.

айЭм помедлил, оглянувшись на служанку.

В повисшем молчании с'Экс витиевато выругался.

– Я не одобряю этого между вами. Но ты в курсе, как запереть двери после его ухода.

И на этой ноте палач ушел, его черные одежды развивались позади него.

Так странно, думал айЭм, когда его оставили наедине с женщиной. Он был в двух футах от желанного спасения, но не мог шелохнуться.

– Я могу увидеть твое лицо, – услышал он себя. – Перед уходом.

Когда она не ответила, он протянул руку и пробежал пальцами по ткани, укрывавшей ее голову, и вниз по плечам.

– Я должен узнать, как ты выглядишь, иначе это будет преследовать меня до конца моих дней.

Возникло предчувствие, что она в любом случае не отпустит его.

– Я... – Ее голос задрожал. – Я не знаю.

айЭм кивнул, чувствуя себя полным придурком.

– Прости, это не мое дело. – Он подался импульсу и низко поклонился ей, словно она была кем-то большим, нежели слугой. – Спасибо еще раз.

Отворачиваясь, он прошел через открытый проем.

– Завтра ночью, – выпалила она. – Ты встретишься со мной?

Он застыл, одной ногой на Территории, второй – за ее пределами.

– Где.

– Не знаю. Где-нибудь. Как... нибудь.

айЭм нахмурился, вспоминая место в горах между с'Хисбэ и колонией симпатов. Хижина все еще стояла там; чертовой развалюхе было лет сто, когда Трэз первый раз укрылся в ней.

И, видит Бог, Рив ей больше не пользуется.

– Ты знаешь гору Черный полоз?

– Да, – прошептала она.

– В середине пути на восток, есть тропа, «Молния», там есть хижина. Я первым прибуду туда и зажгу огонь. Ты можешь дематериализоваться отсюда и найти ее по свету. Встретимся там в полночь.

Он мог представить, как она прикусила губу, колеблясь.

– Я никогда не причиню тебе вреда, – поклялся он.

– Я знаю.

– Я должен идти. – Он пристально посмотрел на нее, пытаясь разглядеть сквозь мантию. – Подумай об этом. Я буду там и прожду час. Если ты не появишься, я все пойму.

Она была «незначительна» в глазах с'Хисбэ, но женщины имели право на осмотрительность, вне зависимости от своего статуса, когда было необходимо покинуть Территорию.

Особенно если у них не было сравнительной силы.

– Прощай, – сказал он, прежде чем отвернуться и перейти на бег.

Мгновение спустя, дематериализовавшись, он счел, что никогда ее больше не увидит. И хотя это было ясно изначально, он все равно будет в той хижине в горах завтра ночью.

Вовремя.

Похоже, даже циничные девственники вроде него бывают романтичны.

* * *

Когда Трэз и Селена наконец выбрались из уборной первого этажа, было далеко за полночь. На самом деле, посмотрев на часы, он с удивлением обнаружил цифру «3». Они трахались добрых три часа.

Он не мог придумать лучшего времяпровождения.

Народ, очевидно, уже начал возвращаться домой, голоса доносились из бильярдной комнаты.

– ...обойму за обоймой! – Говорил Голливуд. – Словно свинцовый дождь.

– Моя бедная передвижная клиника. – Голос Мэнни был менее воодушевленным. – Первое плавание, и посмотрите, что случилось с крошкой.

Ну, по крайней мере, эти двое вернулись домой живые. Господи, он о них даже не подумал, весьма эгоистично с его стороны?

– И эти ублюдки говорят мне, что нет полиции, – встрял Ви. – Во время эвакуации. Немыслимо... я наткнулся на целый полк в униформе.

Трэз приобнял Селену.

– Хочешь присоединиться к компании?

– Мы должны поделиться своей частью истории!

Поцеловав ее в лоб, он повел Селену через фойе и арку в земли пула, диванов и настолько большого экрана, чтобы организовать кинотеатр под открытым небом.

– Вы гляньте, нас показывают по «Си-эн-эн», – сказал кто-то, когда включили ТВ.

И да, на огромном экране появилась съемка с камеры наблюдения, а на ней Мерседес пролетел, как в «Крепком орешке», сквозь вестибюль. Запись была включена на повтор. Потом шло заявление офицера полиции, который участвовал в погоне и еще пары свидетелей.

Трэз кивнул Рейджу и Мэнни. Поднял ладонь Ви и Бутчу. Прошел со своей женщиной мимо Зи и Бэллы.

– Полный охват события, – пробормотал кто-то раздосадовано.

– Дерьмо, – ответил кто-то.

Даже восторг Селены быстро утих, словно показанное со стороны, как все выглядело, произошедшее стало более реальным.

Когда открылась внутренняя дверь в вестибюль, Трэз смутно ощутил сквозняк, залетевший в комнату. А потом, спустя мгновение, на его плечо опустилась рука.

Обернувшись, он увидел айЭма.

– О, привет. – Он собрался обнять брата, но потом отшатнулся.

– Какой хренью от тебя пахнет?!

– Опробовал новое мыло для рук.

Трэз все-таки обнял его.

– Избавься от него. Пахнешь как старушка... что это? Лаванда?

– Что случилось с Мерсом? Он разбит в хлам.

Трэз указал на экран.

– Вот что случилось.

Вместо экрана айЭм уставился на Селену, изучая ее лицо и платье с быстро скрываемым удивлением.

– Мы ходили на свидание, – выпалил Трэз.

Селена подняла взгляд, и, увидев подошедшего, протянула руки.

– Привет, – сказала она, обнимая его брата. – Кажется, мы разнесли весь центр.

Забавно, айЭм – единственный мужчина, которого он не хотел убить при соприкосновении с его женщиной. Похоже, связанный мужчина в нем узнал, что брат даже мысленно никогда не перейдет черту.

айЭм слегка улыбнулся.

– Сейчас я знаю, почему Бенцу требуется ремонт на пятьдесят штук. Налить тебе за компанию?

Трэз покачал головой.

– Нет, обойдусь.

Но когда его брат подошел к бару, Трэз извинился и последовал за ним.

– Эм, слушай, я хотел извиниться, что ничего не писал... вау!

Когда взятая айЭмом бутылка выскользнула из его рук, Трэз поймал ее прежде, чем та разбилась о пол... и тогда он заметил, как сильно дрожали руки его брата.

– Господи, айЭм, ты в порядке?

– А? Да. Конечно.

– Вот, – сказал он, протягивая водку. – Уверен, что стоит самому наливать?

– Разумеется.

– Подожди, позволь достать тебе стакан. – Он обошел бар и взял с полки низкий стакан, когда айЭм снял крышку с бутылки. – Клюквенный сок?

– Нет.

– Чистую? Обычно ты не пьешь водку так.

– Зато эффективно, мой брат. Этой ночью главное – эффективность.

Трэз протянул стакан и наблюдал, как айЭм наливает добрую порцию прозрачного релаксанта. Он ожидал, что уровень перестанет подниматься, и когда этого не произошло, то принялся старательно игнорировать шок.

Из них двоих именно айЭм избегал крайностей.

Он выпил все, и уровень алкоголя в его крови перешел в разряд комы. С другой стороны, выдались очень тяжелые сутки.

– Как дела в ресторане? – спросил Трэз, предъявляя права на стакан.

– А, хорошо. Да. Отлично.

– В клубах?

– Тоже.

айЭм хлестал дерьмо, словно воду, опрокинув полный стакан в открытое горло.

Трэз выругался.

– Мне чертовски жаль.

– За что? – пробормотал айЭм.

– Ты знаешь, за что.

В ответ раздал хрип, который мог означать многое.

– Слушай, мне нужно прилечь. Я вымотался.

– Да. Думаю, мы последуем твоему примеру.

– Как она?

Трэз оглянулся, чтобы потом опять перевести взгляд на брата, но глаза отказывались сдвигаться. Скользя по грациозному изгибу спины Селены, он видел ее голой в туалете, с раздвинутыми ногами, грудью, обнаженной для его рта и рук. Потом он представил ее громко смеявшейся на заднем сидении Бенца. Вспомнил, как она смотрела на него во время ужина.

– Она изумительная, – сказал он хрипло. – Просто невероятная.

– Это хорошо, брат. Это хорошо. – айЭм схватил «Кликс»^[85] и засунул подмышку. – Слушай, я прилягу... если понадобится, я в соседней комнате, хорошо?

– Спасибо.

Когда айЭм ушел, не оборачиваясь, было сложно не чувствовать, какой тяжелой ношей он был на его плечах.

Однажды, поклялся Трэз, он найдет способ, как отблагодарить парня за все.

Выхода нет.

Стоя посреди собравшихся в бильярдной комнате, Лейла четко осознавала, что если она попытается ускользнуть и взять машину для небольшой поездки, то ее забросают вопросами, на которые будет не так легко ответить. Но, что более важно, внизу в клинике лежал Лукас, в стабильном, но по-прежнему тяжелом состоянии. Куин все еще был с ним, вместе с Блэем, а она поднялась наверх, чтобы перекусить.

Уехать с территории было совсем неуместно.

Особенно чтобы встретиться с кем-то вроде Кора.

И, может, оно и к лучшему. Она чуть не перешла границы прошлой ночью, границы, которые увели бы ее в края, с которыми она бы не справилась, решила Лейла после долгих размышлений. Дражайшая Дева-Летописецца, она представить не могла, о чем думала, и это вынужденная разлука к лучшему... хотя она и не хотела, чтобы Лукас страдал.

На огромном ТВ экране над камином мелькали изображения погони и перестрелки, словно в каком-то кино.

Невероятно, что произошло в центре города. Слава Богу, никто не пострадал.

– Так, где сейчас твоя навороченная скорая? – кто-то спросил у Мэнни.

– Все еще у реки. Пришлось оставить ее на складе Ви. – Доктор потер глаза, словно мучился от жуткой мигрени. – Вся в пулях как решето... и я врезался на ней во что-то огромное.

– Лессер? – спросил один из Братьев.

– Нет. Когда я вышел проверить, на решетке и фарах была красная кровь. Значит, либо человек, либо кто-то из вас, парни... но, раз мы пересчитались по головам, и все остались при своих конечностях... значит, вероятней первый вариант.

– Или Ублюдки.

– Возможно. Да. Кто бы там ни был, уверен, что ему крепко досталось.

Лейла нахмурилась.

– Кого-то зацепило?

– Никого из наших, не волнуйся, – ответил кто-то.

Странное предчувствие потревожило ее.

Не сказав ничего больше, она вышла из комнаты. Удостоверившись, что никто не заметил ее уход, она достала телефон, который позаимствовала у Дока Джейн и послала короткое сообщение. Как только текст ушел, она стерла сообщение и, прежде чем вернуть мобильник в карман, убедилась, что он стоит в режиме вибрации.

Расхаживая у главной двери, она держала руку в кармане на тонком телефоне, ожидая ответа. Когда через десять минут никто не ответил, она снова проверила телефон, вдруг она нечаянно отключила его...

– О, привет.

Обернувшись. Она увидела Куина с Блэем, выходивших из потайной двери под лестницей, ведущей в туннель.

Вспыхнув, она поспешно сказала:

– Я только хотела спуститься.

– Сейчас он отдыхает. Док Джейн сказала, что его показатели улучшаются. Он вне опасности.

Блэй добавил:

– Мы собираемся поспать. Иначе сейчас свалимся.

Куин зевнул так, что щелкнула челюсть.

– Док Джейн вырубилась в клинике. Кажется, она вторые сутки на ногах. Она сразу позвонит нам, если что-то изменится.

– Позовете, если я понадоблюсь? – спросила она.

– Думаю, пока все нормально. Спасибо за все. Правда.

Они обнялись и попрощались друг с другом, а потом, должно быть, она очень хорошо претворилась нормальной, потому что пару секунд спустя они вместе направились на второй этаж.

Не догадываясь о ее беспокойстве.

Лейла перевела взгляд на бильярдную комнату. Достала телефон и проверила время.

Три ночи.

От него ни слова.

Прежде чем она поняла, что творит, Лейла проскользнула через столовую и кухню. Доджены были так поглощены подготовкой Последней Трапезы, что Фритц едва поднял взгляд и почтительно кивнул ей, когда она пронеслась мимо.

Никто не заметил, как она добралась до гаража. И бросилась к запертой двери. Когда она вбила код на панели, раздался тихий звуковой сигнал и открылся засов.

Мгновения спустя, она сидела за рулем своей машины, уезжая.

Пока она ехала по территории, мисс замедлял ее, отчего сердце билось еще сильнее. Но она, наконец, спустилась к подножию горы и, свернув на пригородную дорогу, нажала на газ.

У нее было не так много времени.

Боже, наверное, именно это чувствуют наркоманы, размышляла Лейла онемело, обхватив руль так, что побелели костяшки.

Тяга к наркотикам или выпивке... или, в ее случае, к Кору... была непреодолимой. И не было в ней никакого удовольствия, только вина и резонирующая ненависть к себе за то, что она в очередной раз отбросила все хорошие побуждения и поддалась пагубному влиянию.

Которое если не убьет ее, то разрушит ей жизнь.

Но, Дева-Летописца спаси ее душу, она не могла не убедиться, что с Кором все в порядке.

* * *

В королевском доме для аудиенций Пэрадайз улыбнулась пожилому мужчине перед ее столом.

– О, добро пожаловать. Я рада, что вы пришли этой ночью.

– Вы очень сильно помогли мне. – Он поклонился ей, держа шляпу в руке. – Желаю хорошей ночи.

– Вам тоже.

Когда он вышел из гостиной, она откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Последняя встреча на сегодня. Роф принимал от двух до четырех человек в час на протяжении восьми часов, значит от шестнадцати до тридцати. И для каждого из них она соблюдала предписанный отцом протокол: прием, регистрация, словно они никогда не бывали на аудиенции у Короля, предложение угощений или напитков до того, как их вызовут. Потом она прощалась с ними и вводила в базу данных заметки о поднятых вопросах, принятых решениях и дарованных разрешениях.

Она была не просто измотана. Она была выжата. Нужно столько всего узнать, запомнить столько имен и вопросов, фамильных древ и кровных линий, и не было места для ошибок.

К тому же, она должна быть мила со всеми, заводить разговор, пока посетители ждали своего времени, особенно, если они приходили одни.

Этого не было в списке должностных обязанностей, прописанных ее отцом. Но ей казалось это важным.

Может, наряд стюардессы оказывал на нее такое влияние.

Хотя более вероятно, что сказывалось воспитание Глимеры.

– Здесь полно пустых стульев.

Распахнув глаза, она подскочила.

– Пэйтон! Господи, ты не мог постучать?

– Я стучал. И один из Братьев впустил меня... я чуть не описался. – Он перевел взгляд на арочный проем.

– А перед твоим столом нет дверей, иначе я постучал бы и по ней. Прости, что напугал тебя.

Подергав мышкой, она убрала с экрана заставку с разноцветными просвечивающимися пузырями.

– Чего ты хочешь.

– Ты не отвечала на мои сообщения. И звонки.

– Я чертовски зла на тебя.

– Пэрри, ну хватит. Не будь такой.

– У меня к тебе вопрос. – Она перевела взгляд от экселевской таблицы, в которой работала, на его голубые глаза. – Как ты отнесешься к тому, что тебе запретят сделать тот или иной выбор лишь потому, что у тебя светлые волосы?

Он вскинул руки.

– Брось, мы не о цвете волос сейчас говорим...

– Я серьезно. Прекрати со мной спорить и ответь на вопрос.

– Я бы сходил в «CVS» и купил темную краску.

Качая головой, Пэрадайз взяла блокнот со списком дел и проверила кое-что из уже сделанного.

– Не понимаю, почему это такая трагедия, – пробормотал Пэйтон. – Почему ты вообще хочешь воевать? Аристократы тоже гибнут на войне, ты же знаешь. Почему ты не хочешь быть в безопасности...

– За столом, да? Или, точнее, в красивом платье в большом доме. Верно?

– Не так плохо быть слабым полом.

– Разве тебя не ждет твоя травка?

Она чувствовала его взгляд с высоты его роста.

– Ты уже забыла набеги, Пэрри? Не помнишь, как это было? Людей убивали в собственных домах. Их резали живьем. Они нашли родителей Лэша, их усадили за столом, трупы сидели, словно за ужином. Почему ты хочешь быть частью всего этого?

Пэрадайз снова встретила его жесткий взгляд.

– Я не хочу!

– Тогда почему мы сейчас спорим!

– Потому что я хочу выбирать. Я хочу иметь право рисковать... и не пугай меня повторением тех смертей, словно я не помню ничего в подробностях. Были убиты и мои родственники. Мне не разрешено мстить? Или здесь важно наличие члена?

Он уперся руками в стол и наклонился к ней.

– Мужчины не могут рожать.

Она встала из-за стола, встречая его лицом к лицу.

– Верно сообразил. Хотела бы я посмотреть, как хоть кто-нибудь из вас переживет такое. Да вы через десять минут будете реветь, как сучки.

На короткое мгновение у Пэйтона отвисла челюсть, и это удивило ее.

За годы их дружбы такого никогда не случилось.

Даже близко.

– Отлично, – сказал он мрачно. – Подкрепи свои слова делом.

– Что?

– Присоединяйся к группе. – Он провел рукой над столом. – Выбирайся отсюда, подай заявление и попытайся сдать тесты на физподготовку.

– Может, я...

В этот момент в комнату вошел ее отец.

– О, привет, Пэйтон. Как ты, сынок?

Пэйтон мгновенно переключился.

– Сэр. Я в порядке, сэр. Спасибо.

Когда они пожали друг другу руки, она точно знала, что ее отец не представлял, что происходило в гостиной... а Пэйтон как раз наоборот. Его плечи все еще были напряжены, словно он мысленно с ней спорил.

– ...так мило с твоей стороны, что ты пришел поддержать Пэрадайз. – Отец улыбнулся ей. – Особенно в ее первую ночь. Должен сказать, ты превысила мои ожидания, моя дорогая. Это чудесный способ убить время до выхода в высший свет.

– Спасибо, Отец, – ответила она с поклоном.

– Что ж, мне пора. Пэйтон, может, ты составишь ей компанию до рассвета?

Резкие голубые глаза метнулись к ней.

– Ты больше не живешь дома?

– Не волнуйся, – спокойно вмешался ее отец. – Ее сопровождает дуэнья. А сейчас прошу меня извинить, я должен откланяться.

Чтобы проверить их «гостя», без сомнений.

– Братья вывели Короля из здания, – сказал ее отец, обходя стол и обнимая ее. – Доджены будут убираться час, не меньше. Позвони мне, если что-нибудь понадобится.

– Обязательно.

А потом он ушел.

– Поверить не могу, что он позволил тебе остаться, – сказал Пэйтон.

– Это не обязательно его выбор.

– Что ты имеешь в виду?

– Ничего. – Она пропустила пальцы через волосы, встряхнув волнами. – Ты не обязан оставаться. Более того, я бы хотела, чтобы ты ушел.

Она чувствовала его взгляд на себе, и когда он не ответил, посмотрела на него.

– Что?

Она никогда не видела, чтобы он так низко опускал веки.

– Ты никогда не была такой...

– Несносной?

– Нет, – пробормотал он. – Не это.

– И что тогда? – когда он не ответил, она покачала головой. – Пэйтон, ступай домой. Просто ступай домой, покури и наберись мужества для поездки в тренировочный лагерь. Ты был рожден для этого.

На этих словах она обошла его и покинула гостиную. Ей было неважно, как он поступит, ушел ли он... или остался стоять у стола, дожидаясь, когда придут доджены и щетками для пыли

изгонят его вместе с клубами пыли.

С нее хватит.

На эту ночь. И в целом – мужчин.

– Нет. Сюда. Положите его возле огня...

– Я вам не инвалид. – Кор вырвался из державших его рук.

Хромая по тесной комнате коттеджа, купленного им для Лейлы, он оставил при себе тот факт, что продрог до костей, и что, на самом деле, будет благодарен теплу пламени, игравшего на бревнах в камине.

– У тебя нога сломана, – отметил Зайфер.

Когда он устроился на диване, резкая тошнота угрожала опустошить его желудок, но Кор закопал это чувство глубоко, проглотив поднявшийся ком.

– Она срастется.

– Здесь есть провизия.

Он не понял, кто сказал это. Плевать хотел.

– Где пойло?

– Вот.

Когда бутылка Одному-Богу-известно-чего появилась перед ним, он взял предложенное, снял крышку и поднес горлышко ко рту. Это была водка, белая жидкость опалила заднюю стенку горла и зажгла огонек в желудке.

Путь домой выдался очень, очень долгим, он дематериализовывался через каждую милю, потому как в их распоряжении не было транспортных средств. И сейчас Кор хотел, чтобы его просто оставили в покое... и боялся, учитывая, что все они собрались здесь, обеспокоенные его состоянием, что потребуется больше сил, чем у него было, чтобы отправить их с миром.

– Ты чуть не погиб, – сказал Бальтазар, стоя у двери.

Он сделал еще глоток.

– Ты тоже...

– Кто-то приехал, – сказал Сайфон у эркера. – Машина.

Мгновенно все достали оружие, направляя на окна... все, кроме него. Рука под тонкой курткой болталась вялой конечностью, сустав, скорее всего, был выбит.

И он не опустил водку.

– Кто это? – спросил он, думая, что, скорее всего, это был доджен, которого он нанял.

– Это женщина, – выдохнул кто-то. – И не из низшего сословия.

Кор мгновенно обернулся, обнажая клыки. Но он не нуждался в визуальном подтверждении. Только одна женщина знала об этом месте и могла приехать на машине.

– Оставьте нас, – приказал он. – Немедленно.

Когда его Шайка Ублюдков просто продолжила стоять полукругом, прикованная к этому долбанному окну, он издал львиный рык.

– Оставьте нас!

Зайфер прокашлялся.

– Кор, воистину, она аппетитная...

– И она станет последним, что ты увидишь перед смертью, если не свалишь отсюда!

Они нехотя, один за другим дематериализовались... и, когда его женщина постучала в дверь, он остался один.

Ища сил в бутылке, он крепко присосался к горлышку, потом оторвался от дивана, подошел к двери и широко распахнул ее.

Увидев его, Лейла сразу же воскликнула:

– Ты ранен!

На ее лице отразился такой шок, что он опустил взгляд на себя и свою окровавленную одежду.

– Да, похоже на то. – Забавно, сейчас, когда она стояла перед ним, он больше не чувствовал боли. – Войдешь погреться у огня?

Словно ничего не произошло. Словно она не продавила его, когда они должны были встретиться в полночь... чтобы сообщить ему свое решение.

Но он знал ответ. Ее отсутствие все прекрасно сказало за нее... очевидно, она одумалась.

Лейла зашла внутрь, окидывая его взглядом.

– Кор, что произошло?

– Ничего. – Он закрыл их внутри. – Ты же написала, что не можешь вырваться.

– Я видела, что произошло в центре. И я должна была...

– Должна что? Приехать сюда и убедиться, не умер ли я, ведь в таком случае ты освободишься от своего обязательства? – Когда Избранная не ответила, он, рассмеявшись, вернулся к дивану. – Прости, но мне нужно сесть.

Кор чувствовал, как ее глаза следили за ним. И, без сомнений, ее острый слух уловил его стон, который он старательно попытался скрыть.

– Тебе следует отправиться к доктору.

Кор рассмеялся и сделал очередной глоток из бутылки.

– Думаешь, это требует внимания? У Братства Черного Кинжала иное отношение к ранам, чем у нас. В течение прошлых столетий у меня бывали ранения хуже, намного хуже. Это не имеет значения, все исцелится к следующей ночи.

– Когда ты кормился в последний раз?

Внезапно все его тело замерло.

– А ты предлагаешь?

Когда Лейла принялась рассматривать декор коттеджа, он снова тихо рассмеялся.

– Приму за «нет». К тому же, однажды ты уже помогла и посодействовала врагу, и всем нам хорошо известно, во что это вылилось.

– Почему ты травишь меня?

Он сделал еще один глоток.

– Потому что это я чувствую. И я ублюдок, не забыла? Ублюдок, заставивший тебя приходить ко мне ночь за ночью, в то время как ты вынашиваешь дитя другого мужчины.

– Тебе больно.

– На самом деле, сейчас, когда ты здесь, боли нет.

От его слов она замолчала на мгновение.

А потом он испытал шок, когда Лейла шагнула вперед, приближаясь к дивану... потому, подойдя, она задрала правый рукав.

– Что ты делаешь? – требовательно спросил он.

– Собираюсь дать тебе свою вену.

Она замерла перед ним. Достаточно близко, чтобы схватить ее. Достаточно близко, чтобы при желании он мог рывком усадить ее на колени. Найти груди руками, ртом.

– Тебе хуже, чем ты думаешь.

– О, да, – сказал он хрипло. – Ты права. Но ранения тут не причем.

Она протянула ему запястье.

– Тебя сбила машина Братства, ведь так?

– Чувствуешь, что обязана мне за это? Интересная смена приоритетов.

– Так не отвергай предложение.

– Я не могу понять, что тобой движет, женщина. Раньше ты не чувствовала себя комфортно

из-за предательства. Что изменилось?

– Ты не напал на них сегодня ночью, ведь так? У тебя была возможность напасть на членов Братства, но вместо того, чтобы приказать своим солдатам атаковать Мэнни и Рейджа, и других Братьев, кто был в центре, ты оставил поле боя, не причинив им вреда.

Да, подумал он. Он знал, что тот фургон принадлежал Братьям.

Он уловил, что кто-то дематериализовался оттуда... и никто больше из вампирских группировок не мог позволить себе такую роскошь.

Кор выдавил улыбку.

– Ты не слышала о самосохранении? Если я был ранен так серьезно, как ты считаешь, я ушел, спасая свою жизнь.

– Чепуха. Мне известна твоя репутация. У тебя была возможность этой ночью, и ты ею не воспользовался. Более того, в течение почти целого года у тебя был шанс напасть на лагерь, и ты ничего не предпринял.

– Мне стоит напомнить тебе природу нашего соглашения? – спросил он скучающим голосом. – Ты приходишь, услаждая мой взор, а я сохраняю им жизнь.

– Данная женщине клятва никогда не остановила бы тебя. Ты – сын Бладлеттера.

О, но клятва, данная тебе, остановит, подумал Кор про себя.

Ее голос становился настойчивее.

– Ты не собираешься проявлять агрессию по отношению к ним, ведь так? Ни сегодня ночью. Ни завтра. Ни через год. И не потому, что я прихожу к тебе... в ином случае, ты убил бы одного из них или больше сегодня в переулках. Это было бы за пределами нашей договоренности, верно?

Пока он смотрел на нее, ее глаза были настолько пронизательными, что ему казалось, будто он уменьшился в размерах... и не потому, что сидел, а она стояла над ним.

– По неизвестной мне причине, они перестали быть твоей целью, ведь так? – сказала она. – Так?

* * *

Стоя над Кором, Лейла вслух высказывала мысль, сформировавшуюся в ее голове во время поездки из особняка Братства к коттеджу.

Она словно шла по крутому уклону и внезапно добралась до поляны среди кустарника, показавшей ей сцену, в которой она не принимала участие и даже не осознавала ее существования.

– Ответь мне, – требовательно сказала она.

Кор изогнул бровь.

– Ты сказала, что у меня нет чести, что клятва, данная женщине, не повлияет на мои действия. Почему же ты ждешь от меня ответа, когда ему нельзя доверять?

– Что изменилось? Я знаю, это не связано со мной, что-то изменилось.

– Раз ты так хорошо отвечаешь за меня, мне стоит откинуться на диван, позволяя тебе вести разговор за двоих.

Кор упорно смотрел на нее, его лицо являло собой спокойную собранную маску, и она знала, что он ничего не скажет. И, наверное, будет прав: она не могла верить его словам.

Но она могла верить в его действия.

– Возьми мою вену, – сказала она, протягивая запястье. – Исцелись.

– Упрямая женщина. Что будет с твоим ребенком?

– Женщина может свободно кормить мужчину, если он не возьмет слишком много.

Она кормила Куина и Блэя до прошлого месяца, когда они перешли на Селену из чувства чрезмерной осторожности. И, так или иначе, она сама брала вену всего двенадцать часов назад, поэтому была сильна как никогда.

А он – нет.

– Ты не питался в достаточной мере с того раза, как я кормила тебя, ведь так?

Его взгляд переместился на камин.

– Конечно, кормился.

– Ты лжешь.

– Прошу, воспользуйся своей машиной и вернись в Братство Черного Кинжала.

– Нет.

Кор прищурился, снова посмотрев на нее.

– Ты испытываешь мое терпение.

– Потому что я права о...

И вот так просто он оказался на ногах, и, несмотря на хромоту, он умудрился шагнуть к ней, заставляя ее либо отступить, либо упасть. Еще шаг. И еще.

Пока она не оказалась прижатой к стене.

– Избранная, тебе стоит изменить свое мнение.

Лейле было сложно дышать, но не потому, что он давил на ее грудь.

– Я знаю что-то еще.

– И что это может быть?

Она вспомнила, как подслушала разговор Блэя и Куина прошлой ночью, о том, как Рейдж, Ви и близнецы отправились в бывший дом Шайки Ублюдков.

– Я знаю, что у тебя была другая возможность убить их. Я знаю, что они были в доме, где вы раньше жили, и ты не оставил за собой ничего, что могло причинить им вред. Ты мог устроить там засаду, установить бомбу, и ты не сделал этого.

На этом он отошел от нее. Было больно наблюдать, как он хромает, видеть его окровавленную, порванную одежду, истощение.

Она сказала мрачно:

– Поэтому нельзя сказать, что я кормлю врага, не так ли?

В конце концов, Кор остановился перед огнем. Упершись одной рукой в бедро, он смотрел на языки пламени и казался при этом на удивление поверженным.

– Просто уйди, – выдохнул Кор.

– Почему ты скрываешь новости, которые для меня являются хорошими? – При мысли, что он может прекратить попытки убить Братство или Рофа, она испытала бы невероятное облегчение. – Почему?

– Не будь нашего уговора, ты бы пришла ко мне?

Лейла ощутила, как странное тепло накрыло ее, и смутно осознала, что они снова приближались к некоторой границе.

Все ночи до этого были танцем манипулятора и жертвы.

И была извращенная безопасность в роли, которую она играла.

Это значило, что она могла прятаться за долгом перед Братством.

Это значило, что она могла притворяться, что ее заставляли делать это.

Но правда... была намного сложнее.

От образа его с прошлой ночи, стоявшего там, где он стоял сейчас, ей захотелось скинуть флис, если раньше ей было просто жарко, то сейчас она вся горела.

Кор оглянулся через плечо. В мерцающем свете камина, игравшем на его лице,

деформированная губа еще сильнее бросалась в глаза. И хотя кто-то мог бы счесть его уродливым... она его таковым не считала.

Она попыталась представить его без одежды.

– Так что? – сказал Кор насмешливо. – Ты приходила бы сюда? И не бойся задеть мои чувства. Женщина, родившая меня на этот свет, не захотела меня. Я хорошо знаком с женским пренебрежением.

После очередной повисшей паузы он полоснул ладонью по воздуху.

– Уверен, что таков твой ответ, поэтому...

– Пришла бы, – сказала она уверенно. – Я бы пришла, чтобы увидаться с тобой.

Она поняла, что положила руки на округлившийся живот, жалея, что не может избавить свое нерожденное дитя от этой жестокой реальности.

Его глаза шокировано метнулись к ней. Потом прищурились.

– Почему?

Его голос был резким требованием к ней высказать и другую правду.

– Не знаю, почему. – Она пожала плечами. – Но причины не изменят этого факта, ведь так?

Повисла очередная длинная пауза.

Когда Кор заговорил в следующий раз, его голос был таким тихим, что она не была уверена, что верно расслышала его. Прозвучало нечто вроде:

– Я не хотел меняться.

Она не стала просить его повторить. Без сомнений, если бы он хотел, чтобы она услышала его, то сказал бы громче.

– Возьми мою вену.

Настаивая, она знала, что пути назад не будет. Перейдя в реальность, где нет места лжи, и превыше всего стоял выбор, она четко осознавала, что ее судьба менялась. Но, по крайней мере, не посредством случайных и несущественных решений повернуть направо или налево.

Это было осознанно. Настолько осознанно, словно уютная комнатка в живописном коттедже была наполнена цветами и слишком яркими запахами даже для ее обоняния. Ее слух также был чересчур, до боли острым, каждый треск в камине или дыхание, вырывавшееся из ее или его рта, превращались в эхо в каньоне.

В этот раз, когда он подошел к ней, это было не так быстро и без агрессии.

Он не сводил с нее взгляда, и его глаза были очень настороженными, словно у хищника, смотревшего на жертву.

Встав сбоку от нее, Кор предложил ей свою руку, согнутую в локте. Когда она просто подняла взгляд, он сказал:

– Я видел однажды такое. Джентльмены делают это для достойной женщины?

– Да, – сказала она хрипло. – Так и делается.

Когда она скользнула рукой по его руке, он повел ее к дивану и усадил на истрепавшиеся подушки. Потом отвернулся и покинул комнату.

– Куда ты? – воскликнула она.

– У тебя самые красивые руки.

Трэз лежал в своей кровати с Селеной, они оба были голыми с полностью обнаженными душами. Секс вышел настолько мощным, что покрывала были разбросаны по полу, а их горячая кожа только сейчас начинала остывать на легком сквозняке, гулявшем в темной комнате.

– Ты упоминал это раньше, – сказала она с улыбкой.

Он издал ммм-хмм.

– Люблю чувствовать их на себе. Люблю смотреть на них. Прикасаться к ним.

Поглаживая ее ладонь своей, он всем своим телом чувствовал прикосновение. Так умиротворяющее. Все это было так умиротворяющее.

– Мне нравится смотреть на звезды, – сказала Селена спустя какое-то время. – Через твоё окно.

– Да.

Было почти пять утра, ставни скоро опустятся на день. Осень крепко ухватила не только за погоду, но и за солнечный свет, в эти дни рассвет приходил позже.

– Знаешь, у меня никогда такого не было, – услышал он себя.

Селена перевернулась на бок и подперла голову рукой, которую он ласкал. И словно узнав, что ему не хватало контакта, она дала ему вторую руку.

– Не было чего? – спросила она.

– Такой тишины.

За столькие годы пустых оргазмов, хотел бы он знать, что его ждет подобное глубокое слияние. Тогда можно было избежать этого пустого, бесконтрольного потребительства.

– Включить музыку? – спросил он внезапно, на случай, что из них двоих он один наслаждался тишиной.

– Нет, это... идеально.

На этом он извернулся и поцеловал ее в губы. А потом опять устроился на спине и вернулся к новой «ручной работе»... он ласкал пальцами каждый ее пальчик, расправляя их, играя с сильными кончиками.

– Я люблю звезды, – сказала она, словно обращаясь к самой себе.

– У меня есть мысль для следующей ночи.

– Да?

Он издал еще одно ммм-хмм.

– Сюрприз. Придется отложить прогулку на лодке.

А ему, наверное, понадобится валиум. Но Селена будет в восторге.

– Трэз?

– Да?

– Я хочу, чтобы ты сделал кое-что для меня.

Он улыбнулся в темноте.

– Есть вероятность, что будет задействован мой язык? Просто обозначь часть тела, моя королева.

– Нет.

Перемена в ее голосе остановила его. И на короткое мгновение он хотел сказать: *Прошу, не надо. Мы можем поговорить об этом с приходом ночи. Оставим дневные часы для фантазий о вечности.*

Но, как всегда, он не мог отказать ей ни в чем.

– Что это?

Селена не сразу ответила, и, наверное, это значило, что она осторожно выбирала слова.

Он пытался сохранять спокойствие.

– Не торопись.

– Мои сестры. – Она помедлила. – Те, кто ушел... они похоронены на кладбище. Помнишь, где ты нашел меня?

Та живая изгородь, подумал он. Та, через которую он смотрел на мраморные статуи... которые, как он боялся, были совсем не из мрамора.

– Да, я помню.

– Не позволяй им поместить меня туда. – Она забрала у него свою руку и села. Когда она посмотрела на него, ее длинные, красивые черные волосы рассыпались по ее плечам, прикрывая одну грудь, касаясь кожи бедра. – Они захотят этого. Нужно будет выбрать позу... ну, когда время придет, они смогут заставить меня принять любую позу, какую я пожелаю. Они нанесут гипс на мои волосы, лицо и тело. Это ритуал. Поэтому они все там такие разные... в смысле, в разных позах.

Трэз потер лицо. Что нисколько не помогло унять пронзительную боль в груди.

– Селена, давай не будет об этом...

Она схватила его за руку. Крепко.

– Пообещай мне. Я буду не в состоянии отстоять свои права, когда придет время. Мне нужно, чтобы ты сделал это за меня.

И снова он не мог ей отказать... будучи связанным мужчиной, это казалось не просто правильным, но и полезным. Но конкретно эта просьба? Он чуть не раскололся надвое, кивая.

– Хорошо. – Он прокашлялся. – Хорошо, я обеспечу это.

Ее тело разом расслабилось, и она выдохнула. С другой стороны, когда Селена снова устроилась рядом с ним, она покачала головой.

– Я знаю, что это противоречит всему, чему меня учили, всем традициями моей службы... но часть меня испытывает паранойю при мысли, что они навечно застряли там.

– Прости... что? Ты про своих сестер?

Она кивнула.

– Как мы можем быть уверены, что Забвение существует на самом деле? Вдруг то, что нам рассказывали, на самом деле не правда? Как и все остальные в Святилище, я старалась избегать кладбища... я ненавижу безмолвность и неподвижность там, и, Боже, бедные женщины, некоторых я знала, я трапезничала с ними, служила рука об руку Деве-Летописице. – Она тихо выругалась. – Они застряли на том кладбище, не просто застывшие в своих телах, но забытые нами, потому что мы не можем находиться рядом с ними. Что, если они видят нас? Что если они могут слышать нас? Что, если время растянулось для них в вечность, потому что они пленены... – Селена задрожала. – Я не хочу этого. Когда я уйду, я хочу быть свободна.

Ее взгляд снова обратился к окну, к мерцающим звездам на небе.

– У каждого вида есть свои представления о загробной жизни, – сказал он. – У людей есть Рай. У вампиров – Забвение. У Теней это Вечность. Мы не можем все разом ошибаться... и каждая версия похожа на другую. Поэтому кажется логичным предположить, что после смерти что-то есть.

– Но нет гарантий... ты узнаешь это, когда будет уже поздно. – Казалось, она ушла в себя. – Знаешь, когда у меня наступает Окоченение, я слышу... когда я в состоянии, где мое тело... неподвластно мне, я могу слышать, обонять, могу видеть. Сознание со мной, я здесь, но ничего не могу сделать. Я уже говорила, нет большей паники, чем чувствовать, что кроме мозга ничего не функционирует.

Держись, сказал он себе. Не смей расклеиваться.

Ты соберешь сопли в кулак и будешь рядом с ней. Здесь и сейчас.

Когда Селена замолчала, он поставил себя на место, описанное ею, когда ты все осознаешь, но не можешь ответить, отреагировать, что-то сделать.

Протянув руку, Трэз пригладил ее длинные волосы. А потом поцеловал ее, медленно, мягко. Мгновение спустя, он забрался на нее, находя ее лоно. И входя в нее, чувствуя знакомое, но шокирующее чувство тесноты, он давал ей клятву посредством физического акта.

Порой зло, которому ты противостояешь – нечто, что невозможно ударить, застрелить, расчленить. Порой ты не в силах нанести ему даже малейший вред.

И это самое, черт подери, ужасное.

Его бедра набирали темп, и Селена обняла его руками, он поддерживал ритм приятный и неторопливый, чтобы не переставать целовать ее.

Где-то в середине он уловил запах дождя.

Они оба плакали.

* * *

В тренажерном зале Рейдж бежал так, словно его преследовал его собственный зверь.

Беговая дорожка была не в восторге. Он был уверен, что изданный ремнем крик – достаточно громкий, чтобы он мог слышать его сквозь Т.И.^[86], которого он вливал в уши словно героин – означал, что машина отбросит коньки в любую секунду. Но он не хотел разрывать темп, чтобы дойти до соседней двери.

Но когда дорожка запахла как лессер, он понял, что решение было принято за него. Запрыгнув на боковые рельсы, он нажал красную кнопку, и дорожка мгновенно начала замедляться. Либо так, либо он прогадал со временем, и машина уже скончалась.

Переводя дыхание, он промокнул лицо одним из колючих белых квадратных полотенец. Оно скорее было наждачной бумагой, но они все равно предпочитали такие. Фритц пытался, время от времени, подсунуть им вместо олд-скульных что-то по-нежнее, но они с братьями всегда возмущались. Эти полотенца были для тренажерки. Им полагалось быть тонкими и спартанскими, махровым эквивалентом койота.

Когда ты пропотел как свинья и не можешь чувствовать свои конечности от напряжения, едва ли захочешь обтереться померанским шпичем^[87].

Он реально пробежал двадцать четыре мили?

Черт, как долго он уже здесь?

Выдернув наушники, он осознал, что не только одна из пяток онемела, но и его паховые мышцы горели, а плечо, раненное пять ночей назад, расшаталось.

В итоге он припарковался на одной из деревянных скамеек, стоявших вдоль дальней стенки зала. Когда дыхание начало постепенно возвращаться к нему, он почувствовал, будто находится в окружении своих братьев, хотя и был на самом деле один: шла ли речь о жиме штанги на скамье – там до сих пор стоял вес в шестьсот фунтов, которые жал вчера Бутч – или штанге, с которой Зи делал вчера скручивания, перекладине, на которой Тор качал пресс... он мог представить бойцов, всех до одного: слышал их голоса, видел, как они проходили мимо, чувствовал на себе их взгляды во время разговора.

И от всего этого он должен чувствовать себя скорее более вовлеченным, не менее.

Но реальность была такова, что даже в зале сорок на сорок футов, забитом до отказа огромными тушами, он все равно чувствовал себя изолированным.

Снова пройдясь полотенцем по лицу, он закрыл глаза и перенесся в другое место, другое время... в воспоминание, которое – сейчас он понял – он отбрасывал каждый раз, когда оно пыталось всплыть на поверхность.

Белый фермерский домик Беллы. Ее крыльцо, такое по-новоанглийски уютное, что вызывает или рвотные позывы... или желание усесться по-турецки и слопать там яблочный пирог. Он тогда вышел из двери, голова опущена так, словно ее отрубили, и только шейные хрящи держали котелок на плечах.

Его любимая Мэри была наверху, только что сказала ему свалить нахрен.

Хотя, конечно, она не была такой грубой.

Его жизнь была кончена, когда он покидал этот дом. Хотя он был якобы «жив», на самом же деле он был живым мертвецом...

... пока она внезапно не выскочила из дверей на босых ногах.

Я не в порядке, Рейдж. Я не в порядке...

– Дружище, почему ты думаешь об этом? – Он сильно потер полотенцем лицо. – Просто отпусти это дерьмо... давай, подумай о чем-нибудь другом...

Но его мозг не сменил ход мыслей. А следующее воспоминание было того хуже.

Больничная палата, но не на территории Братства, и даже не в клинике Хэйверса. Человеческая больничная палата, и на койке лежала его Мэри.

Черт, он до сих пор помнил, какого цвета была ее кожа. Ненормального, совсем ненормального. Не просто бледная, она начинала сереть.

Чтобы спасти ее, он сделал то единственное, что смог придумать, послал единственную оставшуюся молитву: он отправился к Деве-Летописице. Он покинул человеческую больницу и вернулся домой, в свою комнату и стоял на ограненных бриллиантах, пока колени не покраснели от крови.

Он молил о чуде.

Выругавшись, он вытянулся на скамье, роняя спину на беспощадное дерево, оставляя ноги на полу по обе стороны скамьи.

Его Мэри сегодня не вернется домой. Она заночует в Убежище.

Маму того ребенка увезли к Хэйверсу. После того, как она впала в кому.

Персонал решил, что ребенку на день лучше остаться в доме, и Мэри захотела остаться с девочкой.

Боже, он помнил острую тоску в дневное время, когда его Мэри лежала больная в клинике. Для него было небезопасно оставаться с ней в течение дня, и он был в ужасе от мысли, что она умрет, когда он даже не сможет добраться до нее.

Наверное, они смогут отвезти малышку к ее мамен, если дойдет до этого. Будучи претрансом, она могла выходить даже в полдень.

Уставившись в потолок, он подумал о Трэзе и Селене. Их свидании. Их побеге из центра. О том, как они повеселились, удирая от человеческой полиции.

За это стоило бороться. За все это.

Его Мэри не придет сегодня домой, и он не знал, как протянет следующие двенадцать часов перед тем, как снова сможет с ней увидеться. И это даже зная, что он мог позвонить и написать ей, в любой момент вызвать по скайпу.

Эта малышка, скорее всего, потеряет свою мамен.

И Трэз, наверное, потеряет Селену.

Рейдж точно знал, что все они молились о чуде, которым его одарили. И, может, именно с этим у него и были проблемы.

Почему ему повезло? Тору не повезло. Ну, да, его Брат обрел Осень, и это благословение без

меры. Но как бы он не любил женщину, он чуть не умер, потеряв Велси.

Он просто не понимал. Если только Дева-Летописецца снова вмешается, или кто-то найдет лекарство...

Почему ему с Мэри посчастливилось?

Когда его мозг застопорился на этой мысли, ему пришлось оборвать её. Он не хотел здесь свихнуться в одиночку.

Да, подумал он с иронией. Потому что намного лучше делиться подобным со своими любимыми.

Страшные времена. Жуткие.

Если Бог любит троицу... думал он, оцепеневший. То кто умрет третьим?

Когда Кор вышел из главной комнаты коттеджа, Лейла была готова последовать за ним на улицу и заставить его взять ее вену даже на лужайке перед домом. Но только она встала с дивана, как услышала шум... душа.

Повинуясь движению вперед, она пересекла комнату и завернула за угол, чтобы встать перед закрытой дверью в ванную комнату.

– ...дерьмо... – раздалось бормотанье Кора по ту сторону двери.

– Кор?

– Оставь меня одного. Я вернусь через минуту.

Когда раздалось очередное проклятье, она повернула ручку и распахнула дверь.

Кор стоял перед раковиной, с наполовину сдернутой рубашкой. Извернувшись торсом, он пытался стянуть ее через голову... чтобы не задеть при этом пулевое ранение в боку.

– Что ты делаешь? – спросил он сквозь складки черной ткани.

Какое-то мгновение она могла лишь смотреть на его пресс, изрезанный мускулами, отбрасывавшими тени. Ниже виднелись бедренные косточки, выпиравшие под кожей, военные штаны посаженные низко, держались лишь на мышцах ног.

Он был невероятно мощным. Но, также, худым.

Встряхиваясь, она сказала:

– Я помогу тебе избавиться от рубашки.

– Я сам справлюсь, просто... – Снова извернувшись, он застонал от боли.

Игнорируя его, Лейла закрыла дверь, чтобы сохранить в комнате то небольшое тепло, что поднималось от включенного душа.

– Перестань. Ты только ранишь себя.

– Со мной все в порядке, – отрезал Кор.

Как только она коснулась его руки, он застыл как вкопанный.

– Позволь помочь тебе, – прошептала она.

Хорошие новости в том, что он собрал рубашку вокруг головы. Поэтому сейчас не мог видеть ее трясущихся рук, когда она нежно взяла ткань и потянула вверх по его рукам, открывая своему взгляду бугрившиеся мускулы торса и грудных мышц.

Дыхание рывками вырывалось из него, грудь вздымалась и опускалась в ускорявшемся ритме, пока она снимала футболку с его рук.

Массивные руки. Плотные руки, сужавшиеся у локтей и запястий, но широкие в остальных местах.

Когда с него стянули рубашку, в голове Лейлы осталась одна мысль: что он – убийца. Прирожденный убийца, чье тело отражает характер его работы.

– Подожди меня снаружи. – Он отказывался смотреть ей в глаза. – Я не возьму твою вену, будучи таким нечистым.

– Здесь ужасная рана.

Когда Лейла прикоснулась к теплой, бледной коже под ярко-красной повязкой на боку, он дернулся. Но его голос оставался сильным.

– Она заживет к заходу солнца.

– Только если ты покормишься.

В ответ он стиснул зубы – явное предложение выйти, если ей не показалось. И он дополнил жест словами:

– Если ты не выйдешь, то увидишь нечто больше, чем просто мою грудь.

– Рана на ноге еще хуже. – Она выразительно посмотрела на растущее пятно на его военных штанах.

Его руки потянулись к ширинке.

– Ну?

Словно давая ей последний шанс.

– Ну? – Она пожала плечами. – Ты серьезно думаешь, что я позволю тебе забраться в душ без помощи? Ты белый как простыня. Кровяное давление, очевидно, низкое. Ты можешь потерять сознание.

– О, да ради всего святого...

Сейчас он посмотрел на нее. И уверенно расстегнул молнию. Верхняя часть штанов спустилась вниз, застревая на бедрах.

Обнажая что-то.

И это была... эрекция.

Кор выгнул бровь.

– Можешь перестать так пялиться. Не верится, что ты наслаждаешься видом.

Она попыталась отвести взгляд. Правда, пыталась. Но у глаз было на этот счет свое мнение.

– Ты такой большой, – выдохнула она.

Кор отшатнулся. Словно это было последним, что он ожидал от нее услышать. И когда он заговорил, его голос изменился.

Сейчас он умолял:

– Лейла... Избранная Лейла... тебе нужно уйти.

* * *

Стоя перед женщиной полностью обнаженным, Кор не мог пошевелиться. И не потому, что военные штаны повисли на коленях, превратившись в хомут.

Зеленые глаза Лейлы стали невероятно широкими, сфокусировавшись на его члене... не отрываясь от него.

Интересно, этот вечер может уйти под откос еще больше?

Минутку... наверное, не стоило дразнить Судьбу подобным вызовом.

Тем временем, его члену нравилось оказываемое внимание. Чертова штука подрагивала, словно предлагала пожать руки и познакомиться поближе.

Он прикрыл напряженную длину обеими ладонями, прижимая ее к животу.

– Лейла.

Вместо того, чтобы последовать голосу разума и в ужасе и отвращении отойти от него, женщина нагнулась и схватила пояс его военных штанов. Прежде чем он смог оттолкнуть ее, штаны спустились по бедрам до лодыжек.

– Давай, нужно поставить тебя под душ.

Избранная не дала ему шанса возразить. И мгновение спустя его избитое, израненное тело оказалось под теплой водой, ноющие кости и заживающие шрамы одновременно кричали и вздыхали от облегчения. Резко задернув шторм, она предоставила ему личное пространство, которого он так хотел... но шум возле туалета сказал, что она не вышла из уборной, а просто опустила крышку и села на унитаз.

Не было причин не взяться за мыло с шампунем, и он попытался управиться как можно быстрее. К несчастью, пуля, едва не задевшая его легкое, жалила так, будто на кожу пролили электролит. И мыло не помогало.

Вторая причина поторопиться – он четко осознавал свою наготу и свою эрекцию. Чем быстрее он вымоется, тем быстрее сможет одеться.

Одежды-то нет. У него не было чистой одежды.

Пораженно закрывая глаза, он смыл пену с волос, запрокидывая голову назад. Ошибка с его стороны. Поток воды ударил по члену, и, будь он проклят, если это не ощущалось как прикосновение рук, ее рук.

Или, может, рта...

Разрядка была неожиданной. И нежеланной. Когда член вздрагивал на волнах оргазма, Кор стиснул зубы...

– Не нужно прятаться, – сказала она хрипло. – Я вижу твою тень.

– Так отвернись, – простонал он, его бедра двигались в такт извержениям.

– Не могу.

Припав к плитке, он знал, что лишился малого преимущества, которое, казалось, имел в этой ситуации. Эта женщина угадала ужасную правду о нем. Она знала, что его цели изменились. И, казалось, она не желала продолжать эти отношения на условиях, которые позволяли им обоим сохранить лицо и достоинство.

Но, по крайней мере, она не знала, что была причиной всего.

Эта его жизнь... жалкая жизнь... сейчас крутилась вокруг нее.

Если это всплывет, это станет его гибелью.

Кор повернул кран, намереваясь положить конец всему этому и отослать Избранную, чтобы вернуть свои стены на место. Он только собирался сдернуть рывком шторку и обмотаться ею, когда через гардину ему бросили массивное полотенце.

– Ради твоей скромности, – сказала Лейла.

Она смеялась над ним?

Не потрудившись вытереться, он прикрыл чресла и отодвинул занавеску. Она действительно сидела на унитазах, флис на ней укрывал ее изменившиеся от беременности формы.

Без слов, она задрала рукав и протянула запястье.

В ее глазах был вызов.

– Отлично, – выдавил Кор, злясь на себя. На нее. На новые земли, на которые они ступили.

Опускаясь на колени... потому что она была права, его ужасно шатало... он прикоснулся к ней к плоти.

До смерти. Он до смерти хотел ее.

И укусил так нежно, как только мог.

При первом глотке он застонал, его тело закачалось, вес врезался в шкафчик под раковиной. Ее кровь была темным вином, от которого его мучила жажда, вместо того, чтобы успокоить пересохшее горло, а между ног, его член снова начал содрогаться.

Он кончал в полотенце, удовольствие волнами прокатывалось по венам, костям, плоти...

Моя.

В его нутре поднялась необходимость взять ее, такая мощная, что он поддался влечению, тело было в шаге от того, чтобы рвануть вперед, уложить ее на пол и забраться сверху.

Беременную или нет, он собирался взять ее, оставить внутри нее свою метку...

Разрывая прикосновение, он оттолкнулся от Избранной, упершись ногами в шкафчик, холодный фарфор раковины впился в его плечи, когда он одеревенел в попытке обрести контроль.

– Что случилось...

– Уйди! – закричал он.

Сексуальный зверь внутри него рыскал, готовый взять ее... и вкупе с его жаждой крови, он

знал, что не сможет удержать оба инстинкта сразу. Он мог отгрызть ей запястье и жестко взять одновременно.

– Кор, ты выпил недостаточно...

Стиснув зубы, он закрыл глаза и напрягся.

– Убирайся отсюда! Если хочешь спасти жизнь ребенка... проваливай! Я нападу на тебя!

Уходи!

Это привлекло ее внимание.

Как и, без сомнений, тот факт, что сейчас, когда он кончал на себя, полотенце давно слетело, сперма вырывалась рывками на его бедра и живот, а мускулы ног дрожали от усилий... чтобы не прыгнуть на нее.

– Иди!

Мгновение спустя она вылетела из ванной; еще через секунду она покинула коттедж. И она так торопилась, что оставила обе двери нараспашку, поэтому он видел, как фары ее автомобиля включились и описали круг по заросшему газону, прежде чем устремиться прочь по дорожке.

Он немного расслабился лишь тогда, когда задние фонари исчезли из виду, и он перестал слышать шум ее колес.

Обхватив член, он начал ласкать ствол, представляя, как она наблюдает за ним, слушая ее новый тон, которым она отметила его внушительные размеры.

Он не хотел мастурбировать.

Но чего он действительно не хотел – чтобы его покинули остатки разума... иначе он выпрыгнет за ней в ночь, остановит ее в небезопасном месте и сделает то, что делать с ней не хотел.

Нет, так он сможет остаться на месте.

О, Боже... каким взглядом она смотрела на него, думал Кор, кончая в очередной раз.

– Он сказал, что мне понадобится парка.

Следующим вечером, когда тьма накрыла особняк, и ставни поднялись на ночь, Селена стояла, переводя взгляд с одного пальто, которые протягивал ей Фритц, на другое. Одно было красное, второе – черное; оба были из шерсти и относительно длинные.

– О, простите меня, госпожа. – Он повернулся к шкафу в бытовке гаража. – Как насчет одного из этих?

В этот раз он предложил ей на выбор дутую куртку до талии, которая, казалось, была сделана из пончиков, и вторую, намного длиннее. Обе черные и на обеих надписи «ПАТАГОНИЯ».

– Выдалась на удивление мягкая ночь, – отметил Фритц. – Наверное, подойдет более короткая?

– Да, думаю, ты прав.

Натянув куртку, Селена изумилась ее легкости, и, застегнувшись, засунула руки в карманы.

– Она шикарна.

Дворецкий просиял.

– Рад быть полезным. Перчатки?

– Думаю, карманы вполне подойдут.

– Как пожелаете, моя госпожа.

Направляясь в кухню, она чувствовала себя парящей, словно пузырь. Трэз отказывался говорить ей, куда они собирались, и неизвестность была подобна крепкому вину, от которого кружилась голова, и парило тело.

Она помедлила возле откидных дверей в столовую. Звуки и запахи Первой Трапезы были сильными и радушными, голоса – хорошо знакомыми ей, от запахов урчал живот. Но она развернулась и направилась к противоположному выходу из кухни, сбоку от главной лестницы.

Все были такими милыми прошлой ночью, все женщины щедро оказывали ей внимание и поддержку.

Она не хотела снова тревожить их и не очень жаждала избыточной заботы.

Она начинала чувствовать легкую усталость и хотела сберечь силы для свидания.

Выйдя в фойе, она увидела Трэза и Мэнни, мужчины стояли рядом на противоположном краю мозаичного изображения яблочного дерева. Они сосредоточенно разговаривали, оба были очень мрачными.

Ее сердце остановилось. Терапевт настаивал на том, чтобы она осталась в доме? Или собирался сначала отвести ее в клинику?

Она посмотрела назад, подумывая о бегстве. Но не через подземный туннель...

– Ты должен беречь ее, – предупредил Мэнни.

– Так и будет. Клянусь жизнью брата.

О... черт...

Мэнни достал что-то из кармана. Какой-то брелок для ключей.

Позвенева им перед лицом Трэза, он сказал.

– За нее, кроме меня, еще никто не садился.

– Тогда почему ты даешь ее мне?

– Потому что тебе нужно соблюсти антураж. Ты везешь свою женщину на свидание, какой-нибудь БМВ тебе ни к чему.

– Ты – автомобильный сноб.

Селена нахмурилась. Машины? Они говорили о...

Трэз обернулся, словно почувствовав ее запах в воздухе, и как только он ее увидел, то расплылся в улыбке.

– Привет. Моя королева, ты готова?

Пересекая обширное пространство, она улыбнулась ему в ответ... Она снова оставила волосы распущенными, потому что знала по его взгляду и тому, как он играл с ними и поглаживал, что Трэзу нравится такой стиль. И, на самом деле, она не просто привыкала к такой прическе, ей начинала нравиться она намного больше.

От официального шиньона, который носили Избранные, шея начинала болеть через пару часов.

Поднявшись на цыпочки, она поцеловала его в губы, а потом прижалась к его боку, идеально устраиваясь под его рукой.

– Еще как готова.

Мэнни и Трэз обменялись рукопожатиями, а потом мужчина сказал на выдохе:

– Все на мази.

– Спасибо, дружище.

Доктор подмигнул ей и удалился в столовую, где собрались все домочадцы.

– Что он имел в виду? – спросила Селена, когда Трэз открыл для нее дверь в вестибюль. – Про мазь?

– Ничего.

Подаваясь вперед, он открыл второй набор дверей, и холодный воздух хлынул внутрь, от чего защипало в носу, а к щекам прилила кровь.

– Слишком? – спросил он.

– Чего?

– Слишком холодно? Ты поежилась.

– Нет, мне нравится.

– Хорошо. Я хочу опустить крышу.

Перед каменными ступенями была припаркована зловещая черная машина, с черными колесами и своеобразным хвостом сзади.

– Дражайшая Дева-Летописца, что это? – выдохнула она.

– Это называется Порше 911 Турбо.

– О... Боже.

Спустившись по лестнице, она подошла к машине, и, достав одну руку из кармана, пробежала пальчиками по флангу. Гладкая, блестящая, холодная как лед.

– Но она же с крышей? – спросила Селена.

– Крыша выдвигается.

Открывая дверь, он усадил ее на пассажирское сидение.

– Это новая малышка Мэнни. Купил ее неделю назад... той же сборки и модели, что и предыдущая, но, кажется, салон другой? Так он сказал, по крайней мере.

Внутри пахло кожей, одеколоном Мэнни и ароматом Пэйн.

Трэз сел за руль и закрыл дверь. Когда он повернул ключ, раздался роскошный рык, и легкая вибрация пронеслась по салону.

– Вот. – Он нажал на еще одну кнопку. – Посмотри.

Словно по волшебству, все, что было сверху, выходя из пазов, задвинулось назад, исчезая в заднем отсеке.

– Я подумал, что ты захочешь видеть звезды. – Он улыбнулся и включил печку. – Здесь есть экран, поэтому не придется беспокоиться о сквозняке.

Откидываясь назад, она увидела... бархатные облака с мерцающими звездами.

Издав возглас удовольствия, она обвила его руками и притянула к себе для поцелуя.

– Это невероятно!

Он рассмеялся.

– Не верится, что ты впервые видишь автомобиль с откидным верхом.

– Я никогда не путешествовала на машинах. Только с тобой.

– Ну, тогда пристегнись. Эта детка сейчас взлетит.

Когда он нажал на газ, машина рванула вперед как лошадь из стойла, и Селена не могла отвести глаз от ночного неба, улыбаясь так сильно, что болели щеки.

Он неся сломя голову даже несмотря на мис, спускаясь по горе, пока они не достигли дороги у подножия. Потом Трэз свернул налево.

– Куда мы едем? – спросила Селена, когда он снова добавил газа, двигатель взревел, и ее вдавило в сидение.

– Увидишь. – Он посмотрел на нее. – Достаточно тепло?

– Просто идеально!

Было шумно, и бодрящий, холодный воздух вился вокруг ее головы, горячий воздух дул в ноги, а машина рычала, мчась по изгибам дороги. Сердце билось так быстро, желудок делал сальто, и она чувствовала октан в венах.

– Надеюсь, дорога будет долгой! – воскликнула Селена.

– Что?

– Не обращай внимания!

Она потеряла счет минутам и милям, но постепенно начала замечать, как лесной ландшафт начал перемежаться с человеческими строениями. Вскоре начали появляться магазины, дома, парк и массивы зданий.

– Где мы? – спросила она, когда Трэз остановился у первого красного сигнала светофора.

– На окраине Колди.

– Мы снова едем в центр?

– Нет. – Он улыбнулся ей. – Но мы почти приехали.

Рядом с ними остановилась маленькая машина, низкая и цвета бананов, и она почувствовала, как водитель посмотрел на них. Внутри гремела музыка, а двигатель ревел.

– У него спазм? – спросила Селена. – Ноги?

– Нет, скорее другого места, – пробормотал Трэз.

Когда снова загорелся зеленый свет, машинка рванула вперед, шины взвизгнули, оставляя за собой неприятный жженный запах.

– Что это было? – спросила Селена.

– Сейчас увидишь.

И да, машина с синими и белыми огнями выехала с парковки и пустилась вслед. Но не за Трэзом и Селеной.

Трэз покачал головой.

– Мелкому засранцу стоило знать, что на этой улице не стоит гонять на скорость. К тому же, он сумасшедший, раз выбрал такую машину. – Трэз сжал ее руку. – Готова?

– О, да. – Она оглянулась по сторонам, видя всего лишь протяженные одноэтажные здания, связанные общей крышей и парковкой. – Мы на месте?

– Почти.

На самом деле, они проехали чуть дальше, мимо группы торговых точек со словом «магазин» в каждом названии. После чего последовал небольшой участок леса и полей, а за ними...

Парковки. Свободные парковочные зоны, просторные, словно поля в Святилище.

Но потом она посмотрела в другое окно автомобиля.

– Что... это?

– Добро пожаловать в «Сказочный Город».

Селена подалась вперед. В дальнем конце одной из самых больших парковок перед рядом освещенных вывесок на входе, широких и расположенных так высоко, что это было вне всякой логики. Но то, что шло за ними? Поражало еще больше. Огромные механизмы устремлялись в небо, раскрашенные во все цвета радуги, мерцавшие огни и вращающиеся верхушки... это словно были игрушки для великанов.

Трэз направил машину Мэнни на асфальт и по огромной территории к воротам, располагавшимся слева от места регистрации. Когда он остановился перед главным входом, им пришлось подождать немного, пока человек в темно-синей униформе нажал на что-то и махнул им.

– Мистер Лэтимер.

Трэз протянул руку.

– Зови меня Трэз.

– Я – Тэд. – Они пожали друг другу руки, и мужчина кивнул Селене. – Сегодня вечером мы о вас позаботимся, как надо. Заезжайте сюда.

– Заметано. Спасибо.

– Без проблем.

Когда он нажал на газ, Селена была поглощена неоновыми огнями.

– Что это за место? Оно... волшебное.

– И все наше. Здесь больше нет никого, только мы с тобой.

– Как такое... возможно?

– Один из моих охранников – брат местного начальника службы безопасности. Они поговорили с владельцами, и те решили оказать мне небольшую услугу.

Когда они подъехали ко второму сторожу, Трэз остановил автомобиль и заглушил двигатель.

– Тебе же понравилась сумасшедшая езда по городу прошлой ночью?

– О, да... безумно.

Наклонившись, он поцеловал ее.

– Подожди, ты еще не висела вверх тормашками, моя королева.

* * *

С высоты сторожевой вышки в центре парка развлечений айЭм наблюдал, как Трэз вел Порше через ворота, подъезжая ко второму пропускному пункту.

– Дать бинокль?

Он перевел взгляд на Большого Роба.

– Нет, я в норме.

Вышибала из клуба «тЕНИ» присвистнул, прикладывая бинокль к глазам:

– У тебя офигенное зрение, если видишь на таком расстоянии.

айЭм просто пожал плечами, отпивая из своей кружки-термоса. Кофе в ней было крепким и горячим, чтобы обжечь язык. Как ему нравилось.

Он не просто спал, а пребывал в предкоматозном состоянии, когда брат разбудил его в десять утра, воодушевленный блестящей идеей. План оказался бредовым, разумеется. Какой придурок станет арендовать весь парк на три часа?

Особенно если заведение закрылось на зимний сезон всего неделю назад?

Трэз арендовал. Кто ж еще.

Реализовать это все для Селены влетело им в крупную сумму, и потребовалось несколько откровенных телефонных звонков, которые было весьма сложно сделать. Но, благодаря Большому Робу и его брату Джиму, так же известному как Джимбо, ну и жене владельца, отец которой умер от рака прошлым летом, они смогли все устроить: персонал отозвали из зимнего отпуска, и машины, которые уже погружали в спячку, снова привели в действие. Работали даже прилавки... благодаря официантам из «Сала».

Восторг на лице Селены и гордость на морде его брата были очевидны даже с высоты башни... ради них стоило так напрячься.

И знаете, этой ночью было сложно испытывать презрение к людям.

Ради всего святого, владельцы даже не оставят себе деньги. Они перечислят их Американской ассоциации по борьбе с раковыми заболеваниями.

Порой люди действовали сообща, подумал он. На самом деле.

– Так, кто она? – спросил Большой Роб. – В смысле, я слышал, что он завел подружку, но не знал, что она... ну, больна. Они давно вместе?

– Достаточно.

Повисла тяжелая пауза.

– Он не вернется к работе, да?

– Какое-то время.

– Вы собираетесь продать нас?

– Я не знаю. Мы не заходили так далеко.

И это было правдой во стольких смыслах.

айЭм снова посмотрел на часы. Восемь тридцать. Точно вовремя, а отправление намечено на одиннадцать тридцать. Навороченный хирургический фургон Мэнни застрял в центре. В районе до сих пор было жарко после устроенной вчера веселухи, чтобы перевезти его, но они разработали хороший аварийный план для Селены. У Мэнни осталась его старая штатная скорая, в которой навели марафет, и она была на подхвате, парк развлечений с большой охотой приютил на своей территории медицинского партизана и доброго доктора.

– Я понимаю, почему он ничего не говорил, – пробормотал Большой Роб, опуская бинокль. – И недаром, она выглядит, как не из нашего мира.

– Она очень хорошая женщина.

– Она знает, чем он занимается... ну, ты понял. Такая утонченная женщина, как она, то есть...

– Честно говоря, думаю, это дерьмо у них на уме в последнюю очередь.

– Да. Конечно. То есть, разумеется.

айЭм посмотрел на парня.

– Не волнуйся. Я за ними послежу. Ты можешь вернуться в клуб.

Человек кивнул.

– Мне пора.

Когда он помедлил, айЭм протянул ему ладонь.

– А что до будущих планов на бизнес, мы обо всех позаботимся, я обещаю. Независимо от того, что случится.

Большой Роб пожал ему руку.

– Спасибо, дружище. Но, должен признаться, нам очень нравится работать с вами. К тому же сомневаюсь, что Молчаливый Том переживет еще одно собеседование. Предыдущее, пять лет назад у Трэза, чуть не убило его.

– Да, думаю за время работы я услышал от него не больше дюжины слов. Аккуратней по дороге в клуб.

– Спасибо. Позвони, если понадобится что-нибудь.

Большой Роб положил бинокль на стол и помедлил напоследок, смотря туда, где Трэз с Селеной шли мимо аттракционных электромобилей и детских передвижных чайных чашек. Качая головой, он направился к выходу и закрыл за собой дверь.

айЭм снова посмотрел на часы.

Три часа.

И что дальше? Что, черт возьми, он собирался сделать с *майкен*?

Что, если он понадобится Трэзу и Селене... а он будет на встрече с той женщиной?

Господи, после целой жизни в celibate, было шоком осознать, что он договорился о встрече тет-а-тет с представительницей противоположного пола. И не ради беседы.

Нет, он был совсем не в настроении говорить.

Потирая глаза, он представил ту женщину в бледно-голубых одеждах, и необходимость забраться под этот покров дошла до одержимости. Черт, если бы не усталость на молекулярном уровне, он бы, вероятней всего, провел весь день, уткнувшись взглядом в потолок с мыслями о том, что он с ней сделает. А по факту он вырубился со стояком и проснулся с ним же.

Он ничего не предпринял касательно своей эрекции.

После мастурбации все стало бы слишком реальным.

И, по какой-то причине, он не рассказал своему брату ничего о своей поездке к с'Хисбэ или женщине, с которой там познакомился, или о назначенном «Свидании».

По сравнению с проблемами Трэза эти новости решительно не стоили упоминания. Кроме того, все казалось нереальным, и – как он с удивлением обнаружил – он хотел сохранить это.

Наверное, потому что так все казалось менее пугающим?

Но, да ладно, он вряд ли поедет. Как он мог оставить..?

Нет, он не поедет. Впервые в жизни он не верил себе, тому, что не набросится на бедную женщину, словно животное. И, черт, наверное, она тоже уже передумала. Встречаться с незнакомым мужчиной невесть где? Только сумасшедшая пойдет на это.

Особенно потому что она должна была знать, что было у него на уме.

Нет, сказал он себе. Ни один из них не появится в той хижине этой ночью. И так будет лучше для всех.

Правда.

Лучше.

– Оно мертвое! Боги, оно сдохло... остановись уже!

Нет, подумал Кор. Он не остановится.

Он продолжал закалывать лессера, черная кровь покрывала брызгами его лицо, грудь, предплечье. Черная кровь выливалась на асфальт переулка. Черная кровь попадала в его глаза.

Но он продолжал бойню, плечо вгоняло лезвие в торс, избегая пустой грудины, а Зайфер кричал на него, тянул, ругался.

Все впустую. Он был сорвавшимся с цепи зверем, без поводка, его разум парил над действиями, ведя его вперед, твердя *убей, убей, убей...*

Рывок, который, наконец, оторвал его от жертвы, был словно от буксировщика, силы было достаточно, чтобы отстранить его от искалеченной, сочившейся кровью туши.

Он плохо воспринял вынужденную смену положения. Резко обернувшись, он полоснул лезвием по воздуху, едва не зацепив горло Зайфера. И отпрыгивая за пределы досягаемости, Зайфер достал из ножен собственное оружие, готовый к бою.

Зажатый между прыжком и отступлением, Кор тяжело дышал, огромные клубы пара вырывались изо рта. Он покинул отдаленный фермерский дом в одиночестве, вырвался на волю и направился на поле брани полуголый и обезумевший.

И это было во благо его солдатам.

– Да что с тобой! – требовательно спросил Зайфер. – Да что тебя так тревожит?!

Кор обнажил клыки.

– Оставь меня в покое.

– Чтобы ты прикончил себя?

– Оставь меня!

Эхо его крика пронеслось по переулку, слова отскакивали от кирпичных стен зданий, уносясь во тьму, словно выпущенные из пещеры летучие мыши.

Лицо Зайфера источало чистую ярость.

– У них есть пушки, забыл? Или последняя ночь отложилась в твоей голове смутным воспоминанием!

– У них всегда были пушки!

– Не такие!

Кор опустил взгляд на убийцу. Даже в почти расчлененном состоянии, создание все еще двигалось, руки медленно хватали воздух, ноги дергались в мешанине из внутренностей и черной крови.

Зарывав на тварь, он с криком заколол лессера. Вспышка света была столь яркой, что он едва не ослеп, сетчатка отказывалась смотреть туда. Но глаза быстро привыкли, морганием прочищая зрение.

Ему нужно больше. Ему нужно найти больше... и ему нужно кое-что еще.

– Найди мне шлюху, – рявкнул он.

Зайфер отшатнулся.

– Что?

– Ты меня слышал. Найди. И приведи в коттедж.

– Человека, вампира?

– Не важно. Просто заплати достаточно за ее согласие.

Он ожидал вопросов. Ничего не последовало.

Зайфер еле заметно склонил голову.

– Как пожелаешь.

Кор отвернулся, готовый отравиться на поиски, сражаться и убивать. Но прежде, чем перейти на бег, он оглянулся через плечо.

– Блондинку. Я хочу блондинку. С длинными волосами.

– Я знаю, кому позвонить.

Кивнув, Кор побежал по грязному переулку, его военные ботинки гремели по изрытому асфальту. Он вдыхал ветер, и его мозг отфильтровывал запахи выхлопных газов и дешевых забегаловок, людишек, бездомных и немых, гниющую у реки рыбу.

Ярость на себя заострила все органы чувств...

– Хэй, приятель, ищешь, чем заправиться?

Резко останавливаясь, он обернулся. По запаху, пришедшему к нему с порывами ветра, он понял, что в тени стоял не человек.

Враг, которого он искал, сам нашел его, лессер еще не осозновал, к кому обращался.

– Да, – сказал он. – Не откажусь.

– Иностраный ублюдок, – сказал убийца. – Чего хочешь?

– Что есть?

– Только хорошее. Чистый колумбийский кокс, а не то мексиканское дер...

Кор не дал продавцу закончить. Звериным прыжком он рванул вперед, по дуге ударяя кинжалом, цепляя убийцу прямо по лицу. В районе глаз. Нежить мгновенно вскинул руки, складываясь в пояс, взыв от боли... и Кор воспользовался этим, замахнувшись правой ногой и пнув по черепу, словно по футбольному мячу, сбивая немертвого с ног.

Их высокого прыжка он приземлился на лессера, перевернул его и сжал лицо ладонью. От него смердело прогорклым молоком и потом, а сладкий душок провоцировал его инстинкт убивать.

Ярость, которую он носил в себе с момент ухода Лейлы, снова вырвалась наружу. Убирая кинжал, он сжал боевую руку в кулак и вогнал в бледное лицо лессера. Снова и снова, пока черты лица не превратились в жижу, кости не смялись, подбородок не отвис. С каждым вдохом он широко заносил руку, с каждым выдохом обрушивал кулак вниз, уверенный темп дыхания сопровождал удары.

Зайферу лучше поторопиться.

Ему нужно выбраться из этого состояния с помощью секса.

* * *

Лейла сидела на краю своей постели, и ее руки, державшие телефон, тряслись. Она уже прочитала полученное сообщение, не один раз. На самом деле, она перечитывала слова с тех самых пор, как проснулась на закате от вибрации телефона на прикроватном столике.

Никогда более не приходи ко мне. Меня не будет ни в коттедже, ни в фермерском доме, и я не желаю твоей компании. Мне не интересно то, что ты можешь мне предложить.

Кор, должно быть, надиктовал сообщение на свой айФон. Он никогда не посылал ей сообщений до этого, и она всегда подозревала, что он не умел читать и писать.

Из всех возможных вариантов окончания их отношений, из всех способов их возможного расставания, такого она не предвидела. Не потому, что заставила его раздеться и взять ее вену

– ... ау?

Она подпрыгнула, телефон выскочил из ее рук, приземляясь на ковер с коротким ворсом. Когда Куин направился к нему, намереваясь поднять, она запаниковала и бросилась к телефону

первая. Точнее, попыталась.

С ее животом было сложно двигаться быстро, и она затаила дыхание, когда его сухоощавая рука обхватила телефон.

– Ты в порядке? – спросил он. – Выглядишь бледной.

Не смотри на экран. Не смотри на...

– О, Боже, ты плачешь?

– Нет. Она подняла руку. – Не плачу.

Верни мне телефон, верни мне...

Куин подошел к ней и приподнял лицо.

– Что происходит?

Проведя подушечкой пальца по ее щеке, он положил гребаный мобильный телефон назад, на прикроватный столик. Экраном вниз.

– Я стучал, но мне никто не ответил, – сказал он. – Я волновался.

Содрогнувшись, она зарыла глаза, напряженные нервы вибрировали на грани.

– Просто прочитала печальную историю в интернете. Похоже, я намного чувствительней, чем думала.

Он сел рядом с ней.

– В последние дни произошло столько дерьма...

Неожиданно для себя она разревелась, прижимаясь к его широкой груди.

Обвив вокруг нее руки, Куин нежно держал ее, позволяя выплакаться... и от того, что он решил, будто она плакала из-за беременности, неожиданной двойни и гормональных всплесков, Лейла ревела только сильнее.

Она плакала из-за долгих месяцев лжи и предательства; плакала из-за всех тех поездок на луг; из-за того, как тайком убегала из дома; из-за того, что пользовалась для этих целей машиной, которую ей подарил Куин.

И по большей части – что хуже всего – она плакала из-за чувства потери, столь сокрушительного, словно кто-то умер на ее глазах, а она ничего не смогла сделать, чтобы спасти его.

Образы Кора сыпались на нее словно бомбы: как он пытался стать привлекательней, приходил к ней всегда чистый, даже с поля боя... как выглядел в том душе, когда сквозь занавесь просвечивался его силуэт, удовлетворявшего себя... до поражения, с которым он склонил голову, стоя перед камином, словно какая-то часть его души оказалась выставленной напоказ, и она кровоточила, делая его слабее, сминая его.

Она пыталась убедить себя, что все к лучшему. Больше не будет двойной жизни. Вероломства. Ей не придется прятать телефон и беспокоиться, что ее деяния раскроют.

Больше не будет Кора...

– Я позову Дока Джейн, – сказал Куин настойчиво, потянувшись к домашнему телефону.

– Что? Нет, я...

– Как сильно болит в груди?

– Что? – спросила она, всхлипывая. – О чем ты...

Он указал на ее грудь. Опустив взгляд, она увидела, что схватила себя за перед фланелевой ночнушки, мягкая ткань мялась в плотно сжатом кулаке.

Это источник ее слез, подумала Лейла.

Они шли от сердца.

– Честно, – прошептала она. – Я в порядке. Я просто должна выпустить все наружу... мне так жаль.

Рука Куина повисла над трубкой. А потом он, наконец, отвел ее, но Лейле было ясно, что

она его не убедила.

– Думаю, мне нужно съесть что-нибудь, – сказала она.

Это было совсем далеко от правды, но Куин тут же переключился в режим исполнения желаний. Позвонил Фритцу вместо медиков и заказал разнообразные блюда.

От его беспокойства за ее благополучие и его заботливости она снова разревелась.

Дражайшая Дева-Летописец... она была словно в трауре.

– Значит, нужно забраться вот в это.

Селена вцепилась в протянутую руку Трэза и переступила через край первой из шести выстроенных в ряд капсул. Небольшие, похожие на кокон конструкции стояли на рельсах, внутри было по два сиденья, а к узкой крыше поднималась перекладина. Когда Трэз устроился рядом с ней, им кивнул оператор в униформе, стоявший за пультом управления в дальнем конце платформы.

– Машина поедет туда? – спросила Селена, указывая на подъем в гору. – Наверх?

Трэз прокашлялся.

– Ну, да. Наверх.

– Боже, как высоко!

– Эм, ну, да.

Она повернулась к нему, когда перекладина опустилась на их ноги.

– Трэз, серьезно, ты возненавидишь это...

После рывка капсула двинулась вперед по рельсам, и колеса начали набирать скорость с тихим «чух-чух».

– Но ты будешь в восторге, – сказал он, целуя ее. – Держись крепче.

Они начали подниматься практически вертикально вверх, ее спина вжалась в мягкое сиденье, руками она вцепилась в холодную металлическую перекладину. На мгновение Селена пожалела, что не взяла перчатки, которые ей предлагали в доме, но потом она забыла про дискомфорт.

Выше, выше, выше... невероятно высоко.

Изогнувшись в бок, Селена расплылась в улыбке.

– Господи, как же мы высоко!

И они были только на полпути к вершине.

«Чух-чух» становилось все громче, а рывки – сильнее, пока Селене не начало казаться, что кто-то давит на ее плечи. Ветер становился холоднее и свежее, волосы смело в сторону, парка с трудом сохраняла тепло тела.

– Вид просто великолепный, – выдохнула Селена.

Не так высоко, как прошлой ночью, но без буфера между ней и развернувшимся видом, не было стеклянных полотен, отгораживавших ее от падения, ничего, только дорога впереди и все увеличивающееся расстояние до земли.

Огни парка захватывали дух. Разноцветные и мерцающие, они были повсюду, куда бы она ни посмотрела, опоясывали контуры аттракционов, отражались от зеркал и красных, желтых и синих верхушек продуктовых ларьков.

– словно перевернули небо, и все звезды оказались внизу!

– Да. Ага... да. Кажется, мы на вершине... ух ты. Вау.

Внезапно капсула выровнялась, и все шумы притихли кроме оглушившего ее ветра, поездка стала плавной, когда они миновали легкий поворот.

Селена быстро перевела взгляд на своего мужчину и обнаружила, что, несмотря на темную кожу, он был белым, как призрак.

Она отпустила перекладину и накрыла его руки своими.

– Трэз, давай после этого останемся на земле?

– О, нет, все нормально... я в порядке.

Ага. Точно. Его подбородок напрягся до такой степени, что она забеспокоилась о его зубах,

шея, опоясанная воротником черной кожаной куртки, одеревенела. Более того, все тело застыло, и двигалось только его правое колено. Нога топала туда-сюда, вверх-вниз, вверх-и-вниз, вверх-вниз-вверх-вниз-вверх-вниз...

– Уже скоро, – пробормотал он, словно готовился к удару.

Она устремила взгляд вперед как раз вовремя, чтобы увидеть перед собой абсолютное ничто. Только воздух, словно рельсы обвалились и...

– Куда мы...

Свиинииииииист!

И внезапно они устремились вниз на бешеной скорости, невесомые и парящие.

Селена смеялась как сумасшедшая, разжав хватку и вскинув руки вверх.

– Даааааааа!

Так быстро, воздух сдувал ее волосы, бил в лицо, вжимал в сиденье, потом был резкий поворот вправо, поворот влево, зум-зум-зум, еще один высоченный подъем с вернувшимся «чух-чух», а потом...

– О, Боже! – кричал Трэз.

Вверх по дуге, мир накренился и перевернулся, а потом снова выровнялся. Затем следующая похожая петля, а потом такая, что накренила их вбок.

Напоминало ту поездку домой, только эта была более острая, беззаботная и захватывающая.

– Я могу кататься целую вечность! – кричала Селена, когда они приблизились к очередному витку. – Вечно!

* * *

– О, Господи, только не снова.

Четыре раза.

Подряд.

И настаивал именно Трэз.

Когда их небольшая тележка ужаса вернулась на платформу, он приготовился к продолжениям пыток.

Селена была в экстазе, и это того стоило... даже кишкообразные петли, перемежавшиеся со взлетами и падениями.

Отчего у него самого случался заворот кишок.

– Давай еще, – сказал он, пытаясь сохранить лицо. Хотя в настоящий момент его руки было невозможно оторвать от перекладины без хирургического вмешательства.

– Нет. Думаю, нам хватит.

– Шутишь? Я в восторге от...

– Мы закончили, – крикнула она машинисту.

– Я сделал фотографии, – сказал человек, опуская рычаг, и невидимый двигатель затих. – Уже печатаются.

Таааак, пора вылезать. Ага.

– Трэз?

Отрывая руки от перекладины, он наблюдал, как поднимается его металлический спаситель, со щелчком фиксируясь над головой.

– Я иду.

Прямо сейчас.

– Иду-иду.

Когда Селена поднялась на ноги, он приготовился последовать за ней. Заставляя себя подняться, Трэз обнаружил, что его ноги онемели от середины бедра и ниже... но на ватных конечностях он как-то умудрился выбраться из капсулы на платформу, не опозорив себя окончательно.

Селена поддержала его, и это прекрасно продемонстрировало, насколько можно полагаться на его способность оставаться в вертикальном положении.

Он услышал, как Селена поблагодарила машиниста. А потом она посмотрела на него:

– Давай сядем на ту скамейку и посмотрим фотографии.

Прежде чем Трэз успел сообразить, он уже сидел на холодном кованом железе и смотрел на фотографии. Селена веселилась на полную катушку, а у него была такая морда, словно все внутренности сжали в тисках. Тем временем, ее рука поглаживала его по спине, выписывая медленные круги.

– Вот, прошу, мадам.

– Большое спасибо. – Она протянула ему что-то. – Не хочешь глотнуть?

Он был слишком выжат, чтобы бросить «я в норме». Просто взял предложенное, приставил ко рту и сделал, как ему велели.

– О, как же хорошо, – выдохнул он, наконец опуская бутылку с газированной водой.

– Имбирный эль. Я узнала о нем от Дока Джейн.

Примерно десять минут спустя, он смог сфокусировать взгляд на том, что было перед его глазами.

– Ты такая красивая, – сказал он, смотря на их фотографию.

– Сомневаюсь в этом, но что я тебе скажу... это – лучшее время в моей жизни, здесь и сейчас. Как ты себя чувствуешь?

Он потер пальцем ее лицо на снимке.

– Ты такая живая. Посмотри на себя, твои глаза прекрасны.

Он просмотрел фотографии одну за другой. Они были сделаны во время большого падения после второго подъема, когда они зависли в воздухе, ветер ревел вокруг них, и он сомневался, что у земли все закончится благополучно.

Трэз практически чувствовал трепет, охвативший тело Селены, восторг, удовольствие, вибрировавшая сила жизни трансформировала ее в молнию удовольствия.

Он, с другой стороны? Он никогда не видел себя бледным до этого, кожа напоминала тесто... очевидно, такое бывает.

Никогда бы не подумал.

– Можно сделать из них календарь, – заявил он. – Из половины как минимум.

– Сейчас ты выглядишь намного лучше. Не такой зеленый. А ты был зеленым.

– Я залезу на эту безумную хрень еще раз сто, если захочешь.

Селена наклонилась, повернула его лицо к себе и поцеловала.

– Знаешь, что ты только что доказал?

– Что? Что даже настоящим мужчинам порой нужны мешки для рвоты?

– Нет. – Она снова поцеловала его. – Что можно признать в любви без слов.

Его грудь раздулась. Он не мог сдержаться.

– Вы только посмотрите на меня. Казанова... кто бы мог подумать.

Закончив имбирный эль, он бросил пустую бутылку в мусорку в пяти футах от них и спрятал фотографии во внутреннем кармане куртки.

Поднявшись на ноги, он предложил ей руку.

– Как ты смотришь на бесполезный с точки зрения питательных веществ, но абсолютно достойный перекус? Речь о конкретной химии и чрезмерно переработанных продуктах. Такую

дрянь люди обожают поедать в подобном месте, чтобы потом, приехав домой, закинуться таблетками от изжоги.

– Звучит аппетитно. – Она взялась за протянутую руку. – С нетерпением жду, что бы нам не подали.

Трэз махнул машинисту... а потом подумал изобразить пару поз из бодибилдинга, показать, что он все-таки мужик.

Ларьки располагались позади и справа, и когда они обогнули американские горки, Трэз поднял взгляд вверх, высоко вверх, на металлические леса, державшие рельсы в воздухе. Блин, хорошо, что он не видел этого до поездки.

Чем больше он думал об этом, тем больше возвращалась к нему необходимость в нюхательной соли, пот выступил на ладонях и над верхней губой, но хорошие новости пришли в виде ларька с хот-догами, открытого лично для них.

Подойдя к прилавку, он прижал Селену к себе, улавливая ее аромат, а также запах шампуня и мыла, которыми она воспользовалась перед отъездом.

Человеческая женщина с пышным телом и милой улыбкой подошла к ним, откладывая свой экземпляр журнала «Пипл».

– Что вам угодно?

– Милостивый Боже, у меня глаза разбегаются от выбора, – сказала Селена.

Меню представляло собой освещенные красные таблички с желтыми буквами, оно предлагало разнообразные варианты, обещавшие шикарный вкус и кучу проблем с желудком. Но, как он и сказал, для этого и созданы антациды.

– Что закажешь? – спросила она у него.

– Я хочу «Кони Айлэнд спешл»^[88], – заявил он. – С Колой и дополнительной порцией льда.

– Будет сделано, – сказала продавщица. – Мадам, вы определились с выбором?

Селена нахмурилась.

– Я очень хочу гамбургер, но много потеряю, если не попробую хот-дог?

– Ты можешь попробовать у меня.

– Прекрасно, тогда я хочу гамбургер с сыром и французский картофель-фри.

– Нет проблем. – Женщина указала на другую секцию меню. – Не хотите чего-нибудь к ней?

– Простите?

– С картошкой. Ну, чили, сыр, халапеньо... здесь перечень.

У Селены настал второй раунд в плане выбора, Трэз воспользовался возможностью рассмотреть потрясающий профиль своей королевы. Ее губы были неотразимы, и чем больше он смотрел на них, тем сильнее остаточное жжение адреналина смещалось с режима «борись или убегай» на чистую, незамутненную похоть. Он незаметно для всех поправил штаны.

Ему не терпелось отвезти ее домой. Раздеть.

Его взгляд опустился к ее груди. Куртка от Пата-Гуччи^[89] услужливо обтянула ее формы, которые он так любил...

– Трэз?

– Да?

– У тебя есть деньги? Я не подумала захватить челов...

Он оборвал ее.

– Ты ни за что платить не будешь. – Он достал кошелек и спросил у женщины: – Сколько я вам должен?

– За счет заведения.

– Тогда давайте я дам вам что-нибудь на чай.

– О, все нормально. Я знаю, почему вы...

Трэз подскочил, выкладывая на столешницу из формайка^[90] сотню и толкая вперед.

– Возьмите. За вашу доброту.

Женщина округлила глаза.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

Во-первых, он не хотел, чтобы она продолжила и заставила Селену почувствовать себя убогой. Во-вторых, женщина вышла ночью на холод ради пары часов работы. У нее на носу праздники. Без сомнений, ей пригодиться дополнительная выручка.

– Вау. Спасибо.

Когда женщина начала готовить, он почувствовал на себе взгляд Селены, полный уважения, отчего снова раздулся в груди.

К слову о возможности почувствовать себя мужиком... к черту позы Арнольда. Ее взгляд сейчас? Он чувствовал себя большим, словно гора.

Пару минут спустя они уже шли к столу для пикника, выкрашенному в ярко-голубой цвет, и сели бок о бок.

Воздух был холодным, еда – с пылу, с жару, газированная вода – игристой и сладкой. Было сложно управляться с огромными булками, им пришлось наклонять головы и пользоваться салфетками, но так даже весело. И, закончив, они обсудили вкус, специи, обожженный язык... поездку на американских горках... чем займутся дальше... возьмут ли сахарную вату или сандэй^[91] с горячим шоколадом на десерт.

Это было волшебно, прекрасно, невероятно нормально.

И сидя со своей женщиной, вытирая уголок ее губ салфеткой или делясь с ней Колой, смеясь, когда она сказала, что затем им лучше сесть на карусель, ведь обе ноги не будут отрываться от земли, он впитывал воспоминания, пока они не запечатлелись в его мозгу, теле и душе, оставляя след.

Просто быть с ней. Ничего не делать. Просто сидеть посреди парка развлечений.

Это чудо.

Безмерное благословение.

Нахмурившись, он осознал, что, если бы не реальность, которая мелькала на периферии этого идеального мгновения, подкрадываясь со спины, словно злая тень... он мог бы потратить это время впустую, заняв свой мозг на половину беспокойствами об открытии «тЕнЕй» и на вторую – гадая, что происходит в с'Хисбэ, и париться из-за того, что могло напрягать его в тот момент.

Он бы разбазарил это, как богач, позволил бы бриллиантам сыпаться из карманов потому, что дома его ждали полные чаши.

Антиквариат идет рука об руку с почтительным отношением к нему.

– Я могу сидеть здесь вечно, – сказал он, проглатывая последний кусок. – Это – мой рай.

Селена с улыбкой посмотрела на него.

– И мой.

Прямо перед тем, как на встречу с Королем прибыл первый гражданский, Пэрадайз не без гордости представила отцу папку.

– Я упорядочила расписание. Думаю, так будет удобнее для тебя и для Короля.

Ее отец улыбнулся, открывая ее. Он увидел электронную таблицу с именем каждого гражданского, принадлежность его к определенному роду, проблему и все прошлые заботы, с решением которых помог Роф.

– Это... очень полезно, – сказал он, пробегая пальцем по колонкам.

– Я подумала, что могу улучшить старую форму.

Он поднял взгляд.

– У тебя это получилось.

– А дальше будет.... – она достала целую стопку листов... – досье по каждому гражданскому с подробностями.

Нахмурившись, Абалон перечитал ее пометки, а потом пролистал листы с записями.

– Где ты все это выяснила?

– У меня есть свои источники. – Она ухмыльнулась. – Ладно, что-то я нашла на «Фейсбук», что-то выяснила через друзей.

– Это... я не знал, что он состоял в браке. – Отец наклонил к ней папку. – Он?

– В прошлом году. Это не афишировали. – Пэрадайз понизила голос, хотя они были наедине. – Говорят, она была беременна.

– О. Значит, сейчас он хочет придать браку законную силу.

– Она скоро родит. На месте Рофа я бы не стала унижать несчастного расспросами о сроке и родах и просто оказала ему почтение, которое он хочет перенести на малыша...

– Пытаешься лишить отца работы? – вмешался голос Рофа.

Когда в арочном проеме гостиной появился Слепой Король собственной персоной, Пэрадайз подпрыгнула.

– Я не хотела, то есть, я...

Король улыбнулся.

– Я впечатлен твоей логикой, Пэрадайз. Продолжай в том же духе.

С этими словами он, ведомый палевым псом, пересек помещение и скрылся в столовой.

– Я не чувствую ног, – пробормотала она.

Отец обнял ее.

– Ты превзошла все мои ожидания.

Отстранившись, она перебросила волосы через плечо.

– Мне нравится работа. Правда.

– Я очень горжусь тобой.

Чтобы скрыть смущение, она села за компьютер, который уже считала своим.

– Как дела дома? С...

– Отлично. Со мной все хорошо, но тебя сильно не хватает.

– Я могу вернуться.

– Нет-нет, тебе лучше оставаться здесь. – Он сжал папку подмышкой. – Вы с Пэйтоном вчера хорошо пообщались?

– Он ушел сразу после тебя.

Абалон нахмурился.

– Надеюсь, вы не поссорились?

– У него архаичный взгляд на вещи.

– Он исходит из рода, верного традициям.

Она взяла одну из ручек «Монблан», лежавших на столе. Постучав ею по ладони, она еще больше прикрыла колени темно-синей юбкой.

– Эм... пап.

– Да?

Сделав глубокий вдох, она выдвинула верхний ящик и достала бланк-заявление в тренировочную программу Братства.

– Отец, ты бы разрешил мне сделать что-нибудь в этом духе?

Когда она протянула лист, и отец глазами пробежался по строчкам, она спешно добавила:

– Я не говорю, что хочу в солдаты. Просто они принимают женщин, и я...

– Сражения? Здесь речь... о сражениях.

– Я знаю. – Но, понимаешь... – Она протянула руку и указала на преамбулу, – здесь написано, что они могут тренировать и женщин...

– Пэрадайз.

Иииии то, каким тоном он произнес ее имя, вполне выразило его точку зрения: комбинация «будь серьезней» и «не разбивай мне сердце».

– Ты не создана для этого, – сказал он.

– Потому что я женщина, да? – горько уточнила она. – Значит, мне максимум светит стол и бумаги... и то до брака...

– Это – война. Ты понимаешь истинный смысл этого слова? – Он потряс бумагой. – Там тебя ждет только смерть. Это не голливудский фильм и не романтическая мечта.

Она вскинула подбородок.

– Мне известно это.

– Неужели?

– Я не настолько изолированная, как ты думаешь. Родственники, которых ты потерял во время набегов, были также и моей кровью. Отец. Погибли мои друзья. Я знаю, что это такое.

– Нет, Пэрадайз. Я не допущу этого. – Наклонившись, он бросил заявление в мусорную корзину. – Это не для тебя.

Ничего не добавив, он развернулся и вышел, умудрившись закрыть двери прямо перед ее носом, хотя панели оставались на своих петлях в стене.

* * *

Тро материализовался в полумиле от дома, куда Абалон отправлялся каждую ночь.

Датчик GPS, который он положил во внутренний карман бежевого пальто аристократа, сработал на «ура». И нельзя было не восхититься роскошью района.

Не плохо, весьма.

Двигаясь прогулочным шагом, он рассматривал дома, направляясь к сигналу на своем мобильном. На самом деле, «особняки» было подходящим названием для этих строений. Эти здания были чересчур большими, чтобы называться простыми домами: многоэтажные, расположившиеся поодаль от дороги, все подсвечивались внешним светом, словно живущие в них богачи не могли допустить даже самой мысли, что в ночные часы их замки обделят вниманием.

По пути ему приходилось сдерживать раздражение. Ему не хватало сражений больше, чем он думал. На самом деле, нехватка кровопролития... любого характера... стала шокирующим

разочарованием. Когда он присоединился к Шайке Ублюдков, то был в ужасе от агрессии и крови. Однако, по прошествии нескольких веков, война стала для него нормой. Следующий каменный особняк был по-женски изящным, осовремененная версия средневековой кучи камней, в котором Шайка жила еще в Старом Свете, и он остановился перед огромным участком. Внутри двигались фигуры, сновали в окнах, обрамленных тяжелыми складками штор, свет отражался от золота и серебра на стенах.

И внезапно он забыл про бывшее логово Кора.

Он вспоминал место, откуда был родом, свое истинное происхождение, знатное, богатое.

Стремясь отомстить за смерть сестры, он продал себя дьяволу. Сейчас, оказавшись по другую сторону этой сделки, он был беден, одинок, без каких-либо перспектив.

Амбиции стали его единственным очагом.

По крайней мере, в этом камине достаточно огня, чтобы согреть его в грядущие месяцы зимы.

Тро поднажал, холод впивался сквозь кожаное пальто на нем, то, что было запятнано убийствами, совершенными много ночей назад.

До того, как все изменилось.

Дом, на который он нацелился, располагался слева, на противоположной стороне улицы. Огромный и старинный, белый федеральный особняк был поистине красив, и уход за ним мог обеспечить только богатый владелец: отсутствие сколов в краске, заросших кустов, прогнувшихся карнизов или крыльца.

В отличие от остальных, внутрь этого не заглянешь.

Задернутые шторы были настолько тяжелыми, что сквозь них не пробивался и лучик света. На подъездной дорожке не было ни одного припаркованного автомобиля, но пока он ждал, укрывшись в кустарнике, он заметил двух людей, приблизившихся к главной двери... но они появились у дома не на транспортном средстве.

Они были вампирами, материализовавшимися к особняку.

Десять минут спустя появился другой посетитель. Через пятнадцать минут еще двое.

Они были осторожны, и никто не подходил к парадной двери... несомненно, чтобы избежать подозрений.

Тро посмотрел на телефон, хотя точно знал, что адрес верный. Да, Абалон был внутри.

Держась в тени, он остался дольше, но не потому, что имел четкий план проникновения, скорее потому, что только разрабатывал его. Его амбиции, невероятно сильные, не были похожи на двигатель в движении: ему нужно заняться разведкой, выяснить уязвимое место, выработать стратегию.

Машина вывернула из-за угла и двинулась по улице.

Когда она проехала под уличным фонарем, Тро увидел, что это был Ролс-Ройс, темный, с фирменным бледным капотом.

А он стоит посреди улицы без транспорта.

Воистину, отсутствие средств было его проблемой.

Как ему управлять ресурсами? Как поддерживать себя, дабы создать коалицию?

К нему пришел ответ, очевидный, словно сама судьба осветила ему путь во тьме. Да, подумал он, это был путь...

Мгновение спустя он вернулся в щедрый особняк Абалона с улыбкой на лице.

Лежа на своей больничной койке, Лукас периодически приходил в сознание, боль волнами прокатывалась по телу, лишая его чувств. Когда стало совсем невыносимо, рукой, на которой еще остались пальцы, он нащупал кнопку вызова и услышал звуковой сигнал.

Дверь резко распахнулась, и Док Джейн влетела в палату.

– Лукас?

– Моя нога, – простонал он. – Болит...

Доктор подошла ближе, проверяя показатели машин, катетер, Бог знает, что еще. – Я принесу кое-что от...

– Инфекция... – пробормотал он, поворачивая голову на бок. – Моя нога...

Он планировал уйти из жизни, медленно задохнувшись, но вместо этого, по ощущениям казалось, будто он решил убить себя, войдя в печку... сделав первый шаг с гниющей ноги.

С безумным приливом сил, он сел и начал стягивать покрывала. Док Джейн схватила его за плечи, пытаясь уложить на спину... и в этот момент кто-то еще вошел в комнату. Куин... это был его брат.

– Лукас, *Лукас*, хватит...

Это был Куин, он подошел к нему, пытаясь схватить за руки, уложить на койку. Это была нечестная схватка. Он был слабым, таким ослабленным, а потом его унесло, внезапное чувство парения заменило жжение в ноге.

Посмотрев в сторону, он увидел, как Док Джейн извлекает иглу из прозрачной пластиковой бутылки, которая соединялась с его рукой.

Лицо Куина нависло над его собственным, его разноцветные глаза были напряжены.

– Лукас, расслабься. Мы с тобой...

– Моя нога...

Болеутоляющее действовало волшебным образом, успокаивая так, словно его тело поместили в ванну с теплой водой. Боль осталась; он просто перестал замечать ее.

– Становится хуже, – услышал он себя. – Инфекция... я уже должен был умереть.

– Лукас...

Он заметил что-то в лице своего брата, было что-то в тоне его голоса и напряженности губ и глаз.

– Что, – спросил он. – Что?

Куин посмотрел на Дока Джейн, надеясь получить пресловутую эвакуацию из опасной зоны.

– Лукас, – сказал его брат. – Мы должны были спасти тебя.

Спаси его? Но в этом и был смысл. Он хотел уйти.

– Что?

– Я сказал ей, что она может ампутировать твою ногу. Чтобы спасти тебе жизнь.

Лукас замолк. Ему, конечно же, слышалось, болеутоляющие исказили смысл произнесенных слов.

– Выбора не было. Мы теряли тебя.

– Что вы со мной сделали? – медленно выдавил он. – Что вы...

– Успокойся.

Лукас сел, отрываясь от подушек, от неопишемого ужаса кровь покинула голову. Опуская взгляд на нижнюю часть тела, он обнаружил, что тонкие простыни показывали очертания бедра, колена, икры и ступни левой ноги... но у правой он видел только бедро и колено.

С криком он потянулся к части тела, которой полагалось быть там, срывая покрывала, задирая их, словно они каким-то образом умело скрывали то, чего на самом деле там не оказалось.

– Что вы натворили! – Он повернулся к брату, хватая его с рубашку, дергая к себе оставшимися пальцами рук. – Что, черт подери, вы наделали!

– Ты умирал...

– Потому что хотел умереть! Как вы посмели!

Он обрушился на Куина, рука металась безрезультатно, слабый кулак и ладонь неуклюже врезались в тело.

Куин не защищался. Он позволял избиение, какое-никакое... хотя нападением это не назовешь. И Лукас быстро выдохся. Энергия вскоре иссякла, и он откинулся на подушку, тощая грудь вздымалась, кровь пошла вверх по катетеру, зрение закоротило.

А конечность, которой уже не было, продолжала болеть.

– Убирайся, – сказал он онемело. – Я больше не хочу тебя видеть.

Отвернувшись к стене, он слышал тихое перешептывание, а потом дверь открылась и следом закрылась.

– Насколько сильна сейчас боль? – спросила Док Джейн.

– Почему нога болит..? – пробормотал он. – Вы же ее отрезали.

Боже, сейчас он стал еще большим калекой, еще одна часть его прежнего ушла.

– Это называется фантомной болью. Но ощущения весьма реальны.

– Ты... это ты отрезала ее?

– Да, это была я.

– Значит, тоже проваливай. Я не соглашался на это...

– Ты умирал...

– Я тебя не слышу. Убирайся.

Повисла пауза, и ему был ненавистен ее взгляд, обращенный на него, полный доброты, заботы, участия.

– Со временем, Лукас, когда тебе станет лучше...

Он резко повернул голову.

– Вы отказали мне в праве умереть. Вы раскромсали мое тело без моего согласия. Поэтому, прошу меня извинить, меня не интересует все, что вы можете мне сказать.

Доктор прерывисто закрыла глаза.

– Я пришлю Элену с едой.

– Зря стараетесь. Вы просто отсрочили неизбежное. Сейчас я намерен сам закончить дело.

Лукас потянулся к катетеру, прикрепленному к руке, вырывая его, прозрачная жидкость и кровь полились...

Из каждой двери в палате высыпали люди, в панике хватая его, громко переговариваясь. Он сражался с ними, извивался и пихался, пытаясь сохранить вертикальное положение, что было сложно в отсутствие голени и ступни...

Кто-то сделал ему еще один укол, потому что внезапно его тело обмякло. Хотя мозг посылал сигналы к движению, конечности не отвечали.

Когда его глаза прошли по палате, он заметил стоявшего в дверях Куина, его сильное, широкое тело блокировало выход.

С тем же успехом, это мог быть вход в Забвение, на пути которого стоял парень.

– Ненавижу тебя! – закричал Лукас. – Я тебя ненавижу!

Рейдж был в особняке для аудиенций с Королем, в столовой, стоял спиной к закрытой двери, скрестив руки на груди. Большая часть Братства находилась в комнате, переполненные кинетической энергией, они старательно вытапывали паркет.

Роф сидел в кресле, скрестив голени, пес уложил голову ему на колени.

– Опаздывает. Ублюдок опаздывает.

Рив, сидевший перед камином, кивнул и вытянул руки вперед, будто ему было холодно.

– Меня ждет народ.

Голливуд посмотрел на часы.

– Хочешь, чтобы я сходил за ним? Могу накинуть лассо и за яйца притащить...

Раздался дверной звонок, и Ви отодвинул штору окна напротив.

– Помяни наркоторговца.

– Позвольте мне поприветствовать его, – пробормотал Рейдж, выходя из столовой.

– Он не один, – крикнул Ви.

– Я тоже.

Закрыв дверь, он пересек гостиную.

– Пэрадайз?

Когда девушка оторвала взгляд от рабочего стола, он улыбнулся ей.

– Я прикрою твою дверь на секунду. Сделай одолжение. Не выходи, пока я за тобой не приду?

Ее широкие, прекрасные глаза стали еще шире.

– Все в порядке?

– Ага. Но я хочу, чтобы ты побыла здесь.

– Да. Конечно.

Он подмигнул ей.

– Хорошая девочка. И закройся за мной, хорошо?

– Конечно.

Закрывая ее в комнате, он дождался поворота медного замка с ее стороны, а потом подошел к парадной двери. Открыв панель, он окинул Эссейла взглядом. Парень одевался словно из шкафа Бутча, все по фигуре и идеально подобрано, сидело так, словно шили лично под него. Позади него стояла парочка идентичных головорезов. Они были в свободных черных шмотках... ну, что ж.

Он мог представить, какую огневую мощь они прятали под пальто.

– Я думал, ты будешь один, – сказал он.

– Твой Король выразил желание познакомиться с моей командой. Так вот они, мои кузены.

Рейдж подался вперед.

– Но это не все твои ребята, не так ли?

– Могу заверить тебя, на меня работают только эти двое.

Рейдж отступил назад, кивком приглашая внутрь.

– Я должен обыскать вас.

– Мы полностью вооружены.

– Да ладно.

Когда троица вошла в дом, Рейдж указал на огромный серебряный поднос на столе возле позолоченного зеркала.

– Оставьте все там. И убедитесь, что скинете весь металл. Если я найду что-нибудь, то

сильно расстроюсь.

Клац. Клац... клац... клац, клац... грохот.

Рейдж не хотел чувствовать восхищение, но им стоит отдать должное. Качественные на вид пушки и куча острых лезвий.

– Ты – первый, – сказал он одному из близнецов.

Вперед вышел второй.

– Начни с меня. Мой брат немного дерганый.

– Что, прости? Я пропустил тот момент, когда тебя, осел, назначили главным? – Он махнул Мистеру Дерганному, чтобы тот вышел вперед, и обыскал его.

– Ну вот, дать леденец, ведь это было тааааак сложно? Сейчас ты, с кучей требований, вставай сюда.

Он проверил второго, потом подошел к Эссейлу, который словно змей наблюдал за представлением.

– Клевый одеколон, – пробормотал Голливуд, поднимая руки парня и ощупывая на удивление мускулистый торс. – Где купил, в аптеке?

– Ты по жизни такой хам? – спросил Эссейл скучающим тоном.

– Ты второй задаешь мне этот вопрос за последние двое суток. – Он широко расставил модные итальянские лоферы парня. – Не нравлюсь, подай жалобу в кадровое агентство.

– Как у вас все корпоративно.

Проверив низ, Рейдж выпрямился.

– К твоему сведению, Вишес, сын Бладлеттера, наш личный представитель. Он принимает жалобы, поданные лично. Можешь развлечься на досуге.

Покончив с троицей, он прошел к закрытым дверям комнаты для аудиенций, зная, что вампиры последуют за ним. Широко открыв дверь, он отошел в сторону и окинул каждого ублюдка злобным взглядом, когда они пересекли порог.

– Эссейл, – протянул Роф. – И вот мы вновь встречаемся.

– И в этот раз обошлось без пуль, – ответил наркоторговец.

– Пока без пуль, – пробормотал кто-то из братьев.

Эссейл перевел взгляд на собравшуюся толпу.

– У тебя здесь достаточно защиты.

Роф пожал плечами.

– Было два варианта – собирать их или коллекционные статуэтки. Бросали жребий.

– Какая честь, такой командный прием. Чем обязан?

– Рив? Начнешь, раз ты понимаешь, о чем речь.

Пожиратель грехов отошел от камина, улыбаясь так, словно собирался сожрать что-нибудь.

– У нас есть основания полагать, что ты промышляешь на Коллдвеловском рынке наркоторговли.

Эссейл не повел и бровью.

– Я никогда не скрывал своих дел.

– Видел это прежде?

Когда Рив подбросил пакетик в воздухе, Эссейл поймал его и окинул взглядом.

– Героин.

– Символ принадлежит тебе, не так ли?

– С чего вы взяли?

Рейдж вступил в разговор.

– Мы нашли кучу таких на убийце в клубе, который по чистой случайности принадлежит нашему другу.

Роф холодно улыбнулся, протягивая руку, чтобы погладить светлую голову пса.

– Значит, ты понимаешь, что ставишь нас в неловкую ситуацию. Ты распространяешь товар с помощью врага. Ведь так?

Эссейл опять не выказал ни капли эмоций.

– Если и так, то в чем проблема?

– Ты снабжаешь их деньгами.

– И..? Что с того?

– Не будь, мать твою, так наивен. Как, по-твоему, они распорядятся ими?

– Прошлой ночью, – начал Рейдж. – Мы попали в серьезную перестрелку между Шайкой Ублюдков и убийцами. Угадай, из чего палила нежить? Сорок седьмые калаши. Это первые адекватные пушки, которые мы видим в городе со времен набегов.

Эссейл пожал плечами, вскидывая ладони.

– Какое это имеет отношение ко мне? Я простой бизнесмен...

Роф подался вперед на кресле.

– Твой *бизнес* делает работу моих парней еще более опасной. А это, упырь, касается лично меня. Поэтому твой *бизнес* стал моим делом.

– Ты не имеешь права препятствовать мне.

– Если вы трое выберетесь отсюда живыми, думаю, это будет конец игры, тебе так не кажется?

Все братья одновременно выхватили кинжалы.

Рейдж приготовился к своеобразному взрыву, но Эссейл оставался спокойным, как удав. Он не дернулся, не моргнул, не начал мямлить.

Может, у придурка совсем не было нервной системы.

– Что, по-твоему, должно было произойти? – протянул Роф. – Когда я все узнаю. Ты думал, что я просто спущу на тормозах подобный конфликт интересов?

Повисла долгая пауза.

Наконец, Эссейл склонил голову.

– Хорошо. Я перестану продавать им.

Ноздри Рофа расширились, словно он изучал запах мужчины. Мгновение спустя, он сказал:

– Хорошо. А сейчас проваливайте. Но знайте, если я найду это дерьмо хоть у одного лессера, то я приду за тобой, и уже не для разговора.

Рейдж нахмурился, но, когда Роф кивнул на дверь, он открыл ее и, стоя на пороге, наблюдал, как троица выходила. Они вернулись к своему ассорти из пушек и ножей, и восстановили коллективный недостаток железа в организме. Потом они оказались за порогом дома и двинулись к выходу с территории.

– Он солгал, – мрачно сказал Роф.

– Я знал, что все слишком просто, – пробормотал Рейдж. – Почему ты отпустил его?

– Я хочу, чтобы вы проследили за ним, – сказал Роф Ви и Рейджу. – Вы оба. Если мы убьем Эссейла сейчас, то не сможем выйти на его поставщика и убедиться, что общество Лессенинг потеряет доступ к товару. Проследуйте за ублюдком, выясните, где он берет дерьмо, а потом сделайте так, чтобы врагу было нечего продавать в Колдвелле. – Король подался вперед. – А потом всадите по пуле в грудь каждого из этой троицы.

– Без проблем, мой господин. – Рейдж перевел взгляд на Ви, который кивнул в ответ. – Считайте, что уже выполнено.

Двигаясь быстро, но не слишком, *майкен* кралась по коридорам дворца, направляясь к ритуальным покоем Королевы. Время от времени она проходила мимо стражей, других служанок, даже мимо нескольких Старейшин. Никто не обратил на нее внимания.

Потому что она передвигалась в личине своего скромного альтер-эго.

Если бы кто-то узнал, кто скрывается под бледно-голубыми одеждами, поднялась бы большая суматоха.

Но вместо этого, когда она достигла пункта назначения, стражи, стоявшие слева и справа, едва ли одарили ее взглядом. К концу своей смены они были измотаны, поэтому она выбрала время как нельзя кстати.

– Омовения для Королевы, – сказала она, покорно кланяясь.

Они открыли ей дверь, и она проскользнула внутрь.

Священное место было выложено черным мрамором от пола до потолка, и ничто не принижало сокрушительного эффекта, который ты испытывал в окружении блестящего нуара: ни ковров, ни мебели, всего несколько встроенных шкафов в углу, где хранился провиант, обновляемый периодически. Свет испускал только открытый огонь на концах фитилей, специальные масла, сгорая, рождали бело-зеленое сияние.

Она не оглянулась по сторонам. Она давно узнала, что этого делать нельзя.

Было что-то ужасающее в этом помещении, особенно когда проводишь здесь значительное время. Чем дольше ты сидишь в этих стенах, тем больше теряешь чувство ориентации, и начинает казаться, что четыре стены и потолок с полом исчезли, оставив тебя зависшим в огромном ночном небе, подвешенным в отсутствие гравитации, в другом измерении, и ты не знаешь, отпустит ли оно тебя.

Она ненавидела эту комнату.

Но ее заставляли приходить сюда.

Ее мать, Королева, сидела в центре комнаты, лицом к северу, черная мерцающая мантия спускалась на пол вокруг нее, с ее укрытой головы, сливаясь с мрамором.

Казалось, что камень стал жидким и пытался поглотить ее.

Ее мать сидела неподвижно, даже не дышала.

Она погрузилась в траурную медитацию.

Хорошие новости.

майкен прошла в угол и бесшумно открыла один из шкафчиков. К лежавшей там еде не прикоснулись. Еще один хороший знак.

Меньше чем через час, верховный жрец, АнсЛаи придет вместе с Главным Астрологом для проведения ритуалов, осколки метеоритов измельчат и поглотят со священными чаями, дабы приобщиться к звездам, которые определяли жизнь Теней. Потом шло кровопускание и ритуальный секс. После которого Королеву снова оставят одну, чтобы она ушла в транс, удаляясь от земли и находя утешение своего горя.

Точнее так называемого «горя».

Сложно поверить, что женщина на самом деле чувствовала хоть что-то к тем, кого произвела на свет.

Убедившись, что ритуал был в самом разгаре, *майкен* вернулась к двери. Прежде чем выйти, она посмотрела на свою мать. Она видела женщину только на официальных событиях, когда *майкен* приводили ко двору в благородных одеяниях, как обычно дразнят прекрасной вазой или произведением искусства. Не считая подобных показов, что шло на пользу Территории, она жила

в священных покоех, окруженных стражей.

Ее никогда не навещала женщина, которая, сразу после ее рождения, передала ее в руки специально обученного персонала в эти покои, служившие ей тюрьмой.

Такой была жизнь Принцессы с'Хисбэ.

Но она нашла выход.

И с тех самых пор передвигалась по дворцу в личине служанки, низшего жреца, астролога. *майкен* выскользнула из помещения и проворно удалилась.

Она обнаружила с'Экса, любимого любовника матери, который назначил встречу с двумя женщинами, которых, очевидно, тайно провел через черный вход. *майкен* нечаянно узнала его секрет, но выяснила, что высоко в стене была решетка, и если дематериализоваться в нее, то можно путешествовать по системе вентиляции и кондиционирования.

Какое-то время это было для нее лишь игрой, приятным времяпровождением, и она не выяснила ничего полезного из своего шпионства. Но в одну ночь все изменилось, когда она, будучи в форме Тени, заглянула в одну из решеток и в первый и последний раз увидела акт совокупления.

Хотя... там было столько частей тела.

Поэтому она не знала, что именно видела.

Должно быть, она издала какой-то звук, потому что с'Экс застыл и поднял глаза, встречая ее взгляд, а люди продолжали двигаться и тереться о него...

Сразу после всего с'Экс пришел в ее комнату, и они заключили небольшую сделку. В обмен на сохранение увиденного в тайне, и обещание не пользоваться больше системой вентиляции, ей разрешили покидать покои при условии, что она не покинет пределов дворца и будет поддерживать камуфляж.

Неосторожность с'Экса могла стоить ему жизни: Тени верили в святость полового акта. И Королева пришла бы в ярость, узнав, что определенные части ее тела были... соприкасались... с частями тела людей, благодаря подвигам с'Экса.

Этот мужчина должен принадлежать ей и ей одной. Это было известно всем.

А те человеческие женщины? С таким же успехом он мог пустить овцу в свою постель.

майкен шла вперед, лавируя по коридорам, и ее живот начало крутить. С взрослением, ей даровали некую свободу, например, она могла отсылать из комнаты прислугу... и этим вечером она снова воспользовалась этой привилегией: прежде чем проверить, что ее мать действительно была в трауре, она велела своим служанкам покинуть ее покои, поскольку она была вымотана от стресса и желала немного покоя для осуществления своих ритуалов.

Никто не задавал ей вопросов. И никто не вернется до рассвета.

Было очень легко с помощью той решетки выбраться во внешний мир.

На встречу с братом ее Нареченного.

И...

Ну, она не знала, что.

Звезды в вышине, она действительно собиралась сделать это? Она даже не знала точного расположения той хижины, о которой он говорил.

Нет, это было безрассудно. Глупо. Беспечно...

Образ айЭма, стоящего перед ней в своей наготе, оборвал все мысли.

Ее тело начало согреваться изнутри, и она осознала, что, несмотря на все, что твердил ей разум, ее плоть приведет ее к нему.

Она пойдет. Небеса помогите ей... но она пойдет.

И позднее разберется с последствиями, какими бы они ни были.

Трэзу пришлось врать как никогда в жизни: если говорить о парке развлечений, он был хорош только в детских аттракционах. Вроде Чайных чашек, Драконьего хвоста... с едва отрывавшимися от земли горками и ветер почти не дул в лицо... а гребаная карусель с Мьюзаком и жесткими сиденьями, насаженными на кол конями и единорогами, поднимавшимися вверх-вниз.

К слову о колах вверх-вниз...

– Ну что, домой? – спросил он.

Селена посмотрела на него.

– Да. Было так весело.

– Я помню. Лучшая ночь в моей жизни.

Селена подалась к нему, сжимая в объятиях.

– Ты лукавишь. Я думала, что ты с ума сойдешь на американских горках.

Он остановился. Развернул ее. Смахнул волосы с ее лица.

– Я был с тобой. Поэтому все было идеально.

Поцелуй должен был подтвердить его слова. Но Трээ хотел заниматься с ней сексом всю ночь напролет, и прежде чем осознал, он прижал ее к себе, вдавливая ее груди в свой торс, сминая бедра ладонями, лаская ее язык своим.

– Хочешь выбраться отсюда? – снова протянул он.

– Да, – Селена выдохнула ему в губы.

В любом случае, наверное, пришло время, подумал он, глянув на часы... да, одиннадцать пятнадцать.

Хотя его член рвался в бой, Трээ не хотел упустить обратную прогулку до машины. Он положил руку ей на плечи, и, шагая нога в ногу, они шли по дорожкам мимо разных аттракционов, на которых катались, мимо синего стола для пикника, за которым уплели хот-дог и бургер, мимо прилавка с сахарной ватой, где им выдали огромный конус, напоминающий волосы Мардж Симпсон, и они кусочек за кусочком накормили им друг друга.

– Я еще не достал тебе плюшевую игрушку, – сказал он.

– Купить? О, не нужно...

– Нет. Выиграть. Например, в тире.

Она кинула ему взгляд из-под приспущенных век.

– Я знаю, как ты можешь загладить свою вину. Помнишь, как мы ели сладкую вату?

– Да...

– Твой язык был просто бесподобен.

Когда те еще образы ее обнаженной, с широко раздвинутыми ногами, заполонили его мозг, он начал вспоминать, нет ли по пути домой гостиницы.

– Боже, жаль, что сейчас не лето, – простонал он.

– Да?

– Я бы затащил тебя в темный угол и спустил твои штаны.

– Знаешь, ты можешь сделать это и сейчас.

Он замер.

– Слишком холодно.

– Разве? – Взяв его за руки, она потянула его. – Посмотри туда. Там нет освещения. Там можно укрыться.

И да, в центре для посетителей, здании в форме звезды, с несколькими входами в основную

часть здания, были выключены огни – ведь в парке никого не было – создавая тем самым сгусток тьмы.

– Нас никто не увидит, – прошептала она ему в шею.

Без внешнего освещения в углу, в который она потянула его, стояла кромешная тьма, и его член нажал на газ раньше мозга. Повернув ее лицо к себе, он крепко поцеловал Селену, прижимая ее спиной к окрашенному сайдингу, руки скользнули под ее парку, находя груди. Ее соски были твердыми, и он ущипнул горошинки через бюстгальтер и блузку, стискивая, а потом приглаживая подушечками пальцев. Коленом он раздвинул ее бедра.

– Дерьмо, я всю ночь хотел этого, – прошептал он прежде, чем снова накрыть ее рот своим.

Она была горячей и податливой под его руками и телом и готовой, чертовски готовой, с ним, здесь и сейчас. Он хотел раздеть ее целиком... было что-то чертовски возбуждающее в том, что ей нравилось это, и в том, что он был полностью одет; к тому же, тогда он сможет добраться до сосков своими губами. Но для подобных действий было чересчур холодно, и, к тому же, он всеми руками за быстрый секс в укромном месте, но ему совсем не нравилась идея, что кто-то увидит Селену в таком виде, роскошную и распущенную, чертовски горячую.

Связанный мужчина в нем мог клыками разорвать на части бедного человеческого самаритянина.

Не к такому романтическому завершению вечера он стремился.

Его руки опустились на пояс ее брюк, расстегивая пуговицу и замок, а потом спуская ткань вниз. Они были прямого кроя, слава яйцам, и штанина без проблем скользнула по обуви.

– Хочешь, чтобы я сняла трусики? – спросила она, задыхаясь.

– Нет, я трахну тебя с ними.

Так он и сделал. Он обхватил ее идеальную попку и оторвал Селену от земли, заставляя обвить его талию ногами. Закинув руку за спину, он погладил ее плоть, чувствуя ее готовность, жар, отчаяние.

Он хотел провести здесь всю ночь. Но вместо этого он отодвинул шелк в сторону и...

– О, Боже, Селена, – прошипел Трэз.

Влажное и горячее, тесное, живое, проникновение унесло его и одновременно позволило сохранить равновесие. Он начал двигаться, придерживая ее попку и насаживая ее на себя. Он запутался в ее волосах; ее запах наполнил его нос; она была ошеломительной волной, в которой он хотел утонуть.

Быстрее. Жестче.

Она кончила первой, и ему это нравилось, ритмичные сокращения подстегивали его только сильнее. А потом он запрыгнул на американские горки, на которых был готов провести вечность, его член содрогался внутри нее, оргазм сблизил их души.

Когда все кончилось, он обрушился на нее телом, но испугался, что придавил ее.

– Прости, я...

– М-м. – Она потянулась к его рту, втягивая его нижнюю губу, посасывая. – Еще.

Он мгновенно приготовился ко второму раунду, но когда его бедра начали двигаться, он вынужденно остановил себя.

– Домой, – прохрипел он. – Нужно сделать это дома.

– Все еще беспокоишься о холоде? – протянула она, проводя клыком от подбородка до его яремной вены. – А я вся горю.

Трэз застонал, закачавшись на пятках.

– Я жаден. Я хочу большего доступа к тебе, чем могу получить здесь.

Ее смех лаской прошелся по его обнаженной плоти.

– Что ж, тогда води меня в кровать.

Казалось предательством – вернуть ее в те слаксы. Особенно когда он опустил на землю и его глаза оказались на одном уровне с ее лоном.

Стиснув зубы, он умудрился одеть ее и убрать член в штаны, не набросившись на нее, как пещерный человек. А потом настало время выхода из теней с непроницаемым лицом, весь из себя «а что? ничего!», притянув ее к себе.

– Это было невероятно, – прошептала она. – Я все еще чувствую тебя в себе.

Трэз пошел весьма забавной походкой. Либо так, либо он сломал бы конечность, на которую гипс не наложишь.

Когда они добрались до машины, он прикидывал время прибытия в свою спальню... если поедет со скоростью в сто пятьдесят миль в час.

Хм, это же Порше, верно?

Открыв дверь, он помог Селене сесть в машину, а потом со скоростью света сиганул к водительской двери. Он завел двигатель сразу, как только его зад коснулся сиденья.

– Ой! Холодно! – воскликнула Селена.

Он оставил кондиционер включенным, и сейчас мощный вентилятор сносил их арктическим ветром. Они оба потянулись к панели, нажимая на разные кнопки...

Из звуковой системы «Burmester» загремела музыка благодаря подключенному Сириусу^[92], и прежде чем он успел выключить звук, запел DJ Khaled, «Поддержу тебя»^[93].

– Нет, стой, – сказал он. – Пусть играет.

Выскочив из машины, он снова подошел к пассажирской двери и, открыв ее, протянул руку. – Потанцуй со мной.

– Что?

– Потанцуй со мной, моя королева.

Увлекая ее с сиденья, он подвел Селену к капоту Порше, вставая под свет фар, и прижал к себе. Они двигались вместе, тела порхали, пальцы сплетены, музыка трансформировала парковку и парк развлечений под открытым небом в частный танцевальный зал.

– Вечно... – пробормотал он ей. – Я буду держать тебя...

Трэз устроил голову на плече так, что теперь окружал ее всем своим огромным телом, оберегая, любя.

Они танцевали в свете фар, периодически скрываясь в тени.

* * *

айЭм наблюдал со смотровой вышки, как его брат снова выдернул Селену из машины, и они встали перед капотом. Невозможно узнать, что за песня звучала, но это, казалось, и не важно. Просто смотреть на них двоих, двигавшихся как единое целое в такт музыке, державших друг друга... этого было достаточно.

айЭм с удивлением смахнул слезу.

Было так сложно смотреть на них.

Отворачиваясь, он прошелся по тесному пространству, думая, насколько Трэзу было бы ненавистно находиться на такой высоте, с обзором на триста шестьдесят градусов и необходимостью смотреть вниз. Парень всегда ненавидел высоту, удивительно, как он вообще подписался на восемнадцатый этаж Коммодора.

Он смотрел на горки когда, пару минут спустя, его телефон в кармане издал перезвон. Он достал его.

Пора – было сказано в сообщении.

Почти сразу пришло следующее, от его брата: «Спасибо огромное».

Трэз никогда не писал такого в сообщениях. Значит, он на самом деле чувствовал глубокую признательность.

айЭм помедлил с ответом. Потом ответил: «Был рад помочь. Увид-ся дома».

Он собрался убрать телефон в куртку, но потом помедлил. «Я проверю дела».

Последние пару лет он отправлял такое смс тысячи раз. И, на самом деле, он этим и собирался заняться. Он хотел проверить рестораны и клубы... как они работали, нужно ли там чего.

Именно этим ему нужно было заняться. И как раз это не позволит ему отправиться в ту чертову хижину.

Пора выдвигаться.

Без свидетелей он дематериализовался к припаркованному БМВ Х5, которым пользовался вместе с братом. Мгновение спустя Порше выехал через боковые ворота, и айЭм последовал за ним на расстоянии, пересекая пустую парковку в два акра площадью... и Мэнни следом, на скорой.

Всю дорогу в особняк из головы айЭма не выходил образ брата и Селены, как они танцевали в свете фар словно подростки.

Слишком плохо, что они жили в романе Джона Грина^[94].

Сколько ночей им осталось? – гадал он.

Дерьмо, насколько извращенно было так думать, но часики тикали. С каждым прожитым часом, было более, а не менее вероятно, что Селену охватит новый приступ.

И что потом, черт подери, ему делать со своим братом?

Господи Иисусе, Трэз станет неуправляемым.

Наедине с подобными радостными мыслями, он потерял счет времени и прежде, чем понял, сколько успел проехать, они уже поднимались по укрытой *мисом* дороге в гору, к особняку, Мэнни на скорой держался позади.

К счастью, Селена никогда не узнает о мерах предосторожности, которые они предприняли. Они бы обломали весь кайф. Иначе никак.

айЭм старательно соблюдал дистанцию, когда они приблизились к последнему повороту на особняк, давая Трэзу время завести Селену в дом. Когда он, наконец, оказался во дворе, то обогнул фонтан и припарковался рядом с ГТО Рейджа. Которому не долго осталось стоять на улице. Брат всегда загонял его в гараж на зиму.

Порше Мэнни был припаркован у основания лестницы, крыша поднята, ключи, без сомнений, уже направляются к доктору, чтобы он тоже смог загнать его на подземную парковку тренировочного центра.

айЭм заглушил двигатель БМВ. Вышел и запер его, хотя необходимости не было.

И застыл.

Подняв взгляд на ночное небо, он наблюдал, как дыхание вырывается из его рта, растворяясь на ветру. Изображение Трэза и Селены словно собака клыками вцепилось в его мозг, память отказывалось сдвигаться с места... и нет, ему было стыдно признаваться, потому что он думал обо всем, что его брат мог потерять, или потому что дергался о том, что не знал, как оторвать брата от асфальта, когда все закончится печальным образом.

Но вместо этого, он гадал...

Дерьмо, он гадал, каково это? Прижимать женщину к своему телу? Чувствовать ее запах своим носом, ощущать под своими руками ее плечи, талию, бедра? Он хотел знать, каково это – поднять ее лицо к себе и...

Так, ему нужно завязывать с этим.

Потому что не видать ему этого. Не сейчас. Ни через полчаса, если он отправится в хижину. Ни через неделю, месяц или год...

И словно по наводке налетел морозный ветер. Будто вселенная хотела подчеркнуть ждущие его холод и одиночество.

Его внимание привлек стук открывшейся двери в вестибюль. Ему нравился Мэнни, но он не хотел, чтобы парень вышел к своей тачке и обнаружил его...

Это был не добрый доктор.

Трэз вышел из дома. Спустился по лестнице. Пересек дворик.

Дерьмо.

айЭм положил руку на телефон, на случай, если придется звонить... да кому-нибудь.

– Эй, с ней все в по...

Брат сжал его в медвежьем объятии.

– Огромное спасибо за этот вечер.

Поначалу, айЭм не сообразил, что ответить. Они с братом не любили всякие обнимашки.

– Очень признателен, что ты был там. Это много значит для меня.

айЭм прокашлялся.

– Ну. Я...

Трэз просто сжал его в крепком объятии.

айЭм осторожно обернул вокруг него руки. Движение казалось таким странным, но когда он, наконец, обнял парня в ответ, то почувствовал, как тот задрожал.

Мне жаль, дружище, – мысленно обратился он к брату. Я не хочу для тебя ничего из этого.

Холодный ветер продолжал дуть, и спустя некоторое время они отступили друг от друга.

Трэз успел скинуть куртку и сейчас затолкал руки в карманы брюк.

– Я получил твое сообщение. Чувствую себя скверно из-за того, что повесил все на тебя.

– Все нормально.

– Не нормально.

– Трэз, тебе нужно быть с ней, заботиться о своей женщине. Это самое важное. Все остальное – просто слова.

Темные глаза уставились в точку над плечом айЭма. А может, куда-то над ухом.

– Серьезно, я не знаю, почему ты тратишь свое время со мной, – пробормотал айЭм.

– Я хочу для тебя большего.

– Меня вполне устраивает работа в «Сале».

Брат посмотрел ему в глаза.

– Я не об этом говорю, и ты меня понял.

айЭм присоединился к клубу парней-с-руками-в-карманах.

– Довольно разговоров. Иди к своей женщине.

Трэз был жестким ублюдком, способным легко отмахнуться все возражения и доводы. Но айЭм, как всегда, умел достучаться до парня.

Мужчина развернулся, но преодолел только половину пути до особняка. Прежде чем остановиться и оглянуться назад.

– Не трать всю жизнь на меня, хорошо? – Трэз покачал головой. – Я этого не стою, а ты достоин большего.

айЭм закатил глаза.

– Перестань думать. Иди уже.

– Спроси себя, что у тебя останется, когда я уйду. И если ты будешь честен с собой, то, думаю, ответ тебе понравится не больше, чем мне. И избавь меня от все-будет-в-порядке. Мы не настолько наивны.

– Почему ты отвлекаешься на это? Трэз, я серьезно.

– Отвлечение не причем. Это – то самое дерьмо, что поедает тебя живьем, когда любишь кого-то.

На этой ноте Трэз пошел вперед, преодолел каменные ступеньки и скрылся за дверью в вестибюль.

айЭм закрыл глаза и прислонился к внедорожнику. Ему ни к чему сейчас милый монолог брата в своей голове. Нисколько.

Руки Селены онемели.

Стоя за столом на кухне особняка Братства, Селена пыталась открыть банку «Колы» и поняла, что ее пальцы отказываются поддеть ушко. Вместо того чтобы дернуть металлическое кольцо, они просто скользили мимо.

Несмотря на ворох предостерегающих звоночков в голове, Селена пыталась сохранить самообладание, напоминая себе, что провела целых три часа на холоде и без перчаток.

Несколько раз согнув пальцы в неплотный кулак, Селена подула на них, затем потрясла кистями. Пощелкала костяшками. Постаралась не кинуться на поиски других проблем, происходящих с ее телом.

Даже больные с ее недугом могли страдать от легкого обморожения.

Селена снова вернулась к банке «Колы», ее сердце колотилось, пока она отстранено наблюдала, как в еще одной попытке тянется к крышке. Селена беспристрастно рассматривала свои руки и пальцы, словно те были присоединены к чужим кистям и двигались по воле чужого разума.

Треск! Шшшш!

Селена выдохнула и привалилась к граниту.

– Ты в порядке?

Скрыв свое облегчение, она улыбнулась Трэзу, вышедшему из столовой.

– Просто немного содовой. Умираю от жажды.

– Как желудок?

– Очень хорошо. А твой?

Трэг подошел к ней, и Селене показалось, что он тоже что-то скрывает. Стало шоком осознание того, что, несмотря на ее длинную «говорим правду» речь после того, как она последний раз оправилась от Окостенения, Селена хотела, чтобы Трэг сохранил свой секрет, также как она хотела сохранить свой. Они провели потрясающую ночь, и последнее в чем она нуждалась – это испортить послевкусие тяжким разговором, который обнажит безвыходную проблему и вопросы, на которые не будет ответов до тех пор, пока не станет слишком поздно.

– Животик в порядке.

Селена снова заставила себя улыбнуться.

– Не желаешь ли подняться наверх?

– Было бы замечательно.

Прихватив «Колу», Селена приняла предложенную Трэзом ладонь и прошла с ним через столовую в фойе. Дом был совершенно пуст. Братья сражались на улицах, Роф общался с гражданскими, Бэт, Марисса и Мэри были в Убежище, Белла нянчилась с Рофом-младшим и Наллой наверху в недавно оформленной детской, *доджены* выполняли свои обязанности.

Все так и продолжится, подумала Селена, и после моей смерти. Двери так и будут открываться и закрываться, трапезы составляться и съедаться, а люди продолжают жить.

Дражайшая Дева-Летописец, она хотела остаться с ними. Она не хотела уходить в, вполне вероятно, абсолютную пустоту, полностью отстраняться от всего, чем являлась, что имело для нее значение, о чем она думала и как чувствовала.

Мертва. Не оставив ничего.

Селена была обучена, хотя нет, запрограммирована, верить в жизнь после смерти и служить Матери Расы, придерживаясь традиций, которые она не устанавливала и не принимала по доброй воле. Но все это ей приходилось делать, не задавая ни единого вопроса.

И, находясь на пороге смерти, Селена жалела, что не задавала вопросы, не ставила под сомнение решения, не высказывала свое мнение.

Так много потерянного времени.

Поднимаясь вверх по лестнице вместе с Трэзом, Селена поймала себя на том, что интересуется почему, если Забвение все же существует, и люди продолжают жить там, наверху... почему Дева-Летописецца требовала, чтобы все происходящее на Земле записывалось в Святилище? Зачем нужны были все те многочисленные тома, описывающие жизни живших... если после смерти люди продолжают существовать, просто в другой форме?

Хранить стоит лишь то, что может быть утеряно.

Сердце Селены бешено заколотилось, внезапный ужас пронзил...

– Вот дерьмо! – Выдохнул Трэз.

Очевидно, он прочитал ее мысли.

– Не знаю, о чем я только думал. Наверно это просто ерунда...

Трэз снял свободную руку с перил и взмахнул ею.

– Трэз! Что случилось?

– Дерьмо. Черт. – Он внимательно посмотрел на Селену, но его взгляд был расфокусирован. – Можешь помочь мне дойти до комнаты? Я не вижу...

– Дражайшая Дева Летописецца, позволь позвать Дока Джейн!

– Нет, не стоит. Это всего лишь мигрень. – При помощи Селены Трэз принял устойчивое положение. – У меня мало времени. Я должен подняться наверх в темную комнату и лечь.

– Позволь я позвоню Доку Джейн...

– Нет, ты же знаешь, что я страдаю этим всю жизнь. Я знаю, чего ждать. Первые восемь часов будет чертовски хреново, но, на самом деле, ничего плохого не случится.

Пока они ковыляли наверх, к пролету второго этажа, а затем пересекли его, направляясь на третий этаж, Селена старалась максимально принять на себя его вес, сколько могла. Его большое тело двигалось медленно, и, в каком-то смысле, Трэз просто отказался от зрения, закрыв глаза.

Каким-то образом, Селена умудрилась привести Трэза в его комнату и уложить на кровать.

– Темнота поможет, – сказал Трэз, прикрыв глаза локтем. – И не могла бы ты принести сюда корзину?

Суется вокруг, Селена выключила везде свет, за исключением ванной комнаты, и убедилась, что рядом с его головой стоит необходимая емкость.

– Хочешь, чтобы я помогла тебе раздеться?

– Хорошо. Да.

Это был не тот опыт, на который Селена рассчитывала, но ее настроение в любом случае все бы испортило. И, занимаясь делом, она была так осторожна, снимая с него куртку, а затем и ботинки с носками, и стягивая с него слаксы.

– Пожалуй, останусь в рубашке. У меня нет на это сил. – Трэз поймал ее руку и притянул Селену к себе. – Не так я планировал окончить эту ночь.

Селена поцеловала его ладонь.

– Чем я еще могу помочь?

– Просто позволь мне проваляться здесь следующие шесть-восемь часов. И не волнуйся, как я уже говорил, все это, от головной боли до тошноты, в порядке вещей. К сожалению.

– В чем причина?

– Стресс.

– Хочешь, чтобы я позвонила айЭму?

– Черт, нет. Его тарелка и так уже полна. Вообще-то, думаю именно из-за него это и

произошло.

– С ним что-то случилось?

Когда Трэз не ответил, Селена хотела надавить, но он был болен.

– Тебе не обязательно уходить, – сказал Трэз.

– Не хочу тебя беспокоить.

– Ты не помешаешь. – Трэз погладил ее руку своей, а его губы, единственная часть лица, оставшаяся открытой, раздвинулись в улыбке. – Обожаю твои руки. Я же говорил тебе это, не так ли? Они такие гладкие и мягкие...длинные пальцы...

Находясь рядом с ним, пока Трэз пробежал кончиками пальцев от ее запястья до основания пальцев, Селена почувствовала, что от ее паники не осталось и следа. В суставах не ощущалось ничего странного. Значит и в самом деле всему виной был холод.

Немного погодя, Трэз негромко застонал, плотно сжал губы, его тело напряглось. А затем он начал судорожно глотать слюну.

– Мне нужно, чтобы ты ушла, – пробормотал Трэз. – Прости, но я не хочу, чтобы ты видела это...

– Ты уверен?

– Пожалуйста. *Сейчас*.

Селена хотела этого меньше всего, но все же поднялась.

– Я буду в доме, хорошо? Я никуда не уйду. Позвони, если тебе...

Трэз резко перевернулся и схватил корзину. Замерев над ней, он открыл глаза и пронзил Селену изнуренным взглядом.

– Тебе нужно уйти прямо сейчас.

– Я люблю тебя, – проговорила Селена, спеша к двери. – И очень хотела бы помочь.

Выбегая, Селена не была уверена, что Трэз понял ее, а закрыв дверь, она вздрогнула, услышав, как его тошнит.

Несколько секунд Селена обдумывала идею разместиться прямо в коридоре, рядом с комнатой Трэза. Но затем, размышляя, куда бы сесть, Селена осознала, что не может, снять руку с дверной ручки.

Ее ладонь примерзла к латуни.

* * *

– Разумеется, я не уйду из бизнеса. Не тупи.

Обращаясь к кузенам в кухне своего стеклянного дома, Эссейл был в ужасном настроении, а вопрос Эрика вывел его из себя еще больше.

– Но Король...

– Не имеет никакого права вмешиваться в мои дела с людьми. – Эссейл весьма удобно избегал думать или комментировать вопрос о конфликте интересов. – И я не собираюсь подчиняться этому приказу.

– И как мы поступим?

– Он будет следить за нами. Будь я на его месте, так бы и поступил. Я хочу, чтобы вы передали предупредительный сигнал моим коллегам. Мы приостановим сделки на короткое время и разведаем обстановку.

– Понял.

После ухода близнецов, Эссейл остался на кухне, чтобы находиться в поле зрения Братьев, на случай, если те обосновались вокруг дома. Вынув флакон с кокаином, он обнаружил, что

порошок опять заканчивался, но, по крайней мере, ему должно хватить.

Закончив с принятием дозы, Эссейл прошел в кабинет, расположенный на другой стороне дома. Стеклопанные окна были установлены и здесь, поэтому он включил настольную лампу, чтобы Братья могли с легкостью наблюдать за ним. Расположившись в кресле, Эссейл посмотрел на сложенные им стопки бумаги. Инвестиционные счета. Брокерские счета. Открытые как в США, так и за границей.

Растущие, растущие и растущие.

Его состояние от продаж перешло на новый уровень около месяца назад, когда деньги, отмываемые через Кайманы, поступили на более легальные счета в Великобритании и Швейцарии.

Очень много, и на все это начисляются проценты, дивиденды и ревальвация.

Начиная свой бизнес по торговле наркотиками, вскоре по прибытии в Америку из Старого Света около года назад, Эссейл уже тогда обеспечил себе безбедное будущее даже по его меркам. А сейчас его состояние удвоилось, хранясь на различных счетах.

Подняв первую попавшуюся стопку бумаги, Эссейл глянул отчет на конец месяца. Ежедневный отчет в компьютере был еще актуальнее.

Несмотря на его щедрость, сама идея, что Роф вмешался в его дела, приводила Эссейла в неопределимую ярость.

По причине, о которой он никому бы не признался.

Без этого...у него ничего не останется.

То, что начиналось как расширение европейского бизнеса, переросло в смысл его существования, единственную цель в его жизни, единственный стимул, побуждающий его вставать по вечерам, одеваться и выходить за порог.

Если честно, Эссейл всегда наслаждался, делая деньги.

Но после событий прошлой зимы...

Выругавшись, Эссейл откинулся в кожаном кресле и прикрыл голову рукой. Затем, не глядя, сунул руку во внутренний карман пиджака и вынул телефон.

Он выучил номер Сола давным-давно.

Но не звонил по нему. С тех пор как она переехала из Колдвелла в Майами со своей бабушкой. С тех пор как она уехала отсюда, чтобы распрощаться с такой же преступной жизнью, которую вел он.

Нажав на кнопку звонка, Эссейл вывел на экран панель набора номера. Также как и в предыдущие многочисленные разы, он нажал последовательность из десяти цифр, одну за другой, его пальцы следовали шаблону, который он помнил наизусть.

Нет, Эссейл не звонил ей. Но на постоянной основе он делал это: десять цифр, которые были для него чем угодно, но только не случайным номером, нажимал кнопки на телефоне...и стирал их, не отправляя вызов.

Если Король оставит Эссейла без его заработка? Тогда ему совершенно нечем будет заняться, черт побери, кроме как снова и снова пережевывать тот факт, что единственная женщина, которую он хотел, была совершенно недоступна.

Женщина. Человеческая женщина.

Она была человеком, а не вампиром. Черт, Сола даже не знала, что вампиры существуют.

В том то и соль. Даже если Эссейл порвет с торговлей наркотиков? Он все равно не мог поехать в Майами и объявиться на ее пороге со словами: Привет! Давай продолжим с того момента, на котором остановились!

Этого не произойдет, потому что рано или поздно станет известно о его принадлежности к другому виду, и где они окажутся в таком случае?

По непонятным причинам спокойствие и тишина стеклянного дома подавляли Эссейла,

напоминая о том, насколько одиноким он был, и будет, прекрати он торговлю. Черт, его кузены никогда бы не стали сидеть здесь и горевать о женщине, в которую не были влюблены, Эссейл мог потерять и их.

Господи, он был действительно жалок, не правда ли?

Главное, что же он будет делать?

Благодаря кокаину, ревущему в его венах, мозг Эссейла неожиданно вывел решение $A+B=C$, что основывалось на совершенно... абсурдной идее.

Которая, тем не менее, предлагала ему довольно сногшибательное решение всего этого.

Выпрямившись, Эссейл нахмурился и огляделся, его взгляд блуждал вокруг, пока мозг искал, искал и искал слабые места в плане. Не найдя больше ни одного, Эссейл стер номер Солы с экрана телефона и набрал Эрика. Услышав голосовое сообщение, он предположил, что те все еще перемещаются.

Секунду спустя, его телефон зазвонил, и Эссейл ответил, не утруждая себя приветствием.

– Вы уже оставили для него сигнал?

Ответ Эрика был приглушен ветром, дующим с реки.

– Мы только прибыли.

– Подождите его. Не обнаруживая себя.

Эссейл продолжил давать указания, и ответ Эрика в конце разговора был идеальным:

– Как пожелаешь.

Эссейл закончил разговор и снова развалился в кресле. Глубоко вздохнув, он выругался. В результате, придется очень много поработать. Но это, по всей видимости, единственное, что ему оставалось.

К тому же, тот факт, что это может оказаться очень полезным в будущем? Именно этого он и хотел. А если не сработает? Что ж, тогда он будет мертв и ни о чем больше не станет беспокоиться.

Даже о женщине, которую жаждал каждой клеточкой своего тела и всем своим черным, нечестивым сердцем.

Ее мать весьма подходяще выбрала для нее имя.

Марисоль^[95] и в самом деле украла его душу.

айЭм намеревался заикнуться на словах Трэза не больше, чем это сделал бы холодный ветер, дувший вокруг них во дворе особняка. Он собирался войти внутрь, поесть что-нибудь на скорую руку и забыть все случившееся. Провести обычную ночь. Заглянуть в клубы и ресторан. Разобраться с бумагами, взять на себя управление, принять некоторые четкие и твердые решения.

Вместо этого, айЭм застрял в фойе, разглядывая потолок, расположенный на высоте трех этажей и расписанный невероятно талантливым художником. Идея, на его взгляд, была вдохновляющей: герои верхом на прекрасных боевых конях воюют посреди облаков, небесные воины, сильные и храбрые на стороне праведников.

Но не из-за всей этой красоты айЭм впал в состояние нерешительности.

Судьба Трэза представляла собой карточный домик, хрупкий и сложный предмет, управлявший жизнями их обоих. Каждый шаг, который предпримет айЭм, должен быть осторожным, взвешенным и рассчитанным только на выживание.

Его брата.

айЭм был столетним девственником именно по этой причине.

Черт, он даже не заглядывался на женщин, никогда.

Трахал ли Трэз их в клубах или смотрел порнуху по ТВ, или рассказывал, что он делал на своем столе, на заднем сиденье своей машины, снаружи на гребаной парковке, айЭма это нисколько не интересовало.

Он был прямой-чтоб-его-линией.

Точнее, чтоб-не-его.

И да, айЭм обдумывал всю эту хрень про геев, задаваясь вопросом, что, может, его привлекали мужчины.

Не-а.

Дошло до того, что если бы он не мыл их каждую ночь, айЭм бы задумался, а есть ли у него вообще яйца.

Спроси у себя, что останется для тебя, когда меня не станет. Если твой ответ будет честным, думаю, он понравится тебе не больше, чем мне.

Не осознавая, что пришел к какому-то выводу, айЭм развернулся на каблуках и покинул вестибюль. Он стоял на ветру на парадном крыльце огромного серого особняка...

...а затем дематериализовался.

По пути к месту назначения его сотрясали воспоминания: Трэз, сбегавший из дворца. айЭм, заключенный под стражу, пока его не вынудили дать обещание привести брата обратно, которое он в действительности и не собирался сдерживать. Бешеная погоня.

Хижина на горе Черный полоз.

Приняв форму, на мгновение айЭм почувствовал тошноту, осматривая потрепанную погодой постройку с неровной вертикальной обшивкой, кедровой кровельной дранкой и каменным дымоходом, выступающим из крыши как гнилой зуб. Она была... точно такой же. И даже не почти такой же, с другими окнами, или подросшими кустами, или упавшими либо подросшими деревьями.

Нет, на несколько секунд, айЭм не был уверен, случилось ли все это годы назад или только что.

Встряхнувшись, он подошел к передней двери. Когда айЭм открыл ее, петли заскрежетали, но, по крайней мере, он был лучше подготовлен к тому, что увидел.

Точно также. От расстановки простой мебели и застарелого запаха огня, до сквозняков, просачивающихся через стены.

айЭм закрыл за собой дверь и обошел кругом, половицы под его ботинками скрипели и стонали. У выложенного из песчаника очага он обнаружил большой запас дров, видимо охотники, пользовавшиеся хижинкой в последний раз, относились к категории хороших маленьких помощничков и были готовы заплатить наперед.

Руки айЭма тряслись, пока он выкладывал дрова на подставку и запихивал между ними сосновые иголки. Вытащив имевшуюся при себе зажигалку, спасибо работе с большим количеством газовых варочных панелей, айЭм поджег и раздувал их, пока пламя не пошло завитками вверх.

Он твердил себе, что это напрасная трата времени и тепла. Она не появится. У нее не будет ни единой возможности выбраться оттуда.

айЭм просто собирался зависнуть здесь примерно с полчаса, своему мозгу утонуть в какой-то темной, опасной территории, а затем затушить огонь и вернуться в Колди.

Клубы. Сначала он посетит клубы, а потом...

Звук скрипящей двери, заставил его замереть.

Запах *майкен* заполнил помещение.

Повернув голову, айЭм поднял глаза. Там, в дверях, стояла она воплоти, ее мантия развивалась на холодном ветру, который ворвался в помещение.

Она одновременно была и призраком...и невероятно живой.

И глядя на нее, айЭм точно знал, почему они здесь.

Селена медленно шла по длинному туннелю в учебный центр. Она просто переставляла одну ногу за другой, от основания короткой лестницы, ведущей к подземному переходу, к двери, выходящей в офисный шкаф. И каждый раз, когда ей приходилось набирать код или переступить порог, Селена ожидала, что произойдет некое изменение. Случится поворот на сто восемьдесят градусов.

Вместо этого, она не только пришла на рабочее место Тора, но прошла дальше через стеклянную дверь и оказалась в бетонном коридоре.

Клиника находилась тридцатью ярдами дальше, куча дверей, следующая после альтернативных мест назначения: тренажерные залы, спортзалы, раздевалки.

Селена не стала входить ни в одну из них.

Вместо этого, ноги привели ее прямо к тому единственному месту, куда Селена отказывалась возвращаться по доброй воле.

Ее стук был тихим, словно был велик шанс либо не получить ответа, потому что там никого не было (ура!), либо находящиеся внутри были слишком заняты, помогая кому-то другому (печально, но в то же время и облегчение), либо поглощены своей работой и не слышали его (словно оставить голосовое сообщение тому, с кем, в общем-то, и не хотела разговаривать).

Док Джейн открыла дверь. И сделала удивленное вау! – лицо.

– Селена, привет!

Селена неловко махнула рукой.

– Привет.

Стало тихо. А затем Док сказала:

– Ты просто так или тебе нужно...

– Ну да, ты, наверно, очень занята.

– Вообще-то, проторчав здесь три дня подряд, я просто наводила порядок в медицинских записях. – Она посторонилась. – Проходи, если хочешь.

Селена взяла себя в руки. Перешагнула дверной проем. Отчаянно пыталась не смотреть на этот стол для осмотров.

Тем временем Док Джейн вернулась и села в кресло на колесиках, завернувшись в свой белый халат и скрестив ноги. Спецодежда под халатом была синей. Кроссовки красными.

Глаза Дока были темно-зеленого цвета с желтым отливом. И печальными.

Селена принялась вышагивать по комнате, но куда бы она ни посмотрела, что бы ни увидела, везде были шкафы со стеклянными дверьми из нержавеющей стали, с пыточными инструментами в них. Испуганная, Селена кинула взгляд на ведущую в коридор дверь, которая медленно и тихо закрылась сама по себе.

Будто крышка гроба.

– Эй, – сказала Док Джейн, – я как раз собиралась размять ноги. Не хочешь присоединиться ко мне, сделаем пару кружков вокруг спортзала?

– О, Боже, да. Спасибо.

Они вдвоем вышли и, направляясь вдоль коридора, миновали несколько дверей и множество-множество яров. Достигнув места назначения, Док Джейн открыла тяжелую стальную дверь и включила верхний свет.

– Я знаю, это странно, но я обожаю это место, – сказала Джейн. – Деревянный пол красивого медово-желтого цвета и все вокруг пахнет средством для мытья. Что слегка ненормально, потому что я ненавижу химикаты в воздухе и на предметах.

Когда доктор повела их к дальнему концу баскетбольной площадки, Селена была совершенно уверена, что та специально придерживается медленного шага.

Прежде чем Селена заговорила, они прошли вдоль короткой стороны площадки, под корзиной и повернули налево к трибунам.

– Я думаю... – слезы подступили к глазам, и Селена осознала, что в ужасе.

– У нас уйма времени, – тихо проговорила Док Джейн.

Селена смахнула слезы.

– Я боюсь говорить об этом. Будто если начну...

– Есть какие-нибудь симптомы?

Селена не могла вымолвить ни слова. Но поймала себя на том, что кивает.

– Думаю... да.

Док Джейн издала ммм-хмм.

– Не хочешь рассказать мне, в чем они проявляются?

Селена вытянула ладонь, ту, которая примерзла к дверной ручке, и развела пальцы в стороны. Пока Селена сгибала и разгибала их, ее ум пустился в дикую пляску, задаваясь вопросами: *Они работают хуже? Они работают лучше? Они работают также?*

– Твои руки? – Когда Селена смогла только кивнуть в ответ, Док Джейн спросила:

– Где-то еще?

По крайней мере, на этот раз Селена смогла покачать головой.

– Ты помнишь, – продолжила Док, – когда болезнь проявлялась раньше, были ли предшествующие ей симптомы?

– Что это значит?

– Какие-нибудь предупреждения, проявившиеся заранее?

Селена снова смахнула слезы и вытерла руки о штаны, которые Трэз снимал с нее не далее как полчаса назад. Ей мучительно хотелось вернуться в тот момент, вернуться к тому времени, когда ее болезнь все еще молчала.

– Я не знаю. Я не помню ничего такого. Но прежде... Я привыкла игнорировать болезнь настолько насколько могла. Я не хотела думать о ней. – Селена посмотрела на доктора. – Прости, что я не приходила сюда повидать тебя, ну ты знаешь, после того, как я...

Док Джейн махнула рукой.

– Господи, милая, не беспокойся об этом. Нет никаких жестких рамок, и ты должна делать только то, что тебе кажется правильным. Людям необходимо управлять своими жизнями.

– Есть ли хоть что-то, что мы можем сделать для меня? Что... нам следует сделать?

Целительница некоторое время помолчала.

– Я буду говорить прямо, хорошо?

Ах, да. Все бесполезно.

– Я ценю это.

– За последние сорок восемь часов куча народа занималась поисками решения. Мэнни связался со своими человеческими коллегами. Я говорила с Хэйверсом. Рив поехал на территорию *симпатов*, и я получила сообщение от айЭма, он отправился к с'Хисбе.

– Ничего?

– Хэйверс встречал пациентов, страдающих лишь локальными проявлениями, такими как обострение артрита, поражающее руки или колени, бедра или плечи. Ничего с систематическими симптомами такими же серьезными как у тебя. Он лечит пациентов противовоспалительными препаратами и болеутоляющими средствами, и, хотя он пробовал даже некоторые человеческие наркотики, в плане предупреждения или лечения, прорыва он так и не добился. Кроме того, ни *симпаты*, ни Тени с похожими проблемами не сталкивались.

Контроль. Лучшее на что Селена могла надеяться.

– Можешь сказать, сколько времени у меня осталось?

Док Джейн покачала головой.

– Я могу проверить воспалительные маркеры. Но мне не с чем их сравнивать, и, насколько я понимаю, болезнь проявляет себя быстро. Это предполагает внезапный всплеск, как при землетрясении.

Они продолжили вышагивать по спортзалу, направляясь все дальше и дальше от дальнего конца, где виднелась дверь с надписью ОБОРУДОВАНИЕ И ФИЗИО.

– Думаю, нам следует вернуться и проверить мои... ты знаешь. – Селена сделала круговое движение рукой. – Воспалительные штуки.

– Если ты хочешь. Я считаю, что очень важно, чтобы ты делала все, чтобы чувствовать поддержку и спокойствие.

– Хорошо. Ладно.

Спустя секунду Селена почувствовала, как Док Джейн взяла ее за руку и мягко пожала. Посмотрев на нее, Селена была потрясена, увидев эмоции на лице целительницы. Неприкрытая печаль, глубоко затаенная боль.

Селена заставила Джейн остановиться.

– Это не твоя вина.

Эти темно-зеленые глаза окинули взглядом обширное пространство спортзала, ни на чем не задерживаясь.

– Я просто... Я хочу помочь. Я хочу дать тебе те долгие годы, которые ты заслуживаешь. Я хочу, чтобы ты жила. И тот факт, что я не могу найти решение... Мне так жаль, Селена. Мне очень жаль, но я не собираюсь сдаваться. Я продолжу пытаться, искать...

Самым естественным в данной ситуации казалось обернуть руки вокруг доктора и обнять ее.

– Мне очень жаль, – сдавленно проговорила Док Джейн.

Позже, Селена осознает...

... что Джейн стала первой, с кем она попрощалась.

* * *

майкен с трудом нашла хижину. Гору Черный полоз – довольно-таки легко. Восточная сторона вершины тоже не представляла собой проблему. И запах огня было легко найти, потому что, даже приняв молекулярную форму, ее обоняние оставалось сильным, и нет ничего понятнее, чем дым осенней ночью. Несмотря на все это, было трудно. Ей пришлось путешествовать сквозь воздух, прочесывая, прочесывая...

майкен чуть было не развернулась и не отправилась назад, глубокая грусть пронзила ее, но затем дым попал под легкий ветерок, и она пересекла этот след, отслеживая запах, направляясь к его источнику.

И вот эта хижина, о которой говорил он.

Ей пришлось укрыться в тени, не меняя формы. Она пронеслась над сырой землей, осматривая простое маленькое строение... ободряя себя, что в действительности там только он, он один.

Приняв форму, *майкен* подошла к двери и постучала. Когда он не ответил, *она* открыла дверь.

айЭм сидел на корточках возле очага, раздувая пламя.

Внезапно его большое тело выпрямилось, мерцающий свет создавал ореол позади него.

Как только *майкен* ступила внутрь, ветер подхватил дверь, захлопнул ее, и грохот заставил *майкен* подпрыгнуть.

– Здесь холодно, – хрипло сказал он. – Я пытаюсь согреть помещение.

Одного взгляда на него было достаточно, чтобы *майкен* перестала осознавать окружающий мир. Она могла быть в пустыне, в океане, на полярных ледяных вершинах и ничего из этого она бы не заметила.

– Подойти поближе. – Он поманил *майкен* рукой. – К огню.

Ее тело подчинилось безо всяких колебаний, хотя подошла она к нему, а не к пламени. И стоило ей встать рядом с ним, он отодвинулся назад, будто не желая стеснять ее.

– Позволь, я принесу тебе что-нибудь, на что можно будет присесть.

Прежде чем она смогла ответить, что не стоит беспокоиться, айЭм подошел к постели и взял мягкую подушку с грубыми одеялами. Уверенной рукой он все приготовил, а затем снова отодвинулся.

Аура секса, клубившаяся вокруг него, была неотразима.

Несмотря на всю показную холодность, на его уважительное к ней отношение, *майкен* чувствовала в нем нужду.

И да, она осознавала... именно поэтому она рискнула многим, придя сюда.

Она тоже хотела его. Даже если это приведет к хаосу. Даже если это было безответственно. Даже если это не имело смысла.

майкен всю жизнь следовала правилам. Но не существовало такой обязанности или обязательства, хотя бы наполовину такого же пленительного, каким был он, и время относительной свободы, имеющееся в ее распоряжении, истекало.

Присаживаясь на постель, *майкен* скрестила ноги под тяжелой мантией.

– Пожалуйста, присядешь со мной?

– Ты уверена, что хочешь меня? – Он навис над ней, его темное лицо поглощало игривый свет пламени.

– Да, – выдохнула она.

Он присел на корточки, взгляд его глаз с тяжелыми веками пробежал по мантии, укрывающей ее от макушки до стоп.

– Ты позволишь мне увидеть тебя? – спросил он низким голосом.

майкен тяжело сглотнула. Затем она подняла руку к сетке, прикрывающей ее лицо, но только затем, чтобы удержать маскировку на месте.

– Я боюсь.

– Чего?

А что если ему не понравится увиденное?

– Я и так знаю, что ты красива, – сказал он, словно прочитав ее мысли.

– Откуда?

айЭм дотронулся до центра своей широкой груди.

– Я вижу тебя здесь. Я знаю тебя... здесь. Для меня ты очень красива, и не важно, как ты выглядишь.

Остро осознавая все то, что не рассказала ему о себе, *майкен* прошептала:

– Мы совершенно не знаем друг друга.

– Это имеет для тебя значение?

– Нет.

– Для меня тоже. – айЭм нахмурился и посмотрел на огонь. – Последние несколько дней, учитывая все происходящее с моим братом, стали откровением. Я больше не хочу впустую

тратить время. Я хочу начать жить вместо того, чтобы снова вернуться в эту нейтральную зону кошмара, ожидая удара топора.

– Твой брат... он собирается возвращаться на Территорию? Говорят... он отказывается исполнить свои обязанности, даже несмотря на то, что Королева отдала распоряжение после траура...

Ей пришлось остановиться. Волнение стало невыносимым.

Предполагалось, что *майкен* предстанет перед супругом нетронутый.

Этого не будет.

И что мог сделать ей Нареченный? Их обоих заставляют вступить в этот брак, а согласно традициям он, в сущности, является собственностью *майкен*.

Протест с его стороны – это как если бы стул выразил свое несогласие с тем, что на нем сидят.

айЭм потряс головой.

– После того как Трэз потеряет Селену, все изменится кардинальным образом и, если честно, эта Принцесса? Она не захочет то, что останется от Трэза, если только она не увлекается некрофилией. Трэз практически труп, и не важно, ходит он или находится в могиле.

майкен опустила голову. Она всегда знала о предстоящем замужестве. Это часть ее воспитания. Ожидание того, что Нареченный, которому звезды начертали стать ее супругом, оплодотворит ее, и с ним, с его подачи, она убедится, что королевская линия ее матери продолжит править с'Хисбе.

Предопределено. Написано священными звездами.

майкен смирилась со своим долгом так же, как приняла всё, что касалось ее жизни, от своего социального статуса до своего одиночества, до постоянного чувства, что она упускает так много, не по своей вине или выбору.

Она прокашлялась.

– Мне кажется, Принцесса отпустила бы его, если бы могла. Она не хотела бы, чтобы кто-нибудь страдал, особенно тот, кто потерял достойную женщину.

– Ты ее знаешь?

– Я встречалась с ней.

– Какая она? – Прежде чем *майкен* смогла ответить, айЭм поднял руку. – Вообще-то, я не хочу знать.

– Думаю, она бы сказала, что тоже загнана в ловушку, как и твой брат. Думаю... она тоже пленница судьбы.

айЭм потер лицо.

– От твоих слов я стал ненавидеть ее чуть меньше. Кажется, я никогда не думал, каково ей в этой ситуации.

– Ей точно также сообщили о ее судьбе, как и твоему брату. Она не выбирала ничего из этого.

айЭм коротко рассмеялся.

– Может они могли бы послать Королеву к черту. Если оба откажутся играть в эту игру, может, все закончится. Хотя это не спасет моего брата от потери своей любимой.

– Но звезды открыли их судьбу.

Взгляд темных глаз айЭма вновь обратился к ней.

– Ты веришь в это? Я имею в виду, ты действительно считаешь, что расположение кучки безучастных планет за миллион световых лет отсюда должно использоваться в качестве руководства для жизни людей? Я так не думаю.

– Люди жили так поколениями, – сказала *майкен* сдавленно.

– Это не значит, что традиция верна. На самом деле, от этого еще ужаснее. Подумай о том, сколько всего было разрушено.

В груди *майкен* все сжалось от того, что айЭм озвучил ее же мысли... с тех самых пор, как много лет назад она узнала, что мужчина, за которого она должна была выйти замуж, посчитал свою судьбу столь отвратительной, что сбежал с Территории под угрозой смерти и наказания изгнанием.

– Достаточно с этим разговором, – сказал айЭм. – Не для этого мы сюда явились. Не так ли? Под маской *майкен* подняла свой взгляд на него.

– Нет, не для этого.

Взгляд айЭма переместился на ее мантию, как будто мысленно он уже представил ее обнаженной.

Ее сердце снова загрохотало, ладони вспотели.

– Я должна сказать тебе, что я никогда...я не...

– Также как и я.

Она отпрянула. Ничего не могла с собой поделать. Он был таким мужественным, таким красивым, так...

– Передумала? – резко спросил айЭм. – Совершенно не сексуально, это...

– Разве такое возможно? – выпалила *майкен*. – Ты неотразим.

Наступила тишина. А затем внезапно айЭм откинул голову и рассмеялся. Звук оказался таким неожиданным и... пленительным... что она снова чуть было не отпрянула.

Когда айЭм опустил свой взгляд на *майкен*, он впервые улыбался. Она была поражена.

– Это самый милый комплимент, что я когда-либо получал.

майкен почувствовала, что улыбается под своей маской, но когда айЭм вновь стал серьезным, она посерьезнела тоже.

Не будет пути назад, подумала *майкен*. Если она не оставит его сейчас, прежде чем он откинет ее капюшон... она не уйдет, пока все не закончится.

майкен подняла руки к маске, она приняла решение.

Ухватившись за края капюшона, *майкен* стала стаскивать его. В тревоге ее сердце пропустило пару ударов, но она продолжила, она не остановилась.

Планеты не должны контролировать выбор живых или наследие мертвых, подумала *майкен*, когда прохладный воздух овеял ее горло, подбородок... губы.

Она выбрала это.

Она выбрала его.

айЭм словно застыл во времени, пока *майкен* обнажала свое лицо дюйм за дюймом. Ее губы были полными и темно-красными, кожа гладкой и чуть темнее его, скулы широкими и высокими...

Он совершенно лишился способности думать, как только увидел ее глаза.

Глубоко посаженные, обрамленные густыми ресницами, ярко зеленого цвета с золотистым оттенком. С другой стороны, ее эмоции зашкаливали, что отражалось в ее глазах – иногда такое происходит с Тенями.

Возможно, его глаза были такими же.

А ее волосы. Тугие завитки, ниспадающие с макушки, прикрывающие плечи и спускающиеся ниже. Ее волосы были такими длинными, что айЭм не мог видеть, где они заканчивались.

Она была самой исключительной женщиной, которую он когда-либо видел.

майкен была экзотичной, потому что он так долго жил среди людей и скучал по особенностям своего народа, и в то же самое время она была совершенно нормальной, потому что ее красота и цвет кожи были такими же, как и у него.

– Это преступление закрывать тебя с головы до пят, – выдохнул айЭм.

Румянец, покрывший ее лицо заставил его клыки выдвинуться, а его руки сжались в кулаки от необходимости дотронуться до нее.

– Правда? – прошептала *майкен*.

– Клянусь своим родом.

Будто его отношение придало ей храбрости, *майкен* отложила маску в сторону и продолжила раздеваться, расстегивая простую латунную застежку на ключице, позволяя первому слою мантии упасть с ее плеч.

Фигура *майкен* была хрупкой, но очень женственной, и сколько бы айЭм ни пытался не пялиться на нее, его глаза отказывались смотреться куда-то еще.

Трепетание пульса на шее просило об укусе.

Холмики ее груди молили о прикосновении.

Аромат ее возбуждения был зовом, требующим ответа.

айЭм проглотил проклятье, чуть не слетевшее с губ. Она была слишком во всем, слишком красивая, слишком живая. Его сердце бешено колотилось, а член за молнией штанов стал таким же твердым, как мрамор.

Ему стоило пропустить рюмку, прежде чем приходить сюда.

Или шесть.

– Ты голоден, – прошептала *майкен*.

– Да.

– Не хотел бы ты взять мою...

айЭм не мог поверить, что она позволит этому случиться.

– Твою вену?

– Если ты хочешь.

О, чтоб его, да.

– Я бы умолял о такой...

– В этом нет необходимости.

айЭм ожидал, что *майкен* предложит свое запястье, но когда она приподняла подбородок и открыла шею, айЭм сделался гребаным идиотом.

Он знал, что должен спросить, уверена ли она, настоять на том, чтобы она все обдумала. Все произойдет слишком быстро, если айЭм вонзит в нее свои клыки.

Вместо этого он простонал:

– Пожалуйста, назови свое имя.

– *майкен*. Я уже говорила. Это единственное имя, которое, как мне кажется, подходит мне. айЭм сжал зубы.

– *майкен*, ты должна знать... не думаю, что смогу остановиться. Если я начну.

– Я знаю. Поэтому я и предлагаю тебе мою шею. Пути назад нет.

Глаза айЭма закатились, тело качнулось.

– Но неужели дома тебя не ждет отец? Кто-то, кто заботится о том, чтобы ты...

Он знал, что стандарты для класса слуг были другими, от женщин не ожидалось, что они будут девственницами, учитывая, что они должны были прислуживать любым способом, который от них требовался. Но все же.

– Ты точно в этом уверена? – спросил айЭм.

Его эрекция вопила ему «Заткнись, мать твою», но совесть оказалась даже сильнее, чем это громогласное побуждение.

– Да.

Ее золотистый взгляд оставался твердым, сильным, уверенным.

Время покончить с разговорами.

айЭм потянулся к ней, схватил за шею, наклонил назад и, удерживая ее в своих руках, припал губами к ее коже. Никогда прежде он не брал вены у женщины таким способом и сейчас не стал кусать сразу же. Одурманенный ее запахом, мягкостью ее кожи под своими губами, айЭм языком проследил линию ее вены.

Он хотел прильнуть к ней плотнее, но тут, обхватив руками его плечи, *майкен* выгнулась под ним, и он больше не мог ждать. айЭм зашипел и прокусил ее кожу.

В ту же секунду она закричала, но вместо того, чтобы оттолкнуть его, *майкен* притянула его еще ближе.

Ее кровь была подобна взрыву, вкуса терпкого вина, грозившего опьянением, которое начало овладевать им при первом же глотке. Вкушая, айЭм провел рукой вниз по ее телу, следуя изгибу ее талии, а затем и бедра. Больше, он брал больше, пока толкался в нее бедрами в поисках того самого сокровенного местечка, которое все еще было спрятано под слоями ткани.

Одурманенный, и в то же время невероятно сосредоточенный, айЭм уложил ее на пол и накрыл собой, словно дикое животное, защищающее свою добычу. Но он хотел дать ей то же. Подняв руку, айЭм приложил свое запястье к ее губам, поглаживая их.

Уловив намек, *майкен* укусила, взяв его вены, пока он брал ее, завершая круг, в котором между ними бушевало пламя.

Еще не осознав, что делает, айЭм вернулся к ее мантии, приподнимая ее верх, все выше и выше, подол, складки, вес. Ее бедра были гладкими и мягкими, и они распахнулись для него, предоставляя ему доступ к тому, чего он жаждал больше всего.

Никаких трусиков. Тени не носили белья.

айЭм провел ладонью по ее лону, и *майкен* застонала, сильнее припав к тому, что айЭм предлагал ей, и ему захотелось, чтобы она выпила его досуха. Но не наоборот. Заставив себя отпустить ее, айЭм лизнул проколы, закрывая ранки, а затем поймал себя на том, что губами проложил себе путь вниз, пересекая изящные линии ее ключицы. Направляясь к ее груди, айЭм схватил ее мантию клыками и разорвал ее на части, ткань разошлась, пока...

– О, Милостивый Боже, – выдохнул он.

Ее груди были высокими и упругими с маленькими сосками на вершинах, на которые он не

стал долго заглядываться. Нет, айЭм хотел прикоснуться к ним губами, преклоняясь перед ними, пока *майкен* продолжала пить из его вены.

И все же, айЭм желал от нее большего.

Изнывая от желания, он только собрался опуститься ниже – хоть и понятия не имел, что делает – как *майкен* отпустила его вену, освобождая его. Даже не дав ей возможность запечатать ранки, айЭм навис над ней, схватив руками обе стороны того, что начал рвать ранее.

Треееееееск.

На этом, нижняя мантия разошлась на две половинки, а *майкен* предстала перед ним обнаженной.

Темная кожа была залита светом камина, а ее тело было помечено разводами его красной крови, но не из-за этого ему захотелось, покрыть ее другими своими соками.

Так, чтобы каждый знал, что *майкен* принадлежит ему.

Смутно, задворками своего одурманенного мозга, айЭм поразился тому, что истории, которые он слышал и считал выдумкой, те сказочки о мужчинах, которые мгновенно связывались, найдя подходящую женщину, на самом деле были совершенно и абсолютно правдивыми.

айЭм видел ее лицо мгновение назад, а сейчас он упал в кроличью нору, потерянный, а следом и нашедшийся, переполненный и в то же время жаждущий большего.

– Моя, – прорычал он.

* * *

Обнаженная перед глазами своего любовника, *майкен* ожидала, что ей будет неловко и стыдно. Только ее купальщицы видели то, на что смотрел сейчас айЭм.

Вместо этого?

Она сбросила с рук остатки мантии и обхватила руками свою грудь.

– Твоя, – услышала она свои слова. Затем двинулась вниз и коснулась себя между ног. – Твоя.

Приподняв верхнюю губу, он издал рык, одновременно благоговейный и немного дьявольский.

Затем айЭм снял пальто, рубашку. Ботинки и штаны.

Свет камина падал на его кожу, отбрасывая тени, очерчивающие его мускулистые руки, грудь, пресс.

Его член был огромным.

Все вышло из-под контроля, серия событий, которая привела к такой кульминации. Что же дальше, подумала *майкен*? Формально, в качестве подготовки к замужеству, ее проинформировали в области секса, лекарь ввел ее в анатомический экскурс того, что должно произойти – а еще был тот случай с с'Эксом и человеческими женщинами, свидетельницей которого она стала. Но, ни один из этих неловких моментов, не подготовил ее к тому, как возбуждающе все может быть. Как сильно она захочет соединения. Как безрассудно будет себя чувствовать.

Уперев руки по обе стороны от нее, айЭм навис над ней и неспешно прижался к ней губами. Прикосновение было мимолетным и легким, словно перышко, заставляя ее желать большего, но затем айЭм постепенно накрыл *майкен* своим телом, его тяжесть чувствовалась невероятно эротично, его твердые контуры врезались в нее.

Его твердый член коснулся ее лона.

майкен выгнулась под ним, развела ноги шире в поисках того, чего сама не понимала.

– Я здесь, – сказал айЭм. – Я обо всем позабочусь.

Но не он позаботился. айЭм просто поцеловал ее, сделав еще хуже, неторопливо обводя ее губы языком, покачиваясь напротив ее груди, ее бедер и все это, не входя в нее.

– Чего ты ждешь? – простонала *майкен*.

– Я должен убедиться, что ты готова, иначе тебе будет больно.

майкен распахнула глаза.

– Никакой боли не будет. Не так ли?

– Как много ты знаешь...ээ, знаешь о...?

Губы *майкен* пришли в движение, видимо она что-то говорила, а айЭм кивал ей в ответ. Но она понятия не имела, что было сказано обеими сторонами.

А затем его рука направилась вниз, оказалась между ними, поглаживая ее лоно, проникая внутрь. Наслаждение, которое айЭм подарил ей, было подобно пламени, обжигало, охватывало все ее тело, переноса ее в другое измерение.

Затем *майкен* почувствовала давление между ног, но ничего болезненного. Просто толчок, нежный толчок, заставивший ее открыться.

А когда рука айЭма вновь появилась в поле ее зрения, *майкен* осознала, что в нее проник его член, а не пальцы.

Пытаясь вобрать его глубже, *майкен* приподняла бедра и почувствовала пронзительную боль, барьер был преодолен, а затем он вошел так глубоко, что казалось, будто айЭм заполнил ее полностью. Хорошо, так хорошо... *майкен* наслаждалась тем, что он рядом, близостью их тел, согревающей ее как снаружи, так и изнутри, всю жизнь к ней никто не прикасался, но сейчас с этим было покончено.

А затем айЭм начал двигаться. Сначала медленно, наращивая темп, и вместе с ним *майкен* понеслась навстречу все возрастающему удовольствию.

Касаясь руками спины айЭма, *майкен* обожала его силу, а также знание того, что именно этот мужчина оказался ее первым.

А затем плотина прорвалась, и все стало намного ярче, накатывающее удовольствие подтолкнуло ее верх к его телу.

Открыв рот, *майкен* закричала, но не от боли.

айЭм вторил ей, а между ног ощущалась пульсация.

Но это был еще не конец. айЭм не остановился. Он просто продолжил, вбиваясь в нее, на ней.

Целитель не сказал ей, что будет настолько хорошо.

Ни с чем не сравнится.

Он вошел в ее жизнь в бейсболке Сиракузского университета и в синих дырявых джинсах.

Пэрадайз сидела за своим столом, заноса данные в систему, отвечая на запросы по электронной почте, рассаживая посетителей, когда ветер пронесся по приемной. К тому времени она уже привыкла к потокам холодного воздуха, они врывались каждый раз, когда открывалась и закрывалась парадная дверь, оповещая о вновь прибывшем.

Так что, в сущности, Пэрадайз и взгляд-то не подняла, пока не ощутила присутствие кого-то огромного у своего стола.

Пэрадайз взглянула вверх, нацепив на лицо профессиональную улыбку, однако та быстро с нее слетела.

Перед ней стоял мужчина около двух метров роста, с плечами шириной с дверной проем и подбородком, таким же прямым как стрела. На нем было надето что-то вроде ветровки, хотя даже в пальто на улице было холодно, и никаких перчаток.

А еще была бейсболка и джинсы.

– Чем могу помочь? – спросила Пэрадайз.

Козырек был опущен так низко, что она не могла разглядеть его глаза, но чувствовала их воздействие.

– Я здесь насчет учебной программы.

Его голос был низким и на удивление тихим. Учитывая его физические данные, она ожидала чего-то по-громче.

– Учебная программа?

– Набор в солдаты Братства Черного Кинжала.

– О, да. Я знаю, но это не... я имею в виду, что это не здесь. Не в этом доме.

Пока он оглядывался кругом, Пэрадайз пыталась уловить его взгляд.

– Я знаю, – сказал мужчина. – Я хотел сказать, что мне нужно заявление, и я подумал, что здесь оно может быть.

– Была рассылка по электронной почте. Могу я переслать вам письмо?

– Я, э-э... – Он снова огляделся. Засунул руки в карманы джинсов. – У вас есть уже распечатанное заявление?

– Я могу прямо сейчас отправить вам письмо целиком, какой у вас электронный адрес?

Когда показалось, что мужчина сосредоточил свой взгляд на стене за ее головой, Пэрадайз решила, что волосы у него темные. Темные и очень короткие.

– У меня нет электронной почты, – тихо проговорил он.

Пэрадайз моргнула.

– hotmail бесплатный.

– Все нормально, – сказал мужчина, делая шаг назад. – Я найду другой способ получить заявление.

– Подожди. – Пэрадайз открыла ящик. – Держи. Возьми мое, то есть вот это.

Он поколебался. Протянул длинную руку. Принял заявление, которое она не так давно вытащила из мусорной корзины.

– Спасибо. – Мужчина посмотрел вниз и нахмурился, по крайней мере, ей показалось, что он нахмурился. – Эта копия уже подписана?

Когда он протянул заявление обратно, Пэрадайз выругалась.

– Простите. Я... позвольте распечатать вам новый бланк.

Щелкая мышкой, Пэрадайз вошла в свою почту, прошла по ссылке Болвана Пэйтона,

открыла приложение и нажала кнопку печати.

Когда аппарат позади ее стола ожил и начал жужжать, мужчина положил заявление на ее стол.

– Ты собираешься участвовать в программе?

Супер. Будто она нуждалась в лекции от совершенно постороннего человека.

Пэрадайз схватила листы.

– Женщинам позволено присоединиться, знаешь ли. Об этом сказано в письме. Мы можем вступить...

– Я считаю, что тебе следует это сделать. Даже если ты примешь решение не сражаться в дальнейшем, думаю, женщин следует обучить... не знаешь, когда или при каких обстоятельствах тебе придется защищаться. Простая логика.

Пэрадайз уставилась на него.

– Я... – Она прокашлялась. – Я согласна с тобой.

Когда принтер затих, Пэрадайз развернулась в своем кресле и забрала теплые страницы с «Эйч-Пи»^[96]. На самом деле не было никакой необходимости скреплять листы скрепкой, степлером или каким-либо другим образом соединять их, но Пэрадайз все равно потянулась, чтобы открыть ящик в поисках чего-нибудь из канцелярии OfficeMax.

– Ты можешь принести заявление сюда же, – передавая листы, сказала она. – Как только ты заполнишь его, я могу передать его Братьям.

Мужчина сложил заявление пополам и засунул его во внутренний карман ветровки.

– Спасибо.

А затем он снял кепку и поклонился ей.

Как только он выпрямился, Пэрадайз смогла лучше рассмотреть его, зарегистрировав данный факт под название ОБМ^[97].

Точнее ОБМЧВ^[98].

Его глаза оказались цвета идеально голубого неба, глубоко посаженные, обрамленные темными ресницами и бровями. Щеки были впавшими, потому что он был немного сухощавым, но это лишь выгодно подчеркивало мужественную структуру его лица. А его губы были...

Он привлек внимание Пэрадайз до этого, но сейчас он совершенно точно сразил ее наповал.

Спасибо тебе Господи за кресло.

– Как тебя зовут? – выпалила Пэрадайз, как только мужчина повернулся к выходу.

Он вернул бейсболку на место.

– Крэйг.

Пэрадайз поднялась на ноги и протянула руку.

– Я Пэрадайз, хотя ты наверно уже знаешь это, поскольку прочитал в заявлении, которое я заполнила.

Потрясающе, она залепетала.

– Приятно познакомиться, Крэйг, – продолжила Пэрадайз, когда мужчина не шелохнулся.

Крэйг кивнул, а затем вышел, оставив ее на холоде с протянутой ладонью.

Покраснев, Пэрадайз села в кресло, и осознала, что оооооох, около пяти человек стали свидетелями всего действия. И сейчас были заняты тем, что пролистывали журналы «Пипл» и «Тайм», изображая занятость. Один из пожилых мужчин даже взял газету «Колдвелл Курьер Жорнал» целиком и поднес ее к лицу.

Что ж, она тоже могла сыграть в игру притворись-занятой.

Издавая всевозможные звуки печатания на клавиатуре, Пэрадайз старалась замаскировать волнение, охватившее ее целиком.

Пэрадайз не встречала его прежде. Имея в виду «никогда». Поэтому может он только

приехал из Старого Света, хотя какова вероятность? Подавляющее большинство вампиров жило в Колдвелле и его округе уже как долго? К тому же у него нет никакого акцента. Так что он должно быть... ну, незнакомец, очевидно. Но он должен принадлежать к аристократии, раз слышал про учебную программу, так?

Поглядывая на дверной проем, через который он вошел, Пэрадайз хотела бы, чтобы он лично принес заявление обратно.

Кто же он...

– Пэрадайз?

Она подпрыгнула. И сосредоточилась на отце, появившемся из ниоткуда.

– Да? – Осознав, что ее голос звучит почти нормально, а предполагалось, что она все еще зла на него, Пэрадайз прочистила горло. – Чем я могу помочь тебе?

Словно он просто еще один человек, о котором она должна позаботиться.

– Я всего лишь хотел поинтересоваться, как у тебя дела?

В его реакции не было ничего агрессивного. Наоборот, отец казался обеспокоенным... черт побери. Пэрадайз хотела бы и дальше злиться на него.

Она вздохнула.

– Я в порядке, Отец.

– Ты проделала превосходную работу. Правда. Все идет так гладко. Король очень доволен, я так горжусь.

Видите, в этом весь он. Было невозможно писаться кипятком, когда тебе противостоит эта... эта искренность, его-версия-извинения.

– Могу я принести тебе чего-нибудь поесть или попить?

– Папа, ты не *доджен*.

– Может, тебе нужен перерыв?

– Нет. – Пэрадайз закатила глаза. Поднялась на ноги. Обошла стол. – Ты сводишь меня с ума.

Она обняла отца, потому что именно это ему было и нужно. А затем отошла назад.

– Остер, сын Сэни следующий.

Когда Пэрадайз указал на мужчину, о котором шла речь, и гражданский встал, ее отец сжал руку Пэрадайз, а затем вернулся к своим официальным обязанностям.

Следуя его примеру, Пэрадайз снова села за стол. Посмотрела на экран компьютера перед собой. И все еще чувствовала себя запертой в клетке.

Но что она собирается делать? Хотя формально отец и не мог остановить ее – Пэрадайз была совершеннолетней – а в заявлении не было условий о том, что для подачи документов женщина обязана получить согласие старшего мужчины, тем не менее, Пэрадайз чувствовала себя парализованной.

Очень сложно идти наперекор родителям, когда остался только один из них.

И он единственный, кто есть у тебя в этом мире.

* * *

Селена ненавидела все, что касалось обследования, забора крови, рентгена. И чувствовала себя от этого еще хуже. И Док Джейн обращалась с ней с нежностью и заботой. Но сидеть в одном из больничных халатов, когда тебя пронзают и протыкают иглками, скручивают и делают снимки... она словно вела обратный отчет до своеобразного взрыва, который произойдет прямо перед тобой.

К тому же, Селена терпеть не могла антисептик с псевдо-лимонным запахом, который здесь

использовали.

А еще тот факт, что ей было холодно, даже после того, как ее ноги накрыли пледом.

Но сложнее всего Селене было смириться не с окружающей ее обстановкой. А с внутренним криком, который, как оказалось, ей приходилось сдерживать усилием воли.

– Хорошо, думаю это наш последний рентген, – сказала Док Джейн из-за стола.

Призрачное изображение коленей Селены появилось в самом центре экрана компьютера. Однако Селена отказывалась смотреть на него.

Ей пришлось оставаться в лежачем положении до тех пор, пока Док Джейн не вернулась и не передвинула рентгеновскую трубку. Как только Селена села, доктор убрала пластинку из-под ноги Селены и переложила ее в сторону.

– Ну... что теперь? – спросила Селена.

Она окоченела. Замерзла. Вспотела.

Но по большей части Селена чувствовала онемение. И не только в руках.

– Позволь нам с Мэнни внимательнее изучить снимки. А затем мы все обсудим.

Селена спустила ноги и посмотрела на них через край кушетки. Она согнула одну ногу, затем другую, а в голове панически крутились мысли: *Лучше? Хуже? Также?*

– Когда? – хрипло спросила она.

– Почему бы не встретиться на рассвете? Трээ сможет прийти сюда вместе с тобой, если ты захочешь...

Снаружи раздался грохот, и они вдвоем взглянули на дверь. Когда звук повторился, Док Джейн сорвалась с места, также как и Селена.

В конце концов, она пока не окостенела полностью, и момент оказался подходящим, чтобы напомнить себе об этом.

Они вдвоем выбежали в коридор и прислушались. В тренировочном центре было тихо, учитывая, что Братья патрулировали улицы, и никто, к счастью, не лежал раненный в клинике...

Снова что-то загрохотало, и они рванули по направлению к палате двумя дверями дальше по коридору.

Док Джейн распахнула дверь настежь.

Врачу пришлось нагнуться, когда что-то вылетело из комнаты. Поднос. Металлический поднос, который проскользил дальше по бетонному полу, будто и впрямь был рад вырваться из той комнаты и увеличить расстояние между ними еще немного.

Внутри буйствовал Лукас. Оказалось, что с одной стороны он был привязан к кровати, но смог освободить одну руку, которой уничтожал все, до чего мог дотянуться: Лукас опрокинул кое-какое контрольное оборудование вместе со своим штативом для внутривенного переливания, та же участь постигла стол на колесиках, на котором лежало что-то металлическое, а сейчас тянулся к передней спинке кровати, словно хотел раздербанить ее на части.

– Лукас, – с поразительным спокойствием позвала Док Джейн. – Что происходит...

– Да пошла ты!

Селена отшатнулась. Последние несколько месяцев она приходила сюда, чтобы покормить брата Куина, и он всегда вел себя учтиво.

– Лукас...

– Пошло оно все! – Он отпустил спинку кровати, схватил столик и швырнул его так сильно, что тот перевернулся, высыпав все содержимое ящиков будто это был его способ истечь кровью. – Пошла ты!

Док Джейн отступила, пробормотав:

– Я пошла за успокоительным. Не входи внутрь.

Док Джейн перешла на бег, а Селена встала в дверном проеме.

– На что это ты усталилась? – Крикнул ей Лукас. – Какого хрена тебе нужно!

На кровати расплылось красное пятно. Простыня, свесившаяся наполовину вниз с одной стороны, испачкалась – у Лукаса шла кровь. Из одной из ран...

– Твоя нога, – выдохнула Селена, хорошо помня об инфекции, мучавшей его. – Осторожней со своей ногой...

– Я хотел умереть! – выплюнул Лукас. – Я пытался умереть!

Его лицо было похоже на перекошенную копию хорошо известных ей прежде черт, слишком бледная кожа лица так сильно обтянула череп, что, казалось, могла порваться в любой момент, лицо, вызывающее зависть до того, как Лукаса пытали в Обществе Лессенинг.

– Они отрезали мою гребаную ногу, чтобы спасти меня! – Лукас откинул простынь. – Чтобы спасти меня!

Культия была аккуратно перевязана хирургической марлей в несколько слоев, но под ней все было плохо: кровь просачивалась наружу, везде.

Лукас начал царапать то, что осталось от его ноги, и тогда Селене пришлось вмешаться.

Пройдя внутрь, она схватила его размахивающие руки и пришила их к кровати рядом с головой.

Лукас. Сошел. С ума.

Крича, извиваясь, проклиная ее.

А ей оставалось лишь качать головой и дать Лукасу истощить самого себя, что заняло совсем немного времени.

Когда Лукас перестал бороться, Селена сказала:

– Тебе так повезло. Так чертовски повезло.

Это его заткнуло. Так, как не смогло бы заткнуть прямое противостояние.

– Что? – запинаясь, произнес Лукас.

– Я умираю, – прямо ответила Селена. – И если бы кто-то мог бы отрезать часть моей ноги, чтобы спасти меня? Чтобы я могла остаться здесь с человеком, которого люблю? Я бы пошла на это, не задумываясь. Так что, да, я считаю, что тебе очень повезло.

Лукас все еще тяжело дышал, но напряжение покинуло его тело.

– Умираешь?

– Боюсь, что так. – Селена освободила его руки и сделал шаг назад. – Не трать впустую время, отведенное тебе. Я знаю, тебе больно, и не сомневаюсь, что ты злишься на то, где оказался. Но лично я без раздумий поменялась бы с тобой местами.

Док Джейн вернулась... и остановилась, увидев, что комнату не поглотил огонь или нечто подобное.

– Я переоденусь, – сказала Селена, направляясь к двери. – В этом халате холодно. Тебе помочь прибраться?

Док Джейн перевела взгляд с одного на другого, очевидно интересуясь, что было сказано или сделано, чтобы изменить положение дел.

– Э, нет, позволь мне самой обо всем позаботиться.

– Хорошо. – Селена кивнула доктору, а затем взглянула на Лукаса. – Береги себя.

Покидая комнату, Селена ощущала на себе его взгляд. И все еще чувствовала его, возвращаясь, чтобы переодеться.

Вернувшись в туннель, Селена испугалась, как бы приступ не настиг ее по пути в особняк, оставив ее умирать под лампами дневного света. Или, может, все произойдет на лестнице, ведущей в фойе... или...

Ладно, ей лучше прекратить это.

У нее достаточно беспокойств и без того, чтобы выискивать себе проблемы.

Он не мог оторвать от нее взгляд.

айЭм обнаженным лежал перед затухающим очагом, их конечности переплелись, бедра все еще рядом, но уже не соединены. Ее голова покоилась на согнутой руке, а сам айЭм приподнялся на локте.

– Я хочу увидеть тебя снова, – прошептал он.

Ему хотелось бы сказать ей, как сильно он нуждался в этих особенных мгновениях с ней, в перерыве от всего дерьма в Колдвелле, с которым он не мог справиться и на которое не мог повлиять. Придя сюда, он словно сделал шаг в сторону, изменил свой путь, взял передышку. Едва ли это была кардинальная и бесповоротная смена курса, да айЭм и не хотел этого, он ни за что не покинул бы своего брата.

Но этого было достаточно, чтобы у него открылось второе дыхание.

– Мне очень сложно выбраться оттуда. – *майкен* поцеловала кончики его пальцев. – В моем распоряжении всего несколько дней, когда сделать это так легко. После окончания траура станет намного сложнее.

– Тогда завтра. В полночь.

майкен кивнула.

– Я буду здесь.

айЭм оглядел ветхую хижину.

– Нет, приходи в Колдвелл. Встретимся в городе.

Когда она замешкалась, айЭм сказал:

– Там у меня апартаменты. Частные. Никто не узнает, и я смогу обеспечить тебя большим комфортом.

айЭм хотел ее на кровати. В душе. А может и на кухонном столе.

Для того чтобы убедить *майкен*, он наклонил голову и захватил ее рот, поглаживая ее губы своими, проникая внутрь.

– Следуй зову моей крови и найдешь меня.

Звук, который издала *майкен*, означал полную капитуляцию, и прежде чем осознать, что делает, он уложил ее на спину и снова накрыл собой. Тот факт, что они и в самом деле занимались сексом, был столь поразительным, что айЭм не мог об этом думать, пока был с ней здесь и сейчас.

Это стало слишком важной вехой в его жизни.

Направляя себя в нее, айЭм застонал и уткнулся головой в шею *майкен*. Двигаясь по большой амплитуде, он нашел самый нужный ритм, ускоряясь и усиливая темп. Его тело знало совершенно точно, что делать, а понимание того, что он был очень рад, что дождался именно этой женщины, шокировало.

Кроме того, было сумасшествием думать, что часть его начала строить планы по освобождению *майкен* от с'Хисбе.

Так что, в его списке таких теперь двое.

Ногти *майкен* впились в его спину, ее бедра сдавили его, когда она нашла свое собственное освобождение, нежное сокращение ее внутренних стенок привело к резкому выбросу удовольствия, и айЭм снова кончил.

После чего он рухнул на *майкен*.

– Прости, – пробормотал айЭм, пытаясь найти в себе силы не только на то, чтобы дышать. – Тяжелый.

– Нет, мне нравится твой вес. – Сказала майкен, поглаживая его. – Ты ощущаешься таким же сильным, какой ты и есть.

– Я не хочу уходить.

– Я тоже.

В конце концов, он находился на территории нет-выбора. Кроме того, очаг потух, и становилось холодно, но, что важнее, айЭм не хотел, чтобы *майкен* попала в неприятности, не выполнив вовремя свои обязанности.

По крайней мере, ему не приходилось беспокоиться о ней и приближающемся рассвете.

Он бы рехнулся.

Оттолкнувшись, айЭм выскользнул из нее и осознал, дерьмо, что он отметил *майкен* своим запахом.

– Что не так? – спросила она, впившись в него взглядом своих желто-зеленых глаз.

– Нам нужно помыть тебя. – Но в чертовой хижине не было проточной воды. – В следующий раз мы сделаем это в Колдвелле.

– Я буду осторожна. На окраине Территории есть горячий источник. Я могу помыться там.

– А что насчет твоей мантии? – Схватив гору ткани, айЭм выругался. Эта хрень была измята. Порвана. Покрылась пылью. – Черт возьми.

Ему следовало развесить ее вещи. О чем он, мать его, думал?

Поднявшись на ноги, айЭм помог *майкен* одеться, приводя в порядок нижнюю мантию, закалывая верхний слой латунной брошью, отряхивая ее капюшон и маску.

– Позволь мне сделать это самому, – сказал айЭм, подходя к ней, чтобы прикрыть ее волосы и лицо.

Он ненавидел ее маскировку, его живот скрутило, а во рту пересохло, и все из-за того, что айЭм отправлял *майкен* обратно на Территорию абсолютно незащищенной, тем более нагой. Затем он сделал шаг назад и взглянул на то, что по прибытии в хижину было отглажено и вычищено, а сейчас находилось в чувственном беспорядке.

айЭму казалось, будто он взял что-то ему не принадлежащее, и в процессе уничтожил.

– Мне следует пойти с тобой, – сказал он. – Убедиться, что ты...

– Так мне будет сложнее. Все будет хорошо. За все эти годы я поднаторела в прятках.

А затем стало не о чем говорить, ни одно слово не заставит его чувствовать себя лучше по поводу произошедшего.

Выругавшись, айЭм взял ее за руку и проводил до двери.

– Будь осторожна. Там очень опасно.

– Буду.

майкен собралась поклониться ему, но он удержал ее.

– Нет. Не делай этого. Мы равны, ты и я.

Мгновение она просто смотрела на него, и айЭм чувствовал взгляд сквозь скрывающую ее глаза маску.

– Нет, не равны, – сказала *майкен*. – К сожалению, нет.

На этом она вышла за дверь и исчезла прежде, чем айЭм смог остановить ее. И пока ветер терзал его обнаженное тело, он ощущал боль повсюду, но эта боль была не физической.

Натянув на себя одежду, айЭм убедился, что огонь погас полностью, а затем покинул хижину. Закрыв за собой дверь и отступив в сторону, он подумал, как это странно, что в этом чужом месте с ним произошло так много жизненно-важных событий: здесь айЭм нашел своего брата, встретил Рива... сегодняшняя ночь.

Дематериализовавшись, айЭм с трудом вернулся в особняк Братства, приняв форму во дворе. Рассматривая величественное строение с готическими горгульями, расположенными на

башенках, алмазными окнами и тенями, притаившимися в углах, айЭм осознал, что проверял его на предмет безопасности и оборонительного устройства.

Так что, да, он подумывал о том, чтобы привести *майкен* сюда.

Но что за жизнь она будет вести? айЭм был все еще с головой погружен в дела Трэза и Селены. И что произойдет, если единственная возможность спасти брата от с'Хисбе – растворится на просторах планеты, никогда надолго не засиживаясь на одном месте?

Станет ли *майкен* вести жизнь беглянки? И что если с'Хисбе найдут ее вместе с ними?

майкен умрет быстрее, чем сможет сделать вдох.

Но, несмотря на это, айЭм все еще отчаянно желал ее...

Очередное безвыходное положение.

Как раз то, что ему было нужно.

* * *

Задница Рэйджа онемела.

Не удивительно, ведь он сидел на скале, глядя сквозь лес на стеклянный дом Эссейла как долго? Часы. И единственное, чем чувак занимался – перекладывал бумагу с места на место за рабочим столом.

Наркоторговец хотя бы устроился в отличном кресле.

Рэйдж поглядел на часы. Рассвет наступит скорее раньше, чем позже.

– Народ, наше время здесь подходит к концу.

Он только собрался набрать Ви и узнать, как там его слежка за кузенами дельца, как Брат материализовался рядом, а сразу после «Ренж Ровер», на котором уехали близнецы, покатыл по дороге, ведущей к дому.

– Где они были? – спросил Рэйдж.

– В центре. Они поехали в тот лодочный сарай на берегу реки. И насколько я понял, на встречу так никто и не явился. Конечно, вполне вероятно, что один из них дематериализовался оттуда ненадолго и побывал где-то еще. Я не знаю, черт возьми.

Когда Ви потерял глаза, будто в них песком посыпало, Рэйдж спросил:

– Брат мой, когда ты в последний раз спал?

Ви уронил руку и призадумался, словно высчитывал число пи с точностью до тысячных.

– В последний раз... эээ... думаю, м-да, это было...

Рэйдж оглянулся на опускающуюся вниз гаражную дверь.

– Они внутри на весь день. Валим отсюда.

– Чем занимался Эссейл?

– Кроме того, что заправлялся коксом под завязку?

– Значит, он не выходил.

– Не-а. За исключением перекладывания бумажек и двух телефонных звонков, которые длились не дольше 30 секунд, он просто ковырял в носу. – Рэйдж похлопал Ви по плечу. – Мы достанем их завтра ночью.

Ви все еще матерился, когда они убирались оттуда, направляясь домой сквозь холодный ночной воздух. Прибыв во двор перед особняком, они нашли айЭма, уставившегося на фасад дома, будто в ожидании, что Годзилла своей косолапой ступней пройдет по крыше, а остроконечным хвостом сметет остатки прочь.

– Эй, мужик, ты в порядке? – спросил Рэйдж.

айЭм подпрыгнул.

– Вот дерьмо.

Как только ветер, сменив направление, принес запах мужчины, Рэйдж удивленно приподнял брови. Тень был покрыт ароматом женщины, и не в смысле как магазинный парфюм.

Вот дерьмо – верное слово.

Все то время, что они были знакомы с ним, айЭм никогда не обращал особого внимания на женщин. Или на мужчин. Сам Рэйдж всегда полагал, что бедный ублюдок страдает Синдромом Фьюри – состояние, при котором один брат был настолько проблемным, что другого засасывало в черную дыру в попытках спасти бедового родственника.

К сожалению, было совсем не похоже на то, что Трэз в ближайшее время выйдет из водоворота. Но нет никаких сомнений, что айЭм сделал кое-что и для себя.

Кое с кем другим.

Ему на пользу, подумал Рэйдж. Самое время сделать перерыв.

– Что ж, – медленно произнес Ви, раскуривая косячок. – Как прошла ночка, Тень?

Очевидно, и он унюхал запах.

– Хорошо, – отозвался айЭм.

– Хмм. – выдохнул Ви. – Занимался чем-то особенным?

– Нет. Ты?

– Не-а, – ответил Рэйдж, когда они втроем направились в вестибюль. – Как обычно, дела.

Вообще-то, ночь с Эссейлом принесла одно разочарование, более того, Рэйдж все еще ждал вестей от своей Мэри по поводу женщины, которую увезли к Хэйверсу в состоянии комы. Ничего. Никаких новостей. Она жива? Или умерла?

Черт возьми, он всего лишь однажды видел ту мамэн, той страшной ночью, когда они спасли ее с ребенком от мужа, практикующего жестокое отношение к своей семье. Но эта ситуация очень беспокоила его Мэри, тяготила ее, и значит, происходящее волновало и Рэйджа тоже.

Кроме того, его *шеллан* отсутствовала дома последние две ночи.

И Рэйдж начал впадать в отчаяние.

Телефонные разговоры не могли заменить личную встречу.

В любом случае не тем способом, в котором он нуждался.

Когда все оказались в вестибюле, Рэйдж повернул лицо в сторону камеры безопасности.

Секунду спустя замок открылся, и они вошли в фойе. Подготовка к Последней Трапезе шла своим чередом, *доджены* сновали из кухни в столовую с готовыми блюдами, народ собирался в арочном проеме, еще больше домочадцев спускалось вниз по лестнице.

айЭм выглядел так, словно хотел дать дёру, его взгляд был прикован к красной дорожке, убегавшей вверх на второй этаж, как будто в мыслях он был уже на полпути к своей комнате. Вне поля зрения.

Без сомнения, торопясь принять душ.

Несмотря на то, что Рэйдж только что проверял телефон, а тот стоял на виброрежиме, он снова вытащил свой мобильник и перепроверил не пропустил ли он...

Из бильярдной показался Лэсситер, его белые и черные волосы были заплетены в толстую косу, перекинутую через плечо и спускавшуюся ниже. В одной руке он держал «Йо-хо»^[99], а в другой – упаковку «Старбёрст», будучи при этом обвешанным таким количеством золота, что его собственный вес было впору измерять в каратах.

– Кто-нибудь еще смотрел «Настоящих домохозяек Нью-Джерси»?

Народ оглянулся и уставился на мужчину.

– Как так получилось, что ты все еще гостишь в этом доме? – Поинтересовался кто-то. – Почему он еще не ушел?

– Я вызову ему такси, – пробормотал кто-то еще. – Или мы можем просто спустить его с горы.

– У меня есть картофельная пушка, – сказал Бутч. – Диаметр, конечно, маловат, но мы сможем запихнуть его по частям.

– О, я никуда не собираюсь, – улыбнулся Лэсситер. – Вы чего, будто я упущу всю эту великолепную бесплатную еду и кабельное... секундочку. – Прищурив свои странного оттенка сверкающие глаза, он уставился на айЭма... а затем воскликнул. – Святое дерьмо, ты занимался сексом!

В последовавшей оглушительной тишине Рэйдж хлопнул себя по голове.

– Ангел, ты обскакал меня по части бестактности.

– Что тебя беспокоит, Первый Советник?

В ответ на вопрос Рофа, Абалон поклонился.

– Спасибо, мой господин. – Войдя в комнату для аудиенций, он прикрыл за собой раздвижную дверь. – Большое вам спасибо.

– Должно быть это серьезно, раз ты закрыл дверь, – пробормотал Король.

– Мой господин..., – Абалон прочистил горло. – Я всегда стремился служить вам. Любым способом.

– Так и есть. Так в чем дело?

Не в первый раз Абалон пожалел, что не может видеть глаза мужчины. Хотя, с другой стороны, может и к лучшему, что очки прячут так много. Абалон предпочитал полностью контролировать свой кишечник.

Он отметил присутствие Фьюри и Зейдиста, так же как и уходящее время. У них осталось не более пяти-десяти минут до того, как им с Рофом придется вернуться в особняк. Но разговор не терпел отлагательств.

– Мой господин, я очень благодарен, что вы позволили Пэрадайз остаться здесь. Это очень великодушно с вашей...

– ...Но ты хочешь, чтобы она вернулась домой вместе с тобой, и тебе не нравится, что Тро находится там.

Абалон прикрыл глаза.

– Да, мой господин. Она... проживание отдельно далось тяжелее, чем я ожидал. И не потому, что я считаю, что здесь не безопасно. Вполне возможно, что здесь безопаснее...

– Я поставил тебя в действительно дерьмовое положение, не так ли, – перебил Роф. – Несправедливо просить тебя играть в нянечку для такого засранца как он, особенно на твоей личной территории. Прошу прощения.

Абалон моргнул. Представляя различные варианты данного разговора, извинений Рофа не было и в помине.

– Мой господин, пожалуйста, это я подвел вас...

– Ты хочешь, чтобы мы помогли вышвырнуть Тро?

Фьюри заметил:

– Рейдж вызовется в добровольцы в мгновение ока.

– Мой господин, вы так...

Проигнорировав его, Роф сосредоточился на воинах.

– Ну и какой у нас план? Вы вдвоем отправляетесь туда и производите эвакуацию?

Глаза Зейдиста поменяли цвет с желтого на черный.

– Сделаем это.

– Подождите... – Абалон выставил ладони перед собой. – Мне следует поговорить с ним.

Роф покачал головой.

– Один ты не пойдешь. Я слишком высоко ценю тебя. Передай Пэрадайз, чтобы провела здесь еще одну ночь, пока мы не очистим территорию.

Вот так, десятью минутами позднее Абалон материализовался у своего дома в компании личной королевской стражи.

Приняв форму перед своей тяжелой парадной дверью времен Тюдоров, Абалон взглянул на сияющие окна и задался вопросом: где Тро, что он делает... чего он ищет. Прислуга сообщила, что в первую ночь мужчина ушел спать на целые сутки, и вряд ли такое повторится второй раз

подряд. Поэтому перед уходом Абалон позаботился запретить большинство комнат, а вокруг было полно бдительных *додженов*.

Расправив плечи, Абалон оглянулся на Братьев, стоящих по обе стороны от него словно пара форзацев Сунь Цзы^[100].

– Я сам поговорю с ним.

Фьюри кивнул:

– Это твой дом. Тебе и следует отозвать приглашение погостить.

Отперев ключом медный замок и переступив порог дома, Абалон не почувствовал своей обычной расслабленности, никакого облегчения, когда его любимый дворецкий вышел из гостиной, чтобы принять пальто Абалона.

– Мастер, – произнес *доджен*, низко кланяясь. – Поставить ли мне дополнительные приборы для ваших гостей на Последнюю Трапезу?

– Они пробудут здесь недолго. Скажи, пожалуйста, где сейчас Тро?

– Он остается в своей комнате. Я проверял, дверь была закрыта, и он не спускался даже пообедать. Ранним вечером я постучал, а он ответил, что отдыхает.

Абалон не стал мешкать. Держа в руке медный ключ, он направился вверх по лестнице, поднялся выше и прошел дальше, минуя двери, пока не достиг вторую лучшую гостевую комнату.

Ему казалось, что предоставить мужчине самую лучшую гостевую спальню – незаслуженная честь, даже несмотря на то, что Тро об этом не знал.

– Тро, – решительно произнес Абалон. – Можно тебя на пару слов.

Не дождавшись ответа, он постучал костяшками пальцев по закрытой двери...

Дверь открылась по собственной воле, явив тускло освещенный интерьер. Абалон уже было собрался войти внутрь, когда тяжелая ладонь опустилась на его плечо и потянула назад.

– Позволь мой брат пойдет первым, – тихо сказал Фьюри. – Ты не знаешь, что найдешь там.

Держа пистолет на уровне бедра, Зи вошел внутрь. Спустя мгновение после того, как его тяжелые шаги прошли по комнате, он сказал:

– Чисто.

Абалон поспешил следом. И действительно, комната оказалась пуста, даже кровать заправлена. И ни следа чьего-либо пребывания здесь.

За исключением приоткрытого окна на другой стороне комнаты.

Воистину, одно из окон из многослойного стекла со стальным решетчатым верхним слоем было взломано и оставлено приоткрытым.

– Он не был здесь узником, – подойдя к окну и закрыв его, сказал Абалон. – Почему тогда сбежал?

– Есть более важный вопрос, – ответил Фьюри, – как мы можем быть уверены, что он и в самом деле ушел? Дом большой, со множеством углов, чтобы укрыться.

– Может, это всё объяснит, – Зи направился к стоящему в углу столу и поднял запечатанный конверт. – Здесь твое имя.

Брат подошел к Абалону и передал тому конверт.

Трясущимися руками Абалон открыл конверт и вынул сложенный вдвое лист. Бумага была из его собственных запасов с гравировкой на самом верху с изображением дома:

Дражайший Абалон, сын Абалона.

Прости, что лично не выразил свою благодарность. Я высоко ценю твое щедрое гостеприимство. Признавая сложное положение, в которое, несомненно, ставит тебя мое присутствие, я собираюсь найти другое прибежище.

Я очень надеюсь, что наши пути вновь пересекутся, кузен мой.

До тех пор, еще раз спасибо за то, что открыл для меня двери своего дома, а пока я

остаюсь

Твоим Кровным Родственником

Тро.

– Что там? – спросил Фьюри.

Автоматические ставни стали опускаться на день, и Абалон передал письмо.

– Ничего важного. Но я согласен. Мне следует обыскать дом, но боюсь, это займет слишком много времени, и вы не успеете безопасно вернуться к себе.

– Значит, мы останемся с тобой на день, – ответил Фьюри, пробегая глазами написанное. – Но до тех пор, пока не убедимся, что ты и твой персонал в порядке, мы никуда не уйдём.

Абалон выдохнул:

– Благословенен я вашим присутствием.

Зи коротко рассмеялся:

– Думаешь, мы хотим вернуться домой и сообщить Рофу, что тебе перерезали глотку только потому, что мы не выполнили свою работу? Не хотел бы я принести своему Королю подобный отчет.

Фьюри отдал письмо обратно и снова опустил ладонь на плечо Абалона.

– И позволь нам сделать всю грязную работу, так будет безопаснее для всех. Где твоя спальня?

– Дальше по коридору.

– Пойдем, мы отведем тебя туда, а затем позаботимся о безопасности персонала. После этого прошерстим дом, пока не удостоверимся, что кроме письма после Тро ничего не осталось.

Абалон поймал себя на том, что согласно кивает.

– Спасибо вам, господа. Большое спасибо.

* * *

– Я очень рада, что ты позвонил мне. И прошу прощения, что заставила тебя ждать.

Тро улыбнулся женщине и указал на удобный диван, на котором сидел с тех пор, как прибыл в ее владения.

– Ничего страшного. Мне было тепло и сухо. Вы были настолько же добры, насколько может быть любая хозяйка.

Аристократка улыбнулась, сверкнув зубами такими же блестящими, как и бриллианты у нее на шее. На пальцах. На запястьях и мочках ушей. Стоя в скромном домике сторожа, построенном на огромной территории принадлежащей ей собственности, женщина походила на модель, перепутавшую место проведения фотосессии.

– Мой супруг нездоров, – печально произнесла она. – Я должна была о нем позаботиться.

Учитывая, что женщина была одета в облегающее коктейльное платье леопардовой расцветки, весьма интересно, какие такие нужды имелись у ее *хеллрена*.

Вряд ли *шеллан* вырядилась бы так только для того, чтобы уложить пожилого джентльмена в постель. Скорее всего, подумал Тро, аристократка приоделась для встречи с ним.

– Да, припоминаю, что он был болен, – вежливо произнес он. – Мне очень жаль.

– Это и меня печалит тоже.

– А как же иначе.

– Вскоре я стану вдовой.

Торжественно кивнув в качестве соболезнования, Тро намеренно прошелся взглядом вниз от прямых черных волос до изящных ног.

В последний раз Тро видел ее здесь же, но тогда фигурировало куда меньшее количество одежды – на них обоих – а также его соратниках-Ублюдках. Женщина лежала перед очагом, а он вместе с солдатами сгрудился вокруг ее обнаженного тела, питаясь, трахая. Случилось это около месяца назад и стало лишь самой недавней из встреч, происходивших регулярно в течение прошлого года.

– Сегодня ты один? – хрипло спросила аристократка.

– Да, и должен тебе сообщить, что, к сожалению, наши дороги с Кором разошлись. Я вышел из борьбы.

– Неужели, – промурлыкала она. – И где же ты остановишься?

– Сейчас я в поиске жилья.

– Неужели.

– Так и есть.

Женщина пересекла пустую комнату, чтобы встать от него на расстоянии вытянутой руки.

– Скоро рассвет.

Тро снова обвел взглядом ее тело.

– Так и есть. Значит, мне пора идти.

– Так скоро, – она надула губы.

– Так безопаснее. – С ленцой Тро провел пальцем вверх по ее бедру, через нижнюю часть живота... вниз к соединению ее бедер. Нажав пальцем через ткань, Тро легонько погладил ее расселину. – Так что, боюсь, здесь мне придется остановиться.

– Возможно, мы могли бы прийти к соглашению, – предложила женщина.

– Да? – ответил Тро.

– Мой *хеллрен* намного старше меня. Он, конечно же, моя настоящая любовь.

– Несомненно.

– Но у меня есть определенные потребности, о которых он не в состоянии позаботиться на регулярной основе.

– Полагаю, вы знакомы с моими способностями в данной области.

Женщина блеснула диковатой улыбкой.

– Да. Знакома.

– Значит, будет только справедливо, если в обмен на кров и стол, ты будешь вознаграждена в той степени, которую считаешь для себя приемлемой.

Аристократка наступила ногой, обутой в шпильку, на подлокотник дивана и подняла подол платья до талии, открывая свою обнаженную плоть.

– Возможно, сначала тебе нужно освежить мою память относительно твоих талантов.

Тро издал горловой рык и, наклонившись к ней, вытянул язык, вылизывая дорожку к ее щели. Когда женщина подалась бедрами вперед, а голову откинула назад, Тро втянул губами ее плоть...

А затем остановился. Сел на место.

– У меня есть проблема.

– Да? – проворчала она, вернув голову в исходное положение.

– Я не могу оставаться здесь, в этом коттедже. Что если Шайка Ублюдков решит засвидетельствовать тебе... свое почтение? Наверняка на таких обширных владениях есть другое свободное жилье.

Она нахмурилась.

– Ты ведь из кровной линии Блурми, не так ли?

– Так и есть. По стороне *мамен*.

– Ты дальний родственник моего *хеллрена*, а значит, с нашей стороны станет грубостью не

предложить тебе крышу над головой. Конечно, если ты решишь остаться в особняке, нам нужно будет приобрести тебе одежду.

Тро улыбнулся ей. Все складывалось идеально.

В конце концов, они с мужем поддерживали государственный переворот правления Рофа, и не были обрадованы последующем роспуском Совета.

Тро был приглашен, а значит, у него была штаб-квартира для дальнейших действий.

– Было бы весьма приятно, – сказал он, скользя ладонями по ее бедрам и притягивая ее назад к своим губам.

Тро пробормотал напротив ее лона:

– А сейчас, позволь мне продемонстрировать свою признательность твоему великодушию.

– Я работаю одна, – сказала шлюха, направляясь к своей одежде. – У меня нет сутенера. Если захочешь меня снова, ты знаешь, где меня найти.

Кор уставился в противоположный конец комнаты, наблюдая, как женщина оперативно одевается, развивая при этом скорость чуть меньшую, чем скорость звука.

Блондинка отчалила, не прощаясь, ее обязанности были выполнены, оплата, произведенная им в размере двух тысяч долларов, была принята. Когда дверь за ней захлопнулась, Кор перевел взгляд на угасающее пламя. Он заплатил за возможность трахать ее любым способом, в любом месте, в котором он только пожелает, что Кор и сделал. Неоднократно. А еще он взял ее вену.

За что она была вознаграждена двумя тысячами.

Благодаря острому слуху, Кор слышал ее, шуршащую листьями при ходьбе. А затем ее голос донесся сквозь тонкие стены постройки, которую он приобрел.

– Да, я закончила. Ага. Он отвратителен, но трахается как животное...

Это последнее, что Кор услышал, должно быть, она дематериализовалась.

Он обнаженным сидел на полу перед очагом, локти расположились на коленях, руки свисали вниз. Пот охлаждал кожу, после кормления клыки были все еще выдвинуты, член мягкий, съезжившийся и красный от недавней долбежки.

Запах всего сотворенного им витал в воздухе, каждый вдох был напоминанием того, чем его тело занималось.

И с кем.

Свесив голову, Кор провел рукой по отросшим волосам, в оцепенении думая, что нужно их подрезать.

В голове сменялись образы того, как он берет ту женщину на четвереньках, как собаку. Его яйца ударяются о ее плоть, пока он всаживает ей в задницу, а сам кончает так много раз, что из нее вытекают его соки.

Кор пытался сделать все настолько грязно, насколько это вообще возможно...он даже целовал ее. Везде.

Он хотел запятнать этим опытом каждую свою клеточку. Изменить свое тело. Перекроить свой разум.

Полностью стереть прошлое.

Вместо этого, сидя в одиночестве на твердом полу, Кор обнаружил, что получилось все с точностью наоборот. Единственное, о чем он сейчас думал – это Лейла: ее прекрасное застенчивое выражение лица, ее такие умные и добрые глаза бледно-зеленого цвета, ее тело, о котором он мог только мечтать. Марафон со шлюхой только приглушил яркость, а свет, предложенный той, кого он любил, на этом фоне засиял еще ярче.

В стратегическом плане произошедшее потерпело полный крах.

Поэтому он придумает другой план. Или попробует это снова... да, он попытается снова, с другой или с той же, или тремя-четырьмя за раз. Денег не хватало, но Бальтазар и Зайфер оказались так соблазнительны, что Кор был вполне уверен, что они смогут замолвить за него словечко.

Кроме того, алкоголь тоже способен помочь ему.

И схватки, отличнейшая возможность выпустить пар.

Чего он точно не станет делать, так это поддаваться практически удушающему порыву позвонить Лейле, услышать ее голос и умолять о встрече, несмотря на все, что он наговорил ей.

Это приведет лишь к его дальнейшей агонии.

Бладлеттер учил его, что уничтожение слабости является силой, и со временем, с неоднократным общением с этой Избранной его чувства кастрировали его: он принимал решения и отвлекался на то, что нарушало целостность его военной выправки.

И каким-то образом Избранная прознала об этом и вызвала его на честный разговор.

Она узнала, чем он жертвовал ради нее, что и явилось предупреждающим сигналом, и только полный дурак проигнорирует этот знак; ему нужно изменить цель, которую заменила для него Лейла, отвернуться от этой неприемлемой ситуацией с ней и как можно скорее обрести былую ясность ума.

Ведь что их ждет в будущем?

Дальнейшие тайные встречи здесь? Что в конечном счете приведет к тому, что один из Братьев проследит за ней, после того как она допустит небольшой промах либо неосознанно вызовет чье-то подозрение? Он и его солдаты нуждаются в безопасном месте для отдыха и подзарядки в дневное время, и он не может подвергать их такому риску.

О чем он вообще думал, приводя ее сюда?

У его Шайки Ублюдков не было денег, чтобы переехать отсюда так скоро, теперь, когда Тро покинул их, аренда недвижимости превратилась в тяжкое бремя, учитывая их тощие кошельки.

По крайней мере, Кор чувствовал, что может доверять Лейле. У нее было девять месяцев, чтобы раскрыть местоположение луга, на котором они всегда встречались, а он в свою очередь знал, где расположен особняк Братства. Эти знания служили взаимным рычагом давления: Лейла знает, что, расскажи она об этом месте, его следующим шагом станет полномасштабная атака на священный особняк Братства.

Где, если верить слухам, в своей колыбельке спит первенец Короля.

Нет, она ничего не скажет...

Pun!

Кор резко повернул голову в сторону телефона. Мобильное устройство лежало на полу в брошенных у двери штанах.

Кор одним прыжком преодолел разделяющее их пространство, ладони вспотели, пока он рылся в складках одежды, пытался справиться с застежкой кармана, вытаскивал устройство со стеклянным экраном.

Кор не получал от Лейлы ответных сообщений, учитывая устное послание, которое он перекодировал в текстовое.

Выведя на экране панель для ввода четырехзначного пароля, Кор разблокировал телефон и вошел в текстовые сообщения. Его безграмотность распространялась так далеко, что ему приходилось использовать программу для конвертирования текстовых сообщений в голосовые для того, чтобы он мог получать сообщения от своих солдат и от нее.

Тем не менее, он знал достаточно, чтобы понять, что сообщение не от Избранной.

Так и не прослушав сообщение, Кор отложил телефон в сторону.

Тот факт, что он, застыв, словно потерянный, стоял у двери, взбесил его.

Он не мог... не позволит продолжаться этой кастрации. В его жизни случались и более разрушительные вещи, чем отказ от женщины, которая ему-то никогда и не принадлежала: его мать, испытав отвращение от его внешнего вида, бросила его из-за заячьей губы; он перенес немыслимое, выдержал жестокое обращение в лагере Бладлеттера; а затем последовали века жестокой войны; сводящая с ума ненависть к окружающему миру определяла его, направляла его.

Эта ситуация с Лейлой не сломит его.

Приказывая ногам двигаться, Кор направился в ванную и включил душ. Кровь шлюхи наполняла его физической силой, которую он не ощущал с тех пор, как...

Нет, он больше не может думать о Лейле.

Он должен выбросить ее из головы. Отключить эмоции.

Это как смерть, говорил он себе. А Боги знают, Кор близко знаком с ней и достиг совершенства в обращении с этой окончательной валютой.

Шагнув под холодный душ, Кор взял мыло и начал намыливаться, но затем остановил себя.

Нет, ему необходимо сохранить эту вонь на своей коже.

Сейчас он принимает душ лишь для того, чтобы взбодриться после кормления, затуманившего его голову. После этого он поговорит со своими солдатами.

Пришло время перенаправить и обновить курс их борьбы в этой войне.

И восстановить естественный порядок вещей в его жизни.

Очнувшись, Трэз почувствовал себя словно под кайфом, и это было единственным и весьма спорным положительным моментом мигрени: после ужасного урагана боли и тошноты всегда следовал период легкости и облегчения, когда ты так чертовски благодарен за то, что из твоей башки больше не торчит топор, что хочется обнять весь мир.

Открыв глаза, Трэз пару раз моргнул и посмотрел на открытую дверь ванной. А где...

– Ты проснулся?

Услышав за спиной голос Селены, Трэз приподнялся в постели и перекатился на другой бок.

– Привет.

Селена расположилась на кушетке с электронной книгой в руках, черты ее лица освещались подсветкой экрана.

– Как себя чувствуешь? – Отложив книгу, она подошла к нему.

– Лучше. – Вроде как. Сейчас он снова беспокоился о ней. – А как ты?

Изменилось ли что-нибудь, пока он лежал в отключке? Как долго он...

– Нет, никаких изменений. И ты отключился примерно на восемь часов.

Ээ, значит, он спросил это вслух.

Взяв ее за руку, Трэз украдкой постарался оценить ее состояние по тому, как она пожала его руку в ответ, как присела рядом с ним на кровать.

– Есть какие-то особые причины не смотреть мне в глаза? – спросил Трэз.

– Ты голоден?

– Нет, и тем более «нет», когда ты увливаешь от ответа.

Сейчас он был слишком прямолинеен, с другой стороны, обмен любезностями и хождение вокруг да около никогда не были его сильными сторонами и в лучшую ночь.

– Я, ээ, виделась с Доком Джейн.

Вот сейчас он похолодел.

– Зачем?

– Мне просто захотелось поговорить с ней.

– И?

– Она провела некоторые анализы и...

На этой ноте его слух щелкнул хронокартой и взял перерыв.

– Прости, повтори, пожалуйста.

Может, если она скажет это снова, слова каким-то образом проникнут сквозь тревожные звоночки, трезвонящие у него в голове.

– ... когда мы будет готовы пойти к ней.

Трэз сел в кровати. Потер лицо. Посмотрел на нее – ее взгляд был устремлен на ковер.

– Ты имеешь в виду спуститься вниз, в клинику?

– И встретиться с ними обоими. Мэнни тоже будет присутствовать.

– Хорошо. Да. – Он взглянул в сторону ванной. – Сначала мне нужно в душ.

– В спешке нет необходимости.

Конечно, но ему так не казалось. Трэз встал с кровати и прошел в ванную, где включил душ, воспользовался туалетом и шагнул под струю воды. Быстро помыл голову и намылился, о бритье и беспокоиться не стал.

Вышел. Вытерся. Вернулся в спальню, обвязав полотенце вокруг талии.

Селена сидела на том же месте.

Когда он, чуть не срываясь на бег, проходил мимо нее, Селена протянула руку и схватила его

запаястье.

Когда Селена наконец-то посмотрела на него, ее взгляд был твердым, но таким напряженным, что мог прожечь дыру у него в затылке. И по какой-то причине, такое сочетание его ужаснуло.

– Сначала нам нужно поговорить, – сказала она.

Прикрыв на секунду глаза, Трэз опустился перед ней на колени, а про себя подумал: *Нет, нет, я не хочу этого слышать. Чтобы там ни было, я не хочу...*

Ее руки, эти красивые руки дотянулись до его лица, очертили его брови, щеки, линию челюсти. Она проехала большим пальцем по его нижней губе, Трэз поцеловал палец в ответ.

– Прошлой ночью Лукас сорвался.

Трэз нахмурился и покачал головой.

– Прости, что?

– Внизу, в клинике. Он просто... сдался. Ему отрезали часть ноги, чтобы спасти его... думаю, он будет жить. Но он совсем не рад этому.

– О. Хорошо. Да.

Даже несмотря на то, что это было жестоко, единственное о чем он мог думать было: *И что?*

– Он хотел умереть и был так зол из-за того, что они не позволили ему сделать это.

Какое все это имеет отношение к нам, кричал он про себя. Кого, черт возьми, волнует...

– Я не хочу уходить, – сказала Селена. – Я не хочу покидать тебя. На каком-то уровне, я даже не знаю как, я имею в виду, когда придет мое время, я буквально не могу представить это.

Трэз сглотнул, в горле встал ком.

Прежде чем он смог ответить, Селена прошептала:

– Я безумно боюсь.

– О, моя королева...

– За тебя. – Когда Трэз отшатнулся, поскольку это последнее, что он ожидал услышать от нее, Селена обхватила его лицо ладонями. – Видя эту ярость в Лукасе, эту ненависть к миру и к окружающим... Я беспокоюсь, что после моего ухода, то же самое ждет и тебя.

Заставив себя оставаться спокойным, Трэз ответил:

– Послушай, я...

– Не лги мне или себе. Что бы ты ни сказал сейчас, ты должен быть честен.

Что ж, но не это его заткнуло.

– То, что ты будешь в такой ярости, пугает меня больше, чем все, что может произойти с моим телом или душой. Существует ли в самом конце вечная жизнь или там нет совсем ничего, в действительности я беспокоюсь только о тебе. – Ее взгляд впился в него. – Я хочу, чтобы ты мне пообещал, хочу, чтобы ты поклялся своим сердцем и моим, что ты продолжишь жить. Что ты останешься здесь вместе айЭмом и Братством и позволишь им позаботиться о тебе. Что ты не позволишь скорби уничтожить тебя. Я не смогу... буду не в состоянии помочь тебе, поэтому ты позволишь им поддержать тебя.

– Селена, во-первых, ты никуда не уйдешь...

– Мои руки начинают затвердевать. А так же ноги и лодыжки. Я не думаю, что у нас осталось много времени, Трэз.

Говоря это, Селена разгладила брови Трэза, когда стало понятно, что он начинает хмуриться. Она репетировала речь про себя часами, пытаясь найти правильное сочетание, чтобы Трэз не отверг сказанное.

Это очень важно. Она должна была произнести эти слова, а он – услышать их.

– Для меня станет намного сложнее пройти через это, если я буду переживать за тебя.

Селена чувствовала эмоции, исходящие от него, и не была удивлена, когда его черные глаза блеснули ярко-зеленым, осветившим его темное лицо, и она хотела бы избавить его от этого, но не могла.

– Мне нужно, чтобы ты поклялся мне, – произнесла Селена, – здесь и сейчас, что ты не закроешься от мира, что ты...

Трэз вскочил на ноги и принялся вышагивать по комнате, кулаки на бедрах, голова опущена, словно он пытался взять себя в руки.

– Трэз, я хочу, чтобы ты продолжал жить после того, как я уйду. – Когда он начал трести головой, Селена продолжила: – Потому что только это сделает происходящее более-менее приемлемым для меня.

Трэз вскинул руки.

– Хорошо, ладно. Я продолжу жить. А сейчас могу я одеться, чтобы мы могли спуститься в клинику...

– Трэз. Не лги мне.

Остановившись, он повернулся к Селене, его великолепное тело напряглось до предела, под гладкой, лишенной волос кожей подергивались мускулы бедер и плеч.

– Что ты хочешь от меня услышать?

– Что ты позволишь людям помочь тебе. Тебе это понадобится... я бы нуждалась в этом, если бы ты...

– Позволю! Ладно! Я даже встречусь с Мэри, буду носить на груди гребаный значок «Я скорблю», черт побери. Довольна? А сейчас мы можем, мать твою, прекратить говорить об этом.

Когда Трэз прикрикнул на нее, Селена в изнеможении закрыла глаза:

– Трэз...

– Ты сказала, что не можешь себе представить, как покинешь меня, так? Что ж, я даже думать не могу об этом. Я не думаю о... я *отказываюсь* даже создавать в голове, – он ткнул пальцем в голову, – реальность, в которой тебя здесь нет. Так что я не только не могу представить себе как, черт возьми, я буду себя чувствовать, но и, безусловно, не могу поклясться, даже гипотетически.

– Лучше тебе начать думать об этом, – резко сказала она. – Лучше тебе начать готовиться. Говорю тебе прямо сейчас: конец близок.

Казалось, он сдулся, несмотря на то, что роста и веса в нем осталось столько же.

– Не говори так.

– И я хочу, чтобы ты нашел другую женщину, когда-нибудь в далеком будущем. Я хочу, чтобы ты... – На этом ее голос надломился от боли такой сильной, что она могла поклясться, что от этого останется кровавое пятно в центре ее рубашки. – Я не хочу, чтобы следующие девять сотен лет ты спал в одиночестве.

Когда она замолчала, Трэз почувствовал такую опустошенность, что, спотыкаясь, отступил и упал на кушетку.

– Я думал, ты меня любишь, – сказал он голосом, совершенно не похожим на его.

– Люблю. Всем своим...

Трэз потер грудь.

– Тогда зачем все это. Почему ты хочешь, чтобы я пошел и нашел какую-то другую женщину...

– Трэз, послушай меня. – Но он ушел, скрывшись в своих мыслях, где Селена не могла достучаться до него. – Трэз, я действительно тебя люблю, именно поэтому...

– Тогда зачем ты вообще упомянула, что хочешь, чтобы я был с другой женщиной? – Он был раздавлен, его взгляд пробежал по ней снова и снова. – Почему ты этого хочешь? Вообще когда-

либо? Это осквернение всего, что я думал, мы чувствуем друг к другу.

– Трэз...

– Я связался с тобой. Ты знаешь это. Зачем ты говоришь связанному мужчине, что он должен выйти на улицу и заняться сексом с кем-то еще?

– Ты упускаешь суть.

Дерьмо, все должно было пройти не так. Предполагалось, что он поклянется ей, и примет ее разрешение близко к сердцу так, что через миллион лет, когда он пойдет дальше и все, что они значили друг для друга, станет не таким болезненным, он не будет чувствовать себя виноватым, найдя кого-то, с кем будет счастлив.

С ее стороны это было бы правильным.

– Наверно, тебе лучше уйти, – глухо сказал Трэз.

– *Что?*

Он вытер глаза.

– Уходи. Просто уйди отсюда. – Трэз кивнул по направлению к двери. – Я был готов пройти с тобой абсолютно через все, что угодно, но не через это. Ты не хочешь моей любви, все нормально. Я понимаю. Для тебя это было всего лишь парочка классных ночей, а сильные эмоции имеют тенденцию все загрязнять и делать вещи более важными, чем они есть на самом деле. Но ты не можешь и дальше оставаться со мной здесь.

Селена потрясла головой, словно это могло помочь придать смысл его словам.

– О чем ты говоришь.

– Я не виню тебя. Док Джейн сказала тебе, что я спас тебе жизнь, поэтому ты, должно быть, чувствуешь огромную благодарность, которую можно спутать с любовью. Я понимаю...

– Стой, что... я не понимаю, о чем ты говоришь.

– Но я не могу оставаться рядом с тобой. Говоришь, что не хочешь, чтобы я уничтожил себя? Отлично, тогда хорошим началом станет твой уход отсюда.

Вспыхнувшая нелепая паника сжала голову тисками.

– Трэз, ты не слушал, что я говорила. Ты понял все совершенно не так, неправильно. Я люблю тебя...

– Не говори этого, – рявкнул он. – Не говори мне этого...

– Я скажу все, что захочу, – крикнула она в ответ. – Будь я на твоем месте, забеспокоилась бы о своем слухе.

– О, мои уши в порядке, дорогая. Просто женщина, которую я люблю и боготворю больше, чем все остальное в мире, говорит мне, что хочет, чтобы я пошел и поимел кого-то другого. Может, прежде чем ты умрешь, тебе следует написать в Холмарк и предложить эту хрень для Дня Святого Валентина, это чертовски романтично.

Сейчас настала ее очередь вскакивать.

– Я не хочу этого! Ничего из этого не хочу! – В ее голосе послышались истерические нотки, но она ничего не могла с этим поделать. – Думаешь, я *счастлива*, говоря тебе все это, думая об этом! У меня осталось один Господь Бог знает сколько ночей, а я трачу эту ночь, сидя на этом гребанном стуле и уставившись в дерьмовую книгу, которую даже не читала, представляя себе, что ты вешаешься в ванной комнате после моей смерти! Или напившись, направляешь свою машину в дерево! Или уходишь в загул, который длится не десятилетие, а столетие!

Селена покрутила пальцем у своей головы.

– Эти мысли, я не хочу их! Думаешь, я *хочу* говорить тебе это? Иисусе, Трэз, я люблю тебя! И не хочу, чтобы у тебя когда-нибудь появилась другая женщина, вообще *никогда*! Хочу, чтобы ты сидел в уголке и скорбел обо мне до самой смерти, не хочу, чтобы ты видел солнце или луну, или наслаждался едой, или тебе снились хорошие сны! Я хочу, чтобы мысли обо мне не давали

тебе покоя остаток твоей жизни, до тех пор, пока куда бы ты ни пошел, с кем бы ты ни говорил, что бы ты ни видел, было призраком меня, потому что в таком случае я буду знать, что ты не забудешь меня!

Трэз вытянул руки.

– Селена, я...

– Ты хочешь знать какова смерть? Я скажу тебе что это, смерть – это когда живущие забывают о тебе. Как ты пахнешь и выглядишь, как звучит твой голос, как ты смеешься! Даже если и существует жизнь после смерти, моя смерть означает, что ты пойдешь дальше без меня до тех пор, пока не вспомнишь цвет моих глаз или длину моих волос...

Случилось так, что именно она превратилась в Лукаса.

Неожиданно, перед ее взором все побелело, и, потеряв контроль, Селена дотянулась до ближайшей лампы, сдернула ее со стола и швырнула через всю комнату в направлении окон, бросок оказался такой силы, что шелковый абажур, отлетев, стукнулся о люстру, свисающую с середины потолка.

Раздался оглушительный треск. Все было сломано, осколки стекла поблескивали повсюду, из-за чего Трэзу даже пришлось поднять руку, чтобы прикрыть глаза.

Селена расплакалась.

– Я не хочу, чтобы ты шел дальше без меня.

Когда ее душа раскололась на половинки, Трэз прыжком оказался возле нее. Он попытался обнять ее, но Селена замолотила по нему кулаками.

– Ты найдешь кого-нибудь еще, – плакала она. – Ты влюбишься в кого-нибудь еще, и она сможет подарить тебе ребенка и обнимать тебя, когда тебе будут сниться кошмары, и готовить тебе ужин. – Поток слез стал таким сильным, что она не могла вздохнуть. – И она будет лучше меня, потому что она... – Селена осела в его руках. – ... она будет удачлива настолько, чтобы быть живой.

Трэз прижимал Селену к сердцу и поглаживал ее спину.

Вот оно. Правда вышла наружу. Грех, который она пыталась запрячь и подчинить, открылся, потому что Селена хотела быть достойной женщиной вместо жалкой, прилипчивой неудачницы, которой на самом деле была.

Тем не менее, Трэз все еще был с ней. Стоя душа к душе, кожа к коже, непоколебимый, полный решимости любить ее несмотря ни на что.

В конце концов, Селена осознала звук биения его сердца.

Тук. Тук. Тук.

Такое спокойное и сильное.

Судорожно сделав вдох, Селена откинулась назад. Когда Трэз большими пальцами смахнул слезы, она хрипло сказала:

– Вау, неплохо вышло, не правда ли?

Когда Селена заговорила, Трэз рассмеялся. А она улыбнулась.

Они оба были в совершеннейшем беспорядке: от криков и слез ее лицо опухло и покраснело, его рука кровоточила от ранивших его осколков, и пока они стояли рядом, их тела потряхивало от пережитого.

– Ты все это репетировала? – спросил Трэз, откидывая ее волосы назад.

– О, да. Часами.

Трэз повел ее к кровати и усадил их обоих, пока они не свалились прямо на разбитое стекло, разбросанное по ковру.

– И как в твоём представлении все прошло?

Селена наклонилась за коробкой Клинекса, стоящей рядом с будильником. Предложив Трэзу салфетку, она вытянула одну и для себя.

После того, как оба высморкались, Селена глубоко вздохнула:

– Все прошло замечательно. Ты был тронут моим великодушием. Потрясен чистотой моей любви. А когда я расплакалась, все было невинно как в «Неспящих в Сиэтле», а не как сейчас.

Когда Селена показала на свое лицо, Трэз откинул ее голову назад и поцеловал.

– Для меня сейчас ты еще красивее, чем когда бы то ни было.

Селена закатила глаза:

– Ну, конечно, не выдумывай. Я только что сказала тебе, что хочу, чтобы ты придерживался celibата всю оставшуюся жизнь.

– И ничто иное не могло бы сделать меня счастливее.

– Трэз, будь реалистом. Это самый стервозный поступок с моей стороны.

– Думаешь, я поступил бы по-другому? – Трэз пожал плечами. – Боже, если бы я умирал? Я бы не хотел, чтобы ты смотрела на других мужчин, и уж тем более обнажалась перед ними. – Представив себе этот кошмар, Трэз не сумел скрыть дрожь отвращения. – Вот дерьмо. Ни за что. Ага.

– Серьезно?

– На все сто. Правда.

Селена смотрела на ковер, а на ее губах заиграла самая прекрасная улыбка.

Боже, как же замечательно быть на одной волне.

Но затем улыбка сползла с ее лица.

В течение ужасно длинного промежутка времени они сидели в тишине. И что-то подсказывало Трэзу, что он знал, какие мысли крутились в ее голове.

– Жизнь может быть очень долгой, – сказала Селена так, словно представляла себе время, расстилающееся перед ним, и изменения, которые могут произойти.

– Да, может. – Трэзу казалось, что за прошедшие две ночи они прожили три жизни. – Но моя память крепче самого времени. Если это касается тебя, моя память превратится в бессмертную часть меня.

– Если такое случится, – Селена прочистила горло. – Если ты найдешь кого-то, я хочу, чтобы ты знал... Я никогда не стану винить тебя за это. Я слишком сильно люблю тебя, чтобы осуждать за это.

– Этого не произойдет.

Селена вытянула еще одну салфетку, но не воспользовалась ею. Она просто сложила тонкий бумажный квадратик пополам. А затем еще раз. И еще.

– Я не хочу, чтобы ты был заперт в своей персональной версии гроба, – произнесла наконец

Селена. – Полагаю, именно это я и пытаюсь донести до тебя. Мой самый большой страх – вечно оставаться в ловушке своего собственного тела? Запертой внутри? Я боюсь, что в своем горе то же самое произойдет и с тобой. Да, конечно, часть меня хочет, чтобы ты опустил руки и позволил годам лететь мимо себя, но другая, бóльшая часть меня не желает для тебя такой тюрьмы. Кажется... Я пытаюсь сказать, что, если в каком-то смысле ты почувствуешь себя плохо, когда, что-то случившееся покажется тебе забавным, или наслаждаясь едой, или... если найдется фильм, который тебе захочется посмотреть, или ты порадуешься врученному тебе подарку, пожалуйста, просто знай, что я люблю тебя в эти моменты. Возможно, ты мог бы притвориться, что это мои тебе дары с той стороны. – Она грустно улыбнулась. – Мой поцелуй тебе.

Вот дерьмо, Трэзу казалось, что сейчас он снова расклеится.

– Ты можешь пообещать мне это, Трэз? Что тыпустишь в свою жизнь хорошие события даже после моей смерти? – Она пробежала пальцами вниз по его лицу. – Даже если такое случится благодаря другой женщине рядом с тобой? Хуже моей смерти может быть только потеря нас обоих, несмотря на тот факт, что твое большое сильное сердце продолжит биться в груди.

Трэз закрыл глаза:

– Я не хочу думать об этом.

– Как и я.

В последовавшей тишине, Трэз снова столкнулся с действительностью, в которой не с кем было бороться, не на кого было кричать, некого протыкать кинжалом, чтобы прекратить все это.

– Ты хочешь пойти сейчас вниз, к Доку Джейн? – спросил он.

– Я бы предпочла, чтобы ты ответил на вопрос.

Трэз обхватил ее ладони своими.

– Если это вернет тебе душевное спокойствие, то да, хорошо. Я обещаю, что... – Ладно, вообще-то он не мог произнести это. – Я продолжу жить.

Облегчение затопило ее, расслабив черты лица, плечи, все тело.

– Спасибо. Это действительно помогло. Ты даже не представляешь, насколько сильно твои слова помогли мне прямо сейчас.

Нежно ее поцеловав, Трэз встал и прошел в гардеробную. Он понятия не имел, что натянул на себя, главное прикрыл обнаженные части тела и даже не забыл про дезодорант. Трэз вернулся в спальню, а в животе будто экскаватор поработал.

– Ты готова пойти в клинику?

Селена оглянулась по сторонам, словно в поисках чего-то. Или, может, она просто хотела оттянуть неизбежное еще на некоторое время.

– Прости за окно, – выпалила Селена.

– Все нормально. Ставни все еще на месте, поэтому ветер и холод не страшны.

– И за лампу.

– Будто мне не все равно.

Кивнув, Селена встала. Она была одета в облегающие черные джинсы и свободную белую блузку, и Трэз был поражен тем, как хорошо она выглядела в нормальной одежде, а не в официальном одеянии Избранной. И что интереснее, ее речь тоже стала свободней, более разговорной.

Черт возьми, подумал Трэз... он действительно желал бы иметь с ней детей.

Дорога в клинику казалась бесконечной, и Селена не была уверена, хорошо это или плохо. С одной стороны, она была готова к новостям, чтобы узнать, с чем ей придется столкнуться, чем бы это ни оказалось. С другой стороны, ее бы устроило пожить в неизвестности еще немного.

Всю дорогу в тренировочный центр Трэз держал ее за руку, не позволяя ей отойти, даже когда вводил различные пароли или когда им пришлось следовать друг за другом через шкаф. Шагая по коридору к Доку Джейн, Селена размышляла обо всех дверях, в которые они могли бы войти вместо той, к которой направлялись.

Когда они подошли к комнате для осмотров, Селена взглянула на него:

– Я бы не смогла сделать это без тебя.

Наклонившись, Трэз коснулся ее губами:

– Хорошие новости в том, что тебе и не придется.

Вместе они вошли в больничное пространство. В тот же самый момент Селена почувствовала, что задыхается, запах химикатов и натертые до блеска поверхности снова лишали ее присутствия духа. И ощущение удушья возросло еще больше, когда Док Джейн и Мэнни выпрямились за монитором компьютера и нацепили на себя одинаковые профессиональные улыбки.

– Ха, плохие новости, – сказала Селена. Когда оба врача начали увиливать, она перебила их. – Пожалуйста. Уважьте меня и мое время тем, что не станете тратить слова впустую, пытаться приукрасить правду. Расскажите мне, о чем поведало вам мое тело.

– Мы обнаружили некоторые изменения в суставах. – Док Джейн отступила назад. – Везде, где делали рентгеновские снимки.

Что ж... эти слова осадили Селену. Даже несмотря на то, что она ждала именно такого ответа.

Врачи по очереди принялись давать пояснения, а Трэз кивал в ответ, будто следил за ходом разговора. Но Селена сосредоточилась на помещенных рядом для удобства сравнения двух изображений на экране компьютера: один снимок был сделан сразу после последнего приступа... а другой – часами ранее. С разницей не более чем два дня... сейчас в пространстве между костями на сочленениях присутствовала серая дымка.

– Кажется, будто оно активировалось, – сказала Док Джейн. – Может, это защитная реакция твоего организма?

– Как долго? – спросил Трэз.

– Мы не знаем. – Потянувшись вперед, Мэнни отрегулировал контрастность монитора, словно что-то искал. – Мы предлагаем повторять снимки каждые шесть часов. Таким образом, мы сможем отслеживать, если изменения продолжатся.

– Сейчас ты испытываешь боль? – спросила Док Джейн.

– Нет.

– В случае необходимости мы можем дать тебе обезболивающее.

Трэз вмешался:

– Мы можем попробовать какие-нибудь препараты?

Дражайшая Дева Летописца, казалось, будто ее мозг отключился.

– Ну, мы это обсудили, – Мэнни взглянул на Джейн. – Мы в тупике.

Слово взяла Док Джейн:

– Мы думали о противовоспалительных. Применение пероральных стероидов видится проблематичным, поскольку они подавляют иммунную систему, и непонятно до какой точно степени приступы сдерживаются защитной реакцией твоего организма.

– В твоей крови обнаружено большое количество лейкоцитов, – вклинился Мэнни. – Что говорит о том, что сейчас в твоём организме совершенно точно что-то происходит.

– А инъекции стероидов в суставы, даже если и вводить их в самый крупный из них, станут лишь частичным решением проблемы. – Джейн провела рукой по своим коротко стриженным волосам. – Логика подсказывает начать с НПВП^[101], сходных по силе с Мотрином.

– Отрицательных побочных эффектов не много, – произнес Мэнни ей в тон.

– К слову, они способны облегчить любую боль, но также сработают и в качестве противовоспалительного, не влияя при этом на твой иммунитет.

Закрыв глаза, Селена пожелала оказаться где-нибудь в другом месте. Хотела бы стать кем-нибудь другим.

Думать о том, что весь особняк полон людьми, которые не боятся не проснуться на закате.

Не то чтобы она завидовала их счастью. Совсем нет.

Она просто хотела быть членом клуба.

Еще больше разговоров, но сознание Селены покинуло клинику и больничную беседу. Вместо этого, она снова вернулась в комнату Трэза, воспроизводя сцену сокрушительного беспорядка, который, в конечном счете, сблизил их сильнее.

Трэз был прав. За прошедшие сорок восемь часов они прожили целую жизнь.

– ... как думаешь? – спросил у нее Трэз.

– Что, прости? – пробормотала Селена.

– Что ты об этом думаешь? Попробуешь эти таблетки? – Когда Селена промолчала, Трэз наклонился к ней. – Ты в порядке? Тебе нужно время?

– Мне нужно приготовить тебе ужин, – выдала Селена. Но затем одернула себя. – Простите, да, конечно, я приму все, что вы решите мне дать. Но потом... После заката солнца я хочу приготовить тебе ужин. На вилле Ривенджа. И чтобы поблизости никого не было.

Трэз слегка улыбнулся.

– Хорошо. Хочешь спланировать сегодняшнее свидание – так тому и быть, моя королева.

Глубоко вздохнув, Селена кивнула врачам:

– Именно это я и хочу сделать. А затем я хочу прокатиться на лодке.

Оба врача ответили согласием, и, дотронувшись до ее рук и плеч, попросили поберечься, за что Селена действительно была им благодарна. Это давало ощущение, что она не какая-то машина, которую они ремонтируют, а человек, которого они любят и о ком заботятся. Пару минут спустя ей в руку вложили оранжевый пузырек с белой крышкой и дали инструкции, которые прошли мимо нее.

Снова кивания. Снова слова благодарности. А затем они с Трэзом ушли.

Подождав пока за ними захлопнется дверь, Селена спросила:

– Ты что-нибудь слышал? Что мне нужно с этим делать? – Столкнувшись с пластиковыми стенками, таблетки загрохотали. – О, здесь этикетка.

– Я все запомнил, – приобняв ее за плечи, ответил Трэз. – Пойдем.

И повел Селену назад к офису. Обрато через шкаф, в пахнувший сыростью, бесконечно длинный туннель.

– Могу я сказать тебе кое-что?

Селена посмотрела на него.

– Конечно. И я обещаю, что больше не буду швыряться лампами, не то, чтобы они здесь были, но все же.

– Ты можешь кидаться чем угодно. – Трэз остановился и повернулся к ней лицом, откидывая ее волосы назад. – Ты самый храбрый человек из тех, кого я знаю.

Селена расхохоталась:

– Ладно, прекрати издеваться над умирающей, хорошо?

– Я серьезно. И не говори так.

– Ты живешь в одном доме с Братством. Это они самые храбрые люди расы.

– Нет, – прошептал Трэз.

Он пристально смотрел на Селену, и восхищение, читаемое на его лице... просто

ошеломляло. Но все это было неправильно.

– Трэз, я в ужасе от всего этого. – Селена приподняла пузырек. – Я боюсь их принимать. Я боюсь идти спать...

– Ты очень храбрая...

– Я боюсь готовить тебе ужин. – Она подняла указательный палец вверх. – И чтоб ты знал, тебе тоже стоило бы бояться. Я не могу приготовить даже тост. А это всего лишь хлеб. В тостере. Насколько трудно это может быть... и все же моими стараниями все буханки сгорают.

Трэз покачал головой:

– Храбрость не значит, что ты не боишься. – Наклонившись, он поцеловал Селену. – Боже, я так люблю тебя. Люблю так сильно. И буду любить вечно.

Обхватив его руками, Селена крепко обняла его, и, быть может, вытерла слезы о его рубашку.

– Хорошо, ты думаешь, что я храбрая... тогда ты самый большой романтик, которого я когда-либо знала, видела или слышала.

Настала очередь Трэза смеяться, и этот глубокий рокот под ее ухом звучал прекрасно.

– Да. Ага. Хорошо.

Прижимаясь к его телу, Селена сказала:

– На всей планете нет ничего более романтического, чем любить человека всем своим сердцем, даже зная, что он умирает.

Трэз затих.

– А как еще мужчина может любить достойную женщину кроме как целиком и полностью. Безмерно. И ни о чем не жалея.

Стоя в этом туннеле, на полпути от комплекса, на полпути к особняку, Селена подумала, как это было уместно... куда ни посмотри, туннель, казалось, уходил в бесконечность.

Они как раз находятся в самом сердце момента здесь и сейчас и должны принимать это во внимание.

– Мне не нужна церемония, чтобы сочетаться с тобой браком, – сказала Селена.

– Нет?

– Мы принесем друг другу клятвы прямо сейчас.

– Хочешь сказать, что не выйдешь за меня?

– А ты об этом просишь? – поддразнив, спросила Селена.

– Хочешь, чтобы я встал на одно колено?

Опустившись на пол, Трэз взял ее за руку:

– Селена, ты станешь моей *шеллан*? Моей первой и единственной? У меня нет кольца, но мы можем сходить за ним – так делают люди. К тому же, не знаю, я вроде как хочу подарить тебе что-нибудь дорогое.

Первая реакция Селены была привита ей во время обучения: скромный отказ, потом волнение и за ним – радость.

Но, говоря словами ее мужчины: Пошло. Оно. Все.

– С удовольствием. Я согласна на все: на церемонию, кольцо, вечеринку, на все. – Широко раскрыв свое сердце Селена впустила любовь. – Все!

– Вот моя королева, – пробормотал Трэз. – Именно об этом я и говорю.

Таким вот образом Селена... обручилась.

Наклонившись, чтобы поцеловать Трэза, она осознала, как это странно, что их парочку продолжает швырять туда-сюда между столь невероятно противоположными эмоциями. Но эта ситуация будто бы раскрывала все высоты и глубины, добавляя чувств и впечатлений через мегафон до тех пор, пока всего не станет слишком много, чтобы вместить.

– Итак, кольцо? – спросила Селена у его губ.

– Ага, кольцо.

Проведя руками по ее бедрам, Трэз погладил их движениями вверх-вниз.

– И может еще немного того, что нельзя купить в магазине.

– Что же это может быть? – протяжно произнесла Селена.

– О, ты знаешь. Я просто обязан показать тебе это наверху...

– Ага, я слышал, как вы целый день спорили.

айЭм посмотрел в зеркало, висевшее над раковиной в ванной комнате. Его брат стоял позади, в дверях его спальни. Одетый во все черное, Трэз словно сошел со страниц модного глянцевого журнала.

Очевидно, он снова намылился на свидание со своей женщиной.

– Звучит обреченно, – добавил айЭм.

– В первое время было тяжело, – Трэз вошел и сел на край джакузи. – Но мы это пережили. Я попросил ее руки.

– Поздравляю.

– Спасибо.

Взяв барбасол^[102], айЭм нажал на дозатор, а затем похлопал себя по щекам и подбородку.

– Как она?

– В порядке.

айЭм знал, что парень лжет. Все признаки были на лицо, в том числе самый главный – брат избегал его взгляда.

– Что у тебя на уме?

Трэз по очереди хрустнул костяшками пальцев.

– Она не хочет, чтобы ее останки были... ну, чтобы она оказалась там же, где ее сестры. – Трэз указал на потолок, имея в виду совсем не небеса. – То есть, ну ты понял, когда придет время, я думаю о том, как захоронить...

Когда низкий голос вдруг надломился и стих, айЭм забыл о своей бритве, и, затянув потуже полотенце на талии, подошел и сел рядом с братом.

– Дерьмо.

Трэз потер руками лицо.

– Да, подходящее слово. В любом случае, я думал о том, чтобы подготовить для нее погребальный костер. Люди Рива помогут мне. Так что, она будет... – Он откашлялся. – Она будет свободна. Она хочет обрести свободу в конце. Ну, ты понял.

айЭм покачал головой.

– Невыносимо, что тебе приходится через это проходить.

– Мне тоже. Похоже, я родился под несчастливой звездой.

– Что я могу для тебя сделать?

– Ничего. Выслушай и прости, если сболтну что-нибудь лишнее или поведу себя неадекватно. Просто стресс выносит все мозги.

Они сидели бок о бок, в тишине – потому что порой это все, что ты можешь сделать для близкого человека. Некоторые дороги необходимо пройти в одиночку. Вот такая хреновая жизнь.

айЭм хотел спросить, как долго. Но это главный вопрос, на который никто не мог дать ответ.

– У вас будет церемония? – спросил айЭм.

– Не думаю, что она захочет. Я плохо разбираюсь в похоронах Избранных...

– Я говорил о свадьбе.

– А, точно. Да, думаю, да. – Трэз хлопнул себя по коленям и поднялся на ноги. – Мне пора. Я отвезу ее в город и куплю кольцо. Я хочу надеть ей на палец звезду с неба. А потом она приготовит мне ужин в поместье Рива на севере.

– Звучит неплохо. – айЭм посмотрел на парня. – Послушай, меня это, конечно, не

касается...

– Тебя касается все. Ты – мой кровный брат.

– Селена знает о том, что происходит в с'Хисбе? О твоей... ситуации с Принцессой?

Трэз пожал плечами.

– Я рассказал ей. Недавно. Но об этом я сейчас не думаю.

Боже, на траур ему останется всего лишь пару дней. А потом...

Один сплошной кошмар, подумал айЭм. Его брат был прав.

– Послушай, – сказал айЭм. – Я от тебя на расстоянии телефонного звонка. Если что-то понадобится, просто набери мой номер.

– Спасибо, брат.

Они хлопнули по рукам, и Трэз безрадостно улыбнулся. – Ты похож на Санта-Клауса.

И с этими словами покинул помещение.

айЭм еще какое-то время оставался на месте, от долгого сидения на неровном выступе края мраморной ванны ему казалось, словно по заднице методично лупили дубиной.

Самое грустное – Трэз больше думал о похоронной церемонии, нежели о свадебной.

Мгновенье айЭм подумывал отменить собственное... свидание. Или как еще можно было назвать эту встречу с майкен. Но он мог держать руку на телефоне и в ее компании.

Обнаженной компании.

айЭм встал, подошел к раковине, схватил свой «жиллет»^[103] с сотней супер-пупер лезвий и начал избавляться от сходства с Сантой. Его мутило от чувства вины, которое он испытывал при мысли, что собирается заниматься сексом, в то время как его брат страдает.

Вся его жизнь была посвящена заботе о брате, и думать о себе и своих желаниях – словно двигать конечностью, закованной в гипс десятки лет. Неудобно, неуверенно, опасаясь, что кости не выдержат вес.

Но он чувствовал примерно то же, что и Трэз... словно оставалось совсем мало времени, прежде чем все изменится, и не в лучшую сторону.

Трэз, возможно, не хотел об этом думать. Но время расплаты с с'Хисбе настанет в любом случае, признаёт он это или нет. Их родители лишились общественного положения и несправедных доходов, по существу, от продажи Трэза Королеве. Больше на этом фронте рычагов воздействия не было, даже если их родителей замучают до смерти. И это должно было случиться девять месяцев назад? Никакой мотивации ни для Трэза, ни для него самого. И в с'Хисбе, должно быть, уже поняли это, потому угрозы и прекратились.

Сложно переживать за людей, которые на всю жизнь заключили тебя в тюрьму ради высокого положения при дворе.

айЭм был уверен только в одном – как только подойдет время ритуального бракосочетания, Королева поднимет ставки. А это означало, что и ему, и Трэзу придется вести себя крайне осторожно.

Наверно, лучше проводить свидания неподалеку от дома. Или же в самом особняке.

Черт, Трэзу это точно не понравится.

* * *

– Мммммм.

Трэз замурлыкал, как огромный кот, и стоящая у гардеробного шкафа Селена развернулась к нему лицом. Он материализовался позади нее, и, скрестив руки, облокотился всем телом о дверной косяк.

– Нуу привет, – сказала она.

– Мне нравится то, что на тебе одето.

– На мне ничего нет.

– Именно.

Он шагнул вперед, развернул ее и притянул к себе.

– Позволь мне.

Его поцелуй был напористым, Трэз прижался к ней бедрами, и его возбуждение как бы намекало, что они, скорее всего, опоздают.

Селена засмеялась и толкнула его в грудь.

– А разве мы не должны быть у ювелира через полчаса?

– Да пофиг.

Как будто она смогла бы ему отказать.

Обняв его за шею, она позволила себе расслабиться... насколько это было возможно. Даже после двойной дозы таблеток суставы болели, борьба в ее теле уже достигла той точки, где ведущая роль отводилась разуму, ощущения перестали быть плодом паранойи и превратились в настоящее адское бремя.

Хорошая новость? Ее накрыла похоть настолько сильная и всепоглощающая, что перебила все остальное.

Трэз поднял ее на руки и понес обратно к кровати. Аккуратно положив на спину, он крепко поцеловал ее, поглаживая грудь руками, пальцами лаская соски, бедрами толкаясь в ее тело. Когда она выгнулась под его весом, он оторвался от ее губ и начал медленно спускаться по ее телу вниз, к самому лону, медленно облизывая и посасывая кожу.

Селена выкрикнула его имя, когда он достиг своей цели, широко раздвигая для себя ее бедра, и отдалась навстречу ощущениям его влажного рта на своем лоне. Оргазм накрыл ее каскадом спазмов, удовольствие вибрировало сквозь тело, словно заполняя изнутри.

И все это время он смотрел на нее, не отводя глаз, накрыв ее грудь своими ладонями.

Селена решила, что на этом все, и значит, она успеет одеться.

Но нет, он продолжил, облизывая ее сверху до низу, лаская лоно языком, давая возможность видеть то, что он делал с ней. Как быстро порхала по телу его розовая плоть...

Селена металась по подушке, выгибаясь и сгорая от ощущений.

А Трэз все продолжал.

Где-то в глубине сознания мелькнула мысль, что он делал это не только для того, чтобы доставить ей удовольствие, но и чтобы сохранить воспоминание о происходящем: он не сводил с нее глаз, его оливковый взгляд бродил по ее лицу, горлу, груди и животу.

– Трэз... – простонала Селена, выгибаясь.

И вот он, наконец, оторвался от ее лона, навис над ней всем телом и сорвал с себя одежду. Когда рубашка развевающимся лоскутом упала на пол, а штаны последовали за ней – он просто сдернул их с себя – она улыбнулась.

И была полностью готова его принять.

Трэз подхватил ее под коленки своими темными руками, сгибая ноги и мягко разводя их в стороны. А затем обхватил ладонью член и приставил головку к самому центру ее лона. Поглаживая сверху вниз, он смотрел, как все блестит от естественной смазки там, где они вот-вот соединятся.

Усиливая нажим, он входил в нее и снова выходил, его ладонь словно выполняла работу его бедер. И каждый раз, когда головка выскальзывала на свободу, он впивался клыками в нижнюю губу, в плоть, которая всего мгновение назад ласкала ее.

По какой-то причине, она вспомнила свое обучение искусству эроса. Она была готова

выполнять свой долг, ей даже был интересен сам акт, но то, что происходило сейчас между ними, возможность выбрать самой, радость от того, что она отдавалась не потому, что ее этому учили и связали обязательствами, а потому, что она любила его и только его... все это было так восхитительно и намного важнее того, к чему когда-то готовило ее положение.

В конце концов, его контроль дал трещину, и Трэз со стоном вошел в нее по самое основание. Приподнявшись на руках, он двигался на ней, его взгляд путешествовал по ее лицу, пока он не наклонил голову и не поцеловал ее.

Вскоре его движения стали еще более жесткими и резкими, и Селена протянула к нему руки, поглаживая его поясницу, ягодицы, бедра.

Когда он кончил, она еще очень долго ощущала его оргазм.

Он все длился, его дыхание сбилось, ее имя срывалось с губ, словно его душа разрывалась на части. А бедра все еще двигались, член входил в ее тело, а потом Селена снова кончила, но уже вместе с ним.

Трэз рухнул на нее, и она обняла его руками. Он был настолько большим, что она едва смогла обхватить его широкую спину.

Он, задыхаясь, стонал в ее волосы. В ее горло.

– Я так люблю тебя, – это все, что он мог сказать.

майкен прокралась в ритуальную комнату и, прежде чем снова покинуть дворец, проверила, чем занята ее мать. Королева все еще сидела в траурной позе, облаченная в красные одежды, в которые ее еще прошлой ночью переодели слуги.

Казалось, ничто не мешает еще одному побегу.

На цыпочках ступая по мраморному полу, она направилась к угловому шкафу, открыла дверь и...

– *Ты думаешь, я не узнаю тебя?* – послышались слова на диалекте Теней.

майкен замерла.

– *Ты обманула всех, но не меня. Я хорошо знаю плоть от плоти моей.*

Закрыв дверь, майкен упала в приветственную позу, скрестив руки на груди и положив ладони на плечи, опустилась на колени и пала ниц.

– *Моя Королева.*

– *Я позволяю тебе свободно передвигаться по дворцу.*

– *Благодарю, моя Королева,* – сказала она, уткнувшись в мраморный пол.

– *Не злоупотребляй моей добротой.*

– *Ни в коем случае, моя Королева.*

– *Как мне кажется, ты уже это сделала.*

– *Моя преданность, как и мое служение, принадлежит Вам и только Вам.*

– *Я могу в любой момент занять такую же, как ты, если захочу. Ты заменима, как и все остальное в моем мире. Никогда не забывай, что я – солнце, вокруг которого вращается вся галактика, и я могу изменить твою судьбу в мгновение ока.*

Мать повернула голову к ней, красные одежды жгутом обернулись вокруг ее тела, и сейчас она напоминала какую-то злую сущность. А затем Верховный Жрец АнсЛаи и Главный Астролог вошли в комнату из потайной двери.

майкен затряслась под одеждой, и, следуя инстинкту самосохранения, заблокировала разум, повторяя в голове слово «майкен» снова и снова. Если мать или двое советников проникнут в ее мысли и последние воспоминания, ей придется опасаться не только за свою жизнь, но и за жизнь айЭма.

Знала ли обо всем ее мать?

– *Прошу простить меня, но я должна помолиться, Ваше Святейшество,* – кротко проговорила она, словно какая-то прислужница.

– *Молись. И в состоянии благоговения задумайся о хрупкости жизни.*

майкен выбежала из священной комнаты и поспешила по залам в свою клетку. Закрыв за собой дверь, она тяжело задышала, легкие горели, а руки дрожали, когда она сорвала с головы капюшон.

Ее пощадил, осознала она, только потому, что ее мать посчитала видимые приличия более важным, чем наказание дочери, которая решила удариться в бег: если обнаружится, что принцесса скомпрометирована связью с простолюдином, ну или даже с кем-то из Знати, это негативно скажется на репутации Королевы.

На мгновение майкен подумала остаться в комнате, но поняла, что такого случая больше может не представиться. Траур вскоре закончится всенародной церемонией, где Знать и остальной люд присоединятся к Королеве в ее «скорби», до этого носившей сугубо личный характер.

А после? Особенно с учетом того факта, что мать была в курсе ее побегов из дворца, и

предстоящее замужество? Покинуть Территорию уже будет невозможно.

Скорее всего, она даже не сможет покинуть свою комнату.

Она должна увидеть айЭма, тем более, если это будет в последний раз.

Погасив освещение над головой, она сняла украшения с шеи и запястий и положила их на прикроватный столик. Как и предыдущей ночью, она сообщила слугам, что ей нужно уединение, и она вызовет их, когда решит передохнуть.

Таким образом, у нее было немного времени.

Закрыв глаза, она...

...воспарила в воздухе как призрак, находя вентиляционные шахты и через них вылетая на свежий воздух.

Она не знала, где находится Колдвелл. Она видела карту. Но в реальности найти город и расположение в нем одного конкретного дома казалось сумасшедшей по сложности задачей.

Но потом она подключилась к отзвуку собственного я, своей крови. Он был намного сильнее, чем она ожидала, настоящий маяк, который вел ее сквозь плотные здания мегаполиса, высокие шпили из стекла и стали, этот техногенный лес среди асфальтового и кирпичного пейзажа с мелкими вкраплениями зелени.

Следуя за отзвуком, она поняла, что направляется на совершенно определенную террасу среди множества схожих, в одном из самых высоких сооружений – и прибыв, она не стала сразу принимать осязаемую форму. Она оставалась в тени, притаившись на маленьком крыльце у стеклянной стены.

Внутри жилища айЭм поднял взгляд, словно мгновенно почувствовав ее присутствие. Шагнув вперед, он сдвинул массивную дверь в сторону.

– Ты пришла, – сказал он.

Собрав свои рассыпавшиеся молекулы воедино, она вновь приняла телесную форму. И лишь тогда холодный ветер с реки проник под ее одежды, будоража ткань и пробираясь до самых костей.

– Входи, – произнес мужчина. – Тебя надо согреться.

Она не знала, что сказать, когда перешагнула порог, и ледяные порывы исчезли за закрытыми дверьми.

– Что случилось?

Она не знала, как у него получалось понимать ее чувства так хорошо, ведь ее лицо было укрыто вуалью.

И в самом деле... она должна рассказать ему всю правду. Даже если это разрушит связь между ними... да и разве будет по другому? Она соблазнила его, и он взял ее первым, он, а не его брат. Она была той женщиной, которую, по его собственному признанию, он ненавидел долгое время, за то, что она разрушила жизнь его брата.

– майкен?

Она долго смотрела на него, пытаясь найти слова. Как начать? И почему она впустую потратила дневные часы, фантазируя о нем, когда должна была готовить обличающую себя речь?

Она еще мгновение подумала.

– Ничего, – сказала она, стараясь держать голос ровно. – Здесь так мило.

По крайней мере, последнее не было ложью. Пол вокруг был цвета медового золота, белые стены и элегантная мебель в огромном открытом пространстве смотрелись дорого и необычно.

– Ты голодна? – спросил он ее... и оказался очень близко.

Подскочив от неожиданности, она посмотрела через плечо. Он нависал над ней, его тело, казалось, чего-то ждет.

Секса.

Но нет, сказала она себе. Им надо поговорить. Она должна была открыться ему; в противном случае, страсть, которую айЭм испытывал по отношению к ней, была лживой манипуляцией, в которой виновна она одна.

– Ты, – прорычал он тихо, и шагнул еще ближе. – Голодна?

Она облизнула губы под вуалью.

Он прижался к ней бедрами, его возбужденная крупная плоть чувствовалась сквозь разделявшую их тела ткань.

Еще будет время, сказала она себе. Она все расскажет ему потом.

Чувство вины было сильным. Но похоть еще сильнее.

– Да, – выдохнула она. – Но мой голод не имеет к еде никакого отношения.

Он словно прочел ее мысли, и освещение, что шло с потолка, погасало, эффективно прикрывая их от любых вольных и невольных зрителей.

– Я собираюсь снять это, – он стиснул зубы, словно ненавидя ее капюшон.

Внезапно, ей стало легче дышать, видеть, обонять.

Из его горла вырывалось урчание, и было в нем что-то животное, но руки не были грубыми, когда он притронулся к ткани на ее голове. Вес исчез, как и легкая оболочка.

Она стояла перед ним обнаженная.

Он в благоговении провел своими руками по ее плечам и груди. Прижимая ее к себе крепче, он попробовал на вкус один сосок, потом другой, поглаживая, посасывая – о да, это было прекрасно. Ее ноги ослабли, и он, будто почувствовав это, подхватил ее на руки и вынес из светлой и просторной комнаты, по коридору, в спальню с большим высоким матрасом, который казался мягким, как облако.

– Вот так я хотел сделать это прошлой ночью, – сказал он, положив ее на мягкую поверхность.

Откуда-то шел свет, наверное, из одной из ванных комнат, и благодаря этому тусклому освещению, она могла наслаждаться выражением его лица: айЭм смотрел на нее с таким восторженным вниманием, что она чувствовала себя красивой без каких-либо лишних слов.

Его большая ладонь легла между ее ног.

– Я хочу познать тебя всю.

– Я предлагаю тебе свое тело, – сказала она хрипло. – Делай со мной все, что пожелаешь.

* * *

Рейдж был на полпути через Гудзон, направляясь в другую часть Колдвелла на своем ГТО, когда ощущение удушливости и головокружение накрыли его словно тонной кирпичей.

Проглотив порцию желчи, он опустил стекло и выключил обогреватель. Не помогло. Примерно милю спустя, он чуть не съехал на обочину.

– Соberись, тряпка.

Совсем расклеился. Да что с ним такое? Он не был ранен, и с нетерпением ждал, когда выведут на чистую воду Эссейла и его зеркальных кузенов-близнецов. Скоро он увидится со своей возлюбленной шеллан и прокатит ее на своей любимой машине. Жизнь была чудо как хороша, как ни крути.

Ему просто надо взять себя в руки.

На этой ноте он крепче сжал руль и начал выстукивать легкий ритм свободной ногой.

Близко. Он был уже так близко.

Может, ему просто надо быстро обнять свою Мэри.

Клинику Хейверса перенесли в новое, ультрасовременное место, и Рейджу довелось бывать там пару раз: первый, когда он получил ранение в живот, и времени ехать в особняк Братства не было, и еще один раз, когда надо было забрать оттуда Мэри, которая приезжала навестить женщину и ее маленького сына. Может, и больше. Он не помнил.

Рейдж, наконец, добрался до поворота, проклиная отдышку. Если все продолжится теми же темпами, ему понадобится медицинская помощь.

Может, это вирус. Человеческие вампиры не цепляют, раком, слава Богу, тоже не болеют, но запросто можно подхватить простуду или грипп и заразить потом всю семью.

Наверное, так и было.

Не иначе.

Когда свет фар ГТО, наконец, скользнул по глухому, серому бетону, Рейдж почувствовал, как что-бы-там-ни-было слегка отпустило его, и это стало приятным сюрпризом. По крайней мере, он не встретит свою Мэри, сидя с застывшим, устремленным в одну точку, придурковатым взглядом.

Выйдя из машины, он подошел к багажнику и поднял вверх темно-фиолетовую панель.

При виде сумки Мэри, которую он сам упаковывал, вернулись все симптомы: голова закружилась, вспотели ладони – словно он и не стоял на холодном ветру в одних кожаных штанах и майке.

– Хватит с меня этого дерьма. – Он схватил сумку за ручки и закрыл багажник. – Ты должен взять себя в руки.

Подойдя к невысокому зданию, он вошел в неприметный холл и прошел процедуру проверки. Мгновение спустя за ним пришел лифт. Как и множество вещей, которым приходилось по мере необходимости работать в дневное время, новейший объект Хейверса полностью располагался под землей, верхняя часть служила лишь прикрытием, отсекавшим посетителей от возможных проблем.

Таких как люди. Или убийцы.

Вниз под землю. В комнату ожидания. Выходя в приемную, он задался вопросом, как он будет искать...

– О, Боже, ты уже здесь.

Его Мэри кинулась к нему так, словно за ней кто-то гнался, и когда она прыгнула в его объятия, он бросил эту чертову сумку, закрыл глаза и обнял ее так сильно, что казалось поразительным, что она все еще могла дышать. Но, когда она сказала, *о, Боже...*

Ее запах, ощущения ее тела, когда она обняла его шею руками сильно-сильно, все это было как живительный глоток воды в пустыне, который подпитывал и возвращал силу.

– Я так скучала по тебе, – прошептала она ему на ухо. – Очень-очень сильно.

Не желая ставить ее на пол, он наклонился и поднял сумку, а затем понес Мэри и сумку с одеждой в дальний угол, подальше от глаз сотрудницы регистратуры.

Которые сосредоточились на их паре, словно в этот самый момент женщина прописывает в голове романтические этюды.

В любом случае, его это не раздражало, но он не собирался транслировать свое воссоединение с любимой всему миру.

Устроив Мэри у себя на коленях, он погладил ладонями ее руки, а затем потянулся за поцелуем, прижимаясь к ее губам, словно скрепляя печатью их воссоединение. Но, не доверяя самому себе, он быстро прервал поцелуй.

Слишком много поцелуев, и он завалит ее прямо у всех на глазах.

Хэйверс, привет-привет.

Его Мэри улыбнулась и провела рукой по его волосам.

– У меня такое чувство, будто я не видела тебя целый год.

– Аналогично, только для меня прошло почти десять лет.

Да, он же сейчас задышит, высунув язык, как ручной песик. Охренеть.

– Ты в порядке? – спросила она.

– Нет, я практически зачах. Я не ем, не могу уснуть, и у меня такое чувство, будто кто-то подсыпал чесоточный порошок мне в трусы.

Она рассмеялась.

– Все так плохо? Боже, я ведь не должна чувствовать себя польщенной?

Наклонившись, он тихо сказал:

– И я натер мозоли на левой ладони.

– Чем же? – протянула она.

– А ты как думаешь? – Он уткнулся носом ей в шею. Потерся о вену. – Я должен был занять себя чем-то на нашем супружеском ложе. И в душе. И один раз в кладовке.

– В кладовке? Внизу?

– Там лежал молодой картофель к Последней Трапезе. Он напомнил мне о твоём обнаженном теле.

Она снова засмеялась, и Рейдж закрыл глаза, позволяя радости резонансом отдаваться в пустой болезненной голове.

– Как такое возможно вообще? – спросила она.

– Картофелины похожи на грудь.

– Совсем не похожи!

– Я не говорю, что они похожи на красивую грудь. – Он поцеловал ее в ключицу. – А вот твоя грудь, между прочим, самая совершенная из всех, что я когда-либо видел. В моей жизни. В моей другой жизни. Или как это еще назвать.

– Ты в таком отчаянии, что у тебя встает на углеводы?

– Ну, картошка же крахмал, да? И на самом деле, в кладовке я помог себе аж два раза. Потому что после того как я кончил в первый раз, я понял, что стою рядом с консервированными персиками. – Он украдкой положил руку ей на бедро. – Можешь представить, о чем они заставили меня фантазировать.

Ооооо, да, подумал он, почувствовав, как изменился ее запах, ее возбуждение словно раскалило воздух вокруг них.

Рейдж резко откинулся назад.

– Эй, у тебя есть минутка?

Мэри откашлялась, словно пытаясь сосредоточиться.

– Да, конечно. Какая-то проблема?

– Хочу показать тебе кое-что в своей машине.

– Ты на GTO?

– Я должен был привезти тебе вещи, ну и подумал, что могу взять ее.

– Как мило. – Вставая на ноги, она потянулась так, что ему захотелось погладить ее грудь. – На самом деле, мне хотелось бы немного подышать воздухом. Мне не мешает перерыв.

Когда они проходили мимо регистратуры, он поставил сумку на стойку.

– Не против, если мы оставим это здесь минут на десять?

Регистратор молча кивнула, будто проглотила язык. И чувство равновесия тоже хромало, потому что когда она откинулась назад, то чуть не промахнулась мимо спинки кресла и не свалилась на пол.

Возле лифта Мэри прошептала:

– Я думаю, ты ей нравишься.

– Кому?

– Регистратору?

Наклонившись, он ответил:

– С тем же успехом на ее месте мог оказаться пылесос, до такой степени мне все равно. При всем уважении, не хочу ее обидеть.

Когда двери открылись, эта маленькая, еле заметная улыбка на лице его Мэри была словно подарок от Бога.

Они поднимались и поднимались вверх, затем вышли на поверхность, и он, словно прикрывая своим телом, обнял ее за плечи и повел к ГТО. И, какая удача, он припарковал машину в затемненном углу, вдали от фонарей, и это было просто идеально.

Открыв водительскую дверь, он откинул спинку сидения вперед, освобождая путь к заднему сидению.

Мэри нахмурилась, но наклонилась и села назад. Он присоединился к ней, закрыл дверь и порадовался, что буквально недавно все же затонировал стекло.

– Что такое? – спросила она. – Что происходит?

Он взял ее руку и положил на твердеющий член.

– Это.

– Рейдж! – засмеялась она. – Ты привел меня сюда просто для того, чтобы...

Он начал целовать ее, обнимая за талию.

– Манипулятор. Ты знала это, когда выходила за меня замуж.

Когда она поцеловала его в ответ, и он, и его Зверь застыли в радостном предвкушении. Рейдж действовал быстро, потому что не хотел, чтобы их кто-нибудь спалил. Он не был против секса в полу-публичном месте, он просто не хотел разорвать горло какому-нибудь невинному сукиному сыну, который придет за пластырем, а в итоге будет наслаждаться видами или звуками того, чем они решили тут заняться.

К слову о вавках-бо-бо.

Он помог ей снять одну брючину и посадил на колени прежде, чем расстегнуть ширинку.

Наконец-то.

Когда он вошел в нее слишком резко, Мэри выругалась... и ударилась головой о крышу авто.

– Вот черт, извини, – простонал он.

– Да мне все равно, – сказала она, прижимаясь ртом к его губам. – Я так сильно тебя хочу.

Трээз припарковал Порше Мэнни перед ювелирным магазином «Маркус Рейнхардт». Самая старинная ювелирка в городе, благодаря внушительному ассортименту о ней писали в «Нью-Йорк Таймс» и даже в «Робб репорт»^[104].

Внушительный в плане каратов.

Он посмотрел на Селену:

– Готова?

– У меня никогда не было кольца.

– Серьезно?

Она кивнула.

– В Сокровищнице когда-то были драгоценности, – она вдруг замолчала. – В Сокровищнице есть драгоценности, но, будучи Избранными, мы не носили никаких украшений, кроме нашей жемчужины – и то, на самом деле, она никогда нам не принадлежала.

– Еще один печальный факт, насколько я могу судить, – сказал он, открывая дверь.

И его он собирался исправить сегодня же вечером. Обойдя машину, Трээз открыл дверь для нее, и, когда Селена протянула свою красивую ручку, он подхватил ее и поддался желанию наклониться и поцеловать запястье. Затем он осторожно поставил свою женщину на ноги и галантно предложил локоть.

Когда она взяла его под руку, у него возникло чувство, что это не простой жест вежливости, а нечто необходимое им обоим.

У нее возникали трудности при ходьбе.

Огромная железная дверь сама распахнулась перед ними еще до того, как они подошли.

– Мистер Латимер, рад приветствовать Вас.

Перед ними стоял человек в строгом костюме, с опрятной шевелюрой и аккуратно подстриженной бородкой. Благодаря благородному акценту и красиво сложенному карманному платку он больше напоминал директора по кастингу в Голливуде, нежели торговца обручальными кольцами.

– Спасибо, что открылись специально для нас, – сказал Трээз, пока они пожимали друг другу руки. – Это моя невеста, Селена.

– Приятно познакомиться, мадам.

Ого, даже королева оценила бы этот поклон.

Внутри все было подготовлено для приватной демонстрации, и Трээз вдруг почувствовал, что ему действительно все это чертовски нравится. Кейсы, заполненные драгоценными камнями, мерцающими в свете специальных ламп, словно радовались их с Селеной визиту. В серебряном ведерке охлаждалось шампанское, а рядом поджидала пара хрустальных бокалов.

– Не желаете «Вдовы Клико»? – они услышали вопрос.

– Пожалуй, нет, – ответил он. – Селена?

Она приподняла подбородок, словно решительно настроилась наслаждаться происходящим.

– Да, с удовольствием.

– Два бокала, – исправился Трээз.

Хлопнула пробка, зашипел напиток. Налито и подано.

Они чокнулись.

– А сейчас перейдем к делу.

Мистер Рейнхардт повел их в отдельную комнату, в углу на потолке которой была установлена видеокамера.

– Мистер Перлмуттер передал мне ваши пожелания, я взял на себя смелость и приготовил вашему вниманию этот поднос.

Ииии, вот они, бриллианты.

В черных бархатных ячейках сидели бриллиантовые кольца, словно прилежные ученики, готовые по первому вызову выйти к доске.

Он ощутил вздох Селены, словно одобряющее похлопывание по спине.

– Тебе нравится что-нибудь? – спросил ее Трэз.

Селена примеряла каждое, надевая кольцо на подходящий по размеру палец и крутя запястьем под светом ламп. И завершающий маневр – вот они все на ней, около двадцати штук на всех десяти пальчиках.

– Сколько за все это? – спросил он лениво и отхлебнул шампанского.

– Несколько миллионов, – ответил мистер Рейнхарт.

Селена мгновенно побледнела и опустила руки.

– Что?

– Несколько миллионов, – повторил ювелир.

– Сколько стоит все это? – спросила она. А когда сообщили стоимость камушка на ее мизинце, воскликнула: – Дражайшая Дева-Летописица!

Последовал неловкий момент, когда Трэз пожалел о том, что вообще открыл рот.

– Селена, цена для меня не имеет значения...

– А должна! – Она начала снимать кольца с бешеной скоростью. – Я провела немного времени на этой стороне, но о человеческих деньгах я кое-что знаю.

– Не оставите нас на минутку? – спокойно попросил Трэз. – И можете забрать кольца с собой, если беспокоитесь об их сохранности.

– Вы давно заслужили доверие, мистер Латимер. – Человек встал в своих начищенных ботинках. – Не торопитесь.

В ту секунду, когда за человеком закрылась дверь, Селена повернулась к нему.

– Трэз, я не хочу, чтобы ты тратил на меня такие деньги.

– Почему?

– Это все пустое. Я же не буду носить это кольцо вечно.

Он резко выдохнул, словно кто-то ударил его в грудь.

– Да, конечно. Ты на самом деле ошибаешься, если думаешь, что я пытаюсь купить время за деньги. – Он сцепил ладони. – Я хочу, чтобы у нас все было, как положено. Я хочу... Я просто хочу, чтобы у нас был этот опыт, хорошо? Прямо сейчас, прямо здесь. – Он жестом показал на стол. – Это наша бесконечность. Это происходит прямо здесь, прямо сейчас. Так что давай подберем тебе кольцо с самым большим камнем и пару сережек в пару. Давай просто скажем смерти, чтобы она шла в задницу, окей?

Она заморгала.

– О, Трэз...

Он взял одно из колец, что она кинула обратно на бархатной лоток и надел ей его на палец.

– Давай, скажи это со мной.

– Сказать что?

– Да пошла ты, смерть.

– Трэз, не сходи с ума...

– Эй, если есть хоть малейший шанс, что старуха с косой нас сейчас слышит, я думаю, что она должна знать, насколько мы ее ненавидим. Давай, моя королева, скажи это вместе со мной. Смерть, пошла ты в задницу.

Она свободной рукой прикрыла улыбку.

– Ты сумасшедший.
– Вот ты меня удивила. И хватит изворачиваться. Да пошла ты, смерть! – Когда она тихо проямлила эти слова, он покачал головой. – Нет уж. Громче. Пошла ты, смерть!
Селена засмеялась.
– Это не смешно.
– Не могу не согласиться. – Трэз улыбнулся и кивнул ей, по-прежнему удерживая кольцо в верхней части ее пальца. – Все вместе, представь, что она может нас услышать.
– Пошла ты, смерть! – прокричала она. Затем широко улыбнулась. – *Пошла ты, смерть!*
Он вернул кольцо на место и откинулся назад, любуясь мерцающим блеском камней. – Ты знаешь, мне очень нравится вот это.
Селена посмотрела на свою руку, на камень грушевидной формы, размером с виноградину.
– О... Боже. Он такой большой.
– Мне нравится, как это звучит.
Они оба засмеялись, и он положил ладонь ей на затылок, притягивая к себе для поцелуя.
– Хочешь еще что-то примерить?
Она покачала головой.
– Нет, это идеальное. Хочу именно его.
Вытянув перед собой руку, Селена сделала то, что делают все женщины, когда одевают красивое кольцо – сложила губы бантиком и улыбнулась своим мыслям.
Господи, я так люблю тебя, подумал Трэз, ты идеальна, самая достойная женщина.
– Ты уверен, что оно не запредельно дорогое?
– Цена не имеет значения, – он снова поцеловал ее. – Оно твое.

* * *

айЭм разделся со скоростью света. И оказавшись в чем мать родила, сразу же захотел накрыть тело майкен своим... хоть и понятия не имел, что делать с женщиной ниже пояса, но был готов непременно это выяснить.

Не получилось.

Все планы полетели коту под хвост, когда он получил доступ к телу, и его член коснулся ее лона, когда он устраивался на ней...

Этого было достаточно.

– Ты нужна мне, – он застонал, когда она провела руками по его спине сверху вниз.

– Так возьми меня.

айЭм заставил себя остановиться.

– Ты в порядке? После вчерашней ночи?

Боже, он не мог насмотреться в ее миндалевидные глаза, на черное облако волос на белой подушке, блестящую кожу. Она была для него бесконечным откровением, тем, что шокирует в самом хорошем смысле этого слова, каждый раз, когда он смотрел на нее.

– Я в порядке, – сказала она. – И я полна сил, благодаря твоей щедрой вене.

Ему так нравился ее акцент, диалект, на котором говорили в Территории, окрашивал ее английский в по-домашнему уютный оттенок...

Нет, напомнил он себе. Колдвелл был его домом.

Он втиснул руку между их телами и медленно направил член в ее лоно, словно желая убедиться, что не форсирует события.

В ответ, она впиалась ногтями в его кожу и выгнула спину, вжимаясь в него упругой грудью.

Его бедра двигались вперед и назад, трение отдавалось эхом глубоко в голове, словно он всю ночь пил, не просыхая. Сильнее, быстрее... пока майкен не кончила, сотрясаясь под ним всем телом, рука упала на кровать, цепляясь пальцами за одеяло.

айЭм просто продолжил двигаться в ней, снова и снова. А затем вынул член и быстрыми жестким движением руки довел себя до оргазма, кончая на ее лоно, живот, грудь.

Даже несмотря на то, что он прекрасно осознавал свои действия, часть его отказывалась признавать всю значимость происходящего.

Он не метил свою женщину.

Он просто... нет, он не делал этого.

Потому как если он это сделал? Если это было чем-то большим, нежели бурный секс с женщиной, которая ему чертовски сильно нравилась?

Тогда это ставит его в очень сложное положение. Тем более, что его брат не собирался возвращаться на Территорию для выполнения своего долга, и айЭму придется скрываться, чтобы избежать топора, занесенного над его шеей из-за единственных дорогих ему кровных уз.

Но, с другой стороны, сказал айЭм себе, когда рухнул на ее обнаженное тело, он ни в коем случае не метил ее.

Нет.

Ни в коей мере.

Они держались за руки всю дорогу домой.

Трэз вел Порше обратно в особняк, ни на минуту не разрывая контакт со своей королевой, поглаживая большим пальцем внутреннюю сторону ее ладони, играя новым кольцом, притягивая руку для поцелуя.

– Все были так добры, – пробормотала Селена, откинув голову на подголовник, яркие огни уличных фонарей бросали синеватые блики на ее лицо.

– Да. Хорошие люди.

Он подумал о своем брате. Рейдже. Ривендже. Смс пришло даже от Тора, который в свое время пережил то же самое. А еще Док Джейн. И Мэнни. И Элена.

– Они все так стараются помочь.

– Ага.

– Док Джейн и Мэнни работают круглые сутки, пытаясь найти решение.

– Да, – он снова поцеловал ее руку. – Так и есть.

– Ривендж обратился к своим людям.

– Да.

– И айЭм ходил на Территорию...

Трэз резко повернул голову:

– Что?

Она повернула голову к нему, глаза закрывались от усталости.

– айЭм ходил к Теням... – внезапно она нахмурилась. – Ай, ты делаешь мне больно.

Встряхнувшись, он отпустил ее руку.

– Прости. Я... что ты сказала?

Когда она повторила фразу в третий, мать его, раз, его сердце забилося. Стараясь, чтобы голос звучал спокойно, он спросил:

– Ты не знаешь, когда он там был?

– Нет, Док Джейн просто упомянула об этом, когда я была у нее на приеме. А тебя тогда мучила мигрень. Трэз, что случилось?

– Ничего, – он притянул ее руку для еще одного поцелуя. – Все нормально.

Оставшуюся часть поездки он разрывался от раздвоения личности... часть его была занята Селеной, а другая половина выслеживала айЭма, крича ему прямо в лицо... *о чем он вообще думал, гребаный ублюдок, подвергая себя такой опасности?!*

Ну или что-то подобное.

– ...переодеться перед выходом?

– Прости? – Он повернул направо, на дорогу, ведущую в горы. – Что ты сказала?

– Я хотела бы переодеться. Подготовка – дело грязное.

– Ты можешь быть голой. Я к тому, что так проще отмываться... я бы отнес тебя прямо в душ. Плюс, я бы мог слизывать крем, если он вдруг упадет на... ну ты поняла куда.

Она засмеялась.

– Холодно же.

– Тогда я могу обнимать тебя все это время.

– Тогда можно будет забыть об ужине.

– Не стоит недооценивать власть еды. – Он наклонился и поцеловал ее в плечо. – Все нормально. Все будет, как ты пожелаешь.

Когда в поле их зрения показался огромный серый особняк, Трэз припарковал машину

перед крыльцом, как просил Мэнни, а затем обошел ее, чтобы открыть дверь своей женщине. Когда Селена протянула руку, бриллиант поймал отсвет ламп возле дома и вспыхнул радугой.

– Оно мне так нравится.

– Отлично. Так и было запланировано.

Оказавшись внутри, он отвел Селену в их спальню. Фритц и доджены перенесли ее одежду в его шкаф, и ему нравилось видеть ее вещи вперемешку со своими.

Хорошо, что ей надо переодеться, подумал он, изображая беспечность.

– Слушай, я отойду ненадолго, – произнес он ровным голосом. – Буквально на секунду. Знаешь, надо проверить, где айЭм.

– Хорошо, – сказала она улыбаясь.

Как только он оказался один, то сразу обнажил клыки, напрочь забывая о спокойствии. В дверь своего брата он стучать не стал, просто распахнул ее одним ударом.

– айЭм! – рявкнул он, хоть и сомневался, что брат был в комнате.

Не дожидаясь ответа, достал телефон и набрал номер парня. Один гудок. Два.

– Да? Трэз? Что случилось?

– О чем ты, мать твою, думал вообще?

Пауза.

– Прошу прощения?

– Ты ходил на гребанную Территорию? – Он старался говорить спокойно. – Ты вообще из ума выжил?

– Трэз...

– Что ты делаешь, черт тебя подери?

– Я не собираюсь обсуждать это с тобой по телефону.

– Тогда ты сейчас же притащишь свою задницу домой.

Он повесил трубку и начал ходить кругами. Затем, взял себя в руки, снова натянул маску спокойствия и вернулся к себе в комнату.

– Эй, Селена?

– Да? – послышался ее голос из ванной комнаты.

– Я задержусь здесь немного. Недолго. Если хочешь, можешь отправляться одна, я скоро присоединюсь к тебе.

В глубине души он знал, что был не прав – Селене нельзя находиться одной, но зрение заволочла красная пелена, а мозг отключился из-за идиотского поступка брата.

Она высунула голову из-за двери, улыбнулась и что-то сказала. Судя по кивку, она собиралась уходить. Он подошел и поцеловал ее, а потом заперся в спальне айЭма.

Ему показалось, что прошел час, прежде чем появился брат, хотя на самом деле, прошло всего пять или десять минут. И как только парень вошел в комнату, Трэз слегка зафиксировал странный запах, исходящий от него: это была женщина. Но не важно.

– Что за черт, айЭм? – потребовал он объяснений. – Как будто мне не хватает других проблем?

– Остынь. Я хотел посмотреть, нет ли записей об окостенении в лечебных журналах. Я просто метнулся туда-обратно...

– Как? С кем ты договаривался?

– Я сам все сделал.

– Чушь собачья.

– Трэз, без обид, но зачем ты тратишь на это все свое время? Я вернулся...

– Это был с'Экс? Ты использовал с'Экса? – Когда айЭм не ответил, он вскинул руки. – О, да ладно? Ты прикалываешься...

– Успокойся.

– Успокоиться!? Ты не думаешь, что это было чертовски глупо с твоей стороны обратиться к палачу Королевы? От которого я откупался последние девять месяцев десятками продажных девок? Это ли не безответственно с твоей стороны, учитывая, что они хотят вернуть меня во Дворец?

– Знаешь что? Я не собираюсь обсуждать это с тобой. Я не...

– Да хрен бы не так! Ты подвергал нас обоих опасности! Они могли использовать тебя как заложника...

– Они не стали...

– Чтобы вернуть меня туда для обслуживания чертовой принцессы! Ты сказал мне, что у меня есть время до окончания траура, и что это всего три дня, а у меня здесь полно дел! Меньше всего мне нужно, чтобы ты отмочил что-нибудь...

– Трэз, я знаю, что ты занят Селеной. Я понимаю. Но ты понятия не имеешь...

– Понятия не имею? Что, если бы они тебя схватили? Что, если бы АнсЛай пришел ко мне со словами «у меня твой брат, пришло время тебе жениться»? Ты хоть на секунду задумался, в какое бы положение ты меня поставил? Либо ты и свобода или же не возможность быть с Селеной до конца ее жизни? Что за хрень...

По какой-то причине настроение айЭма резко изменилось. Мужчина застыл на месте и посмотрел Трэзу через плечо, и мгновенно побледнел.

Трэз замолчал и закрыл глаза. И прежде, чем обернулся, уже знал, кого увидит в дверях спальни.

Да. Селена стояла в дверном проеме, бледная, как привидение.

– Ты женишься? – тихо спросила она. – Через три дня?

айЭм тихо выругался. Получилось все именно так, как ни в коем случае не должно было.

И даже хуже, когда Селена шагнула вперед, ее походка была такой, словно ноги отказывались ей служить.

– Что ты... – Она остановилась перед Трэзом. – Ты собираешь взять в жены ту женщину через три дня?

Пора уходить, подумал айЭм. Этим двоим определенно было о чем...

– Нет, – произнесла Селена, когда он прошел мимо нее. – Останься.

Словно хотела, чтобы он заполнил пропуски, если ее мужчина что-нибудь предусмотрительно опустит в своем рассказе.

– Что происходит? – потребовала она ответа.

Даже если Трэз и выглядел застигнутым врасплох мгновение назад, то сейчас он казался спокойным как бетонное изваяние.

– Это неважно.

– А я слышала совсем другое. И прежде, чем вы обвините меня в подслушивании, скажу, что вы двое орали так громко, что вас невозможно было не услышать.

Потерев коротко стриженую макушку, он заходил кругами.

– Селена...

– Ты женишься?

– На нас с тобой это никак не повлияет.

– Напротив. Еще как повлияет.

Когда последовало тягостное молчание, айЭм подумал «да похрен на все»:

– Его продали наши родители, когда мы были совсем младенцами, Королеве Территории... в качестве принца-консорта для наследницы престола. Так было предначертано в его астрологической карте. Он сделал все возможное, чтобы этого избежать, и злится на меня,

потому что я – его ахиллесова пята. Он просто на волосок от помешательства, вероятно, потому, что реально очень сильно о тебе беспокоится, и ничего не может с этим сделать.

Когда они оба посмотрели на него, он пожал плечами.

– Какая разница. Я смотрю Доктора Фила^[105], когда долго не могу уснуть.

– Это правда? – спросила Селена.

– Да. – Трэз подошел и сел на кровать. – Я не рассказывал тебе, потому что... если честно, как он сейчас сказал, не важно, что они сделают за эти три дня, я не собираюсь жениться на незнакомой мне женщине, чтобы помочь ей проложить путь к престолу. Этого просто не произойдет, независимо от того, есть ли ты в моей жизни, проживешь ли ты со мной еще сто дней или тысячи лет.

Он хлопнул в ладоши, словно закрывая тему.

– И точка.

Селена какое-то время молчала.

– Ты должен был сказать мне.

– Мне даже думать об этом не хотелось.

– Это точно, – айЭм закатил глаза.

– И, Селена, я серьезно. Я не сделаю это, ни через семьдесят два часа, ни через семь миллионов. – Трэз оглянулся. – Ты видел наших родителей, пока был там?

айЭм покачал головой.

– Я был только во дворце.

В камере.

– А они лишились своего положения, так что были по другую сторону стены. Естественно, я не искал с ними встречи. Они мертвы для меня. Плевать я хотел на них.

– Я тоже. – Трэз посмотрел на Селену. – Моя жизнь здесь. Вот моя жизнь – эти люди, это место, мой бизнес... а главное – ты. Я никому не позволю отнять это у меня, особенно потому, что какой-то астролог однажды взглянул на небо и что-то там увидел.

Селена обхватила себя руками.

– Жаль, что ты не рассказал мне этого раньше.

– Я бы так и сделал, если бы это было важным для меня.

– А этот твой бизнес... ты все еще торгуешь женщинами?

айЭм уставился на дверь. Направился к выходу.

– Они сами себя продают, – возразил Трэз. – Я просто даю им место для этого, но они сами за себя в ответе. Они выбирают, кто, сколько, как часто. Моя работа заключается в обеспечении их безопасности.

– В то время как ты зарабатываешь на них.

– Они платят клубу, не мне.

– Но клуб принадлежит тебе.

– айЭм, – резко произнес Трэз. – Я хочу, что бы ты остался.

Он закрыл глаза.

– Я другого мнения.

– Нет, – сказала Селена. – Если ему нечего скрывать, пусть скажет это перед аудиторией.

Отлично. Этого ему только не хватало. Работа посредника.

Нет.

И майкен до сих пор была в Коммодоре.

– На самом деле, я действительно должен идти. – айЭм посмотрел по очереди на них обоих. – Я никогда не был в отношениях, так что не могу дать никакого совета. Но, Селена, я думаю, ты должна быть в курсе двух вещей. Одна из них заключается в том, что вся его жизнь –

восстание против с'Хисбе и наших родителей. И вторая: с тех пор, как он познакомился с тобой, почти год у него не было ни одной женщины. Он был верен тебе, даже когда вы были не вместе. Не казни его, если считаешь, что человеческие женщины, которые работают на него, каким-то образом имеют к нему отношение. У меня все.

Он не дал им шанса снова втянуть его в драму. Ему своей хватало. Он оставил обнаженную майкен в своей постели и волновался, что она уйдет, не дождавшись его.

Бросившись вниз в фойе, он пронесся через вестибюль, выпрыгнул в ночь и дематериализовался к Коммодору.

Он принял форму на террасе, дернул стеклянную дверь и бросился по коридору, который вел к спальне.

– майкен, – позвал он.

Как только он вошел в спальню, послышался ее голос:

– Да?

Он сделал глубокий вдох, когда увидел, что она лежала на подушках, и ее голые плечи выглядывали из-под складок одеяла.

– Слава Богу, – произнес он.

– Ты в порядке? – Она села на кровати. – айЭм?

Он молча скинул обувь. Он не мог ей ответить. Слишком много надо было рассказывать, о том, что он не мог изменить и о том, что так сильно ненавидел.

Вместо этого он откинул простыни и лег с ней рядом полностью одетым. Ее тело было теплым, голым и таким податливым, когда он прижал ее грудь к своей.

Когда он обернул свои руки вокруг нее, и она погладила его затылок, айЭм вздрогнул... понимая, что за все годы, прожитые на этой планете, впервые в жизни у него появилось место, куда он мог и хотел прийти в те моменты, когда мир казался дерьмовей некуда, и время представляло из себя пытку, которую надо перетерпеть.

Это было лучше любого секса.

Это мгновение, когда он искал тихую гавань и получал желанное утешение, заставило его понять, почему Братья загорались каждый раз, когда их шеллан заходили в помещение, и почему эти мужчины были готовы положить жизни ради своих женщин.

– Спасибо, – услышал он свой голос.

– За что? – прошептала майкен.

– За то, что ты здесь.

– Селене стало хуже? – спросила она. Потому что он сказал ей, почему должен был пойти.

– Не совсем так. Но с моим братом у них проблемы.

– Почему?

– Что можно испытывать, когда твоя возлюбленная, будучи на пороге смерти, узнает, что ты обручен с другой? Едва ли приятная тема для беседы.

майкен застыла.

– Это должно прекратиться.

– Все это дерьмо с Трэзом и гребаной Принцессой? Согласен, если тебе вдруг придет в голову идея, как сделать это... дай мне знать, – резко отозвался он.

Сбежать из собственного дома было проще простого.

Эссейл всего лишь приоткрыл окно на верхнем этаже и покинул особняк со всей суетой и обстоятельствами, присущими побегу в ночь.

Он отслеживал передвижения Братьев в его лесу с помощью камер ночного видения, тени огромных мужских тел, словно тираннозавры, двигались по его территории, мелькая между деревьями.

После захода солнца он не стал поднимать жалюзи, продуманно сохраняя облик его интерьера, присущий дневному времени. Это даст Братьям поле для деятельности, пока они занимались выискиванием, где и когда появятся в ночи он и его кузены.

Чего не случится, пока он не закончит определенное дело.

Он с готовностью отправился на восток, к условленному месту в заброшенном торговом центре около пяти миль за пределами города.

Машина, взятая напрокат в «Герц», была припаркована у задней стены здания с выцветшим знаком «Только для разгрузки, Бутик Блубеллс^[106]» на дурацкой обшарпанной двери.

Эрик опустил стекло со стороны водителя, когда перед ним материализовался Эссейл.

– Ты за рулем?

– Да.

Когда кузен вышел из машины, а Эссейл занял его место, Эвейл заговорил с заднего сиденья:

– Что ты хочешь, чтобы мы сделали?

– Ничего.

Он завел двигатель и тронулся с места, двигаясь быстро, но не нарушая правил дорожного движения. Он успел проехать пару миль, когда кокаин, который он принял пару часов назад, начал выветриваться из мозгов.

Но он не собирался догоняться еще одной дозой. Он должен быть достаточно сосредоточен, чтобы дематериализоваться в случае необходимости.

Он вез их троих в не самом мощном «Форде Таурус» через протяженный пригород, все дальше от центра, в сельские уголья, огибавшие хребты Адирондакских гор. Он ехал, а дорога все сужалась, и желтая линия в центре и белые по обочинам бледнели на глазах, с трудом различаясь даже в свете фар. А он продолжал гнать вперед, один на абсолютно безлюдной дороге.

Несколько миль спустя, он подъехал к молочной ферме, которую искал. Как и «Бутик Блубеллс», она тоже была заброшена, и седан с грохотом съехал с асфальта на грунтовую полосу, уходящую в заросшее поле. Продираясь сквозь заросли ежевики и кукурузы, он поехал по направлению к краю леса и нашел убежище среди берез и кленов, на которых еще сохранилось немного листьев. Быстро вывернув руль, он развернул арендованный автомобиль и припарковался в ожидании, не глуша мотор. Его бесило, что из-за этого работали фары, но этого нельзя было исправить.

Из-за Братьев он не мог воспользоваться своим «Рендж Ровером».

– Он опаздывает, – произнес Эрик чуть позднее.

– Он появится. – Слишком многое было поставлено на карту, чтобы Старший лессер не пришел. – Он не должен подвести нас.

И, конечно же, чуть позже со стороны поля появилась тень, следуя их же путем. Ходовые огни были выключены, но он знал, что за рулем сидел тот, кого они ждали.

– Вы знаете, куда идти, – сказал он тихо, чуть опуская задние окна.

Как только кузены дематериализовались с заднего сидения... Старший лессер подъехал ближе и остановился. Как обычно, Эссейл и его деловой партнер опустили стекла одновременно.

– Где твой «Рендж Ровер», вампир?

– В сервисе.

– Да ладно? За тобой был хвост?

– Что-то вроде этого.

Убийца нахмурился, его темные брови нависли над черными глазами. На мгновение Эссейл с тоской вспомнил Старый Свет, где ублюдков узнавали не только по исходившей от них вони: те, кто довольно долго числился в Обществе Лессенинг, были крайне бледны. В Новом Свете такого не было. Здесь, в человеческой культуре потребления, нежить не проживала достаточно долго, чтобы пигмент успевал выцвести.

– Федералы? Или копы?

Словно за время своей человеческой жизни он успел испытать частые неудобства от двух этих ведомств.

– Братство Черного Кинжала. И Слепой Король Роф.

Нежить запрокинул голову и рассмеялся.

– По хрен, чувак, это в любом случае твои проблемы.

– Нет, боюсь, что как раз твои.

Без предупреждения, Эссейл сделал выпад, нанося убийце резкий удар в глаз кинжалом, который прятал на бедре. Когда лессер завопил, Эссейл вынул клинок и полоснул им вдоль горла. Бульканье и поток черной крови наполнили интерьер внедорожника, и Эссейл был вынужден неловко отстраниться назад, чтобы не заляпаться.

Эрик и его брат снова приняли физическую форму и быстро обыскали автомобиль, пока Эссейл осматривался, удостоверяясь в отсутствии свидетелей. Пока убийца удушливо хрипел с щелью в горле, показался Эрик с тремя калашами и патронами. Молча сложив оружие и свинец в багажник «Тауруса», кузены открыли задние двери и скользнули внутрь транспортного средства.

Эссейл протянул руку в окно и вытащил руку лессера наружу. Нащупав неиспачканный кусок рукава, он вытер об него кинжал, вернул его в ножны... и достал из-за пояса зазубренный охотничий нож.

И быстро отрезал лессеру голову.

Он оставил тело за рулем внедорожника. Руки и ноги все еще двигались, правая даже крепко сжимала руль.

Будет трудновато вести автомобиль без глаз и мозга.

Потому что главный орган управления Эссейл держал за волосы в своей руке.

Прогулявшись к пассажирскому переднему месту, он открыл дверь и положил еще моргающую и дергающуюся голову в картонную коробку из магазина «Амазон», стоявшую рядом с сумками их «Хефти».

Затем он вернулся за руль «Тауруса». Перед тем как погасить фары, он заглянул в коробку и встретил выпученный потрясенный взгляд.

– Ты был прекрасным партнером, – тихо произнес Эссейл. – Жаль, что нашему союзу суждено распасться.

С этими слова он переключил передачу и тронулся с места.

Трез рухнул на кровать брата и, раскинув руки в стороны, уставился в потолок. Черт побери, это гребаное проклятье видимо никогда не оставит его в покое. Вот он, здесь и сейчас, пытается сделать все возможное для единственной женщины, имевшей для него значение... а это дерьмо насчет с'Хисбе висит вечной петлей вокруг шеи.

– Ты не был... с женщинами? – спросила Селена. – С тех пор как...

Он поднял голову и посмотрел на нее через пустую спальню.

– А зачем они мне с тех пор, как появилась ты? Мне больше никто не интересен.

Последовала долгая пауза.

– Правда?

– Правда.

Она приложила ладони к лицу.

– Это... – Она покачала головой. – Фантастика, на самом деле.

Придавив весом матрас, он приподнялся на локтях и посмотрел на нее.

– Помнишь, что ты сказала тогда? После того как ты... ну, ты помнишь, когда мы были в клинике в первый раз? Ты волновалась, что ты всего лишь моя очередная одержимость?

– Да.

– Ну, а если так и есть? Я стал одержим тобой еще с первого секса. Ты, наверное, не помнишь, но... – Он покачал головой. – Я ждал тебя в фойе каждый вечер.

– Что?

– Да, звучит жалко. Знаю. В общем, ты приходила кормить Ви, Рейджа или Лукаса, а я сидел возле входной двери на случай, если ты вдруг выйдешь из учебного центра... или наоборот придешь туда. Однажды ночью, черт, я помню это так ясно, ты, наконец, появилась. Я бросился вниз по парадной лестнице, и ты уже была в фойе, когда заметила меня. Я смотрел на тебя и думал... что ты самая удивительная женщина из всех, кого я встречал на своем пути. – Он пожал плечами и сел на кровати. – Тогда ты пленила меня навсегда, моя королева. Я был одержим тобой, хорошо это или плохо, задолго до того, как узнал, что ты больна.

Ее губы тронула легкая улыбка.

– Я даже не представляла. В смысле, я знала, когда мы были вместе тогда у Рива, и ты... ну, я знала, что... эммм, нравлюсь тебе.

Он моргнул и увидел ее обнаженную, в кровати, в ту ночь на Вилле.

– Да, я был влюблен в тебя. Сильно. – Поморщившись, он продолжил: – Слушай, я не умею блестяще разруливать ситуации. Мне стоило рассказать тебе о всей хрени с с'Хисбе, но я волновался, что тебя это выведет из себя, и ты не захочешь иметь со мной ничего общего. Я потерял годы своей жизни в заключении в том дворце, испортил айЭму жизнь... я не собирался терять еще и тебя из-за этого дерьма. А что касается моего бизнеса? По человеческим законам он нелегален, но я всегда считал, люди имеют право зарабатывать на жизнь, как пожелают, до тех пор, пока это не причиняет никому вреда. Вот почему, в отличие от Рива, я не позволяю торговать наркотой в своем клубе. Человеческие женщины защищены под моей крышей, они практикуют безопасный секс и получают девяносто процентов от заработанного. Десять процентов, что я беру, идет на оплату счетов за свет и моим вышибалам. Так что, да... вот как все обстоит.

Селена глубоко вздохнула.

– Я рада, что ты честен со мной.

– Есть еще что-нибудь, что ты хочешь знать? Я уже упоминал, что не говорю о своих

родителях, потому что они для меня и айЭма никто, нас связывает только биология. Они никогда не заботились о нашем благополучии. Никогда о нас не беспокоились. У нас с айЭмом были только мы сами, и этого было достаточно. Вот почему о них никто никогда не упоминал.

Селена неуверенно шагнула вперед и опустилась на колени рядом с ним.

– Спасибо.

Ее взгляд был таким ясным, невероятного ярко-синего цвета, когда она смотрела на него.

– За что? – спросил он хрипло. – Не люблю показывать при тебе свои слабости. Ненавижу это.

– Поэтому я люблю тебя еще больше, – она улыбнулась. – А эта правда? Это одна из твоих самых прекрасных черт.

О, черт. Да он сейчас зарыдает, как сопливая девчонка.

– Я так люблю тебя, – когда его голос дрогнул, он откашлялся. – Даже больше чем родного брата.

– Звучит как клятва.

– Так и есть.

Они оставались так еще долго, он смотрел на нее сверху вниз, а она наоборот снизу вверх, и в тишине, он понял, что именно сейчас они полностью осознали себя – по отдельности и как одно целое. Все, чем они являлись... их недостатки, надуманные и реальные, на поверхности, ничего не скрыто – ни ее болезнь, ни то, что он когда-то хотел от нее утаить... и их вечность по-прежнему оставалась нетронутой.

А любовь стала еще сильнее.

– Ты был самой лучшей частью моей жизни, – прошептала она, – Ты – настоящее чудо, и это почти исцеляет меня от моей болезни.

– Я совсем не подарок.

– Нет, ты настоящее благословение.

Он ласково провел по ее щеке костяшками пальцев. Накрывл ее губы своими.

– Так... ты все еще хочешь приготовить мне ужин?

Селена кивнула, и когда он предложил свою ладонь, чтобы помочь подняться на ноги, она вложила в его руку свою, ту, на которой блестело бриллиантом кольцо.

Ее красивую руку, с длинными пальцами и хрупким узким запястьем.

Сначала, он не понял, почему, когда он встал и потянул ее за собой, его захват вдруг соскользнул.

– Ох, прости, я неаккуратный...

Она не двигалась.

Селена застыла в таком положении, ее ладонь в его, ее голова приподнята, так что она могла смотреть ему прямо в глаза, все еще стоя на коленях.

Единственное, что изменилось, это то, что в ее глазах застыл ужас.

– О, нет... – прошептал Трэз. – Нет, нет, нет, не сейчас...

Он опустился на колени рядом с ней, но она даже не повернула голову. Вместо этого, ее тело начало падать в сторону, она падала, падала...

– Нет! – закричал он.

Он пришел в себя уже в клинике.

Трэз понятия не имел, как оказался там с Селеной на руках, но он умудрился поднять ее с пола в спальне айЭма, сбегать вниз по лестнице через туннель и дверь в шкаф.

Он смутно видел людей на своем пути. Лэсситер, который, вероятно, вышел из бильярдной. Тор, сидевший за столом в офисе. Кто-то из Братьев, заметно хромавший.

Сейчас никто не имел значения.

Спиной толкнув дверь в смотровую комнату, он ворвался без предупреждения, его сердце гремело так, что он слышал его стук, словно выстрелы, мозг заклинило одним словом, которое он повторял про себя снова и снова.

Нетнетнетнетнетнетнетнет...

Это не могло происходить именно сейчас, после того чудесного момента. Не сейчас, когда они должны были отправиться на кухню Рива, где она станцевала бы для него совершенно обнаженная. Не сейчас, ведь он так и не покатал ее на лодке.

Слишком рано, слишком...

Внезапно до него дошло, что Док Джейн стоит прямо перед ним, не сводя с него орехово-зеленый взгляд. Ее губы шевелились.

– Не слышу тебя, – сказал он ей. Или, по крайней мере, подумал, что сказал.

Черт побери, и этот звон в ушах совсем не помогал.

Когда врач указала на смотровой стол, он подумал, да, правильно, он положит на него Селену.

Шагая по кафельному полу, он подошел к нужному месту и наклонился, намереваясь уложить ее на прямую поверхность. Только вот нет, ее застывшее тело было не разогнуть.

Его сердце почти разорвалось, когда он положил ее на бок.

Он присел, чтобы она могла его видеть, взял ее за руку, ту, что была все еще протянута к нему, и на которой горело кольцо.

– Все хорошо, моя королева. Все хорошо, ты справилась в прошлый раз и сделаешь это снова. Ты выберешься.

Он не собирался отводить взгляд от ее наполненных паникой глаз. Даже тогда, когда к ней подключили аппараты, заработала капельница и рентген. Ни в то время пока два доктора и Елена лихорадочно работали, вводя лекарства и измеряя пульс и кровяное давление. Ни когда она начала плакать, и кристально прозрачные слезы покатались по ее переносице, падая на лицо.

– Я с тобой, моя королева. Я никуда не уйду. Останься со мной. Ты много раз проходила через это, и то же самое произойдет сегодня вечером. Поверь мне, давай... ты должна мне верить...

Ему пришлось широко открыть рот, потому что он дышал так тяжело, что нос не справлялся. И он продолжал сглатывать ком, застывший в горле, иначе его могло просто вывернуть на изнанку.

Этого не может произойти, подумал он.

Я не готов.

Я не могу попрощаться.

Я не могу отпустить ее сегодня.

Это не может произойти сейчас...

Рейдж устоял на стеклянный дом Эссейла, нутром чувствуя подвох. С тех пор, как они с Ви приехали сюда, ничего не изменилось. Интерьер, была ли это кухня, офис или гостиная размером с футбольное поле, выглядели идеально, за исключением того, что по ним никто не перемещался.

– Может быть, Эссейл под землей, педикюр себе делает? – пробормотал Рейдж. – Красит ногти в сиреневый цвет. Или вишнево-красный.

– Рано или поздно, – проворчал Ви, – Если он собирается оставаться в бизнесе, ему придется выехать на машине. Невозможно перевозить деньги и наркоту, растворяясь в воздухе.

– Если только ублюдки не сдохли от передоза.

Они оба предполагали, что Эссейл и его парни выходили и входили в дом после полуночи, и ничего не могли сделать, чтобы остановить их. Ви, тем не менее, уже настроил крошечные камеры, прежде чем они ушли на рассвете, и в дневное время активности не было никакой – никаких оставленных сумок, никто ничего не привозил и не забирал. Так что, как сказал Ви, они точно не могли ничего толкнуть за это время...

И словно танцевальный дуэт, он и его брат одновременно схватили телефоны.

АН911.

От Фьюри.

Недолго думая, они оба дематериализовались, путешествуя назад через реку и принимая форму у задней двери дома. Ви ввел код, и они ворвались на кухню, напугав доджена, работавшего у плиты.

Тот факт, что служанка Парадайз, Вучи, не казалась встревоженной, служил хорошим знаком. И не было слышно громкого писка сигнализации.

Тем не менее, они достали оружие и побежали через столовую, распахивая настежь крутящуюся дверь в заднем углу...

Как раз, чтобы увидеть, как Эссейл достает из картонной коробки голову за волосы.

– Я подумал, вы захотите присоединиться к вечеринке, – прошептал Фьюри краем рта. – Он только что объявился.

– Хочу представить вам, – произнес Эссейл, – Моего партнера. Бывшего партнера.

Карие глаза нежити обвели комнату взгляд, черные окровавленные губы двигались медленно, как у рыбы, выброшенной на берег под палящее солнце.

Братья, что были в комнате, выругались.

Джордж, сидящий рядом с креслом Рофа, зарычал, король наклонился и успокаивающим жестом погладил его по голове.

– Как мы узнаем, что это не рядовой убийца с улицы?

– Потому что я говорю вам, что это не так.

– Не сказал бы, что за веру в тебя мы все грудью на меч упадем.

– Но я говорю правду. – Эссейл убрал голову обратно в коробку. – Я знаю, где база лессеров.

Наступило гробовое молчание.

Роф выпрямился в кресле, скрытые очками глаза смотрели прямо на наркоторговца.

– Неужели?

– О да.

Ноздри Рофа раздулись, словно пытаясь вдохнуть запах мужчины.

– Он говорит правду, парни.

Наркоторговец в досаде нахмурился.

– Конечно. Вы сказали, что я не могу вести дела с Обществом Лессенинг. Я повиновался Вашему приказу. Если Братство придет и уничтожит их там, где они скрываются, мне больше не придется доказывать, что я выполняю Ваши приказы, в то же самое время продолжая вести свои дела. Теперь наши интересы не пересекаются и если Вам нужна сильная поддержка в борьбе с врагом, я тем самым добровольно предлагаю свою помощь и помощь моих кузенов.

– Я тронут твоим великодушием.

– Это не имеет ничего общего с вами. Как я уже говорил, я бизнесмен. Нет ничего, чего бы я ни сделал ради защиты своих интересов, и мне абсолютно ясно, что Вы и все собравшиеся здесь способны уничтожить то, что мне дорого. Поэтому я предпринял необходимые шаги, чтобы гарантировать себе возможность продолжать свою деятельность, даже если мне грозят большие неудобства и мой поток доходов пострадает, пока я буду вынужден восстанавливать свою сеть на улицах.

Воздух в комнате загудел, Рейдж оглянулся на своих братьев. Он был полностью готов к войне, к возможности отплатить этим неживым ублюдкам за все, что они сделали во время рейдов.

Это был подарок судьбы.

– В моем понимании, – Эссейл указал на коробку, – вот это является Старшим лессером. Я напал на него и сознательно не стал отправлять обратно к его творцу. Совсем немного времени пройдет, прежде чем его отсутствие станет явным.

Заговорил Ви:

– Ну и где этот притон?

– Браунсвикская женская школа. Ее университетский городок заброшен уже долгое время, и они проживают в общежитии.

– Учатся делить столбиком, – пробормотал кто-то.

– Или пишут лессерскую версию книги «Наши тела и мы сами», – добавил кто-то еще.

Эссейл прервал поток шуток.

– Я выяснил место их нахождения много месяцев назад. В конце концов, важно знать подробности жизни своего делового партнера. Мои двоюродные братья исследовали эти места сегодня ночью и подтвердили, что лессеры по-прежнему на месте. Я полагаю, что вы тоже пожелаете разведать, прежде чем принимать какие-то действия.

Сразу и одновременно, все братья выразили готовность отправиться в добровольную вылазку, но Роф поднял руку, заставляя их замолчать.

– Ты позволишь нам оставить себе вот это? – спросил он, кивая в сторону коробки. – Или хочешь поставить сувенир на каминную полку?

– Как и предоставленная мною информация, голова принадлежит Вам, поступайте как угодно.

– Где само тело?

– На съезде с 149го шоссе. Там есть заброшенная молочная ферма. Поезжайте к южным пастбищам у леса, найдете остальные части тела и внедорожник.

Роф откинулся на спинку кресла и закинул ногу на ногу.

– Это гораздо результативнее, чем просто убить тебя.

– Мне и самому это не по душе.

– Будет лучше гроба, – сказал Рейдж.

Наркоторговец оглянулся.

– Вот именно. – Затем Эссейл повернулся на каблуках и направился к двери. – Вы знаете, где меня найти, если у вас возникнут дополнительные вопросы или потребуется помощь в набеге.

Бутч проводил мужчину до главного входа.

И, пока Брат не вернулся, никто не произнес ни слова.

– Если это Старший лессер, – произнес Роф, – То Омега сразу же обо всем узнал.

– Но он меняет их каждые пятнадцать минут, – сказал Ви. – И убили его не мы. Может, он просто назначил следующего и продолжил свои дела.

– Может и так. – Роф кивнул на картонную коробку. – Избавьтесь от этого, когда найдете тело.

– Я могу пойти, – сказал Бутч. – И навсегда вывести его из игры.

Ви покачал головой.

– Ты не можешь дематериализоваться. Слишком опасно...

И вдруг одновременно зазвонили все мобильные, одновременно заиграли разные мелодии, словно кто-то включил очередную серию «улицы Сезам».

Когда все полезли в карманы, Рейдж подумал, что, черт возьми, это могло быть. Тор был дома, вне дежурства. Рив ненавидел телефоны. И Лэсситер был вынужден отказаться от групповых сообщений после того, как Ви отключил эту идиотскую функцию на его «Самсунге» – кроме того, тогда бы заиграл Денис Лири «Я мудака», которого каждый из них поставил в качестве мелодии на звонок ангела.

– О, черт, – сказал кто-то.

Рейджу пришлось дважды прочитать то, что было в сообщении. Затем он опустил руку и закрыл глаза.

– Кому-то лучше чертовски быстро рассказать мне о том, что случилось, – прогремел Роф.

– Это Селена, – услышал Рейдж свой голос. – Ей стало хуже.

* * *

Сидя на смятой постели в своей комнате в Коммодоре, айЭм тщательно проверял одежды майкен, выискивая что-то, что могло казаться неуместным, странным. Он не мог отпустить ее обратно на Территорию в таком виде, словно она занималась сексом.

А ведь так и было.

– Завтра ночью, – сказал он.

– Да.

– Хорошо. – Черт, он не был уверен, что сможет выждать так долго. – Договорились.

Притянув ее к себе, он надел на нее капюшон, возвращая вуаль на место. Закрывая от себя ее черты, он злился. Он словно заключал ее в тюрьму, хотя она была свободна уходить или приходить, когда ей заблагорассудится.

– Договорились.

Относительно свободна.

– До завтра, – сказала она, ее красивый голос прозвучал приглушенно.

айЭм протянул руку и взял ее ладонь в свою. Он собирался сжать ее и дать ей уйти, но понял, что не в силах ослабить захват.

– майкен, – Он глубоко вздохнул. – Что ты скажешь, если я предложу тебе место здесь? Я имею в виду здесь, в Колдвелле. Если я буду заботиться о тебе и о твоей безопасности.

Это, безусловно, будет не в этой квартире, точно не в ней, потому что с'Экс, наверняка, продолжит использовать это помещение для своих плотских утех буквально ближайшим утром...

Хотя, погодите. Именно в это время им понадобится Трэз.

Неважно.

Это может быть, где угодно.

майкен явно колебалась, и он добавил:

– Тебе не придется никому служить. Ты будешь свободна.

Ты будешь со мной, подумал он.

Что было, да, полным сумасшествием, но теперь время казалось таким быстротечным, и он просто больше не хотел ждать. Особенно чего-то радостного, а не из разряда «полный снос мозга».

– Ты будешь в безопасности, – повторил он. – Жизнью ручаюсь, я обеспечу тебе безопасность. Здесь целый мир, тебе будет, чем заняться, будешь открывать для себя новые места и события. Человеческая раса в основном состоит из идиотов, но они тебя не беспокоят.

В мгновение ока фантазия в голове ожила золотой нитью, вот он готовит для нее в «Сале», представляя ее с гордостью своим официантам, а, может быть, он приведет ее на ужин в особняк.

Он старательно игнорировал проблемы, что возникнут после бегства от с'Хисбе.

– айЭм, – прошептала она.

Дерьмо. Ее тон сказал ему обо всем.

Но он не собирался это слушать.

– Ты могла бы жить реальной жизнью здесь. Ты же гораздо лучше, чем просто служанка для кого-то. Ты могла бы жить настоящей жизнью.

Со мной, закончил он про себя.

О, Боже, он так хотел заботиться о ней. И, несмотря на то, что поначалу он считал, что интерес его лежит исключительно в постельном плане, все же происходящее между ними было чем-то большим, чем секс. В душе он знал ее давно.

На прикроватном столике телефон пискнул от полученной смс.

– Подумай об этом, – сказал он. – Я знаю, что многого прошу – так что не надо давать ответ прямо сейчас. Отправляйся домой и береги себя... и увидимся завтра.

Поднявшись на ноги, он повел ее через гостиную к стеклянным выдвижным дверям. Секунду спустя, она исчезла, как будто ее никогда здесь и не было, и на мгновение он засомневался, не привиделась ли она ему.

Все казалось таким нереальным.

Он на самом деле влюбился?

Закрыв двери, он намеревался вернуться в свою комнату и заправить кровать – в основном, для того, чтобы привести квартиру в порядок перед возможным появлением с'Экса. Но вместо этого, он просто стоял у дверей и смотрел в ночь, пока его мозг генерировал все «ачтоесли» и «акакнасчет».

Его вернул в реальность звонок мобильного, донесшийся из спальни, и он пошел за ним по коридору и через дверь, направляясь к тумбочке, а затем протянул руку к светящемуся экрану.

Нажав на кнопку, он ответил на звонок:

– Рейдж? Все в порядке...

– Ты нужен Трэзу. Прямо сейчас.

– Это...

– Да. Она в клинике.

айЭм закрыл глаза.

– Скажи ему, я скоро буду.

Он повесил трубку и, забив на расправленную кровать, бросился к стеклянным дверям. Оказавшись на холодном воздухе, он попытался дематериализоваться, но ускоренное сердцебиение и разбушевавшиеся эмоции мешали ему сконцентрироваться.

Одна мысль, что Трэзу приходится в одиночку справляться с трагедией, помогла ему собраться и взять себя в руки, и, мгновение спустя, он стоял на крыльце особняка Братства. айЭм ворвался в вестибюль, и ему показалось вечностью то время, что доджен открывал дверь. На ходу бросив ему пару слов, айЭм перешел на бег.

Он стремительно летел в учебный центр, и когда, наконец, выскочил из шкафа и пронесся через офис...

айЭм резко затормозил в коридоре.

Там было... человек сорок стояло у дверей смотровой комнаты, кто-то сидел на жестком полу, кто-то ходил туда-сюда. Ви курил, а Бутч выбивал дробь ногой, словно кто-то подключил его лодыжку к розетке. Фьюри метался как сумасшедший; Зи застыл как изваяние. Белла качала Наллу на руках. Пэйн тасовала карты. Джон Мэтью держался за руки с Хекс. Куин обнимал Блэя. Осень обхватила Тора за талию, словно была единственной опорой, не позволявшей ему упасть на бетонный пол. Рейдж был один, стоя на расстоянии от всех. Даже Роф был там с Бэт и Рофом-младшим и Джорджем.

Все Избранные тоже собрались здесь. Все до единой, в том числе Амалия.

И Ривендж стоял возле двери в клинику.

айЭм закрыл глаза. Он поверить не мог, что все они пришли сюда.

Пока он шагал вперед, собравшиеся обнимали его, протягивая к нему руки, сжимали его плечи. Он сделал все возможное, чтобы поблагодарить их и ответить каждому, но закружилась голова. Когда он добрался до Рива, тот только покачал головой.

– Что случилось?

– Случился приступ, ну или как еще это можно назвать, минут двадцать назад. Они работают с ней. Он спрашивал о тебе.

Аметистовые глаза блеснули красным.

айЭм дал себе минуту, чтобы собраться с силами, но сколько он уже пропустил? Одному Богу известно, что там происходило, и был только один способ узнать.

Толкнув дверь, он шагнул внутрь и застыл на месте. Селена снова была на столе, но видеть ее в таком скрученном состоянии было подобно удару в сердце.

Трэз стоял у ее изголовья, глядя ей в глаза. Его губы двигались, голос звучал мягко на фоне пиликанья медицинского оборудования, проводов, труб и манжет. Ее одежды были разрезаны, а тело покрывала тонкая белая простыня.

Кивнув Элене, Джейн и Мэнни, айЭм подошел ближе и присел на корточки. Трэз дернулся, а затем посмотрел вокруг, словно забыл, что кто-то еще кроме него был в комнате.

– Ты здесь, – сказал мужчина.

– Да, я здесь.

Трэз повернулся к Селене.

– Посмотри, кто здесь, это айЭм.

Его обычно сильный голос был надорванным и хриплым, словно пропущенный через синтезатор.

– Селена, привет, – прошептал айЭм.

Когда ее взгляд скользнул на него, он заставил себя улыбнуться, хотя испытывал только горе и страх. Она была в ужасе. В абсолютном ужасе.

Еще бы.

Трэз начал снова что-то ей шептать, и айЭм взглянул на Мэнни, вопросительно приподняв бровь. Врач медленно покачал головой.

Дерьмо.

Трэз ждал чуда.

В течение следующих шести-восьми часов он ждал, молился, разговаривал с Селеной, пока не охрип. Он даже накрыл возлюбленную своей энергией и не один раз, а дважды. Но она так и осталась там, где была, в ловушке собственного застывшего тела, жизнь медленно покидала ее... глаза время от времени закрывались.

Чтобы распахнуться от редкого судорожного вздоха сквозь бледнеющие губы.

Позже, он будет вспоминать мгновение, когда они достигли точки невозврата.

Это произошло, когда медицинский персонал выключил тревожные сигналы медоборудования, которые раньше срабатывали постоянно, а теперь начали затихать.

– Что... – его голос надломился, и он откашлялся. – Снова на рентген?

Джейн подошла к нему и спокойно сказала:

– Трэз, я думаю, нам надо поговорить.

Мэнни кивнул.

– Наверное, лучше в коридоре.

– Нет, я ее не оставляю. – Он погладил волосы возлюбленной и вздохнул с облегчением, когда ее взгляд остановился на его лице. – Я не оставляю тебя, моя королева.

айЭм наклонился и прошептал ему в ухо:

– Ты хочешь, чтобы они поговорили со мной?

Трэз ответил не сразу. Он не хотел слышать то, что они собираются сказать. Даже если в глубине души он знал... он знал, что на этот раз уже ничего не изменишь... он не хотел, чтобы эти слова прозвучали вслух.

Но страдания и страх, охватившие ее, отражались и на нем.

– Да, – произнес он мягко. – Спасибо.

Все они, в том числе и Элена, вышли в соседнюю комнату.

Внезапно Трэз осознал, что он и Селена остались наедине. Склонившись над ней, он погладил ее волосы и прижался к ее рту губами.

Черт, ее губы были такими холодными.

Он хотел закрыть глаза, но страшно боялся что-то упустить. Вместо этого, он позволил сердцу сделать пару ударов.

Я хочу быть свободной. Самое страшное для меня, это оказаться в заточении собственного тела.

– Селена, – сказал он голосом, ломким как лед. – Селена, ты можешь сосредоточиться на мне? Ты слышишь меня?

Она моргнула два раза, что по обговоренному ими коду означало «да».

– Мне нужно знать... – Он с трудом сглотнул. – Мне нужно знать, хочешь ли ты уйти... ты хочешь уйти?

В ответ ее глаза... ее великолепные голубые глаза... наполнились слезами, и он тоже заплакал. Испытывая глубочайшую боль, он протянул руку и вытер ладонью влагу с ее переносицы и щек. Свои же слезы он вытирать не стал.

– Моя королева, пришло ли время тебе уйти? Скажи мне, если да.

Она не отводила взгляд.

Затем моргнула один раз. А потом... еще один.

О, Господи.

– Я правильно понял тебя? – спросил он. – Ты хочешь... чтобы все это закончилось?

Они оба плакали сейчас. И Селене не надо было снова моргать, чтобы ответить, потому что он знал и сердцем, и душой, что она хотела, и все же он ждал еще одного сигнала. Настал один из тех моментов, когда он должен был убедиться, что все понял правильно.

Или он никогда не сможет с этим жить.

– Время пришло, да? – прошептал он.

Она моргнула один раз. А потом... еще один.

Теперь он смог закрыть глаза, чувствуя, как покачнулось его тело, словно на плечи упал огромный вес, неподъемный и несбалансированный.

Когда он открыл глаза, айЭм и врачи были в комнате. Один взгляд на застывшее лицо брата, и он знал, что все, сказанное в соседней комнате не отличалось оптимизмом.

айЭм подошел ближе и осторожно улыбнулся Селене – за что Трэз был ему благодарен. Затем он наклонился и прошептал:

– Больше ничего нельзя сделать. Противовоспалительные не работают, и последний рентген выявил изменения, которых не было при первом приступе. Суставы – или что там должно быть на их месте – на снимках ярко белые, с плотностью как у металла. Такого раньше не было. Ее жизненные показатели плохи, и становятся еще хуже, хотя мы вкололи все необходимое, чтобы помочь ее легким и сердцу работать. Они считают что... это конец.

Трэз кивнул, а затем на какой-то момент наклонился к лицу Селены.

– Она готова уйти, – выдавил он. – Она сказала мне об этом. Есть... что-то... что мы можем...

Мэнни переступил с ноги на ногу.

– Мы можем ей в этом помочь. Если она уверена.

– Она уверена.

айЭм снова наклонился близко и прошептал что-то еще.

Трэз глубоко вздохнул.

– Селена, ты хочешь увидеться с сестрами? С Фьюри? С Директрикс? Они все здесь. Они ждут в коридоре.

В ответ она закрыла глаза. Один раз. И держала их закрытыми, пока его не стала накрывать паника.

Но она снова открыла глаза. Она все еще была с ним.

Слезы текли все быстрее, и ему хотелось сосредоточиться еще сильнее, чтобы попытаться проникнуть в ее сознание, но он не мог. Он был, как выжатый лимон, и слишком эмоционален, убит горем. И он каким-то образом все равно понимал, чего она хочет, так или иначе.

– Ты не хочешь, чтобы они видели тебя в таком состоянии.

Моргнула.

– Ты любишь их и хочешь, чтобы они знали, что ты будешь по ним скучать.

Моргнула два раза.

– Ты хочешь, чтобы я попрощался с ними от твоего имени.

Два раза.

– Хорошо, моя королева.

Затем последовала странная пауза.

Позже, когда он с одержимостью будет вспоминать, что произошло в это мгновение, каждый час, каждый нюанс трагедии, произошедшей в комнате... кто находился в ней, каждое изменение на ее лице и каждое слово, что он сказал... он останавливался на этом самом моменте. Он словно смотрел в дуло пистолета перед выстрелом в упор.

– Я люблю тебя, – сказал Трэз. – И всегда буду.

Он нежно погладил ее лицо, молясь, чтобы она могла чувствовать его прикосновения. Он не

знал, так это или нет, ее кожа становилась тревожного серого тяжелого цвета.

Поменяв руку, и теперь держа ее правой, левой он похлопал в воздухе, словно ища...

айЭм, как всегда, был рядом, он с силой схватил его ладонь, поддерживая его.

Он не собирался делать это без поддержки родного брата.

– Хорошо, – произнес Трэз, – Мы готовы.

Мэнни подошел к капельнице, держа в руке шприц с какой-то жидкостью.

– Сначала инъекция седативного препарата.

Трэз подался вперед на стуле, который кто-то подвинул ему. Наклонившись близко-близко к ее уху, он сказал:

– Я буду любить тебя вечно...

Он повторял слова, пока не сбился со счета. Он просто хотел, чтобы это было последнее, что она услышит.

– Последняя инъекция, – сказал кто-то. Может быть, это был Мэнни, а может быть, кто-то другой.

Трэз зашептал все быстрее и быстрее. И быстрее.

– Я буду любить тебя вечно любитьтебявечновечновечно...

Мгновенье спустя, он замолчал.

Не понял, когда точно.

Но ее уже не было.

Откинувшись на спинку стула, он смотрел в ее все еще открытые глаза. Такие же красивые, как всегда... вот только жизни в них уже не было.

Та волшебная искра, которая когда-то горела в них, погасла навсегда.

И ее душа, оставшаяся без жизнеспособного приюта, покинула ее.

Тишина и покой смерти были словно пустота, вакуум, черная дыра, засосавшая всех и все вокруг, и так сильно, что жизни других людей словно замерли, на мгновение парализованные огромной, заразной мощью.

Трэз уткнулся лбом в смотровой стол и опустил обе руки, что поддерживали его – ее и его брата. Затем он обнял свою любовь, и взревел от столь сильного горя, что стекла взорвались по всей комнате, стеклянные двери шкафов повыпадали из рам, даже экраны компьютеров и медицинские люстры раскололись на сотни мелких осколков.

Он готовил себя к этому страшный моменту с тех самых пор, как нашел Селену у кладбища в Святылище, подсознательно пытаясь взять себя в руки, словно пробуя горе, как можно было бы проверить, горячая ли печная горелка, или насколько токсичен запах.

Реальность была хуже, чем он представлял себе в самых пессимистичных сценариях.

В действительности, он был просто еще одним осколком стекла в комнате.

Абсолютно разбит и не подлежал восстановлению.

Ну, теперь он знал, каково это – видеть собственными глазами, как дорогого тебе человека сбивает автомобиль на полной скорости... вот о чем думал айЭм, глядя на брата.

Эмоции Трэза заморозили клинику, воздух стал таким холодным, что дыхание паром выходило изо рта, и одежда ничуть не согревала. Подняв глаза, айЭм увидел, что все три врача также были в тяжелом состоянии. Мэнни потирал глаза пальцами, Елена достала платок из кармана своей униформы. Джейн терла лицо ладонями.

айЭм сел на колени и размял спину брата руками. Он не знал, раздражало ли это прикосновение или помогало – скорее, ни то, ни другое – его просто не заметили.

В конце концов, Трэз судорожно вздохнул и откинулся назад.

На расстоянии вытянутой руки стоял стол со стопкой бело-синих салфеток. айЭм взял одну и протянул ее брату.

Но Трэз даже не обратил на нее внимания.

Мужчина потер лицо ладонями и сделал несколько глубоких вдохов. Затем откинулся на спинку стула и уставился перед собой.

– Я хочу заняться приготовлениями, – произнес он хрипло.

– Займешься, – ответил айЭм, и когда медперсонал недоуменно приподнял брови, ответил: – У меня есть все, что нужно. Я положил это в раздевалке пару дней назад.

Он сделал это прежде, чем отправиться на Территорию, на случай, если вдруг не вернется обратно.

Хотя, это было довольно глупо. Если бы его взяли в плен, он бы все равно не смог сказать кому-то, где все это лежит.

– Ничего, что он воспользуется этой комнатой? – спросил айЭм, хотя это была, в общем-то, совсем не просьба.

– Не вопрос, – ответила Джейн. – Он может быть уверен, что его никто не побеспокоит.

– Спасибо. – айЭм тронул его колено. – Я сейчас вернусь, хорошо? Принесу все необходимое.

– Спасибо, приятель, – ответил Трэз мертвым голосом.

айЭм поднялся на ноги, и, услышав хруст собственных суставов, подумал, что провел довольно долгое время, сидя на кафельном полу.

Он не осмелился посмотреть на Селену. Это было чертовски тяжело.

Подойдя к Мэнни, он по-мужски обнял парня, а затем мягко приобнял Джейн и Элену.

– Спасибо за вашу заботу.

Мэнни покачал головой.

– Если бы только от нее была польза.

– Иногда, – айЭм пожал плечами – Ничего нельзя сделать.

Он направился к двери, толкнул ее... и нахмурился, когда на руках остались щепки. Господи, сталь изогнулась, каркас вышел из границ.

А за ней, как там в народе говорят, у всех глаза на мокром месте.

– Что мы можем сделать? – спросил Король, шагнув вперед и протягивая руку.

Подойдя к Рофу, айЭм пожал ее, а затем в шоке осознал, что его дернули и с силой прижали к огромной грудной клетке. На мгновение он позволил себе прогнуться под мощью объятий короля, пока не почувствовал, что ноги отрываются от пола.

Но здесь ему пришлось взять себя в руки. У него еще были важные дела.

Отступив назад, он увидел группу Избранных и вдруг почувствовал какое-то необъяснимое с

ними родство.

– Трэз поговорит с вами позднее, – сказал он, – но Селена хотела, чтобы вы знали, что она очень сильно любила вас всех. Это было тяжело, в конце... она не могла говорить. Но мы чувствовали ее любовь к вам всем. – Он замолчал, встретившись с янтарным взглядом Фьюри. – И тебе тоже.

– Она была очень достойной женщиной, – сказал Праймэйл на Древнем языке. – Бесценный дар для наших традиций и обязанностей, а также человек, значимый своими личностными качествами. Сегодня ночью и на века в Забвении она заняла достойное место.

айЭм кивнул, потому что никак не решался осознать, что жизнь женщины прервалась. Вот так живет человек, а потом... ррраз... и она ушла, словно ее никогда не было, и остались после нее лишь прозрачные, размытые воспоминания, как свидетельство того, что она на самом деле существовала.

– Мне надо кое-что ему принести. Из раздевалки. – Господи, слова давались ему с таким трудом. – Это для наших приготовлений к...

Он позволил фразе повиснуть в воздухе.

Проходя мимо Тора, он остановился. Мужчина был белым, как полотно, и покачивался на ногах, его темно-синие глаза были полны страдания.

– Мне так жаль, – услышал айЭм свой шепот.

– Боже, зачем ты говоришь мне это? – выдохнул Брат.

– Я не знаю. Совершенно не имею понятия.

Он крепко обнял мужчину, чувствуя с ним глубокую связь. Затем отстранился, сжал плечо Осени с мыслью... Господи, ближайшие ночи будут долгими для этой пары, ведь Тор снова упадет в ПТСР^[107].

Брат точно знал, что испытывал Трэз в этот момент.

Рейдж стоял дальше всех, и, как ни странно, казалось, был, в худшей форме. По крайней мере, его Мэри была рядом с ним.

– Все будет в порядке, – солгал айЭм.

По правде говоря, он понятия не имел, что произойдет дальше.

– Ты должен позволить мне хоть что-то сделать, – сказал Голливуд сквозь стиснутые зубы. – Я должен... я должен хоть чем-то помочь.

– Ты здесь. Этого достаточно.

айЭм обнял парня, а затем продолжил свой путь в раздевалку. Толкнув дверь, он замер, какое-то время просто дышал. Затем подошел к шкафчикам с правой стороны.

Здесь лежали четыре сумки «Найк» в четырех отделениях, и он взял их, одну за другой. Держа по две в каждой руке, он поднял тяжелый вес и протиснулся с ними обратно.

По традиции Теней, останки обрабатывались священными минералами и очищенной водой много раз, пока над ними произносился перечень молитв. Потом тело обертывали ароматными тканями, а затем покрывали растаявшим воском.

Он почти прошел мимо Рейджа, когда остановился и нахмурился.

Посмотрев на Брата, он спросил:

– Сколько сейчас времени?

Рейдж взглянул на экран телефона.

– Пять утра.

– Вообще, есть кое-что, что ты можешь для нас сделать, – тихо произнес айЭм. – С наступлением ночи.

Как только солнце скрылось за горизонтом, Рейдж первым вышел из особняка. Минуту французские двери библиотеки, он пересек пустую террасу, свободную от кованой мебели, которую на зиму убрали на склад. Бассейн также был осушен и накрыт, зонты спрятали, даже клумбы и фруктовые деревья накрыли от предстоящего снега.

Эти приготовления к зиме казались своевременными. Словно территория особняка надела траур вместе с ними.

В его боевой руке висела бензопила «Хускварна 460 Рэнчер», готовая к работе.

Дневные часы были пыткой, странный промежуток времени после смерти вкупе с необходимостью оставаться в доме превратили особняк в обитель зомби.

Хорошие новости: он, наконец, вырвался на свободу, и сейчас займется резкой.

Пройдя к деревьям на дальнем конце лужайки, он вошел вглубь и дальше, до самой заградительной стены, опоясывавшей территорию. Примерно в двадцати ярдах располагалась укрепленная дверь, и, добравшись до панели, он вбил пароль на консоли и дождался металлического лязга, который сопровождал разблокировку внутреннего засова.

Толкнув тяжелую панель, он оставил ее открытой для своих братьев, а также Бэт, Хекс, Пэйн и других женщин.

По другую сторону росли преимущественно сосны, и он оценил размеры стволов, освещаемых лунным светом. Он будет избегать старожил и нацелится на молодняк.

Рейдж завел пилу, чувствуя смесь газа и нефти, и, увеличив обороты, подошел к хвойному дереву с фут диаметром. Лезвие прошло сквозь кору в древесину, как кинжал – в плоть, делая быстрый и чистый, практически хирургический разрез. И когда пушистая сосна с треском рухнула, он перешел к следующей, выжал обороты и распилил, одновременно осматривая местность, чтобы дерево никого не прибило.

Позади него Тор подхватил первый двадцатифутовый ствол и потащил к проему в опорной стене. Бэт была следующей. Пэйн. Бутч. Джон Мэтью и Хекс. Блэй и Куин. По цепочке, они работали словно на конвейере, никто не произнес ни слова.

Никто не потрудился надеть ни перчатки, ни куртки.

Кровь на поцарапанных ладонях, пролившаяся на деревья, служила их вкладом.

В холодную осеннюю ночь сладкий запах хвои напоминал ладан.

Ривендж помог им с планированием в течение дня. По традиции симпатов погребальные костры состояли из двух частей: треугольное основание из девятифутовых вертикальных столбов, на которые ставилась прочная платформа из девяти шестифутовых досок, а вершина строилась из девяностошести бревен, из которых девяносто были в девять футов длиной, и шесть – по шесть футов. Для вершины каждое из девятифутовых бревен располагалось на расстоянии девяти зэму^[108] – что равнялось приблизительно девяти дюймам – и каждый следующий уровень располагался перпендикулярно предыдущему.

Цель такой конструкции – обеспечить достаточный поток воздуха, чтобы дать огню разгореться.

Именно так они и сделают... потому что ни у кого не было других вариантов, и хотя ни Трэз, ни Селена не принадлежали к симпам, все решили, что лучше воспользоваться действенным вариантом, нежели рисковать и заниматься кустарничеством.

В итоге Рейдж завалит примерно шестьдесят пять деревьев примерно по двадцать футов каждое. Потом они спилят ветки и снимут кору с помощью кинжалов, пил и других инструментов и установят костер на ровном участке лужайки к западу от дома.

Во время работы пила подскакивала от каждого удара, словно дикое животное, едва сдерживаемое оковами. А он, тем временем, вспоминал свое прошлое с Мэри.

Он был на месте Трэза, сидел рядом с кроватью, на которой лежала его любимая. Ему знаком этот парализующий страх и неверие, что жизнь, со всеми ее испытаниями пришла к такому финалу. Он вернулся домой, разделся и сел на алмазы, резавшие его колени... и склонив голову к единственному известному ему божеству, он молил о спасении Мэри.

И Дева-Летописецца снизошла до него, даровав то, что он просил... но величайшей ценой.

Его Мэри будет спасена, но в обмен за этот дар, она не сможет быть с ним. Такова была плата за невероятное благословение, уравновесившая чудо.

Боль образовала в его груди черную дыру, бесконечную рану, настолько глубокую и смертельную, что он поражался, почему не пошла кровь...

Рейдж наблюдал, как очередное дерево замертво рухнуло на холодную землю.

Он знал наверняка, что Трэз чувствовал в эту секунду.

В чем была разница? В ту ночь, примерно два года назад, после того, как он поклялся оставить ее, чтобы спасти от болезни... его Мэри влетела в его комнату живая и невредимая, исцелившаяся, спасенная, здоровая.

И она могла остаться с ним.

Это было единственным лучом солнца за всю его взрослую жизнь: словно крыша над головой растворилась, и солнце вошло для него одного, тепло и свет накрыли их обоих, когда он обнимал свою женщину.

В то мгновение они оба были спасены благодаря милосердию Девы-Летописеццы.

Позднее он узнал, что Мэри стала бесплодной во время химиотерапии, и Дева-Летописецца решила, что этого достаточно, чтобы уравновесить дар вечной жизни.

И по сей день они с Мэри были неразлучны.

Трэзу не даровали подобное чудо.

Селену не спасли.

Повторилась трагедия Тора и Велси.

Хотя Рейдж ни за что не признается в этом, он не понимал, почему его и его шеллан избавили от такой участи. Особенно с учетом того, что Дева-Летописецца прокляла его зверем за то, что он не умел держать себя в руках.

И все же она была расположена вернуть ему его любимую.

Благодаря Матери расы, его Мэри могла жить, сколько пожелает... до тех пор, пока он не уйдет в Забвение.

Тот факт, что их избавили от горя... казался абсолютной случайностью, как и причина, по которой прокляли Тора и Трэза.

По крайней мере, его брат научился жить дальше.

Оставалось только надеяться, что то же самое произойдет с Тенью.

* * *

– Отвези это, – сказал айЭм Фритцу, – в мою квартиру в Коммодоре. Приклей на наружное стекло раздвижной двери на террасу.

– С удовольствием, господин, – ответил дворецкий. Но потом доджен нахмурился. – Будут другие распоряжения?

– Нет.

Фритц продолжил стоять на месте, сбитый с толку, и айЭм не мог понять...

А. Точно. Он не отдал записку.

Заставив себя разжать руку, он отступил назад.

– Спасибо, дружище.

– Если вам или вашему брату понадобится что-нибудь еще, прошу, позовите меня. Я буду рад услужить, особенно сейчас.

Дворецкий низко поклонился и, пройдя по коридору, скрылся за стеклянной дверью в офис.

айЭм оглянулся по сторонам, хотя по-прежнему был один. Ему нужно чем-нибудь занять глаза, и в этом смысле он понимал, почему Рейдж и Братья взяли дело на себя... как и женщины этого дома, те, кто не работал в лесу, ушли наверх, чтобы помочь приготовить церемониальные блюда, которые обычно подавали на траурных трапезах. По этой же причине Избранные и Праймэйл закрылись в спортзале для проведения древних ритуалов, ароматизированный дым от священных свечей наполнял учебный центр ароматом одновременно тяжелым и приятным.

Образовалась мешанина из разных вероисповеданий и традиций, все смешалось вокруг горя.

Его брат.

И сам айЭм ждали здесь.

В какой-то момент в ближайшие три часа мужчина выйдет из палаты, обнаженный и покрытый собственной кровью.

Отметки на груди и животе скорбящего мужчины станут последней частью ритуала подготовки тела ушедшей супруги.

И как ближайший родственник к страдающему, айЭм должен закрепить раны солью, навечно запечатывая их на плоти.

Он встряхнул в руке тяжелый мешок из черного бархата, наполненный солью. Он был перевязан золотой веревкой, и вес был внушительный.

И где-то на задворках сознания все маячила мысль о другой стороне происходящего. О следующей ночи.

О конце траура в с'Хисбэ.

Он долгое время обдумывал решение, включавшее пожизненные скитания. Свой долг перед Ривенджем они давно выплатили, и со смертью Селены Трэз мог относительно спокойно выйти из бизнеса в Колдвелле и пуститься в бег.

Королева Теней не сможет предъявить права на то, что невозможно поймать.

И будет умней всего поступить именно таким образом.

Но проблема... была с его *майкен*.

айЭм снова перевел взгляд на закрытую дверь, представляя, как брат заворачивает свою любимую... и на это мгновение он попытался представить Трэза в нужном состоянии для побега.

Не стоит на это надеяться.

Дерьмо. Было возможно, что Трэз решит проблему за всех них.

Приставив пистолет к виску.

У Трэза не было воспоминаний о собственном рождении.

Но когда он подошел к двери смотровой комнаты, ему казалось, что это в чем-то напоминало тот опыт. После долгих часов боли, за которой неотступно следовало экзистенциальное истощение, он положил ладонь на приоткрытую панель, осознавая, что даже если бы между ним и тем, что ждало его по другую сторону, не стояла физическая преграда, для того, чтобы выйти, ему бы все равно потребовался толчок, усилие, которое бы помогло ему вырваться из временной капсулы, в которой он застрял.

Несколько жизней прошло с тех пор, как он спустился в клинику с Селеной на руках... с тех пор и до этого момента.

Несколько жизней.

И, как и младенец желал покинуть чрево матери, так и он не мог оставаться здесь.

Он должен исполнить последний долг, хотя сил у него совсем не осталось.

– Селена... – прошептал он.

Ее имя, слетевшее с его пересохших губ, стало ключом к великому выходу... и вот он ступил в мир, такой же новый для него, каким был при рождении.

Он был таким же неподготовленным к жизни, как и младенец.

И, как было при рождении... его ждал айЭм.

Брат вскинул голову так быстро, что ударился головой о бетонную стену, к которой прислонился спиной.

– Привет...

Темный взгляд прошелся по нему, и Трэз посмотрел на себя. Черные брюки были в его крови, воске и марлевых нитках. Грудь была изрезана. Свободная рука покрыта той же смесью, что и штаны.

– Соль, – сказал Трэз. – Нам нужна соль...

Его голос напоминал звучание сломанного кларнета. С другой стороны, он много часов проговорил со своей королевой. Столько молитв, и странно, что он все помнил... хотя он никогда не говорил и не слышал их на диалекте Теней...

Что он делает в коридоре?

Когда айЭм протянул черный бархатный мешок, он вспомнил.

Да, точно.

С легкостью он позволил телу рухнуть на пол, колени приняли на себя должно быть сильный удар, который он не заметил.

Запрокинув голову, он подался грудью вперед, сетка ран, которые он нанес себе, раскрылась еще больше, закровоточив по новой.

– Готов? – спросил айЭм, нависая над ним.

Он издал какой-то звук, который мог означать и «да», и «нет», и... что угодно. Но его поза говорила за себя.

Дыхание с шумом вырвалось из его горла, когда соль с шипением посыпалась из мешка на его ключицы. Поток сопровождался жгучей болью, настолько сильной, что сердце застыло за ребрами, а легкие охватила судорога... и, тем не менее, он покорно терпел ощущения, говоря себе, что это – дань Селене.

Он будет вечно носить метки, сделанные для нее.

Именно это происходило во время бракосочетания... только в его случае, любимая покинула его. И было логично, что вместо величайшей радости, он чувствовал сокрушительную скорбь;

вместо того, чтобы стать одним целым, он был обречен провести вечность без нее.

Когда в мешке закончилась соль, он остался на месте, из выбора и по необходимости. Необходимость заключалась в том, что мускулы его спины и плеч задеревенели, может, из солидарности к его женщине, но скорее всего потому, что он провел в сторбленном положении последние десять часов... или пятнадцать? А что до выбора? Как бы он ни ненавидел ритуалы, которые громко кричали в его голове «ОНА УМЕРЛА», он не хотел, чтобы они заканчивались.

Каждое ушедшее мгновение, каждая минута новой реальности была шагом от Селены. И каждый из маленьких шагов, если выстроить их в ряд, скоро превратится в ночи, которые станут неделями и месяцами... и уходящее время было мерилom его потери.

Оно уводило его от Селены.

Пока он заботился о ней перед последней дорогой, часть его разума проигрывала события с самого начала. С того момента, как фигура в черной мантии появилась перед ним в клубе, и он поднял Селену с ярко-зеленой травы на Другой Стороне, до мгновения, как они впервые сражались за ее жизнь здесь, в клинике. И до мгновения, когда она рухнула в спальне айЭма.

Проводив ее, он первым делом рванет наверх, чтобы посмотреть, куда именно упали ее колени на том ковре.

– Скажи Фритцу, чтобы не пылесосил, – выпалил он.

– Что?

Он заставил себя поднять голову и открыть глаза.

– Скажи Фритцу... что нельзя пылесосить твою комнату.

– Ладно. – Слово было сказано, словно айЭм обращался к съехавшему с катушек парню, собиравшемуся прыгнуть с крыши.

Трэз опустил взгляд на грудь. Кожу покрывали мелкие гранулы, местами белые, некоторые окрасились в розовый или красный от его крови.

Он надеялся, что доджен не упорствовал с выполнением своих обязанностей этой ночью. Ему нужно помнить, где именно все произошло. Он должен... помнить дорогу вниз, в клинику; где стояло кресло возле экзаменационного стола; что он говорил ей. Как выглядела игла. Как... все произошло.

И не из какого-то болезненного восхищения. Скорее желание не упустить ни одну деталь.

Ни одно воспоминание.

Пытаясь встать на ноги, он забормотал:

– Нужно возвести...

– Все сделано.

Трэз покачал головой, махнув рукой.

– Нет, послушай. Мне нужен топор... или пила...

– Трэз, ты меня слышишь?

... – еще нужен бензин или керосин...

– Так, дай мне это.

– Что? – когда брат аккуратно схватил его правую руку, Трэз, нахмурившись, опустил взгляд. Он все еще держал кинжал в руке.

– А.

Он приказал ладони расслабиться.

Ничего не произошло, и он попытался сильнее.

– Я не могу отпустить его.

– Переверни руку. – айЭм разогнул его пальцы, один за другим. – Вот так.

Когда мужчина засунул оружие за пояс, Трэз попытался включить мозги.

– Но он может пригодиться для...

– Братья и их женщины позаботились о костре.

Трэз моргнул.

– Правда?

– Они возводили его последние три часа. Все готово.

Покачнувшись на ногах, он закрыл глаза и прошептал:

– Я перед ними в неоплатном долгу.

* * *

– Вот, надень куртку, ты, наверное, замерз.

Рейдж опустил взгляд на свою Мэри.

– Что, прости? Что ты сказала?

Она протянула парку.

– Рэйдж, здесь тридцать два градуса [\[109\]](#). А на тебе одна майка.

Он, конечно, верил ей на слово, но все-таки посмотрел на голые руки.

– О. Наверное, ты права.

– Я помогу надеть ее.

Он понимал, что она обращалась с ним, как с ребенком, но почему-то его это не тревожило.

И когда она засунул его руку в рукав и завернула его тело в куртку, он позволил ей делать все, что она захочет.

В куртке. Без куртки.

Плевать.

Его взгляд переместился к костру. Он получился выше, чем Рейдж ожидал, возвышаясь подобно небольшому дому над лужайкой, расположенной позади садов и бассейна. Им пришлось построить что-то вроде лестницы, чтобы можно было добраться до верхнего уровня, и, после обсуждения и следуя совету Ривенджа, они облили основание бензином.

Как и все остальные, он стоял против ветра.

Собралась приличная толпа, подумал он. Все домочадцы. Прислуга. Также все Избранные.

– Я принесла тебе перчатки, – сказала его Мэри.

Когда она потянулась к его руке, Рейдж покачал головой.

– Я залью их кровью.

– Неважно. Ты уже обморозился.

– Настолько холодно? – Секунду, она же только что сказала температуру.

– Да, – прошептала Мэри. – Холодно не по сезону.

– Так и должно быть. Не думаю, что теплая погода была бы... это было бы не... думаю, нам тоже должно быть больно.

Поэтому он предпочел бы остаться без парки. Но он не мог отказать своей шеллан...

Краем глаза он уловил белую вспышку.

Он повернулся, и дыхание застряло в горле. Трэз вышел через ту же дверь, что и все они – из библиотеки, айЭм шел следом.

Значит, началось похоронное шествие.

Тень нес на руках самое драгоценное, что было для него на земле, шаг за шагом ступая по лужайке туда, где они трудились долгие часы. Без каких-либо разговоров на повинуюсь некому групповому мышлению, собравшиеся выстроились в два ряда, формируя коридор для Трэза.

Трэз изменился, в плохом смысле. Как человек, который провел месяц в путешествии, без достаточного количества еды и воды, он усох, представляя изнуренное эхо себя прежнего, его

лицо впало, и мужчину окружала аура болезни, хотя он не страдал каким-то конкретным заболеванием.

Когда он прошел мимо, Рейдж задрожал.

Самодельные леса, которые они построили, скрипели, когда Трэз поднимался по ним, но Рейдж не боялся, что ступени развалятся. Они с Тором несколько раз испытали их на прочность.

И они выдержали вес.

Освещенная лунным светом, темная фигура Трэза заслоняла собой часть звезд, светивших в эту ночь, вырезая кусок галактики так, словно какой-то бог покромсал ножницами ткань вселенной.

Склонившись, он положил Селену в центр. Потом какое-то время он стоял на вершине, и Рейдж мог представить, как он поправлял ее. Говорил последнее «прощай».

Хорошо, что этого никто не видел и не слышал. Некоторые вещи, даже в дружественной обстановке, нуждаются в уединении.

Факел, которым они планировали поджечь костер, принесли из Гробницы. Ви смотался в святая святых и взял один из факелов, выставленных в главном коридоре... еще один способ оказать уважение Тени и его утрате. Тор поджег его, когда Трэз наконец выпрямился во весь рост и начал спускаться по лестнице, пламя ожило на вершине рукояти, готовое распространиться дальше, неустрашимое перед холодным ветром.

У основания костра Трэз принял факел, и двое мужчин обмолвились словами. В мерцающем свете огня была видна исполованная грудь Трэза с затянувшимися ранами, а перед его брюк был испачкан солью, кровью и воском.

Забавно, как порой течение времени можно было оценить не только по часам или календарю: состояние одежды и его плоти говорило о часах, которые он провел, подготавливая тело своей любимой.

А потом Тор вернулся в строй, вставая рядом с Осенью.

Трэз устоял на костер. Посмотрел на его вершину.

Прошло много времени, прежде чем он подошел к углу основания, одному из трех, и, наклонившись...

Пламя вырвалось на свободу словно дикое животное, сорвавшееся с цепи, оно устремилось по следам бензина, находя питание, пожирая его.

Трэз сделал шаг назад, опуская факел и держа его у своего бока, словно мужчина забыл, что пламя на нем не потухло.

айЭм рывком вышел вперед и забрал факел, и как только он отвернулся, Трэз закричал.

Когда белесый дым от горящей древесины, оранжевые искры и языки огня устремились в ночное небо, Трэз в ярости закричал, его торс подался вперед, ноги подогнулись так, словно он приготовился прыгнуть в пламя костра.

Не успев толком сообразить, Рейдж выскочил из линии, бросившись к парню, айЭм этого сделать не мог, держа в руках факел. Сжав в захвате бедра парня, он оторвал Трэза от земли и отошел с ним на добрые десять футов.

И хотя ветер дул со спины, жар все равно был невероятным.

Трэз, казалось, этого не замечал... ни смены положения, ни реальности того, что он мог сгореть, если ветер сменит свое направление.

Он просто кричал навстречу костру, мускулы на ее шее выделялись, грудь вздымалась, и все тело стремилось вперед, удерживаемое железной хваткой Рейджа.

Он не слышал точных слов, но, может, слов и не было.

Порой языка было недостаточно.

Оставалось только кричать.

– На самом деле, думаю, что останусь здесь.

Пэрадайз подняла взгляд из-за своего стола. Отец стоял перед ней, ее слова, казалось, повергли его в шок.

– Но, конечно же, ты захочешь вернуться домой.

В зале для ожидания никого не было... более того, во всем доме были они, да Вучи с обслуживающим персоналом. Что-то произошло на территории Братства, и Роф отменил все встречи на следующие несколько дней, объявляя траур для себя и Братьев. Она не знала подробностей, но что бы там ни стряслось, это произошло внезапно.

Она надеялась, что никто не погиб в войне.

– Правда, я счастлива... быть здесь. – Не совсем правда, но что-то близкое к ней. – Мне нравится, что у меня есть свое пространство.

Ее отец оглянулся по сторонам, а потом поднес стул.

– Пэрадайз.

Ах, да. Его дорогая-будь-серьезна голос. И, как правило, когда он начинал подобным образом, ее отбрасывало назад на свое место, словно центробежная сила тона главы семьи была сильнее самой гравитации.

Но не этой ночью.

– Нет, – сказала она. – Я не вернусь домой.

О... чудесно. Как выяснилось, кое-что могло быть хуже этого: сейчас в его глазах вспыхнула боль.

Она накрыла лицо руками.

– Прощу, не надо.

– Я просто... я не понимаю.

Нет, подумала она. Он не понимал.

– Отец, мне нужно что-то свое... и я говорю не о супруге, ребенке и большом доме.

– Нет ничего постыдного в том, чтобы иметь семью.

– И не будет ничего постыдного в том, что женщина хочет пожить своей жизнью.

– Может, если ты встретишь правильного...

Она уронила руки на стол, задевая край клавиатуры, отчего та подпрыгнула.

– Меня не интересует брак. В принципе.

Он побледнел от ее слов. Словно она заявила, что хочет голышом выбежать под полуденное солнце.

– Скоро должен состояться твой выход в свет.

– Сейчас у меня есть работа.

Повисло долгое молчание, в течение которого он изучал ее лицо, и Пэрадайз не дрогнула.

– Это из-за наших споров? – спросил он.

– Нет.

– Тогда что... изменилось, Пэрадайз?

– Я изменилась.

Поражение грузом легко на его плечи, и тогда Пэрадайз осознала, что пусть он и был ее хранителем^[110] согласно Древнему Праву, на самом деле, отец не мог принудить ее к чему-либо.

К сожалению, это осознание запоздало.

– Дело в учебной программе? – спросил он.

– И да, и нет. Дело в том, что я хочу сама принимать решения касательно своей жизни, а не

мириться с чужими. Я просто... я хочу быть свободной.

Ее отец покачал головой.

– Похоже, я просто отношусь к другому поколению.

Скрестив руки на столе, она подалась вперед, вспоминая того гражданского, что приходил за распечатанным заявлением... он назвал ей свое имя, но отказался пожать руку.

Она искала его взглядом каждый раз, когда открывалась парадная дверь.

– Отец, это вопрос безопасности.

– Что, прости?

– Мое желание вступить в учебную программу. Я хочу научиться защищать себя. Это не значит, что в итоге я захочу сражаться в городе, убивать лессеров. Но это значит, что если что-нибудь произойдет со мной, то я буду более подготовленной к этому.

– Ты прекрасно защищена. Здесь и дома...

– Но что, если я захочу куда-нибудь пойти?

Когда снова повисло молчание, она поняла, о чем он думал. Хотя он редко произносил это вслух, но ей всегда было ясно, что он скучал по своей покойной шеллан и жалел, что ее мамэн не могла принять участие в неловких разговорах, подобных этому. Казалось, он считал, что участие женской стороны приведет к более гармоничному результату... он всегда пользовался этим утверждением, потому как его нельзя было опровергнуть.

Может, ее мамэн помогла бы ему в таких ситуациях. А может и нет.

Он вздохнул, и в этом вздохе столько всего было.

Рядом зазвонил телефон, и она сразу же потянулась к трубке, потому что с телефонным звонком разобраться легче, чем с семейными проблемами.

– Добрый вечер.

На другом конце провода повисла короткая пауза, а потом раздался мужской голос со странным акцентом, мужчина говорил на Древнем Языке:

– *Это дом для аудиенций с Рофом, сыном Рофа?*

Она нахмурилась и ответила тем же способом:

– *Да, так и есть. Чем могу быть полезна?*

– *Он расположен на авеню Уоллэс восемь шестнадцать?*

Когда мужчина назвал адрес, Пэрадайз посмотрела на своего отца:

– *Чем я могу вам помочь?*

– *Вы можете передать своему Королю важное послание. Если он под стражей не доставит Нареченного Теней, ТрэзЛафа, завтра к полуночи к границам Территории, Ее Высочество Священная Душа, Королева Раит, правительница с'Хисбэ, интерпретирует сокрытие указанного мужчины, как объявление войны против нашего народа. Она намерена заключить священный брак наследницы престола Теней в первую ночь по окончании траура. Уступчивость избавит вампиров от ужасного кровопролития. Нежелание подчиниться навлекут все бедствия войны на ваш народ.*

Бип.

Отодвинув трубку от уха, она могла только уставиться на черный пластиковый прямоугольник.

– Пэрадайз? – спросил отец. – Что такое?

– Если это не розыгрыш... – Она подняла глаза. – Тени объявили войну... нам.

Спустя какое-то время Трэз осознал, что находился уже не на улице.

В действительности, он сидел на своей кровати на третьем этаже особняка, ладони лежали на коленях, тело продолжало двигаться, пусть он и не шевелился в данный момент.

Он оставался у костра, пока тот не рухнул, и не потухло пламя, а после кто-то привел его сюда.

Это шум включенного душа?

айЭм появился в дверном проеме ванной.

– Давай помогу тебе.

– Ты только этим и занимаешься, – пробормотал Трэз.

– Будь ты на моем месте...

Когда брат подошел к нему, Трэзу оставалось лишь поднять на него взгляд, словно айЭм был гигантом.

Эмоции пересилили истощение.

– Ты самый достойный мужчина из всех, кого я знаю, – сказал Трэз тихо.

айЭм застыл. Прокашлялся.

– Эм... давай снимем с тебя штаны? И прежде чем ты ответишь, да, я в курсе, что ты не голоден, но я принес кое-что перекусить, и да, в том числе и алкоголь.

Когда айЭм протянул руку, Трэз моргнул и увидел Селену, застывшую на месте, в теперь вечном ожидании, что он возьмет ее за руку и спасет.

Но он не смог спасти ее.

Склонив голову, он чувствовал себя слишком уставшим для слез, и ощущение, что все будет так плохо до конца его жизни, сидело подобно стальному костюму с шипами, направленными внутрь.

– Пошли, – позвал его айЭм надломленным голосом.

Трэз взял предложенную руку рефлекторно, его не волновали ни грязное тело с одеждой, ни еда.

Но выпивка... наверное, поможет.

По крайней мере, благодаря ей он мог вырубиться.

Когда они направились в ванную, зазвонил его телефон на прикроватном столике, и на мгновение он помедлил, удивляясь, как это было странно...

Но ведь это было вполне нормально? Люди звонят друг другу, когда чего-то хотят, когда им что-то нужно, когда хотят поделиться новостями или просто сообщить, что все в порядке.

Вспоминай, сказал он себе. Так все и происходит...

В следующий раз, когда к нему пришла осознанная мысль, он заходил голым под душ.

Ой.

И все.

Просто... ой. Словно струи воды попали в рану в его груди.

Именно айЭм подался вперед и вымыл его волосы и тело, промочив при этом рубашку спереди и рукава.

Потом они вышли из душа, и пришло время вытираться.

Он опомнился уже сидя на кровати, до груди закутанный в покрывала, поднос с ножками стоял рядом. айЭм сидел на краю матраса, его губы шевелились.

Со странным чувством, словно он покинул свое тело, Трэз наблюдал за братом со стороны, за грациозными движениями его руки, обеспокоенным выражением его лица, умными глазами.

– Со мной все будет в порядке, – сказал Трэз, когда повисла пауза.

Он понятия не имел, о чем говорил брат, но был уверен, что темой было его состояние.

– Сделаешь одолжение? – спросил Трэз, посмотрев на дверь в другом конце комнаты. – Поблаговаришь всех... за меня? За все, что они сделали? Я был так измотан... Не знаю, как бы я умудрился построить его.

Не было причин добавлять существительное. айЭм знал, о чем шла речь.

– Да. Конечно.

И я хочу, чтобы ты отдохнул.

– Что, прости?

– Я никуда не денусь. Этой ночью уж точно. – Он сжал руки, чувствуя боль в предплечьях и плечах. На то, чтобы обмотать ее бинтами ушло много энергии, и он не чувствовал, сколько усилий прикладывал в процессе. – Я слишком... всё сразу. Я слишком всё сразу.

айЭм посмотрел на него, направив глаза-лазеры:

– Уверен? Я собирался поспать здесь, с тобой.

– Спасибо, но я бы хотел побыть один. И, опережая тебя, нет, я не собираюсь делать ничего глупого. Можешь забрать у меня оружие.

– Поверишь, если я скажу, что уже это сделал?

Перед глазами всплыло воспоминание, как он стоял, приставив пистолет к виску, в первую ночь, когда Селене стало плохо.

– Да. Поверю.

Кроме одного сорокового, если только парень не разобрал джакузи.

айЭм снова заговорил, и Трэз наблюдал, как он уходит, периодически кивая, просто чтобы не быть грубым. Его разум снова уплывал, и прежде чем он понял, глаза последовали за ним, закатываясь.

Не успел он сообразить, как уже лежал на кровати.

Голос айЭма раздался откуда-то сверху, словно голос Бога или диктора:

– Я оставляю свет включенным.

Словно ему четыре года.

– Спаси...

* * *

айЭм стоял над братом, когда Трэз вырубился на середине «спасибо». Когда из рта парня вырвался тихий храп, он покачал головой.

Брат будет в таком состоянии еще очень долго.

Посмотрев в изножье кровати, он увидел штаны, которые скинул на пол, и подошел, чтобы поднять их. Наверное, будет лучше, если проснувшись, парень не увидит именно их первым делом... айЭм бы вообще предпочел их выбросить. Но мысль, что они могли стать важным символом смерти Селены, остановила его, и в итоге он сложил брюки и убрал на полку шкафа.

Он еще раз проверил Трэза. Больше он ничего не мог сделать, только подтащить кресло к кровати и смотреть, как парень дышит следующие четыре, шесть или десять часов.

Он помедлил на выходе из комнаты... и не увидел ничего тревожного, кроме того факта, что парень напоминал покойника.

Ничего тревожного.

Все по-старому.

Господи, его сейчас вырвет.

Спустившись на второй этаж, он подошел к открытым дверям в кабинет Рофа. Все братья и воины собрались там, кто-то сидел, кто-то прохаживался, несколько стояли, прислонившись к стене.

Они замолчали и посмотрели на него.

Он поднял руку, здороваясь.

– Не хотел отвлекать вас. Просто подумал, что вы захотите узнать, что он спит наверху. Он очень благодарен вам за все, что вы сделали, и попросил меня передать это.

Кто-то забормотал... но что-то было не так. Причем серьезно.

– Что случилось? – медленно спросил он.

– Зайди на минуту и закрой за собой двери? – заговорил Роф из-за резного стола.

Значит, они ждали его.

– Ну, да. Не вопрос.

Закрыв их внутри, он скрестил руки на груди.

– Рассказывайте. И не надо ходить вокруг да около. У меня нет на это ни сил, ни терпения.

Роф направил свои солнечные очки в его сторону.

– Примерно полчаса назад в дом для аудиенций звонили.

– Кто?

– Звонивший не представился. Однако, очевидно он принадлежит к с'Хисбэ. Ключевая мысль в том, что либо я выдам твоего брата завтра к полуночи, либо Королева объявляет войну не просто мне и Братьям, а всей расе вампиров.

айЭм закрыл глаза.

Ему следовало ожидать этого. На самом деле.

Но он бы не отказался от хотя бы десятиминутной передышки перед тем, как взорвется очередная драма.

Шумно выдохнув, он пробормотал:

– Вот сукины...

– Мы не отдадим его.

Глаза айЭма вылезли из орбит.

– Что?!

Роф уперся мощными предплечьями в стол, подаваясь вперед и обнажая клыки.

– Я не отвечаю на угрозы. И мы готовы к войне, если дойдет до этого... но вне зависимости от исхода, я никуда не пущу этого мужчину. Точка.

Когда низкий рык пронесся по комнате, айЭм оглянулся по сторонам.

Он не плакал со смерти Селены, даже когда шел позади брата навстречу погребальному костру. Словно со смертью Избранной, словно электрический запал, ведущий к слезным железам, сгорел под грузом, и свет в центре его груди потух.

Но сейчас, встретив уверенные, наполненные агрессией взгляды мужчин, собравшихся в комнате, слезы покатались по его щекам.

Казалось, что проведя десятилетия в одиночку, они с братом наконец нашли свою стаю.

Эти гордые воины и их женщины усыновили двух беспризорников, скитавшихся по миру... и они были готовы биться до смерти, чтобы защитить своих.

Содрогнувшись, он взял себя в руки и покачал головой в сторону Рофа, пусть мужчина и не мог увидеть его.

– Прости, я не могу позволить вам сделать это...

– Я ослышался? – выплюнул Король. – Ты пытаешься сказать мне, что делать?

– Но Тени способны на... – Он прокашлялся, не желая оскорблять их. – Вы не понимаете, на что способен мой народ.

У них в запасе были трюки, которые не под силу обычным вампирам.

Роф кровожадно улыбнулся.

– Наверное. Ты еще не встречался с моим союзником? – Король махнул рукой в сторону, указывая на Ривенджа. – Вас представить?

Фиолетовый взгляд Ривенджа был ледяным.

– Будучи Правителем своего народа, у меня есть свои ресурсы... и могу тебя заверить, мы способны отразить любое нападение этой Королевы.

Симпаты, подумал айЭм. Господи Иисусе...

Роф обратился к комнате:

– Она хочет войны? Она ее получит... и я гарантирую, что тактика «выжженной земли»^[111] покажется воскресным утренником по сравнению с тем, что ей я устрою, если она попытается забрать нашего парня.

айЭму оставалось просто стоять там и моргать, как придурку.

Гребаный. Ад.

Ему практически стало жаль эту женщину.

Когда айЭм примерно через двадцать минут материализовался на террасе их квартиры в Коммодоре, то обнаружил записку, которую попросил отвезти Фритца, все еще приклеенной к стеклу на скотч. Сорвав ее, он обнаружил, что записку вскрыли и прочли, поэтому спрятал во внутренний карман кожаной куртки.

Потом открыл дверь и усилием мысли зажег лампы.

Вспыхнул свет, и айЭм моргал, пока привыкали глаза. Холодные порывы ветра развевали шторы и даже сбросили подушку с дивана. Он не закрыл раздвижную дверь за собой.

Сняв куртку, он принялся выписывать круги.

Его мучила совесть. Сильно. Наконец найти свою стаю, только чтобы им пришлось вступить войну из-за него и его брата? С этим невозможно ужиться. Да, конечно, Братья – серьезная сила, тренированная, вооруженная до зубов... и симпатии поддерживали их.

Но смертей не избежать.

Такова природа вооруженного конфликта.

Каким бы ни было другое решение, он должен найти его. И быстро...

– айЭм?

Услышав голос майкен, он развернулся.

– О, Боже, ты пришла.

Не поздоровавшись толком с бедной женщиной, он подлетел к ней и крепко прижал к себе. Он чувствовал ее тело даже сквозь мантию, ее тепло, ее душу, и он впитывал ощущения, находя в них необходимую энергию.

Отстранившись, он скинул ее капюшон и обхватил ее голову руками, притягивая к себе для поцелуя.

– Слава Богу.

– айЭм, что стряслось?

Он поспешно взял ее руки в свои.

– Ты должна выслушать меня, и выслушать внимательно. Я хочу увезти тебя в безопасное место.

– айЭм, я не могу пойти с тобой.

– На Территории небезопасно.

Она застыла. Нахмурилась.

– О чем ты говоришь?

Гребань ад, последнее, чего ему не хватало, это реальность, где майкен может быть ранена или погибнет, если он не разберется с безвыигрышной ситуацией, которую заварил Королева. Никто не останется в стороне, если начнется война с с'Хисбэ... и после разговора с Рофом и Ривом, он понял, что оба намеревались напасть на земли Теней.

Завтра в полночь.

– Все очень серьезно. Дворец недостаточно защищен...

– На нас нападают? Кто?

– Я не хочу вдаваться в подробности.

Она резко отошла от него.

– Что случилось?

В это мгновение в коридоре показалась огромная фигура в черной мантии.

– Ну и ну, вот так сюрприз, – протянул с'Экс. – Принцесса.

Сбитый с толку, айЭм посмотрел через плечо на открытую дверь, гадая, не появился ли

четвертый человек в его квартире. Судя по тому, как драматически разворачивались события в последнее время? Да, дочь Королевы вполне могла нарисоваться здесь без причины.

Все настолько вышло из-под контроля.

– Ты еще не представилась подобающим образом? – спросил с'Экс. – Предоставите мне эту честь, Ваша Светлость?

Покачивая головой, айЭм решил, что, наверное, было иное объяснение: с'Экс окончательно слетел с катушек.

– Что за чушь ты несешь?

– То есть она не сказала тебе?

айЭм посмотрел на майкен.

– Сказала что? Это служанка, которая помогла мне.

– Это суженая твоего брата. – Палач прошел еще глубже в комнату, наступая на них. – И по законам дворца, сейчас я должен убить тебя, ведь ты видел ее лицо. – Мужчина подался вперед, понижая голос до театрального шепота: – Хотя, думаю, судя по вашему приветствию... ты видел намного больше. Ведь так? Или хочешь, чтобы я поверил, что вы встречаетесь здесь только ради стирки белья?

Холод. Его окатил ледяной холод, голова, плечи, грудь, до самых ног.

айЭма бросило в холод.

с'Экс был много кем, но крайне редко он... злился. И сейчас мужчина был в откровенной ярости на женщину, стоявшую напротив него, словно она поставила их всех в безвыходное положение.

Если бы она действительно была служанкой? Палачу было бы все равно. Обслуживающий класс ценили только за их способность выполнять свои функции... с'Экс бы просто приказал ей вернуться на Территорию и назначил для нее наказание. Он бы ни был настолько разгневан.

Повернувшись к майкен, айЭм посмотрел на нее и сказал идеально спокойным тоном:

– Я спрошу тебя раз и только раз... у тебя не будет другой возможности быть честной со мной. Поэтому, черт возьми, хорошенько подумай, прежде чем ответить на мой опрос. Кто. Ты. Такая.

Ожидая ее ответа, он вспомнил одну ее конкретную фразу. В то время он неправильно ее понял, но сейчас? Он опасался, что она намекала на правду, он просто не осознавал этого.

«Мы равны, ты и я».

«Нет», сказала она. Боюсь, что нет».

* * *

Принцесса Катра вин Сулэйнэ этл Мулэйнэн дэ ФонЛэран посмотрела айЭму в глаза. Хотя его голос был ровным, даже расслабленным, он был далеко от спокойствия. Ярость кипела под его кожей, когда он сам пришел к выводу... и, очевидно, ждал, когда она наберется смелости и признается сама.

– Оставь нас на минуту, – сказала она палачу.

– Это вряд ли, Принцесса.

– Ты покинешь эту комнату и будешь ждать там... – она указала на открытую дверь, – пока я не позову тебя.

с'Экс прищурился, смотря на нее с ненавистью.

– Не пытайся показать зубы, которых у тебя нет, женщина.

– А я советую не испытывать меня. Тебе не понравится результат... и ты не переживешь его.

Когда она пригвоздила его жестким взглядом, верхняя губа с'Экса приподнялась от злости, но ей было все равно. Он был могущественным мужчиной и убийцей, но им руководили и всегда будут традиции с'Хисбэ. Вот чего никто не понимал в нем: он никогда не убивал без причины. И она подозревала, что он добровольно отдал себя в руки ее матери не по любви, а чтобы обеспечить политическую стабильность.

Немногие догадаются об истинной роли, которую он играл за кулисами... но она знала, потому что подслушивала годами.

И все же, несмотря на влияние, что он имел при дворе, он никогда не пытался свергнуть или ослабить ее мать.

Вместо этого он всегда поддерживал их традиции. Защищал. Оберегал.

– Иди, – настаивала она.

Выругавшись, с'Экс развернулся и вышел. Дойдя до двери, он обратился к айЭму:

– Ты понятия не имеешь, с кем связался. Развлекайся.

И, выйдя наружу, закрыл за собой дверь. Оставаясь там, где она приказала.

Закрыв глаза, Катра попыталась подобрать нужные слова. Она не могла заснуть весь день, целыми часами борясь со своей совестью. И когда она пришла сюда ранее, то была полна решимости: она абсолютно, целиком и полностью любила айЭма.

И знала, что было ужасной ошибкой позволить всему зайти так далеко.

Пришло время рассказать ему... и до того, как он снова прикоснется к ней. Потому что после этого, скорее всего, она снова потеряется.

Прокашлявшись, она начала:

– Я...

– На самом деле, не напрягайся, – прервал ее айЭм. – Маленькое представление, что ты устроила с палачом, говорит за себя. – Он отошел и принялся расхаживать по комнате, запустив руку в волосы. – Чем, черт возьми, ты думала...

– Я не хотела, чтобы это произошло.

– О, Принцесса, умоляю. Ты словно поскользнулась и нечаянно упала на мой член? Нам обоим известно, что все было иначе.

Она нахмурилась.

– Я не совсем поняла твою фразу, но, судя по голосу, должна спросить, обязательна ли подобная грубость...

– Издеваешься? – он вскинул руки. – Ты – суженая. Моего брата. И ты не просто солгала мне, ты меня поимела!

Скрестив руки на груди, Катра посмотрела на него жестким взглядом.

– Наверное, стоит перефразировать твои слова, чтобы они соответствовали правде?

– Значит, ты не только лжешь, но еще и обманываешь саму себя? Чудесно. Охрененно просто. Что конкретно ты хочешь оспорить? Свою ложь или наш секс?

– Насколько я помню, едва ли я тобой воспользовалась. А ты говоришь именно об этом. – Она подалась бедрами вперед. – Воистину, я помню, каким голосом ты стонал мое имя у моего уха.

Он отшатнулся. Пару раз моргнул. Потом сам подался вперед.

– Но ведь это не твое имя, верно? Насколько я знаю, я спал со служанкой, а не наследницей долбаного престола!

– Ты спал со мной! – Она ударила себя в грудь. – Это со мной ты был!

– Чушь собачья! Ты даже на мгновение не допускаешь, что я сделал бы иной выбор, если бы знал, кто ты на самом деле? Или ты настолько эгоистична и высокомерна, Ваша Светлость, что не осознаешь и не заботишься о последствиях своей лжи и того, что отдала свою девственность

абсолютно не тому брату!

– Я не хотела, чтобы все зашло так далеко!

– Как же, охотно верю, – сказал он мрачно.

– айЭм...

– Нет. – Он вскинул обе руки. – Просто... нет. Я не стану обсуждать одно и то же. У меня нет ни времени ни желания на это.

– Я собиралась рассказать тебе. Я знаю, что поставила тебя в ужасное положение...

– Мой брат только что потерял свою шеллан, – выплюнул он. – Вот это проблема. Она умерла у него на руках, и он почти весь день и часть ночи готовил ее тело для погребального костра, будь все проклято. Потом ему пришлось смотреть, как она горела, пока от ее тела не остался лишь пепел на холодной земле. Это дерьмо – настоящее. Но, секунду, это еще не конец веселья! До кучи я только что узнал, что твоя мать, та еще сука, готовится напасть на единственных людей, кто заботился обо мне и Трэзе, если они не доставят его к ее порогу завтра в полночь. И все ради сомнительной чести – стать супругом такой как ты. – Катра пораженно охнула, но он продолжил: – Поэтому тот факт, что мы занимались сексом, в самом конце списка моих забот, совсем не значит в приоритетах. Не такая уж вы важная шишка, Принцесса.

Она не заплачет.

Ни за что.

Хотя грудь кричала от боли, Катра не расклеится перед ним. Она сама навлекла на них беду... и в сторону личный разлад, выяснилось, что над ее народом нависла настоящая угроза.

– Я хотела жить, – прошептала она хрипло. – Хоть раз, я просто хотела жить. И мне не представился бы второй шанс. Ты... ты был единственной возможностью, и я собиралась признаться сегодня ночью. Я знала, что это нечестно. Мне так жаль.

Отвернувшись от него, она подошла к раздвижной двери и открыла ее.

– Сейчас я могу присоединиться к голубкам? – пробормотал с'Экс.

– Ты знал, что моя мать объявила войну Рофу, сыну Рофа? Из-за Нареченного и нашей свадьбы?

Палач застыл как вкопанный, порывы ветра разведали мантию вокруг него.

Встретив ее взгляд, он серьезно покачал головой.

– Если это правда, то решение крайне необдуманное.

Ииииииииии именно поэтому не стоит жениться в Лас-Вегасе на следующий день после знакомства, – думал айЭм.

Когда женщина, которую он считал простой служанкой, а на деле оказавшаяся наследницей долбаного престола, открыто выступила против палача своей матери, айЭму хотелось поставить происходящее на паузу. Единственный светлый момент в этом безобразии – хотя он умудрился стать первым любовником нареченной его брата, по крайней мере, это не заденет его брата.

Нисколько не тронет.

Небольшое утешение.

Великая вещь, эта жизнь.

И хорошие новости? Проблемы с женщинами очень долго не потревожат его: после подобного опыта он снова подружится с левой рукой. Целибат неплохо работал до этого, и айЭм с радостью вернется к истокам, образно выражаясь.

с'Экс полностью вошел внутрь и закрыл за собой дверь.

– Что еще за война?

айЭм закатил глаза.

– Только не втирай мне, что Королева вынесла угрозу без твоего участия. Ты – генерал ее армии. Ее головорез. Я тебя умоляю.

– Могу заверить тебя, – пробормотал с'Экс, снимая капюшон, – что я бы сказал ей своё «нет». Мы – способные войны, особенно моя стража, в нашем распоряжении оружие, о котором вы даже не слышали. Но это не означает, что разумно – провоцировать гнев Рофа. Его репутация говорит за себя.

айЭм посмотрел на парня. При других обстоятельствах он бы поверил с'Эксу, но после того, как его провела *майкен*... точнее, Принцесса... он больше не был так уверен в своей интуиции.

– Они не выдадут моего брата вашим людям, – сказал айЭм. Потом перевел взгляд на Принцессу. – И за их спиной стоят симпатии. Не важно, чем вы угрожаете и что сделаете, куда направите войска и на кого нападете, Роф и Братья *не* выдадут его.

– Ты говоришь так, будто он мне нужен, – ее голос стал хриплым. – Это не так. Я не приму никого – в свое тело и в свое сердце.

Он пожал плечами.

– Было бы поэтично. Если бы ты не доказала, какой выдающейся обманщицей можешь быть.

Он решительно проигнорировал вспышку боли в ее взгляде. Черт, да она всего лишь расстроена, что ее поймали за руку.

Господи, если бы она вышла замуж за его брата, то ожидала бы, что их потрахушки продолжатся...

Прекрати. Просто завязывай с этим дерьмом, приказал он своему мозгу. Судя по длинному списку вещей, которыми он обоснованно мог изъесть себя, не было смысла добавлять к перечню всякие гипотезы.

– Как вы узнали об этом? – спросил с'Экс. – Об объявлении войны?

айЭм посмотрел на мужчину.

– Поступил звонок в дом для аудиенций. С неопределенного номера по неотслеживаемой линии, но, что более важно, так как никому в Колдвелле не известно о ситуации с моим братом и с'Хисбэ... или трауре Королевы... значит, звонок официальный. В сообщении было достаточно скрытой информации. Как они получили телефонный номер? Так это не секрет.

Интересно, как он использовал «они».

Да. Он начинал чувствовать себя вампиром, а не Тенью, вне зависимости от ДНК. С другой стороны, Роф и Братство предложили им еду, кров, дружбу и преданность.

с'Хисбэ были полны требований и цепей.

– Когда вы вернетесь туда, – сказал айЭм, – то можете передать им, что мы с братом больше не живем у вампиров. Роф с Братьями не в курсе, где мы. Мы исчезнем, и никто из вас... – он выразительно посмотрел на Принцессу – не сможет нас найти.

Еще один плюс в ее принадлежности к королевской семье?

Единственное, что разбивало ему сердце при мысли о побеге, единственная связь с городом исчезла.

Покинуть Колдвелл, покинуть Штаты, раствориться и нигде не светиться – наверное, так будет лучше для него.

Видит Бог, у них достаточно денег на целый век, даже если они больше никогда не станут работать. И как бы ни было больно расставаться с Королем, Братством и всеми домочадцами, но если это поможет избежать войны, то он был готов покинуть их.

Они с Трэзом исчезнут.

Навсегда.

* * *

Когда айЭм подошел к стеклянной двери, Катре удалось только внутренним криком удержаться на месте и не броситься за ним. Все это казалось ужасным сном, весь вечер.

Он ушел, не оглядываясь назад. На нее.

И хотя она не могла винить его, ей все же хотелось плакать.

Закрыв глаза, она склонила голову, дыша в свои ладони.

– Только не говори, что ты в него втрескалась, – мрачно сказал с'Экс.

Заставив себя опустить руки и обратиться к палачу, она твердо посмотрела ему в глаза:

– Почему ты здесь? Ты не мог проследить за мной – я была осторожна.

Он отвел взгляд:

– Я хорошо знаком с этим местом.

– Ты бывал здесь раньше?

– Ты не единственная, кто время от времени стремится к свободе. За этими двумя числится определенный... должок, скажем так.

Больше с'Экс ничего не сказал, и она ощутила, что в нем жила боль. Сильная боль. И она задумалась, что, возможно, он оплакивал смерть своей дочери в этом месте, оплакивал потерю, предопределенную звездами.

Смотря на гордого мужчину, Катра чувствовала, как между ними образовывалась определенное родство. Она никогда бы не подумала, что он был несчастлив и недоволен своей долей, и возможно, все было наоборот. Но ему пришлось пожертвовать своей плотью и кровью ради традиций... и ради ее матери.

Точнее, его принудили к этому, из-за звезд.

– Мне жаль, – прошептала она

– Чего?

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я.

Редкий случай, чтобы мужчина вроде него отводил взгляд, но он опустил глаза.

– Не понимаю, о чем ты говоришь.

Она сосредоточилась, понимая, что им пора уходить, и по нескольким причинам. Но она

также четко осознавала, что она здесь в последний раз, в месте, хранившем столько воспоминаний. Хотя она знала айЭма всего несколько ночей, прошла... целая жизнь.

Покидая это место, она словно закрывала дверь перед единственным светлым пятном в жизни.

– Нам пора, – сказал с'Экс, словно прочитал ее мысли и чувства.

Без дальнейших разговоров, они накинули капюшоны, подошли к двери и вышли наружу. Ветер был настолько сильным и холодным, что она перестала дышать, и ушло мгновение, прежде чем она смогла сконцентрироваться и дематериализоваться. Но вскоре она уже летела вместе с с'Эксом на Территорию.

Они приняли форму в лесу у защитной стены. Ее никогда бы не пропустили через парадный вход в ее форме прислуги...

Что-то было не так.

Несколько стражников столпились у черного входа, оживленно жестикулируя.

– Оставайся здесь, – приказал с'Экс. – И не спорь со мной.

– Они не узнают, кто я.

– При условии, что никто не узнал о твоём исчезновении.

Но она же была осторожна.

Вот только... это мать раскрыла ее?

с'Экс сделал шаг вперед. Остановился. Развернулся и указал налево.

– Примерно через четверть мили есть тайный проход. Я встречу тебя там сразу. Как смогу вырваться.

Катра нахмурилась, ощутив внезапное желание защитить с'Экса. Палач Королевы был более чем в состоянии позаботиться о себе.

Только если не выяснится, что он помогал ей проникнуть внутрь. Тогда он окажется в смертельной опасности.

– Мне жаль, что я поставила тебя в такое положение, – сказала она.

– Сожаления – роскошь, которую мы не можем себе позволить. Иди в ту сторону. Я как-нибудь проведу тебя в твои комнаты.

С этими словами он ушел, не стараясь приглушить свои шаги. И услышав треск веток, стражники вскинули оружие, готовые к нападению.

– Это я, – объявил с'Экс.

Стражники не расслабили стойки, и это встревожило Катру.

– Тебя хотели видеть, – подозрительно сказал один из них. – Принцесса пропала.

– Я знаю. Я искал ее.

– АнсЛаи искал тебя, – добавил кто-то.

– Значит, я отправлюсь к нему, чтобы доложить. – Он понизил голос до угрозы: – Если только вы не попытаетесь отказать мне во входе.

– Принцессы нет в своих покоях, – добавил третий.

Катра проглотила ком в горле: они все еще не опустили оружие.

– Вы не слышали, что я ушел искать ее в лес? Она одевалась как служанка. Она могла легко выйти наружу для ночной прогулки.

Нарочито медленным движением с'Экс потянулся за спину, найдя прорезь в мантии и запустив руку под ткань. Когда он спокойным движением вытащил руку, то в ладони лежал самый огромный кинжал с зазубренным лезвием, который она когда-либо видела.

Но его голос оставался предельно спокойным:

– У нее нет еды, приюта, оружия, она не в состоянии позаботиться о себе. Куда, по-вашему, она направилась? Более вероятно, что она в пределах Территории или даже в самом дворце.

– Говорят, что ты помог ей сбежать.

– Кто говорит?

– АнсЛаи.

А, да. Верховный жрец был правой рукой ее матери.

Может ли это быть заговором против палача?

– Кто, по-вашему, приказал мне найти Принцессу? – спросил с’Экс. – Или, хотите сказать, что воля Королевы имеет меньше власти, чем приказ жреца? Вы хотите, что бы я такую новость принес вашей правительнице? Потому что так я и поступлю, и притащу ей ваши трупы.

Атмосфера мгновенно изменилась, ситуация разрядилась, охранники убрали свои орудия в ножны, с’Экс спрятал лезвие в складках мантии.

Мгновение спустя он скрылся за стенами.

Стоя в темноте в одиночестве, Катра, задрожав, обхватила себя руками. Когда холодная ночь окружила ее тело, и в голове начало укладываться осознание происходящего, она могла слышать лишь голос айЭма в своих ушах:

Мой брат только что потерял свою шеллан.

Она умерла у него на руках, и он почти весь день и часть ночи готовил ее тело для погребального костра, будь все проклято.

Потом ему пришлось смотреть, как она горит, пока от ее тела не остался лишь пепел на холодной земле.

А сейчас я узнаю, что твоя мать готовится напасть на единственных людей, кто заботился обо мне и Трэзе, если они не доставят его к ее порогу завтра в полночь.

Она так долго прожила в тени, сторонний наблюдатель по отношению к настоящей силе, какой владел её народ. Будучи наследницей престола, ей не положено иметь какое-либо влияние.

Это время прошло.

Она всегда чтит традиции. Но пережив большое горе и потерю на собственной шкуре?

Она не могла позволить, чтобы это продолжилось.

Боль айЭма и его гнев трансформировали ее существенным образом. Она ранила его, подвергла опасности, лгала ему. Он прав – она была эгоистична.

Должен быть способ прекратить все это. Остановить войну. Освободить Трэза и айЭма. Позволить себе быть...

Ну, если не свободной, то хотя бы перестать быть ядом, отравляющим других и чужие жизни... только из-за какой-то астрологической записи, не учитывавшей личный выбор, чувства и чужие жизни.

Двинувшись в направлении, указанном с’Эксом, она пыталась быть максимально тихой и держаться густой части леса.

Она не знала, где располагалась потайная дверь.

И не представляла, что произойдет, если с’Экс не вернется. Или... если он передумает и выдаст ее матери – из корысти или чувства самосохранения.

Но прожив целую жизнь в подчинении, сейчас она намерена бороться.

Нужно подготовить план.

Приняв форму на задней парковке ресторана «Сальваторе», айЭм мог думать только о парашюте. Он посмотрел на часы... у него примерно двенадцать часов на то, чтобы все устроить перед тем, как они с Трэзом исчезнут. Билеты купит он-лайн. Внедорожник уже заправлен. Банки и юристы открываются в девять...хотя, в этом плане он всегда держал дела в порядке на случай, если придется поспешно линять.

Хекс могла позаботиться о «тЕнЯх» и «Железной Маске», если захочет, а если нет, то они оставят заведения Большому Робу и Молчаливому Тому. Видит Бог, в части приложенных усилий эти двое были полноправными совладельцами. А «Сал»?

За ним присмотрит его ведущий шеф-повар, Антонио диСьенза. Парень смысленый, хорошо заправлял и обеденным залом, и кухней. И он будет хорошо относиться к персоналу.

Передачей этих активов займутся юристы. По крайней мере, ему хватило ума много лет назад получить доверенность от Трэза, поэтому он был уполномочен подписать все, не трогая парня.

А что до самого Трэза?

Мужчина спал как убитый, сообщение от Фритца пришло десять минут назад. План таков: позволить парню проспать как можно больше, потом сообщить, что они собираются в кругосветное путешествие.

Если поведение Трэза в той спальне служило хоть каким-то намеком? То он не станет возражать. Он настолько выпал из реальности, казалось, айЭм мог сделать ему открытую операцию на сердце, не подключая к АИКу^[112].

Да, рано или поздно пузырь, состоявший из истощения и шока, лопнет, и начнется полная жесть. Но они преодолеют эту пропасть, когда придет время. Первым делом нужно обеспечить безопасный отъезд из Колдвелла. Вторым – заставить Трэза двигаться. Потом – оставаться невидимыми.

Что до Братьев и Короля? Он сообщит им об отъезде по смс и затем избавится от телефона.

Тени могли читать мысли в случае необходимости. Если он не оставит за ними ни следа? То, когда Роф скажет с'Эксу, АнсЛаи и кого там отправит с'Хисбэ, что он не знает, где они, и что он не способствовал их побегу? Правду будет легко подтвердить.

Братство и вампиры не страдают.

Двинувшись вперед, он прошел мимо автомобилей, принадлежавших людям, с которыми он работал последние два года. Хотя они все принадлежали к человеческой расе, он будет скучать по ним... но не потому, что их связывало что-то личное, а потому, что ему нравился этот период его жизни. Подготовка, мнимая стрессовая обстановка, заказы.

По сравнению с тем грузом, что на самом деле лежал на его плечах, это было приятно отвлечение, он словно брал передышку, чтобы посмотреть фильм.

К тому же здесь, в «Сале», если что-то пойдет псу под хвост, он сможет все исправить.

Открыв черный вход, он застыл. Требовательные голоса, звон, жар, запахи... он быстро заморгал.

– Шеф! – воскликнул кто-то. – Вы вернулись!

Его мгновенно окружил народ, пожимая руки, обращаясь к нему, задавая вопросы.

Боже, я хочу остаться здесь, подумал айЭм.

Как бывало в другие ночи, он переключил передачу в мозгу, отстраняясь от трагедии Трэза и погружаясь в проблемы, о которых он бы хотел думать постоянно. Место восстанавливали в

часы уборки, ему со всех сторон докладывали, что обеденные залы вечерами ломились от посетителей, и что критик из журнала «Еда&Вино» заказывал стол на четверых.

Он не станет сообщать им о смене владельца. Он просто устроит все, а потом направит бумаги почтой. И он разберется с налогами, чтобы права на собственность перешли без проблем.

Подойдя к плите, он снял крышку с кастрюлей с соусом маринара и принялся. Потом взял контейнер с орегано и добавил немного в соус.

– Я говорил тебе на прошлой неделе, – сказал он помощнику шеф-повара. – Здесь важно следить за соотношением.

— Да, шеф!

Вернув крышку на место, он подумал о том, как представлял, что приведет сюда *майкен*. Как, замечтавшись, он представил, что она переедет к нему в Колдвелл, он видел, как они сидят на этой кухне в понедельник вечером, когда ресторан был закрыт, за тем накрытым на двоих столом, где расставляли закуски.

Он дошел до того, что начал составлять меню.

В некотором смысле, он и Трэз шли одной тропой. Его любимая не умерла в буквальном смысле... но женщина, которую он любил, покинула эту планету.

Господи, как же больно.

И, на самом деле, может, ему стоит добавить еще один пункт в список «нужно сделать перед побегом». После проверки двух клубов было бы неплохо napиться.

Да. Когда придет время возвращаться в особняк, лучшего способа, кроме как провести остаток ночи, присосавшись к бутылке бурбона, он не найдет. Наверное, это будет последний раз за долгое время, когда он сможет расслабиться.

К тому же, его никогда не мучило похмелье. Поэтому он будет бодр и свеж.

И это – единственное преимущество расы Теней.

Четверть мили.

с'Экс сказал ей пройти четверть мили. Катра понятия не имела, что это значило, наверное, длинный путь. Или... нет?

Продвигаясь дальше, она шла от дерева к дереву, прячась за стволами... что было весьма глупо и подтверждало слова с'Экса о том, что она не в состоянии позаботиться о себе: на нее могли напасть и со спины, и как бы она ни прислушивалась, биение ее сердца, громкое, как барабанный рёв, приглушало ее чувства.

Было бы лучше пронестись по земле, приняв форму Тени, но она была слишком расстроена для этого... и она не хотела останавливаться и тратить время на попытки сконцентрироваться...

Уuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuуuuуу.

Застыв при высокочастотном звуке, она, охваченная паникой, оглянулась в сторону шума. Мгновение спустя на небольшую опушку вышла фигура.

Это был мужчина-слуга... невероятно высокий и широкий в плечах, прямо как с'Экс.

Уuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuууууу.

Он снова повторил призыв, и Катра пошла навстречу, подняв юбки. Выходя из густых веток, она молилась, чтобы он по-прежнему был на ее стороне.

– Прошу прощения за наряд, – пробормотал с'Эксиз под серого капюшона традиционных
одежд. – Но я решил, что он спасал тебя... не раз?

Она сбилась с дыхания, хотя совсем не бежала.

– Что происходит?

– Это небезопасно для тебя. Повсюду стража, они ищут тебя. Твоя мать знает, что ты покидала не просто Дворец, а саму Территорию, и приказала провести публичный ритуал очищения.

Катра закрыла глаза. Она видела эту ужасную пытку, специальная кислота вводилась в вены, и «пациент» долгими ночами извивался от боли и тошноты, пока из его организма не выйдет то, чем он, предположительно, загрязнил себя.

– Ты не переживешь это, – мрачно сказал с'Экс. – Твоя единственная надежда – вернуться в Колдвелл. Мы подыщем тебе место...

– Нет, – отрезала она.

– Не пытайся геройствовать. Ты только проиграешь.

– Если я сбегу, то они заставят Трэза жениться на другой. Королева попытается завести еще детей, и рано или поздно, у нее родится дочь. Это не спасет его.

с'Экс покачал головой.

– Сейчас ты не должна беспокоиться за этого мужчину. Ты лишишься жизни, если приблизишься ко Дворцу. Если сбежишь, у тебя будет хоть какой-то шанс на выживание.

– Они найдут меня. Они никогда не перестанут искать меня, тебе это прекрасно известно. – Она расправила плечи. – Должен быть другой выход.

– Его нет. Слушай, я помогу тебе. Я сделаю все, что смогу...

– Не глупи. Ты сказал тем стражникам, что Королева отправила тебя на мои поиски. Это была ложь, и рано или поздно она всплывет наружу... Королева узнает, что ты покидал Территорию в ту ночь, когда я исчезла. Даже если ты попытаешься солгать, что не имеешь отношения к моему побегу, она узнает. Она будет пытаться тебя и убьет за предательство, она обесчестит твоё имя.

с'Экс начал говорить что-то, но Катра ничего не услышала.

Ее мозг начал судорожно... соображать.

Без предупреждения, как что-то, всплывшее на поверхность из глубин океана, она вспомнила слова Королевы:

«Я могу в любой момент занять такую же, как ты, если захочу. Ты заменима, как и все остальное в моем мире. Никогда не забывай, что я – солнце, вокруг которого вращается вся галактика, и я могу изменить твою судьбу в мгновение ока».

Изменить. Судьбу.

Внезапный ужас схватил ее за горло.

– с'Экс, ты должен провести меня в астрологические чертоги.

– Что?! Ты с ума сошла? Ты должна держаться подальше от АнсЛаи и Главного Астролога, а не бежать им навстречу.

Она покачала головой.

– Нет, они скорбят вместе с ней. Эта ночь – последняя. Они должны быть с ней для завершения ритуалов. – Она посмотрела на палача. – Я бы пошла одна, но мне нужна защита... мне нужна твоя помощь в этом.

– Что, черт возьми, ты рассчитываешь там найти?

– Просто отведи меня туда. *Прошу.*

Он выругался на выдохе.

– Дворец кишит стражниками.

– Да.

– Мы не можем просто так взять и войти в самую священную часть покоев твоей матери.

– Неважно, сколько это займет времени, минуту, час или остаток ночи... если ты отведешь

меня туда.

Прошла вечность, прежде чем он посмотрел на нее сверху вниз.

– Ты заведешь нас в могилу.

Она встретила его взгляд. Покачала головой, укрытой металлической сеткой, и сказала:

– Мы уже мертвы. И ты это знаешь.

Когда Трэз проснулся, его лицо и подушка были влажными. Вытерев лицо, он вытянул руку и посмотрел на пальцы, блестящие в свете лампы.

Вот оно как.

Вот она, другая сторона?

Господи, от каждого вдоха грудь болела так, будто были сломаны все ребра. Каждое в двух местах.

А еще был видеоролик-пытка: каждый раз закрывая глаза, на обратной стороне век проигрывалась смерть Селены... может, именно это он видел во сне и поэтому проснулся в слезах?

Часть его хотела, чтобы этот бесконечный процесс прекратился. Другая боялась, что если это произойдет, то это будет значить, что он уже начал забывать все.

Как долго он проспал?

Пару минут он не двигался с места... а, может, несколько часов? Или ночей?

А потом он выбросил руку в сторону в поисках телефона. Нажав на экран, чтобы посмотреть время, он видел тонну уведомлений о пропущенных звонках, голосовой почте и смс, но сил посмотреть их не было.

Положив телефон, он осознал, что время вылетело из его головы в ту секунду, когда телефон покинул руку.

Где была Селена? – задумался он.

– Ты там? – спросил Трэз, обращаясь к потолку.

Что она видела? Забвение существовало на самом деле?

Забавно, он раньше не ожидал, что будет испытывать подобный страх. Сама мысль о том, что он не знал, в порядке ли она после смерти... ему придется жить с этим.

До собственной смерти, подумал он. А если там будет всего лишь огромная черная дыра? Ну, он закончит свое существование, поэтому плевать.

Веселая мысль.

Наконец собравшись сесть, он охнул от боли, опалившей все тело... словно эмоциональная агония, в которой пребывала душа, перешла на плоть, его мускулы были напряжены, кости ныли.

Последствия подготовительного ритуала

Может, боль пройдет через пару дней.

Поднявшись, он посетил уборную. Почистил зубы. Прислушался к желудку.

Нет, еда не значилась в его приоритетах.

А от воды он не откажется.

И хотя он осознавал внутренний диалог, все происходило словно на расстоянии, будто эти мысли пытались криком донести до него с другого конца футбольного поля.

Вернувшись в спальню, он подошел к шкафу и открыл двойные двери. Когда зажегся свет, он отшатнулся.

Он все еще чувствовал ее запах.

И две ее мантии висели среди его одежды.

Пройдя вперед, он потянулся к ним, но в конечном итоге не осмелился прикоснуться к белой ткани, особенно когда свежая рана в груди снова вспыхнула болью.

Он пришел к выводу, что это напоминало порез на руке, который не болит, пока не согнешь палец... и тогда боль становится ощутимой. Ну, все так, только намного масштабней.

Так вот, что его ждет? Он будет проживать ночи и дни, натыкаясь на случайные предметы,

отскакивая от них еще глубже в пучину своего горя?

– Я не знаю, как это сделать, – сказал он ее одежде. – Без тебя.

И речь не о том, что он не мог одеться.

Когда ответа не последовало – но, да ладно, он ожидал, что ему ответит призрак? – он взял ближайšie штаны и рубашку, натянул на свое тело и вышел из шкафа. Добрые десять минут он стоял посреди комнаты, развлекая себя возможностью разгромить все вокруг. Но его телу не хватало сил и координации, а чувства не могли вынести бурлящего гнева.

Он посмотрел на окно, которое разбила Селена. Она была восхитительна в своей ярости, такая живая, такая...

Срань Господня, он сведет себя с ума.

Направляясь к двери, он по привычке взял свой мобильный, а потом помедлил перед выходом из комнаты. Он точно знал, что не был готов к взглядам, полным жалости, и надоедливym вопросам. Но, кажется, ставни были опущены?

Ага.

Можно надеяться, что Последнюю Трапезу давно убрали, и доджены отправились на короткий отдых перед дневной уборкой.

Кажется, он видел семерку на часах.

Ага. Семь часов утра, как показывали цифры.

Обхватив медную ручку, ему показалось, что он вернулся в клинику, в тот момент, когда должен был покинуть смотровую комнату после всего времени, проведенного там с Селеной, еще одна дверь, через которую он должен заставить себя пройти.

Повернув запястье, он открыл замок и, подавшись весом вперед...

В коридоре, сидя на голом полу напротив его спальни, спал айЭм, уткнувшись головой в сгиб руки, ополовиненная, закрытая бутылка бурбона была прижата к его груди как верный пес. Брови айЭма были низко опущены, словно даже во сне его мучили проблемы.

Трэз сделал глубокий вдох.

Хорошо знать, что парень по-прежнему с ним.

Но он не станет его будить.

Выходя из комнаты тихо, чтобы не потревожить брата, Трэз обнаружил, что хочет выйти в мир самостоятельно.

Уже внизу ступеней ему пришлось собраться с духом перед очередной дверью... гадая, как скоро он свыкнется с этим... потом открыл панель.

– ... вы, кучка светобоязливых полудурков.

Встряхнувшись, Трэз нахмурился.

Лэсситер, падший ангел, стоял в дверном проеме в кабинет Рофа, уперев руки в бедра, его светлые и черные волосы были собраны в косу.

– Вам же лучше проявить немного уважения, не то я не скажу ни слова о том, что обнаружил во время своего небольшого путешествия на Территорию.

Из комнаты донеслось ворчанье.

– Нет, – сказал Лэсситер. – Я хочу, чтобы ты, Вишес, извинился.

Это было так странно. Словно объектив фотоаппарата внезапно сфокусировался, Трэз подключился он-лайн, его чувства обострились, он превратился в некое подобие себя прежнего.

– Я жду. – Пауза. – Сойдет. И я владею пультом следуюшую неделю... и дни, и ночи.

Жуткое ворчание, и кто-то бросил что-то в парня, поднос приземлился на ковер в коридоре.

– Так, если еще раз нахамите...

По наводке инстинктов Трэз дематериализовался... в то самое мгновение, когда Лэсситер перестал придуливаться и бросил в его сторону пронизательный взгляд.

Его присутствие почувствовали.

Больше он этого не допустит.

Он тенью пронесся над ковром и проскочил в кабинет, когда Лэсситер вошел внутрь и, закрыв за собой дверь, обратился к Братьям.

– У нас есть карта? – спросил ангел.

Предусмотрительно держась подальше от чужих ног, чтобы они не учуяли его второе состояние, Трэз устроился в противоположном углу от собаки Рофа. К счастью, Джордж крепко спал за троном своего хозяина.

Братство столпилось у стола Рофа, когда Бутч развернул сине-голубой три на четыре фута лист бумаги.

– Здесь, – сказал ангел, указывая пальцем. – Я нашел это здесь. Всю территорию окружает защитная стена. Тут и там стоят хижины. Дворец... здесь. Крепко охраняется, и, судя по тому, что я видел, они стягивают войска.

Стягивают войска? – подумал Трэз.

– Мы первыми должны добраться до них, – пробормотал Роф. – Упреждающий удар стратегически важен. Нельзя, чтобы они вошли в Колдвелл.

Что, черт подери, происходит?

– ... они не найдут этот дом. Никто не сможет его найти, – сказал Ви. – Но да, я останусь. Как бы мне это не нравилось, но кто-то должен быть здесь, на всякий случай.

Лэсситер посмотрел на Брата и своей следующей фразой доказал, что может быть серьезным, когда прижмет:

– Я прикрою. Тоже останусь здесь.

Короткое мгновение парни смотрели друг другу в глаза.

– Хорошо, – сказал Ви. – Хорошо.

– Где айЭм? – спросил Роф.

– Когда я видел его в последний раз, – ответил Рейдж, – он направлялся наверх, проверить Трэза, а потом на боковую.

– Нужно убедиться, что он сможет удержаться Трэза под этой крышей. Не хочу, чтобы Тень похитили в самый разгар. Я рад сражаться... черт, да я с нетерпением жду этого... но я не хочу, чтобы они добрались до бедного ублюдка. Не хочу, чтобы это отвлекало нас.

Что за хрень?

Это все из-за него?

Трэз оставался во французском кабинете с Братьями и бойцами, пока не выяснил все, что нужно было... а потом скрылся прежде, чем прибыл Ривендж, готовивший своих людей в колонии симпатов.

Его старый друг, по совместительству пожиратель грехов, вычислит его.

Когда пришло время отчаливать, он не стал испытывать судьбу. Он тенью пронесся под дверью и вниз, по главной лестнице, через мозаичный пол... и дальше, через крошечную прореху в дверных косяках вестибюля и парадных дверей.

Снаружи, солнце поднималось над осенним ландшафтом, золотые и розовые лучи падали на желтые, оранжевые и красные листья, а также на колючие темно-зеленые иголки сосен и усеянные шипами ветви кедров.

Он принял форму только оказавшись на расстоянии от дома, хотя камеры безопасности в любом случае зафиксируют его появление. Хорошие новости, если их можно назвать таковыми, – Братья были поглощены обсуждением предстоящей битвы, поэтому не сразу это обнаружат. А если его застукает кто-то из додженов? То решат, что он вышел прогуляться, прочистить голову.

Он не надел куртку и слава Богу.

Холод еще больше разбудил его разум.

Он думал об этом уже добрый час, а в голове по-прежнему не укладывалось: Королева объявила войну Рофу и Братству. Они отказались выдать его. Пожиратели грехов будут сражаться на стороне вампиров.

Он не мог поверить, что столько народу было готово вступить за него.

– Селена? – позвал он, запрокинув голову и посмотрев на небеса.

В дневное время не видно звезд.

Даже облаков не было.

Ничего, просто бледная синева.

Трез вспомнил случай, когда пытался сбежать из дворца и убил стражников на глазах у с'Экса. Было пролито столько крови.

Но они были чужими.

Если это казалось ему ужасным, то все будет стократ хуже, если Братство вторгнется на Территорию. Они одержат победу, с пожирателями грехов на своей стороне... но смертей не избежать. Ранений.

Еще больше разрушенных жизней.

Повернувшись, он посмотрел на огромный серый особняк.

Каким бы суровым ни казалось внешнее убранство, его внутренности были полны жизни, там царила любовь.

Семья.

Если начнется война, то ужасающая боль, которую он испытывал в своей скорби, накроет весь дом и людей в нем.

Он никому не позволит встать на его место, жить с этим одиночеством и сердечной болью.

Он не мог обречь на это своих любимых.

Если был способ остановить это.

В то мгновение, когда он принял решение, луч солнца упал на крышу, потрясающе красивый свет озарил ровные ряды черепицы.

Селена заставила его поклясться, что он будет жить без нее, и он дал эту клятву, но лишь потому, что она заставила.

Но он не верил в свои слова.

А сейчас, представив, сколько жизней мог спасти... как он мог не защитить этих мужчин, женщин и детей?

– Это все, что я могу сделать, моя королева, – сказал он небесам.

Ушла вечность на то, чтобы добраться до священного астрологического чертога.

Или, по крайней мере, у Катры возникло такое ощущение. С другой стороны, она из-за любого угла и в каждом коридоре ждала, что на них нападут, схватят и отправят в тюрьму.

И по дороге с'Экс показывал ей потайные комнаты и проходы, о которых она даже не догадывалась... доказывая свое безмерное могущество: он уверенно стоял на ногах, сообразителен, осторожен и агрессивен.

В конечном итоге они не только получили доступ к дворцу и внутренним землям, но и в самые потаенные, закрытые участки комплекса ее матери, куда лишь ограниченное число людей имело доступ и с самой усиленной охраной. По крайней мере, одно преимущество у них было: стражи, отправленные на ее поиски, сосредоточились на внешней стороне, убежденные, что тщательно обыскали владения Королевы... а оставшаяся часть людей с'Экса собралась во внутреннем дворе, готовясь к сражению.

Грязное дело. Все это.

Но они могли передвигаться быстро и, поэтому, незаметно.

Какая-то часть ее хотела убедиться, что ее мать занята ритуалами, чтобы исключить возможность случайной встречи в астрологической комнате, но нельзя рисковать.

У них был всего один шанс добраться к записям.

– Сюда, – прошептал с'Экс, резко остановившись.

Она нахмурилась в укрытии капюшона.

– Вход в комнату располагается впереди, разве нет?

– Нет, наша дверь здесь.

Освободив руку из бесконечного рукава мантии, он положил ладонь на стену. Раздвижная дверь открылась сразу же, исчезая в своем гнезде.

Учуяв запах благовоний, она поняла, что они близко, и все же в помещении было темно, хоть глаз выколи.

Она без колебаний вошла внутрь, чувствуя, как с'Экс нависал позади нее. Когда дверь закрылась сама по себе, Катре показалось, что она ослепла.

– Протяни руку перед собой, – сказал с'Экс, не повышая голоса.

Последовав приказу, она ощутила что-то шершавое.

– Иди влево, – велел он. – Держи руку на стене для ориентации.

Сделав шаг, она тут же врезалась в его грудь. – Прости.

– «Другое» влево, – он развернул ее.

Шагая вперед, она едва могла дышать. Должно быть, они шли по коридору, параллельному внешнему, подумала она, это внутреннее пространство было тенью внешнего, общественного.

– Я построил эти проходы, – прошептал он. – И знаю все наизусть.

– Очень предусмотрительно с твоей...

– Стой.

Подчинившись, она опустила руку.

– Что дальше?

– Посмотри направо.

Поначалу она не увидела ничего, кроме черноты. Но... нет. Тончайшие трещины сияющего красного света выделялись на стене, словно чья-то призрачная рука нарисовала узор из точек мистической кистью.

Плитка, подумала она потрясенно. Они были по другую сторону перегородки, выложенной

плиткой.

Протянув руку, она прикоснулась к ним.

– Я пойду первым, – сказал с’Экс. – И не выходи без моего сигнала.

Отступив в сторону, чтобы поменяться с ним местами, она наблюдала, как его огромная ладонь ножом сделала надрез в едва заметном узоре в форме прямоугольника...

От его толчка плитка разошлась по неровному шву. Но ничего не треснуло и не разбилось, не было структурных нарушений. Перегородка изначально была построена таким образом.

И за ней она увидела странный, всеохватывающий источник света.

с’Экс шагнул в круглую комнату, держа зазубренное лезвие перед собой, готовый к нападению.

– Чисто, – прошипел он.

Сделав глубокий вдох, она покинула темноту, выходя навстречу изумительному свету.

Как оказалось, в нем не было ничего магического. Это был свет от свечей, расставленных по периметру комнаты, выложенной превосходным красным мрамором.

Минутку, не свечи являлись причиной иллюминации. Это было солнце, лившееся через огромное стеклянное полотно в потолке. А в ночное время оно предоставляло хороший обзор на звезды через прозрачную вершину купола.

Они молча пересекли помещение, мягкая подошва их обуви заглушала их шаги по мраморному полу. В центре комнаты было небольшое круглое углубление в полу, наверное, для помоста, который поднимался вверх, как это было в зале для аудиенций? Здесь не было мебели, портьерных тканей, ничего, что могло помешать полной концентрации внимания.

И, что более важно, в комнате никого не было.

Три двери. Там было три двери... одна вела в общий зал. Вторая, наверное, в личные покои Главного Астролога. А третья...

– Архивы там, – сказал с’Экс, указывая на третью дверь.

Отмеченное золотыми косяками и надписями над ними, священное место нельзя было спутать с чем-то другим, и она ощутила благоговение несмотря на то, что нехватка времени и напряженная ситуация притупляли ее чувства.

Шагнув вперед, она вытянула руку...

– Нет, твоя ладонь не сработает.

с’Экс положил свою на нужный, ничем не примечательный участок гладкой панели и...

Ничего не произошло.

Он попытался снова.

– Они удалили меня из базы. И велика вероятность, что я только что включил сигнализацию. – Повернувшись к ней, он сказал: – Нам нужно убираться отсюда. Быстро.

– Нет! Я должна увидеть...

– У нас нет времени на споры. – Схватив ее за руку, он потащил ее к потайному лазу. – Твоя смерть не окажется на моей совести.

Пытаясь вырваться из его цепких лап, превосходящих ее по силе, она выпалила:

– Я думаю, что моя мать изменила натальные карты!

с’Экс застыл.

– Что?

Катра попыталась вырваться из его хватки, но безуспешно. С таким же успехом, ее могли привязать к дереву.

– Я не узнаю наверняка, пока не попаду туда. Но я верю, что она намеренно изменила натальные карты в своих личных целях. Я должна попасть туда, чтобы убедиться в этом. *Прошу.*

с’Экс поднял руку и скинул головной убор, и когда он рухнул на красный мрамор, его глаза

сузились, блеснув желто-зеленым цветом.

– Насколько уверена? – требовательно спросил он.

– Готова поставить на это свою жизнь. И твою.

Он выразил свое решение, посмотрел на закрытую дверь... и потом, без лишнего шума, за два прыжка преодолел расстояние... и вонзил зазубренный нож туда, где, как выяснилось, располагался проем.

Либо так, либо он вырезал его сам.

Взяв рукоять кинжала обеими руками, он приложил огромную силу и с треском раскрыл вход в небольшую золотую комнату.

– Только быстро, – мрачно сказал он.

Катра не тратила времени. Перешагнув через обломки камней, она запрыгнула внутрь и заскользила по золотому полу, выбросив руки в стороны для сохранения равновесия.

Числа. Она увидела тысячи золотых ящиков, отмеченных цифрами.

Они были упорядочены по дате рождения, а не по именам.

Закрыв глаза, она выругалась. Она не знала, когда родился Трэз.

Но... высоко наверху, справа, два ящика были не золотыми, а белыми.

С гулко бьющимся сердцем и дрожащими руками, она поднялась на цыпочки, и вытянула самый верхний. Ящик был глубиной с ее руку, и ей пришлось крепко ухватиться за него, чтобы не рассыпать содержимое.

Нет, на нем была крышка.

Поставив ящик на пол и сняв верх, она обнаружила свернутые листы пергамента, каждый перевязан лентой и скреплен восковой печатью со звездой Королевы. Больше никаких отметин не было. Один был меньше других.

Она взяла первый попавшийся свиток и, сломав печать, развернула документ на полу. Пергамент был таким старым, что в нескольких местах треснул, и противился распрямлению, что ей пришлось зажать верхний край ящиком, а нижний – коленями, чтобы рассмотреть карту.

Священные символы и буквы, написанные черным пером, перемежались бесчисленным количеством черных и золотых точек, которые, если смотреть издали, образовывали скопления звезд.

Это была натальная карта ее матери.

Она позволила пергаменту свернуться самостоятельно и отложила его в сторону. Следующей... была ее карта, и она тоже не хотела раскручиваться. Третья...

Третий свиток развернулся сам, когда Катра стянула ленту и сломала печать, и наклонившись к пергаменту, она почувствовала запах свежих чернил и краски. Эта новая карта принадлежала младенцу, и церемония упокоения была отмечена в каждом углу черной звездой... обозначая, что душа вернулась на небеса. Ну, это была ее интерпретация.

На нее накатила печаль, и Катра отложила свиток в сторону.

Четвертый, тот, что был меньше всех, должен принадлежать Трэзу. И, действительно, она оказалась права. В текстовой части было сказано, что это мужчина, также присутствовало упоминание о единоутробном брате... это был крайне редкий случай, с самого начала привлекая внимание к Трэзу и айЭму. Катра помнила, как весь дворец гудел от необычного, уникального события.

Его натальная карта была не такой большой, как ее, потому что он не принадлежал к королевской семье, но по углам пергамента располагались золотые звезды, означавшие взлет на вершину социальной лестницы при дворе Теней.

Сев на пятки, она прочитала все записи и символы.

Покачала головой.

Она была так уверена... но все казалось достоверным.

– Не двигаться, – услышала она голос с'Экса, донесшийся из круглой комнаты.

– Или, как бы мне ни было больно, я должен буду убить вас всех.

Повернувшись, Катра выглянула в импровизированный проход, который создал для нее с'Экс.

Три стража, одетые в черное, окружили палача, и они держали кинжалы.

О, великие звезды... что она натворила?

Она совершила ужасную ошибку, придя сюда. Как самонадеянно с ее стороны было думать, что она раскроет секрет, который спасет их всех?

А сейчас им некуда бежать. Невозможно одолеть первый отряд из множества, направленных за их головами.

Она не хотела умирать.

Потянувшись, она взяла длинный тонкий тяжелый ящик. Это было ее единственное оружие...

По неясной причине... позднее, она будет гадать, почему именно...когда карта Трэза свернулась сама по себе, принимая привычную для нее форму свитка, Катра опустила на нее взгляд.

Когда она вошла полы были идеально чистыми, ни пылинки, ни царапины, ни малейшей потертости.

Но сейчас на полу была крошка... краски... и крошечная стружка... там, где свернулась карта.

Нахмурившись, она отложила ящик в сторону и снова распрямила пергамент.

Под шум драки, доносившийся из главной комнаты, шорох мантий, хрипы и стоны, раздававшиеся так четко и в непосредственной близости, она склонилась над священными письменами.

В центре карты сошла часть краски.

Открывая взгляду...

Она выдохнула воздух из груди, которую словно сжали в тисках.

И желая убедиться, что ей это не привиделось, она перечитала то, что ей, как показалось, она увидела.

Она ногтем подцепила фальшивый слой.

– О... Богини судьбы... – выдохнула она.

Подскочив на ноги, она бросилась к ящикам, где хранились карты жителей с'Хисбэ. Ее взгляд метался по рядам в поисках нужной даты, и, выцепив нужный ящик, она поставила его на пол и подняла крышку.

Гражданские файлы были скреплены резинкой с небольшими бирками, и располагались вразброс, скрепленные примерно по двадцать свитков. Она попыталась максимально быстро просмотреть бирки, задышавшись, чувствуя неконтролируемую дрожь в руках.

Найдя нужный свиток, она бросилась к сфальсифицированному документу.

Положив их рядом, придавив вершину ящиком, она раскрыла свитки.

И, конечно, в центре второго тоже было пятно, место было так искусно исправлено краской, что в свое время не заметили поправки. Но прошедшие годы изменили структуру.

Стерев слой, она обнаружила, что... на самом деле... Трэз не был Нареченным.

В паре близнецов он родился вторым, а не первым.

айЭм был рожден для этой цели.

Вопреки смертельной угрозе, она рухнула на записи, накрыв лицо руками.

Зачем они заменили их? Зачем...

– Принцесса, – рявкнул с'Экс. – Нам нужно убираться...

– Они поменяли карты.

– Что?

Посмотрев на него, Катра отшатнулась, видя количество крови на его рукавах, мантии, лице и руках. Но времени на испуг не было.

– Королева поменяла карты младенцев, Трэза и айЭма. Но я не знаю, с какой целью. – Она указала на исправления на свитках. – Вот здесь. Главный Астролог готовит натальные карты членов королевской семьи, а не Трэтари^[113]. Должно быть, это сделал он, и АнсЛаи должен быть в курсе. Но в чем выгода...

– Сзади! – закричала она.

В то мгновение, когда страж вырос из-за спины с'Экса, заноса кинжал, палач крутанулся... с собственным лезвием, вскинутым на уровне шеи. В считанные секунды с'Экс одолел стража, вскрыв ему горло, красная кровь брызнула фонтаном.

Охваченная ужасом при виде смерти, Катра чувствовала, что была на грани потери сознания, словно мозг был сторонним наблюдателем боя, который мог уйти, когда зрелище станет слишком жестоким.

Но, как сказал с'Экс о сожалениях, у нее не было подобной роскоши.

Свернув карты, она положила свитки Трэза и айЭма в коробку вместе с ее и ее матери. Карта дочери с'Экса все еще лежала на полу... и она чуть не забыла про нее.

В последнюю минуту она схватила её и начала сворачивать... и тогда руками почувствовала влажное пятно. В центре.

Почему пергамент был мокрым?

Она снова расправила карту... и прошла пальцами по поверхности. Дойдя до середины, она кожей почувствовала еле заметную разницу в температуре.

Потому что дополнительный слой краски еще не высох.

Вот откуда исходил сладковатый запах.

Они фальсифицировали и карту младенца.

– Принцесса, время вышло, – подгонял ее с'Экс. – Мы...

– Дай мне кинжал.

– Что?

– Вытри свой кинжал и дай мне, – приказала она, протягивая руку.

Последнее, что сделал Трэз перед тем, как дематериализоваться из особняка Братства, – он достал свой телефон и написал брату всего три слова:

Я обрел покой.

А потом он подошел к парадным ступеням и положил мобильный на холодный камень.

Мгновение спустя он исчез. Без оглядки на дом... без колебаний... без каких-либо опасений.

Битва окончена. Противостояние, растянувшееся на долгие годы и определявшее его жизнь, достигло финала.

Он принял форму у ворот с'Хисбэ.

Шагая вперед, он знал, что камеры наблюдения мгновенно засекали его лицо, и он был прав. Без какого-либо предупреждения или звонка по контрольному телефону, установленному ради людей, раздался металлический звон, и две прочных панели разошлись посередине.

Впервые за долгие годы ступая на землю своего народа, он перешагнул через границу, которую больше никогда не покинет.

Стражи пораженно охнули, узнав его, и фигуры в черных мантиях мгновенно обступили его со всех сторон. Но его никто не тронул. Им было запрещено прикасаться к его священному телу.

И, воистину, в применении силы не было необходимости. Он здесь по своей воле.

Однако он был ложным даром традициям.

Его тело было способно к соитию с женщиной не больше, чем тело евнуха. В этом плане он был мертв от пояса и ниже, поэтому какие бы династические надежды ни питала Королева, им не суждено сбыться.

Плевать. Они могут делать с ним все, что заблагорассудится.

Он начал осознавать, что Селена забрала его душу с собой. Его душа ушла вместе с ней... разница лишь в том, что его тело еще не перестало функционировать.

Но, может, Королева позаботится об этом за него.

Когда его неспособность станет очевидной, скорее всего, она убьет его.

Плевать.

Все, что он знал, о чем мог думать – его брат освободился от ноши, тяготившей его долгие годы, а Братство и их семьи были в безопасности.

Только это имело значение.

По пути ко Дворцу он избавлялся от одежды, расстегнув рубашку и позволив ей соскользнуть на землю. Сбросив туфли. Стянув штаны.

Он был обнажен перед холодным осенним солнцем, когда они подошли к дверям, ведущим во Дворец.

АнсЛаи, Верховный Жрец, ждал его. И хотя голова мужчины была укрыта под капюшоном, на его лице не было металлической сетки, поэтому его удовлетворение было очевидно взгляду.

– Ты пришел к верному решению, – сказал мужчина кланяясь, согнувшись в талии. – Твоя трезвая голова и преданность заслуживает похвал, хотя все это запоздало по отношению к твоему долгу.

И с этими словами огромный мраморный вход разошелся перед ними, открывая взгляду белый коридор, казалось, бесконечный.

На мгновение Трэз вспомнил, как они с Селеной стояли в туннеле учебного центра, обнимая друг друга.

Вечность, о которой он говорил, его вечность вместе с ней все еще была в нем.

И она поможет ему пережить все, что его ждало впереди.

Стражи перед ним расступились, и тогда он пошел вперед, переставляя босые ноги по низким ступеням.

Когда он подошел к АнсЛаи, Верховный Жрец снова поклонился.

– А сейчас приступим к твоему очищению.

* * *

– Возьми этот, он лучше.

Вместо того, чтобы дать Катре кинжал, который она просила, палач вручил ей нож поменьше, с гладким лезвием.

Склонившись над натальной картой младенца, она действовала быстро, пытаясь острым как бритва лезвием найти шов или разрыв под слоем добавленной краски.

– Принцесса, нужно заняться этим в другом месте, – требовал с'Экс. – Нужно... черт, оставайся здесь.

Она почти не заметила, как он вышел, вся ее концентрация была поглощена щекотливой работой. Если она поторопится или подцепит чуть глубже, то может испортить то, что крылось под слоем...

Ей, наконец, удалось ослабить слой, а потом и вовсе снять.

К счастью, первоначальные чернила впитались в пергамент.

Закрыв глаза, она покачнулась.

Они исправили и натальную карту ребенка.

Согласно звездам, новорожденная была истинной наследницей престола.

Когда до нее дошел смысл, Катра открыла глаза и посмотрела через плечо. с'Экс повернулся к ней спиной, сражаясь с кем-то... точнее, кто-то пытался вырваться из хватки палача.

Когда с'Экс повернулся, Главный Астролог, облаченный в красные одежды, был прижат к огромному телу, стиснутый в такой крепкой хватке, что Катра могла слышать затрудненное дыхание сквозь церемониальные облачения.

с'Экс рывком сорвал капюшон мужчины. Лицо Астролога, ранее скрытое под складками ткани, было объято ужасом... который стал лишь сильнее, когда он сложил два плюс два и пришел к очевидному выводу, что смотрел на женщину, которую никто не мог видеть.

– Да, и за то, что ты видел Принцессу, мне придется тебя убить, – прошипел с'Экс. – Но сначала ты ответишь на вопросы.

Катра перевела взгляд на карты с мыслью... советник ее матери сильнее всего боялся того, что она обнаружила.

Как только с'Экс узнает...

– Расскажем ему то, что ты обнаружила? – протянул с'Экс, таща за собой мужчину, значительно уступавшего ему в размерах. – Спросим, с какой целью они изменили карты?

Катра посмотрела на палача.

Видимо, лицо выдало ее чувства, потому что с'Экс нахмурился. – Почему ты смотришь на меня так?

Она рассеяно отметила, что серые одежды палача еще сильнее пропитались кровью. Он без колебаний разобрался с нападавшими мужчинами, несмотря на то, что обучал их, работал вместе с ними; несмотря на связывавшие их узы.

Если она расскажет ему, что только что узнала?

Ну, тогда вслед за Главным Астрологом и, без сомнений, АнсЛаи, умрет Королева... мать

Катры... женщина, правившая с'Хисбэ.

И Катра почувствовала...

... она ничего не почувствовала.

С другой стороны, женщина была ее правителем, а не матерью... и она нарушила традиции ради собственной выгоды.

Это – единственное объяснение с учетом всего, что сказала женщина в ритуальной комнате.

Катра обратилась к Главному Астрологу:

– Эти карты были фальсифицированы. Полагаю, это твоих рук дело.

Мужчина отвернул голову, чтобы не видеть ее, но с'Экс не допустил этого. Он сжал зазубренное лезвие между зубами и схватил освободившейся рукой челюсть Астролога, заставляя повернуться.

– Принцесса задала вопрос. Будь добр ответить, – выдавил он сквозь сталь в зубах.

Когда мужчина в ответ разинул рот, но не произнес ни слова, с'Экс посмотрел на нее.

– Закрой глаза.

Катра покачала головой. Делай, что должен.

с'Экс выругался, но потом схватил руку Астролога в перчатке и сжал так сильно, что мужчина застонал... а потом дернулся и закричал от боли, словно треснули кости.

с'Экс взял кинжал и приставил его к горлу мужчины.

– Отвечай на вопрос...

– Да! Я исправил карты! – закричал мужчина. – Я внес изменения! Не по своему желанию, Королева меня заставила! Меня вынудили хранить тайну!

– АнсЛаи в курсе? – спросила Катра.

– Нет! Он не знает! Никто не знает!

Слова полились из него как перед угрозой жизни, так и от мучившей его совести.

– Я не хотел этого! – Мужчина разрыдался. – Это осквернение моей священной должности, но она угрожала вырезать всю мою семью... сказала, что убьет мою жену, ребенка... моих родителей...

– Зачем менять карты Трэзлафа и его брата? Я не понимаю необходимости подмены.

– Истинный Нареченный, ребенок, родившийся первым, айЭм был слаб. Все думали, что он не переживет ночь и уж точно не доживет до зрелости. Королева хотела для вас одного из священных детей, Ваше Высочество, поэтому она приказала мне поменять карты со вторым сыном, который был крепким и здоровым. В этом причина.

Катра сделала глубокий вдох.

В последовавшем молчании она поняла: то, что она скажет дальше, изменит абсолютно все. Кардинально.

Она встретила взгляд с'Экса. Палач стоял неестественно неподвижно, его огромное тело испускало спокойствие как перед штормом.

– Скажи мне, – произнес он абсолютно ровным голосом.

Будто уже знал.

Катра отвернулась к свитку, свернула его и вместе с другими положила в тяжелый золотой ящик. Потом поднялась на ноги и подошла к мужчине.

– Дай мне свой кинжал, – повторилась она. Но в этот раз по совершенно иной причине.

– Зачем.

– Потому что он нужен нам живым.

Ожидая его возражений, она испытала шок, когда с'Экс развернул кинжал и без комментариев протянул ей рукоятью вперед.

Он весил почти так же, как и этот ящик.

– А сейчас отпусти его. Ты должен его отпустить, – сказала она. – Он не убежит, потому что я – единственная, кто может спасти ему жизнь. с'Экс, отпусти его. Я приказываю.

Когда палач подчинился приказу, Главный Астролог рухнул на пол как кусок ткани. И ему хватило ума отползти на несколько футов.

Встретив взгляд с'Экса, она сказала громко и четко:

– Астролог, сейчас ты расскажешь ему, почему была изменена натальная карта его дочери.

Звонил телефон.

Сидя на огромной кровати, прижавшись спиной к изголовью, Пэрадайз перевела взгляд на тихое позвякивание, доносившееся со стороны стола.

По крайней мере, она нашла себе иное занятие, чем сидеть в подземных покоях и накручивать себя тем, что могло произойти с приходом ночи.

Ее отец был откровенно зол из-за ее отказа вернуться домой вместе с ним, даже в свете угрозы, нависшей над вампирами со стороны с'Хисбэ. Но она чувствовала, что должна постоять за себя, несмотря на изменение ситуации. Если она уступит? То словно отмотает часы своей жизни назад.

И она осталась стоять на своем, даже когда отец напомнил ей – и в этом не было необходимости – что он уже потерял ее мамэн и не хотел отдавать свою дочь в холодные объятия смерти.

Когда она выразила свое четкое и бесповоротное «я остаюсь», он посмотрел на нее как на полную незнакомку.

И, наверное, так и было.

Дзыыыыынь.

Скорее всего, это ее отец. Она сомневалась, что ему удалось уснуть. Хотя, он бы написал ей сообщение или позвонил на сотовый.

Скинув ноги с матраса, она спрыгнула на пол и подбежала к телефону.

– Доброе утро, чем я могу вам помочь? – сказала она, сняв трубку.

Это был мужской голос, но не ее отца. Это был мужчина из с'Хисбэ, который звонил ранее, тот, кто объявил войну голосом со странным акцентом:

– У меня послание для вашего Короля, Рофа, сына Рофа. Королева желает поблагодарить его за скорое возвращение Нареченного. Уступчивость Рофа свойственна мудрому лидеру и государственному деятелю, и я с удовольствием сообщаю вам, что против вас не будут предприняты никакие военные действия. Между нами снова установлен мир.

Бип.

Пэрадайз уставилась на телефон.

Она правильно поняла услышанное?

Ударив пальцем на две кнопки на аппарате, она сбросила вызов, и когда донесся тональный сигнал, она набрала номер отца. Точнее, попыталась. Руки тряслись так сильно, что она не могла вбить правильную последовательность цифр.

Когда сигнал, наконец, прошел, она заметила, как тяжело дышала.

– Алло...

– Отец! – перебила она. – Отец, они снова звонили...

– Пэрадайз! Ты в безопасности...

– Да, да, ты должен послушать меня! Они снова звонили, с'Хисбэ... они сказали, что Роф вернул... – Как они выразились? – ...Нареченного? Они сказали, что все в порядке... в смысле, они отозвали объявление войны!

Глупый способ выразить мысль, подумала она на задворках сознания. Как праздник в честь дня рождения, отмененный по причине плохой погоды.

– О чем ты говоришь? – медленно выдохнул ее отец. – Роф не станет выдавать Трэза.

– Должно быть, он передумал?

– Я говорил с ним перед рассветом. Братство разослало шпионов для сбора информации о

Территории. Что... я должен позвонить ему.

– Ты сообщишь мне, что происходит?

– Обязательно.

– Я люблю тебя, – выпалила она.

– О, Пэрадайз, я тоже тебя люблю. Оставайся под землей.

– Обещаю.

Повесив трубку, она осознала, что молится о возможности лично попросить у него прощение. Хотя, наверное, импульс исходил от ее внутреннего четырехлетнего ребенка, который хотел вести себя хорошо.

Вне зависимости от того, как решится конфликт с Тенями, она должна стоять на своем.

Угроза войны служила хорошим напоминанием о том, что жизнь всего одна.

Поэтому надо прожить ее осознанно.

* * *

Встретив непоколебимый взгляд Принцессы, с'Экс понял, что она весьма предусмотрительно разоружила его, и отвела Главного Астролога подальше до того, как он получил ответ от мужчины.

Но объяснение было необязательно, он знал «причину» изменения карты.

Астролог давился словами:

– Младенец был законным наследником, заменяя вас, Принцесса. Но Королева не хотела видеть кровь гражданского на престоле. Она знала, что палач был отцом ребенка. Она заставила меня изменить время рождения на четыре минуты тридцать две секунды... от чего ребенок был помещен в неблагоприятное положение шестой планеты от солнца.

В голове с'Экса внезапно зазвенел жалобный плач его дочери... и пронесся по крови.

Грудь тяжело вздымалась от дыхания.

Руки сжались в кулаки.

Его сердце пропустило удар... а потом перешло на медленное, уверенное биение убийцы.

Принцесса протянула ему лезвие. Ее взгляд был полон печали, но, несмотря на это, он был ясным. Дрожащим, но сильным голосом она произнесла три слова:

– Сделай, что должен.

Она знала, что только что вынесла матери смертный приговор. Сейчас, когда правда вышла наружу, он без колебаний отомстит за свою кровь.

с'Экс принял зазубренное лезвие боевой рукой... и направил острие на свое лицо. Он отметил себя, быстро проведя две полосы по впадинам щек.

Одну за дочь, которую он никогда не встретит.

Одну за зло, что он собирался исправить.

Повернувшись к проему в перегородке, он мог думать лишь об одном... и все же, остановился.

Повернув голову, он пригвоздил Главного Астролога взглядом. Когда мужчина съежился в ужасе, с'Экс сказал:

– Если моя дочь была наследницей, то кто сейчас наследует за Королевой?

– О-о-о-н-н-а, – мужчина указал на Принцессу. – Она – полноправная наследница престола. Ее нательная карта не подлежала изменению. Она была бы второй в очереди после вашей дочери, а с ее смертью, Принцесса стала законной наследницей...

– Убийство, – перебил он. – Ты хотел сказать, с убийством моей дочери.

Он перевел взгляд на Прицессу.

Казалось, она не понимала последствий сказанного. Она будто бы даже не слышала того, что вскоре станет Королевой. Вместо этого она прижимала длинную, тонкую коробку к своей груди, облаченной в наряд служанки, ее голова была опущена.

Из ее глаз закапали слезы на яркой желтый металл.

– Ты будешь править, – объявил с'Экс. – Ты будешь править этим народом, править достойно. Ты слышишь меня? Отбрось чувства и приготовься к тому, что вскоре должно произойти.

Она встретила его взгляд.

– Она была моей сестрой. Они убили... мою сестру.

с'Экс отшатнулся. Это было последним, что он ожидал от нее услышать.

Его внезапно накрыло осознание, что он был не одинок в своем горе. Он был признателен за это.

Подойдя к Принцессе, он обхватил руками ее лицо, заставляя поднять голову. Стерев слезы с ее щек, он наклонился и прижался губами к ее лбу.

– Спасибо за это, – прошептал он.

– Что?

Он просто покачал головой и отступил назад.

– Ты, – указал он на Главного Астролога. – Позаботишься о ней. Ты веришь в традиции и ненавидишь ложь? Докажи это, убедившись, что она выживет... и через десять минут станет твоей Королевой.

Мужчина мгновенно дернулся на полу, падая ниц и прижимаясь лбом к покрытому кровью красному мрамору у ног женщины.

– *По велению звезд, я буду служить Королеве Катре вин Сулэйнэ этл Мулэйнэн дэ ФонЛэран до последнего своего вздоха и удара сердца.*

Почувствовав искренность его слов, с'Экс понял, что новая Королева будет в безопасности.

– Церемониальные одежды хранятся здесь, ведь так?

– Да, – Главный Астролог ответил, не отрываясь от пола.

– Одень ее. Через двадцать минут голова ее матери будет лежать у трона. Приведи туда Катру, чтобы полностью завершить церемонию смены власти.

– Что будет с тобой? – спросила Катра. – Ты тоже там будешь? Прошу, скажи, что будешь там.

– Беспокойтесь о себе, моя Королева. Ты намного важнее всех, кто находится в этой комнате, дворце, всей Территории.

С этими словами он, отвернувшись, скрылся в потайном проходе.

Чистка и содержание оружия в должном состоянии – священная обязанность воина, способ почтить связь между бойцом и его оружием.

Рейдж сидел, склонив голову над вторым из двух своих любимых сороковых, и сладкий запах чистящего средства для металла был таким же родным, как и звук собственного голоса.

Он чувствовал напряженность Мэри, сидевшей в другом конце комнаты. Но она не произнесла ни слова.

– Я буду острожен, – сказал он ей, убирая аэрозоль в коробку с принадлежностями для чистки оружия. – Обещаю... я буду очень осторожен.

Он дал ей клятву, прекрасно понимая, что личная осторожность лишь отчасти влияла на выживание в бою. Знание окружающей обстановки, предельная осмотрительность, братья, присматривающие за тобой... все это, конечно, помогало. Но всегда будет присутствовать элемент удачи.

Судьбы.

Рока.

Называйте как угодно.

– Я знаю, – сказала она напряженно.

Он провел куском замши вдоль одной стороны ствола и повторил движение с другой. – Если я не... ну, не вернусь домой...

Он не договорил. Она знала, что он хотел спросить. Начала было достаточно.

– Я найду тебя, – выдавила она. – Как-нибудь, но я найду тебя.

Он кивнул... хотя, наверное, стоило подойти к ней, но сейчас он не вынесет чужой близости. Он шатался на тонкой грани, едва сохраняя контроль, и учитывая, что с приходом ночи их ждет война, то он не мог позволить себе расчувствоваться.

– Я просто не могу вынести саму мысль, что тебе причинят вред, – сказала она, высморкавшись в платок и промокнув глаза. – Это волнует меня больше смерти.

Ну, да, потому что им даровали чудо... которое выплатит дивиденды, если смерть попытается разлучить их.

Он подумал о Трэзе, и к горлу подступила тошнота.

Боже... образ мужчины, соорудившего погребальный костер, подобно татуировке отпечатался в его мозгу.

Он выронил пистолет и ткань на колени.

– Я – ужасный человек. На самом деле, я – долбаный говнюк.

Мэри снова высморкалась.

– О чем ты говоришь?

Он заставил себя вернуться к чистке, преимущественно потому, что посмотрев ей в глаза, он не сможет сказать это.

Черт, может, ему не следовало ничего говорить... но он никогда от нее ничего не скрывал.

– Я...эм... мне ненавистно, через что пришлось пройти Трэзу и Селене. Тору тоже.

Из ниоткуда пришло воспоминание: он сидел в навороченной скорой помощи Мэнни, требуя, чтобы доктор спас Избранную.

Словно приказав парню найти лекарство, он решил все проблемы.

Потом он увидел Лейлу, кутавшуюся в одежду перед костром, устремившимся ввысь. Ради всего святого, беременную Лейлу, носившую близнецов Куина.

Которая выглядела так, будто небеса загорятся от скорби по ушедшей сестре... так, что

Рейдж оказался не единственным, кто начал опасаться за ее беременность, жизнь и малышей.

– Я – мудака, – прошептал он.

– Рейдж, поговори со мной.

– Я рад, что это произошло не с нами, – выдавил он. – Как бы сильно я ни любил их, ни скорбел вместе с ними... я чертовски рад, что не потерял тебя...

Слезы подступили к его глазам.

И тогда шеллан подошла к нему.

Отложив пистолет в сторону, она обхватила его руками, нашептывая слова успокоения ему на ухо, от чего ему стало только хуже.

Это напомнило ему о том, что Трэз никогда снова не...

Бум! Бум! Бум!

– Рейдж, – рывкнул Ви из коридора. – Трэз сдался.

Выпрямившись, Рейдж смахнул слезы.

– Что?!

Отодвигая Мэри, он подскочил двери и резко распахнул ее.

– Что, черт подери, ты несешь?

– Ты меня слышал... собираемся у Рофа. *Сейчас.*

Брат бросился дальше, но Рейдж вовремя схватил его за руку.

– Ты уверен?

– Только что звонили от с'Хисбэ.

– айЭм в курсе?

Вопрос остановил Брата, и Ви посмотрел на потолок.

– Дерьмо.

– Ты уверен, что Трэза нет в доме?

– Да, он ушел. Я проверил записи камер. Он оставил сотовый на каменных ступенях и исчез час назад.

– Срань... господня. Так, все хорошо... – В чем он сильно сомневался. Может, войны и не будет... но что с Тенями?

С их двумя Тенями?

– Давай я поднимусь к айЭму и все расскажу? – услышал он себя, переведя взгляд на Мэри.

– Хочешь, чтобы я пошла с тобой? – отозвалась она.

– Да. Хочу.

* * *

айЭм пришел в себя и обнаружил на уровне глаз две пары обуви. Одна – огромная, размером с два кресла. Вторая – сникерсы от «Коуч», с черно-серым логотипом и липучками вместо шнуровки.

Подняв голову, он увидел Рейджа и Мэри.

– Который час?

Мэри опустилась на колени, и это стало первой подсказкой тому, что они пришли с плохими, очень плохими новостями.

Но заговорил именно Рейдж:

– айЭм... у нас есть все основания полагать, что твой брат сдался Королеве.

Мозг принял эти слова, скрипя извилинами, смысл сказанного не укладывался в его голове.

– Прости, что ты сказал?

Он сел, и бутылка, которую он прижимал к себе, откатилась к ботинкам Рейджа.

– Мы получили сообщение с Территории: Королева не собирается нападать на нас, потому что Трэз добровольно сдался с'Хисбэ...

– Господи Иисусе!

Подскочив на ноги, он оттолкнул пару и влетел в комнату брата. Кровать была не заправлена, шкаф открыт... и не было ни одного намека на присутствие Трэза.

– Нет... нет, мы должны были скрыться! – закричал он в пустоту. – Я же все устроил! Мы должны были исчезнуть!

Когда он развернулся, Рейдж и Мэри стояли в дверном проеме.

Голос Мэри был резким, будто она прекрасно понимала, что иначе он не станет ее слушать:

– Мы знаем, что ты соберешься за ним. Но перед тем, как...

Он направился к выходу, приготовившись снести их, если потребуется... как бы он ни ценил их заботу.

Но Рейдж схватил его за руку, отдергивая назад:

– Давай сперва обеспечим тебя оружием. И Лэсситер идет с тобой. Он может выходить на солнце.

Он собрался было возразить, когда подумал... ну, да.

– Мы в любом случае тебя прикроем, – сказал брат мрачно. – Ты – не один.

Мгновение айЭм не мог понять, что парень имел в виду... а потом до него дошло. Дерьмо. Если он отправится во Дворец и вызовет Трэза... то Королева, вероятней всего, в отместку нападет на Колдвелл.

И эти люди окажутся под осадой.

– Зачем он это сделал? – простонал айЭм. – Господи, ну зачем?

Мэри взяла его за руку.

– Должно быть, он узнал об угрозе. Должно быть, услышал что-то в доме.

айЭм закрыл глаза.

– Это нужно остановить. Всю эту чертовщину.

Потому что если Трэз по доброй воле принял свое проклятье? То парню придется жениться и заниматься сексом с единственной женщиной, которую когда-либо любил айЭм.

Вот такие они везунчики.

– Пошли, – сказал Рейдж. – Соберем тебе оружия в дорогу. Лэсситер уже ждет.

Все, что было дальше, пронеслось как в тумане. Спустились на второй этаж. Его грудь и бедра обвешаны кобурой и ножами. Пистолеты. Ножи. Длинный кожаный плащ, прикрывавший большую часть оружия.

Потом они спустились в фойе, где его ждал падший ангел, декорированный примерно таким же образом, и в кои-то веки он не отпускал шуточки.

Прямо перед тем, как они покинули особняк, Ривендж подошел к нему и сжал в объятии.

– Мне придется остаться здесь. Если Тени нападут на Колдвелл, я должен командовать пожирателями грехов, которым придется защищать город в дневные часы.

Дерьмо. Личное несчастье его и его брата стало всеобщим.

– Мне так жаль, – сказал айЭм, окинув взглядом Братьев. Рофа. Остальных домочадцев. – Не могу поверить, что дошло до этого.

Рейдж покачал головой.

– Мы прикроем вас. Мы сделаем все, что необходимо, чтобы позаботиться о своих.

А потом с разговорами было покончено, и айЭм с Лэсситером, миновав вестибюль, вышли на парадные ступени особняка.

Падший ангел схватил его за руку.

– Готовься к полету.

Нахмурившись, айЭм перевел взгляд на мужчину с черными и светлыми волосами.

– О чем ты...

Его мгновенно поглотил солнечный свет, унося оттуда без какой-либо сознательной мысли или проявления его воли...

...унося к ненавистному ему дому и навстречу судьбе, против которой он сражался.

Камни были холодными и тяжелыми.

Пока Главный Астролог надевал на Катру слой за слоем сеть из бриллиантов, сапфиров, изумрудов и рубинов в платиновой оправе, дышать становилось все труднее.

Хотя, наверное, дело в том, что чудовищность происходящего опускалась на ее плечи, а не вес церемониальных мантий.

Последняя часть – платье Королевы – была тонкой вуалью, накрывшей ее лицо словно легкий ветерок.

– Все готово, – сказал Астролог.

При обычных обстоятельствах, одеяние доставили бы в покои Королевы, очистили и подготовили для владелицы целая группа служанок. Но этот случай не был обычным.

Королева уже мертва?

Как она умерла?

Вопросы крутились в ее голове, снова и снова, и она...

– ...прибыл! Он прибыл!

Глухую тишину ее покоев нарушили повторяющиеся крики из коридора.

Нахмурившись, она подхватила юбки и шагнула вперед... только чтобы вспомнить, что она не могла активировать входную дверь.

– Прощу, откройте ее?

– Сию секунду, Ваше Высочество.

Главный Астролог устремился вперед, положил ладонь на стену, и панель покорно отъехала в сторону.

Снаружи царил хаос, народ скакал от радости, начав празднование. Короткое мгновение она стояла в дверном проеме, пытаясь осознать происходящее... прежде чем вспомнила, что в круглой комнате за ее спиной сейчас творится резня.

– Выйди сюда, – прошипела она Астрологу.

Как только он ступил в коридор, дверь автоматически закрылась за ними, и носившаяся по коридору толпа заметила ее появление.

Все застыли как вкопанные. Рухнули на пол, падая ниц.

Гражданские забормотали необходимые приветствия королевской персоне, было очевидно, что они приняли ее за правящую Королеву.

С этим осознанием пришло следующее:

– Очищение...

Извернувшись, она с усилием заставила себя говорить тихо:

– Великие звезды, они собираются очистить его... быстро, мы должны попасть к Верховному Жрецу!

Астролог не стал задавать вопросы. Он просто последовал за ней, когда она бросилась бежать по дворцу. Дорога была бы трудной, но к счастью для них, ее появление родило волну коленопреклонений, и все, от придворных и ближайших советников, до прислуги рухнули на пол, как только увидели ее.

Священные покои АнсЛаи располагались недалеко от церемониального зала, и когда они добрались до нужной двери, она потянулась к стене... но Астролог опередил ее, найдя ладонью нужное место.

Когда панель отъехала в сторону, она увидела огромного обнаженного мужчину, вытянувшегося на черной мраморной плите, его руки лежали по бокам, а стопы сведены.

АнсЛаи стоял напротив, перед костром, возведя обе ладони к небесам, он шептал заклинание.

– Прекрати! – закричала она. – Я приказываю остановиться!

Верховный жрец повернулся... и сразу рухнул на колени.

– Ваше Высочество, я думал, вы все еще в ритуальной комнате?

Катра бросилась к мужчине, лежавшем с закрытыми глазами.

– Скажи, что ты не успел очистить...

– Я только что ввел раствор в его вены...

– О, нет, нет, нет... Нет!

– Ваше Высочество, что вы хотите сказать? – спросил Верховный жрец, выпрямляясь. – Он десятилетия провел на другой стороне. Он – не чист, чтобы стать супругом вашей дочери...

– Это не нареченный!

На этих словах мужчина, о котором шла речь, медленно повернул голову в ее сторону.

И так, спустя столько же годы, она, наконец, познакомилась с ТрезЛафом.

– Мне так жаль, – выдохнула она, склонившись и сжав его руку. – Я не успела вовремя... мне так жаль...

* * *

Лежа на столе, Трез чувствовал жжение на внутренней стороне предплечья, там, куда они сделали укол на удивлении современной иглой из человеческого мира.

Ритуал был таким древним, он думал, что они отдадут предпочтение дротику или самодельному металлическому шприцу.

Но нет. Этот шприц был таким же, каким сделали укол Селене.

Он мгновенно ощутил яд в своих венах, в отличие от укуса змеи, он мгновенно распространился по телу, захватывая контроль.

Ослабленный от горя и физической перегрузки, он осознал, что с высокой вероятностью он не выживет.

И тогда он сосредоточился на потолке над собой. Забавно, представляя ритуал, он всегда видел себя связанным.

Как странно порой, куда может привести судьба. Сейчас он приветствовал подступающую боль... потому что она может стать ему пропуском к Селене. Ходили слухи, что совершив самоубийство, ты не попадешь в Забвение, но если тебя убьют?

Это же не твоя вина.

Экзистенциальный вопрос оставался открытым, а именно: как они, исходя из разных традиций, найдут друг друга в загробном мире? Если он вообще существовал.

Но если вера обладала хоть какой-то властью, то он будет верить, что они встретятся.

На этой ноте он мог бы уже и умереть.

Постепенно он начал осознавать присутствие в этой комнате еще двух сущностей помимо него и АнсЛаи. И одна из них сияла с головы до пят всеми цветами радуги.

Королева.

Она заговорила с АнсЛаи после того, как Верховный жрец поклонился ей. А потом АнсЛаи выпрямился, заговорил, тревога появилась на его лице... а за ней – паника.

Королева подошла к Трэзу... и спустя целую вечность ненависти к женщине, он смутно задумался о том, чтобы попытаться убить ее.

Но у него не было сил. Особенно когда боль все нарастала.

Он не хотел двигаться, но в итоге начал извиваться, тело пыталось избавиться от яда.

А потом его все его тело охватил внезапный огонь – изнутри.

Последнее, что он запомнил, – что еще больше людей зашло в комнату, и они не падали ниц.

Они в замешательстве смотрели на Королеву.

И потом к ним обратился Главный Астролог, одетый в красную мантию.

Мгновение спустя они все рухнули на пол, простираясь перед женщиной.

О, да разве это важно? – задумался Трэз.

Ничто не имело значение, даже невыносимая боль...

Падший ангел доставил их к границам Территории.

И, приняв форму, айЭм осознал, как хорошо, что полетом управлял Лэсситер. Учитывая, что его брат был в лапах Королевы, он сомневался, что смог бы сконцентрироваться и дематериализоваться.

– Отсюда я поведу, – сказал айЭм.

– Я прикрою.

Благодарно кивнув, айЭм двинулся к главному входу с'Хисбэ. Среди всего, чем его снабдили Братья в дорогу, была пара фунтов взрывчатки С4. Нужно лишь установить порцию или две на огромных воротах и...

И вход в Территорию с'Хисбэ, словно желая избежать телесного вреда, раскрыл перед ними огромные створки.

Но это не кто-то, уходивший за Территорию, открыл перед ними двери по чистой случайности.

По ту сторону гордо возвышался с'Экс, безупречных хранитель земель Королевы.

Но... неправильным было абсолютно все. На мужчине был традиционный наряд слуги, такой же он вручил айЭму когда-то, и ткань была пропитана кровью.

В его руке лежал окровавленный зазубренный нож длиной с его предплечье.

– Пошли, у нас мало времени, – сказал он поспешно.

В обычное время, айЭм бы подумал дважды, прежде чем идти куда-то с Мрачным Жнецом вроде этого. Но он однажды доверился парню... и было очевидно, что во дворце случился переворот.

Перейдя на бег, они с Лэсситером последовали за палачом в дворцовый комплекс, входя через потайную дверь. Оказавшись внутри, с'Экс повел их абсолютно пустыми коридорами.

Ни слуг. Ни придворных.

И с'Экса совсем не заботило, что их схватят, допросят... будут пытаться.

Мужчина либо сошел с ума или же...

– Что за хрень здесь творится? – требовательно спросил айЭм.

– Ты – Нареченный, а не твой брат.

айЭм остановился так резко, что Лэсситеру пришлось отскочить в сторону, чтобы не снести его.

– Что?!

– Нет времени. Твоего брата очищают... он при смерти. Если хочешь проститься с ним, то лучше поторопиться.

айЭм просто стоял на месте, словно его отключили от источника питания, и Лэсситер с с'Эксом подхватили его под руки, оторвали от пола и понесли вперед.

Мгновение спустя он опомнился и вырвался из их хватки, вставая на ноги.

– Это невозможно, – он пытался перекричать их топот.

– Королева подменила карты. Это был ты, с самого начала... но все считали, что ты не проживешь долго. Поэтому они поставили на Трэза... Королева и твои родители.

Они внезапно влетели в главный зал для аудиенций, и айЭм снова ощутил, как его ноги споткнулись.

На возвышении... его *майкен*... Принцесса... Господи, или кто она там... стояла в короне Территории на своих темных волосах.

Примерно две тысячи Теней рухнули на колени на шелковые коврики, склоняя головы.

– Она все выяснила, – сказал с’Экс. – Она все выяснила... и это едва не стоило ей жизни.

– Где прежняя Королева?

– У ног своей дочери.

И тогда он заметил отрубленную голову сбоку, черные глаза невидяще уставились на толпу.

– Я верю в судьбу, – сказал палач. – Я верю в звезды. Так и должно быть.

айЭм встряхнулся. Это чересчур, и на самом деле произошедшее было неважно. Но Трэз, с другой стороны....

– Мой брат...

– Сюда.

Когда айЭм наконец вошел в комнату, где находился Трэз, он забыл, как дышать. Его брат, его родная кровь лежал на мраморном столе, его огромное тело скрючилось от боли.

Он напомнил ему Селену тем, как искривилось его тело... – это было первым, что пришло ему в голову.

айЭм бросился вперед, не обращая внимания на собравшихся вокруг. Сжав руку Трэза, он рухнул на колени.

– Трэз... Трэз?

Но до брата было не достучаться. Он ушел: был жив, но сознание его пребывало где-то в другом месте, будто тело подписало его душе приказ на временный отпуск.

– Нет... – услышал он свой голос. – Только не после этого... Трэз, ты свободен... ты можешь остаться со мной, мы свободны...

Ну, отчасти, учитывая, что Нареченным был именно он. Но сейчас он даже не думал об этом.

Дерьмо.

– Брат, не оставляй меня.

– ... противоядие. Остается ждать.

Подняв голову, айЭм увидел АнсЛаи, Верховный жрец стоял по другую сторону стола.

– Что?

– Я дал ему противоядие... как только узнал. – Мужчина перевел взгляд на с’Экса. – Но, может быть, уже поздно. Он пришел сюда в ослабленном состоянии.

айЭм начал говорить, лепетал что-то... черт, он не знал, что именно.

Больше ему ничего не оставалось.

Его брат, скорчившись, повернулся, ноги и руки извивались от боли, которую айЭм даже вообразить не мог. Он был беспомощным.

Таким беспомощным.

– ... увидеть вас? – сказал АнсЛаи какое-то время спустя.

– Что? – переспросил он хриплым голосом. Похоже он не переставал говорить.

– Ваши родители. Им стало известно, что вы оба на Территории... что вы – истинный Нареченный, и они бы хотели...

айЭм обнажил клыки, злобно посмотрев в обеспокоенные глаза жреца.

– Передай этим двум, что если им дорога жизнь, то они никогда, ни при каких условиях больше не попытаются связаться со мной или моим братом. Ты меня понял? Скажи им, что единственное, что способно отвлечь меня от Трэза в настоящий момент – возможность убить их.

Верховный жрец побелел.

– Да. Разумеется.

айЭм снова сосредоточился на брате.

И продолжил бормотать чушь. Как это делал Трэз, когда умирала Селена.

Какое-то время спустя он смутно осознал, что в комнату вошла женщина. И он узнал ее по

эху своей крови, но не поприветствовал ее.

Он был слишком поглощен, пытаясь удержать Трэза на планете, когда он, без сомнений, прокладывал себе путь на небеса.

Желание Трэза исполнилось.

Когда он умирал от ритуала очищения, он узнал, что Забвение действительно существовало. И да, люди разных традиций и вероисповедания попадали в одно и то же место.

В какой-то момент боль стала невыносимой, и его тело сдалось...внезапное отсутствие ощущений даже шокировало его. Но он встретил с радостью онемение.

И чувство полета.

Парил, он парил... но потом оказался посреди бескрайнего белого поля, и он пошел по туманному ландшафту, одновременно чувствуя невесомость и связь с землей.

Вскоре перед ним появилась дверь. Дверь, и он инстинктивно знал, что если повернет круглую ручку, войдет в нее, то пересечет границу и никогда больше не вернется на Землю.

И тогда он увидел Селену.

Ее лицо и фигура появились не на двери, а в двери, словно даже закрытая, панель являла собой трехмерное пространство.

Мгновенная. Радость.

И Селена испытывала то же самое, ее улыбка озаряла разделявшее их расстояние, зрительный контакт превратился в ласку, которую он ощутил всем телом.

Она была здоровой. Сильной. Целой.

– Моя королева! – воскликнул он, потянувшись к ней.

Но она вскинула руку, останавливая его.

– Трэз, ты должен остаться.

Он отшатнулся.

– Нет. Я должен быть с тобой... так предполагалось...

– Нет. Ты должен жить. Ты должен многое сделать, познакомиться с определенными людьми на своем пути. Твое путешествие еще не кончено.

– Черта с два.

Послушайте его ругань. Идеально вписывается в рамки фантазии о воссоединении в Раю.

– Ты умерла, и я хочу быть с тобой.

– Я буду ждать тебя здесь. – Она улыбнулась, по новой согревая его изнутри. – Это чудесное место... я воспарила после того, что ты сделал, того, как ты меня освободил. Я воспарила, я свободна и я буду ждать тебя здесь в конце твоего пути.

– Нет, – простонал он. Не отсылай меня назад.

– У меня нет такой власти. Все в твоих руках. Прими решение остаться внизу... ты должен позаботиться об айЭме. Ты должен отплатить ему за те годы, что он поддерживал тебя. Это не честно оставлять его одного. Он никогда не обретет заслуженного покоя.

Вот... черт. Наверное, это единственный аргумент, с которым она смогла бы достучаться до него.

Дерьмо.

– Что же с нами? – выдохнул он. Пусть это было и эгоистично. – Что со мной... я – ничто без тебя.

– Я приду к тебе в ночном небе. Ищи меня там.

– Позволь прикоснуться к тебе...

– Трэз, сделай правильный выбор. Ты должен сделать правильный выбор. Ты должен отдать долг тому, кого любил всю свою жизнь.

– Но я люблю тебя, – выдавил он, заплакав.

– Я тоже тебя люблю... навечно. Бесконечно и даже больше, помнишь? Я буду ждать тебя и тех, кого ты любишь. В этом вся суть другой стороны. Любовь.

– Не уходи. Господи, не оставляй меня снова...

– Я не покину тебя. Мы разделены, но не потеряны и не разлучены. Не оплакивай меня, моя любовь. Я не умерла...

* * *

– *Селена!*

Когда айЭм услышал крик, то подскочил со своего места в основании плиты. Охрененный из него спаситель. Он, блин, умудрился заснуть, держа брата...

– Трэз? – позвал он, осознавая, что парню удалось, неизвестно благодаря какому чуду, прийти в себя всего через сутки после ритуала очищения.

Его брат плакал, слезы лились из его глаз, скатываясь по щекам.

– Трэз? Ты вернулся? – айЭм вскочил на ноги, склоняясь над парнем. – Трэз?

Изможденный черный взгляд встретил его, и какое-то мгновение Трэз пытался отделить реальное от нереального.

– Трэз? – прошептал айЭм, охваченный беспокойством, что яд мог уничтожить его мозг. – Ты...

Внезапно длинные, сильные руки обхватили его и оторвали от пола.

Брат обнимал его.

И говорил:

– Я здесь, здесь, с тобой... я здесь, рядом...

Сначала он не улавливал смысла слов, но потом...

– Я не оставлю тебя, – сказал Трэз хриплым, скрипучим голосом. – Я рядом, и я тебя не брошу.

Вот... дерьмо.

Именно эти слова айЭм говорил своему брату в течение всей жизни, в разных вариациях... своими поступками, днями, проведенными в беспокойстве, годами, что он потратил, молясь, чтобы они пережили хотя бы еще одну ночь.

айЭм рухнул на грудь своего брата, сейчас покрытую шрамами, колени внезапно подогнулись.

В своих фантазиях он гадал, каково это будет – освободиться от проклятья вечного беспокойства за брата.

Вариантов было много.

И все они кардинально отличались от реальности.

Мэри покинула особняк Братства около полудня... примерно в это же время появились братья-Тени.

Рейдж только проводил свою шеллан к Хэйверсу, заверив ее, что да, с ним все будет в порядке, и сразу же сработал сигнал на главном входе.

Покинув беспокойную толпу братьев, собравшихся в бильярдной комнате, он опередил Фритца на пути к монитору и, увидев две темнокожих физиономии, закричал.

– Кто там? – спросил Бутч.

– Кого мы ждали!

Открыв все замки, он встал прямо перед внутренними дверьми... и, вот они, выглядят дерьмово, оба изможденные и осунувшиеся, тени себя прежних.

Ха-ха-ха.

Но они были живы. Они были вместе. И при виде их на своих двоих, ходивших и разговаривавших, напряжение, долгие ночи сковывавшее его грудь, немного ослабло.

– Хэй, друзья, – сказал он, обнимая ближайшего к себе, а потом добрался до второго.

– Привет. Спасибо за все, – голос Трэза был слабым, но достаточно крепким.

– Спасибо вам огромное...

– Трэз, дружище, рад видеть тебя...

– Господи Иисусе... вот это история...

– айЭм, с возвращением...

И так далее.

Братья и их шеллан высыпали из бильярдной, приветствуя их так, словно они пережили войну.

Ну, с натяжкой, но пережили.

– О, Боже, вы двое успели как раз на Стива Уилкоса^[114]!

Синхронно застыв, все обернулись на Лэсситера, который стоял в арочном проеме, голый по пояс, в кожаных штанах и с кепкой на голове – с надписью «Я ОЗАБОЧЕННЫЙ»... и в огромных меховых тапочках на ногах, которые, если поставить их вместе, образовывали целого далматинца.

Ангел вернулся двенадцать часов назад, сказав, что братья в безопасности, но неизвестно, выживет ли Трэз. И засранец впервые казался полностью опустошенным чем-то. Абсолютно безутешным.

В молчании, повисшем после счастливого объявления ТВ-передачи, Трэз посмотрел в другой конец фойе... и рассмеялся.

Бедный ублюдок смеялся так сильно, что пришлось схватиться руками за живот и вытереть слезы.

Когда окружающие присоединились к нему, Тень вскинул голову к потолку и сказал:

– Спасибо, моя королева. Мне это было нужно.

Потом он подошел к падшему ангелу и обнял его. Они обменялись словами, чем-то серьезным, потому что Лэсситер отвел взгляд.

Потому что казалось, что он тоже сейчас заплачет.

Но потом придурок разорвал объятие со словами:

– А сейчас убрал руки с моей задницы. Я не такая, я жду трамвая.

И это задало тон оставшейся половине дня. Словно наклеив пластырь на рану, домочадцы окружили Теней, заманив братьев в бильярдную, предлагая им еду и напитки.

Было очевидно, что, несмотря на мгновение неуместной веселости, Трэзу было очень больно. На нем была какая-то серая мантия, и его кожа почти сливалась с ней по цвету. Но он был твердо намерен присутствовать и принимать участие в происходящем.

айЭма, с другой стороны, казалось, мучило головокружение. Словно парень только сошел с лодки, качавшейся на сильных волнах, и пытался обрести равновесие, опираясь на окружающие предметы... стол для бильярда, диван, барная стойка.

Он отказался от алкоголя в пользу Колы.

Рейдж был ужасно рад тому, что они живыми вернулись домой, но, несмотря на это, он не мог полноценно расслабиться. Он убедил себя, что причина в набеге на Общество Лессенинг, который они собирались устроить в той женской школе вместе с Эссеилом и его кузенами.

Эта резня может войти в историю.

Также в его мыслях маячила Шайка Ублюдков. Даже если он с братьями уничтожит всех лессеров, и Омеге потребуется время, чтобы восполнить потери, оставался Кор и его ребята.

Но правда была в том, что он все еще чувствовал себя плохо.

И, спустя какое-то время, он осознал, что был не единственным.

Лейла тоже держалась на периферии, положив одну руку на живот; ее взгляд был устремлен вперед, не фокусируясь на чем-то конкретном.

– Ты в порядке? – спросил он, подойдя к ней. – Позвать Дока Джейн?

Она не ответила, и он наклонился ближе.

– Лейла?

Когда женщина подпрыгнула, он протянул руку, успокаивая ее.

– Прости, что? – пробормотала она.

– Все нормально?

– О. Да. – Она выдавила из себя такую улыбку, какую он периодически посылал своей Мэри. – Я в порядке.

Рейджа подмывало заявить, что это чушь собачья, но, будь он на ее месте, ему бы это не понравилось.

– Хочешь, позову Куина?

Он и Блэй говорили с айЭмом, оба одновременно кивнули... а потом шокировано отшатнулись, словно не могли поверить в историю, которую только закончил пересказывать рекламщик Стива Уилкоса с фаллическим символом на лбу.

– О, не стоит. Спасибо.

Поняв, в каком шоке она была, Рейдж подумал, что да, он действительно эгоистичный ублюдок. Она совсем недавно потеряла свою сестру, Селену.

Конечно, она мало чем отличалась от Трэза.

Стоя рядом с ней, Рейдж хотел помочь, но опасался, что также ничего не мог для нее сделать... как и определить природу сейсмической активности под своей кожей.

На первый взгляд все было как обычно.

Он просто, без веской на то причины чувствовал себя другим человеком.

И это...

... пугало до ужаса.

* * *

В другом конце города, в тюдоровском особняке Абалона, Пэрадаиз сидела на своей кровати, в своей комнате, уставившись на стену напротив.

Предполагалось, что она должна быть счастлива. По словам ее отца, угроза со стороны с'Хисбэ нейтрализована, и все в безопасности... но она чувствовала себя не в своей тарелке.

Конечно, она вернулась домой.

Несмотря на ее стремление к независимости, проживание вдали от отца в беспокойные времена было слишком опасным. А это – шаг назад от ее самостоятельности.

По крайней мере, у нее была работа...

Послышался тихий стук в дверь.

– Да? – отозвалась она.

Панели раскрылись, и в дверном проеме появился ее отец. Он был в своем темно-синем шелковом халате, с фамильным гербом на груди и километровым поясом.

– Не спишь? – спросила она.

– Я не могу уснуть.

– Столько всего произошло.

– Да. – Он помедлил, окидывая взглядом ее комнату, будто заново знакомился с убранством. – Могу я войти?

– Конечно, это твой дом.

– Наш дом, – он ее нежно исправил.

Когда он застыл у дальнего края ковра, укрывавшего пол, Пэрадайз нахмурилась.

– Ты неважно себя чувствуешь?

Он открыл рот. Закрыл. Снова попытался заговорить.

И не смог.

Скинув ноги с кровати, она села.

– Папа?

Ее отец наконец пересек комнату, и тогда она увидела, что он держал что-то в руках. Листок бумаги.

Вместо ответа он протянул ей лист.

– Что это? – спросила она.

Опустив взгляд, она нахмурилась.

– О... Боже, – выдохнула Пэрадайз. – *Боже мой...*

Это было заявление в учебную программу Братства. И он заполнил все поля, собственноручно.

За нее.

– Отец! – Подскочив, она обхватила его руками. – Спасибо! Спасибо тебе!

Он обнял ее в ответ.

– Это вопрос безопасности, – сказал он хрипло. – Я просто... ты права. Ты должна научиться защищать себя. При мысли, что однажды ты можешь оказаться без защиты... – Он отстранился. – Ты права. Тебе нужно учиться.

Было очевидно, что он, выражаясь словами Пэйтона, кипешевал от одной мысли... и поэтому его поступок был таким щедрым. Хотя он был напуган... он все равно разрешил ей.

– Спасибо, – выдохнула она, цепляясь за него. – Я буду осторожна! Обещаю!

Если, конечно, ее примут. Господи, ей же лучше начать тренировки, если она хочет пройти тест на физическую подготовку.

– Обещаю, – поклялась она. – Я буду осторожна.

– Я буду молиться за это, – буквально простонал ее отец. – Каждую ночь.

– Папа, я люблю тебя!

Он закрыл глаза, будто сел на американские горки, сомневаясь, что сможет вынести поездку.

– И я люблю тебя, моя дорогая Пэрадайз.

Королева Катра вин Сулэйнэ этл Мулэйнен дэ ФонЛэран сидела одна в своих покоях, окруженная тишиной, она попросила служанок и слуг оставить ее.

Она не переедет в покои бывшей Королевы.

Нет, она превратила их в детскую комнату для детей тех, кто служил во дворце. Так малышки будут рядом со своими родителями, и впервые обслуживающий персонал не бросит своих детей на родственников или одних, в холодных, темных, похожих на камеры строениях в бедной жилой зоне.

Но этот указ не был ее первым.

Нет, после принятия на себя руководства своим народом, первым делом она отменила проклятие Нареченного.

Она освободила айЭма.

Хотя он об этом не знал. Но знали все в с'Хисбэ, поэтому, по крайней мере, он может не беспокоиться, что когда-нибудь увидит ее или Территорию снова.

Каждый вздох причинял боль.

Звезды на небесах, сколько вреда принесла эта алчная женщина.

Хорошие новости в том, что она рука об руку с с'Эксом, которого она возвела до уровня Короля... хотя, очевидно, что они не будут связаны браком... они убедятся, что больше никогда и ни с кем не обойдутся так же капризно и легкомысленно.

И раз у нее не будет детей, то незачем беспокоиться, что однажды проявится латентный злобный ген.

Воистину, раз айЭма не будет рядом, она собиралась блюсти целибат. Разве могла она захотеть другого? Она встретила своего суженого... это даже было предсказано звездами.

Он не хотел ее?

Что ж, судьба одного человека – не судьба другого, и не имеет значения, какие замешаны чувства...

Дверь отъехала в стороны и запах еды шел вперед слуги. Она нахмурилась, посмотрел на время, что показывали старые заводные часы на ее туалетном столике. Она просидела здесь несколько часов.

– Я не голодна, – сказала она, не поднимая взгляда. – Благодарю тебя.

Почувствовав, что он не уходит, она перевела взгляд на мужчину в традиционных одеждах.

– Спасибо, – повторила она в прострации. – Но я еще не голодна. Прошу, верни это на кухню... нет, стой. Раздели со своими родными?

Вместо того, чтобы поклониться и выйти, мужчина зашел глубже в комнату, и дверная панель встала на место.

Потом он медленно опустился на колени, поставил поднос перед собой и низко поклонился в ее направлении, прижимаясь грудью к мраморному полу.

И тогда она почувствовала эхо себя в его крови.

Наверное, она ошиблась?

Секунду... это действительно был...

– айЭм? – хрипло выдохнула она. – айЭм, это ты?

Мужчина выпрямился и скинул капюшон. И тогда она закрыла лицо руками, молясь, чтобы это был не сон.

Потому что его глаза, его прекрасные черные глаза миндалевидной формы светились от любви.

– Значит, – сказал он своим чудесным голосом. – Я слышал, что меня разжаловали.

– Прости... что?

– с'Экс звонил мне. Сказал, что меня уволили. Видимо, я больше не Нареченный, да?

айЭм поднялся на ноги и подошел к ней, мантия развевалась от движений огромного тела, и от него исходил пряный аромат.

Оказавшись перед ней, он снова опустился на колени.

– Хочешь сказать, что больше не желаешь этого? – протянул он, указывая на свое тело. – Правда?

Она закрыла глаза, отворачиваясь от него. Боль была невыносимой.

– Прошу... не мучай меня.

Он обхватил ее руки.

– Посмотри на меня. Давай же, посмотри на меня... *майкен*.

Услышав от него имя, которым изначально представилась ему, она открыла глаза. Слезы затуманивали ее взор, и айЭм провел костяшками по ее щекам.

– Ты спасла моего брата, – сказал он.

– Нет. Я опоздала.

– Он выжил.

– Он едва не погиб. Весь этот кошмар... чуть не убил его.

– Ты была не причиной, ты стала решением, о котором я всегда молил.

– Я солгала тебе.

– И я тебя прощаю.

– Но как? – выдохнула она.

Подавшись вперед, он прижался к ее губам.

– Тебя сложно не простить. Ты рисковала своей жизнью, пытаясь выяснить правду. Именно ты раскрыла ложь и все изменила. Ваше Высочество, Вы – спасение, о котором я молил всю свою жизнь.

Она покачала головой.

– Не зови меня так. Прошу. Я выбрала имя «*майкен*», потому что уверена, что ничем не отличаюсь от остальных. Все мы, с бьющимся сердцем и открытым разумом, равны.

– Вот видишь, – прошептал он, – Ты становишься все прекрасней в моих глазах.

Она очень долго смотрела на него. А потом, дрожащей рукой прикоснулась к его лицу. В ответ он прижался губами к ее пальчикам.

– Это – реально, – сказал он ей. – Ты можешь верить в это. Ты не проснешься, чтобы обнаружить, что все кончено. Мы с тобой? Это наше начало.

– Я люблю тебя, – выдохнула она хриплым голосом. – Я хочу только тебя.

Улыбнувшись, айЭм протолкнулся между ее бедер, притягивая ее к себе.

– И я чувствую тоже самое, моя *майкен*. Я люблю тебя, люблю... люблю...

И когда он поцеловал ее, она так и не могла поверить в происходящее. Что он вернулся к ней. Что разделенные на две половины, они снова стали единым целым.

Отстранившись, она спросила:

– Ты уверен, что это – реально?

Прожав плечами, он улыбнулся.

– Ну конечно. Нам предначертано быть вместе...

Он снова поцеловал ее.

И она поцеловала его в ответ.

Метеоритный дождь случился ровно в полночь.

Когда Трэз вышел из тепла особняка и пересек внутренний дворик, направляясь к покатой подъездной дорожке, он, покинув пределы охранных ламп, поднял голову и посмотрел на чистое небо.

На фоне густой, бархатной черноты и среди подмигивающих белых звезд, мерцающие брызги пронесли по небу, словно золотую пыль смахнули с раскрытой ладони.

Он с грустью улыбнулся.

– Спасибо, моя королева. Мне нужно было это увидеть.

Наблюдая дождь, он чувствовал себя одновременно одиноким и связанным с ней, особенно когда задумался о безграничном небе над ним.

Если кто-нибудь когда-нибудь захочет познать бесконечность времени и бытия, нужно, лишь взглянуть на ночное небо и ощутить, как их любимые, ушедшие из мира живых, смотрят с небес, в этом заключается великая двойственность единства и разлуки.

Все было так, как сказала его Селена на пороге в Забвение.

Она так сильно была ему нужна, что он снова проснулся с влажным лицом и промокшей подушкой. Но, вот он, стоит в своих ботинках, готовый учиться снова дышать, когда та, что заставляла его легкие работать, покинула этот мир.

– Мне пора, – сказал он. – Присоединяйся ко мне...

Подпрыгнув, Трэз резко развернулся.

Он знал наверняка, что позади никого не было, но также уверенно мог поклясться, что на его плечо легла нежная рука.

Он молился, чтобы это был призрак его шеллан. Потому что если нет, то, наверное, он сходит с ума.

Короткое путешествие.

Ха-ха.

Закрывая глаза, он какое-то время пытался сосредоточиться... а потом потоком молекул устремился по холодной, осенней ночи.

Он принял образ перед «Рестораном Сала».

Он, конечно, мог зайти с черного входа, но нет. Это была важная ночь, что-то вроде повторного знакомства. Он войдет через парадные двери.

Подойдя к панели у стеклянной двери, он вбил код и потом вошел внутрь. Его сразу затянул декор в стиле «Крысиной стаи»^[115], красно-черные обои с ворсистым рисунком впились в его глаза, чувство, что он бывал здесь уже тысячу раз, было одновременно и точным и лживым.

Двинувшись вперед, он поднялся по двум ступенькам и зашел за стойку администратора, потом пересек обеденную зону и бар позади. Откидные двери на кухню располагались справа, и по пути к ним он снял кожаную куртку, бросая ее у барной стойки.

Ресторан был пуст – привычная ночь для понедельника.

Его клубы тоже закрыты.

Но он отправится туда завтра вечером. Потому что... ну, больше ему ничего не оставалось.

Если только он не понадобится Братьям.

Господи, а раньше он считал, что по гроб жизни обязан Ривенджу? Это ничто по сравнению с тем, что он чувствовал к Братству Черного Кинжала и их Королю.

Все что угодно, он сделает что угодно для этих парней.

Сегодня и на веки вечные.

Он помедлил у входа на кухню, уставившись на парные двери, в каждой из которых было круглое окошко из «Плексигласа», чтобы обслуживающий персонал не сносил друг друга, бегая с подносами из кухни и в кухню.

Положив руку на правую створку...

... он, наконец, вошел внутрь.

И запах фирменного соуса его брата – маринара – ударил ему в нос... и, на самом деле, впервые со смерти Селены он ощутил голод.

айЭм стоял лицом к плите, помешивая соус в огромной кастрюле ложкой длиной с его руку.

– ...определенное количество орегано. Это вопрос жизни и смерти.

Слева, за дальним концом столешницы из нержавеющей стали установили небольшой круглый столик, накрытый льняной скатертью, на нем стояла посуда и цветы посередине. И за столом сидела Королева Теней, ее голова и волосы были открыты, ее красивое, доброе лицо склонено в сторону его брата... а в ее глазах плескалось столько любви и преданности, что Трэзу она сразу понравилась.

Она заметила его появление раньше айЭма, Мистера Раньше Молчаливого, а теперь Главного Болтуна.

Ее лицо мгновенно изменилось, напряжение сковало черты, стирая ее улыбку.

айЭм развернулся.

– О, брат мой, ты добрался.

– Ага. – Трэз затолкал руки в карманы джинсов. – Приехал.

– Ну, это хорошо. – айЭм подошел к нему, и хотя их нельзя отнести к любителям пообниматься, но сейчас он сжал его в крепком объятии. – Эм-м... да. Спасибо, что пришел.

– Вам спасибо – за приглашение.

Они оба посмотрели на Королеву. Которая медленно поднялась и поправила блестящую мантию.

Бриллианты. Мантия была укрыта тонкой сеткой бриллиантов.

На мгновение паника накрыла грудь Трэза, видя камни в оправе он вернулся в...

Нет, подумал он. Это не обязательно. Они больше не живут в той реальности.

Все кончено. Кошмар кончился, раз и навсегда, и он должен поверить в это... потому что эта женщина станет частью его семьи.

Ничто не мешает им пожениться в самом скором будущем.

Он чувствовал, как связующий запах перекрывает аромат итальянских специй.

Трэз отстранился от брата и подошел к высокой, стройной женщине.

Ощущения были охренеть какими странными, он опустился перед ней на колени, падая ей в ноги.

– Прощу, не надо, – сказала она, когда он начал произносить подобающе приветствие. – Нет, умоляю. Я...

Когда он поднял взгляд, она опустилась на колени, становясь перед ним.

– Прощу, зови меня *майкен*. Так айЭм называет меня.

майкен? Как прислугу? – подумал Трэз.

Вау. Еще одна причина испытывать к ней симпатию.

Протянув ладонь, он сказал:

– Привет. Я брат айЭма... Трэз.

Она улыбнулась. Потом рассмеялась... и пожала предложенную ладонь.

– Привет. Я... как звучит это слово?

– Жена. Ну, скоро будешь ею, – сказал айЭм хрипло, подходя к ним. – Но да, в Колдвелле ты будешь моей «женой».

Расправив плечи, она повторила попытку:

– Привет. Я – жена айЭма... *майкен*.

Трэз улыбнулся ей в ответ.

– Приятно познакомиться... *майкен*.

Спустя два часа они все еще сидели за столиком. После первоначальной неловкости все пошло на удивление легко. С другой стороны, несмотря на статус королевы, женщина айЭма была очень приземленной, веселой и милой.

И, блин, она так любила его. Казалось, она не могла отвести глаз от своего мужчины, и когда он смотрел в ответ, она каждый раз краснела.

Господи, если бы Трэзу представилась возможность выбрать кого-то для своего брата? Он бы выбрал ее.

– Еще канноли^[116]? – спросил айЭм, поднимаясь с тарелкой в руках. – Я хочу добавки.

– Нет, спасибо, – сказала *майкен*. – Я так объелась, кажется, на мне лопнет мантия.

– Жаль, что ты не встречалась с моей королевой, – выпалил Трэз.

Когда они оба застыли, он покачал головой.

– Нет, не надо таких ошеломленных лиц. Я просто... я просто хотел сказать это. Думаю, ты бы безумно понравилась ей.

майкен перевела взгляд на айЭма. Снова на него. Потом накрыла ладонь Трэза своей.

– Уверена, она бы мне очень понравилась. айЭм почти весь день рассказывал мне о ней.

– Правда? – спросил Трэз, переводя взгляд на брата. – Рассказывал?

айЭм вернулся с двумя канноли.

– Да. Я хотел, чтобы *майкен* знала, кем была ее невестка.

Иииии от этого защипало в глазах.

Дерьмо.

Переводя взгляд на плиту, Трэз, прокашлялся пару раз.

– Думаю, это прекрасно. Это просто... прекрасно, правда. Спасибо вам.

Когда он смог снова перевести взгляд, то обнаружил, что они смотрели глаза в глаза, так, будто были признательны за то, что есть друг у друга, будто осознавали, насколько им повезло... будто собирались ценить каждую ночь, проведенную вместе.

Посмотрев на них обоих, Трэз понял, что его королева была права. Если бы он остался с ней в Забвении, то у айЭма не было бы всего этого... этого мгновения, этой женщины, будущего.

Селена была на сто процентов права.

Как бы ни было больно жить без нее, в агонии проводя будущие ночи... видя брата счастливым и любящим... он обретал покой.

Почему-то, посреди вечности и, несмотря на его скорбь, он знал, что в это мгновение был там, где ему положено быть.

Похоже, такова судьба.

Когда айЭм наклонился, чтобы поцеловать свою любимую, Трэз запрокинул голову и беззвучно прошептал: *Спасибо, моя королева. Нам это было нужно.*

КОНЕЦ.

Внимание!

Данный перевод выполнен специально для сайта www.jrward.ru.

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения. После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено.

Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

При использовании материалов ссылка на сайт www.jrward.ru и указание переводчиков/редакторов обязательны.

Как говорится, *draco dormiens nunquam titillandus*, слезно просим.

notes

Примечания

Камни, добываемые в Бирме.

C4 - Citroen C4 - автомобиль французской компании Citroen, входящей в концерн PSA Peugeot Citroen. Начало выпуска - сентябрь 2004 года. В модельном ряду заменил Citroen Xsara.

Шеви - сокp. От Шевроле, автомобильная марка Chevrolet, (в США также неофициально Chevy [Ше'ви]) - марка автомобилей, производимых и реализуемых одноимённым экономически самостоятельным подразделением корпорации General Motors.

Сокр. Служба безопасности.

Джеймс Тиберий Кирк (англ. James Tiberius Kirk, в других переводах - Кёрк) - персонаж научно-фантастического телевизионного сериала "Звёздный путь: Оригинальный сериал", мультсериала "Звёздный путь: Анимационный сериал" и полнометражных фильмов.

"Джонсон&Джонсон" - крупнейший в мире производитель товаров для здоровья человека, лекарственных средств и медицинского оборудования.

Печенье "Миссис Филдс" - речь о Дебби Филдс (Debbi Fields), открывшей сеть магазинов выпечки и добившейся огромных успехов в продаже своих свежих, сделанных по домашнему рецепту печений.

ОПК - сокр. Колдвелловское отделение полиции.

Фусбол Кикер (нем. kicker - футболист) или Фусбол (нем. Fußball - футбол) - настольная игра, основанная на футболе. Кикерщик - человек, играющий в данную игру.

Чика - девушка, цыпочка, от англ. chicken.

Диссоциативное расстройство идентичности (также используются диагнозы расстройство множественной личности, раздвоение личности, расщепление личности) - очень редкое психическое расстройство из группы диссоциативных расстройств, при котором личность человека разделяется, и складывается впечатление, что в теле одного человека существует несколько разных личностей (или, в другой терминологии, эго-состояний). При этом в определённые моменты в человеке происходит "переключение", и одна личность сменяет другую.

Гордон Джеймс Рамзи OBE (англ. Gordon James Ramsay; 8 ноября 1966) - британский шеф-повар шотландского происхождения, известный как первый шотландец, удостоившийся трёх звезд Мишлен. Популярный ведущий британских телешоу The F-Word, Ramsay's Kitchen Nightmares и Адская кухня, а также их американских теле-близнецов.

Национальная футбольная лига (НФЛ) (англ. National Football League (NFL)) - профессиональная лига американского футбола в США. В настоящее время в НФЛ играет 32 команды. Лига была создана в 1920 году под названием "Американская профессиональная футбольная ассоциация" и получила своё нынешнее название в 1922 году.

Grey Goose ("Серый Гусь") - бренд французской водки премиум класса. Изначально создана Сиднеем Френком, затем, в 2004 году бренд купила компания Bacardi. Мэтром брожения для водки "Серый Гусь" стал Франсуа Тибо, который, работая во французском городе Коньяк, разработал оригинальный рецепт производства этой водки.

Куинси Мэтью Ханли - американский рэпер, выступающий под сценическим именем Скулбой Кью (Schoolboy Q). Он также входит в состав группы Black Hippy.

Арби - одна из крупнейших сетей быстрого питания в США.

Джей Уэйн Дженкинс (англ. Jay Wayne Jenkins, род. 12 октября 1977, Колумбия, Южная Каролина), более известный под сценическим псевдонимом Young Jeezy (рус. Янг Джиззи) - американский рэпер.

Ченнинг Мэттью Тейтум - американский актёр, продюсер и модель.

"Супер Майк" (англ. Magic Mike) - фильм Стивена Содерберга. В главных ролях Ченнинг Татум, Алекс Петтифер, Мэттью Бомер, Джо Манганьелло. Фильм частично основан на реальных событиях из жизни Ченнинга Татума, который в 19 лет подрабатывал стриптизером в Тампе, Флорида.

Крих - знак смерти на Древнем Языке.

Mise en place (French pronunciation: ?[mi za plas]) - французский термин, буквально означающий "расстановку по местам", используется на профессиональной кухне по отношению к подготовке ингредиентов до начала следующей смены.

Сальваторе - ресторан айЭма.

Крысиная стая (Rat Pack) - команда деятелей американского шоу-бизнеса 1950-х и 1960-х, которая группировалась вокруг Хамфри Богарта и его супруги Лорен Бэколл. В начале 1960-х гг. лидеры крысиной стаи - Фрэнк Синатра, Дин Мартин, Сэмми Дэвис - часто выступали в клубах Лас-Вегаса и на телевидении с импровизированными комическими и музыкальными номерами.

О мой бог, сокр.

"Куджо" (англ. Cujo) - экранизация произведения Стивена Кинга. Куджо - кличка сенбернара, принадлежащего семье Кэмберов, живущей в городке Касл-Рок. Во время охоты на полях неподалеку от дома Кэмберов, Куджо был укушен летучей мышью, зараженной бешенством.

Сокр. магнитно-резонансная томография.

Сокр. компьютерная томография.

Фибродисплазия оссифицирующая прогрессирующая или ФОП (от лат. fibro - волокно, dis - расстройство, нарушение, plasis - строение, структура и os, ossis - кость, facio - делать; окостенение), мягкая соединительная ткань, которая прогрессивно превращается в кость. Очень редкое и тяжелое по своему течению генетическое заболевание, при котором мышцы, сухожилия и связки постепенно превращаются в кости. Процесс прогрессирует с годами, начинаясь обычно в пределах десятилетнего возраста у детей с мутацией определенного гена. Самые ранние зарегистрированные случаи относятся ко времени 17-х и 18-х столетий.

Ничего, исп.

Сэр Альфред Джозеф Хичкок (англ. Sir Alfred Joseph Hitchcock; 13 августа 1899 - 29 апреля 1980) - британский и американский кинорежиссёр, продюсер, сценарист. До 1939 года работал в Великобритании, затем - в США. Хичкок - кинорежиссёр, творчество которого прежде всего связано с жанром "триллер" (от англ. thrill - "трепет") и с понятием "саспенс" (от англ. suspense - "напряжение"). Хичкок умел мастерски создавать в своих фильмах атмосферу тревожной неопределённости и напряжённого ожидания.

Кроксы (Crocs) - крокодилоподобные сандалии из резины Croslite патентованного состава. Это даже не резина, а материал из закрытых ячеек, заполненных смолой природного происхождения. Под воздействием температуры тела он принимает форму ноги. Ещё крослайт очень лёгкий и обладает антибактериальными свойствами.

"Гангстер" (англ. American Gangster) - американская историческая криминальная драма 2007 года, режиссёра Ридли Скотта. Мировая премьера состоялась 2 ноября 2007 года. Дата выхода в России - 13 декабря 2007 года.

FedEx Corporation (в русском произношении Федэкс корпорейшн; NYSE: FDX) - американская компания, предоставляющая почтовые, курьерские и другие услуги логистики по всему миру. Входит в список Fortune 1000 по итогам 2012 года (70-е место).

Эндрю Джексон (англ. Andrew Jackson, 15 марта 1767 года, Уэксхоу, штат Южная Каролина, - 8 июня 1845 года, Нэшвилл, штат Теннесси) - 7-й Президент США (1829-1837). Первый президент США, избранный как кандидат от Демократической партии; считается одним из её основателей. Эндрю Джексон изображён на современной американской купюре в 20 долларов.

Lincoln Navigator - полноразмерный внедорожник, построенный на общей базе с Ford Expedition. Производство Navigator началось 14 мая 1997 года. Примечательно, что это первый внедорожник марки Lincoln. Несмотря на довольно высокую цену в \$42 000, первый год продаж в США составил 44 000 автомобилей. Cadillac Escalade также нашёл немало поклонников. Все поколения этого автомобиля используют 5,4-литровый двигатель.

GPS-навигатор - устройство, которое получает сигналы глобальной системы позиционирования с целью определения текущего местоположения устройства на Земле. Устройства GPS обеспечивают информацию о широте и долготе, а некоторые могут также вычислить высоту.

Форт-Нокс (англ. Fort Knox) - военная база США, находится почти в центре военного городка Форт-Нокс в 30 милях к юго-западу от Луисвилла, штат Кентукки и занимает площадь в 44 000 га (440 км²). В настоящее время принадлежит американской армии и до 2010 года использовалась в качестве школы танкистов. В период с 2005 по 2010 год Танковая школа Армии США была переведена из Форт-Нокса на базу Форт-Беннинг.

20 градусов по Цельсию.

E350 4matic - автомобиль марки "Мерседес".

"Скандал" (англ. Scandal) - американский драматический телесериал, созданный Шондой Раймс с Керри Вашингтон в главной роли, который транслируется на канале ABC с 5 апреля 2012 года по настоящее время. В центре сюжета находится антикризисный менеджер Оливия Поуп, которая вместе со своей компанией разрешает сложные проблемы богатых клиентов, а также сотрудники Белого Дома, где раньше работала Оливия. Идея сериала была основана на жизни и карьере Джуди Смит, бывшего руководителя пресс-центра Джорджа Буша-старшего, которая является одним из продюсеров проекта.

"Настоящие домохозяйки из Нью-Джерси". - реалити-шоу.

Фред Астер (англ. Fred Astaire; настоящее имя Фредерик Аустерлиц, англ. Frederick Austerlitz); 10 мая 1899 - 22 июня 1987) - американский актёр, танцор, хореограф и певец, звезда Голливуда, один из величайших мастеров музыкального жанра в кино. Его называли величайшим танцором XX века. Кроме того, Фред Астер считается танцором, оказавшим наибольшее влияние на жанр мюзикла, в частности в кино и на телевидении. Американский институт киноискусства назвал его пятым в списке величайших кинозвёзд в истории Голливуда.

В фильме "Феррис Бьюллер берет выходной" главный герой Феррис с помощью синтезатора имитирует кашель, потом звуки рвоты, изображая болезнь по телефону.

"Феррис Бьюллер берёт выходной" (англ. Ferris Bueller's Day Off), также известный, как "Выходной день Ферриса Бьюллера" - кинофильм, снятый в 1986 году режиссёром Джоном Хьюзом. В декабре 2014 года был внесён в Национальный реестр фильмов США, обладая культурным, историческим или эстетическим значением.

Братья Харди - серия детских детективов, написанных различными литературными призраками под псевдонимом Франклин У.Диксон. Выходит с 1927 года в США. В России эти книги были выпущены издательством "Совершенно Секретно" в серии "Детский детектив". Всего о братьях Харди в разных сериях разными писателями было написано около 390 книг.

Яппи (молодой преуспевающий и амбициозный человек, проживающий в городе, ведущий здоровый образ жизни и стремящийся к карьерному росту; образ жизни его противоположен образу жизни хиппи).

Сокр. "Джек Дэниэлс" и "Джим Бим", марки виски.

"Мотрин" - болеутоляющее и жаропонижающее средство.

"Папа Джонс" - сеть пиццерий.

Таун&Кантри - автомобиль марки "Крайслер".

Фенуэй Парк - бейсбольный стадион возле Кенмор-сквера в Бостоне, штат Массачусетс. На этом стадионе с 1912 года проводит свои домашние матчи команда "Бостон Ред Сокс". Фенуэй Парк - старейший стадион, на котором проходят матчи Главной лиги бейсбола.

"Сирок" - виноградная водка.

Ксанакс - лекарственное средство, анксиолитик (противотревожное средство), производное бензодиазепина средней продолжительности действия, которое используется для лечения тревожных расстройств, панических атак.

Бой скауты, ошибка Кора.

Начальный период развития зародыша.

Диета Аткинса (англ. Atkins diet) - официально называемая система питания Аткинса - низкоуглеводная (low-carbohydrate) диета, разработанная кардиологом Робертом Аткинсом. Диета Аткинса ограничивает потребление углеводов для переключения обмена веществ с использования в качестве энергетического "топлива" глюкозы на сжигание накопленных в теле человека жиров.

Аллюзия к "Волшебнику из страны Оз", где ураган уносит главную героиню из Канзаса в Страну Оз.

36,6 градусов по Цельсию.

"Звёздный путь" (англ. Star Trek) - популярная научно-фантастическая медиафраншиза, включающая на сегодняшний день шесть телевизионных сериалов (в том числе мультипликационный), 12 полнометражных фильмов, сотни книг и рассказов, огромное количество компьютерных игр. По мотивам киноэпопеи создано множество фан-арта. "Звёздный путь" внёс существенный вклад в американскую массовую культуру и породил оригинальную субкультуру.

Эндшпиль (от нем. endspiel - "конец игры") - заключительная часть шахматной партии.

Предвестник припадка.

Audemars Piguet - швейцарская компания - производитель часов класса "люкс". Основана в 1875 году Эдвардом-Огюстом Пиге и Жюлем-Луи Одемаром, жителями небольшого городка Le Brassus.

Спасенные звонком - американский сит-ком, транслировался по NBS с 1989 по 1993 год.

Бургер с говядиной Вагю. Вагю - изысканный вид мраморной говядины, полученной от японских коров кобе, выращенных по специально технологии. Под Вагю понимают совокупность нескольких пород, генетически предрасположенных к мраморности мяса (накоплению жировых прослоек) и высокому содержанию олеиновых кислот (омега-3 и омега-6). Мясо коров кобе еще считается одним из наиболее ценных в мире видов говядины. Обладает естественным ароматом и сочностью вкуса.

Стейк "Нью-Йорк" делается из поясничного отруба и отличается нежностью и низким содержанием жира, при этом обладая насыщенным ароматом.

Pan American World Airways или Pan Am - одна из крупнейших авиакомпаний в истории США. Была основана в 1927 году как "Pan American Airways", прекратила существование в 1991 году. Pan American внесла значительный вклад в становление международных авиаперевозок, выступила стартовым заказчиком таких ключевых для развития авиации типов самолетов, как Boeing-707, Boeing-747, а также одной из первых авиакомпаний стала применять компьютеризованные системы бронирования билетов.

"Поймай меня, если сможешь" (англ. Catch Me If You Can) - американская детективная трагикомедия режиссёра Стивена Спилберга, основанная на книге, написанной в соавторстве со Стэном Реддингом, которая повествует о реальных событиях из жизни Фрэнка Абигнейла. Премьера фильма состоялась 25 декабря 2002 года.

Американские светские львицы 50-х годов.

"Кул Ранч" и "Ориджинал" - речь о вкусах чипсов "Доритос".

Джеффри Майкл "Джефф" Гордон (англ. Jeffery Michael "Jeff" Gordon, род. 4 августа 1971, Вальехо, Калифорния, США) - американский автогонщик.

"Крепкий орешек" (англ. Die Hard series) - серия фильмов-боевиков, начавшаяся фильмом "Крепкий орешек" 1988 года, основанном на романе 1979 года "Ничто не вечно" Родерика Торпа. Все пять фильмов сосредоточены на персонаже Джона Макклейна (Брюс Уиллис) - нью-йоркском детективе полиции, сражающегося с группами террористов в каждом эпизоде.

Антре (от фр. entree - вход, вступление) - первое блюдо, лёгкая закуска, подаваемая за час-полтора перед парадным обедом в другом помещении. В XIX веке в России под словом антре понималась закуска, подаваемая на подносах во время праздников (бутерброды, спиртные напитки, солёные огурцы). К концу XIX века поднос с антре уже подавался на стол.

Харольд Аллен Рамис (англ. Harold Allen Ramis; 21 ноября 1944, Чикаго, Иллинойс - 24 февраля 2014, там же) - американский актёр, кинорежиссёр и сценарист.

"Добровольцы поневоле" (англ. Stripes) - кинофильм 1981 года производства США. Премьера состоялась 26 июня 1981 года в США.

Уильям (Билл) Джеймс Мюррей (Маррей, Марри, Мэрри, англ. William James Murray; род. 21 сентября 1950) - американский актёр, кинорежиссёр, сценарист и продюсер, лауреат премий "Золотой глобус" и BAFTA. Наиболее известен по многолетнему сотрудничеству с режиссёром Уэсом Андерсоном и фильмам "Охотники за привидениями" (1984), "День сурка" (1993), "Трудности перевода" (2003), "Сломанные цветы" (2005) и другим.

Калаш - сленг. автомат Калашникова.

Циркадные (циркадианные) ритмы - циклические колебания интенсивности различных биологических процессов, связанные со сменой дня и ночи. Период циркадных ритмов обычно близок к 24 часам. Циркадные ритмы присутствуют у таких организмов как цианобактерии, грибы, растения, животные.

Королева Елизавета.

"4 июля"

PODS - сервис по транспортировке вещей.

1) Авиационная скорая помощь 2) Военный санитарный вертолет, предназначенный для эвакуации раненых с поля боя (От MEDical EVACuation)

Ходячих Мертвецов.

Песчанки - подсемейство отряда грызуны.

Марка водки.

Клиффорд Джозеф Харрис-мл. (англ. Clifford Joseph Harris, Jr.; 25 сентября 1980 года, Атланта, Джорджия, США), более известный под сценическим именем Т.И. (рус. Ти Ай) или Т.И.Р. (рус. Ти Ай Пи) - американский рэпер, актёр и продюсер хип-хоп-музыки.

"Кони Айленд спешл" - хот-дог в сдобной булочке с соусами. Кони-Айленд - место, где появился первый ларек, продающий настоящие хот-доги.

Трээ скрестил два бренд - "Патагония" и "Гуччи".

Формайка является одним из самых устойчивых покрытий. Формайку производят различных цветов, моделей и конструкций, а также глянцевого и матового покрытия. Её используют для столешницы и многих других покрытий. Состоит формайка из листов, которые сначала пропитывают смолой, а затем под огромным давлением и высокой температурой соединяют, образуя жёсткий лист.

Сандей (англ. sundae) - десерт из мороженого. Обычно готовится из шариков мороженого, украшенных фруктовым сиропом или желе, измельчёнными орехами, шоколадом, взбитыми сливками и ягодами.

Радиостанция.

Dj Khaled (наст. имя Халед бен Абдул Халид, родился 26 ноября 1975, Новый Орлеан, Луизиана) - хип-хоп исполнитель, битмейкер, музыкальный продюсер.

Речь о бестселлере "Виноваты звезды".

Marisol - сокр. От Maria de la Soledad - Одинокая Мария, Мария-Отшельница, одно из имен Девы Марии.

Hewlett-Packard Company (HP, произносится Хьюлетт-Паккард, Эйч-Пи) - одна из крупнейших в США компаний в сфере информационных технологий и кибернетики, поставщик аппаратного и программного обеспечения для организаций и индивидуальных потребителей. Штаб-квартира компании расположена в Пало-Альто в Калифорнии (США).

Сокр. О-мой-Боже.

Сокр. О-мой-Боже-черт-возьми.

"Йо-Хо" (англ. Yoo-hoo) - пакетированный шоколадный напиток.

Сунь Цзы - китайский стратег и мыслитель, живший в 6 веке до н.э. Автор знаменитого трактата о военной стратегии "Искусство войны".

Нестероидные противовоспалительные препараты - группа лекарственных средств, обладающих обезболивающим, жаропонижающим и противовоспалительными эффектами.

Барбасол - средства для бритья.

"Жиллет" - производитель аксессуаров для бритья и ухода за телом.

"Робб Репорт" - нишевый журнал о предметах роскоши: эксклюзивных машинах, яхтах, ювелирных изделиях и т.д.

Филлип Кэлвин "Фил" Макгроу (англ. Phillip Calvin "Phil" McGraw, род. 1 сентября 1950) - американский психолог, писатель, ведущий телевизионной программы "Доктор Фил".

"Бутик Блубеллс" - испанская марка одежды для детей и подростков.

Посттравматическое стрессовое расстройство - психическое расстройство, возникающее в ответ на физическую или психическую травму, когда непосредственное стрессовое воздействие травмы уже закончилось (трансформировалось). Проявляется страхом и дисфорией, депрессией, замкнутостью, псевдоаутистическими симптомами.

Zemuh, с англ. - Очевидно, единица измерения у симпатов, данный термин не встречается ни в одном источнике.

По фаренгейту = 0 градусов по Цельсию.

Хранитель - (в оригинале "ghardian" - искаженное "guardian", англ. - страж, защитник, хранитель, опекун) - личный хранитель. Хранители имеют разные статусы, самым влиятельным из которых, является хранитель отстраненной женщины.

Тактика "выжженной земли" - превращение оставляемой противнику территории в опустошённую зону.

Аппарат искусственного кровообращения.

Должность, предназначенная для наблюдения и регистрации подобных событий.

Стивен Джон "Стив" Уилкос (дата рождения 9.03.1964) -американский телеведущий, ведет Шоу Стива уилкоса" с 2007 года.

Крысиная стая (Rat Pack) - команда деятелей американского шоу-бизнеса 1950-х и 1960-х годов, которая группировалась вокруг Хамфри Богарта и его супруги Лорен Бэколл. В начале 1960-х годов лидеры крысиной стаи -Фрэнк Синатра, Дин Мартин, Сэмми Дэвис - часто выступали в клубах Лас-Вегаса и на телевидении с импровизированными комическими и музыкальными номерами.

Канноли (итал. cannoli - "трубочки") - традиционный сицилийский десерт, представляющий собой вафельную хрустящую трубочку, наполненную начинкой из сыра маскарпоне, взбитого творога или рикотты с добавлением различных сиропов (чаще со вкусом ванили или шоколада), вина марсалы или розовой воды.